

Министерство культуры Ростовской области

Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Археологический музей-заповедник «Танаис»

ВЕСТНИК ТАНАИСА

ВЫПУСК 6

*Посвящается 200-летию открытия местонахождения Танаиса (1823 г.)
и 170-летию начала его археологического изучения (1853 г.)*

х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области

2024

УДК 93, 314.9, 502, 902, 908, 929, 930.2
ББК 28.588, 60.6, 63.3(2...), 63.4(2), 79

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Перевозчиков – главный редактор, директор ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», кандидат исторических наук.

И.В. Толочко – заместитель главного редактора, заведующая сектором изучения и сохранения объектов культурного наследия ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», кандидат исторических наук.

Л.С. Ильюков – старший научный сотрудник сектора изучения и сохранения объектов культурного наследия ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», кандидат исторических наук.

Н.В. Заболотских – технический редактор, ответственный секретарь, заведующая отделом представления музейного фонда, городища и округа Танаиса ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Н.А. Кикичева – корректор, переводчик, хранитель музейных предметов отдела комплектования, учета, хранения и изучения музейного фонда.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Е.В. Вдовченков, доктор исторических наук

Б.А. Раев, кандидат исторических наук

Иллюстративный материал, использованный при издании сборника, предоставлен авторами статей

Вестник Танаиса. Выпуск 6. Хутор Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис». 2024 г. 322 с.: илл.

Первый выпуск Вестника Танаиса вышел из печати в 1994 г., второй в 2007 г., третий в 2012 г., четвертый в 2017 г., пятый в 2019 г.

Шестой выпуск Вестника Танаиса посвящён результатам археологических исследований Танаиса и его округа, коллекциям, хранящимся в депозитариях ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», применению экспериментальных методов в археологии, музейному делу, истории археологических исследований Танаиса, прошлому и настоящему музея-заповедника «Танаис», истории Донской археологии.

Представляет интерес для археологов, историков, краеведов, музейных работников, студентов исторических факультетов ВУЗов, всех, кто интересуется археологией, историей и культурой юга России и Донского края.

На обложке помещены избранные иллюстрации из статей авторов настоящего сборника

ISBN 978-5-91951-837-2

© ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», 2024 г.

© Коллектив авторов, 2024 г.

Ministry of Culture of Rostov Region

State Establishment of Culture of Rostov Region
Archaeological Museum-Reserve "Tanais"

VESTNIK TANAISSA

ISSUE 6

*Dedicated to the 200th anniversary of the discovery of the location of Tanais (1823)
and the 170th anniversary of the beginning of its archaeological study (1853)*

Nedvigovka Myasnikovski district Rostov region

2024

СОДЕРЖАНИЕ

Перевозчиков В.И. Музей-заповедник «Танаис». История и современность. Краткий очерк. 6

ИССЛЕДОВАНИЯ ТАНАИСА И ЕГО ОКРУГИ

<i>Батиева Е.Ф.</i> Свидетель катастрофы: находка скелета человека из подвала R2 вблизи Южных ворот Танаиса	53
<i>Гарбузов Г.П., Толочко И.В.</i> Лощинные дороги в окрестностях Танаиса	63
<i>Гугуев В.К., Парусимов И.Н.</i> Новые данные о некрополе Кизитериновского городища	71
<i>Ильюков Л.С.</i> Бронзовые амулеты из Танаиса	86
<i>Мисевич К.</i> Результаты геофизической разведки на городище Танаиса в 2019 г.	100

АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ДОНА

<i>Ильюков Л.С., Толочко И.В., Садовая А.Р.</i> Покровский курган – уникальный погребальный ансамбль эпохи бронзы – раннего железного века	118
<i>Дюжова К.В.</i> Данные спорово-пыльцевого анализа из раскопок кургана 14 «Курганного могильника «Покровский»	149
<i>Гугуев В.К., Ильюков Л.С.</i> Комплекс средневекового времени из раскопок Кобяковского курганного могильника	153
<i>Перевозчиков В.И.</i> Уникальный керамический комплекс из раскопок гончарного горна XIV века в городе Азове	170

ИСТОРИЯ ОХРАНЫ И ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ДОНА

<i>Бойко А.Л., Толочко И.В.</i> Донская археология в 1930-х – 1950-х годах (памяти С.М. Маркова)	251
---	-----

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

<i>Шашунова С.М.</i> Золотоордынский костюм из курганного могильника Вербовый Лог VIII. Повторная реставрация и переатрибуция	260
<i>Краснопёров А.А.</i> Хрустальные гранёные бусы в Прикамье	298

ВСПОМНИМ О НИХ

<i>Чеснок П.В.</i> Отец (памяти В.Ф. Чеснока)	316
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	320

CONTENTS

<i>Perevozchikov V.I.</i> The Museum-Reserve "Tanais". History and Modernity. Brief Outline	6
---	---

STUDIES ON TANAIS AND ITS SURROUNDINGS

<i>Batieva E.F.</i> The Witness to the Catastrophe: the Discovery of a Human Skeleton from the Basement R2 near the Southern Gates of Tanais	53
<i>Garbuzov G.P., Tolochko I.V.</i> The Hollow Roads of the Tanais Surroundings	63
<i>Guguev V.K., Parusimov I.N.</i> New Data on the Necropolis of the Kiziterinovsky Settlement	71
<i>Ilyukov L.S.</i> Bronze Amulets from Tanais	86
<i>Misiewicz K.</i> Results of Geophysical Surveys at the Site of Tanais in 2019	100

ARCHAEOLOGY OF THE LOWER DON REGION

<i>Ilyukov L.S., Tolochko I.V., Sadovaya A.R.</i> The Pokrovsky Mound – the Unique Burial Ensemble Dated from the Bronze Age to the Early Iron Age	118
<i>Dyuzhova K.V.</i> Data of spore-pollen analysis from the excavations of Mound 14 of the "Pokrovsky Mound Burial Ground"	149
<i>Guguev V.K., Ilyukov L.S.</i> The Complex of Medieval Period from the Excavations of the Kobyakovsky Burial Mound	153
<i>Perevozchikov V.I.</i> The Unique Ceramic Complex from the Excavations of a 14th-Century Pottery Kiln in the City of Azov	170

HISTORY OF PRESERVATION AND STUDY OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE LOWER DON REGION

<i>Boiko A.L., Tolochko I.V.</i> Don Archaeology in the 1930s–1960s. In Memory of S.M. Markov	251
---	-----

MUSEUM COLLECTIONS

<i>Shashunova S.M.</i> The Golden Horde Costume from the Verbovy Log VIII Burial Mound. Re-conservation and Re-authentication	260
<i>Krasnoperov A.A.</i> Crystal Faceted Beads in the Prikamye Region	298

IN MEMORIAN

<i>Chesnok P.V.</i> Father (In Memory of V.F. Chesnok)	316
--	-----

LIST OF ABBREVIATIONS	320
-----------------------	-----

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТАНАИС». ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. КРАТКИЙ ОЧЕРК

© 2023 г. *Перевозчиков В.И.*

*ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»,
х. Недвиговка, Российская Федерация*

E-mail: tanais.vadim@yandex.ru

Отдельные аспекты истории создания и становления музея-заповедника «Танаис» ранее в ряде статей в той или иной мере освещались. Данная публикация непосредственно посвящена заявленной теме. Подробно рассматривается период развития музея-заповедника в последние два десятилетия, т.к. он в предыдущих публикациях практически не освещался. Статья подробно иллюстрируется архивными документами и фотоматериалами.

Ключевые слова: *археология, аутентичность, благоустройство, выставка, государственное учреждение, городище, директор, здание, интерактивная программа, изучение, историческая реконструкция, консервация, музей, музей-заповедник, музеефицированный раскоп, научное исследование, праздник, посетитель, проект, ремонт, раскопки, реставрация, сохранение, объект культурного наследия, объект недвижимости, земельный участок, памятник, строительство, филиал, фонды, Танаис, туризм, экспедиция, экспозиция, юридический документ.*

THE MUSEUM-RESERVE "TANAIS". HISTORY AND MODERNITY. BRIEF OUTLINE

Perevozchikov V.I.

The history of the creation and establishment of the Museum-Reserve "Tanais" have been covered in a number of articles, but only in certain aspects, partially and to varying degrees of details. This publication is dedicated directly to the stated topic. It examines in detail the period of development of the museum-reserve over the last two decades, as it has been scarcely addressed in previous publications. The article is illustrated with archival documents and photographic materials.

Keywords: *archaeology, authenticity, landscaping, exhibition, government institution, settlement, the Site of Tanais, director, building, interactive program, study, historical reconstruction, conservation, museum, museum-reserve, excavated site, scientific research, holiday, visitor, renovation project, excavations, restoration, preservation, cultural heritage site, real estate object, land plot, monument, construction, branch, funds, Tanais, tourism, expedition, exposition, legal document.*

Археологический музей-заповедник «Танаис» – первый из созданных в РСФСР археологических музеев-заповедников. Музей-заповедник возник на базе раскопанных археологами участков уникального памятника – самого крайнего в Ойкумене северо-восточного центра античного мира – города Танаиса, основанного боспорскими греками в первой трети III в. до н.э. и просуществовавшего до V века нашей эры. Сегодня музей-заповедник «Танаис» –

одно из основных звеньев южно-российского туристического маршрута «Золотое кольцо Боспорского царства» (рис.1).

Ученые знали о существовании Танаиса, «второго после Пантикапея торжища варваров», по упоминаниям в трудах античных авторов (например: Страбон, 1964. С. 71, 106–107, 109–110, 126, 128, 265, 273, 280, 283–285, 315, 466–470, 480, 482, 520, 771) задолго до обнаружения его фактического местонахождения Стемпковским И.А. в 1823 г. (Стемпковский, 1824, 255–256, Стемпковский, 1854. С. 387–396). Но именно Иван Алексеевич, опираясь на свои, по тем временам выдающиеся, знания об античных древностях, смог совершенно верно идентифицировать руинированные остатки каменных строений древнего поселения с «валяющимися по его поверхности фрагментами амфор» на северо-западной окраине казачьего хутора Недвиговка – как древнегреческий город Танаис. В 2023 г. этому знаменательному событию исполнилось 200 лет.

Первые раскопки городища и некрополя Танаиса (Недвиговского городища) в 1853 г. осуществил профессор Московского университета Леонтьев М.Л. (Леонтьев, 1854. С. 396–524). После него значительно менее масштабные археологические работы на памятнике проводили: в 1967 г. Тизенгаузен А.А. (ОАК за 1967 г. С. XIX), в 1870 г. Хицунов П.И. (ОАК за 1870–1871 гг. С. 23–24), в 1908–10 гг. Веселовский Н. И. (Веселовский, 1908. С. 513–514; он же, 1909. С. 246–252). Целый ряд публикаций о Танаисе в донских и центральных изданиях выходит в начале XX в. (Латышев, 1905. С. 94–137; Ильин, 1908. С. 1–18, Краснянский, Ильин, 1909; Краснянский, 1910; Матвеев, 1910; Ильин, 1912. С. 175–190; Матвеев, 1912. С. 171–174; Канский, 1914. С. 137–138; Краснянский, 1914. С. 139–143; Миллер, 1910. С. 86–130; Ушаков, 1914. С. 144–146; Филевский, 1914. С. 174–178). Но первым специальным обобщающим научным трудом о нем, если не считать изданную Ростиздатом в 1939 г. небольшую брошюру М.А. Миллера «Танаис» (Миллер, 1939), стала монография Т.Н. Книпович «Танаис. Историко-археологическое исследование», опубликованная в 1949 году (Книпович, 1949).

Период конца сороковых и пятидесятые годы прошлого века был началом активного археологического изучения Нижне-Донского региона. В 1954 г. здесь начинали свою работу Южно-Донская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА), палеолитическая экспедиция Московского государственного университета (МГУ), в 1955 г. – Нижне-Донская экспедиция Института археологии АН СССР, в 1956 г. – Кобьяковская экспедиция ЛОИА, неолитические экспедиции ЛОИА и Ленинградского государственного университета (ЛГУ) и ряд других экспедиций. В это время здесь проводили широкие разведывательные работы К.Ф. Смирнов, И.С. Каменецкий, П.И. Борисовский, Н.Д. Праслов, Г.А. Федоров-Давыдов, С.А. Плетнева и др. известные советские археологи. Исследования Танаиса начались в 1955 году, когда словами Дмитрия Борисовича Шелова «Институтом археологии АН СССР и Ростовским областным музеем краеведения, при участии ряда других учреждений, была создана Нижне-Донская археологическая экспедиция, главной задачей которой стали раскопки остатков Танаиса – Недвиговского городища и окружающего его некрополя» (Шелов, 1970. С.11).

История создания и становления музея-заповедника «Танаис» ранее в ряде статей, посвященных Танаису, в той или иной мере освещалась (Казакова, Перевозчиков, Федорова, Чеснок, 2007. Св. 7–10; Ванькин, Казакова, Перевозчиков, Федорова, 2007. С. 211–213; Федорова, 2007. С. 214–225; Волошинова, 2012. С. 287–291; Казакова, 2012А. С. 8–28; Федорова, 2012. С. 229–245; Чеснок, 2012. С. 292–295; Перевозчиков, 2014. С. 83–90; Перевозчиков, Федорова, 2017. С. 36–37; Чеснок, 2017А. С. 6–9; Чеснок, 2017Б. С. 234–280).

Первые годы работ на Недвиговском городище были ознаменованы целой серией археологических открытий (рис. 2–5). Они выявили хорошую, в сравнении с другими синхронными памятниками, сохранность, дали целую серию уникальных находок. Всё это требовало неординарного подхода к судьбе открытых экспедицией участков городища. В связи с этим уже в 1956 г. родилась идея создания на этом месте музея-заповедника. Тогда такие заповедники существовали только на территории Украины (Херсонес, Ольвия). Публично с этим предложением выступил заместитель директора по научной работе Ростовского

областного музея краеведения (РОМК) С. М. Марков (рис. 13,2; Казакова, 2012А. Рис. 8,2; Казакова, 2012Б. С. 305–306; Маркова-Васильева, 2012. С. 206–307). Именно он, патриот родного края и краевед в истинном понимании этого слова, при поддержке директора РОМК К.А. Величко (рис. 13,1; Казакова, 2012А. Рис. 8,1) и начальника экспедиции Д.Б. Шелова (рис. 13,3; Казакова, 2012А. Рис. 9; Казакова, 2012В. С. 307–308; Шелов, 2012. С. 308–314), сделал все, чтобы идея нашла поддержку у руководства Ростовской области и в Министерстве культуры РСФСР. 15 июля 1958 г. Ростовским облисполкомом было принято историческое Решение № 360 «О создании археологического музея-заповедника в х. Недвиговка Мясниковского района» (рис. 7). В 2023 году этому судьбоносному решению исполнилось 65 лет. В 1960 г. Ростовскому музею краеведения под его филиал «Танаис» было отведено 20,8 га из состава несельскохозяйственных земель колхоза «Правда» Мясниковского района (Решение Ростоблисполкома № 535 от 23 сентября 1960 г.), включающих значительную территорию городища и участок грунтового некрополя (рис. 7). А 1 августа 1961 г. согласно приказу Ростовского областного управления культуры № 226 музей-заповедник был открыт для посетителей (рис. 8).

Роль Нижне-Донской экспедиции Института археологии АН СССР в процессе становления и развития музея-заповедника трудно переоценить. Небольшой штат сотрудников, отсутствие квалифицированных археологических кадров в первые годы существования заповедника не позволили бы обеспечить его нормальное функционирование, если бы не активное участие в его жизни сотрудников экспедиции (рис. 2–5). Начальник экспедиции, доктор исторических наук, выдающийся ученый, в то время зам. директора ИА АН СССР – Д.Б. Шелов (руководил экспедицией с 1955 по 1972 гг.), и костяк экспедиции – Т.М. Арсеньева (рис. 13,5; руководила экспедицией с 1973 по 2011 г.), С.Н. Братченко, А.И. Болтунова, И.С. Каменецкий, Ф.М. Штителман, Е.М. Алексеева, Д.В. Деопик, А.К. Коровина, М.А. Наливкина, Е.Г. Кастанаян и др. принимали активное участие в подборе экспонатов и создании первой археологической экспозиции музея-заповедника. Наряду с находками из Танаиса в ней были использованы также материалы из раскопок курганов и меотских поселений округа Танаиса. Большое значение для музея-заповедника имело и то, что экспедиция в ходе полевых работ, помимо решения чисто научных задач, всегда учитывала необходимость сохранения раскопанных объектов для показа будущим поколениям, планомерно и последовательно формируя экспозицию под открытым небом, затрачивая немалые силы и средства на музеефикацию археологических раскопок.

Итоги первых двух десятилетий работ на памятнике были подведены Д.Б. Шеловым в монографиях: «Танаис и Нижний Дон в III – I вв. до н.э.» (Шелов, 1970) и «Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры» (Шелов, 1972). Исторические выводы, сделанные им тогда, остаются во многом актуальными и сегодня.

За годы исследований Нижне-Донской экспедиции в ее рядах была подготовлена целая плеяда донских археологов - Л.М. Казакова, В.В. Чалый, Л.Н. Гречанова, С.А. Науменко, В.К. Гугуев, И.В. Толочко, С.М. Ильяшенко и мн. др. Нельзя не отметить вклад, который внесли в исследование Танаиса иностранные отряды Нижне-Донской археологической экспедиции: Российско-немецкий (1993–2003 гг.) под руководством Бетгер Б. и Польский (1995–2019 гг.), многие годы возглавляемый Т. Шоллем, а с 2015 по 2019 гг. М. Матерой.

Основная миссия музея-заповедника: сохранение объекта культурного наследия федерального значения «Городище «Танаис» и приспособление его к современному использованию. Из-за постоянного влияния на музеефицированные объекты городища природных факторов, в том числе резких перепадов температур зимой и летом, воздействия солнца и дождевой воды, разрушения каменных кладок не миновать. Для их поддержания в экспозиционном состоянии необходимо проведение систематических противоаварийных и профилактических консервационных работ, основная цель которых – предотвращение угроз и ликвидация последствий разрушений в виде трещин в кладках, выпадения камней, локальных деформаций и даже периодически случающихся обрушений стен.

Консервационно-реставрационные работы на городище были начаты в 1966 г. после изучения опыта аналогичных работ в музее-заповеднике «Херсонес». В 1978–79 гг. специалистами объединений «Росреставрация» и «Союзреставрация» для Танаиса были разработаны рекомендации по методике консервационно-реставрационных работ. Первоначально они проводились музейной бригадой, состоящей из местных мастеров-каменщиков, затем, с начала семидесятых, их осуществлял студенческий реставрационный отряд РГУ под научным руководством старейшины донской археологии Людмилы Михайловны Казаковой (Чеснок, 2017Б. Рис. 5). Начальником реставрационного отряда многие годы был Павел Григорьевич Флюгрант, в последствии, с 2006 по 2020 г., руководивший в музее-заповеднике профильным структурным подразделением (рис. 6, 1–3).

Обязательным условием проведения консервационно-реставрационных работ в Танаисе всегда был археологический контроль на всех этапах их осуществления. Как показала практика, привлечение к реставрации памятника археологии работающих на строительном рынке лицензированных строительных организаций, «имеющих» в своем штате «аттестованных реставраторов», для Танаиса оказалось абсолютно не приемлемым. Технологии, использовавшиеся в древности при строительстве Танаиса, ныне уже не применяются. Из-за эксклюзивности такого рода работ соответствующих специалистов нигде не готовят. Для проведения консервационно-реставрационных работ на объектах городища Танаис требуются специальные исторические знания и немалый опыт работы на самом памятнике, учитывающий строительные технологии и навыки древних мастеров. На сегодня стало абсолютно очевидным, что оптимальным для музея-заповедника «Танаис» является наличие собственного структурного подразделения с штатными профессиональными реставраторами, которые в своей работе должны руководствоваться прежде всего научными отчетами об археологических исследованиях реставрируемых ими объектов. Только так можно гарантировать сохранение уже исследованной археологами части городища Танаис для будущих поколений в аутентичном состоянии. В 2020 г. в музее-заповеднике был создан сектор изучения и сохранения объектов культурного наследия, в задачи которого входят, наряду с археологическими исследованиями, систематическим мониторингом памятника в границах его территории и буферных зон, также очистка музеефицированных раскопов (около 16000 кв. м.) от разрушающего воздействия сорной растительности, консервационно-реставрационные работы (противоаварийные и профилактические). Сектором руководит кандидат исторических наук Ирина Викторовна Толочко. Непосредственно консервационно-реставрационные работы осуществляет специалист по обеспечению сохранности объектов культурного наследия Алексей Александрович Буденко (рис. 6, 4–8).

Не менее важным в деле сохранения объектов археологического наследия является их юридическая защита. За последние 60 лет, наряду с уже перечисленными выше правовыми актами, связанными с созданием музея-заповедника «Танаис» как учреждения, был принят целый ряд других, защищающих титульный памятник музея-заповедника – «Городище Танаис». Первое упоминание о Недвиговском городище, находящемся под охраной государства, появляется в нормативных документах Советского государства в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 10.02.1934 г. В послевоенный период основополагающим стало Постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г., № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР», по которому на государственную охрану был принят памятник археологии «Городище «Танаис». Постановлением определено местонахождение памятника: Ростовская область, Мясниковский район, «у станицы Недвиговской, на правом берегу реки Мертвого Донца». Но границы и территория памятника тогда еще определены не были. Другим Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 января 1980 г. № 54 «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использованию памятников истории и культуры в свете Закона СССР и Закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры» археологический музей-заповедник «Танаис» включен в перечень памятников истории и культуры РСФСР, подлежащих первоочередной реставрации и музеефикации. В развитие данного постановления было принято Решение

Ростовского областного Совета народных депутатов от 31.08.1981 № 631 «Об утверждении охранных зон археологического музея-заповедника «Танаис» и мерах по его благоустройству и развитию» (рис. 10). Этим документом были утверждены охранные зоны и зоны регулирования застройки археологического музея-заповедника «Танаис» в соответствии с проектом, разработанным институтом «Спецпроектреставрация» и согласованным с Министерством культуры РСФСР и Центральным Советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также план мероприятий по развитию и благоустройству музея «Танаис». Решением Малого совета Ростовского областного Совета народных депутатов от 17.12.1992 № 325 на государственную охрану были приняты памятники археологии: «Припортовая часть Танаиса («Нижний город»)», «Курганная группа Недвиговский-II», расположенная на западном участке некрополя городища Танаис и «Курганная группа «Царский», расположенная на северном участке некрополя Танаиса. Указом Президента Российской Федерации от 20 февраля 1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» археологический музей-заповедник «Танаис» был включен в его первый раздел «Историко-культурные заповедники».

В 2005 г. в рамках реализации федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 годы)» по договору от 29.07.2005 г. № 12-07/3-3238 с Управлением культурного наследия, художественного образования и науки Федерального агентства по культуре и кинематографии сотрудниками ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» был проведен мониторинг состояния и использования комплексного объекта археологического наследия федерального значения «Танаис». В результате мониторинга было выделено 5 составных частей Танаиса – основной четырехугольник, западный город, западный пригород, нижний город, некрополь (Ильяшенко, 2007. Рис. 1,1), проведено обследование их технического состояния, уточнены границы с определением координат углов их поворота, составлена необходимая учетная документация (в том числе паспорта на памятник в целом и на каждую его составную часть в отдельности).

Важным правовым документом, обеспечившим юридическую защиту Танаиса в современных реалиях, стал приказ министерства культуры Ростовской области от 31.07.2012 № 326 «Об утверждении границы территории и правового режима земельных участков в границе территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Городище Танаис» (рис. 11). По этому документу территория объекта культурного наследия «Городище Танаис» составляет 31,15 га, в том числе: культурный слой, архитектурно-археологические объекты, открытые в ходе раскопок (экспозиция под открытым небом), погребальные и поминальные объекты, природно-исторический ландшафт в границах территории памятника. В ноябре того же 2012 г. на основании выше уже упоминавшегося решения Ростовского областного Совета народных депутатов от 31.08.1981 № 631 были разработаны землеустроительные дела по описанию местоположения границ объектов землеустройства: зоны охраны археологического музея-заповедника «Танаис» и зоны регулирования застройки археологического музея-заповедника «Танаис» (рис. 12,1). На основании этих документов необходимые сведения были внесены в государственный кадастр недвижимости, что стало для объекта культурного наследия действенной юридической защитой на новом этапе сохранения памятника.

Приказом Министерства культуры Российской Федерации № 421-р от 29.05.2015 г. объект культурного наследия федерального значения «Городище «Танаис», III в. до н.э. – V в. н.э. (Ростовская область)» был зарегистрирован в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры народов Российской Федерации) под номером 611540257800006 (рис. 11). Общая площадь памятника – 275305 кв. м кв. м. Его культурный слой местами достигает 12 м. Территория буферной зоны памятника «Городище «Танаис» составляет без малого 900 га и практически полностью совпадает с границами объекта культурного наследия регионального значения – достопримечательное место «Историко-культурный комплекс «Танаис», утвержденными специальным Постановлением

Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области. Территория учреждения – музея-заповедника «Танаис» в настоящее время включает в себя цитадель Танаиса («основной четырехугольник городища»), значительную часть Западного района и Западного пригорода древнего города, небольшую часть некрополя. Весь Нижний город (2/3 городища на юге), часть Западного района и пригорода и практически весь некрополь (на севере, востоке, и западе) Танаиса находятся под жилой застройкой хутора Недвиговка и на полях СПК «Колхоз им. Шаумяна» и учебно-опытного хозяйства (учхоза) ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Необходимыми мероприятиями по сохранению части городища, располагающейся под частной застройкой хутора Недвиговка мог бы стать выкуп частных домовладений, располагающихся вдоль восточных и южных границ земельного участка учреждения – ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис». В случае их приобретения удалось бы сохранить то, что дошло до наших дней от Нижнего города и Западного района и пригорода, вплотную примыкавших с юга к цитадели и западному крылу Танаиса.

На сегодня можно выделить 5 условных периодов в становлении и развитии музея-заповедника «Танаис», во многом определяющихся личностями, руководившими им в разные годы.

1. **1960 – 1964 гг.** Заведующий филиалом «Танаис» Ростовского областного музея краеведения – **Станислав Никифорович Братченко** (рис. 13,4) – профессиональный археолог, сегодня широко известный в научном мире исследователь древностей эпохи бронзы Нижнего Подонья и Украины, первооткрыватель и исследователь единственной в России Ливенцовской крепости бронзового века, построенной из камня, автор множества статей и нескольких монографий (Казакова, 2012А. Рис. 16; Ильюков, 2012. С. 302–304). Штат заповедника этого периода: 3 человека (заведующий, сторож, смотритель, в летнее время дополнительно еще 2 экскурсовода). Музей-заповедник работает для посетителей только с апреля по ноябрь. На территории возводятся первые строения – щитовые домики: для экспозиции, контора и два сарая. Начинается озеленение территории. В 1961 году создается первая музейная экспозиция. Одновременно на базе открытых работами Нижне-Донской экспедиции участков древнего города закладываются основы экспозиции под открытым небом – музефицированные раскопы – главный объект показа музея-заповедника. Предтечей парка исторических реконструкций стала глиняная хлебопекарная печь – артефакт, привезенный С.Н. Братченко с Нижне-Гниловского городища, установленная у северного входа на усадьбу музея-заповедника и просуществовавшая на этом месте около 10 лет (Чеснок, 2017Б. С. 251–252). Тогда же была заложена основа половецкого святилища – холм с каменной бабой на вершине, окольцованной камнями – крепидой (Там же. С. 252. Рис. 8,1).

2. **1965 – 1971 гг.** Заведующий филиалом «Танаис» – **Людмила Михайловна Казакова** (рис. 13,6,7). О таких людях говорят – подвижник, альтруист, энтузиаст. Перейдя на другую работу (заведующей археологической лабораторией РГУ) никогда Танаис не бросала, принимая активное участие в жизни музея-заповедника, и в первую очередь в его археологических исследованиях. Многие годы руководила археологической секцией Ростовского отделения ВООПИК, где всегда «лоббировала» выделение финансовых средств на раскопки и консервационно-реставрационные работы в Танаисе, как никто понимая значение этого археологического памятника для Ростовской области и России в целом. Во многом, благодаря именно ее усилиям, археологические раскопы на городище были музефицированы (приспособлены для современного использования – показа туристам).

В период заведования Людмилы Михайловны штат музея-заповедника оставался еще малочисленным (3–5 человек), сохранялся сезонный характер работы музея-заповедника. Но уже появляется первое фондохранилище, пробурена первая скважина, обеспечившая музей-заповедник собственной артезианской водой, подведена асфальтовая автодорога от трассы Ростов-Таганрог, обложены кирпичом основные щитовые строения. В 1967 – 1968 гг. создается новая музейная экспозиция. Появившееся у заповедника здание фондов дало возможность оставлять и хранить экспедиционные материалы на месте, не отправляя их в головной музей в

г. Ростов-на-Дону. В 1968 г. создается первая историческая реконструкция на городище – «Жилище танаита», в котором тогда попытались даже воссоздать внутренний интерьер (Чеснок, 2017 Б. С. 258. Рис. 5,4,5).

Последние годы своей жизни Людмила Михайловна проработала в музее-заповеднике, вначале в должности научного сотрудника, а затем ученого секретаря до самой своей кончины 23 апреля 2017 г. Казакова Л.М. курировала такие направления деятельности музея-заповедника, как создание экспозиций и выставок, научно-издательскую деятельность, консервационно-реставрационные работы на городище. Она выступила инициатором возобновления издания «Вестника Танаиса», активно участвовала в подготовке к печати его второго и третьего выпусков; стала автором и основным «двигателем» создания новой экспозиции в построенном в 2007–2008 гг. Музее истории Танаиса – головном музее заповедника сегодня (рис. 18,6).

3. **1972 – 2002 гг.** Руководитель (с 1972 г. – зав. филиалом, с 1990 г. – директор) – **Валерий Федорович Чеснок** (рис. 13,8–10). Он был не только администратором, но и активным общественным деятелем, публицистом, автором нескольких научно-полярных книг и множества статей в периодических изданиях. Самая главная заслуга Валерия Федоровича – музей-заповедник стал известен не только в Ростовской области, но и далеко за ее пределами. Он покровительствовал художникам и поэтам, много лет творившим в музее-заповеднике, воспевшим в своих стихах и песнях древний Танаис и все что с ним было связано.

По своей первой профессии – каменщик – В.Ф. Чеснок много сделал для строительства до сих пор функционирующих в музее-заповеднике зданий и построек (рис. 16,3,5, 17,1,5, 18,1,3,5), крепостную башню (рис. 14,1,2), которую сегодня с чьей-то легкой руки называют «Башня поэтов», выделяющие основные дороги и дорожки стенки и бордюры (рис. 14,3,6), колонны ворот на верхней усадьбе (рис. 14,4,5,7). Именно при нем были заложены основы фирменного стиля музея-заповедника, которого при возведении новых построек мы придерживаемся и сегодня.

Вначале, как и на предшествующих этапах, формы работы с посетителями были традиционными: экскурсии по музею и городищу в период туристического сезона (апрель–октябрь). Но уже с 1984 г. начали проводиться первые исторические практикумы и уроки древних ремесел. В 1980 г. состоялось первое событийное мероприятие на территории музея-заповедника – поэтический праздник «Пушкин и древности» (Волошинова, 2012. С. 287–291; Чеснок, 2012.С. 292–295. Рис. 2). Праздник стал ежегодным. Традиция его проведения сохраняется и сегодня – в ближайшее ко дню рождения великого поэта воскресенье июня (рис.28,3).

В годы директорства В.Ф. Чеснока создается целая серия исторических реконструкций (Чеснок, 2012. С. 293. Рис. 1, 2; Чеснок, 2017Б. С. 258–262, рис. 6–10): участок западных оборонительных укреплений Танаиса в масштабе 1:10 (рис. 20,5; научный консультант – Шелов Д.Б., строитель – В.Ф. Чеснок, 1974 г.), хижина меота – жителя сельской округи Танаиса (рис. 20,3; научный консультант – Каменецкий И.С., строители – студенты РГУ из отряда «Реставратор», 1976 г.), деревянный «римский» мост через западный оборонительный ров (рис. 20,6; инженер-проектировщик – Кравец В.Н., первостроители – члены студенческого отряда «Реставратор», командир – Флюгрант П., комиссар – Куликов А.; 1982 г.), выше уже упоминавшаяся реконструкция крепостной башни (рис. 14,1,2; строители – В.Ф. Чеснок, его знакомые и друзья, 1985 г.), реставрируется и частично реконструируется половецкое святилище (доцент РГУ, к.и.н. Гуркин С.В. в начале 2000-х гг. силами студентов-историков добавляет еще одну каменную «бабу», поверхность вокруг изваяний и дорожка к ним от подножия холма выкладывается камнем (рис. 20,1).

Как выше уже отмечалось, в 1981 г. были утверждены зоны охраны музея-заповедника «Танаис» общей площадью 1200 га. (рис. 10, 12,1). Они ввели жесткие режимы использования территории памятника: 1) зоны строгого режима, включающие городище, часть грунтового и курганного могильников, с запрещением любого строительства; 2) зоны регулирования застройки, куда вошла значительная часть территории х. Недвиговка, а также

сельскохозяйственные угодья колхоза им. Шаумяна, на площадях которого находится значительная часть курганного некрополя Танаиса; 3) в зону охраняемого ландшафта были включены археологические памятники (курганные могильники, отдельные, известные к тому времени стоянки и поселения, а также памятники природы – родники, микрозаповедник «Степь приазовская»). В те годы музей-заповедник «Танаис» по действующему тогда законодательству выполнял функции по охране памятников истории и культуры в границах своих зон охраны. Утверждение границ охранных территорий имело важное значение для сохранения памятника: удалось остановить реализацию крупных проектов производственной и частной застройки в непосредственной близости от городища и на территории его некрополя.

В 1980 г. построено первое административное строение (рис. 16,3), в 1981 году – здание экспедиционной столовой (рис. 18,1), второе и третье фондохранилища (рис. 16,5 слева, 17,1), павильон «Прибой» (рис. 17,5), в 1986 г. – столярная мастерская (рис. 19,3), в 1990 г. – летние душевые, в 1992 – гараж, в 1994 – новое двухэтажное здание фондохранилища (рис. 15,3), в 1995 – угольная котельная для отопления здания фондохранилища (рис. 18,3).

К концу 1980-х годов устаревшая организационная форма начинает тормозить развитие музея-заповедника по всем направлениям научно-исследовательской, научно-фондовой, экспозиционной и научно-просветительской работы. В 1990 г. по Распоряжению Ростовского Областного Совета № 157 от 13.04.1990 г. филиал Ростовского областного музея краеведения был преобразован в государственное учреждение культуры «Археологический музей-заповедник «Танаис» (рис. 8, 9). За первое десятилетие самостоятельного существования благодаря увеличению штата сотрудников удалось значительно расширить спектр и увеличить масштабы деятельности учреждения.

Не прекращающиеся ни на один год археологические исследования Танаиса Нижне-Донской экспедицией ИА АН СССР за три десятилетия, когда Валерий Федорович руководил музеем-заповедником, фонды учреждения выросли в несколько раз, заметно увеличилась площадь экспозиции под открытым небом. В результате проведенных тогда масштабных консервационно-реставрационных работ раскопы центрального четырехугольника (цитадели Танаиса), включающие оборонительные укрепления и значительный участок кварталов города I – сер. III вв. н.э., и по сей день являются основными при проведении экскурсий по городищу (рис. 21).

В 1993 г. вновь обновляется стационарная экспозиция музея-заповедника. В 1996 г. на грантовые средства на 1 этаже здания фондохранилища создается уникальная постоянно действующая выставка – «Зал амфорных эталонов» – пример открытого тематического хранения фондовых коллекций амфор в диапазоне почти 1000 лет (рис. 24,4).

И после выхода на пенсию в 2002 г. Валерий Федорович Чеснок продолжает работать в музее-заповеднике в должности сначала заместителя директора по связям с общественностью и СМИ, а с 2005 г. – старшим научным сотрудником отдела представления музейного фонда, городища и округа Танаиса. Проводит экскурсии по музею и городищу, разрабатывает сценарии массовых мероприятий и исторических практикумов, занимается издательской деятельностью. Уволился Валерий Федорович по состоянию здоровья 15 июля 2017 г. Но и будучи прикован к постели продолжал сначала писать, а затем диктовать свои публицистические сочинения (по истории Танаиса и Донского края), оставаясь в здравом уме и светлой памяти. Ушел из жизни Валерий Федорович 2 мая 2023 г.

4. **2002 – 2004 гг.** Директор – **В.С. Касьянов**. В эти годы значительно возрастает бюджетное финансирование музея-заповедника, что позволяет начать активную работу по модернизации и реконструкции его инфраструктуры. На северном и южном входах музея-заповедника устанавливаются билетные кассы. Реконструируется южное крыло первого этажа здания фондохранилища. Здесь размещается администрация и бухгалтерия учреждения. К заповеднику подводится природный газ, к каждому из существующих зданий пристраиваются котельные, на территории монтируется система газоснабжения, которая позволила в последующие годы уйти от отопления зданий каменным углем. Проводятся первые консультации по включению городища Танаис в Предварительный список всемирного наследия

ЮНЕСКО. Выполняются работы по созданию эскизного проекта нового музейного здания (рис. 29). Его автор – заслуженный архитектор России В.А. Гаврилов (г. Санкт-Петербург). У музея-заповедника появляется собственный транспорт – микроавтобус «Газель» и легковой автомобиль «Волга».

5. С 2005 г. по настоящее время директор – *автор* настоящей публикации (рис. 13,11,12).

В 2005 году вся недвижимость на территории музея-заповедника, числящаяся в реестре федеральной собственности, была закреплена за учреждением в бессрочное безвозмездное пользование. Используя годовое послабление в земельном законодательстве, в 2008 г. удалось, наконец, зарегистрировать, состоящий из двух частей (северной и южной), земельный участок учреждения (22,4 га) в областную собственность, увеличив его первоначальную территорию на 1,6 га (рис. 12,2).

Первым в 2005 г. был построен общественный туалет со всеми удобствами (свет, вода, канализация, отопление и др.) (рис. 15,1,2). До этого и сотрудники, и посетители музея-заповедника в любое время года вынуждены были ходить в уличный без удобств (рис. 19,1).

В 2005–2008 гг. осуществляется капитальный ремонт здания фондохранилища – лит. А (рис. 15,3,4). Сначала в 2005–2006 гг. на его плоской, вечно протекающей, крыше был возведен дополнительный мансардный этаж (с двускатной крышей), где разместились актовый зал, серверная и фондохранилище, значительно увеличившие полезную площадь здания. В 2007 г. состоялся ремонт 7 практически не используемых ранее подвальных помещений, из которых 5 стали фондохранилищами, остальные – складом материальных запасов учреждения. В 2008 г. отремонтированы и частично реконструированы 1 и 2 этажи здания, на которых сегодня размещаются 5 фондохранилищ, архив и научная библиотека, зал открытого хранения фондов, 3 офисных помещения сотрудников фондов, администрация и бухгалтерия музея-заповедника, комната охраны, комната для приема пищи, туалет.

Одновременно в 2006 г. ремонтируется не используемое несколько лет старое здание фондов-2 (рис. 16,6). 6 его помещений были приспособлены под офисные. Не функционирующие в 2004 г. угольная котельная и угольный склад после реконструкции в 2007 г. стали реставрационной мастерской (рис. 18,4). В другом бывшем здании фондов-3 в 2008 г. также проведен капитальный ремонт, после которого здесь разместились фондохранилище ИЗО и Студия живой истории (рис. 18,5). В 2006–2008 гг. заменена крыша и осуществлен ремонт потолков, стен, полов, окон и осветительного оборудования в бывшем здании фондов-1, по итогу перепрофилированное в 2 независимых музея (с разными входами) – Музей исторического костюма (с востока; рис. 17,3) и Музей детства (с юга; рис. 17,2).

Параллельно в 2006–2007 гг. создается Программа комплексного развития государственного учреждения культуры Ростовской области «Археологический музей-заповедник «Танаис», наметившая основные направления его развития на 2007 – 2011 гг.

Из-за ограниченных возможностей (отсутствие отопления, климат-контроля и др.) старого музейного здания, где с начала создания музея-заповедника располагалась основная экспозиция, в 2007 г. министерством культуры Ростовской области принимается решение о строительстве на средства резервного фонда губернатора Ростовской области современного каркасного быстровозводимого здания, в котором в 2008 – 2009 гг. создается экспозиция нового музея – Музея истории Танаиса (рис. 18,6; 24,1–3). На сегодня последний оснащен всеми нормативно необходимыми современными инженерными системами, вплоть до системы автоматического газового пожаротушения. Старое здание музея после проведенного в нем косметического ремонта и замены осветительного оборудования в 2009 г. было перепрофилировано в Выставочный комплекс, состоящий из 5 залов (рис. 16,1, 13,2).

В 2008 г. отстроен заново действующий деревянный «римский» мост через крепостной ров городища (рис. 20,6). Сегодня назрела необходимость его замены на новый, уже четвертый по счету.

В эти же годы началась активная работа по проектированию нового музейного комплекса на территории музея-заповедника «Танаис». В 2007 г. министерство культуры

заказало ООО «БАЗА Дизайн» дизайн-проект благоустройства территории ГУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» (рис. 30,1). Эти наработки музей-заповедник использует в своей деятельности и сегодня. В 2008 г. на базе эскизного проекта заслуженного архитектора России А.В. Гаврилова началась работа с проектным институтом «Гипрошахт» (г. Ростов-на-Дону) по созданию проекта строительства нового музейного комплекса на территории музея-заповедника «Танаис». Проектирование было прервано экономическим кризисом. В 2011 г. из областного бюджета выделяются средства на создание эскизного проекта генерального плана и отдельных объектов нового современного музейного комплекса на территории музея-заповедника «Танаис». Работу выполнило ООО «ТАМ Гаврилова В.А.» (г. Санкт-Петербург) (рис.30,2). В 2012 г. конкурс министра Ростовской области на создание генерального плана и рабочего проекта музейного комплекса на территории музея-заповедника «Танаис» выиграло ООО «Текстильпроект» (г. Москва). Но его проект не прошел госэкспертизу (рис. 31). Работа в этом направлении вновь была прервана на неопределенный срок.

За последние два десятилетия в музее-заповеднике создана современная инженерная инфраструктура: появился водопровод и канализация, смонтированы системы охранно-пожарной сигнализации, автоматического газового пожаротушения, видеонаблюдения, контроля управлением доступа, включая турникеты и металлодетекторы, внутренняя телефонная и локальная компьютерная сети, охватывающие все функциональные здания музея-заповедника. На всех объектах имеется доступ в Интернет. Территория заповедника обеспечена ночным освещением. Благодаря введению в эксплуатацию дизель-генераторной установки с 2014 г. музей-заповедник стал энергоавтономным.

1 августа 2011 г. музей-заповедник резонансно отметил свое 50-летие (рис. 22). На празднование были приглашены представители журналистского сообщества, ученые-археологи, представители Законодательного собрания, администрации Ростовской области и Мясниковского района, донских музеев и вузов, творческих союзов. В первой половине дня в актовом зале музея-заповедника состоялась научная конференция, приуроченная к юбилею первого в России археологического музея-заповедника, а после обеда пресс-конференция для СМИ. Торжественная часть началась после 16 часов на площадке для массовых мероприятий у Башни поэтов. Общие приветствия официальных лиц – гостей праздника завершились награждением федеральными и региональными грамотами и ценными подарками самых заслуженных сотрудников учреждения. Заключительными актами стали праздничный концерт и торжественный ужин.

В 2012 г. на средства государственной программы «Доступная среда» на Городище построен деревянный пешеходный помост, обеспечивший круглогодичный осмотр посетителями музеефицированных археологических раскопов в любое время года и в любую погоду (рис. 21). В 2023 году на средства областного бюджета проведен его капитальный ремонт (старые пришедшие в негодность деревянные конструкции из сосны были заменены на новые – из лиственницы).

В 2017 году завершился процесс передачи всех зданий и сооружений учреждения из федеральной собственности в областную. Сегодня все, что есть в заповеднике (и земля, и объекты недвижимости), является собственностью Ростовской области (рис. 12,2, 14–19).

С 2015 года музей-заповедник приступил, в основном на заработанные от предоставляемых посетителям услуг средства, к новому тотальному ремонту всех своих зданий и сооружений, модернизации существующих инженерных систем и сетей. Эту работу планируется завершить в 2025 г. На сегодняшний день отремонтированы крыши на Выставочном комплексе, на зданиях Музея исторического костюма, столовой, «сарая», дома археологов. В здании фондохранилища решетки на окнах заменены на ролл-ставни, устроены капитальный навес над входом и водостоки, осуществлен текущий ремонт ряда его помещений, капитальный ремонт актового зала на мансардном этаже, создана и оборудована всем необходимым комната приема пищи для сотрудников, фасад здания облицован фактурной плиткой цвета танаисского камня (рис. 15,4). Проведены отделочные работы на фасадах других

кирпичных зданий музея-заповедника. Полностью отремонтированы: Музей исторического костюма (рис. 17,3, 23,6) и Музей детства (рис. 17,2), здание отдела представления музейного фонда, городища и округа Танаиса (рис. 16,4), дом археологов (рис. 15,6), здания столовой (рис. 18,2), реставрационной мастерской (рис. 18,4), «сарая» (рис. 17,4), душевых (рис. 19,5), павильона «Прибой» (буфет и билетная касса; рис. 17,6), уличного туалета (рис. 19,2). В 2021 г. осуществлен капитальный ремонт (а по сути реконструкция) самого первого музейного здания заповедника, в котором сегодня располагается Выставочный комплекс (рис. 16,2, 23,3,4). Здесь заменено буквально все – полы, стены, потолки, инженерные системы, в том числе осветительное оборудование, система отопления и кондиционирования воздуха, охранно-пожарная сигнализация. Сегодня в его 5 залах экспонируются постоянные и временные выставки, как из фондов самого музея-заповедника, так и привозные. Реконструирована насосная станция, обеспечивающая музей-заповедник водой (надстроен 2 этаж, на котором установлены резервные емкости для воды). Это позволило демонтировать отдельно стоящую непосредственно рядом с городищем водонапорную башню с уродливой цистерной на ее вершине (рис. 19,6). Сделаны навесы для работы реставраторов на открытом воздухе и для хранения летней уличной мебели. Газовые котлы в ряде зданий заменены на новые. Отремонтированы крыша и оба этажа Башни поэтов. В здании столовой и около него устроен уличный буфет (рис. 25,1).

Из года в год ведется целенаправленная работа по благоустройству территории музея-заповедника. Проведено асфальтирование подъезда к музею-заповеднику, основных дорог и площадок на его главной усадьбе (рис. 14,3–6), устройство клумб, бассейнов для водяных лилий (рис. 25,3), новых дорожек из природного камня, создана детская познавательно-игровая площадка с навесом для проведения уроков древних ремесел (рис. 25,2), территория зоны отдыха посетителей обеспечена скамейками и столами, информационно-рекламными щитами, указателями и табличками, включая экспозицию под открытым небом. Помост на городище оборудован ночным освещением и системой видеонаблюдения за музеефицированными раскопами. Для посетителей у здания билетной кассы на верхней усадьбе музея-заповедника смонтирован стационарный уличный стол с навесом из керамической черепицы (рис. 17,6).

При создании любых объектов благоустройства мы стремимся сделать их максимально приближенными к аутентичным, что обеспечивает территории музея-заповедника «Танаис» свой, не похожий на другие музеи-заповедники, фирменный стиль (рис. 15,2,4, 17,4,6, 18,2,4,5, 24,5–7, 25,3, 28,3–6). В работах по благоустройству используется природный камень из культурного слоя Танаиса, дерево (вместо металла), керамическая кровельная ретро-черепица, тырса из местных карьеров.

Для крупногабаритных музейных предметов, которые невозможно поместить в здании фондохранилища и ранее находившихся под открытым небом, устроены специальные навесы в виде античных портиков, защищающие экспонаты от разрушающего воздействия дождя и прямых солнечных лучей. Под ними разместились 3 выставки на открытом воздухе: «Половецкие изваяния» (рис. 24,5), «Глиняные бочки-пифосы» (рис. 24,6), «Тяжелое вооружение античной эпохи» (рис. 24,7).

В депозитариях музея-заповедника сегодня хранится более 160 тыс. музейных предметов из раскопок Танаиса и его округа (поселения и могильники). Хронологически фондовая коллекция музея-заповедника охватывает период от древнекаменного века до позднего (XII – XIV вв.) средневековья. Есть в фондах и коллекция находок XVII – XVIII вв. из раскопок турецкой крепости Лютик (Сед-Ислам). Но безусловно основная часть музейного фонда – это материалы археологических исследований городища и некрополя Танаиса; лучшие из них экспонируются в музеях заповедника (рис. 23, 24).

Сегодня в музее-заповеднике можно осмотреть следующие объекты экспозиционного показа: Музей истории Танаиса (рис. 18,6, 24,1–3), Музей исторического костюма (рис. 17,3, 23,6), Выставочный комплекс» (рис. 16,2, 23,4), Городище «Танаис» – музеефицированные раскопы античного города на площади около 2 га (рис. 1,1, 21), а также исторические реконструкции – половецкого святилища (рис. 20,2), хижины меота – жителя сельской округи

Танаиса (рис. 20,4), крепостной башни (рис. 14,2 28,6), деревянного «римского» моста через ров (рис. 20,6, 26,1,2) макет участка западных оборонительных укреплений Танаиса в масштабе 1:10 (рис. 20,5), в здании фондохранилища находится зал открытого хранения музейных фондов – «Зал амфорных эталонов» (рис. 24,4).

Музей-заповедник открыт для посетителей 364 дня в году. Посещаемость его объектов экспозиционного показа за последние 10 лет увеличилась на 20 тыс. человек, достигнув отметки в 67000. Туристам предлагаются не только традиционные экскурсии по выше перечисленным музеям и Городищу (рис. 21,1, 21,1–3), но и оригинальные образовательные интерактивные программы (рис. 26,4–6, 27), в том числе: исторические практикумы по древним ремеслам – гончарному («Глиняная азбука»), прядильно-ткацкому («В мастерской у Арахны»), валянию войлока («Войлок древних кочевников»), изготовлению кукол из природных материалов («Непостижимая загадка куклы»), выпечке лепешек на открытом огне («Хлеб для бога»), чеканке монет по древней технологии; познавательные уроки-квесты – «Занимательная археология», «Город из песка», «От рисунка до каллиграфии», «Как одевались предки», «Волшебный свисток», «В гостях в каменном веке»; театрализованные программы, реконструирующие древние обряды и игрища – «Обряд посвящения в танаиты», «Свадьба в Танаисе», «Новый год в Танаисе»; а также: специализированные интерактивные экскурсии для самых маленьких (детей дошкольного и младшего школьного возраста) – «Путешествие в загадочный Танаис», «Знакомство с Танаисом»; одно и двухдневные программы для детей и взрослых – «День в древнем городе», «В гостях у Клио» и др. Основной педагогический метод работы с детьми: «погружение в древность». Его цель – дать ребенку возможность почувствовать себя в процессе театрализованной игры или творческого занятия участником определенного бытового, трудового или праздничного эпизода древней жизни. Это оказывает яркое эмоциональное воздействие, несущее как следствие и образовательное, и воспитательное значение.

Традиционно множество гостей привлекают в Танаис событийные мероприятия, проводящиеся с использованием античной символики, древних обычаев и традиций. В эти дни вход на территорию заповедника бесплатный. В мае: детский праздник «Весна в Танаисе», каждый год посвященный тому или иному представителю флоры и фауны (рис. 28,1,2), и спортивные состязания для младших школьников «Донская Олимпия». Но самыми массовыми являются: поэтический праздник «Пушкин и древности – в первое воскресенье июня (рис. 28,3), и главный, наиболее масштабный, театрализованный праздник «День Танаиса» – в середине сентября (рис. 28,4–6). Последний разработан по мотивам одноименного античного торжества – Праздника реки и города Танаис, о котором сообщает текст на мраморной плите, датированный 401 годом боспорской эры (104 год н.э.), найденной на памятнике в 1913 году и сегодня хранящейся в Новочеркасском музее истории донского казачества. В программе: непрерывающееся действо на площади у «Башни поэтов» – обрядовые мероприятия, театральные представления, концертные номера (живая инструментальная музыка, песни и танцы), «Танаисские олимпийские игры» (соревнования профессиональных студенческих команд), анимация, конкурсы, викторины и спортивные состязания для зрителей, на других площадках музея-заповедника проводятся мастер-классы по древним ремеслам и исторические практикумы, весь день работают музейные экспозиции и выставки, «Античный стрелковый тир», ателье «Фото в историческом костюме», детская познавательная игровая площадка с «Амфорным тиром» и «Археологической песочницей», ярмарка ремесленников, в т.ч. чеканка монет, изготовление керамики на гончарном круге и памятных грамот с сургучными печатями и мн. др. – все по древним технологиям и в античном стиле. Для гостей музея-заповедника в «День Танаиса» появляется уникальная возможность погрузиться в неповторимую атмосферу далекого прошлого, превратившись в активного участника праздничного действа.

Музей-заповедник активно популяризирует объекты археологического наследия, находящиеся на его территории, издавая рекламные и информационные буклеты, путеводители, наборы открыток, научные сборники, разнообразную научно-популярную литературу. Большую роль в пропаганде памятника играют: официальный сайт музея-заповедника «Танаис»

– museum-tanais.ru (функционирует с 2011 г.), сайты партнеров музея-заповедника, посвященных археологии, музеям, культурному наследию и культурно-познавательному туризму, официальные сайты профильных государственных органов, официальные группы музея-заповедника «Танаис» в социальных четах (ВКонтакте и Телеграм), на телевидении и радио. Немаловажную роль в пропаганде Танаиса играют выездные программы и рекламно-пропагандистские акции на межрегиональных и международных форумах, фестивалях и выставках. В течение нескольких лет музей-заповедник принимал активное участие в международном фестивале музеев «Интермузей», который традиционно проводился Министерством культуры Российской Федерации на различных площадках г. Москвы (рис. 25,4–6). По итогам этого фестиваля музей-заповедник «Танаис» дважды награждался дипломами Министерства культуры Российской Федерации: «За полувековую плодотворную научно-исследовательскую деятельность» (2011г.) и «За творческий подход в представлении античного наследия» (2012 г.), призами и ценными подарками, в том числе комплектом аудиогидов в номинации «Лучшие детские образовательные программы» в 2017 г. (рис. 25,5).

В рамках работы по приобщению местных жителей к сотрудничеству в целях сохранения и бережного отношения к объекту культурного наследия, воспитания любви к своей Малой Родине, профилактики подростковой преступности, а также профориентации и подготовки молодых кадров по всему спектру музейных профессий, много делает функционирующая в музее-заповеднике на постоянной основе «Студия живой истории», в которой на безвозмездной основе проводятся занятия с местными школьниками всех возрастов по краеведению и освоению древних ремесел, практически утраченных в наше время (рис. 27,3).

Приезжающие в музей-заповедник в летнее время могут спрятаться от летнего зноя в тени парковых деревьев, полюбоваться экзотическими растениями (рис. 25,3). А кто приедет сюда в мае-июне, увидит с помостов на городище и в крепостных рвах самую настоящую цветущую Донскую степь, какой она была во времена Танаиса две тысячи лет назад.

В билетных кассах каждый турист может приобрести эксклюзивные сувениры и издательскую продукцию по тематике Танаиса. К услугам посетителей на территории музея-заповедника с 2023 г. работает буфет.

В 2020 году начался процесс по включению объекта культурного наследия федерального значения «Городище Танаис» в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО (в Предварительном списке Танаис находится с 2009 г.). На средства областного бюджета были разработаны номинационное досье и план управления объектом культурного наследия. В 2021 году номинационное досье на «Городище Танаис» прошло техническую проверку в Центре Всемирного наследия ЮНЕСКО (Франция, Париж) и было признано полным. Но так как в год для номинирования в Список каждая страна может представлять только по одному объекту, Российская Федерация из трех отечественных объектов, чьи досье были признаны полными, выбрала тогда для номинирования обсерваторию Казанского университета (Татарстан), которая была включена в Список Всемирного наследия после необходимых доработок в 2023 г. За это время изменились правила номинирования объектов культурного наследия. Решением Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО № 44 СОМ 12 в Руководство по выполнению Конвенции 1972 г. была внесена существенная новелла – перед подготовкой номинации объектам необходимо пройти процесс предварительной оценки (п. 122 Руководства). Т.е. на пути к номинированию в Список ЮНЕСКО появился еще один дополнительный обязательный этап, включающий подготовку специального документа установленной формы и время на его рассмотрение и вынесение заключения не менее 2 лет (согласно установленных регламентных сроков). И только после получения положительной оценки наступит очередь сдачи и рассмотрения номинационного досье на объект для его включения в Список всемирного наследия, что в свою очередь также потребует еще не менее 2 лет.

У музея-заповедника большие планы. На северном, ныне пустующем, его участке в перспективе будет построено новое здание музея (рис. 31,2). Здесь же разместятся хозяйственные сооружения (гараж, склады, помещения хозяйственно-технических служб,

очистные сооружения для автономного водопровода и канализации, автономная электростанция), а также большая стоянка для туристических автобусов и легковых автомобилей (рис. 31,1).

На южном (основном) участке музея-заповедника, на исследованных археологами площадях некрополя Танаиса запланировано продолжить расширение парка исторических реконструкций. Основы его, как выше уже отмечалось, были заложены в предшествующие годы. В проекте более масштабные реконструкции: усадьба богатого танаита первых веков нашей эры (рис. 32,1,2), хижина жителя города первой половины V в. н.э. (рис. 32,3). Другое значительное сооружение на южном участке, которое здесь предполагается построить – детский познавательно-игровой комплекс «Маленький Танаис» (рис. 32,4). Его внешняя форма – реконструкция цитадели Танаиса в масштабе 1:3, с каменными стенами и башнями. Здесь же планируется возведение летнего театра в греческом стиле (Одеон) (рис. 32,5). Прорабатывается также вопрос о возведении на территории центрального четырехугольника Танаиса специальных защитных легких конструкций из стекла и пластика для сохранения и показа туристам остатков древних построек в том состоянии, как их раскопали археологи, т.е. с оставлением на местах находок найденных артефактов. Для археологов в восточном секторе южного участка заповедника предполагается строительство специального дома-гостиницы и лабораторного комплекса для камеральной обработки найденных при раскопках материалов (рис. 32,6).

Литература

- Ванькин Е.В., Казакова Л.М., Перевозчиков В.И., Федорова О.М. Общие положения концепции программы комплексного развития ГУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» на 2007-2011 гг. // Вестник Танаиса, 2007. Вып. 2. С. 211–213
- Веселовский Н. И. Танаис-младший. Археологические раскопки в Недвиговке 1908 г. // «Гермес». СПб., 1908, № 19. С. 513–514.
- Веселовский Н.И. Танаис младший. Археологические раскопки 1908 года. // Гермес. СПб., 1909. № 6 (32). С. 246–252.
- Волошинова Л.Ф. Вспоминая первые поэтические праздники // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С.287–291.
- Леонтьев П.М. Разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сборник статей по классической древности. Книга IV / П.М. Леонтьев (ред.). М., 1854. С. 397–524.
- Миллер М.А. Танаис. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1939. 44 с.
- Ильин А.М. Танаис, Тана и Азов. Исторический очерк местности, занимаемой Донской дельтой. Ростов н/Д, 1908. 18 с.
- Ильин А.М. Монеты древнего Танаиса // Записки Ростовского н/Д общества истории, древностей и природы. Т. 1. 1912. С. 175–190.
- Ильюков Л.С. Памяти С.Н. Братченко // Вестник Танаиса, 2012. Вып. 3. С. 302–304.
- Ильяшенко С.М. Верхний и Нижний город Танаиса (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса, 2007. Вып. 2. С. 23–39.
- Казакова Л.М. Как все начиналось... (к 50-летию со дня открытия Археологического музея-заповедника «Танаис») // Вестник Танаиса, 2012А. Вып. 3. С. 8–28.
- Казакова Л.М. Семен Маркович Марков. К 110-летию со дня рождения // Вестник Танаиса, 2012Б. Вып. 3. С. 305–306.
- Казакова Л.М. Дмитрий Борисович Шелов. К 90-летию со дня рождения // Вестник Танаиса, 2012В. Вып. 3. С. 307–308.
- Казакова Л.М., Перевозчиков В.И., Федорова О.М., Чеснок В.Ф., 2007. Археологическому музею-заповеднику «Танаис» - 45 лет. // Вестник Танаиса, 2007. Вып. 2. С. 7–10.
- Канский В.А. Вновь найденные недвиговские плиты // Записки Ростовского н/Д общества истории, древностей и природы. Т. 2. 1914. С. 137–138

- Книпович Т.Н. 1949: Танаис. Историко-археологическое исследование. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 180 с.
- Краснянский М.Б. Остатки древнегреческого поселения на территории г. Ростова-на-Дону // Приазовский край. 1910, № 268.
- Краснянский М.Б. Розыски древних поселений Дона // Записки Ростовского н/Д общества истории, древностей и природы. Т. 2. 1914, с. 139–143.
- Краснянский М.Б., Ильин А.М. К раскопкам древнего Танаиса. По поводу работ проф. Н.И. Веселовского в Недвиговке // Приазовский край, 1909, № 174.
- Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // Известия археологической комиссии. Вып. 14. Спб.: Акад. наук, 1905. С. 94–137.
- Леонтьев П.М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сб. статей по классической древности. Кн. 4. М., 1854. Изд. П. Леонтьева, С. 396–524.
- Маркова-Васильева О.С. Таким мне запомнился мой папа // Вестник Танаиса, 2012. Вып. 3. С. 306–307.
- Матвеев А.С. В городе мертвых. На раскопках древнего Танаиса // Приазовский край, 1910, № 194.
- Матвеев А.С. К раскопкам древнего Танаиса // Записки Ростовского н/Д общества истории, древностей и природы. Т. 1, 1912. С. 171–174.
- Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // Известия археологической комиссии. 1910. Вып. 35. С. 86–130.
- Миллер М.А. Танаис. Ростов н/Д: Ростиздат, 1939. 44 с.
- Отчет археологической комиссии (ОАК) за 1867 г. Петроград: [б. и.], 1862–1918, 1868. XXXII, 224 с.: ил..
- Отчет археологической комиссии за 1870 – 1871 гг. Петроград: [б. и.], 1862–1918, 1874. XLIV, 303 с.: ил.. с. 23–24.
- Перевозчиков В.И. Археологический музей-заповедник «Танаис» // Наука в России. 2014. № 6. С. 83–90.
- Перевозчиков В.И., Федорова О.В. Археологический музей-заповедник «Танаис» // Живописная Россия. Российский географический журнал. 2017. № 5(108). С. 36–37.
- Стемпковский И.А. 1824: О местоположении древнего города Танаиса. (Отрывок из письма к Г. Ст. Сов. Ивану Павловичу Бларамбергу // Вестник Европы. 1824. № 4. С. 251–259.
- Стемпковский И.А. 1854: Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса // Пропилеи. Сборник статей по классической древности. 1854. Кн. IV. С. 387–396.
- Страбон. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратоновского, под общ. ред. проф. С.Л. Утченко, Л.: Наука. 1964. 943 с.
- Ушаков И.И. На раскопках древнего Танаиса // Записки Ростовского н/Д общества истории, древностей и природы. Т. 2. 1914. С. 144–146.
- Федорова О.В. Танаисский «Мусейон» // Вестник Танаиса. 2007. Вып. 2. С. 214–225.
- Федорова О.В. Продолжение мусейона (или Танаис как музейно-педагогическое пространство) // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 229–245.
- Филевский П.П. Танаис прежде и теперь // Записки Ростовского н/Д общества истории, древностей и природы. Т. 2, 1914. С. 174–178.
- Чеснок В.Ф. Башня поэтов // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 292–295.
- Чеснок В.Ф. Музею-заповеднику «Танаис» – 55 лет // Вестник Танаиса. 2017А. Вып. 4. С. 6–9.
- Чеснок В.Ф. Реконструкции в Танаисе // Вестник Танаиса. 2017Б. Вып. 4. С. 234–280.
- Шелов В.Б. О детских и юношеских годах Дмитрия Борисовича Шелова // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 308–314.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III – I веках до нашей эры. М.: Наука. 1970. 252 с.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука. 1972. 350 с.

1

2

РИС. 1. 1 – Археологический музей-заповедник Танаис на северо-западной окраине хутора Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, вид с северо-запада сверху (на заднем плане правый рукав дельты Дона – Мертвый Донец); 2 – карта южно-российского туристического маршрута «Золотое кольцо Боспорского царства».

РИС. 2. НИЖНЕ-ДОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В ТАНАЙСЕ. Конец 1960-е – 1970-е гг.

РИС. 3. НИЖНЕ-ДОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В ТАНАИСЕ. 1970-е – 1990-е гг.

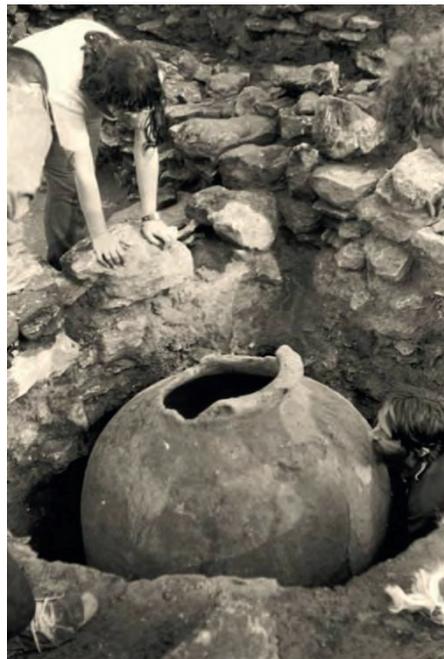
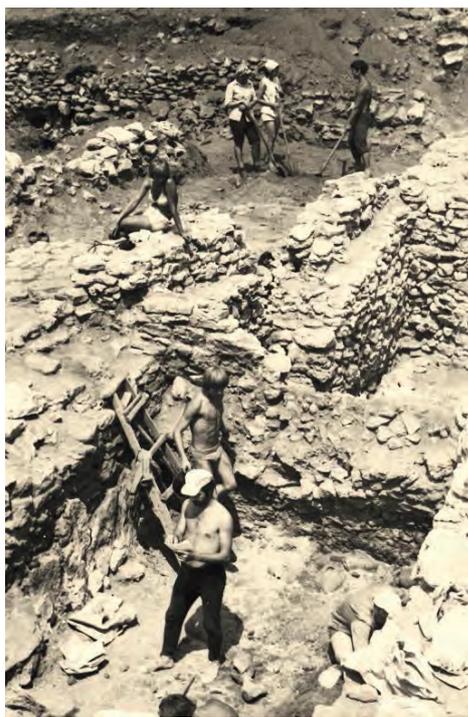
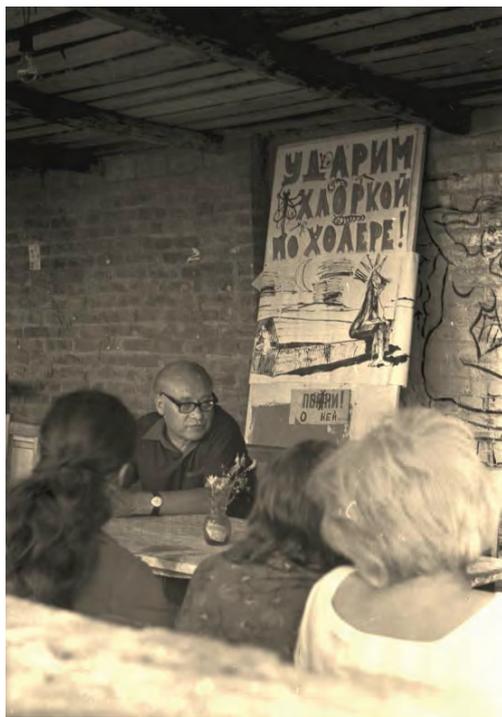

РИС. 4. НИЖНЕ-ДОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В ТАНАИСЕ. 1970-е – 1990-е гг.

РИС. 5. НИЖНЕ-ДОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В ТАНАИСЕ. 1970-е – 1990-е гг.

РИС. 6. КОНСЕРВАЦИОННО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ.

1 – Л.М. Казакова (научный руководитель) и П.Г. Флюгрант (начальник реставрационного отряда РГУ) на Городище, осматривают объекты музеефицированных раскопов в 1981 г.; 2 – работы на Городище в 2012 г., действующий руководитель – заведующий сектором сохранения объектов культурного наследия музея-заповедника «Танаис» П.Г. Флюгрант; 3 – консервационно-реставрационные работы на Городище в 1982 г. под руководством начальника реставрационного отряда РГУ П.Г. Флюгранта; 4–7 – работы 2022 – 2023 гг., руководитель работ – специалист по обеспечению сохранности объектов культурного наследия музея-заповедника «Танаис» Буденко А.А. (на рис. 4 слева).

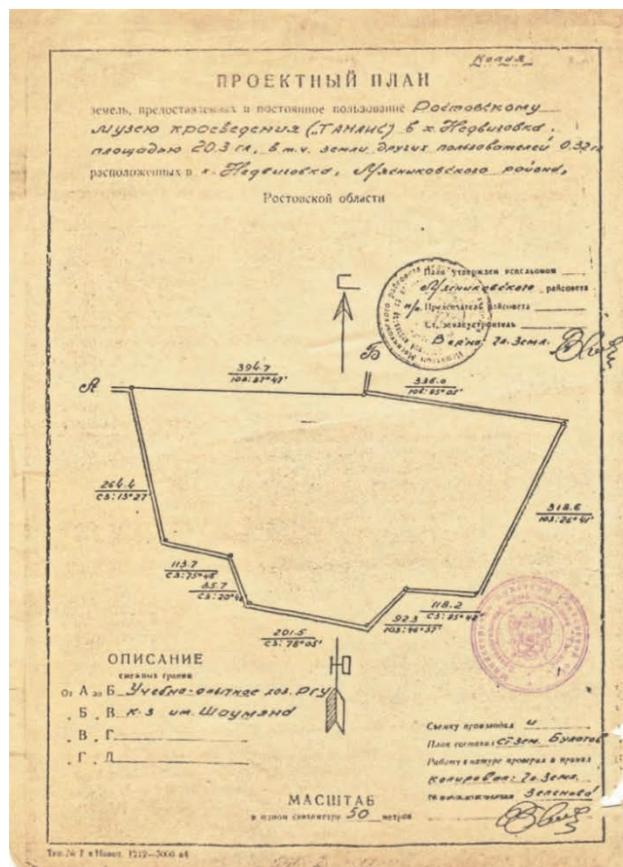
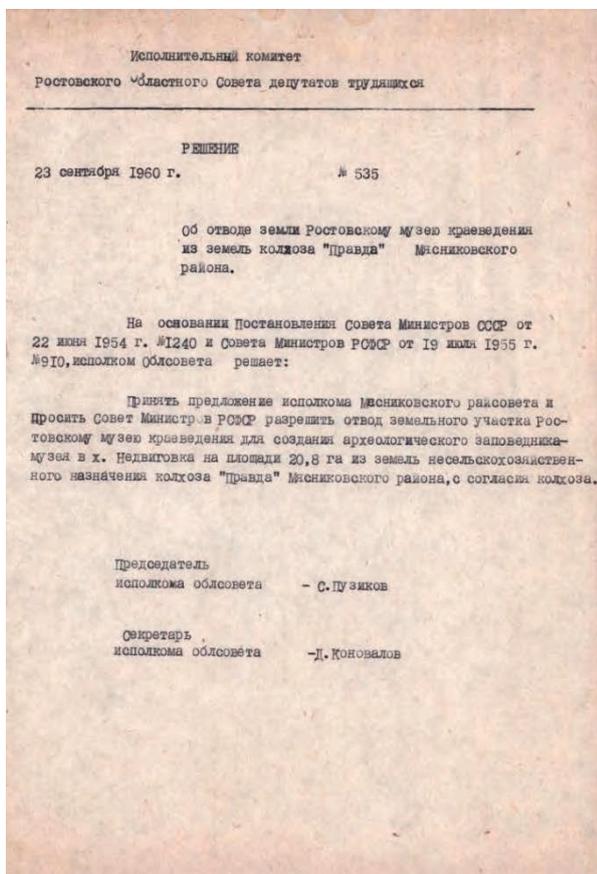
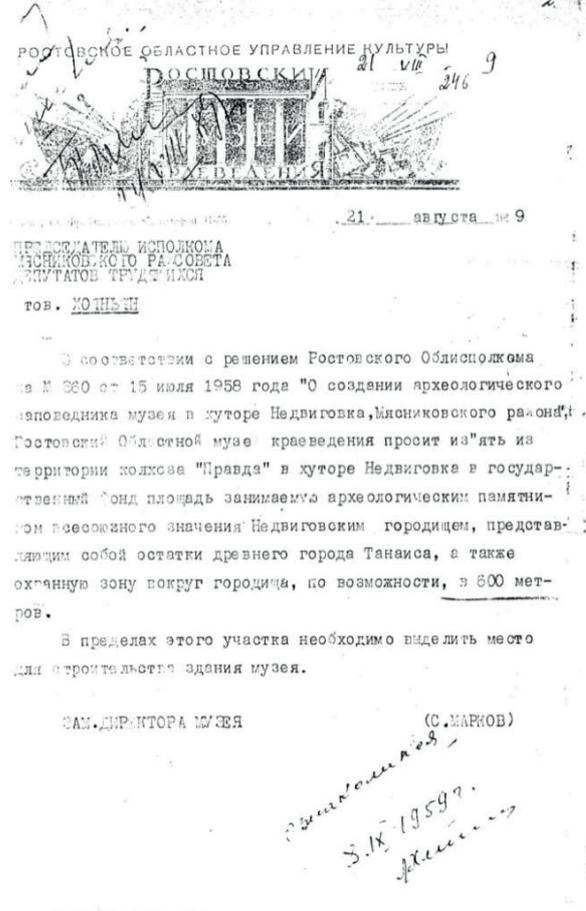
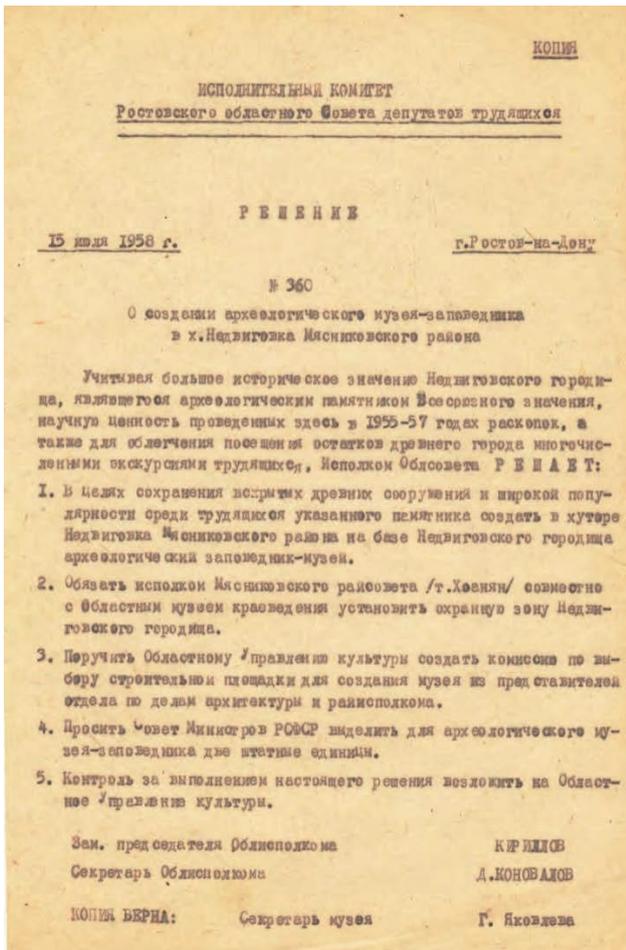

РИС. 7. ПРАВОВОЕ ОФОМЛЕНИЕ РЕШЕНИЯ О СОЗДАНИИ АРХЕЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС».

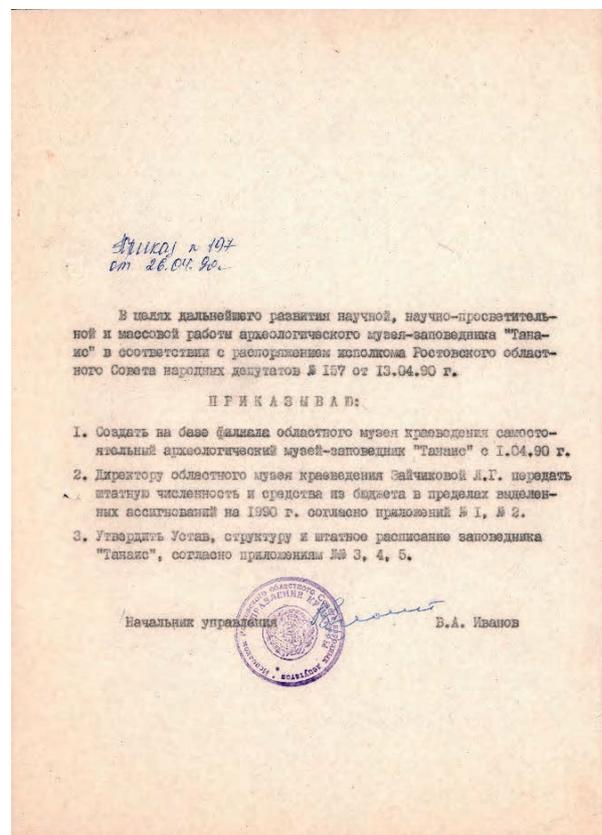
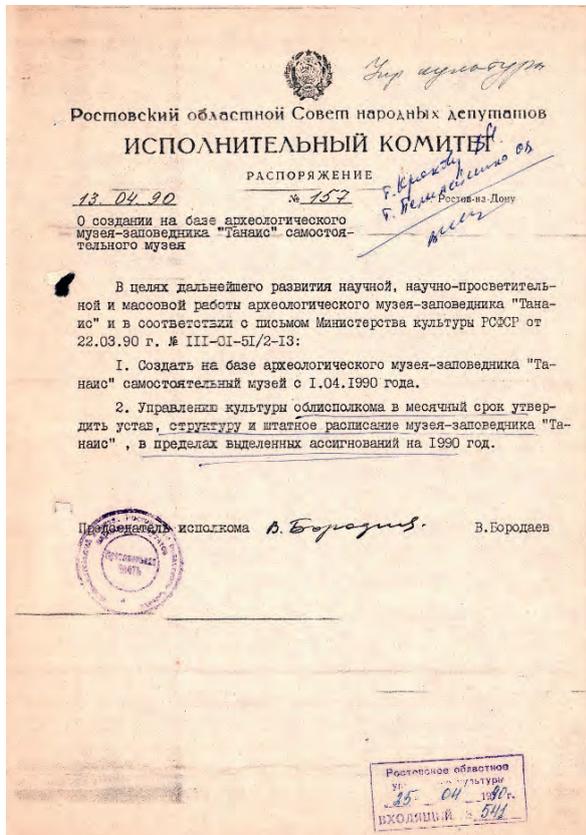
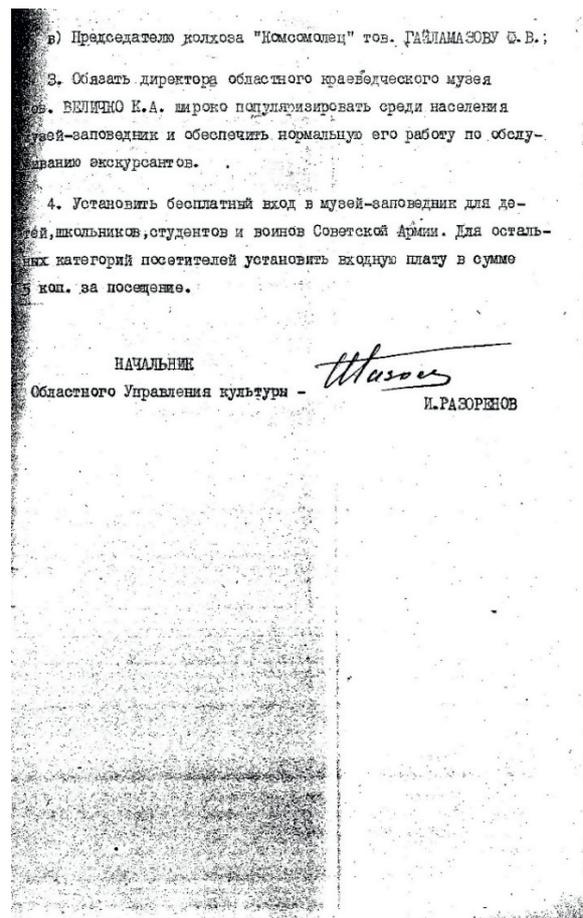
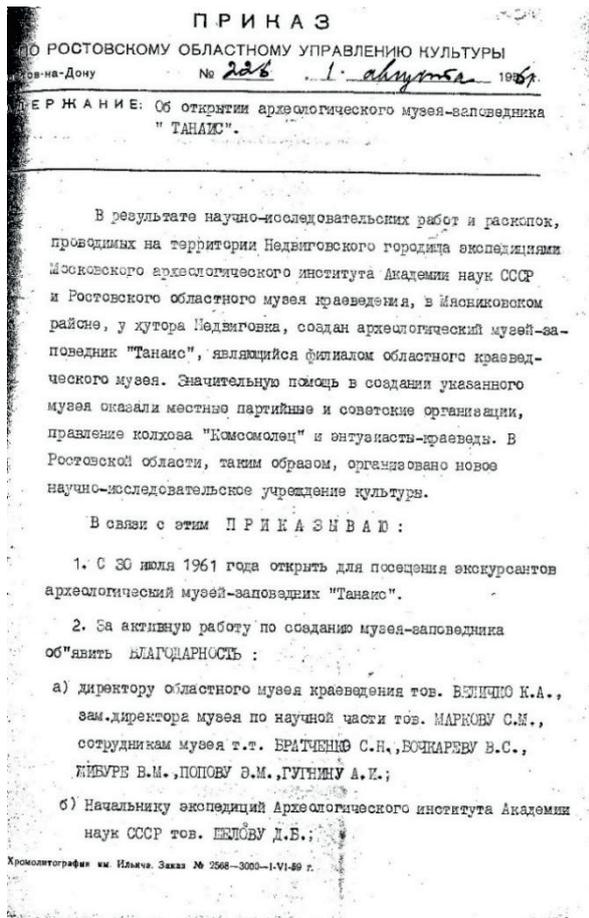

РИС. 8. ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О СОЗДАНИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС», ВНАЧАЛЕ – В КАЧЕСТВЕ ФИЛИАЛА РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ, ПОЗДНЕЕ – КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ.

Письмо № 233 от 23.05.90

О переводе археологического музея-заповедника "Танаис" на новые условия хозяйствования

В целях совершенствования хозяйственной деятельности археологического музея заповедника "Танаис" поощрения эффективности его работы и в соответствии с методическими рекомендациями, разработанными в соответствии с решением комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма при Совете Министров СССР от 25 мая 1989 г., протокол №13, раздел I

ПРИКАЗЫВАЮ

1. Принять предложение коллектива археологического музея-заповедника "Танаис" о переходе на новые условия хозяйствования с 1 апреля 1990 г. по I форме распределения доходов.
2. В связи с тем, что заповедник с 1.01.90г. работает на новых условиях хозяйствования в системе областного музея, просить сохранить для заповедника нормы областного музея.
3. Директору областного музея краеведения Зайчиковой Л.Г. передать штатную численность и средства из бюджета в пределах выделенных ассигнований на 1990 год.

Начальник управления В.А. Иванов

Итатное расписание
Музей-заповедника "Танаис" на II-IV кв. 1990 г.

По бюджету

№ пп	Наименование должностей	код-во единицы	Должност. фонд оклад	фонд з/пл в месяц
1	2	3	4	5
1.	Директор заповедника	VI	160-00	160-00
2.	Ст. научный сотрудник	II	130-00	280-00
3.	Мл. научный сотрудник	I	115-00	15-115-00
4.	Музейный смотритель	2	75-00	15-75-00
5.	Дворник	I	70-00	70-00
6.	Водитель автомусея	I	104-00	104-00
7.	Завхоз	I	80-00	80-00
Итого:			9	939-00

ФЗП на II-IV кв. 1990 г. 8400-00 руб.

По общему

№ пп	Наименование должностей	код-во единицы	Должност. фонд оклад	фонд з/пл в месяц
1	2	3	4	5
1.	Мл. научный сотрудник	I	115-00	115-00
2.	Кассир	I	80-00	80-00
3.	Уборщица	I	70-00	70-00
4.	Электрик	0,5	40-00	40-00
5.	Хранитель экспонатов	I	75-00	75-00
Итого:			4,5	380-00

Фонд заработной платы на II-IV кв. 1990 г. 3420-00 руб.
Всего ФЗП на II-IV кв. 1990 г. 11820-00 руб.

Передача
средств из бюджета музей-заповеднику "Танаис" на II-IV кварталам 1990 г.
(в рублях)

№ пп	Статьи расходов	Всего	в т.ч. по кварталам		
			II	III	IV
I.	Статья I - Заработная плата	9000	3000	3000	3000
II.	Материальные затраты, в т.ч.:				
	- Статья 2 - Начисления на з/плату	600	200	200	200
	- Статья 3 - Хозработы	4500	1500	1500	1500
	- Статья 4 - Командир.расходы	100		50	50
	- Статья 5 - научно-исследовательские работы	13000	6000	2500	4500
	Всего:	18200	7700	4260	6250
III.	Фонд TI и CP				
	Статья I2 - Приобретение экспонатов, оборудования	1000	500		500
	Статья I6 - Капитальный ремонт	65000	30000	35000	
	Всего:	66000	30500	35000	500
	Итого:	93200	41200	42250	9750

Директор Ростовского музея краеведения Зайчиковой
23.04.90

УТВЕРЖДЕНА постановлением правительства Российской Федерации от 10 марта 1992 г. № 177

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о праве собственности на землю

Свидетельство выдано Иванову Владимиру (фамилия, имя, отчество гражданина) ул. Давыдовская, д. 10 (адрес) Муниципального района Ростовской обл. (наименование предприятия, учреждения, организации, от которого предоставлен земельный участок, его местонахождение или адрес)

в том, что ему (ей) решением Муниципального района (наименование органа местной администрации) от 10.03.1992 года № 22 для использования (назначение) земельного участка (предназначение)

Вид предоставления земли	Всего, га	В том числе сельско-хозяйственных земель	Из них				Прочие участки
			наши	много-летние участки	заем-ные участки	земельный банк	

Безвозмездно, на праве собственности (вид предоставления)

составлено из двух земельных участков, из которых первый выделен Муниципальному району (наименование органа, которому принадлежит земля)

Свидетельство является временным документом и действует до окончания государственного акта установленной формы. Свидетельство выдано 23.04.1990 (дата выдачи)

Иванов Владимир (подпись получателя) Муниципальный район (подпись органа, выдавшего свидетельство) (ф. И. О.)

ГОУ «Мингидрострой» типография, тел. № 1112 - 0093 1093.03.19

РИС. 9. ШТАТ И БЮДЖЕТ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В ГОД ПОЛУЧЕНИЯ СТАТУСА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА. СВИДЕТЕЛЬСТВО НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ ЧАСТОК.

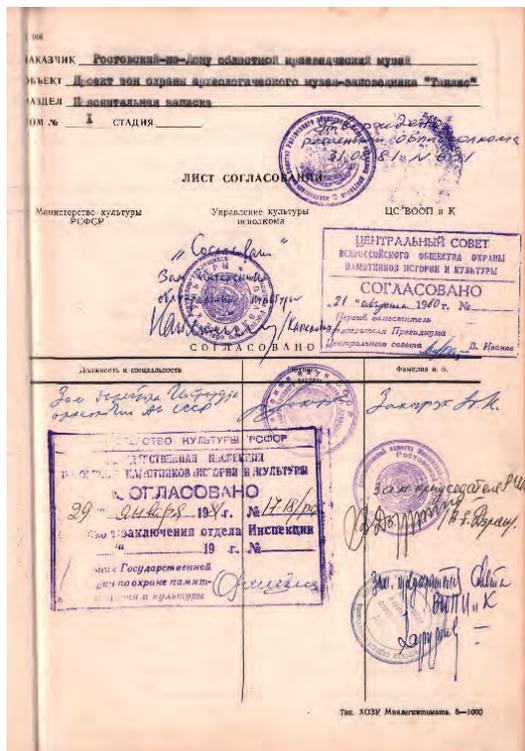
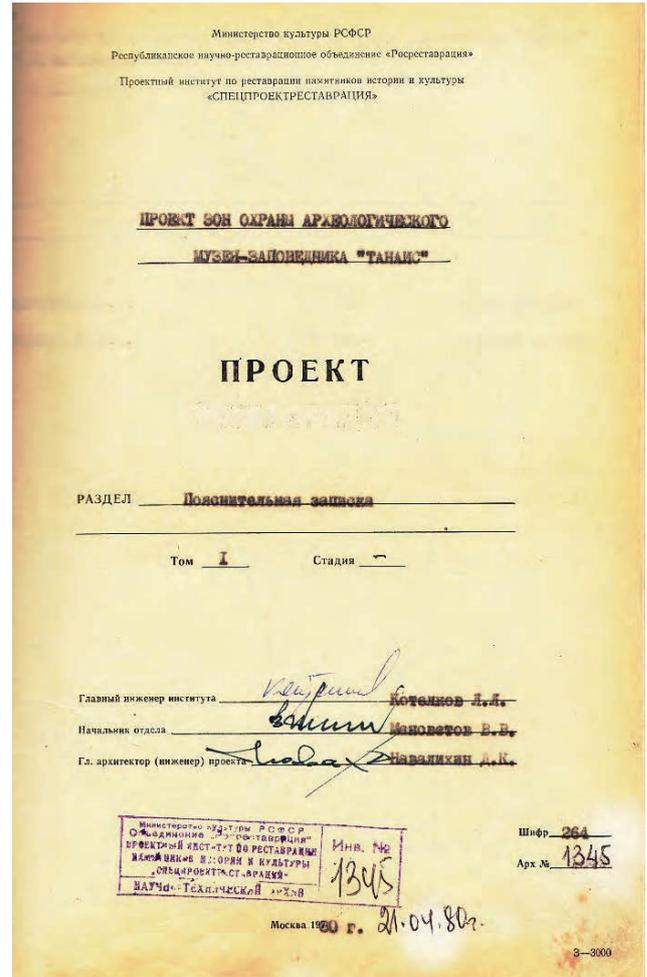
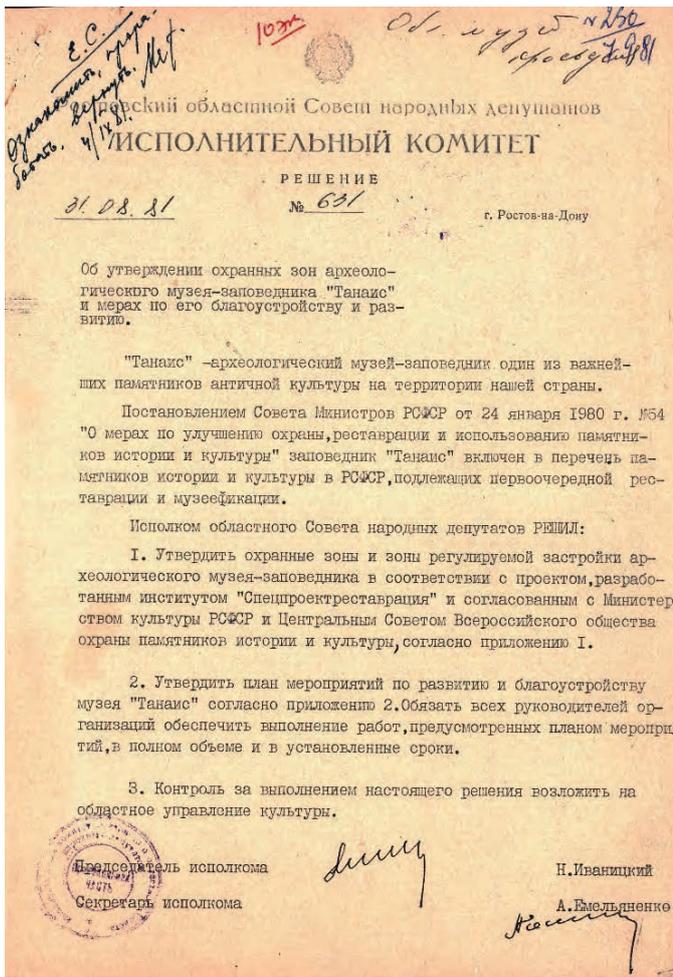

РИС. 10. ПРАВОВАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ, ЮРИДИЧЕСКИ ЗАФИКСИРОВАВШАЯ ОХРАННЫЕ ЗОНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС»: Решение Ростовского областного Совета народных депутатов от 31.08.1981 г. № 631. Проект зон охраны и регулирования застройки.

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

ПРИКАЗ

от 31.07.2012 № 326
г. Ростов-на-Дону

Об утверждении границы территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения и правового режима земельных участков в границе территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Городище Танаис»

В соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», п р и к а з ы в а ю:

1. Утвердить границу территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения – «Городище Танаис», состоящего на государственной охране в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР», расположенного по адресу: Ростовская область, Мясниковский район, х. Недвиговка, согласно приложениям №№ 1, 2, 3 к настоящему приказу.
2. Утвердить правовой режим земельных участков в границе территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения – «Городище Танаис», состоящего на государственной охране в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР», расположенного по адресу: Ростовская область, Мясниковский район, х. Недвиговка, согласно приложению № 4 к настоящему приказу.
3. Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на начальника отдела охраны объектов культурного наследия Коробцов И.В.

Министр культуры
Ростовской области

А.А. Резванов

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минкультуры России)**

ПРИКАЗ

29.08.2015 г. Москва № 421-п

О регистрации объекта культурного наследия федерального значения «Городище «Танаис», III в. до н.э. - V в. н.э. (Ростовская область) в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

Руководствуясь Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», пунктом 5.4.3 Положения о Министерстве культуры Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 590, и Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденным приказом Минкультуры России от 3 октября 2011 г. № 954, п р и к а з ы в а ю:

1. Зарегистрировать объект культурного наследия федерального значения «Городище «Танаис», III в. до н.э. - V в. н.э. (далее – памятник), расположенный по адресу (местонахождение): Ростовская область, Мясниковский район, х. Недвиговка, в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и присвоить ему регистрационный номер 611540257800006.
2. Департаменту управления имуществом и инвестиционной политикой (Б.Д.Мазо) обеспечить внесение соответствующих сведений о памятнике в

Схема границы территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Городище Танаис»

Приложение №3
к приказу министерства культуры
Ростовской области
от 31.07.2012 № 326

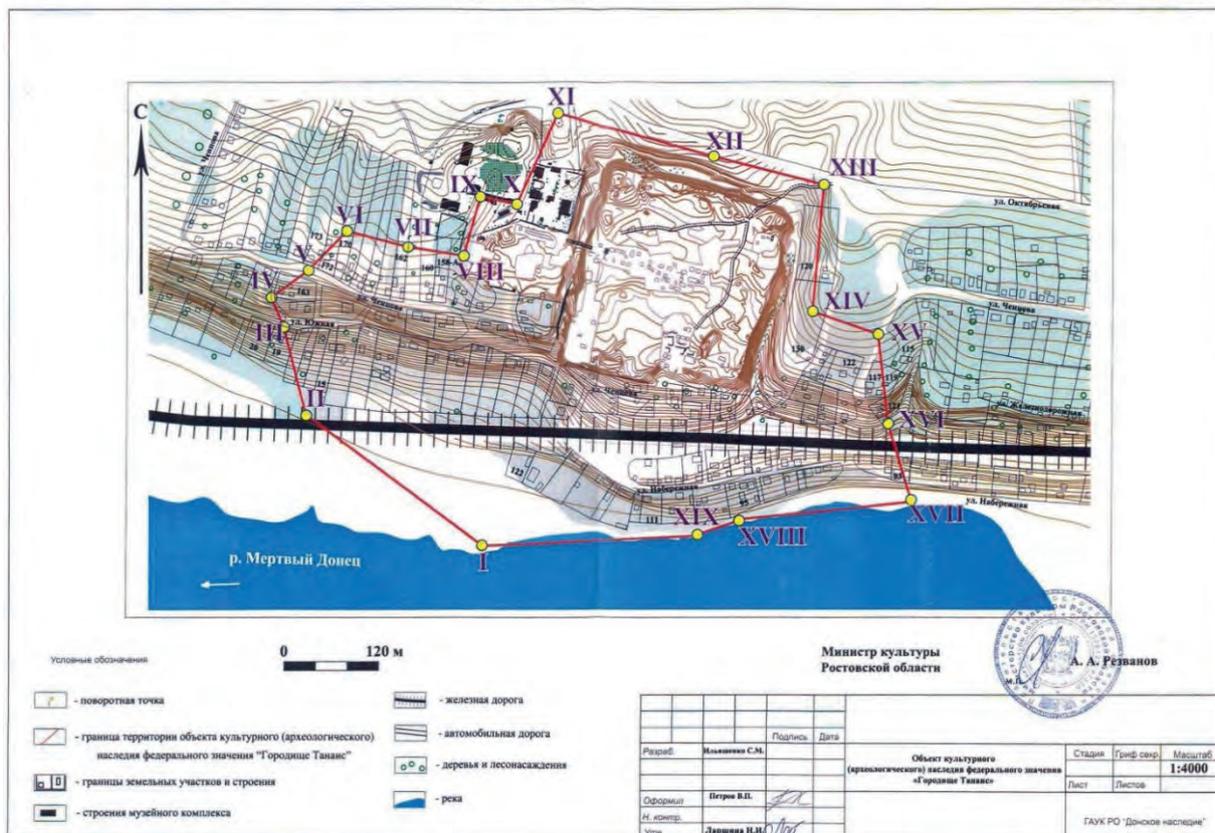
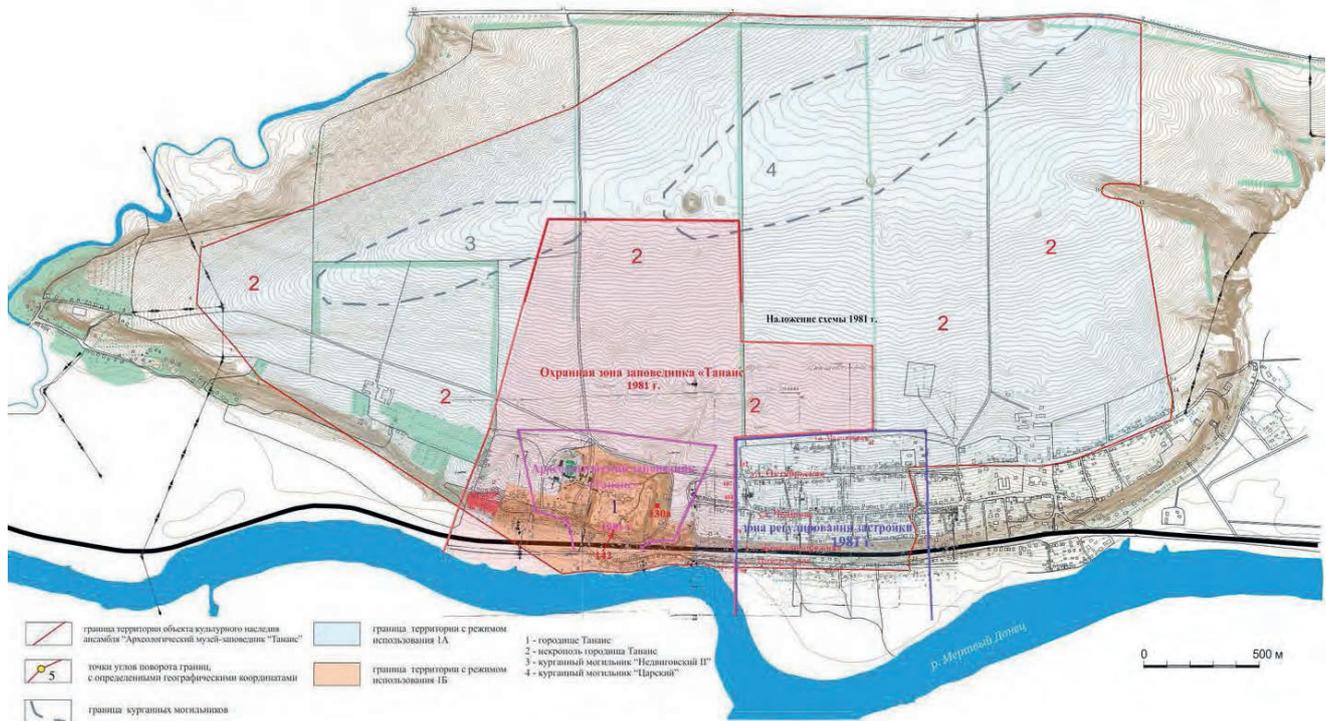

РИС. 11. ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИИ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ГОРОДИЩЕ ТАНАИС» И ЕГО РЕГИСТРАЦИЯ В ЕГРОКН НАРОДОВ РФ.

Сводный чертеж с обозначением территории и границы объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис», с указанием точек углов поворота указанных границ, для которых определены географические координаты.

1

2

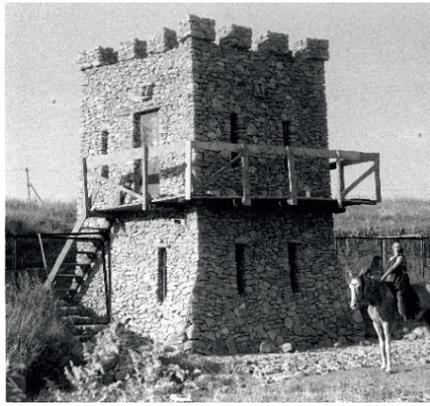
РИС. 12. ПЛАНЫ ПАМЯТНИКА И ЗОН ЕГО ОХРАНЫ. ТЕРРИТОРИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС».

1 – план с границами: территории музея-заповедника «Танаис», ОКН федерального значения «Городище Танаис», зон охраны и регулирования застройки музея-заповедника «Танаис» 1981 г. и буферной зоны городища Танаис, включающей грунтовые и курганные могильники его округи; 2 – территория ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» (22,4 га).

РИС. 13. ЗАВЕДУЮЩИЕ И ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС». НАЧАЛЬНИКИ НИЖНЕ-ДОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА АН СССР.

1 – Величко К.А. (директор РОМК); *2* – Марков С.М. (зам. директора РОМК по науке); *3* – Шелов Д.Б. (д.и.н., начальник экспедиции в 1955 – 1972 гг.); *4* – Братченко С.Н. (заведующий филиалом РОМК – «Танаис» в 1960 – 1964 гг.); *5* – Арсеньева Т.М. на городище (к.и.н., начальник экспедиции в 1973 – 2011 гг.); *6, 7* – Казакова Л.М. (заведующий филиалом в 1965 – 1971 гг., ученый секретарь музея-заповедника с 2006 по 2017 гг., фото 2007 г.); *8* – Чеснок В.Ф. (заведующий филиалом в 1972 – 1990 гг.), фото 1982 г.; *9* – Чеснок В.Ф. (директор музея-заповедника с 1990 по 2002 гг.) и Тур Хейердал в Танаисе в 2000 г.; *10* – Чеснок В.Ф. (с.н.с. музея-заповедника, 2013 г.); *11* – Перевозчиков В.И. (директор музея-заповедника с 2005 г.) и губернатор Ростовской области Голубев В.Ю. в Музее истории Танаиса в 2010 г.; *12* – Перевозчиков В.И. и Селедцова Т.Н. (начальник Южного территориального управления Министерства культуры России) перед воротами музея-заповедника «Танаис» в 2013 г.

1

2

3

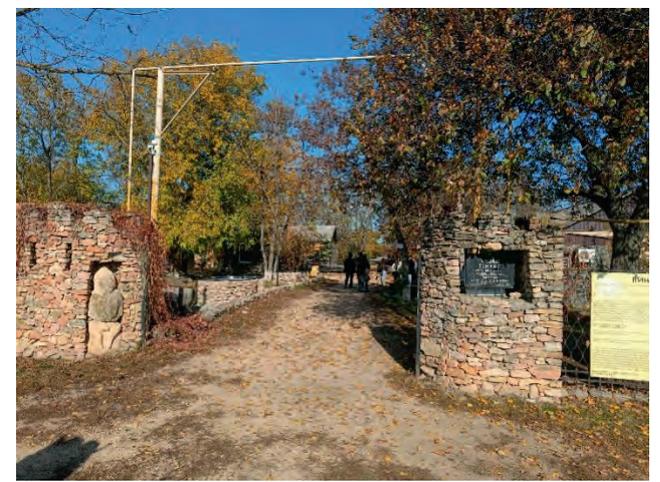
4

5

6

7

РИС. 14. ФИРМЕННЫЙ СТИЛЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС», ЗАЛОЖЕННЫЙ ВО ВРЕМЕНА ДИРЕКТОРСТВА В.Ф. ЧЕСНОКА. Каменные кладки из природного камня в стиле построек древнего Танаиса.

1, 2 – реконструкция крепостной башни («Башня поэтов»), фото 1985 г. (вид с Ю–З), фото 2002 г. (вид с Ю–В); 3 – каменная лестница на верхнюю усадьбу к зданию Музея детства и Музея исторического костюма, фото 2023 г. (вид с З); 4 – вход на центральную аллею верхней усадьбы музея-заповедника от центрального входа, фото 2023 г. (вид с С); 5 – въезд на нижнюю усадьбу к зданиям фондохранилища, Музея истории Танаиса, экспедиционной столовой (буфет и класс уроков ремесел, летним душевым, к центральному входу в дом археологов, фото 2023 г. (вид с В); 6 – зонирование территории нижней усадьбы и обрамляющие основные дороги музея-заповедника стенки-бордюры, фото 2023 г. (вид с В); 7 – выход на городище с центральной аллеи верхней усадьбы, фото 2023 г. (вид с Ю).

1

2

3

4

5

6

РИС. 15. ЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» 15–20 ЛЕТ НАЗАД И СЕЙЧАС.

1 – строительство общественного туалета с удобствами в начале февраля 2006 г. (вид с Ю); 2 – общественный туалет сегодня, фото 2024 г. (вид с Ю–З); 3 – здание фондохранилища с плоской крышей в 2004 г. (вид с С–В); 4 – здание фондохранилища, облицованное фактурной плиткой, с мансардным этажом, и металлочерепичной крышей после последнего ремонта 2020 г., фото 2024 г. (вид с С–В); 5 – здание дома археологов до ремонта, фото 2006 г. (вид с З); 6 – «дом археологов» (кабинеты сотрудников сектора изучения и сохранения объектов культурного наследия, помещение для работы посетителей с предметами музейного фонда, хранилище временных поступлений предметов археологии) после последнего ремонта 2019 – 2021 гг., фото 2023 г. (вид с Ю–З).

1

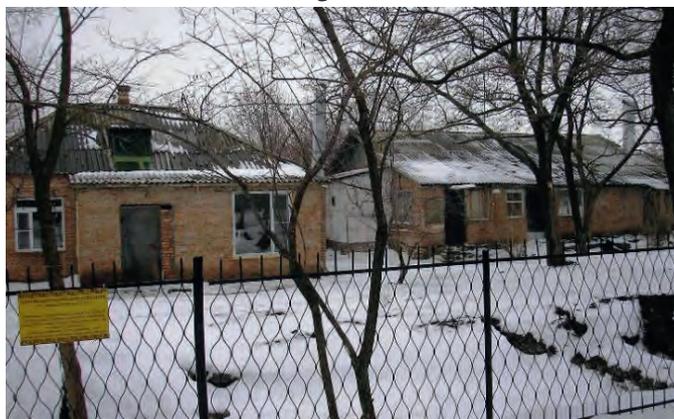
2

3

4

5

6

РИС. 16. ЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» 15–20 ЛЕТ НАЗАД И СЕЙЧАС.

1 – первое и одно из старейших зданий музея в заповеднике (первое название – «Музей краеведения»; с 2008 г. – Выставочный комплекс) до ремонта, фото 2006 г. (вид с С–З); 2 – то же здание после ремонта 2019 – 2021 гг., фото 2024 г. (вид с Ю–З); 3 – здание администрации музея-заповедника до 2003 г., отдел представления музейного фонда, городища и округа Танаиса с 2005 г., фото 2006 г. (вид с Ю–В); 4 – это же здание после ремонта 2017, 2018, 2023 гг., фото 2024 г. (вид с В); 5 – здания дома археологов (справа) и фондов-2 (слева) до ремонта, фото 2006 г. (вид с Ю–В); 6 – бывшее здание фондов-2, офисное здание с кабинетами сотрудников музея-заповедника с 2005 г. после последнего ремонта 2023 г., фото 2024 г. (вид с С–В).

1

2

3

4

5

6

РИС. 17. ЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

1 – бывшее здание фондов-2, с 2005 г. офисное здание с кабинетами сотрудников музея-заповедника, фото 2024 г. (вид с С-3); 2, 3 – бывшее здание фондов-1, с 2006 – 2008 гг. после проведенных ремонтов сегодня в нем размещаются Музей детства (класс уроков ремесел) и Музей исторического костюма, фото 2024 г. (вид на Музей детства с 3 и вид на Музей исторического костюма с С-3); 4 – бывшее здание сарая после ремонта 2019 г., фото 2024 г. (вид с С-В); 5, 6 – билетная касса на верхней усадьбе (павильон «Прибой») до и после ремонта 2017 г., фото 2006 г. (вид с С-3) и 2024 г. (вид с Ю-3).

РИС. 18. ЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

1 – здание столовой, фото 2004 г. (вид с С–В); 2 – бывшее здание столовой (сегодня класс уроков ремесел и исторических практикумов) после ремонта 2017, 2020 гг., фото 2024 г. (вид с С–З); 3 – здание уже не действующей угольной котельной в 2006 г. (вид с Ю–В); 4 – реставрационная мастерская (бывшие здания угольного склада и котельной) после ремонта, фото 2024 г. (вид с Ю); 5 – комплекс зданий: фондохранилища ИЗО и Студии живой истории (бывшее здание фондов-3), склада материальных запасов, реставрационной мастерской, столовой и кухни (на заднем плане) после ремонта, фото 2023 г. (вид с СЗ); 6 – Музей истории Танаиса, фото 2010 г. (вид с С–В).

1

2

3

4

5

6

РИС. 19. ЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

1 – первый туалет музея-заповедника около «польского раскопа» («уличный»), фото 2004 г. (вид с С–З); 2 – уличный туалет после ремонта 2023 – 2024 гг., фото 2024 г. (вид с Ю–В); 3 – столярная мастерская до ремонта, фото 2008 г. (вид с С–З); 4 – комплекс зданий столярной мастерской (слева) и гаражей (справа) после ремонта 2019, 2023 гг., фото 2024 г. (вид с С–В); 5 – летние душевые после ремонта 2017, 2020, 2021 гг., фото 2024 г. (вид с З); 6 – водонапорная башня после ремонта 2006 г. (сегодня емкость на башне демонтирована, на прилегающем участке устроены 2 выставки на открытом воздухе (с восточной стороны) и детская познавательно-игровая площадка (с северной стороны), фото 2006 г. (вид с С).

1

2

3

4

5

6

РИС. 20. ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС».

1 – половецкое святилище после первой реконструкции, фото 2002 г. (вид с В); 2 – половецкое святилище после второй реконструкции, фото 2024 г. (вид с В); 3 – хижина меота в процессе ее строительства, фото 1976 г. (вид с Ю); 4 – хижина меота после реставрации, фото 2024 г., (вид с З); 5 – реконструкция участка западных укреплений цитадели («центрального четырехугольника») Танаиса из натурального камня в масштабе 1:10, фото 2023 г. (вид с З); 6 – реконструкция деревянного моста римского времени – действующий мост через крепостной ров, соединяющий раскопы центрального четырехугольника с раскопами западного (эллинистического) района древнего города, третье издание 2008 г., фото 2008 г. (вид сверху с С-В).

РИС. 21. ДЕРЕВЯННЫЙ ПОМОСТ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИКЕ ГОРОДИЩА. До и после ремонта 2023 г. Фото 2022 г. (вид сверху с З). Фото 2024 г. (вид с З).

1

2

3

4

5

6

РИС. 22. ПРАЗДНИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 50-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» (1 августа 2011 г.).

1 – на пресс-конференции в актовом зале музея-заповедника (слева направо: Гелас В.М., Перевозчиков В.И., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М.), 3 (мансардный) этаж фондохранилища; 2 – на научной конференции, посвященной первому в России археологическому музею-заповеднику (слева направо: Гаврилов В.А., Неуструев В.Г., Максименко В.Е., Перевозчиков В.И.), актовый зал музея-заповедника; 3 – участники научной конференции; 4, 5 – награждения музея-заповедника от министерства культуры РО и от Законодательного собрания РО; 6 – поздравления коллег-музейщиков.

1

2

3

4

5

6

РИС. 23. МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ.

1 – музей краеведения (сегодня Выставочный комплекс) в 2006 г., зал № 4, вид с С–В; 2 – Выставочный комплекс в 2014 г., зал № 3 (самый большой), вид с С; 3 – на открытии Выставочного комплекса после его полного обновления в результате ремонта 2020 – 2021 гг., на фото 2021 г. коллеги-музейщики, представители министерства культуры и администрации Мясниковского района, артисты народного театра «Одеон», зал № 2; 4 – Выставочный комплекс после ремонта 2020 – 2021 гг., фото 2021 г., зал № 2, вид с С; 5 – Музей исторического костюма до последнего ремонта, фото 2014 г., зал № 1, вид с Ю–З; 6 – Музей исторического костюма после ремонта 2019 г., фото 2019 г., зал № 1, вид с Ю–З.

1

2

3

4

5

6

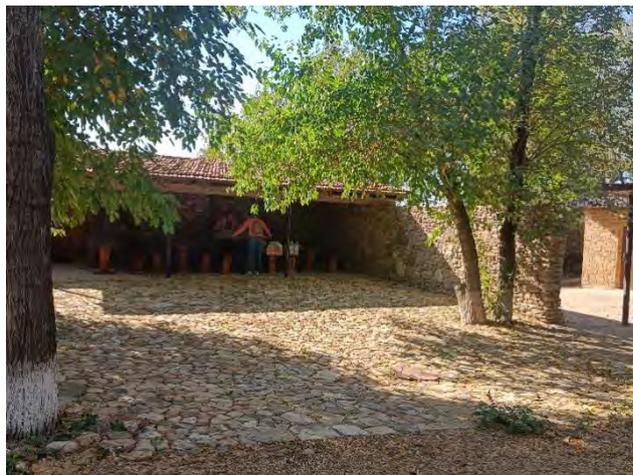
7

РИС. 24. МУЗЕЙ ИСТОРИИ ТАНАИСА, ЗАЛ ОТКРЫТОГО ХРАНЕНИЯ МУЗЕЙНОГО ФОНДА, ПОСТОЯННЫЕ ВЫСТАВКИ КРУПНОГАБАРИТНЫХ ПРЕДМЕТОВ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ.

1 – на открытии Музея истории Танаиса 27 апреля 2009 г. (слева направо: представитель от Мясниковского района, заместитель министра культуры РО Гелас В.М., министр культуры Волгоградской области, министр культуры РО Васильева С.И., директор музея-заповедника «Танаис» Перевозчиков В.И.); 2 – перспектива экспозиции Музея истории Танаиса, фото 2010 г. (вид от входа в зал, с В); 3 – экспозиции Музея истории Танаиса сегодня, фото 2024 г. (вид с С-З); 4 – зал амфорных эталонов в здании фондохранилища после последнего ремонта, 1 этаж, северное крыло, фото 2024 г. (вид с Ю); 5 – выставка «Половецкие изваяния», фото 2024 г. (вид с С-З); 6 – выставка «Глиняные бочки-пифосы», фото 2024 г. (вид с В); 7 – выставка «Тяжелое вооружение античной эпохи», фото 2024 г. (фото с В).

1

2

3

4

5

6

7

РИС. 25. ОБЪЕКТЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА, НАГРАДЫ, МЕРОПРИЯТИЯ.

1 – уличный буфет музея-заповедника, фото 2024 г. (вид с С–В); 2 – детская познавательная площадка с навесом для проведения уроков древних ремесел и исторических практикумов на открытом воздухе, фото 2024 г. (вид с С); 3 – бассейн с лилиями у здания фондохранилища, фото 2024 г. (вид с Ю); 4 – на международном фестивале музеев «Интермузей-2011» (г. Москва); 5 – церемония награждения победителей в номинации «Лучшие детские образовательные программы» на Интермузее-2017 (г. Москва. Манеж); 6 – команда музея-заповедника на Интермузее-2012 (г. Москва. Новая Третьяковка); 7 – участники открытия выставки художника В.П. Буримова в Танаисе в 2006 г. (вид с З).

1

2

3

4

5

6

РИС. 26. ЭКСКУРСИИ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ.

1 – экскурсионные группы на деревянном помосте Городища, фото 2022 г. (вид с В); 2 – экскурсионные группы идут по деревянному мосту через крепостной ров на центральный четырехугольник Городища, фото 2016 г. (вид с С–В); 3 – детская группа в Музее истории Танаиса у голографической пирамиды, фото 2014 г. (вид с С–В); 4 – стрелковый тир в крепостном рве, фото 2014 г. (вид с 3); 5 – интерактивная экскурсия для дошколят «Путешествие в загадочный Танаис», проводит ведущий методист по музейно-образовательной деятельности Перевозчикова И.И., фото 2011 г. (вид с 3); 6 – юные «танаитки» в амфорном тире на познавательно-игровой площадке музея-заповедника, фото 2013 г. (вид с Ю–В).

1

2

3

4

5

6

РИС. 27. ИНТЕРАКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА.

1 – младшеклассники на историческом практикуме «Непостижимая загадка куклы» в помещении Студии живой истории, фото 2015 г.; 2 – в Музее детства на историческом практикуме «Глиняная азбука», фото 2008 г.; 3 – исторический практикум по ткачеству «В мастерской Арахны», Студия живой истории, фото 2012 г.; 4 – в археологической песочнице на детской познавательно-игровой площадке, юные археологи на раскопках, ищут древние артефакты, фото 2014 г. (вид с Ю–В); 5 – мастер-класс по плетению поясов из ниток по древней технологии, фото 2014 г.; 6 – мастер-класс по изготовлению украшений из войлока, фото 2013 г. (вид с З).

1

2

3

4

5

6

РИС. 28. СОБЫТИЙНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ.

1, 2 – ежегодный детский праздник «Весна в Танаисе», каждый год посвященный тому или иному представителю флоры и фауны: 1 – май 2022 г. – «День медоносной пчелы», (вид с Ю), 2 – май 2023 г. – «Нимфея – водяная лилия» (вид с С-3); 3 – поэтический праздник «Пушкин и древности», проводится в ближайшее к дню рождения поэта воскресенье июня, церемония открытия праздника 6 июня 2020 г.; 4–6 – ежегодный театрализованный праздник «День Танаиса» по мотивам одноименного античного торжества «Праздника реки и города Танаис», о котором сообщает текст на мраморной плите, датируемый 401 годом боспорской эры (104 г. н.э.), найденной на памятнике в 1913 г.: 4 – первый праздник – 20 сентября 2008 г., 5 – 20 сентября 2016 г., 6 – 17 сентября 2011 г.

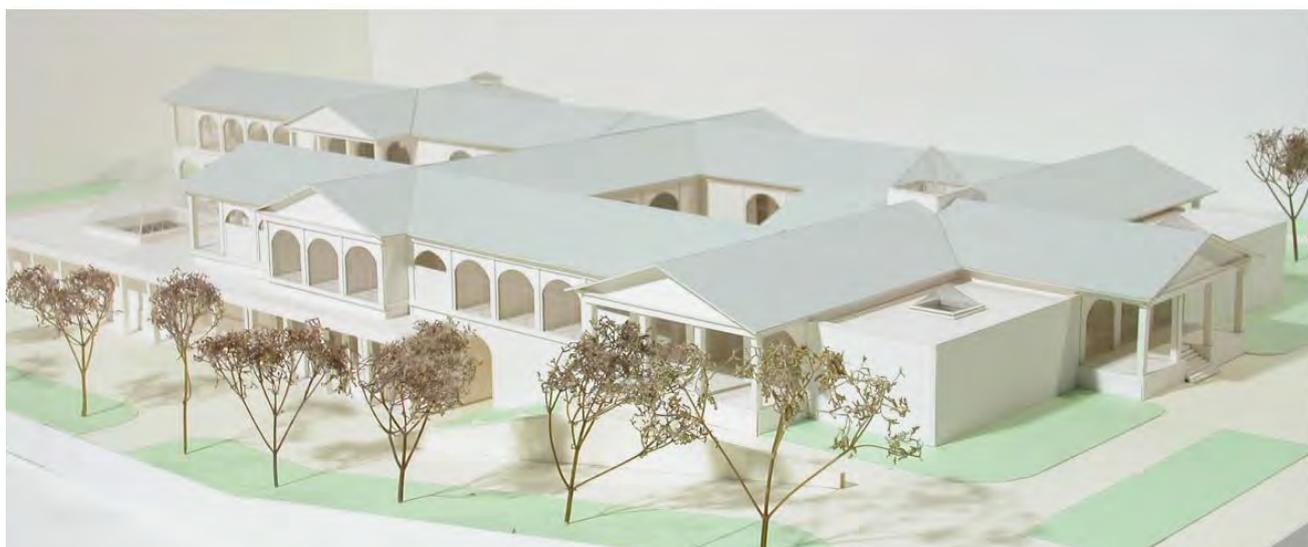
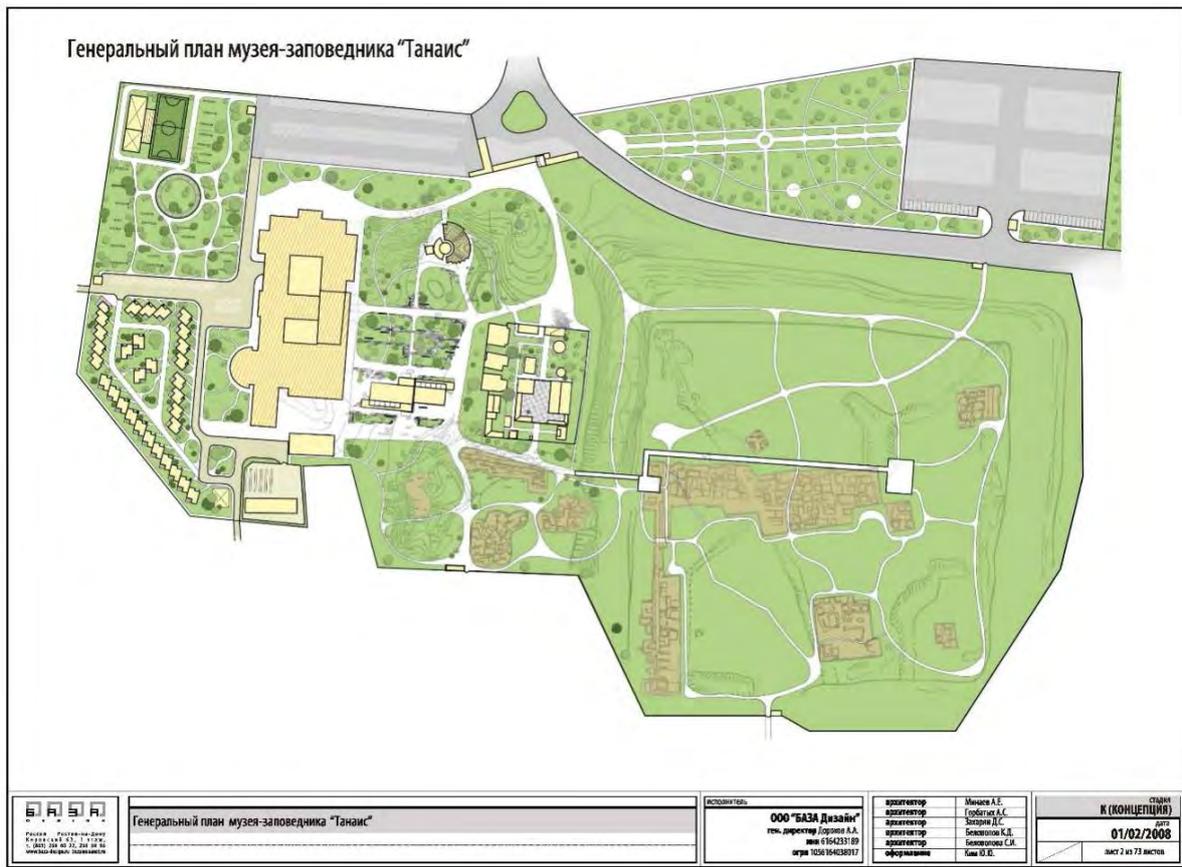

РИС. 29. ЭСКИЗНЫЙ ПРОЕКТ НОВОГО МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА НА ЮЖНОМ УЧАСТКЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС». 2004 г. Автор: заслуженный архитектор России Гаврилов В.А. (г. Санкт-Петербург).

1

2

РИС. 30. ЭСКИЗНЫЕ ПРОЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» И СОЗДАНИЯ НА ЕГО ТЕРРИТОРИИ НОВЫХ МУЗЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ.

1 – ООО «БАЗА Дизайн», 2007 г.; 2 – ООО «ТАМ Гаврилова В.А.», 2011 г.

1

2

РИС. 31. ПРОЕКТ ООО «ТЕКСТИЛЬПРОЕКТ» (г. МОСКВА), 2012 г.
 1 – генеральный план реконструкции музея-заповедника «Танаис», с обозначением новых объектов на его территории; 2 – эскизный проект нового музейного здания на северном участке.

Общий вид

Фрагмент интерьера погребя

Фрагмент интерьера женской и мужской комнат

Перспектива

1

Эскизный проект парка, черновые реконструкции (усадьба) (Танаис)		№ 000/24/03/00001	Дата: 15.08.2024	Исполнитель: ООО "Танаис-Девелопмент"
Исполнитель:	ООО "Танаис-Девелопмент"	Состав:	Архитектор: [Имя]	Инженер: [Имя]
Адрес:	г. Танаис, ул. [Имя]	Масштаб:	1:500	Дата: 15.08.2024

2

Эскизный проект парка, черновые реконструкции (усадьба) (Танаис)		№ 000/24/03/00001	Дата: 15.08.2024	Исполнитель: ООО "Танаис-Девелопмент"
Исполнитель:	ООО "Танаис-Девелопмент"	Состав:	Архитектор: [Имя]	Инженер: [Имя]
Адрес:	г. Танаис, ул. [Имя]	Масштаб:	1:500	Дата: 15.08.2024

3

Эскизный проект парка, черновые реконструкции (усадьба) (Танаис)		№ 000/24/03/00001	Дата: 15.08.2024	Исполнитель: ООО "Танаис-Девелопмент"
Исполнитель:	ООО "Танаис-Девелопмент"	Состав:	Архитектор: [Имя]	Инженер: [Имя]
Адрес:	г. Танаис, ул. [Имя]	Масштаб:	1:500	Дата: 15.08.2024

4

37/16.08.11. — АР		Исполнитель: ООО "Танаис-Девелопмент"	Дата: 15.08.2024
Исполнитель:	ООО "Танаис-Девелопмент"	Состав:	Архитектор: [Имя]
Адрес:	г. Танаис, ул. [Имя]	Масштаб:	1:500

5

37/16.08.11. — АР		Исполнитель: ООО "Танаис-Девелопмент"	Дата: 15.08.2024
Исполнитель:	ООО "Танаис-Девелопмент"	Состав:	Архитектор: [Имя]
Адрес:	г. Танаис, ул. [Имя]	Масштаб:	1:500

6

37/16.08.11. — АР		Исполнитель: ООО "Танаис-Девелопмент"	Дата: 15.08.2024
Исполнитель:	ООО "Танаис-Девелопмент"	Состав:	Архитектор: [Имя]
Адрес:	г. Танаис, ул. [Имя]	Масштаб:	1:500

Легенда:

- Площадка аттракционов
- Лаборатория раскопки древних поселений
- Археологический парк
- Пункт проката туристического инвентаря
- Зеленый коридор
- Место отпочкованного бассейна сфинкса
- Декоративный бассейн с лилиями
- Театр в античном стиле

РИС. 32. ЭСКИЗНЫЕ ПРОЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ И ИНЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ, ПЛАНИРУЕМЫХ К СТРОИТЕЛЬСТВУ НА ТЕРРИТОРИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» НА БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ. 1, 2 – усадьба богатого танаита первых веков нашей эры; 3 – хижина жителя города первой половины V в. н.э.; 4 – детский познавательный-игровой комплекс «Маленький Танаис»; 5 – летний театр в античном стиле (амфитеатр «Одеон»); 6 – археологический дом-гостиница с лабораторным комплексом для камеральной обработки археологического материала.

ИССЛЕДОВАНИЯ ТАНАИСА И ЕГО ОКРУГИ

СВИДЕТЕЛЬ КАТАСТРОФЫ: СКЕЛЕТ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПОДВАЛА R2 ВБЛИЗИ ЮЖНЫХ ВОРОТ ТАНАИСА

© 2023 г. Батиева Е.Ф.

ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник»,
Ростовская область, г. Азов, Российская Федерация
E-mail: *batieva.elena@yandex.ru*

В 2007 г. отрядом Нижне-Донской экспедиции ИА РАН на городище Танаис исследовался подвал на раскопе XIX вблизи Южных ворот. В процессе раскопок в подвале R2 были обнаружены костные останки человека, погибшего в результате трагических событий 250/251 гг. н.э., когда город был разрушен и сожжен. По комплексу признаков его можно отнести к типичному представителю населения Танаиса первых веков нашей эры. Морфологический тип человека также относится к преобладавшему среди жителей Боспора.

Ключевые слова: *палеонтропология, население Танаиса, расово-диагностические признаки, морфологический тип человека.*

THE WITNESS TO THE CATASTROPHE: THE DISCOVERY OF A HUMAN SKELETON FROM THE BASEMENT R2 NEAR THE SOUTHERN GATES OF TANAIIS

Batieva E.F.

A team of the Lower Don Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences investigated a cellar at the excavation site XIX near the Southern Gates of the Site of Tanais in 2007. During the excavations in the cellar R2 human remains were discovered. They belong to an individual who perished during the tragic events of 250/251 AD, when the city was destroyed and burned away. Based on a set of characteristics, this individual can be identified as a typical representative of the population of Tanais in the early centuries AD. The morphological type of this person also corresponds to those predominant among the inhabitants of the Bosphorus.

Keywords: *paleanthropology, population of Tanais, racial diagnostic features, human morphological type.*

В 2007 году отрядом Нижне-Донской экспедиции ИА РАН на городище Танаис исследовался подвал на раскопе XIX вблизи Южных ворот (Арсеньева, Ильяшенко, 2008) (рис. 1, 2). В процессе раскопок в подвале R2 были обнаружены костные останки человека (рис. 1, 2), погибшего в результате трагических событий 250–251 гг. н.э., когда город был разрушен и сожжен (Шелов, 1970).

Представленный на исследование скелет принадлежал мужчине 30–35 лет. На черепе и костях скелета имеют место некоторые морфологические особенности и патологические

изменения, связанные с условиями жизни и обстоятельствами смерти данного конкретного индивидуума (пожар и обрушение перекрытий дома).

К первым относятся: эмалевая гипоплазия зубов (индикатор эпизодических стрессов, перенесенных в детстве); прижизненная, возможно, травматическая утрата верхних первых резцов; дегенеративно-дистрофические изменения коленных и голеностопных суставов средней степени (последствия возрастных изменений и постоянных механических нагрузок).

Ко вторым: сквозное повреждение лобной кости (рис. 3) и следы обугливания на головке правой локтевой кости.

Череп и кости погибшего из подвала R2 были изучены по стандартным методикам, принятым в отечественной палеоантропологии (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966).

Совокупность качественных и количественных расово-диагностических признаков исследованного мужского черепа позволяют сделать вывод о его принадлежности к европеоидной (евразийской) большой расе (рис. 4, 5). Мозговая коробка длинная, высокая и очень узкая, с нешироким лбом, долихокранная (табл. 1). Лицо очень узкое, абсолютно и относительно низкое, ортокранное, хорошо профилированное. Орбиты абсолютно и относительно низкие. Нос малой высоты, абсолютно и относительно узкий, сильно выступающий, с высоким переносьем.

Размеры исследованного черепа не выходят за пределы индивидуальной изменчивости в уже исследованных сериях мужских черепов из некрополя Танаиса III в. до н.э. – III в. н.э. (Герасимова, 1965, 1971; Батиева, 2001). По комплексу признаков его вполне можно отнести к морфологическому типу, преобладавшему среди жителей Боспора – грацильный долихокранный череп с относительно низким лицом и высоким носом (Герасимова, 1987). Это подтверждает и проведенное сравнение черепа из подвала R2 с близкими по времени и территории мужскими краниологическими сериями по методу Гейнке (табл. 2). Из донских городских могильников наибольшее сходство он обнаруживает с черепами из погребений I–II вв. н.э. некрополя Нижне-Гниловского городища и погребений последних веков до н.э. некрополя Танаиса. Близкие суммарные различия показаны также для серий из Керчи и Фанагории.

На основании признаков строения представленного на исследование черепа были также реконструированы, в соответствии с существующими известными методиками (Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Балужева, Веселовская, 2004 и др.), элементы внешности погибшего.

Лицо овальной формы, относительно широкое, с крупным лбом и средне выступающими скулами. Брови дугообразные или ломаные, сближенные, возможно сросшиеся на переносице. Глазная щель относительно длинная, горизонтально расположенная; глаза глубоко посаженные, без выраженной складки века.

Нос резко выступающий, крупный, отклонен влево; кончик носа среднеширокий, округлый или раздвоенный, отклонен вправо; крылья носа высокие, симметричные. Рот малой длины, с укороченной верхней и среднеширокой нижней губой. Подбородок выступающий, средней высоты и ширины, закругленной формы. Длина ушной раковины большая; мочка свободная; вероятно, имела место верхняя или общая оттопыренность ушей.

Графическая реконструкция внешнего облика по черепу погибшего из подвала R2 Танаиса представлена на рисунке 6.

Таким образом, можно заключить, что мужчина из подвала R2 является типичным представителем населения Танаиса. Погибший одновременно с гибелью города в III в. н.э., он не был обнаружен и погребен современниками: жизнь в разгромленном поселении возродилась далеко не сразу и не в полном объеме.

Литература

- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М. Отчет. Исследования на основном четырехугольнике городища Танаис в 2007 г. Раскоп XIX // Архив ИА РАН. 2008. Ф-1. Р-1. № 44270.
- Батиева Е.Ф. Новые данные по антропологии танаисского некрополя // Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981 – 1995 гг. М., 2001. С. 223–260.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып.1(17). Новосибирск, 2004. С. 143–150.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек) // ТИЭ, (н.с.), т. 28. М., 1955. 584 с.
- Герасимова М.М. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в северо-восточном Причерноморье (Боспорское царство) // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 9–82.
- Герасимова М.М. Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса // МИА, № 127, 1965. С. 256–260.
- Герасимова М.М. К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // СЭ, № 4. 1971. С. 131–140.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М., 1998. 123 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в I – III вв. н.э. М.: Наука, 1970. С. 169–175.

ТАБЛИЦА 1

РАЗМЕРЫ И УКАЗАТЕЛИ МУЖСКОГО ЧЕРЕПА ИЗ ПОДВАЛА R2 ТАНАИСА

№ по Мартину и название признака	х	№ по Мартину и название признака	х
1.Продольный диаметр	186	71а.Наименьшая ширина ветви	36
8.Поперечный диаметр	130	32.Угол <i>banas-met</i>	82
17.Высотный диаметр	140	Е.Угол <i>bagl-met</i>	76
5.Длина основания черепа	101	72.Общий угол лица	84
20.Ушная высота	115	73.Угол средней части лица	84
9.Наименьшая ширина лба	90	74.Угол альвеолярной части	
10.Наибольшая ширина лба	115	75.Угол носовых костей к горизонтали	48
11.Ушная ширина	115	75\1 Угол носовых костей к линии профиля	36
12.Ширина затылка	108	77.Назо-малярный угол	139,8
45.Скуловой диаметр	125	Зиго-максиллярный угол	128,3
40.Длина основания лица	93	79.Угол ветви нижней челюсти	128
48.Верхняя высота лица	59	Надпереносье (по Мартину, 1-6)	3
47.Полная высота лица	104	Надбровные дуги (1-3)	2
43.Верхняя ширина лица	99	Глубина клыковой ямки (мм)	6,5
46.Средняя ширина лица	91	Передне-носовая ось (по Брока, 1-5)	2,5
60.Длина альвеолярной дуги	48	Наружный затылочный бугор (по Брока, 0-5)	1,5
61.Ширина альвеолярной дуги	55	Сосцевидный отросток (1-3)	3
62.Длина неба	42	Нижний край грушевидного отверстия	anthr
63.Ширина неба	37		
55.Высота носа	49	Индексы:	

54.Ширина носа	22,5	Назомаллярный	18,3
51.Ширина орбиты от mf	40,5	Зигомаксиллярный	24,2
51а.Ширина орбиты от d	37	9:45.Лобно-скуловой	72,0
52.Высота орбиты	31	40:5.Выступания лица	92,1
50. Межглазничная ширина mf/mf (МС)	19	45:8.Поперечныйфациоцеребральный	96,2
MS. Высота над mf/mf	7,5	48:17.Вертикальныйфациоцеребральный	42,1
43\1.Бималлярная хорда $fmo-fmo$	93	47:45.Общий лицевой	83,2
Высота $nasion$ над бималлярной хордой	17	48:45.Верхне-лицевой	47,2
Зиго-максиллярная хорда $zm' - zm'$	93	MS:МС.Максиллофронтальный	39,5
Высота $subspinale$ над зиго-максиллярной хордой	22,5	DS:DC.Дакриальный	56,8
DC.Дакриальная хорда	22	SS:SC.Симотический	57,1
DS.Дакриальная высота	12,5	52:51.Орбитный от mf	76,5
SC.Симотическая хорда	7	52:51а.Орбитный от d	83,8
SS.Симотическая высота	4	54:55.Носовой	45,9
65.Мышелковая ширина	112	8:1.Черепной	69,9
66.Угловая ширина	101	17:1.Высотно-продольный	75,3
68.Длина нижней челюсти от углов	80	17:8.Высотно-поперечный	107,7
68\1.Длина нижней челюсти от мышелков	114	20:1.Высотно-продольный	61,3
70.Высота ветви	65	20:8.Высотно-поперечный	87,7

ТАБЛИЦА 2

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧЕРЕПА ИЗ ПОДВАЛА R2 ТАНАИСА С НЕКОТОРЫМИ МУЖСКИМИ СЕРИЯМИ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ГОРОДСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ПОДОНЬЯ И КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Серии	Кол-во признаков	Суммарная разница по формуле Гейнке
Нижнегниловской некрополь, I – II вв. н.э. (Батиева, 2007, табл.)	39	2,4
Танаис, первые века до н.э. (Батиева, 2001)	39	2,5
Керчь (Герасимова, 1987)	22	2,5
Фанагория (-«-)	19	2,6
Танаис, I – III вв. н. э. (Батиева, 2001)	36	2,8

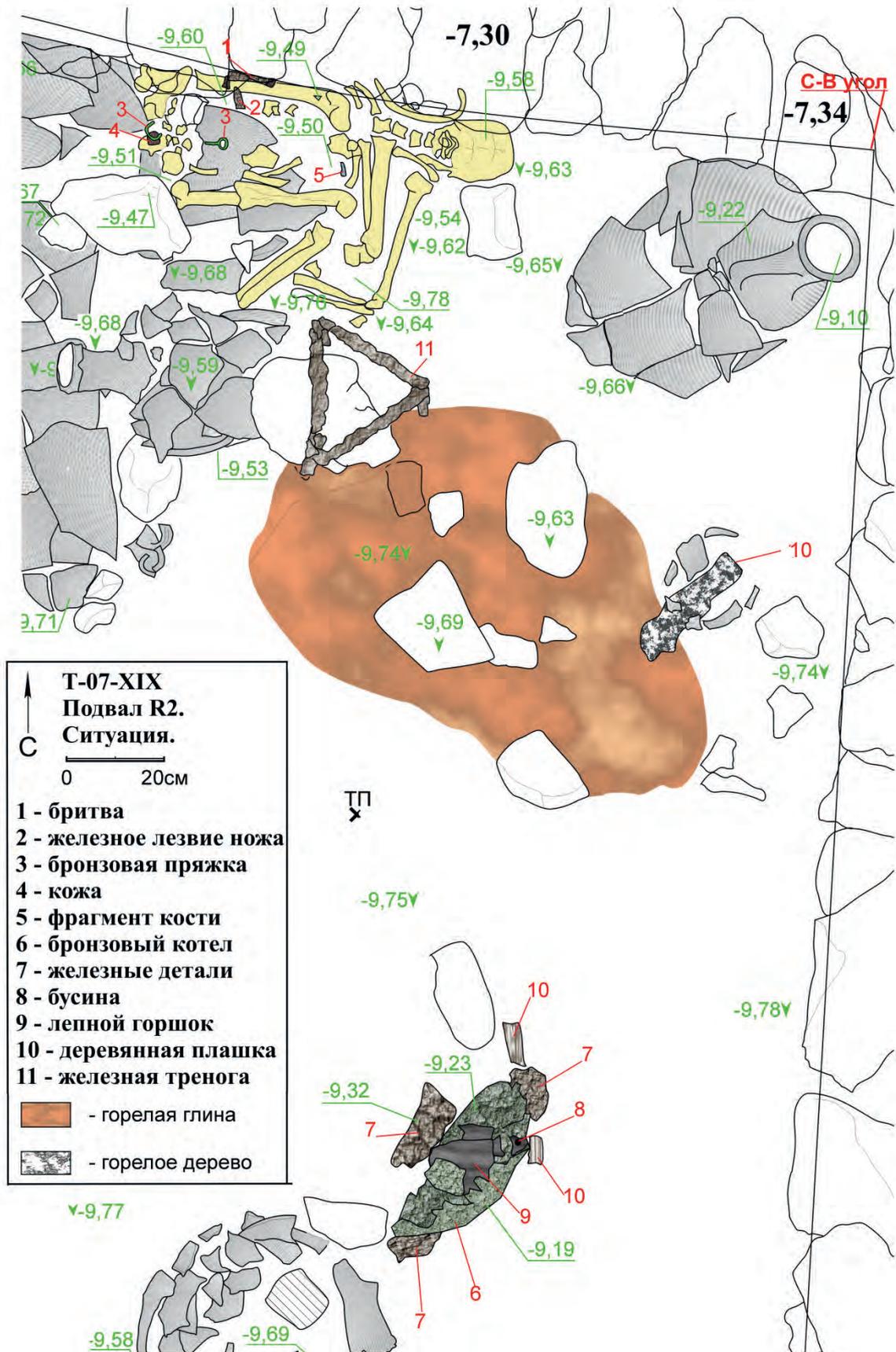

РИС. 1. ПОДВАЛ R2, РАСКОП ХІХ. ПЛАН НАХОДОК.

РИС. 2. ПОДВАЛ R2, XIX. ВИД С ССВ.

РИС. 3. ВИД ЧЕРЕПА СВЕРХУ.

РИС. 4. ВИД ЧЕРЕПА В ПРОФИЛЬ.

РИС. 5. ВИД ЧЕРЕПА В ФАС.

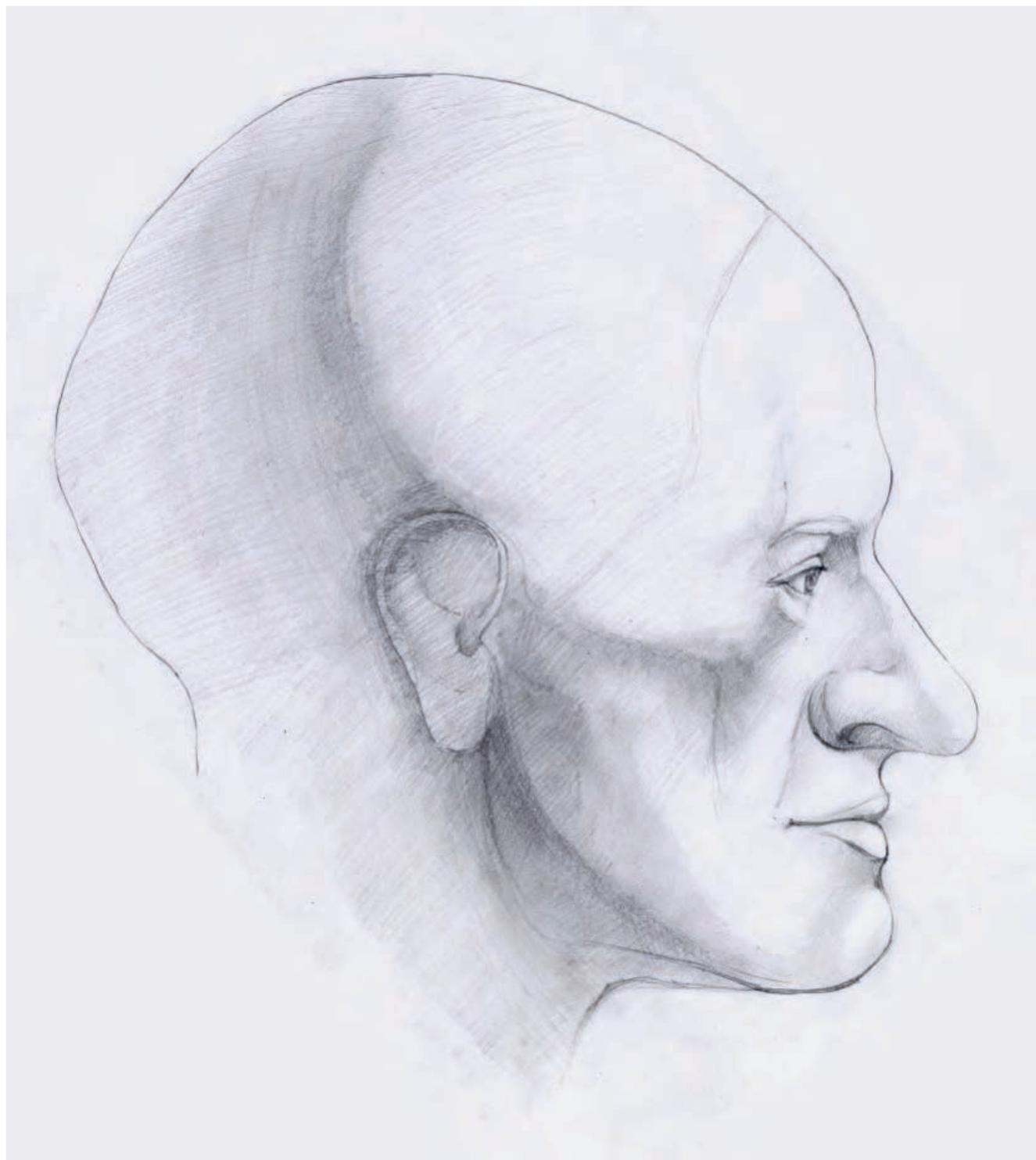

РИС. 6. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ.

ЛОЩИННЫЕ ДОРОГИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ТАНАИСА

© 2023 г. Гарбузов Г.П.¹, *, Толочко И.В.^{1,2}, **

¹ФГБУН «Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»,
х. Недвиговка, Российская Федерация

*E-mail: g_garbuz@mail.ru

** E-mail: i-r-69@mail.ru

В ближайших окрестностях Танаиса по космо- и аэрофотоснимкам выделяются две древние дороги: одна от городища Танаиса на северо-запад, к балке Донской Чулек, вторая, очень хорошо различимая на всех имеющихся снимках, от городища на северо-восток. Наблюдаемые в округе Танаиса протяженные линейные лощины являются несомненными следами дорог, современных Танаису. Время формирования их строго линейного облика можно с определенной вероятностью отнести ко II–III вв. н.э.

Ключевые слова: дистанционные методы исследования, лощинные дороги, аграрная округа.

THE HOLLOW ROADS OF THE TANAIS SURROUNDINGS

Garbuzov G.P., Tolochko I.V.

In the nearest surroundings of Tanais, two ancient roads can be distinguished due to satellite and aerial photographs: one leading from the Tanais settlement to the northwest towards the Don Chulek ravine, and another leading from the settlement to the northeast, and this one is clearly visible in all available images. The extensive linear hollows observed around Tanais are undeniable traces of roads contemporary to Tanais. The time of their formation into a strictly linear shape can be reasonably attributed to the 2nd-3rd centuries AD.

Keywords: remote research methods, hollow roads, agrarian region.

В округе Танаиса по космо- и аэрофотоснимкам выделяются две древние дороги (рис. 1, 2). Одна дорога ведет от городища Танаиса на северо-запад, к балке Донской Чулек, она восстанавливается по снимкам на протяжении приблизительно 1,2 км. Вторая дорога идет от городища на северо-восток, она очень хорошо различима на всех имеющихся снимках. Вторая дорога поднимается от городища к водоразделу, вдоль которого располагаются курганная группа «Царский» и курганный могильник «Недвиговский I», и прослеживается на протяжении не менее 2,8 км.

Значительная часть северо-восточной дороги заметна на местности в виде лощины шириной до 50 м и глубиной около полуметра (см. нивелировочный профиль на рис. 3). Судя по неплохо сохранившемуся участку, расположенному среди полей учебно-опытного хозяйства ЮФУ, такой же внешний вид имеет (точнее, имела) и северо-западная дорога. Непосредственно вблизи городища обе дороги из-за сложного микрорельефа на местности не просматриваются,

но северо-восточная дорога уверенно выявляется у городища на космо- и аэрофотоснимках. Таким образом, план северо-восточной дороги восстанавливается на всем пути от городища до водораздела, где ее след теряется за автодорогой Ростов–Таганрог.

Из прослеживаемого плана этой дороги следует, в частности, что ее строгая линейность нарушается где-то в 400–500 м от городища. Здесь она по плавной дуге изгибается к западу, заканчиваясь у северо-западного угла основного четырехугольника городища. Весь изгибающийся отрезок дороги лежит в пределах четко выделяемой по космоснимкам зоны некрополя, насыщенной курганами. Наиболее явное отклонение дороги от прямой начинается южнее большого кургана (№ 2 по нумерации Д.Б. Шелова), раскопанного в начале 1960-х годов. Ситуация еще больше усложняется тем обстоятельством, что дорога на своем пути пересекает два оборонительных рва, окружавших с севера основной четырехугольник городища, причем как минимум один из рвов (внутренний) сопровождался валом. Остатки этих фортификационных сооружения ясно видны на немецком аэрофотоснимке, датированном мартом 1943 г. (рис. 4). При этом, судя по упомянутому снимку, в валу, охватывающему четырехугольник городища, для дороги был сделан проход (см. укрупненный фрагмент снимка на рис. 4).

Выделенные дороги похожи и по отображению на снимках, и по внешнему виду на местности на лощинные дороги Таманского полуострова (Гарбузов, 2020). Опираясь на данные дистанционного зондирования, круг аналогий для танаисских лощинных дорог можно расширить. Они отмечаются в округах практически всех крупных греческих центров Северного Причерноморья, например, вблизи Ольвии (Карасев, 1956) и Истрии, а также у меотских городищ на Средней Кубани. Следует оговориться, что подобные дороги встречаются не только в Северном Причерноморье, и могут относиться к разным эпохам. Пожалуй, самыми известными и изученными древними дорогами лощинного типа являются дороги вблизи поселенческих центров бронзового века в Верхней Месопотамии, где их суммарная протяженность достигает 6 тыс. км (Wilkinson, 1993; Ur, 2003; 2009; Wilkinson et al., 2010; Casana, 2013; Raccidi, 2013). На снимках и на местности они выглядят идентично их более поздним аналогам в Северном Причерноморье.

Обсуждение месопотамских дорог в научной литературе обозначило ряд положений, обладающих универсальным характером. Например, были выделены факторы, влиявшие на формирование дорог в виде лощин: механическое воздействие на почву, связанное с передвижением людей, домашнего скота и колесного транспорта; водная эрозия, наиболее значимая на склонах; ветровая эрозия, существенная в засушливый период. В ходе длительной эксплуатации в условиях эрозии дороги постепенно превращались в глубокие ложбины, особенно при наличии заметных уклонов. Глубина дорог бронзового века в Верхней Месопотамии достигает по современным измерениям 2 м при ширине от бровки до бровки до 150 м.

Значительная ширина лощинных дорог представляет собой отдельный вопрос. Наиболее вероятное объяснение связано с пониманием подобных дорог не столько как полевых дорог для людей и повозок, сколько как скотопрогонных путей, по которым домашний скот перегонялся из поселенческих центров на пастбища и обратно. Кроме того, широкая дорожная ложбина могла вырабатываться из-за обхода или объезда сложных участков, что расширяло полосу, подвергающуюся интенсивной эрозии.

Важным итогом изучения месопотамских дорог является соответствующая им модель освоения аграрной округи. Предполагается, что поселения находились в кольце возделываемых полей, при этом радиально расходящиеся от каждого поселения дороги небольшой, обычно не более 2–3 км, протяженности вели через эту земледельческую зону к ближайшим пастбищам и там заканчивались. Лишь некоторые из радиальных дорог продолжались далее и служили для связи поселений между собой.

Несомненно, что дороги в Северном Причерноморье принимали лощинообразный вид под влиянием тех же общих факторов, что и в Верхней Месопотамии. Существенно, что и в Верхней Месопотамии, и в основных областях греческой колонизации Северного

Причерноморья преобладают плодородные степи, и для обоих регионов во время предположительного формирования дорог основным был тип хозяйства, сочетавший возделывание зерновых и скотоводство.

Возвращаясь к дорогам в округе Танаиса, подчеркнем, что эти дороги неотрывно связаны с традициями Боспора. Космо- и аэрофотоснимки показывают, что от многих поселений с укреплениями, сосредоточенных в северной части Таманского полуострова, отходят лощинные дороги протяженностью несколько километров (Гарбузов, 2020. Рис. 7). К примеру, от поселения Батарейка-1 расходится веер из 4–5 дорог протяженностью до 2,5 км. Схожий веер из 5 дорог отходит от Патрея, они прослеживаются по аэрофотоснимкам как ложбинные на расстояние до 2,8 км от поселения. Сходство танаисских и таманских лощинных дорог иногда можно назвать абсолютным. К примеру, у северо-восточной танаисской дороги в округе Патрея есть чрезвычайно близкий аналог – строго линейная дорога северо-восточного направления (ориентация совпадает с точностью до градуса) со схожим соотношением с рельефом.

Время возникновения линейной дороги, направленной точно на укрепление-«батарейку» в восточной части Патрея (есть предположение, что она вела к воротам крепости (Абрамов, 1999. С. 4)), наиболее логично увязать с датировкой самого укрепления, которое возвели приблизительно в первой половине I в. н.э. Линейность дороги, нетипичную для таманской дорожной сети, можно связать с сознательным планированием сельскохозяйственной территории при строительстве «батарейки». Косвенно о планировании территории говорят заметные на архивных снимках следы межевания, пространственно согласованные с линейной дорогой. Возможно, что здесь были виноградники – склон южной экспозиции с хорошими почвами, по которому дорога поднимается к водоразделу, вполне благоприятен для этой культуры. В целом возникновение данной дороги в ее линейном виде вполне можно отнести к I в. н.э.

Как уже сказано, линейная дорога северо-восточного направления у Патрея очень похожа по формальным признакам на северо-восточную дорогу у Танаиса. Дополнительное сходство этим дорогам придает то обстоятельство, что танаисская дорога, по крайней мере ее протяженная линейная часть, также направлена на укрепление. Если экстраполировать линейный отрезок дороги, то он приведет точно к середине северной стороны основного четырехугольника городища. Ориентируясь на пример Патрея, можно предположить здесь такую же хронологическую схему с формированием линейной дороги не ранее I в. н.э.

Изгиб северо-восточной танаисской дороги перед городищем, заметный на снимках, указывает, предположительно, на ее более ранний маршрут, отправной точкой которого мог служить западный городской район Танаиса эллинистического времени и хозяйственная зона вокруг него. В пользу такой гипотезы говорит то, что ложбина данного участка дороги фактически накладывается на северо-западный угол рва городища, т.е. похоже, что момент создания рвов в их наблюдаемом виде относится к периоду, когда эта часть дороги уже не функционировала.

В пределах изгибающегося участка дороги, вблизи северо-западного угла рва городища, располагался раскоп XV 1971 г. (о расположении раскопа в предполагаемой ложбине дороги можно судить по архивному аэрофотоснимку 1978 г.), который показал наличие погребений первой половины III в. н.э., совершенных в ямах, прорезавших слежавшийся мусорный культурный слой с большим количеством керамики III в. н.э. и с редкими находками более раннего материала (Арсеньева, 1977. С. 88–89. Табл. I). Не исключено, что в этой же ложбине дороги располагалось («у северо-западного угла городища ... на полевой дороге») случайно обнаруженное погребение номер 154, датированное III в. н.э. (Арсеньева, 1977. С. 89–92).

Линейность дорог у Танаиса, выдерживаемая для северо-восточной дороги на протяжении нескольких километров, дает дополнительную пищу для размышлений, так как стихийно формирующиеся дороги крайне редко бывают строго прямолинейными в условиях сложного рельефа. Эту линейность еще более сложно списать на простую случайность, если учесть абсолютное сходство линейных дорог у Танаиса и у Патрея. Возможно, что на примере

Танаиса также следует говорить о сознательном планировании. Помимо упорядочивания сельскохозяйственной территории, на это планирование могло повлиять стремление проложить наилучший для колесного транспорта путь от Танаиса к вершинам водораздела.

Высотный профиль (рис. 5) северо-восточной дороги, идущей наискось по склону, показывает очень равномерный небольшой уклон, в среднем до 2%. Для сравнения, вариант пути прямо на север от городища к «Царскому» кургану дает среднюю крутизну склона более 3%, с максимальными уклонами почти 6%. Но, несмотря на возможное приспособление дороги для движения повозок, выработке широкой дорожной ложбины более всего способствовали, по нашему мнению, интенсивные передвижения скота, как местного, из города на пастбища и обратно, так и приходящего с торговыми караванами или пригоняемого на продажу.

Ранее упоминалась предложенная для Верхней Месопотамии модель устройства сельскохозяйственной округи. Эту вполне логичную модель, следы которой обнаруживаются, например, в дорожно-межевых сетях Тамани, можно применить и для Танаиса. Д.Б. Шелов оценивал население Танаиса в первой половине III в. н.э. в 1,5–2 тыс. человек (Шелов, 1972. С. 277). Приблизительно оценим площадь пахотных земель, необходимую для обеспечения указанного населения Танаиса зерном. Расчет для двух тысяч человек дает величину около 1300 гектаров пахотных земель¹. В очень схематичном представлении требуемой площади будет соответствовать земледельческая зона в виде условного полукруга с центром в Танаисе и с радиусом около 2,9 км (для упрощения здесь не учитывается наличие всевозможных неудобий, например, днищ и крутых склонов балок, некрополя, не подлежащего распашке, и т.п.).

Выявленные фрагменты линейных дорог располагались бы в пределах указанной гипотетической земледельческой зоны, описанной вокруг Танаиса. В случае северо-восточной дороги, она, возможно, доходила до границ распаиваемой земли, теряя выраженность при переходе к пастбищам, что хорошо соответствует «месопотамской» модели. В целом, выделенные дороги могли как обслуживать внутренние нужды хозяйства Танаиса, представляя собой пути прохода скота на пастбища и обратно, так и служить для внешних коммуникаций. Последний вариант весьма правдоподобен для северо-восточной дороги, с ее очень плавным равномерным подъемом от Танаиса до основного водораздела, по которому через систему связанных водоразделов открывался доступ к окружающим Танаис степным пространствам.

С целью изучения северо-восточной дороги в начале нулевых годов были проведены небольшие по объему археологические раскопки (Казакова и др., 2008). Поперечный раскоп-траншея был заложен приблизительно в 600 м от северо-восточного угла основного четырехугольника городища, в том месте, где уже начинается хорошо выраженный линейный участок дороги (рис. 6). Раскоп был перпендикулярен дорожной ложбине, длина его составляла 25 м, ширина 2 м. Авторы раскопок выделили по стратиграфическим наблюдениям на дне дорожной ложбины достаточно плоское условное полотно дороги из плотного суглинка и понижения вдоль него с обеих сторон (условные «кюветы»), заполненные гумусированным грунтом (рис. 7–8). Общая ширина этого полотна вместе с тем, что было названо «кюветами», составляет около 14 м, глубина полотна дороги от современной дневной поверхности 0,8–1,0 м.

При расчистке в близком к полотну слое были найдены фрагменты амфор в виде мелкого боя светлоглиняных амфор типов А и С по классификации Д.Б. Шелова, а в заполнении одного из «кюветов» найдена бронзовая лучковая подвязная фибула 5 варианта по классификации А.К. Амброза. Датировка материала в целом соответствует интервалу I–III вв. н.э. В ходе раскопок были проведены почвенные исследования с определением основных физико-химических свойств почвы и плотности грунта. По заключению специалистов, повышенные показатели плотности и твердости грунта могут свидетельствовать в пользу гипотезы о существовании дороги.

¹Взяты следующие параметры: севооборот по схеме трехполья (треть пашни всегда под паром), среднегодовое потребление 237 кг зерна на душу населения (оценка, предложенная в (Foxhall, Forbes, 1982. P. 72)), средняя урожайность 7 ц/га, норма высева 150 кг/га.

К сожалению, сделан был всего один разрез дороги, чего явно недостаточно для однозначных заключений. Стратиграфия, которую показал пробный разрез, и полученные выводы о свойствах почв не могут быть с уверенностью распространены не только на всю дорогу в целом, но и на какие-то ее другие участки, а несомненное соседство с некрополем и многолетняя распашка требуют с осторожностью использовать найденный в раскопе археологический материал для прямого датирования дороги. Тем не менее, даже при ожидаемой неоднозначности археологических данных, имеющейся разноплановой информации вполне достаточно для того, чтобы утверждать, что наблюдаемые в округе Танаиса протяженные линейные лощины являются несомненными следами дорог, современных Танаису. Время формирования их строго линейного облика можно с определенной вероятностью отнести ко II–III вв. н.э. Вопрос о степени сознательного участия человека в дорожном планировании остается открытым.

Литература

- Абрамов А.П. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей. Материалы исследований. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1999. С. 3–32.
- Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 152 с.
- Гарбузов Г.П. Лощинный вариант дорог Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 25. М.: ИА РАН, 2020. С. 57–76.
- Казакова Л.М., Безуглова О.С., Морозов И.В., Гарбузов Г.П., Арсенъева Т.М. Опыт применения комплексной методики исследования для изучения округа античных памятников (на примере Танаиса) // Археология и геоинформатика. Вып. 5. Отдел охранных раскопок. Группа «Археолого-географические информационные системы». М.: ИА РАН, 2008. CD-ROM.
- Карасев А.Н. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. № 50. М.–Л.: АН СССР, 1956. С. 9–34.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 351 с.
- Casana J. Radial route systems and agro-pastoral strategies in the Fertile Crescent: New discoveries from western Syria and southwestern Iran // Journal of Anthropological Archaeology. 2013. 32 (2). pp. 257–273.
- Foxhall L., Forbes H.A. Sitometreia: the role of grain as a staple food in classical antiquity // Chiron. 1982. Bd. 12. pp. 41–90.
- Raccidi M. Wagons on the move: The study of wagons through landscape archaeology // Quaternary International. 2013. Vol. 312. pp. 12–26.
- Ur J. CORONA Satellite Photography and Ancient Road Networks: A Northern Mesopotamian Case Study // Antiquity. 2003. Vol. 77. pp. 102–115.
- Ur J. Emergent Landscapes of Movement in Early Bronze Age Northern Mesopotamia // Landscapes of Movement: Paths, Trails, and Roads in Anthropological Perspective. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009. pp. 180–203.
- Wilkinson T.J. Linear hollows in the Jazira, Upper Mesopotamia // Antiquity. 1993. Vol. 67. pp. 548–562.
- Wilkinson T.J., French Ch., Ur J.A., Semple M. The Geoarchaeology of Route Systems in Northern Syria // Geoarchaeology: An International Journal. 2010. Vol. 25 (6). pp. 745–771.

РИС. 1. ДОРОГИ ВБЛИЗИ ТАНАИСА (КОСМИЧЕСКИЙ СНИМОК GOOGLE EARTH / MAHAR TECHNOLOGIES ОТ 27.09.2006).

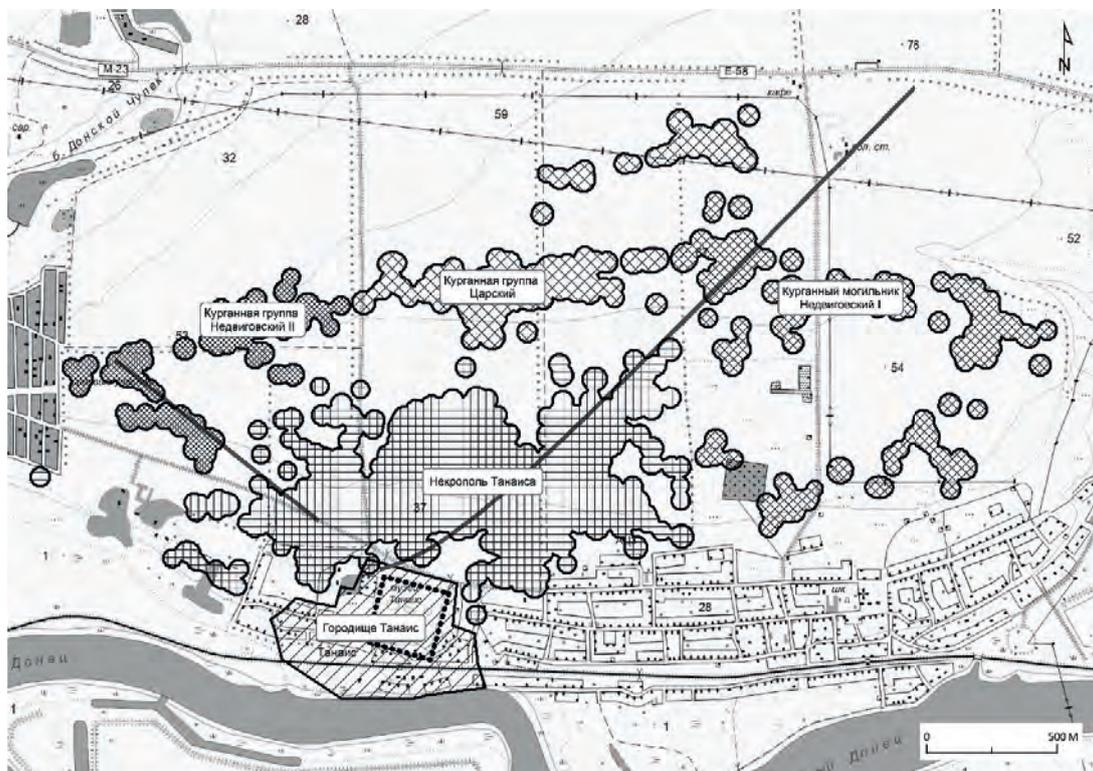

РИС. 2. КАРТОСХЕМА ДОРОГ ВБЛИЗИ ТАНАИСА ОТНОСИТЕЛЬНО ЛОКАЛИЗАЦИИ ГОРОДИЩА И НЕКРОПОЛЯ.

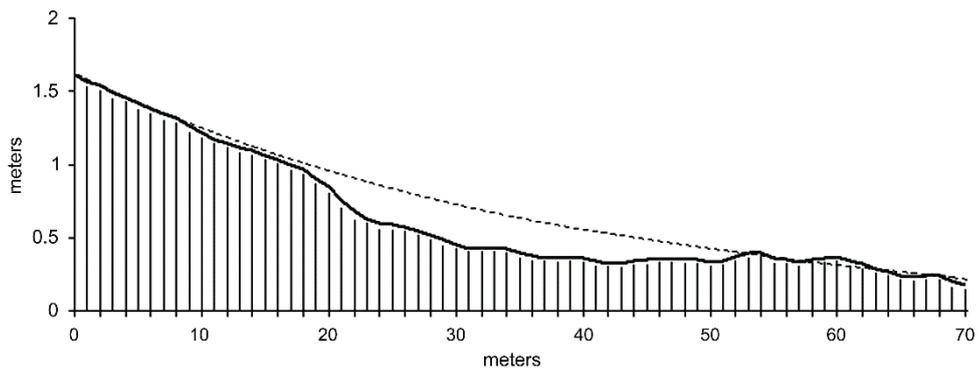

РИС. 3. ПОПЕРЕЧНЫЙ НИВЕЛИРОВОЧНЫЙ ПРОФИЛЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ДОРОГИ (ИЗМЕРЕНО В МАРТЕ 2020 г., ЛИНИЯ ИЗМЕРЕНИЙ ОТМЕЧЕНА КАК АА' НА РИС. 1).

РИС. 4. КОЛЬЦЕОБРАЗНАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ВОКРУГ ТАНАИСА НА АЭРОФОТОСНИМКЕ 1943 г. На врезке укрупненно показано место пересечения северо-восточной дороги с одним из валов.

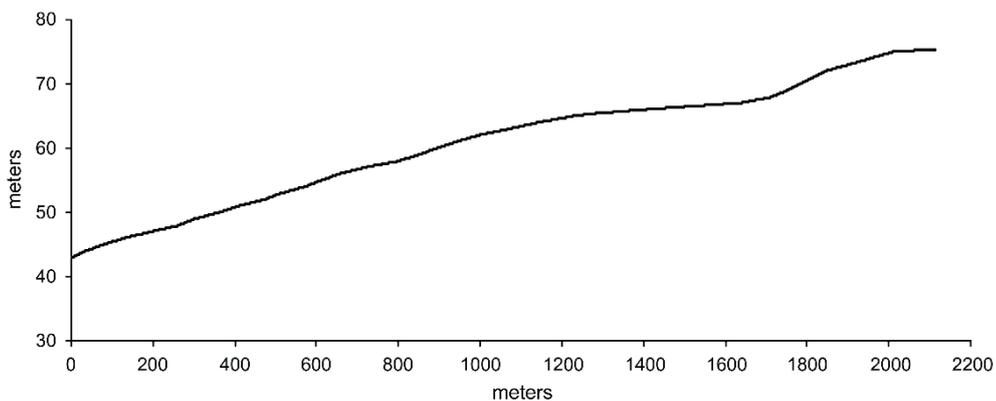

РИС. 5. ВЫСОТНЫЙ ПРОФИЛЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ДОРОГИ.

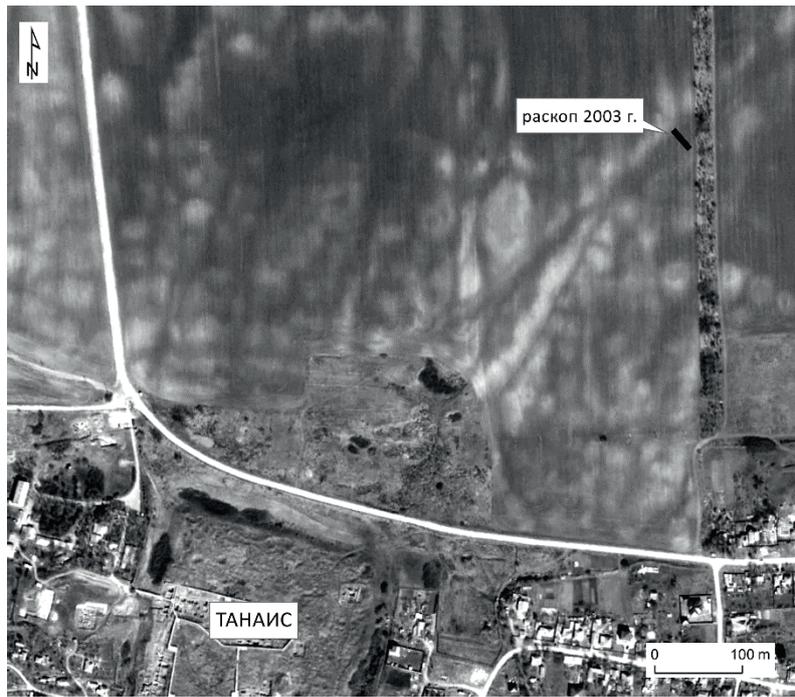

РИС. 6. МЕСТО РАСКОПОК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ДОРОГИ (КОСМИЧЕСКИЙ СНИМОК GOOGLE EARTH / МАХАР TECHNOLOGIES ОТ 31.03.2019).

РИС. 7. РАСКОП НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ДОРОГЕ. ВИД С СЕВЕРА.

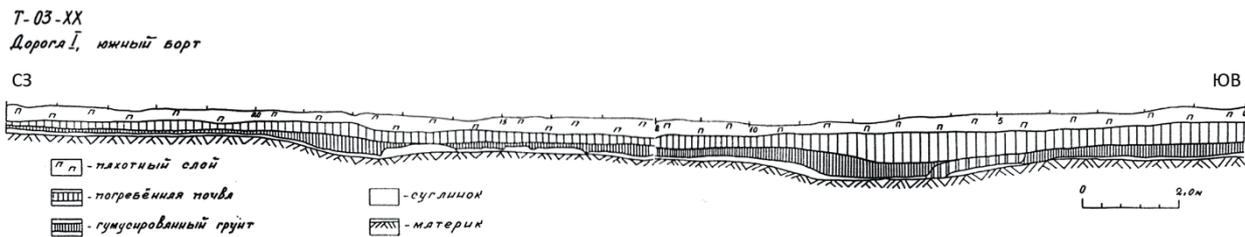

РИС. 8. СТРАТИГРАФИЯ РАСКОПА.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НЕКРОПОЛЕ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА

© 2023 г. Гугуев В.К.¹, *, Парусимов И.Н.², **.

¹Независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²Общество с ограниченной ответственностью «Скиф»,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*E-mail: guguev@mail.ru

**E-mail: parus63@mail.ru

Данная публикация продолжает тему исследования некрополей донских меотов. В 2021 г. раскопками был открыт северо-западный участок грунтового могильника Кизитериновского городища в г. Ростове-на-Дону с захоронениями и хозяйственными ямами I–III вв. н.э.

Ключевые слова: донские меоты, некрополь, Кизитериновское городище.

NEW DATA ON THE NECROPOLIS OF THE KIZITERINOVSKY SETTLEMENT

Guguev V.K., Parusimov I.N.

This publication continues the theme of researching the necropolises of the Don Meotians. In 2021 excavations uncovered the northwestern section of the earthen burial ground at the Kiziterinovsky settlement in Rostov-on-Don, featuring burials and economic pits from the 1st–3rd centuries AD.

Keywords: Don Meotians, necropolis, Kiziterinovsky settlement.

Кизитериновское городище и его некрополь до сегодняшнего дня остаются наименее изученными объектами в ряду городищ донских меотов. Это объясняется особенностью расположения памятника на юго-восточной окраине города Нахичевани-на-Дону, превратившейся с XIX столетия в интенсивно развивающуюся промышленную зону. Здесь располагались карьеры, кирпичные заводы, металлургические мастерские, со временем ставшие гигантом сельхозмашиностроения – завод «Красный Аксай». Примыкающая к городищу с востока Кизитериновская балка также подверглась существенному изменению рельефа в связи с прокладкой железнодорожных магистралей. До настоящего времени в специальной литературе о памятнике имелись лишь отрывочные сведения, связанные с обнаружением С.А. Вязигиным и Л.А. Ширман разрушенных карьером погребений некрополя.

Ими было доследовано одиннадцать погребений римского времени. По итогам этих работ Л.А. Ширман была опубликована специальная заметка. К сожалению, в ней отсутствует описание обряда обнаруженных захоронений и рядового материала, включавшего фибулу «обычного» типа, «черепков грубой работы» и «керамики типа лощенной посуды». Детально описаны четыре бусины, среди которых одна фигурная подвеска из египетского фаянса и амфора (рис. 9, 1а), которую исследовательница датировала I в. н.э. (Ширман, 1927. С. 69). Д.Б. Шелов расширил датировку находки до середины II в. н.э. (Шелов, 1972. С. 179), что

совершенно справедливо, т.к. сосуд относится к разряду позднегераклейской тары, к числу узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками (тип С IVB по С.Ю. Внукову), датируемыми от третьей четверти I в. н.э. до второй четверти II в. н.э. (Внуков, 2006. С. 169. Рис. 10). Видимо, из некрополя Кизитериновского городища происходит упомянутый Б.В. Луниным серолощенный сосуд с тамгообразным знаком (Лунин, 1933. С. 75).

Масштабные работы на территории Кизитериновского городища и некрополя были проведены в 2016 году совместной экспедицией Ростовского регионального отделения «ВООПИК» и ООО «Археологическое общество «Наследие», в связи со строительством на территории бывшего завода «Красный Аксай» одноименного жилого микрорайона (Коваленко, 2017). К сожалению, вскрытые обширные площади оказались практически полностью повреждены цехами завода. Удалось обнаружить лишь пять захоронений. Еще одна могила подбойного типа была обнаружена в котловане¹ (рис. 2, 4). Работы 2016 года впервые дали небольшую выборку погребений Кизитериновского некрополя, пригодную для научного исследования. Узкие ямы, прослеженные в придонной части, вытянутые по линии С–Ю, с костяками ориентированными головами на север (Коваленко, 2017. С. 225. Рис. 338), вероятно, являются остатками погребений так называемого заплечикового типа, исследованными на всех некрополях нижнедонских городищ римского времени (Гугуев, 2017. С. 140. Рис. 2). Одно из захоронений (погребение 3/2016), очевидно, было совершено в катакомбе (рис. 9, 2). В этой могиле, в грабительском лазе был обнаружен развал амфоровидного кувшина с муфтообразным венчиком, невысоким плавно расширяющимся горлом, двумя небольшими петлевидными овальными в сечении ручками, закрепленными на плечиках, округлым, расширенным в верхней трети высоты туловом (рис. 9, 1б). Подобные сосуды известны в Танаисе (Арсеньева, Науменко, 1992. С. 176. Рис. 60, 6; Науменко, 2012. С. 68, 79. Рис. 5, 4. С. 80. Рис. 6, 2). Один такой сосуд происходит из раскопок Темерницкого городища в 2017 году (автор раскопок – А.А. Нечипорук). Тесто этих «амфор» розовое или сиреневое, в изломе черепок двуслойный, с крупными примесями. Наличие амфор-кувшинов этого типа в складе-подвале ЕХ усадьбы 18, раскопа VI, прекратившем свое существование в ходе танаисского пожара середины II в. н.э., дает нам некоторый хронологический ориентир (Науменко, 2012. С. 67). Ко второй половине I в. н.э. – первой половине II в. н.э. можно отнести причерноморские фибулы, происходящие из раскопок Кизитериновского некрополя в 2016 году (Коваленко, 2017. С. 226. Рис. 343. С. 231. Рис. 369, 1). Они представлены застежкой с четырехвитковой пружинкой, пластинчатой спинкой и завитком на конце пластинчатого приемника и сильно профилированной фибулой со спинкой средней длины, ограниченной двумя бусинами, и шишечкой на конце пластинчатого приемника (Вариант 2 по А.К. Амброзу) (Амброз, 1966. С. 42).

Рассмотрим теперь единственное захоронение римского времени, обнаруженное в ходе раскопок 2021 года (Парусимов, 2023).

Погребение № 2 (рис. 4–6). Погребение было расположено в СВ части раскопа. Могильное пятно расчищено с глубины 1,92 м. Могила принадлежала к разновидности катакомб Г-образного типа. Ограблена лазом размером 1,85 x 0,7 м, «севшим» на стык входной ямы и камеры. Вдоль северной и восточной стенок могилы лаз выкопан на глубину 2,1–2,15 м.

Входная яма в плане трапециевидной формы со скругленными углами, ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Ее размеры составляли 1,17 x 2,1 м. Вход в погребальную камеру расположен в широкой северной стенке колодца. Стенки ямы, кроме северной, слегка сужались ко дну. Дно входной ямы у южной стенки находилось на глубине 2,34 м и плавно понижалось ко входу в камеру. В непотревоженной южной части колодца, в слое грунта, извлеченного при сооружении камеры, практически на дне, в материковой глине заполнения расчищены конечности ног до метаподий, черепа лошади и коровы, лежавшие «мордами на север» (рис. 5). Вероятно, имело место помещение в могилу шкур животных.

Погребальная камера имела в плане овальную форму, была вытянута продольной осью по линии З–В и смещена по отношению к колодцу к востоку. В длину она составляла 2,18 м,

¹Могила не была раскопана по вине строителей, разрушивших участок.

дно на глубине 2,63–2,68 м. Западная стенка являлась как бы продолжением входной ямы. Вход и свод камеры просели в древности.

В заполнении камеры были обнаружены разрозненные останки костяка взрослой женщины (?). Судя по сохранившейся *in situ* берцовой кости, погребенная (?) лежала головой на запад.

В заполнении входной ямы и камеры был обнаружен следующий инвентарь:

1. Железная овальная рамчатая пряжка с вогнутыми продольными сторонами и подвижным язычком. Конец язычка опирается на рамку пряжки. Железо плохой сохранности, язычок и рамка в месте его крепления не сохранились. Размеры: Длина – 6 см, макс. ширина рамки – 2,6 см (рис. 7, 10).

2. Две железные бусины бочковидно-сжатой формы. Свиты из подпрямоугольного в сечении дрота со сглаженными гранями. Размеры: 1,4 x 1,2 x 1,7 см (рис. 7, 8).

3. Фрагмент железной пряжки(?) с двучленной ажурной рамкой с перетяжкой посередине. Передняя часть рамки округлая, задняя, судя по одному выступающему углу, была прямоугольной формы. Размер обломка – 0,5 x 1,2 x 2,9 см (рис. 7, 9).

4. Четыре целых и столько же фрагментированных железных трехлопастных черешковых наконечников стрел. Длина сохранившихся целых – 3,4 и 5,2 см, боевых частей – 1,8, 3,1 и 3,3 см и черешков – 1,7 и 2 см, ширина боевых частей 0,8–1,3 см. Три наконечника – обломки черешков (рис. 7, 1–7).

5. Фрагменты двухжелезных накладок – ременных зажимов. Изделие представляет собой две прямоугольные пластинки, соединенные у концов двумя сквозными заклепками. Целый зажим имеет размеры – 0,6 x 5,1 см (рис. 7, 12). Размеры фрагментированной накладки – 0,6 x 3,3 см (рис. 7, 11).

6. Два фрагмента уплощенного железного предмета или предметов округлой в плане формы, украшенные аппликацией серебряными пластинками, в виде тончайших полосок (рис. 7, 13–14). Железо сильно послойившееся. У одного фрагмента с нижней стороны имеется выступающая пластинка-зацеп. Возможно, при креплении к основе эта пластинка была загнута наружу. Размеры фрагментов – 0,7 x 2,1 x 3,9 см и 0,8 x 2,1 x 3,6 см, ширина поперечной серебряной аппликации – 1 см, боковой – 0,4 см.

Рассмотрим немногочисленные остатки инвентаря погребения с точки зрения хронологии и культурных параллелей. Такие предметы, как железные пряжки, бусы и зажимы, очевидно, относятся к деталям конской упряжи и представлены как в степных сарматских древностях, так и в грунтовых некрополях донских меотов.

Металлические бусы (реже изготовленные из минералов или дерева) иногда именуемые пронизями, в тех случаях, когда обнаружены в положении *in situ*, как правило, украшали ремни оголовья. Железные бусы появляются, вероятно, в среднесарматскую эпоху. В позднесарматских курганах преобладают серебряные бусы (Безуглов, Нидзельницкая, 2020. С. 238–241. Рис. 14). Ареал распространения подобных украшений упряжи очень широк: по всей территории распространения сарматской культуры, включая Крым, а также в некрополях меотов (см., например: Храпунов, 2015. С. 229–230. Рис. 7–8; С. 235. Рис. 11; Гущина, Журавлев, 2016. С. 233. Табл. 223; Ларенок, 2016. С. 314. Табл. 94; Гугуев, Нечипорук, 2023. С. 131. Рис. 7). На некоторых железных бусах после реставрации обнаружены плакировки или инкрустации серебром (Курчатов, Бубулич, 2003. С. 289. Рис. 8, 1–3; погребение 176/2017 г. некрополя Ростовского городища, раскопки А.А. Нечипорука).

С точки зрения датировки интерес представляет сочетание крупных и миниатюрного наконечников стрел. Маленькие наконечники, как известно, были широко распространены в погребениях I в. н.э. – начала II в. н.э. Крупные наконечники характерны для позднесарматского времени. Вероятно, наличие маленького наконечника в наборе с крупными отражает пограничную дату комплекса между среднесарматской и позднесарматской эпохами. С известной долей условности погребение можно отнести ко времени, около середины II в. н.э., когда происходила смена комплекса вооружения в Северном Причерноморье. Интересна находка в кизитериновском погребении железных предметов с серебряной аппликацией.

Ажурные детали упряжи, плакированные золотом или серебром в римскую эпоху известны по всему ареалу сарматской культуры и подвергшихся сарматизации соседних племен от Казахстана до Днестра (Засецкая, 1979. С. 106. Рис. 17, 3; Максименко, Безуглов, 1987. С. 188. Рис. 2, 4–5; Анфимов и др., 1987, Каталог с. 53, табл. XXXIX, Кат. № 136–137; Медведев, 1990. С. 138–139, рис. 45, 4; Ильюков, Власкин, 1992. С. 60–61, рис. 12, 2–3, с. 77–79, рис. 19, 26–28; Сазонов и др., 1995. С. 135. Рис. 7, 20; Мошкова, 2001. С. 238; Курчатов и др., 2003. С. 289–292, 304, рис. 8; Пуздровский, 2007. С. 142. Рис. 102, 1; Зайцев, 2007. С. 85. Рис. 8; Зубов, 2011. С. 51. Рис. 19, 5; Минасян, 2014. С. 143. Рис. 2; Клепиков, Кривошеев, 2020. С. 191–193. Рис. 2–4). Когда именно произошло формирование у сарматов этого стиля, не вполне ясно.

Детали уздечных наборов из железа, плакированного золотом были найдены во всаднических погребениях некрополей донских меотов и прилегающих курганах сарматской знати (см., например, Volkov, Guguev, 1986. P. 74; Гугуев, Безуглов, 1990. С. 168. Рис. 3, 1–7; Гугуев, 1992. С. 108. Рис. 3, 11; Власкин, 1998. С. 40. Рис. 3, 1–2; Ильюков, 2000. С. 122. Рис. 6, 4–5, 10–11; Ильюков, 2002. С. 234–235. Рис. 18–21; Безуглов и др., 2009. С. 57. Рис. 32, 9–11; Нидзельницкая, 2017. С. 43. Рис. 8, 3). Плакировка железного изделия из некрополя Кизитериновского городища выполнена нетрадиционным способом. Она представляет собой прилегающие вплотную другу к другу тонкие (до 0,7 мм) серебряные полоски, между которыми прослеживаются прослойки железа (рис. 7, 13–14, 8). Как именно закреплялись тончайшие полоски серебра на железе: проковкой проволочек или наклейкой тонких нитей – неясно. Возможно, на поверхность предмета был прикреплен полоска фольги с последующими надрезами узким лезвием. В срезе никаких следов углублений не заметно, все полоски лежат в одной плоскости. Представляется, что данная разновидность плакировки – полосками – появилась в среднесарматскую эпоху и по времени предшествовала сплошной плакировке с точечными насечками. Это наблюдение не противоречит принятой нами с некоторой долей условности датировкой погребения 2/2021 г. Кизитериновского некрополя рубежом I–II вв. н.э.

Исследование погребения 2/2021 г. Кизитериновского некрополя приобретает особое значение в свете того, что впервые на данном некрополе обнаружено захоронение, принадлежащее к хорошо исследованной группе так называемых Г-образных катакомб. Эти могилы имеют ряд специфических коррелирующих между собой признаков, включая морфологию ям, ориентировку, особое оформление входных колодцев, где на выкиде помещались шкуры или чучела коров и лошадей (Гугуев, 2017. С. 129). Этот тип могил был выделен несколько десятилетий назад при раскопках некрополя Кобяковского городища (Безуглов, Гугуев, 1988. С. 25–27). Была установлена генетическая связь Г-образных катакомб с меотами Прикубанья. Впоследствии Г-образные катакомбы с набором специфических признаков были обнаружены и на других некрополях нижнедонских городищ римского времени (Гугуев, 2008. С. 135–138). Динамика этого типа могил в структуре ритуала нижнедонских городищ отражает соотношение коренного меотского компонента и сарматов, оседавших на поселениях донских меотов.

Литература

- Агульников С.М., Бубулич В.Г. Сарматский курган I в. н. э. у с. Казаклия // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Материалы международной конференции / отв. ред. П.П. Толочко. Запорожье: Запорожский государственный университет, 1999. С. 10–15.
- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Свод археологических источников. Д1–30. М., Наука. 1966. 111 с., табл.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М.: Эвтектика, 1992. 232 с.
- Власкин М.В. Археологические исследования в г. Ростове-на-Дону и Аксае в 1995–1996 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15 / Науч. Ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. С. 32–46.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону. Медиа-Полис, 2009. 127 с.

- Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда) // Проблемы сарматской археологии и истории: Тезисы докладов конф. Азов, 1988. С. 19–27.
- Безуглов С.И., Нидзельницкая Л.Ю. Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону // Крым в сарматскую эпоху (II в до н.э. – IV в. н.э.). Вып. VI. 2020 г. С. 215–259.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Тр. ГИМ. Вып. 205. М., Исторический музей. 2016. Часть 2. 320 с.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч.2: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб: Алетейя, 2006. 320 с.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 173 с.
- Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. №2. С. 164–175.
- Гугуев В.К. Парадный конский убор из кургана 10 Кобяковского могильника // Донские древности. Вып. 1 / Отв. Ред. В.Я. Кияшко Азов: Азовский музей-заповедник, 1992. С. 101–114.
- Гугуев В.К. Структура погребального ритуала Нижне-Гниловского некрополя (к вопросу о донском варианте меотской культуры) // Novensia. 2008. № 18–19. С. 129–138.
- Гугуев В.К. Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ) // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Перевозчиков. х. Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской области: АМЗ «Танаис», 2017. С. 128–151.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Элитный некрополь II в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика: Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 81–108.
- Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XX. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1979. С. 87–113.
- Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.): миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2011. 204 с.
- Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета, 1992. 288 с.
- Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 100–140.
- Ильюков Л.С. Три позднесарматских кургана из Северо-Восточного могильника // Аксайские древности / Отв. Ред. Л.С. Ильюков. Ростов-на-Дону: Б.и. 2002. С. 231–242.
- Каталог. Шедевры древнего искусства Кубани. Art treasures of ancient Kuban. Каталог выставки / Науч. ред. А.М. Лесков, В.Л. Лапушнян. Москва: Министерство культуры СССР, 1987. 187 с.
- Клепиков В.М., Кривошеев М.В. Детали конской узды из погребения сарматского всадника из могильника Ковалёвка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4, 2020. С. 181–199.
- Коваленко А.Н. Отчет «О результатах археологической разведки и спасательных археологических раскопках совместной археологической экспедиции РРО ВОО «ВООПиК» и ООО «Археологическое общество «Наследие» на территории земельного участка с кадастровым номером 61:44:0032109:13 в г. Ростове-на-Дону по адресу ул. Богданова, 75 в 2016 году. Ростов-на-Дону. 2017 г. // Архив ООО «Археологическое общество «Наследие».
- Курчатова С.И., Бубулич В.Г. «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» – сорок лет спустя // Взаимодействие культур и хронологии Северо-Понтийского региона / Отв. ред. Е. Сава. Кишинев. Ин-т. Археологии и этнографии АН РМ, 2003. С. 285–312.
- Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов из раскопок 2000–2001, 2002, 2004 гг. Ч. II. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2016. 320 с.

- Лунин Б.В. Находки на Кизитериновском городище. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 1–2.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на р. Быстрой // СА. 1987. № 1. С. 183–192.
- Медведев А.П. Сарматы и лесостепь: (по материалам Подонья). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. 217 с.
- Минасян Р.С. Золотой декор на железных мечах из Филипповских курганов // Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 141–145.
- Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2001. С.236–249.
- Науменко С.А. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I – середины III вв. н.э. // Вестник Танаиса. Вып. 3. 2012. С. 63–88.
- Нидзельницкая Л.Ю. Позднесарматское воинское захоронение вблизи Танаиса // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Перевозчиков. Недвиговка: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», 2017. С. 32–44.
- Парусимов И.Н., Рогудеев В.В. Некрополь Темерницкого городища // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1). С. 256–271.
- Парусимов И.Н. Отчет о проведении археологических наблюдений на территории ОАН «Некрополь Кизитериновского городища» по ул. Богданова, 71/96 в г. Ростове-на-Дону в 2021 г. 2023. Архив ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро».
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи / Отв. Ред. Дитлер П.А. Майкоп: «Меоты», 1995. С. 113–137.
- Храпунов И.Н. Погребения II в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1 (47).
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М.: Наука, 1972. 351 с.
- Ширман Л.А. Кизитериновский некрополь. Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. I кн. III тома, Вып. 3–4, 1927.
- Volkov I.V., Guguev Yu.K. Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don // Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: BAR, 1986. (BAR International Series, 278).

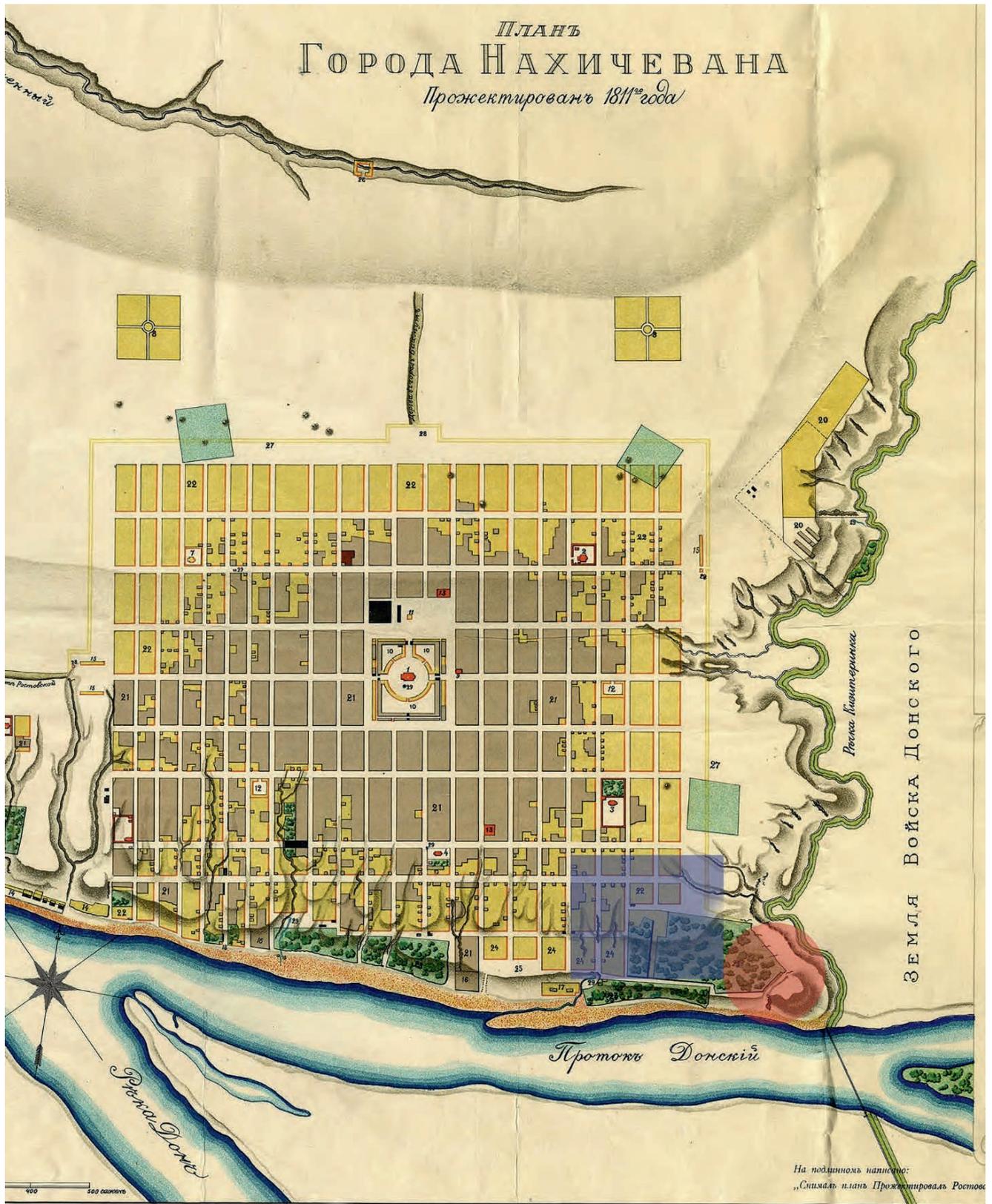

РИС. 1. ПЛАН НАХИЧЕВАНИ 1811 Г. С ПРЕДПОЛАГАЕМЫМИ ГРАНИЦАМИ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО НЕКРОПОЛЯ.

РИС. 2. НЕКРОПОЛЬ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА.

1 – Кизитериновское городище. 2 – участок некрополя Кизитериновского городища. Раскопки А.Н. Коваленко 2016 г. 3 – участок некрополя Кизитериновского городища. Раскопки И.Н. Парусимова в 2021 г. 4 – разрушенное погребение, обнаруженное в 2016 г. 5 – участок некрополя Кизитериновского городища. Обследование Л.А. Ширман в 1926 г.

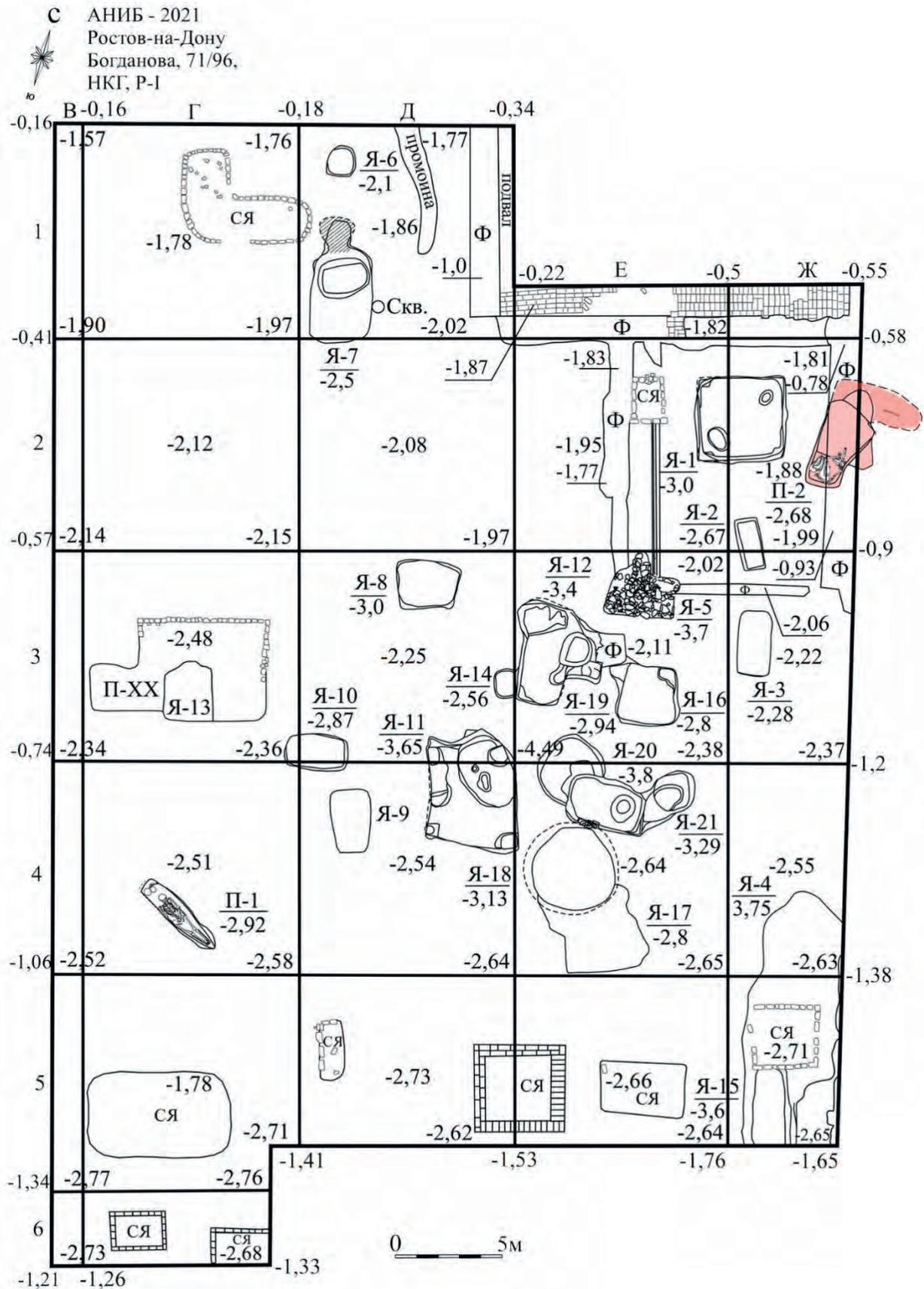

РИС. 3. НЕКРОПОЛЬ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА.

Раскопки 2021 г. 1 – погребение первых веков н.э.

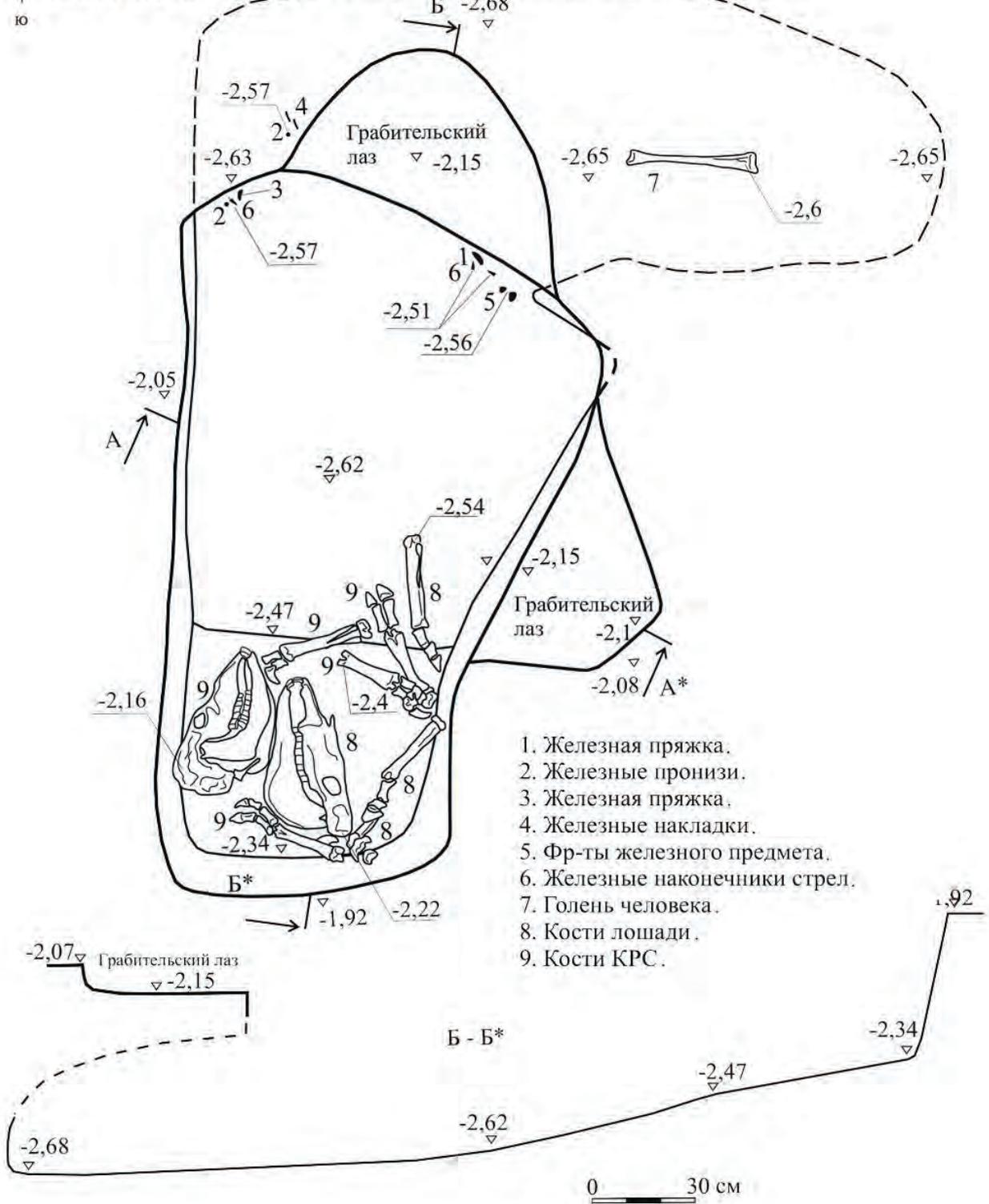
РИС. 4. НЕКРОПОЛЬ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА.

Раскопки 2021 г. 1 – входная яма погребения 2/2021 г. 2 – погребение 2/2021. Общий вид.

РИС. 5. НЕКРОПОЛЬ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА.
Кости животных в погребении 2/2021 г.

с АНИБ - 2021
Ростов-на-Дону
Богданова, 71/96
НКГ, Р-1, П-2

- 1. Железная пряжка.
- 2. Железные пронизи.
- 3. Железная пряжка.
- 4. Железные накладки.
- 5. Фр-ты железного предмета.
- 6. Железные наконечники стрел.
- 7. Голень человека.
- 8. Кости лошади.
- 9. Кости КРС.

РИС. 6. НЕКРОПОЛЬ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА.
План погребения 2/2021 г.

РИС. 7. НЕКРОПОЛЬ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА.

Инвентарь погребения 2/2021 г. 1–7 – наконечники стрел; 8 – бусы; 9, 10 – пряжки; 11, 12 – зажимы; 13, 14 – предметы с плакировкой.

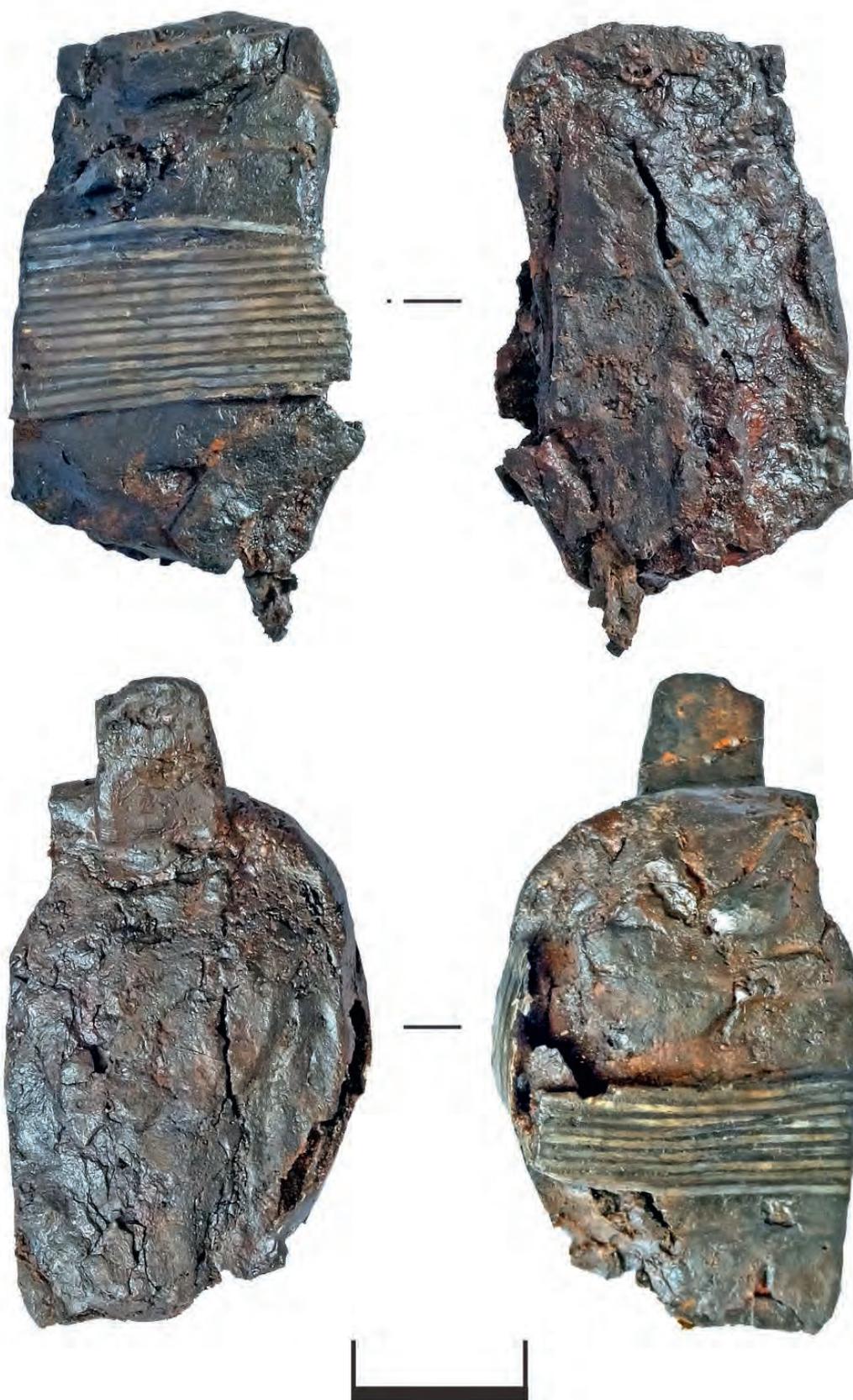

РИС. 8. НЕКРОПОЛЬ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА.
Железные предметы с плакировкой из погребения 2/2021 г.

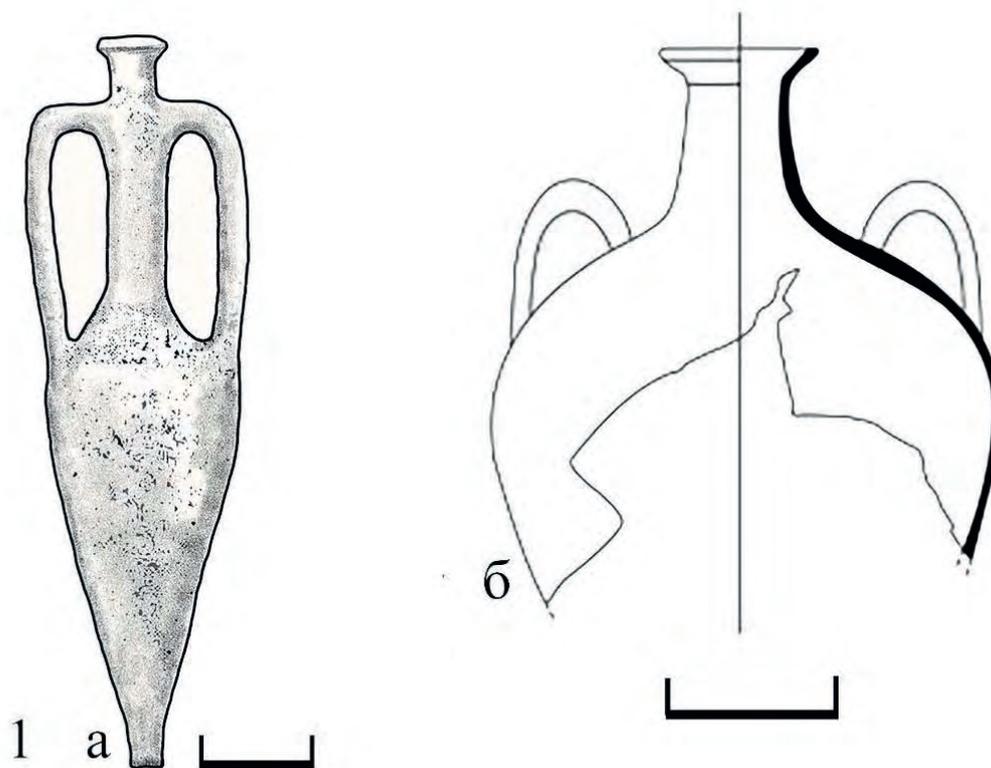

РИС. 9. НЕКРОПОЛЬ КИЗИТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА.

1 – амфоры из раскопок некрополя: а – раскопки 1926 г. (прорисовка по фотографии); б – раскопки 2016 г. (по А.Н. Коваленко); 2 – погребение 3/2016 г. (по А.Н. Коваленко).

БРОНЗОВЫЕ АМУЛЕТЫ ИЗ ТАНАИСА

© 2023 Ильюков Л.С.^{1, 2}

¹ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, Российская федерация

²ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», х. Недвиговка, Российская Федерация

E-mail: ljukov@ssc-ras.ru

В Восточной Европе были широко известны бронзовые амулеты в виде стилизованных антропоморфных фигурок. Между раздвинутых бедер расположена планка, которую обычно ошибочно интерпретируют как фаллос. На затылке выступает петелька, предназначенная для подвешивания амулета на груди человека. Они обнаружены в детских погребениях V – VII вв. Литые бронзовые фигурки с петлей на затылке, по-видимому, являлись эмблемами. Это был отличительный знак тех, кто принадлежал к торговцам, владел знаниями в медицине, занимал в обществе особое положение, исповедовал иудаизм.

Ключевые слова: антропоморфный амулет; погребение; фаллический символ; торговый путь; онгон.

BRONZE AMULETS FROM TANAIS

Lj. S. Il'jukov

Bronze amulets in the form of stylized anthropomorphic figures were widely known in Eastern Europe. In the necropolis of Tanais, several amulets of this type were found in children's burials of the 5th–7th centuries. As the author of this publication suggests, the cast bronze figures with a loop on the back of the head were probably emblems and marked belonging to an occupation, a special position in society, or belonging to a certain religion.

Keywords: anthropomorphic amulet, burial, phallic symbol, trade route, ongon.

С историей позднего Танаиса связаны оригинальные предметы в виде бронзовых стилизованных антропоморфных фигурок-амулетов. Они имеют ряд общих морфологических деталей: стилизованные головы, руки, ноги, ушка-петельки для подвешивания. Фигурки, как правило, симметричны относительно вертикальной оси. На территории Недвиговского городища и в его погребениях обнаружено шесть бронзовых антропоморфных изделий.

В 1960 г. в Танаисе в погребении 138 (раскоп V) обнаружен скелет ребенка 10 лет. Он был погребен на спине, головой ориентирован на СВ (рис. 1, 1). В изголовье стояла посуда: светло-глиняный кувшин с длиной ручкой, серо-глинная грушевидная кружка с овальной ручкой и лепной черно-серый горшок, который имеет короткое горло, приподнятые скругленные плечики и плоское дно (рис. 1, 5–7) (Арсеньева, 1977. С. 38, 39. Табл. XXXI, 12). Около нижней челюсти погребенного найдены бронзовая обойма, бронзовая проволочка (рис. 1, 2, 3) и несколько стеклянных бусин. Руку украшал бронзовый провололочный браслет. На груди находилась бронзовая антропоморфная фигурка. Ее лицевая поверхность рельефная, оборотная сторона плоская. Овальная голова с неоформленными чертами лица переходит в покатые плечи. Это фигурка подбоченившегося ребенка с «колесовидными ногами», лишенными ступней. Его

половые черты едва заметны. Высота фигурки 4,3 см (рис. 1, 4). Некоторые исследователи рассматривают ее как мужское изображение (Гавритухин, Обломский, Торгоев, 2022. Рис. 222, 22).

Д.Б. Шелов датировал этот комплекс по бронзовой фигурке IV – началом V в., однако аналогии, приведенные им, относятся к более позднему времени (Шелов, 1972. С. 314).

В 2009 г. в раскопе XXXIII было открыто погребение № 4. В овальной яме под деревянным перекрытием находился скелет ребенка, погребенного на спине вытянуто, с разворотом на правый бок, головой ориентированного на С. Левая рука лежала поверх тазовых костей, кости предплечья правой руки не прослежены (рис. 2, 1). В заполнении ямы обнаружены древесные угольки.

Около ключицы обнаружена стеклянная овальная бусина, еще одна такая же бусина оказалась в заполнении могилы около ног (рис. 4, 3, 4). У изголовья стоял лепной черно-серый горшок с яйцевидным туловом, отогнутым горлом и плоским дном. Тесто с примесью шамота (рис. 4, 1).

В области левого бедра погребенного найдена трапециевидная подвеска, вырезанная из рога оленя¹, с двумя большими круглыми вырезами в основании и небольшим отверстием для подвешивания, расположенными около верхнего края пластинки, ее лицевая поверхность оконтурена линией и заполнена решеткой из тонких линий (рис. 3, 5). Основание подвески находилось под верхним концом кочедыка (рис. 2, 3), лежавшего вдоль левой ноги погребенного. Параллельно основанию подвески в ряд лежали три фаланги стопы зайца, у которых в эпифизе было просверлено отверстие для подвешивания к роговой пластине (рис. 2, 3, 4; 3, 3, 4). Вдоль восточного края костяных изделий находилась изогнутая острая кость животного – кочедык (рис. 3, 1), а вдоль их западного края – железный нож, ориентированный острием на юг (рис. 4, 5).

Вдоль отмеченного ряда заячьих костей и концом кочедык лежала четвертая фаланга зайца с отверстием для подвешивания, рядом с этими костями были обнаружены фаланга без отверстия и астрагал с просверленным отверстием, принадлежавшие волку (рис. 3, 2–4). Южнее заячьих костей прослежено небольшое полуовальное пятно серого тлена с выступом на вершине и прямым основанием. Край его основания перекрывала бронзовая головка мужской фигурки, обращенная лицевой стороной вверх и ориентированная головой на С (рис. 2, 2, 3). Этот амулет, состоявший из шлема, сделанного из "органического вещества", прикрывал голову бронзовой фигурки. Ее яйцевидная голова с острым теменем имеет четко обозначенный рот и глубокие глазные впадины. Руки приподняты в локтях, предплечья свисают вниз. Ноги полусогнуты, стопы раздвинуты. В районе паха бугорком обозначен мужской орган. Высота фигурки 3,9 см (рис. 4, 2) (Арсеньева, 2009). По-видимому, оба амулета – стопа зайца и бронзовая фигурка – подвешивались на шнурках. Во время совершения погребального ритуала они были оставлены в ногах ребенка.

В том же году в Танаисе в раскопе XXXIII было открыто погребение 14. Узкая овальная яма ориентирована по линии С–Ю. Вдоль ее восточной стенки у дна расположен уступ высотой 8 см, на котором лежали концы двух досок шириной 5 см. По-видимому, могила имела под восточной стенкой подбой, параллельно сопряженный с входной ямой. Их разделяла ступень высотой 0,8 см. В дно могилы упирались плахи, которые отгораживали ее от подбоя, на дне которого, покрытого древесным тленом, сохранилось несколько молочных зубов младенца (рис. 5, 1, 2). По мнению автора исследований, захоронение было совершено в гробовище. По-видимому, младенец головой был ориентирован на С. У изголовья находился деревянный кубок, ручка которого была украшена четырьмя бронзовыми обоймами в виде ленточек с несомкнутыми концами (рис. 6, 2). Там же стоял лепной черно-серый горшок с яйцевидным туловом, отогнутым горлом и плоским дном. Его венчик украшает ряд пальцевых вдавлений, а основание горла окольцовывает лента из ряда тычковых вдавлений, нанесенных палочкой (рис. 6, 1).

¹Здесь и далее определения костей животных выполнены ведущим научным сотрудником ЮНЦ РАН, кандидатом биологических наук В.В. Титовым.

По-видимому, в районе пояса прослежено пятно тлена от мешочка, в котором находились два амулета (рис. 5, 4). Верхний край мешочка был выпуклым. По ее верхнему краю проложена железная проволочка. К ее центральной скругленной части приварена петелька (рис. 7, 2). Один из амулетов был вырезан из листовой меди, второй сделан из деревянной пластинки, повторяя форму металлического изделия (рис. 5, 2).

Металлическая фигурка ориентирована головой на С, также, как и лежащий рядом младенец. Очертание головы выполнено в виде равнобедренного треугольника, который возвышался на прямых плечах относительно широкого туловища. От плеч свисают тонкие прямые руки, их ладони отогнуты по сторонам. От выступающих бедер вниз опущены две широкие прямые ленты ног, у которых нет ступней. Двумя точками обозначена линия пояса, ниже которого между бедер отмечен крупной вмятиной фаллос. Точечными вдавлениями помечены глаза, рот и уши. Пластинка не имеет петельки. Обе боковые, торцовые края пластинки ниже плеч слегка уплощены, образуя валик. Высота фигурки – 4 см (рис. 7, 1). По-видимому, аналогичный абрис имела деревянная пластинка с такими же широкими ногами. У изголовья деревянного изделия обнаружены три стеклянные бусины, расположенные в ряд. По-видимому, они составляли украшение, относившееся к данному изделию. Остальные стеклянные бусы бочонковидной и дисковидной формы красного, синего и серого цвета, были обнаружены в кротовине, в изголовье погребенного (рис. 6, 3). Металлическая фигурка над изголовьем имела две лепестковидные подвески, один конец которых завернут в трубочку для нанизывания на нитку, а второй слезка изогнут и заострен (рис. 6, 4) (Арсеньева, 2009).

В 2012 г. было обнаружено подбойное погребение 27. Камера, расположенная под западной стенкой входной ямы, ориентирована по линии С–Ю. В ней находился скелет трехлетнего ребенка². Умерший был похоронен вытянуто на спине, головой ориентирован на С (рис. 7, 3, 8, 1). В области живота находилась крупная цельнолитая бронзовая пряжка с овальной рамкой с тонким подогнутым язычком, который крепился к основанию рамки. Она плавно переходит в цельнолитой щиток, который на стыке с рамкой имеет плоскую овальную площадку, по краю которой расположены три круглых отверстия. За край центрального отверстия был зацеплен прогнутый хоботковидный язычок. В двух крайних отверстиях заклепки отсутствовали. У этой пряжки овальная площадка плавно переходит в длинный трапециевидный щиток с треугольным сечением, на конце которого расположена шайба с заклепкой с грибовидной большой шляпкой. Ее длина равна 5,8 см (рис. 8, 2).

На левом бедре лежала бронзовая пряжка с овальной рамкой, у которой концы прута не сомкнуты. Двумя насечками обозначено местоположение хоботковидного подвижного медного язычка (рис. 8, 3). Ее размеры 1,9 x 1,2 см. Среди костей нижних конечностей обнаружены еще две аналогичные миниатюрные обувные пряжки с овальной рамкой и подвижным загнутым хоботком. Их размеры 1,6 x 1,1 см (рис. 8, 4, 5). В заполнении могилы зафиксирован фрагмент лепного кувшина с отогнутым горлом и петельчатой ручкой. Тесто с примесью дробленых створок ракушки (рис. 8, 6).

В области живота обнаружена литая бронзовая фигурка человека. Столбообразное туловище было протянуто до подошвы ног. Его венчала овальная голова с широко открытым ртом. Боковые грани головы покрыты горизонтальными насечками, которые заходили на затылок. Пара таких же горизонтальных насечек украшает переносицу, тогда как нос был слабо выделен. Вероятно, этими штрихами был обозначен контур шлема с переносицей, надетый на голову. Руки и ноги широко раздвинуты, их ладони и стопы тоже разведены в стороны. На затылке расположена вертикальная петля для подвешивания. Высота фигурки – 4,7 см (рис. 3, 3, 4) (Беспалый, 2012; Беспалый, 2023, Том 1: С. 23, 24; Том 2: Табл. 24, 4–10).

В 1981 г. в Танаисе (помещение ДО, раскоп VI) была обнаружена бронзовая антропоморфная фигурка с тонким туловищем, удлинненным до основания ее нижних конечностей. Туловище имеет две перекладыны, от которых свисают передние и задние конечности, не имеющие кистей. Прямой стержень туловища венчает плоская ромбическая

²Определение кандидата биологических наук Е.Ф. Батиевой.

голова с фасетированным краем. На ее затылке расположена утопленная короткая горизонтальная трубочка с отверстием для подвешивания. С боков к трубчатому отверстию примыкают желобки от сердечника, который был использован для получения сквозного отверстия. Первоначально амулет датировался концом IV – началом V в. (АМЗТ КП 390 АГ 145) (рис. 9, 1) (Арсеньева, 1986. Фото 4; Шелов, 1984). Поскольку он был найден в заполнении жилища, не в закрытом комплексе, его дата может быть шире. Утопленная петля для подвешивания, расположенная на тыльной стороне амулета, хорошо известна среди угловатых антропоморфных амулетов.

Бронзовые антропоморфные фигурки были открыты еще в конце XIX в. юртах ст. Нижнекундрюченской (рис. 9, 5) (Попов, б/г. № 1929. Рис. 2; Каталог, 2021. С. 136. Табл. XII, 2), ст. Цимлянкой (рис. 9, 6) (Попов, б/г. № 1930. Рис. 3; Каталог, 2021. С. 136), ст. Филлиповской (рис. 9, 7) (Каталог, 2021. С. 136. Табл. XII, 3). В последнее время они обнаружены в районе Кулешовки (АМЗ КП 42569/1) (рис. 8, 2), Николаевской (рис. 8, 3), Беловодья/Дугино X (рис. 8,4) (Юдин, 2016. С. 161, 163. Рис. 14,1).

За исключением одного танаисского амулета, вырезанного из тонкой бронзовой пластинки, остальные находки были отлиты в матрицах и различались в деталях. У трех из них конечности раздвинуты, бугорком обозначен фаллический символ. Все они происходят из детских погребений, которые относятся к V–VI вв.

Одна из пластинок (Танаис, 1981, раскоп VI, помещение ДО) очень стилизована. У нее стреловидное туловище с опущенными вниз предплечьями рук и вытянутыми голенями ног. Положение конечностей свидетельствует о том, что их, вероятно, крепили к двум поперечным перекладинам, расположенным на «столбе», к которому должно было быть прислонено туловище. Между ног имеется длинная планка, которую обычно интерпретируют как мужской символ. Данный предмет происходит из помещения, которое не являлось закрытым комплексом, поэтому его дата широкая. Исследователи допускают, что такие амулеты хронологически относятся к раннему средневековью, следы которого известны на территории Недвиговского городища (Нидзельницкая, 2009. С. 264).

У амулетов длинный острый выступ, расположенный между ног, иногда смещенный относительно оси туловища. Иногда фигурка вместе с выступом, расположенным между ног, имела фаллический бугорок, помещенный между бедрами. Их сочетание позволяет заключить, что эти детали имели разное предназначение. «Фаллический конец» прямой или острый, свисающий вниз, не имел выделенной головки, характерной для данного органа. «Фаллический бугорок» всегда расположен между бедер, а длинный или короткий выступ в виде планки, расположенный между бедер, являлся изображением нижней части столба или доски, к которым крепилась жертва, предположительно, во время совершения обряда обрезания крайней плоти.

Серия антропоморфных амулетов имеет длинные желобки на плечах или бедрах. Эти желобки, по-видимому, являлись символическими веревками. Возможно, при их помощи человека привязывали к столбу или доске (?) (Беловодье/Дугино X).

Можно предположить, что в древности, согласно поверьям, потирая мужские гениталии, можно было излечить человека от бесплодия, или иметь какие-то иные последствия, которые с трудом угадываются в археологических артефактах.

Антропоморфные литые амулеты были открыты и описаны в научной литературе в XIX в. Аналогичную фигурку из Тиритаки В.Ф. Гайдукевич рассматривал как символ итифаллического мужского персонажа. По его мнению, она была связана с сармато-аланским влиянием. И.Т. Кругликова подобные амулеты или обереги датировала концом IV–началом V в. и рассматривала их в контексте гуннской атрибуции. Ряд исследователей подобные амулеты отнесли к VI–VII вв. По мнению Г.Е. Афанасьева, они были соотнесены с фаллическим культом и с культом вождя. В.Б. Ковалевская предложила рассматривать антропоморфные амулеты Северного Кавказа с фаллическими признаками как изображение «Главного Божества неба», «небесного огня, плодородия и чадородия» (Ковалевская, 1983. С. 48).

В последнее время предложено разделить антропоморфные фигурки на основании детализации нижней части на два типа: тип 1 – низ в виде перевернутой буквы «Ш», тип 2 – фигурки с П-образным низом. Тип 1 является доминирующим. В нем выделено два подтипа по наличию бугорка в районе бедер. В рамках типов выделены серии на основании отдельных признаков (Гавритухин, Обломский, Торгоев, 2022. С. 218–225).

Широкое распространение металлических знаков или эмблем в виде антропоморфных фигурок подчеркивало специфику их владельцев, которые противопоставляли себя окружающему населению. Вероятно, этими металлическими эмблемами их владельцы выделяли себя среди чужеродного населения, подчеркивая свою жертвенность у ритуального столба, принося в жертву свою плоть.

Однако достоверных следов обрезания мужского органа не было зафиксировано. На амулете нередко показана нижняя часть доски или столба с острым концом, около которых совершался ритуал жертвоприношения. Эти части столба или доски не являлись «фаллическим символом», который обозначался «мужским бугорком» между бедер.

По-видимому, параллельные длинные желобки, расположенные поперек плеч и бедер, символизировали жгуты, которые накладывали на руки и ноги во время обряда обрезания плоти. В некоторых случаях длинная планка между ног заканчивается узким треугольным углублением. Но есть экземпляры, у которых планка между ног имеет глубокие боковые желобки (Гавритухин, Обломский, Торгоев, 2022. Рис. 225, 7, 8). Эти особенности лишней раз подтверждают, что деталь, расположенная между ног антропоморфных фигурок, не являлась сексуальным символом.

По-видимому, этот особый знак принадлежал группе населения, которая занималась торговлей, была наиболее образованной, могла исполнять функции врачей. При помощи петельки на обороте пластинки такие фигурки подвешивались на шее или costume владельца, и, вероятно, подчеркивали его статус, принадлежность к особой социальной группе. В Европе в раннесредневековом обществе это была прослойка населения, которая исповедовала иудаизм. В X в. через посредничество купцов осуществлялась хазарско-еврейская переписка между каганом Иосифом и Хасдаем ибн Шафрутом, сановником кордовского халифата (Флеров, Флерова, 2005). На Кавказе ранние еврейские общины появляются в VI в. из Сасанидского Ирана (Фарзалиев, 2008. С. 170).

Путешествующих евреев в раннем Средневековье называли персидским словом «рахдониты» или «радониты», т.е. «знающие пути». Это были, в основном, торговцы, путешествовавшие в пределах Шелкового пути. Они занимались меновой торговлей восточными дорожными товарами (специями, ювелирными украшениями, шелками) в обмен на меха, рыбу и рабов. Истоки этого явления уходят в эпоху тюркитов, в VI–VII вв. (Гумилев, 2012). По-видимому, странствующие еврейские купцы носили эмблемы, которыми подчеркивали принадлежность к купеческому сословию. Такие знаки заказывали у ремесленников, которые их отливали в литейных формах. Подобные знаки присутствуют как в детских захоронениях, так и погребениях взрослых.

Нахождение амулетов в погребениях недвусмысленно указывает на использование их в погребальном обряде. Однако, насколько они были связаны с миром ираноязычных народов, неясно (Вдовченков, 2010. С. 138).

В средневековом Азаке также была выявлена серия бронзовых фигурок, вырезанных из тонкой листовкой меди, имевших антропоморфные очертания (Масловский, 2013. С. 122, 125. Рис. 2). Традиционно их интерпретируют как онгоны – культовые изображения, связанные с родом, в которые перемещалась душа человека после его смерти. Они известны в доисламских верованиях монгольских и тюркских народов как предки семьи или рода. Самые известные из них – Тэнгри (божество воздушных явлений) или Эрлих (хозяин подземного царства) (Зеленин, 1936).

Литература

- Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 152 с.
- Арсеньева Т.М. Отчет об археологическом исследовании на городище Танаис в 2009 г. Охранно-спасательные археологические исследования на западном участке некрополя Танаис в 2009 г. // Архив ИА РАН: Ф-1. Р-1. № 37093.
- Арсеньева Т.М. Сокровища древнего Танаиса (набор открыток). М.: Планета. 1986.
- Беспалый Г.Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов, инфраструктуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник «Танаис» в хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области в 2012 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51121, № 51122–51125.
- Беспалый Г.Е. Некрополь Танаиса. Полевые исследования участка западного некрополя в 2012 г. в 2 томах. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2023. Том 1. 454 с. Том 2. 564 с.
- Вдовченков Е.В. Великое переселение народов // Археология Нижнего Дона: Учебник: Проспект / Отв. ред. А.В. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2013. С. 23, 24.
- Вдовченков Е.В. Антропоморфные фаллические амулеты как свидетельство миграции // Кадырбаевские чтения–2010. Материалы II Международной научной конференции. Актобе: ГKKП «Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии», 2010. С. 135–139.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., Торгоев А.И. Антропоморфные амулеты фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж конец V–VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего средневековья: Раннесредневековый мир. Археология славян и их соседей. Вып. 21 / отв. ред. А.М. Обломский. М.; СПб.: Нестор–История, 2022. 544 с.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, 2012. 839 с.
- Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // Труды Института антропологии, археологии и этнографии. Т. XIV. Этнографическая серия. Вып. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
- Каталог археологического отдела Донского музея, 2021 / Археологические находки Донского музея: каталог коллекции Х.И. Попова (Публикация текста, иллюстрации, вступительные статьи, примечания и комментарии) / Отв. ред. А.Л. Бойко, Е.В. Ситливая. Ростов-на-Дону: Альтаир. 2021. С. 70–175.
- Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 176. М., 1983. С. 43–50.
- Масловский А.Н. Кочевники в золотоордынском Азаке // Город и степь в контактной евроазиатской зоне: Материалы III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Труды ГИМ. Вып. 184. М., 2013. С. 121–127.
- Нидзельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – IX вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения бассейне Черного моря в скифо-античное время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2009. С. 257–282.
- Попов Х.И. Описание археологического отдела Донского музея. Новочеркасск (б/г).
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 351 с.
- Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 241–246.
- Юдин Н.И. Археологическая разведка в Азове и Азовском районе в 2013–2014 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Вып. 29. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2016. С. 144–163.
- Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары. Материалы Первого и Второго международных коллоквиумов. М., 2005. С. 185–207.
- Фарзалиев С. Распространение иудаизма на Кавказе: исторический очерк // Кавказ и глобализация. Т. 2. Вып. 4. Баку. 2008. С. 168–178.

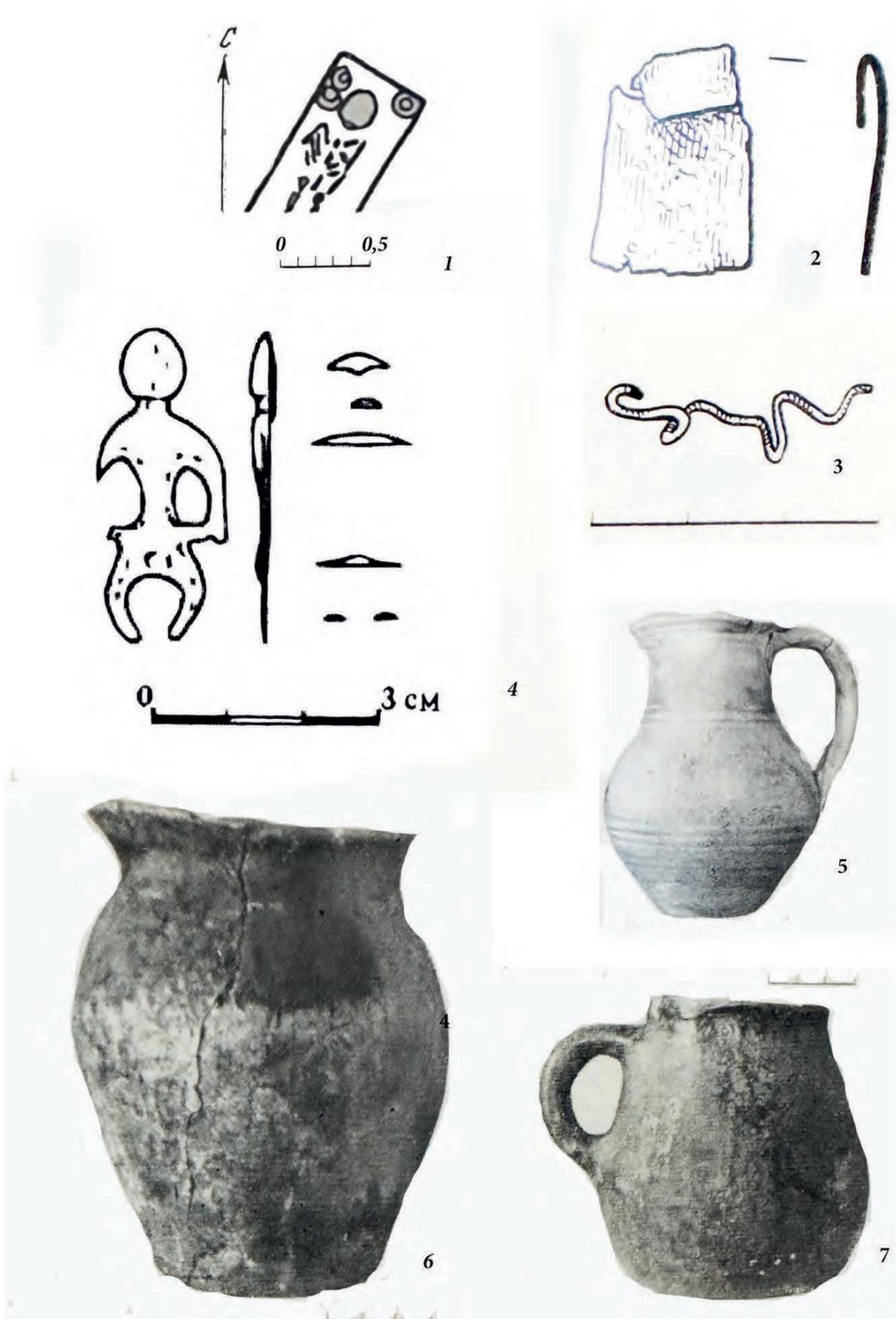
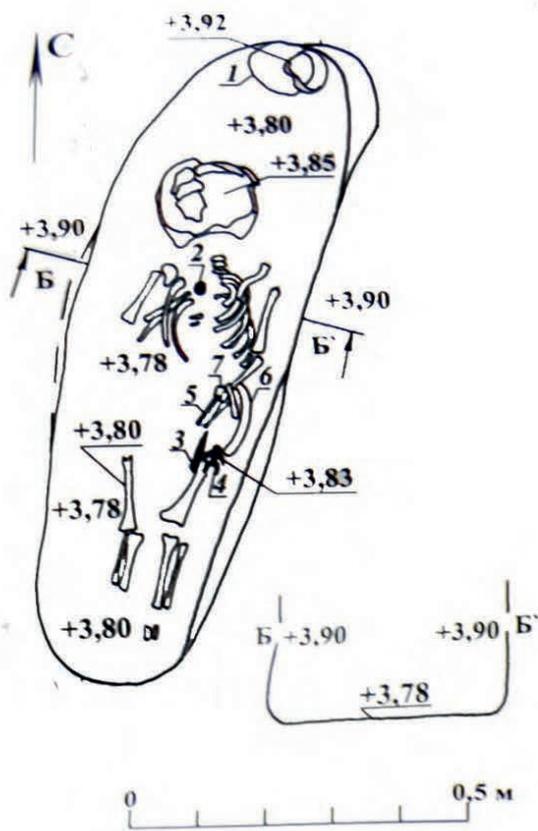

РИС. 1. ПЛАН И ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ. Танаис-1960, раскоп V, погребение 138.

1

2

3

РИС. 2. ПЛАН И ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ. Танаис-2009, раскоп XXXIII, погребение 4.

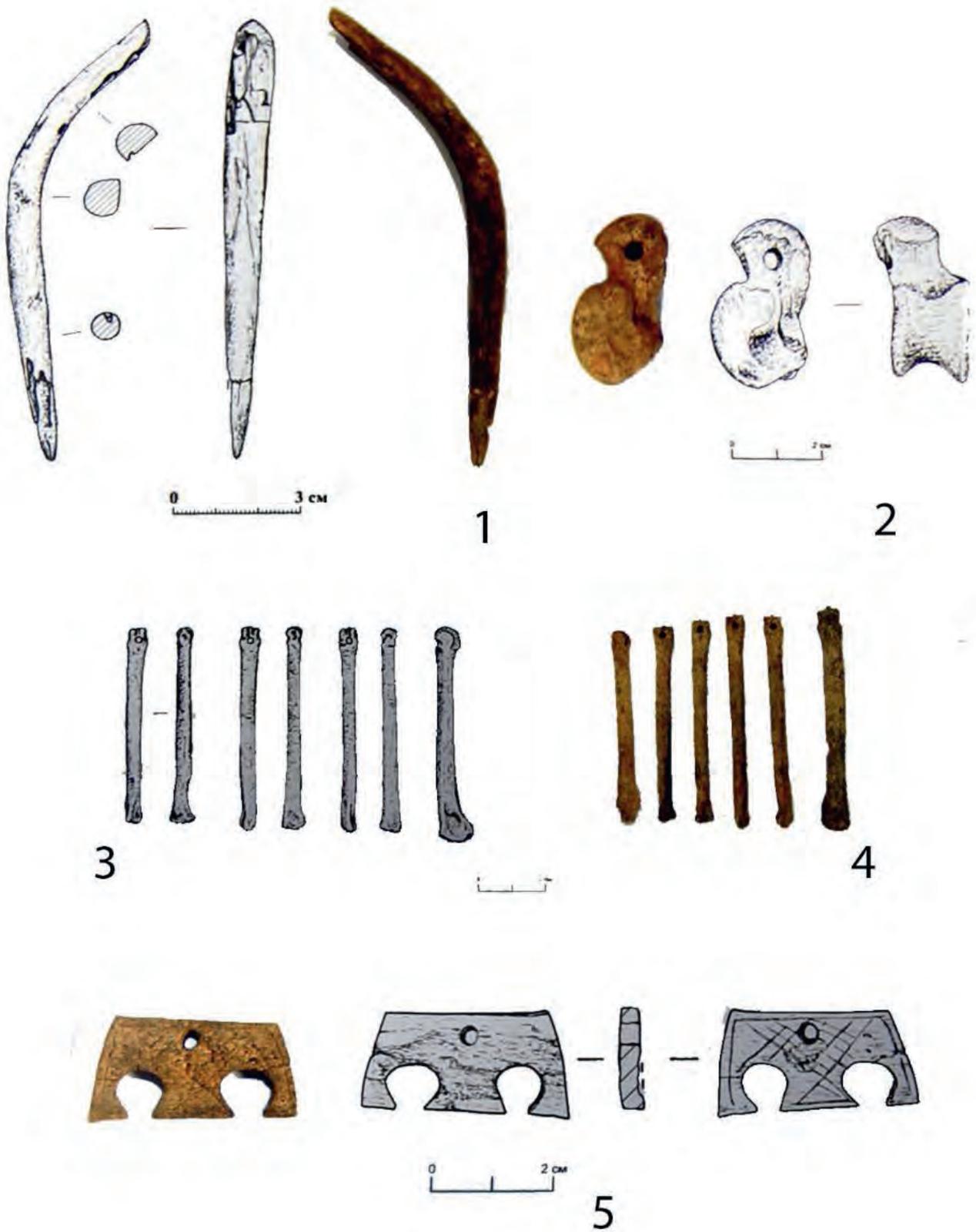

РИС. 3. ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ. Танаис-2009, раскоп XXXIII, погребение 4.

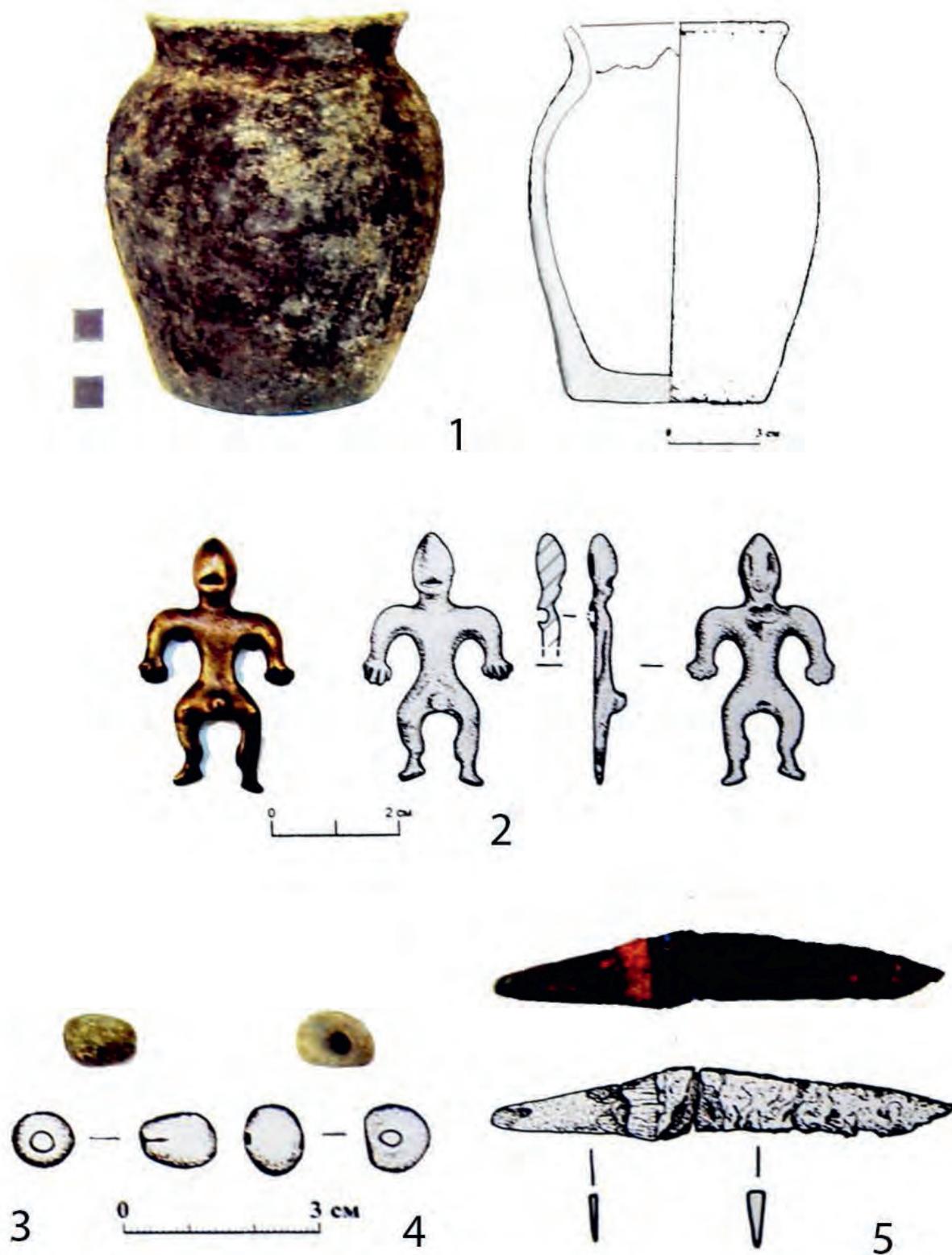

РИС. 4. ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ. Танаис-2009, раскоп XXXIII, погребение 4.

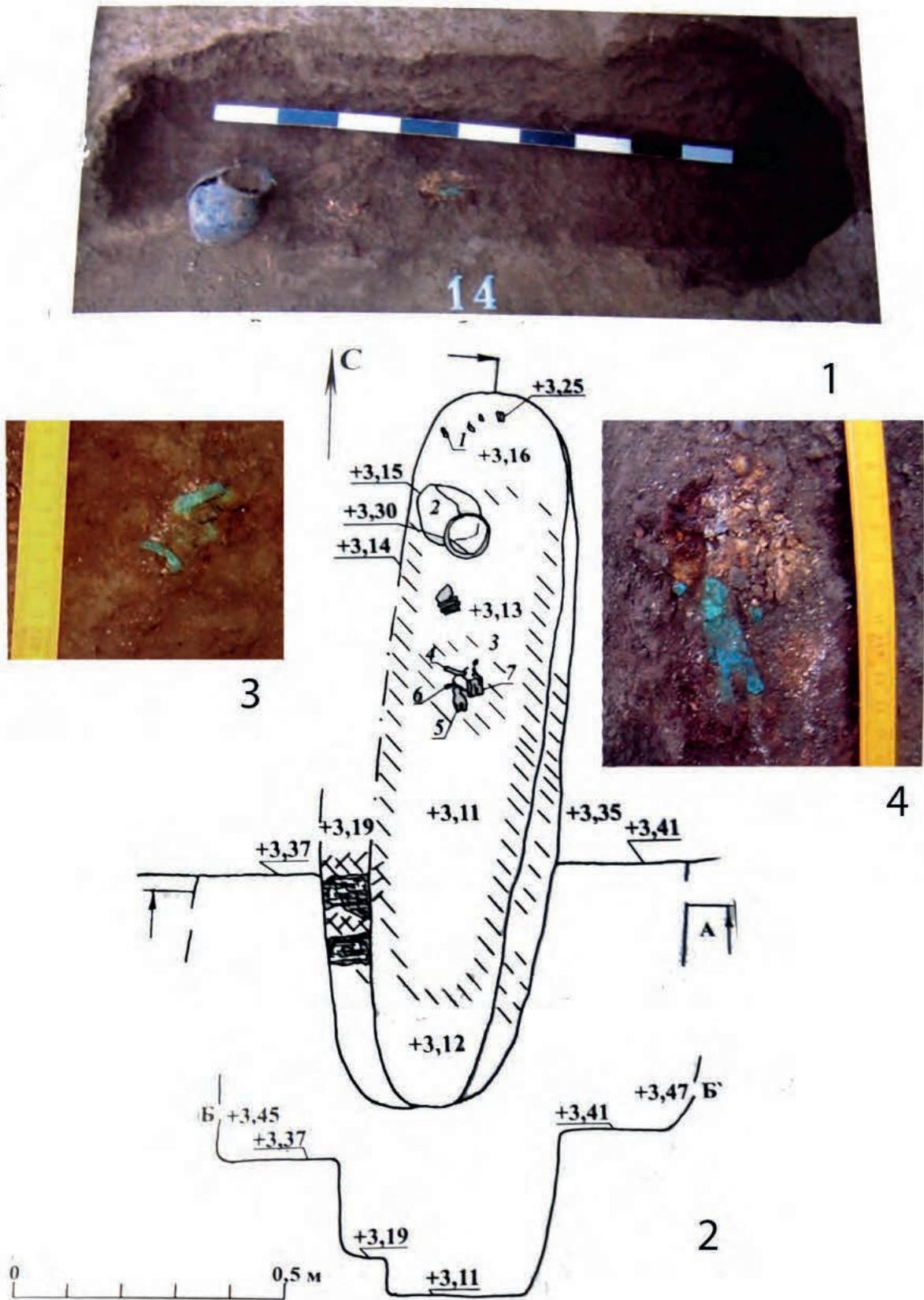

РИС. 5. ПЛАН И ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ. Танаис-2009, раскоп XXXIII, погребение 14.

РИС. 6. ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ. Танаис-2009, раскоп XXXIII, погребение 14.

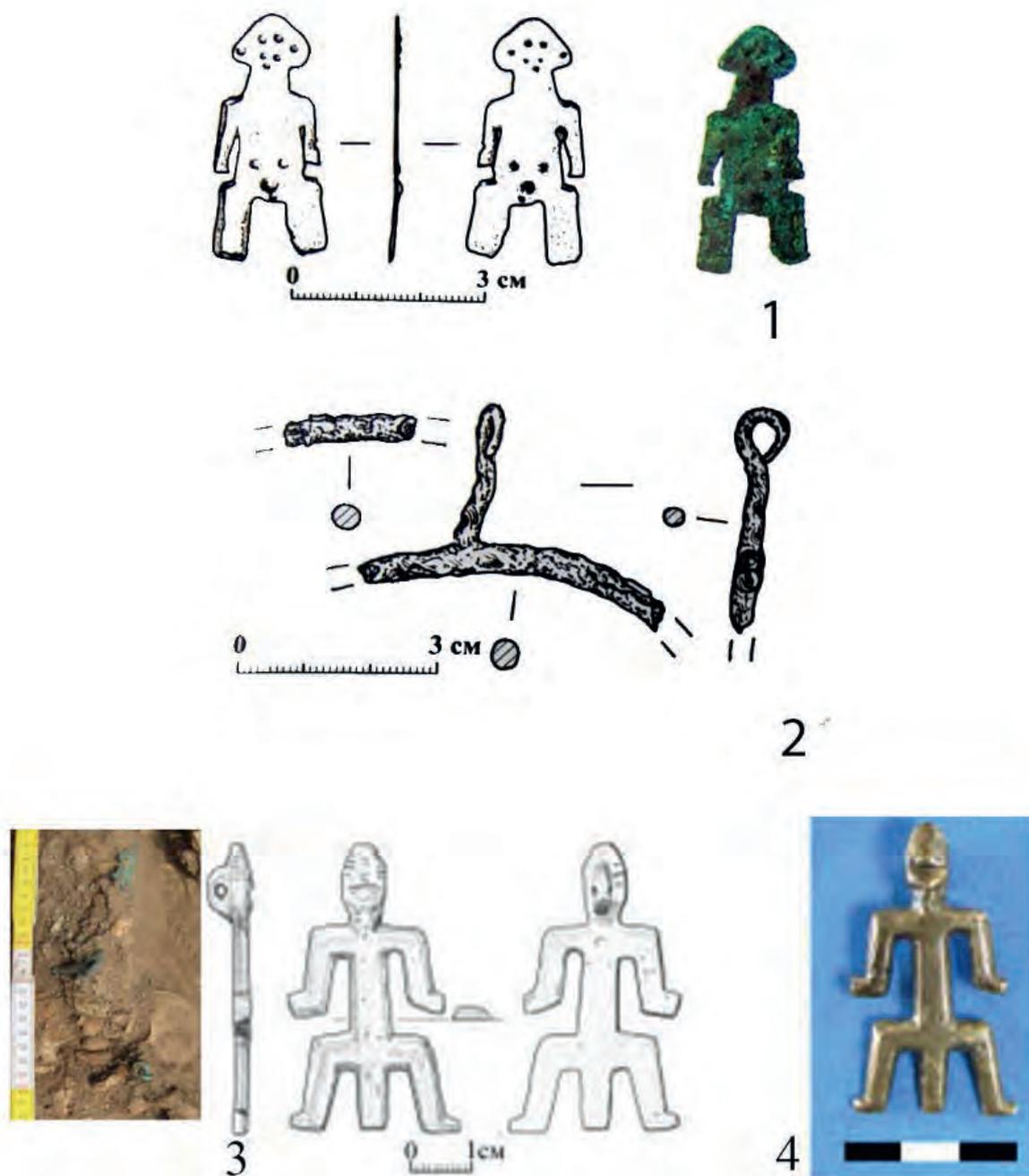

РИС. 7. АМУЛЕТЫ. 1, 2 – Танаис-2009, раскоп XXXIII, погребение 14; 3, 4 –Танаис-2012, погребение 27.

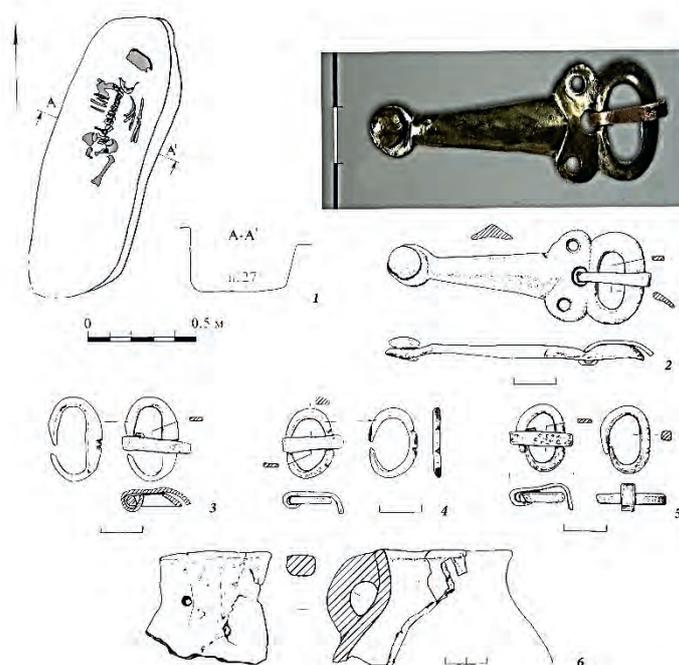

РИС. 8. ПЛАН И ИНВЕНТАРЬ. Танаис-2012, погребение 27.

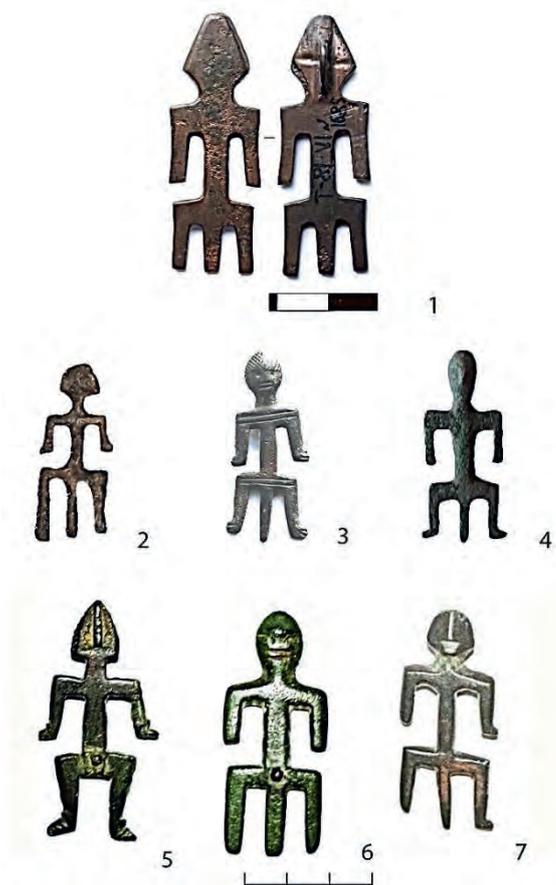

РИС. 9. АМУЛЕТЫ. 1 – Танаис-1981, раскоп VI, помещение ДО; 2 – Кулешовка; 3 – Беловодье (Дугино X); 4 – Николаевская; 5 – Нижнекундрюческая; 6 – Цимлянская; 7 – Филлиповская.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ГОРОДИЩЕ ТАНАИСА В 2019 Г.¹

© 2024 г. Мисевич К.

Professor emeritus (почётный профессор), г. Варшава, Польша

E-mail: kmisiewicz@uw.edu.pl

В ходе геофизических исследований в западной части древнего Танаиса в 2019 году была обследована территория к северу от раскопа, на месте предполагаемого северо-западного угла линии фортификации Западного городского района. Полученные результаты дополняют картину оборонительных сооружений, сформированную на основе открытых в раскопе XXV сооружений, внося значительный вклад в общее представление об укреплениях западной части городища Танаис. Геофизическая разведка методом измерения удельного электрического сопротивления также позволила выявить наличие угловой башни на стыке двух фортификационных стен.

Ключевые слова: геофизические методы исследования, измерения электросопротивления, фортификация.

RESULTS OF GEOPHYSICAL SURVEYS AT THE SITE OF TANAIIS IN 2019

Misiewicz K.

Geophysical surveys in the western part of ancient Tanais covered in 2019 an area north of the excavation, in place of the presumed northwestern corner of the fortifications in the western part of the town. The results complement the picture of the defences formed on the base of the remains discovered in the Trench XXV, contributing significantly to the overall view of fortifications in western Tanais and revising some earlier assumptions. Electrical resistivity measurements also revealed the presence of a corner tower at the junction of two curtain walls.

Keywords: *geophysical survey, electrical resistivity measurements, fortifications.*

Начало изучения остатков фортификационных сооружений Западного городского района Танаиса относится к 1950–1960-м годам: раскопками были открыты участок северной стены (раскоп IX) (Болтунова, 1969. С. 105–107; Болтунова, Каменецкий, Деопик, 1969. С. 8; Казакова, 2008. С. 207) и участок западной стены (раскоп XIII) (Болтунова, 1969. С. 121–123; Болтунова, Каменецкий, Деопик, 1969. С. 8; Казакова, 2008. С. 207).

Начиная с 1999 г. в Западном городском районе исследовался раскоп XXV, заложенный с целью изучения системы укреплений западной части города (раскопки Центра исследований древностей Юго-Восточной Европы и Института археологии Варшавского университета, здесь проводились с Институтом археологии РАН в Москве, а позднее – совместно с Археологической экспедицией Музея-заповедника «Танаис»).

В результате работ здесь была раскопана диатейхизма, связанная с воротами, ведущими из Западного городского района Танаиса в цитадель (раскоп VI) (Naumenko, Scholl 2014, 192;

¹Перевод с польского Толочко И.В.

Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, 2010. С. 321–322). В раскопе XXV были открыты остатки оборонительного рва, моста каменно-деревянной конструкции, двух куртин оборонительных стен с городскими воротами и некоторых построек внутри укреплений (Misiewicz, Matera, 2024).

Один из самых важных вопросов в исследовании данного фрагмента городской оборонительной линии укреплений заключался в том, чтобы проследить направление оборонительного рва, обнаруженного в раскопе XXV далее на запад, в сторону участка, исследованного в раскопе XXIII (Matera, 2021. С. 449; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, Толочко, Фурназир, Шолль, 2004. С. 62–63; П'яшенко, 2005. S. 152; Ильяшенко, 2007. С. 24). Необходимо было также уточнить глубину рва.

Измерения, проведенные в 2018–2019 годах сотрудниками Лаборатории неинвазивных исследований Института археологии Варшавского университета на территории Западного городского района городища Танаиса были продолжением геофизических исследований участка, их целью была проверка гипотез о реконструкции общего плана города и местонахождения его наиболее важных частей (Misiewicz, Matera, 2024. S. 199–219; Böttger et al., 1996; Misiewicz, 1998, 2001, 2003; Мисевич, Толочко, 2002). В качестве основного метода исследования были выбраны измерения электросопротивления грунта.

Измерительные электроды MN были расположены на расстоянии 0,3, 3,0 и 6,0 м друг от друга, а токовые электроды АВ были размещены последовательно на расстоянии 1,0, 1,3, 1,6, 2,0, 2,5, 3,2, 4,0, 5,0, 6,2, 8,0, 10,0, 13,2, 16,0, 20,0, 25,0, 32,0 и 40,0 м. Это позволило измерить мнимое сопротивление на глубине проникновения тока от 0,25 до 20,0 м ниже уровня современной поверхности, что на практике дало возможность выявить изменения сопротивления слоев от современной поверхности до глубины около 10 м. Вертикальные разрезы по каждому из профилей были детально разработаны благодаря измерениям изменения высот поверхности в точках зондирования. Интерпретация кривых электросопротивления проводилась с помощью программного пакета IPI for Windows, а для построения карт и разрезов использовались программы Surfer 13 и Voxler компании Golden Software Inc.

Измеренные значения мнимого сопротивления, представленные в виде кривых зондирования, были интерпретированы с использованием численных методов для минимизации погрешности подгонки полевой кривой к набору теоретических кривых. Программа подготавливает модели геоэлектрической структуры, рассматриваемые как системы однородных (изотропных) слоев, параллельных плоской поверхности земли. На основе зарегистрированных данных о значении мнимого сопротивления, измеренного на поверхности земли, программа определяет мощность (h) и удельное сопротивление (ρ) слоев, залегающих на глубине, соответствующей максимальному диапазону проникновения тока.

В этом процессе используется явление эквивалентности, т. е. наложения кривых для разных моделей. Как следствие, в условиях многослойных моделей эквивалентность применяется ко всей модели одновременно.

Таким образом, были построены вертикальные сечения распределения значений мнимого сопротивления для всех зондирований вдоль линий профиля. Распределение значений сопротивления было получено путем инвертирования данных измерений. При этой процедуре шкала глубины соответствует приблизительной глубине в земле.

Однако следует отметить, что расположение границ и аномалий связано с методом вертикального профилирования.

Разрезы и карты, полученные в результате обработки данных, подлежат геологической и археологической интерпретации. Основным параметром, проверяемым с использованием измерений электрического сопротивления, является удельное сопротивление геологических формаций и археологических объектов, зарегистрированное в омметрах [Ом-Ом-м].

Это сложный параметр, зависящий от многих факторов и процессов, таких как: температура, содержание и качество воды, химические соединения, пористость и проницаемость, литология и минеральный состав.

Определяемые значения могут значительно различаться: от 1 Ом-м в соленосных природных образованиях – до десятков тысяч Ом-м в таких отложениях, как сухие пески дюн, насыпи или породы химического происхождения. Хотя археологическая и геологическая интерпретация данных электросопротивления не всегда однозначна, зная характерные диапазоны сопротивления грунтов, встречающихся на исследуемой территории, и соотнося их с результатами археологических раскопок, можно перенести полученные результаты (распределение значений удельного сопротивления) на литологию геологических образований и мощность отдельных слоев.

В случае измерений удельного сопротивления, проводимых в Танаисе, эта задача отчасти облегчалась непосредственной близостью исследуемой территории к раскопу XXV. Наиболее распространенным видом геоэлектрических исследований являются вертикальное электрическое зондирование (ВЭЗ) или электрическое профилирование (ЭП). При вертикальных зондированиях увеличение глубины эффективного проникновения электрического поля в грунт заключается в увеличении расстояния между силовыми электродами.

Конечным результатом серии измерений являются карты распределения значений мнимого удельного сопротивления в масштабе глубины (AB/2). Полученные результаты затем обрабатываются, визуализируются и интерпретируются с целью распознавания геологического строения или местонахождения археологических объектов.

В процессе интерпретации была создана 2D-модель. При изменчивой структуре недр, где изменчивость геологии очень динамична, этот метод дает удовлетворительные результаты в отношении распознавания почвенных и водных условий и позволяет более надежно локализовать и определить археологические структуры. При 2D-моделировании обработка полученных результатов основана на использовании блочного деления, где сетка блока с размерами ΔX на ΔH определяет измеренное значение (или несколько значений) удельного сопротивления. Горизонтальная ширина сетки ΔX обычно постоянна для всего профиля, а вертикальная ΔH переменна. Размер сетки увеличивается с глубиной. В результате действий, проведенных для всех измерений, построенных по профильной линии, были получены вертикальные сечения распределения значений мнимого сопротивления: псевдо-поперечные сечения (рис. 5, верхняя схема) и после интерпретации геоэлектрические сечения – поперечные сечения (рис. 5, нижняя схема).

Конечным результатом применения метода инверсии является модель удельного сопротивления, т.е. пространственное распределение значений удельного сопротивления вдоль измеряемого профиля. Полученное распределение значений не зависит от субъективной интерпретации геофизика.

Результаты исследования 2019 г.

Исследуемая территория находилась к северу от раскопа XXV, в предполагаемом месте локализации соединения оборонительных стен в Западном городском районе Танаиса (рис. 1). Использовалась та же методика исследования, что и в 2018 г. Всего было выполнено 100 зондирований, расположенных на 10 линиях длиной 10 м (рис. 2). Рельеф сравнительно ровный, поскольку грунт здесь был нивелирован в ходе современных работ по благоустройству территории усадьбы музея.

Измерялись изменения мнимого сопротивления в диапазоне от 20 до 130 Ом•м. Их распределение по отдельным линиям варьировалось в зависимости от глубины залегания и мощности объектов, вызывающих зафиксированные изменения (рис. 4–7, верхние схемы). Значения удельного сопротивления были рассчитаны в результате интерпретации кривых зондирования в диапазоне от 13 до даже более 300 Ом•м.

Высокие значения удельного сопротивления, не превышающие 200 Ом•м, были вызваны нарушениями геологических слоев (рис. 4, линии 1–2). Самые высокие значения удельного сопротивления были зафиксированы при наличии остатков каменных конструкций (рис. 5, линии 3–4). Большинство особенностей, вызывающих увеличение удельного сопротивления,

располагались на глубине около 1,8–2,0 м, что видно на вертикальных картах кажущегося удельного сопротивления и геоэлектрических разрезах (рис. 4–7).

Те же выводы можно сделать из интерпретации карт распределения расчетного удельного сопротивления на отдельных глубинах (рис. 8–12). На глубине от 0,25 до 1,6 м (рис. 8–9) преобладают низкоомные образования со значениями, не превышающими 80 Ом•м.

На этой глубине зафиксированы лишь отдельные повышения сопротивления различной формы и размеров (в основном круговые с диаметром не более 1,0 м). С глубины ниже 1,6 м наблюдается общее повышение сопротивления. Ниже глубины 2,5 м появляются параллельные линейные структуры шириной 2,0–3,0 м и более высоким сопротивлением. На глубине 2,5–3,0 м они разделены структурой пониженного сопротивления с четкими границами шириной 4–5 м (рис. 10).

Ниже 3,0 м зафиксировано повышение сопротивления в форме правильного квадрата (с прямыми углами), оно просматривается до глубины 4,5–5,0 м. Ниже этой глубины повышение сопротивления зафиксировано практически по всей поверхности обследованной площади (рис. 12). По-видимому, высокие значения сопротивления связаны с наличием коренных пород – известняков, растрескавшихся в верхних слоях, имеющих разную степень увлажнения. Полученные данные были использованы для создания моделей структур, вызывающих аномалии в распределении значений удельного сопротивления (рис. 13–14): М1 – над высокоомной структурой; М2 – на уровне верхней поверхности высокоомного слоя; М3 – на уровне нижней поверхности высокоомного слоя и М4 – сопоставление эквипотенциальных поверхностей с картами распределения удельного сопротивления выше и ниже зарегистрированной структуры.

Причиной изменений в наблюдаемом распределении удельного сопротивления является залегание каменных конструкций на глубине менее 1,6 м в слое мощностью более 2 м. Скорее всего, это руины двух стен, разделенных оборонительным рвом.

Одна из них – внешняя – выполняла функцию оборонительной стены. Вторая, вероятно, была подпорной стенкой, укрепляющей контрэскарп оборонительного рва. Возможно, что описанная выше квадратная конструкция связана с остатками угловой башни на стыке двух куртин оборонительных стен: расположенной по оси восток–запад, обнаруженной в раскопе IX, и вытянутой по оси север–юг, открытой в раскопе XXV.

Литература

- Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А., Толочко И.В., Фуназир Й., Шолль Т. Исследования в Танаисе в 2002 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Выпуск 19. Азов, 2004. С. 62–64.
- Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. Укрепления в центре западной оборонительной линии Танаиса конца III–II вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры, 1 (27), 2010. С. 315–323.
- Болтунова А.И. Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958 – 1963 гг.) // Античные древности Подонья–Приазовья. Материалы и исследования по археологии СССР, 154. М., 1969. С. 104–135.
- Болтунова А.И., Каменецкий И.С., Деопик Д.В. Раскопки западного района Танаиса // Античные древности Подонья–Приазовья. Материалы и исследования по археологии СССР, 154. М., 1969. С. 6–97.
- Ильяшенко С.М. Верхний и Нижний город Танаиса (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. Вып. 2. Недвиговка, 2007. С. 23–39.
- Казакова Л.М. К вопросу об оборонительной системе Западного района раннего Танаиса // Novensia, 18–19, 2008. С. 207–217.
- Мисевич К. Применение метода геоэлектрического вертикального зондирования для исследований в Танаисе // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средневековье (под ред. В.П. Копылова). Ростов-на-Дону, 2001. С. 176–186.

- Мисевич К., Толочко И.В. Применение методов комплексной разведки в исследовании курганного могильника Танаиса // Боспорский феномен, Спб., 2002, с. 235–237.
- Böttger B., Herbich T., Misiewicz K. Die Fallstudie Tanais, Bodenwiderstandsmessung in einem mehrschichtigen Objekt // *Eurasia Antiqua*, Bd. 2. 1996. S. 455–472.
- Dahlin T. 2D resistivity surveying for environmental and engineering applications // *First Break*. 14. 1996, N 7. S. 275–283.
- Hesse A. Manuel de prospection géophysique appliqué à la reconnaissance archéologique. Dijon, Centre de de recherché sur les techniques gréco-ramaines, 1978.
- П'яшенко S.M. Die Ober- und Unterstadt von Tanais in der hellenistischen und römischen Periode, *Eurasia Antiqua*, 11, 2005. S. 147–161.
- Loke M.H., Barker R.D. Rapid least-squares inversion of apparent resistivity pseudo-sections by a quasi-Newton method. *Geophysical Prospecting*. 1996. S. 131–152.
- Loke M.H. Tutorial: 2-D and 3-D electrical imaging surveys, Geotomo, 2004
- Loke, M.H., Kiflu, H., Wilkinson, P.B., Harro, D., Kruse, S. Optimized arrays for 2-D resistivity surveys with combined surface and buried arrays // *Near Surface Geophysics*, 13, 2015. S. 505–517.
- Matera M. New data about the western part of Tanais – the fortifications and their vicinity // G.R. Tsatskhladze, A. Avram, J. Hargrave (eds), *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC–5th century AD): 20 Years On (1997–2017). Proceedings of the Sixth International Congress on Black Sea Antiquities (Constanța – 18–22 September 2017)*, Oxford, 2021. S. 447–455.
- Misiewicz K. Surveying of the remains of deface walls of Tanais with electro-resistivity method, *Novensia*, 10. 1998. S. 65–77.
- Misiewicz K. Geophysical reconnaissance of the site Tanais (Russia) in 1993–2003 // *Archaeologia Polona*, 41. 2003. S. 57–79.
- Misiewicz K., Matera M. The Fortifications of Western Tanais in the Light of Archaeology and Geophysics. Results of Electrical Resistivity Measurements in 2018 and 2019 // *Chrysomallos. Polish Archaeologists in the Black Sea Region. ŚWIATOWIT Supplement Series C: Pontica et Caucasia*, vol. IV. Warszawa, 2024. S. 199–219.
- Naumenko S., Scholl T. New data on the fortifications of Tanais from the last five years of excavations // Twardecki A. (ed.), *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the international conference, Warsaw, 27-28 November 2013*, Warsaw, 2014. S. 187–201.
- Vogelsang D. *Environmental geophysics*, ed. Springer-Verlag. 1995.

РИС. 1. ТАНАИС. ЛОКАЛИЗАЦИЯ УЧАСТКА ОБСЛЕДОВАНИЯ В 2019 Г.

РИС. 2. ЛОКАЛИЗАЦИЯ УЧАСТКА ГЕОФИЗИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В 2019 Г.

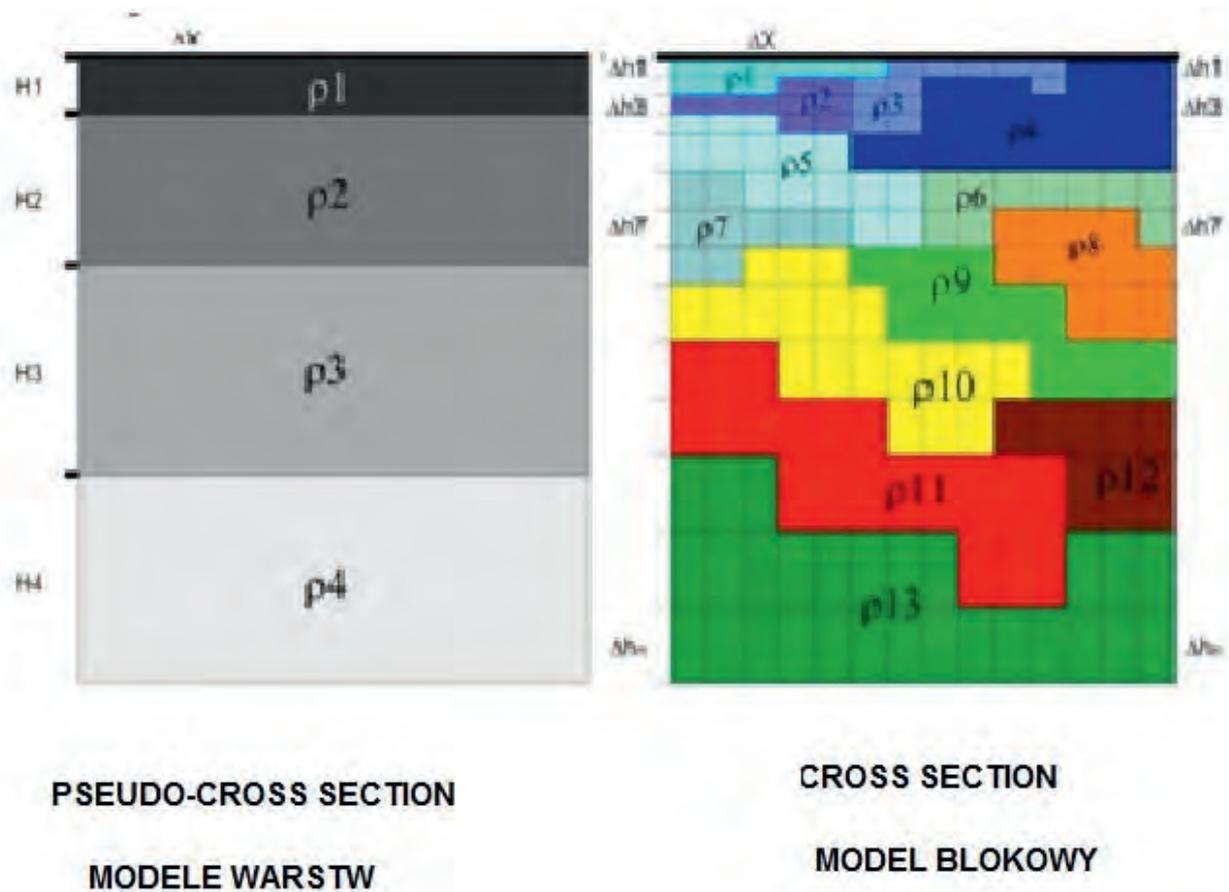

РИС. 3. СРАВНЕНИЕ ГЕОЭЛЕКТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ. ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОСОПРОТИВЛЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ИЗМЕРЕНИЯ ЭЛЕКТРОСОПРОТИВЛЕНИЯ.

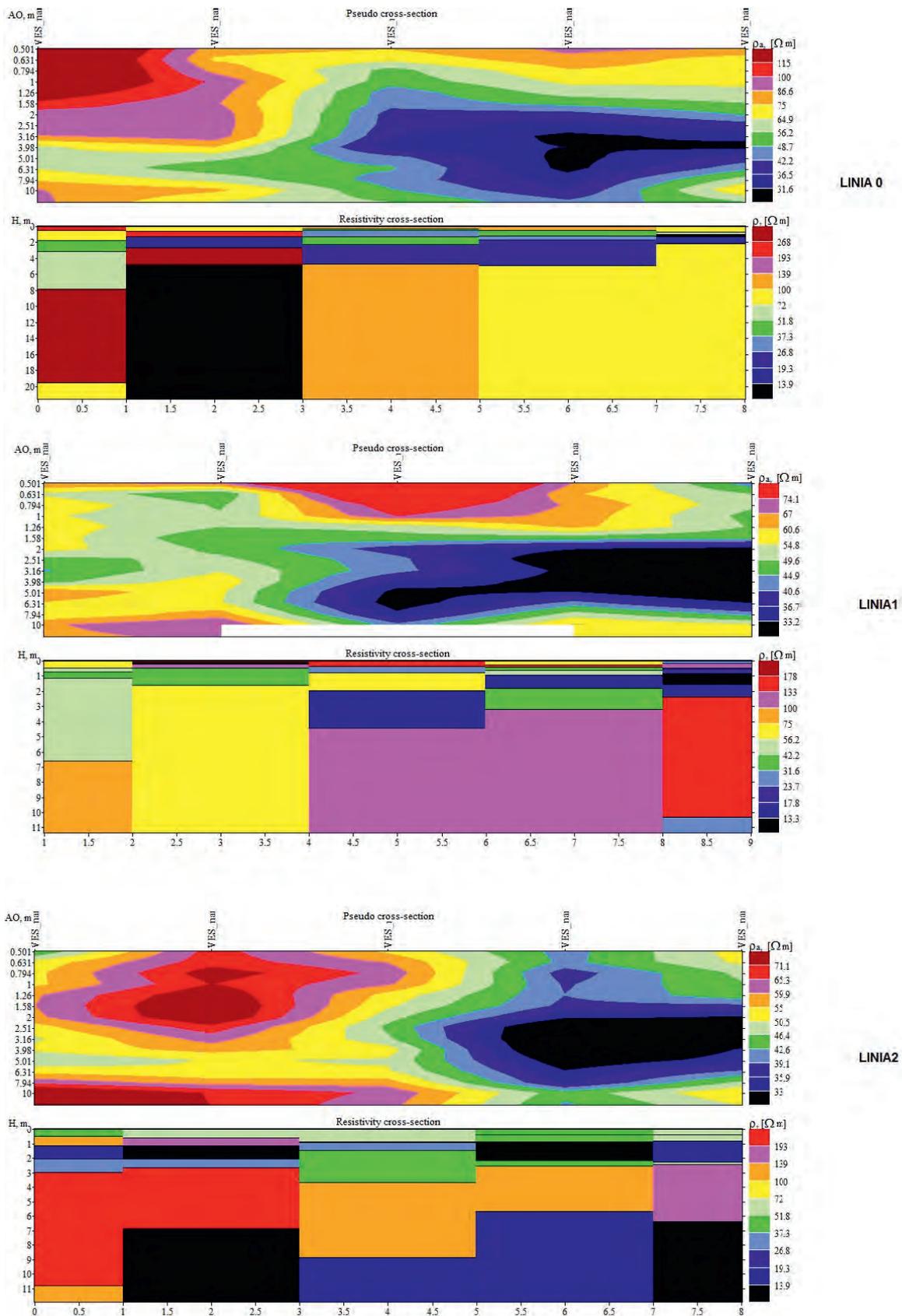

РИС. 4. ТАНАИС 2019 Г. СОПОСТАВЛЕНИЕ КАРТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДИМОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ПО ВЕРТИКАЛИ (ПСЕВДО-СЕКЦИЙ) И ГЕОЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СЕЧЕНИЙ (КРОСС-СЕКЦИЙ). ЛИНИИ 0 – 2.

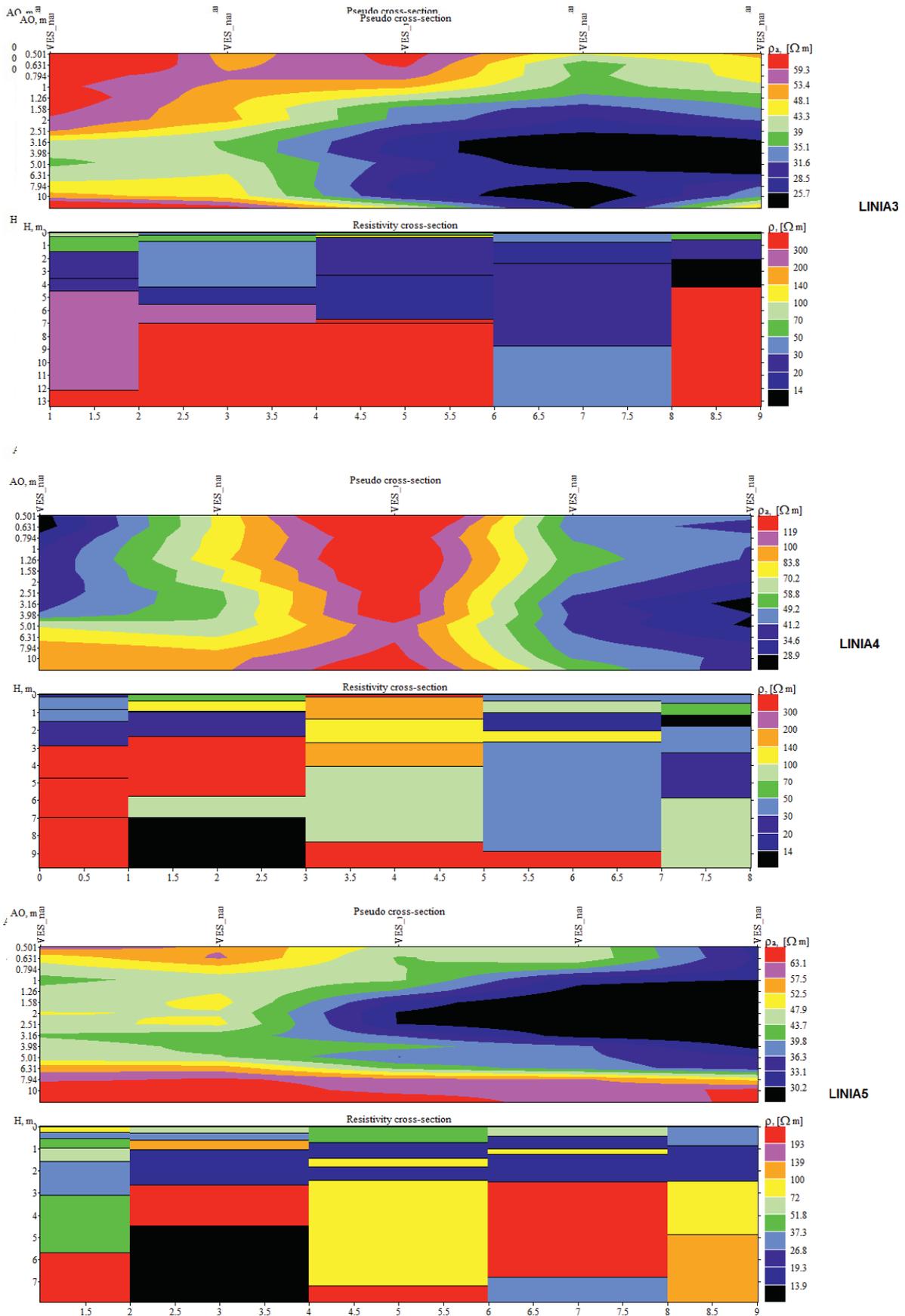

РИС. 5. ТАНАИС 2019 Г. СОПОСТАВЛЕНИЕ КАРТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДИМОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ПО ВЕРТИКАЛИ (ПСЕВДО-СЕКЦИЙ) И ГЕОЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СЕЧЕНИЙ (КРОСС-СЕКЦИЙ). ЛИНИИ 3 – 5.

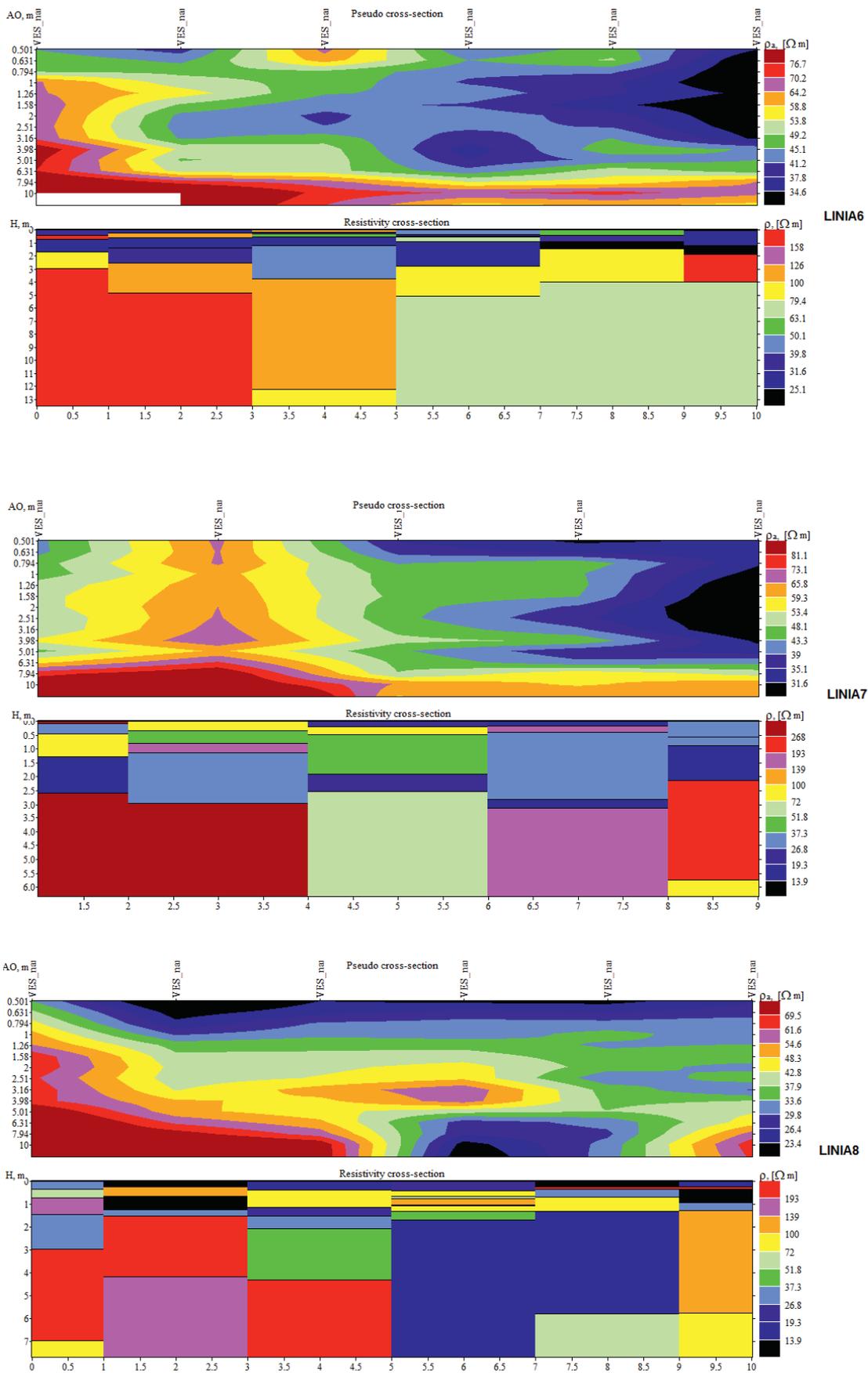
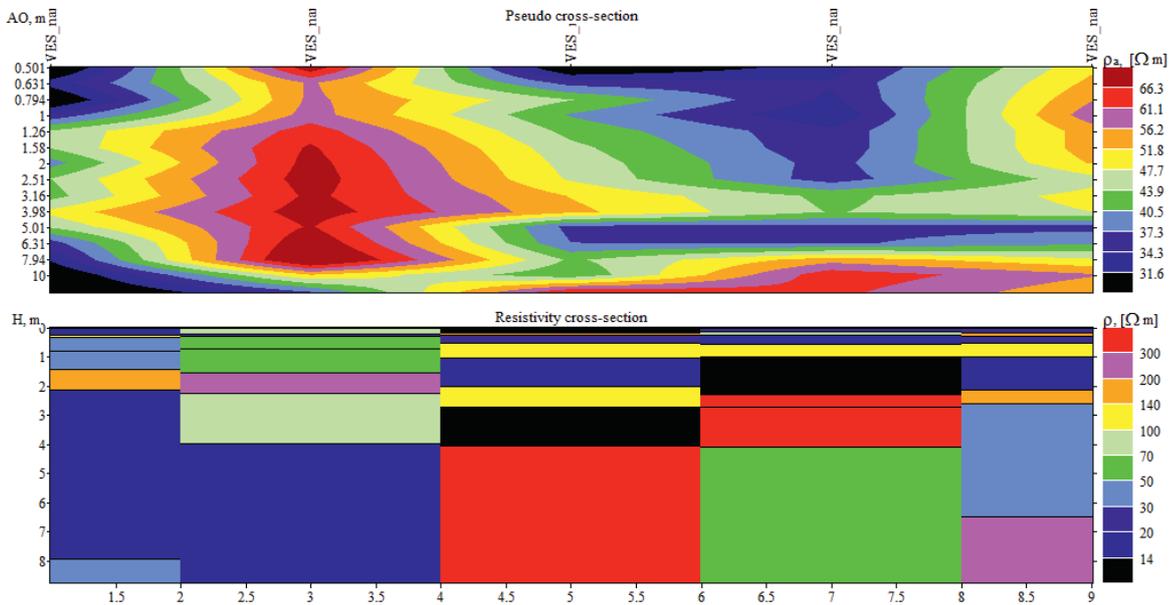
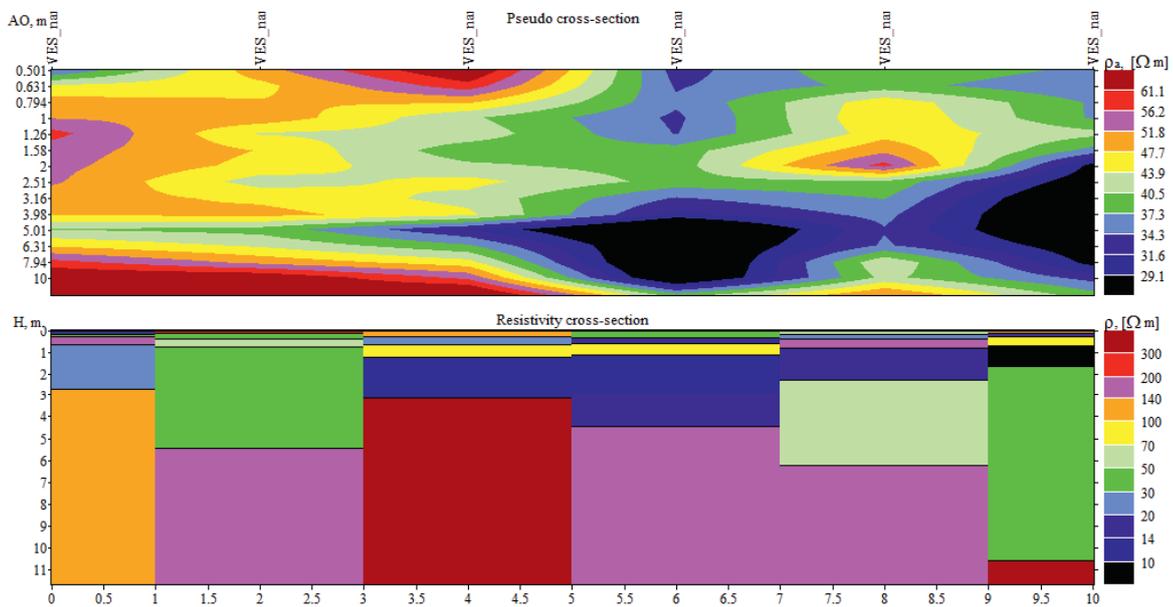

РИС. 6. ТАНАИС 2019 Г. СОПОСТАВЛЕНИЕ КАРТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДИМОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ПО ВЕРТИКАЛИ (ПСЕВДО-СЕКЦИЙ) И ГЕОЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СЕЧЕНИЙ (КРОСС-СЕКЦИЙ). ЛИНИИ 6 – 8.

LINIA9

LINIA10

РИС. 7. ТАНАИС 2019 Г. СОПОСТАВЛЕНИЕ КАРТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДИМОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ПО ВЕРТИКАЛИ (ПСЕВДО-СЕКЦИЙ) И ГЕОЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СЕЧЕНИЙ (КРОСС-СЕКЦИЙ). ЛИНИИ 9 – 10.

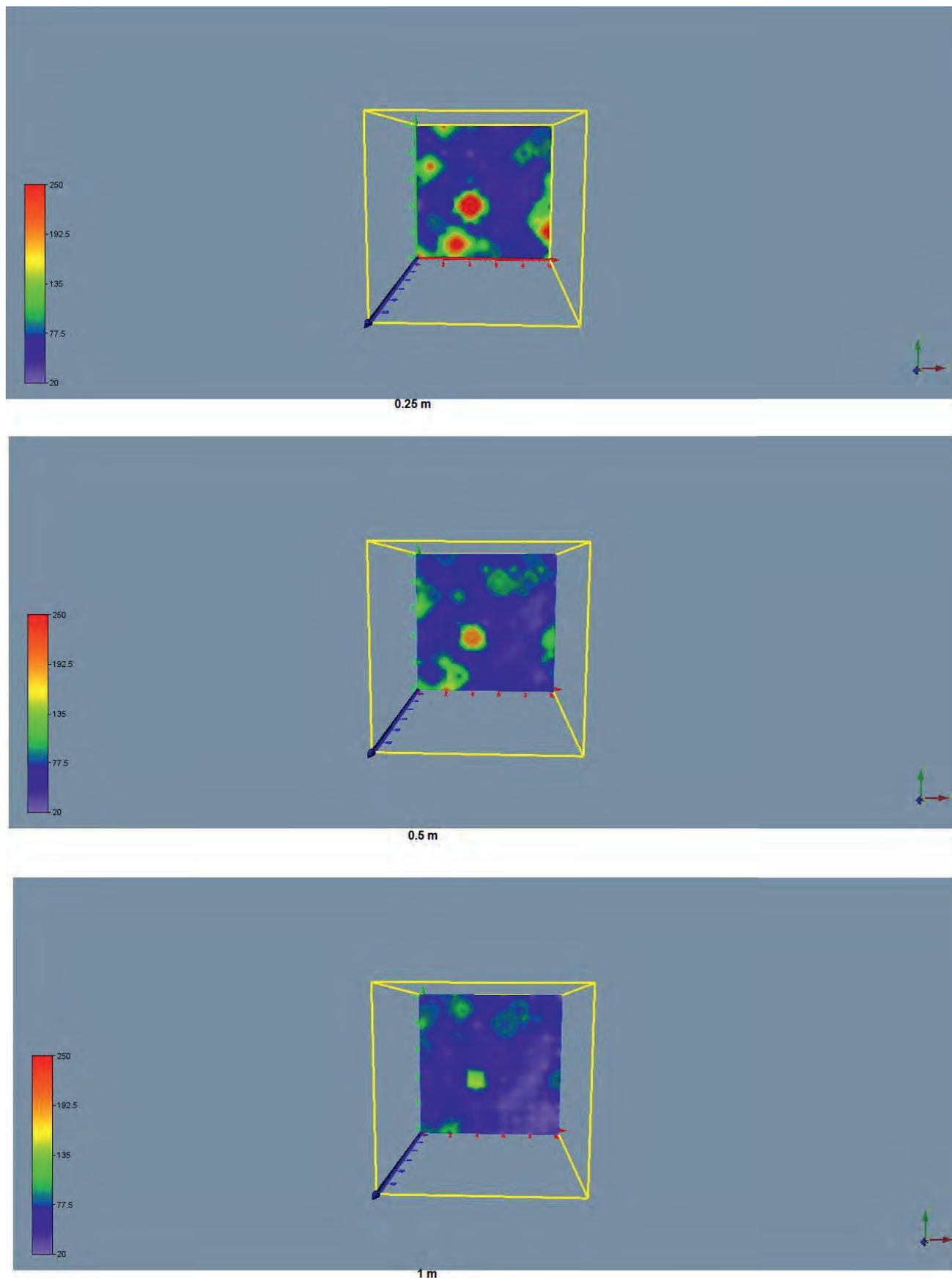
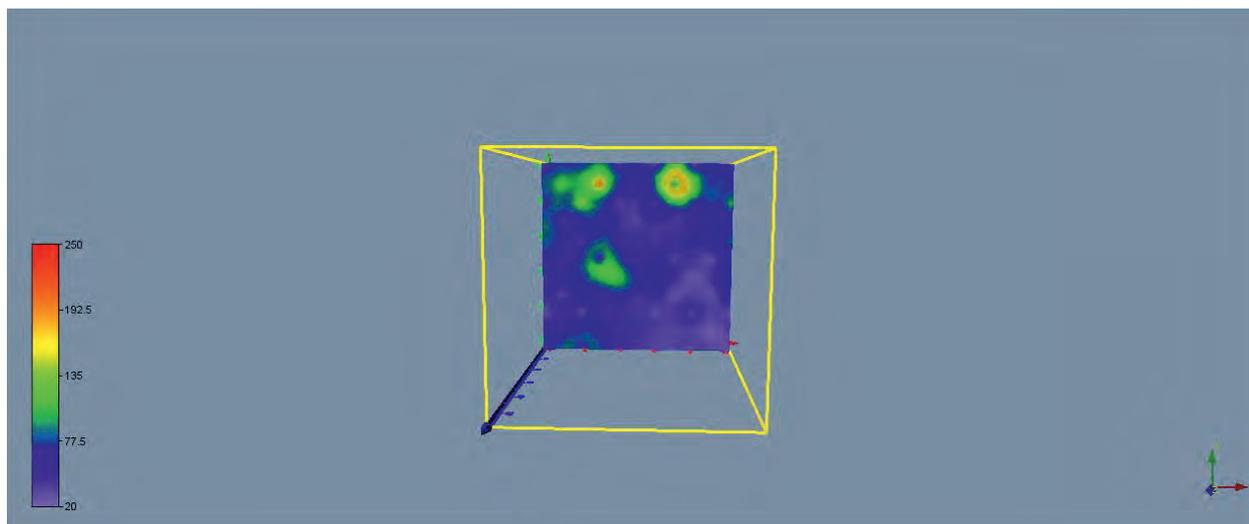
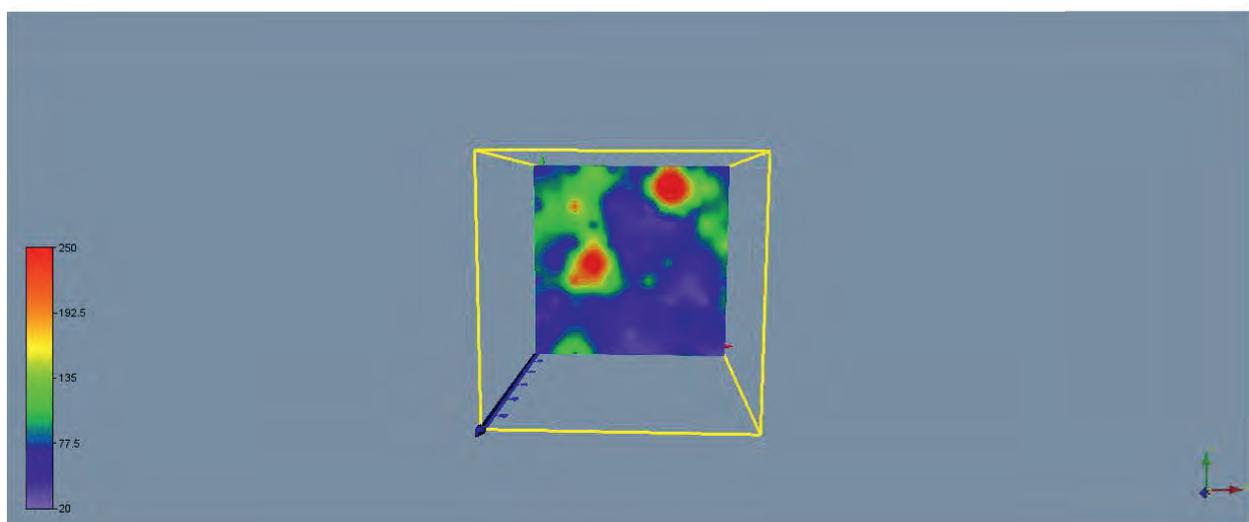

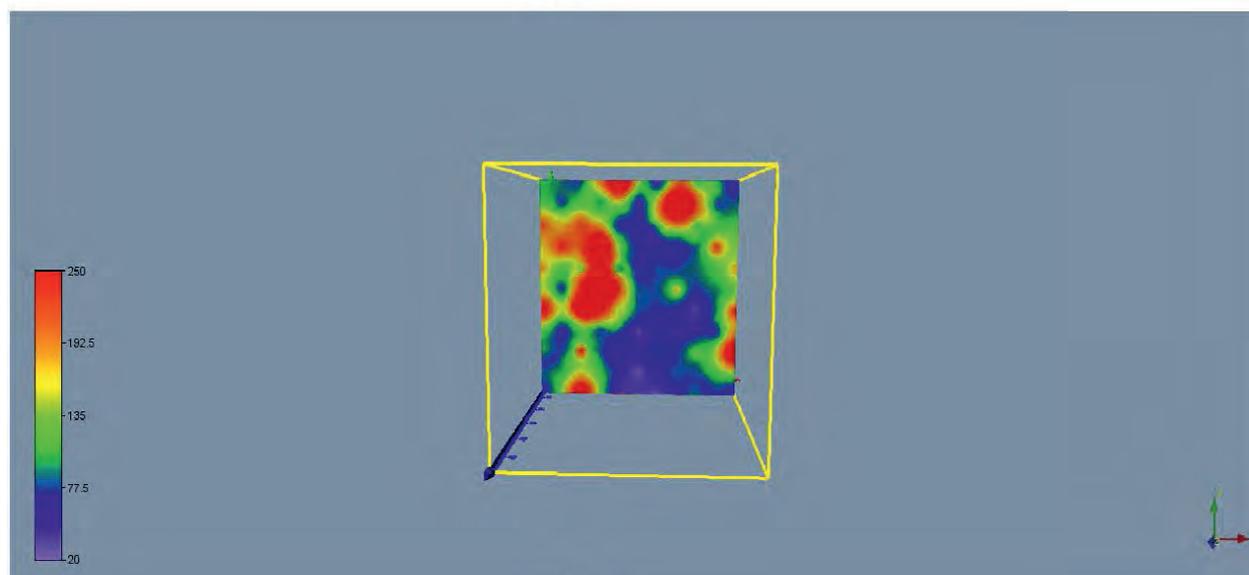
РИС. 8. ТАНАИС 2019 Г. СХЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ УДЕЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ГРУНТА НА ГЛУБИНУ ОТ 0.25 ДО 1 М.

1.3 m

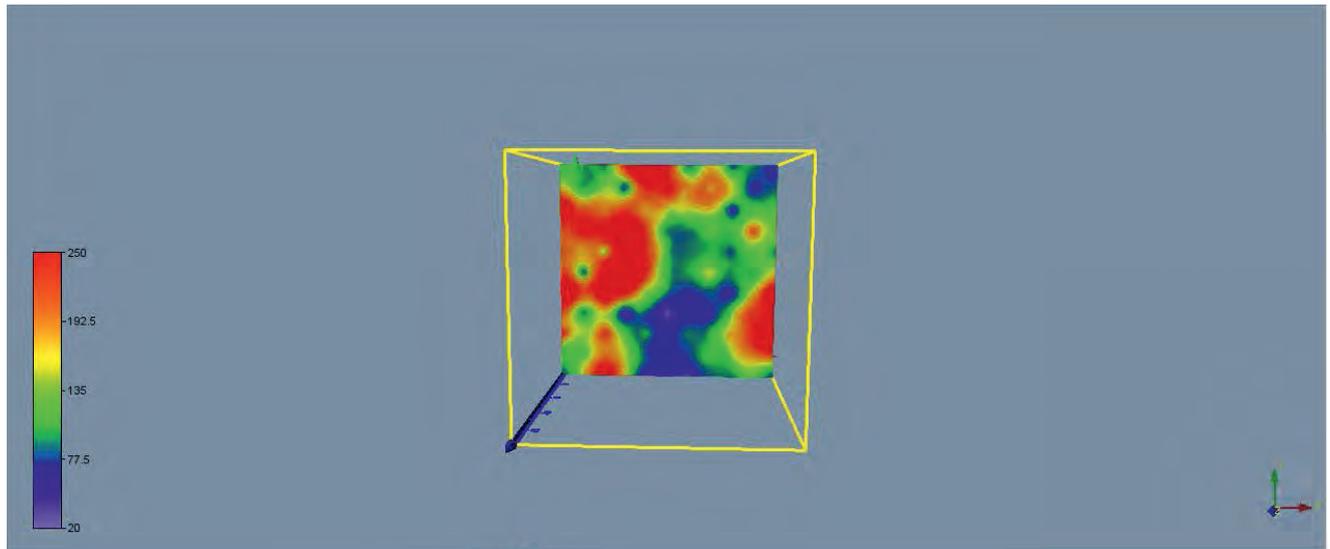

1.6 m

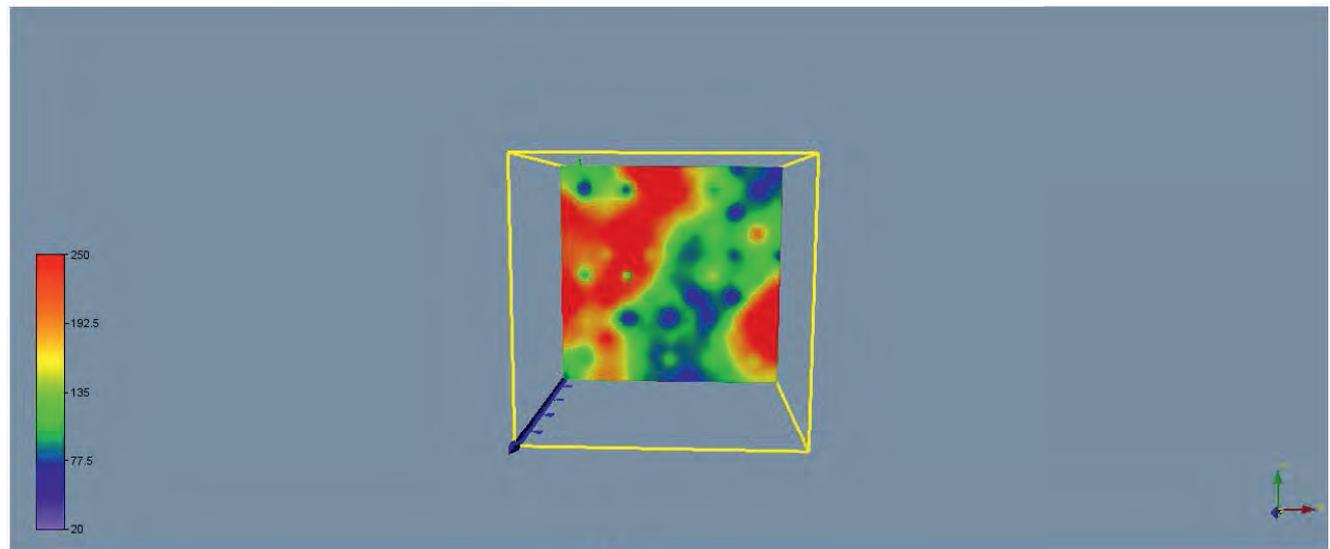

2 m

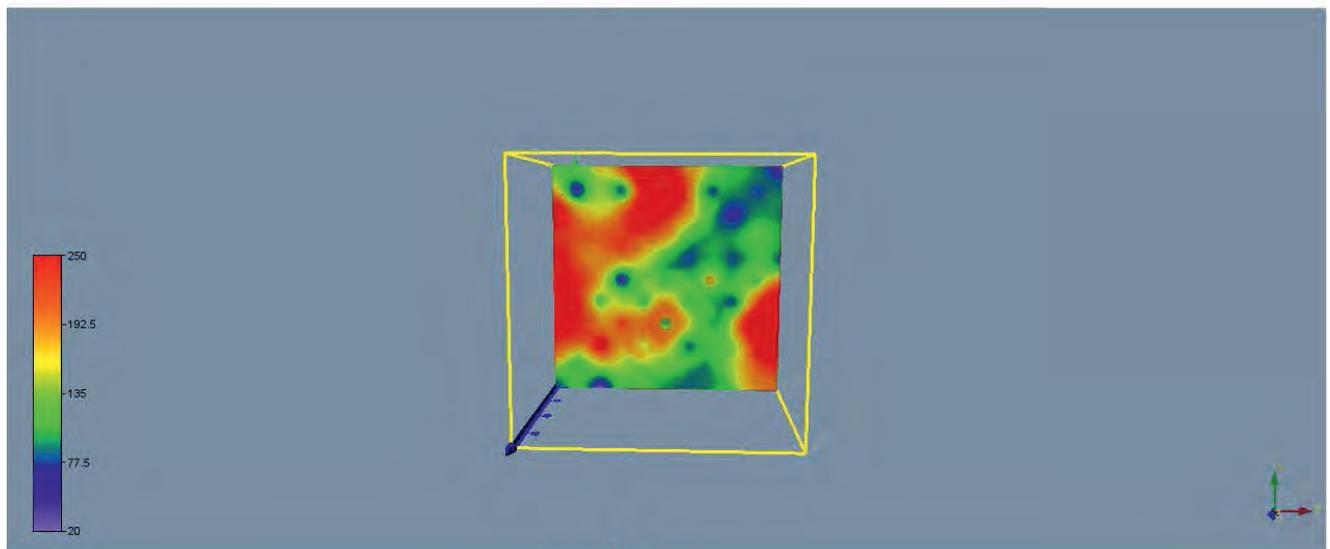
РИС. 9. ТАНАИС 2019 Г. СХЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ УДЕЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ГРУНТА НА ГЛУБИНУ ОТ 1.3 ДО 2 М.

2.5 m

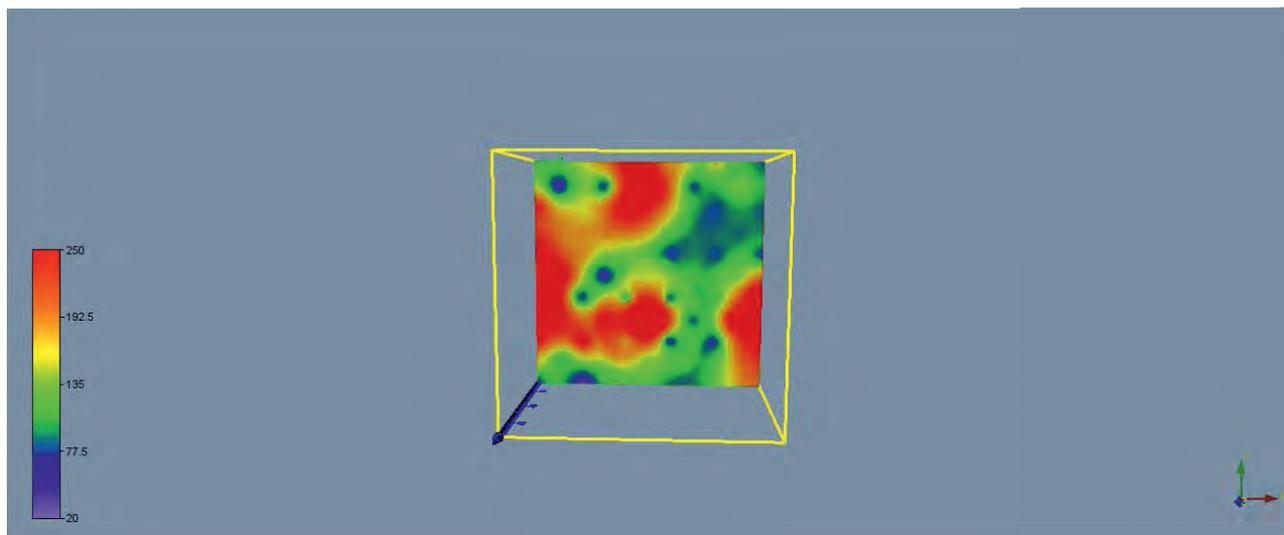

2.7 m

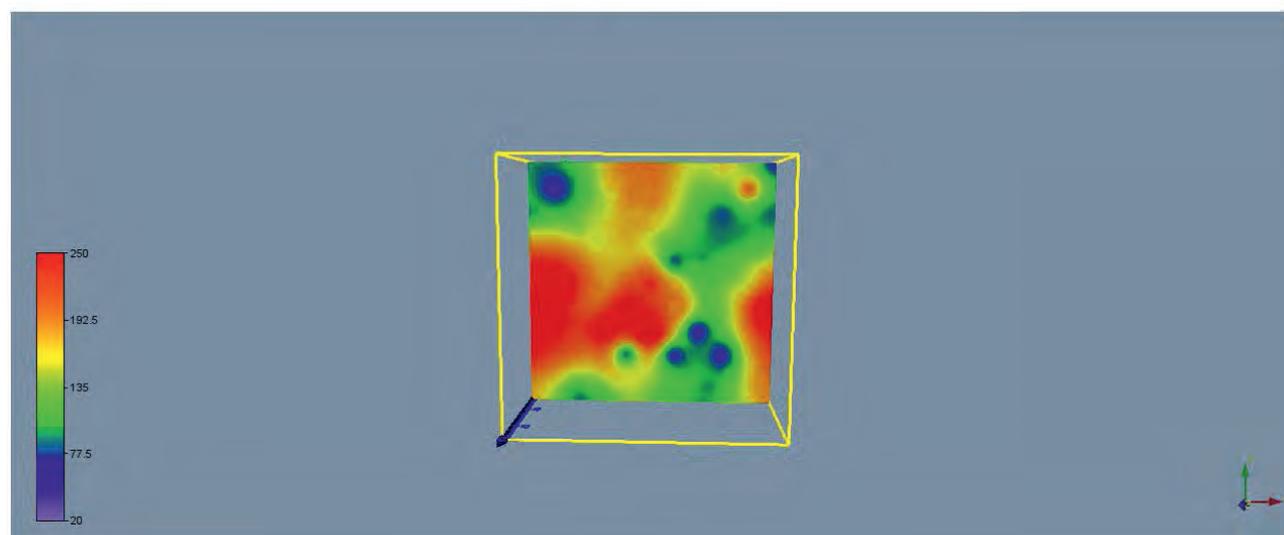

3 m

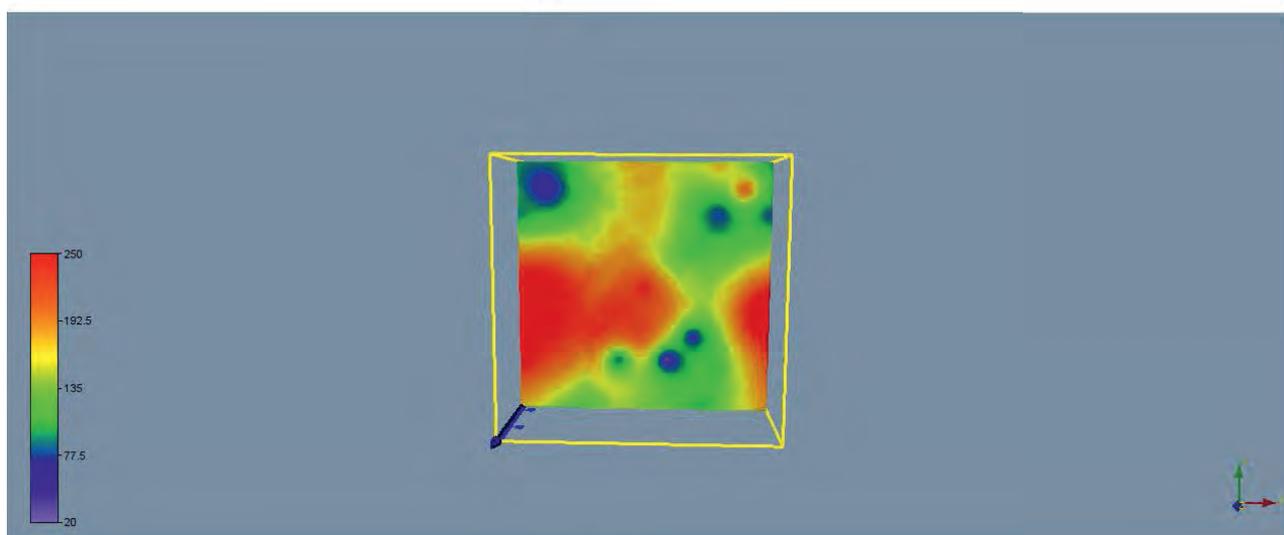
РИС. 10. ТАНАИС 2019 Г. СХЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ УДЕЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ГРУНТА НА ГЛУБИНУ ОТ 2.5 ДО 3 М.

3.5 m

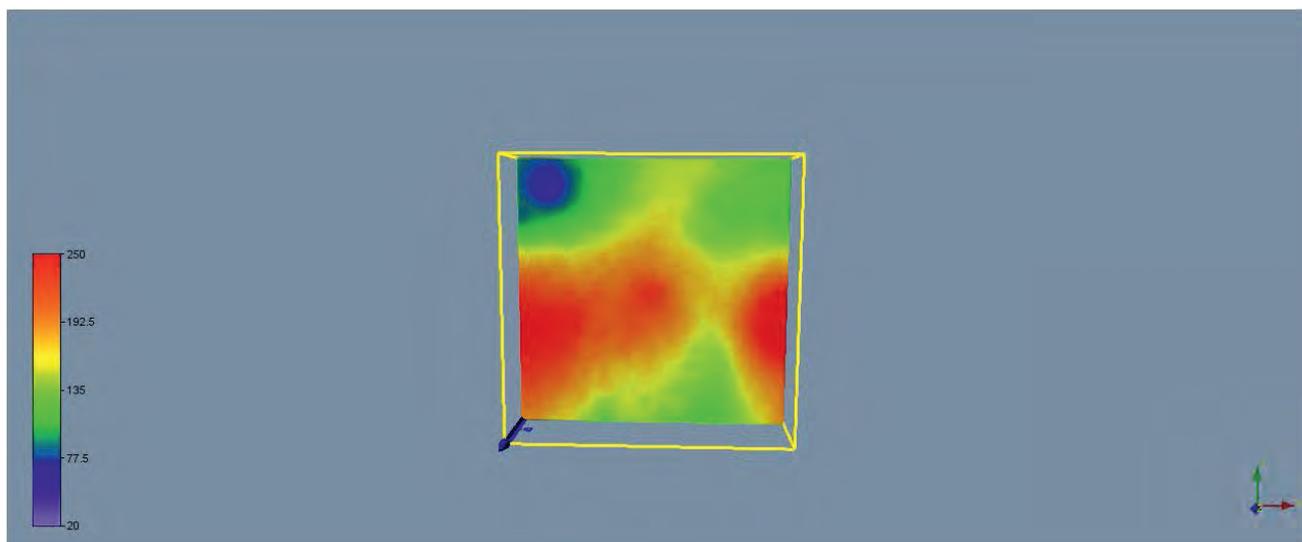

4 m

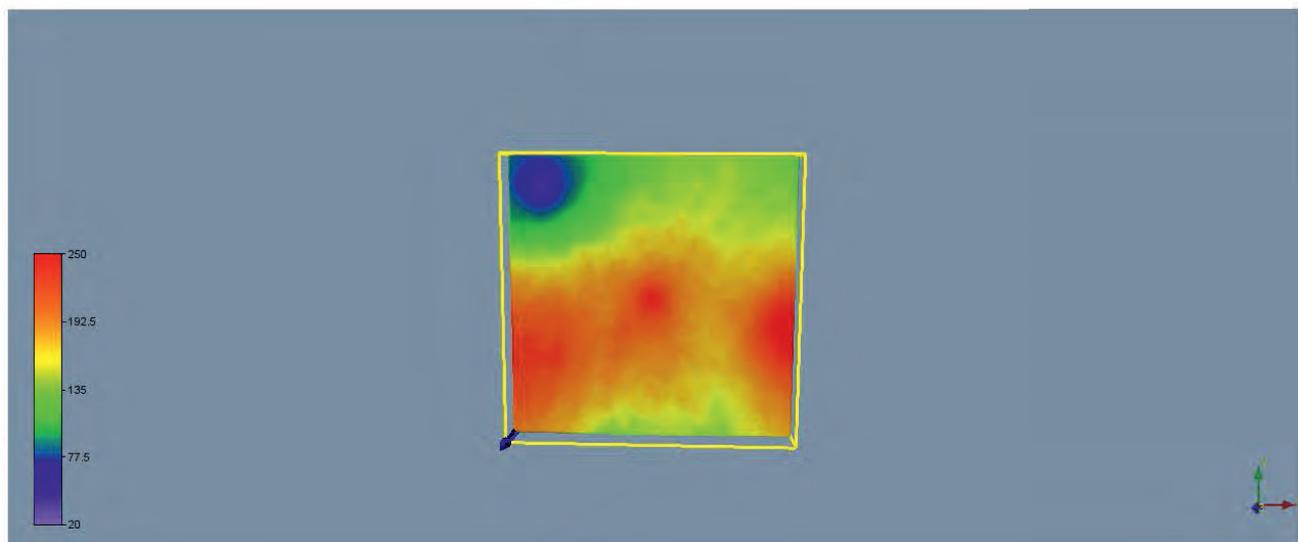

5.5 m

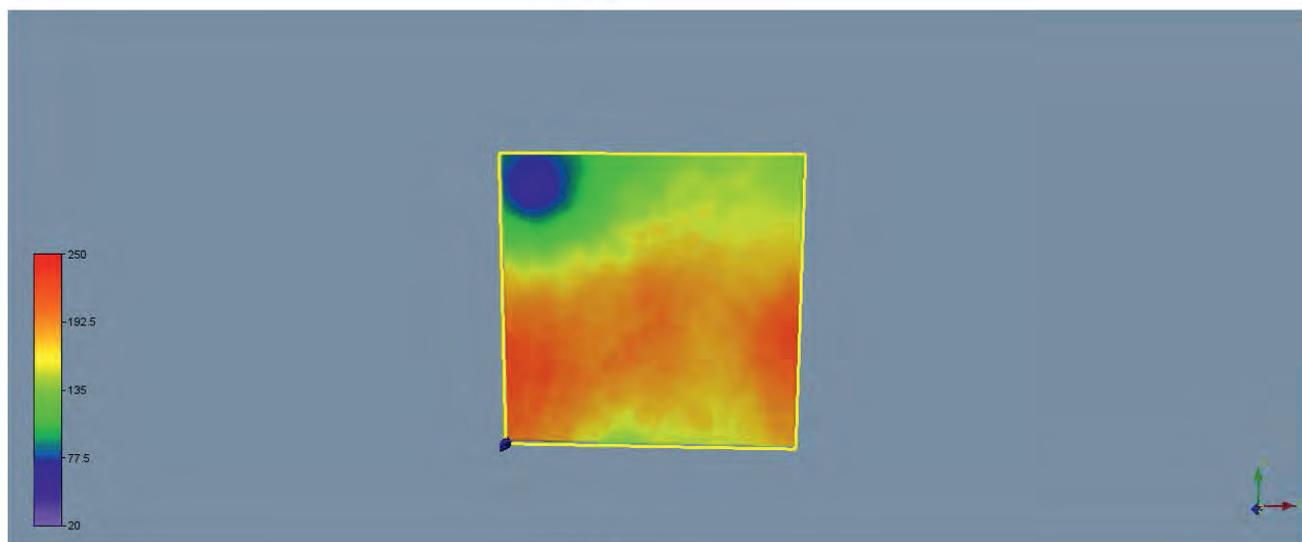
РИС. 11. ТАНАИС 2019 Г. СХЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ УДЕЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ГРУНТА НА ГЛУБИНУ ОТ 3.5 ДО 5.5 М.

6 m

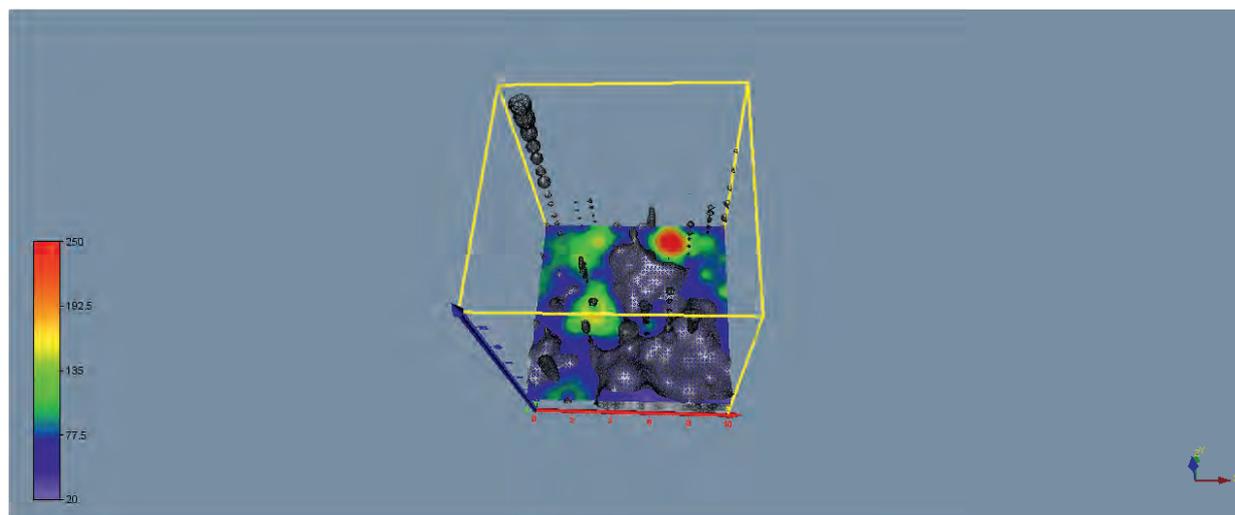

8 m

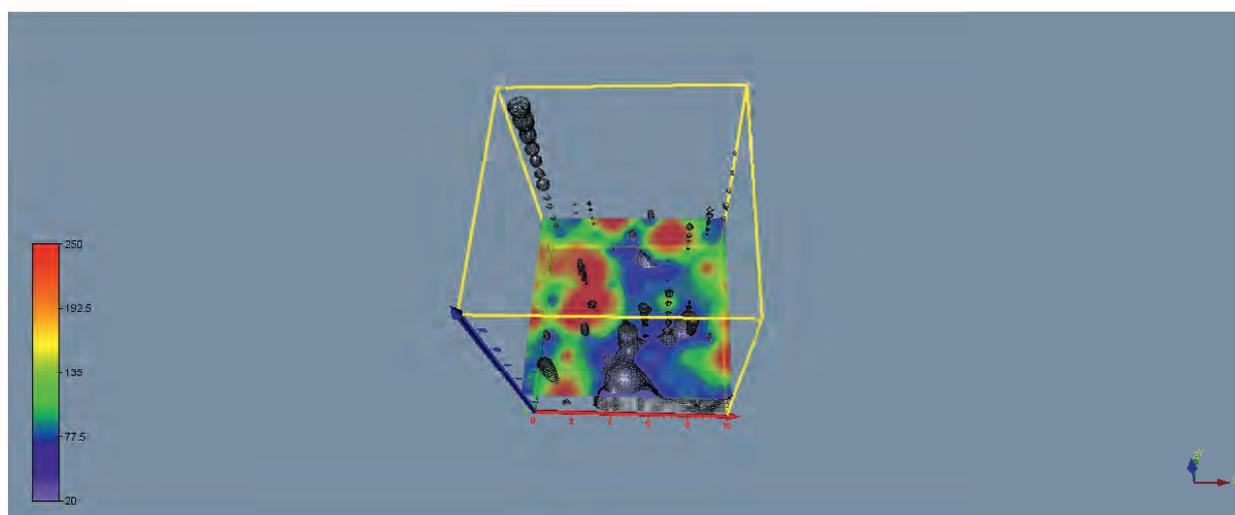

10 m

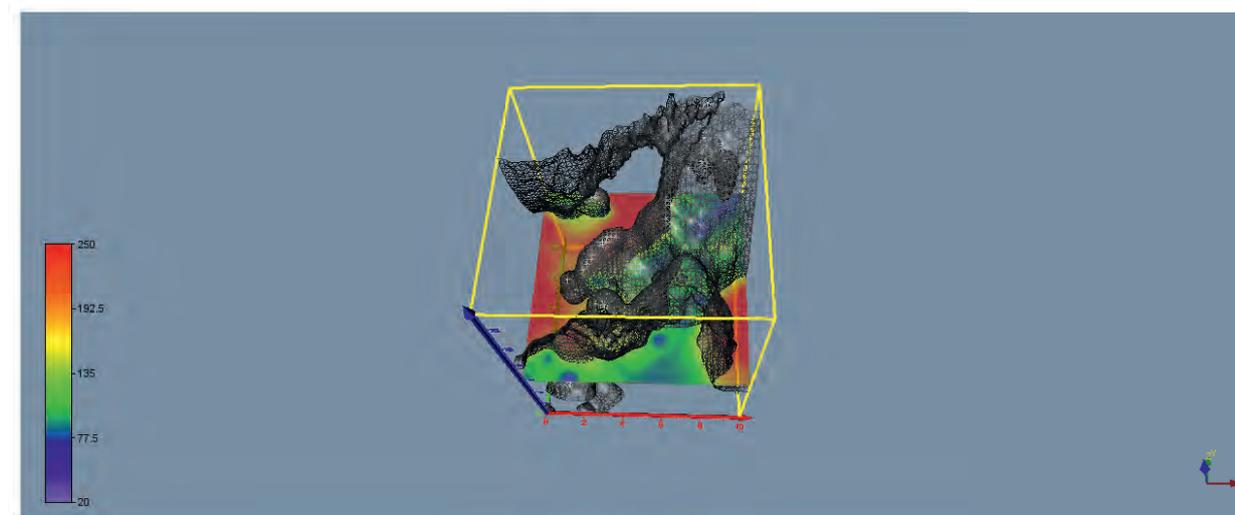
РИС. 12. ТАНАИС 2019 Г. СХЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ УДЕЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ГРУНТА НА ГЛУБИНУ ОТ 6 ДО 10 М.

m1

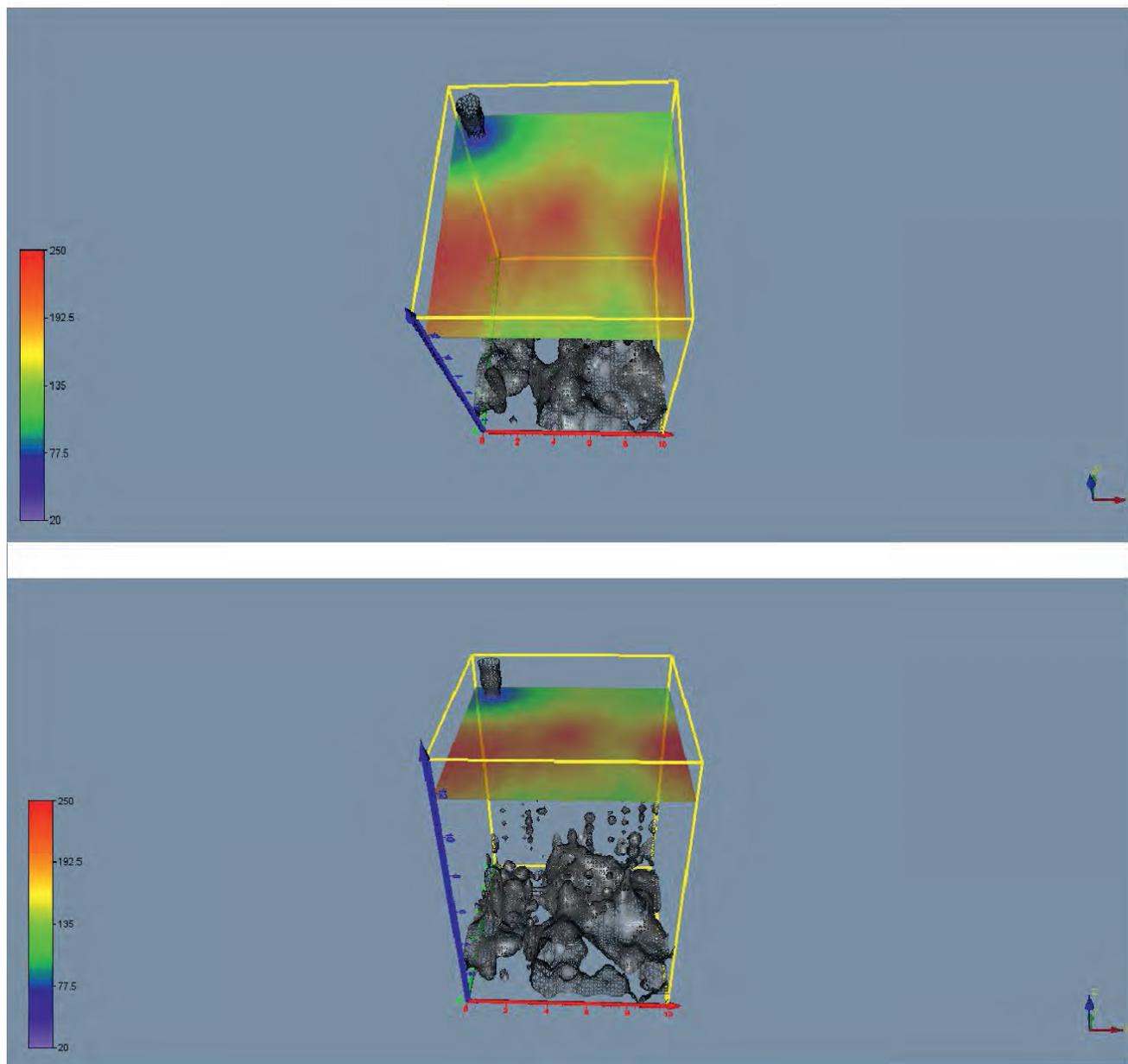

m2

m3

РИС. 13. ТАНАИС 2019. МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУР, ВЫЗЫВАЮЩИХ АНОМАЛИИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ СОПРОТИВЛЕНИЯ ГРУНТА. СЕЧЕНИЕ М1 – НАД ОБЪЕКТОМ, М2 – НА УРОВНЕ ОБЪЕКТА В СЛОЕ, М3 – НА УРОВНЕ СЛОЯ, ПЕРЕКРЫВАЮЩЕГО ОБЪЕКТ.

m 4

РИС. 14. ТАНАИС 2019. МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУР, ВЫЗЫВАЮЩИХ АНОМАЛИИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ СОПРОТИВЛЕНИЯ, РАСПОЛОЖЕННЫХ ПОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ОБЪЕКТОМ НА ГЛУБИНЕ ДО 4 М.

АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ДОНА

ПОКРОВСКИЙ КУРГАН – ПОГРЕБАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ ЭПОХИ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА¹

© 2024 Ильюков Л.С.^{1, 2*}, Толочко И.В.^{1, 2**}, Садовая А.Р.^{3***}

¹ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»,
х. Недвиговка, Российская Федерация

³ООО «ОКН-проект», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*E-mail: iljukov@ssc-ras.ru

**E-mail: i-r-69@mail.ru

***E-mail: sadovayaar@gmail.com

На восточной окраине с. Покровское Неклиновского района Ростовской области в 2014 г. был раскопан курган, сформированный из двух насыпей. В ходе археологических раскопок данного погребального комплекса было открыто несколько горизонтов погребений эпохи бронзы и железа. Расположенная в виде ряда дугообразной формы серия захоронений в ямах катакомбной конструкции раннего этапа эпохи средней бронзы восточноманычского варианта содержала останки взрослых и детей. Появление восточноманычских захоронений детей в кургане, как отмечают исследователи, лимитировалось наличием «детоводителя» старшего возраста, погребенного или вместе с ребенком в одном могильном сооружении, или отдельно, но в пределах того же кургана. Значительная часть детей раннего возраста не попадала на родовое кладбище. Самостоятельное вхождение в «общину умерших предков» оказывалось возможным для подростка после зачисления его (вероятно, после соответствующих инициационных процедур) в число взрослых членов общины живых.

Ключевые слова: курган, погребения, эпоха бронзы, булава, гребень, эпоха железа, сарматы, фибула.

THE POKROVSKY MOUND – THE BURIAL ENSEMBLE DATED FROM THE BRONZE AGE TO THE EARLY IRON AGE

Ilyukov L.S., Tolochko I.V., Sadovaya A.R.

On the eastern outskirts of the village Pokrovskoye in the Neklinovsky District of the Rostov Region, a burial mound was excavated in 2014 which featuring a summit formed from two mounds. During the archaeological excavations of this burial complex, several burial horizons from the Bronze and Iron Ages were uncovered. The series of burials, arranged in an arc shape, consisted of early

¹ Публикация подготовлена в рамках работы по Госзаданию ЮНЦ РАН на 2024 г. (проект 00-24-02, № госрегистрации 122011900166-9), направление ПФНИ 1.5.10.1.

Catacomb-type graves from the early stage of the Middle Bronze Age and contained remains of both adults and children. The appearance of Eastern Manych child burials in the mound was limited by the presence of an older “child guardian” buried either with a child in the same burial structure or separately but within the same mound. A significant number of young children was not buried in the ancestral cemetery. The independent entry into the “community of deceased ancestors” was possible for a teenager only after being admitted (likely following corresponding initiation procedures) as an adult member of the community of the living.

Keywords: *burial mound, burials, Bronze Age, mace, crest, Iron Age, Sarmatians, fibula.*

Курганный могильник Покровский расположен на восточной окраине с. Покровское Неклиновского района Ростовской области (рис. 1). Он находится на водоразделе двух безымянных балок, впадающих в пойму реки Миус (рис. 2). В 2014 г. в этой цепочке из шестнадцати курганов, вытянутых по линии В–3, был исследован курган, описанный в учётной документации, как сооружённый из двух сомкнутых насыпей. Т.н. курган № 15–16 имел высоту 3,3 м, его насыпь – 60 x 80 м. Раскопками были открыты двадцать одно подкурганное погребение, большинство из них относились к бронзовому веку. При фиксации четырех бровок были отмечены три насыпи (рис. 3–9).

Насыпь 1 сложена из плотного гумусированного грунта с включениями суглинка. Курган был возведен над погребением 14, выкид из которого находился к востоку от могильной ямы на древнем горизонте. Высота первоначальной насыпи – 2,2 м, диаметр насыпи – 20 м. В этот курган впущена широкая прямоугольная яма – погребение 1, большой подковообразный материковый выкид из которой был уложен поверх насыпи 1 и перекрыт насыпью 2.

Насыпь 2 сложена из комковатого темно-серого суглинка. С ее сооружением высота кургана увеличилась до 2,3 м, а диаметр – до 28 м. У края северной подошвы кургана появилось катакомбное погребение 3, которое прорезало насыпь 2 и ниже лежавшую насыпь 1. Подковообразный выкид из катакомбы 3 окружал могилу с севера и перекрывал край склона насыпи 2. В юго-восточном секторе, между центральной и восточной бровками на краю насыпи 2 появилось катакомбное погребение 15, выкид из которого находился восточнее этого погребения и был зафиксирован в западном фазе восточной бровки. Он тоже лежал поверх насыпи 2.

Насыпь 3 – средней плотности серо-коричневый суглинок. С его появлением курган расширился в северном направлении. Толщина насыпи – около 1 метра. Северный склон насыпи 2 был перекрыт насыпью 3. Насыпь 3, связанная с погребением 3, перекрывала выкид из погребения 3 и линзу выкида из погребения 15, зафиксированную в восточном фазе восточной бровки. В центральной бровке колодцем погребение 9 прорезало насыпь 2, в этой же бровке погребение 8, впущенное сверху, прорезало насыпь 2.

Насыпь 4 – средней плотности мелкокомковатый сильно гумусированный суглинок тёмно-серого цвета. Она зафиксирована на северной окраине кургана. Эта насыпь перекрывала камни широкой дуговидной оградки, которая ограждала северный край кургана. Камни лежали на насыпи 3. Внутренний диаметр ограды – около 28 м, ширина – 2 м. Ее западный конец находился между двумя каменными площадками. Одна из них лежала на вершине насыпи 7, воздвигнутой на древнем горизонте у западной окраины соседнего более древнего кургана № 16. Насыпь 4 в западной части кургана перекрывала насыпи 7 и 8, а в центральной и в восточной части кургана камни ограды находились в основании насыпи 4, которая перекрывала насыпь 3. Судя по стратиграфии, каменная дуга ограды появилась в железном веке, по-видимому, в средние века. Вероятно, к ней относилась овальная яма, расположенная юго-восточнее ограды, в заполнении которой встречались камни. Эта яма с усеченно-коническим профилем, была зафиксирована, как погребение. Такую конструкцию могли использовать для установки деревянного резного столба-бабы, аналогичного каменным половецким изваяниям, хорошо известным на территории Нижнего Дона.

Насыпь 5 – средней плотности гумусированный суглинок тёмно-серого цвета с белёсым налётом по граням структурных отдельностей. Эта насыпь обнаружена на юго-восточной окраине кургана в центральной и восточной бровках. Ее хронологическая принадлежность неясна.

Насыпь 6 – средней плотности мелкокомковатый гумусированный суглинок светло-коричневого цвета. Его мощность около 1 метра. Она залегала на материке и склоне насыпи 3. По-видимому, она перекрывала катакомбное погребение 16.

Насыпь 7 – мелкокомковатый средней плотности гумусированный суглинок серо-коричневого цвета. Она располагалась у западной окраины кургана № 16. Ее высота 0,7 м, диаметр 20 м. Под этой насыпью погребение отсутствовало. По-видимому, это был соседний курган № 15, примыкавший к кургану № 16. На нем была воздвигнута ограда, от которой сохранилась прямая каменная стенка, зафиксированная, как «ситуация 1». Кладка ориентирована по линии ССВ–ЮЗЗ. Длина стенки 5 м. Среди камней ограды найдены костяные детали гребня (?) (рис. 29, 4, 5).

Насыпь 8 – комковатый средней плотности сильно гумусированный суглинок серого цвета. Ее мощность до 1 м диаметр до 29 м. На ее северном склоне во 2-й западной бровке располагался наброс камней в плане подквадратной формы, ориентированный сторонами по линии СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ. Его размеры: 4 x 4 м. Высота кладки около 0,2 м. Под каменным набросом было открыто погребение 18. В центральной части 2-западной бровки по поверхности насыпи 8 залегали камни заклада погребения 21. По-видимому, погребение 21 совершено позже погребения 18.

Насыпь 9 – средней плотности комковатый тёмно-коричневый, сильно гумусированный суглинок. Она перекрывала склон насыпи 7. Датировка насыпи 9 неясна.

Три погребения 18, 19, 21 были связаны с курганом № 15, в верхней части насыпи которого зафиксирован выкид грунта из блиндажа времени Великой Отечественной войны, расположенного на вершине кургана.

Сдвоенный курган № 15–16 содержал двадцать одно захоронение.

Погребение 1 (–6,14 м) (рис. 10) расположено к югу от центрального репера (Цо). Широкая подпрямоугольная могильная яма, ориентированная длиной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ, была впущена с высоты первоначальной насыпи. На глубине 3,3 м она достигла уровня погребенной почвы, прорезав материковый выкид из соседнего погребения 14, который был сложен к югу от него. На этой глубине по периметру ямы были устроены заплечики.

Ниже уступов-заплечиков размеры ямы уменьшились. Заплечики имели ширину 0,32–0,82 м. На них опиралось перекрытие из двух слоев досок, положенных поперек и вдоль ямы. Поверх досок лежал слой тростника. Ниже заплечиков стенки ямы осыпались, но ее углы были четкими, в некоторых случаях они дополнительно обработаны и имеют в поперечном сечении вид полуовала. Ниже заплечиков стенки ямы были отвесными. На этой глубине яма имела подквадратные очертания и была ориентирована по сторонам света. Ее размеры по дну 2,30 x 2,25 м. На северном заплечике обнаружена челюсть овцы².

В дно ямы было впущено углубление около 0,2 м, которое имело подпрямоугольную форму, размеры 1,3 x 1,5 м, ориентированное длиной осью по линии В–З. В нем прослежен толстый слой органики и останки погребенной, покрытые слоем органики. В этом углублении на толстом слое травяной подстилки (в её состав входила полынь и маревые растения)³, лежал скелет, предположительно, женщины, похороненной скорченно на правом боку, головой ориентированной на ЗЮЗ⁴.

²Здесь и далее определение костей животных и рыб выполнено Г.И. Тимониной, заведующей отделом природы и палеонтологии ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник».

³Палинологический анализ органических материалов выполнен старшим научным сотрудником ЮНЦ РАН, кандидатом биологических наук К.В. Дюжовой.

⁴Здесь и далее определение пола и возраста погребённых выполнены старшим научным сотрудником ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», кандидатом биологических наук Е.Ф. Батиевой.

Но дну могилы отмечены следы охры, около костей позвоночника погребенной и в ее ногах также зафиксированы кусочки охры.

За спиной погребенной, у костей голени обнаружен крупный фрагмент толстостенного серо-коричневого лепного горшка с зауженным устьем. Венчик скруглен. Верхняя половина сосуда покрыта рядами оттисков отступающей лопаточки, образующих елочную композицию. Под венчиком расположен поясок из редких глубоких вдавлений круглого конца палочки, нанесенных на заключительном этапе орнаментации. Тесто с примесью шамота. Диаметр устья 22 см, тулова 30 см (рис. 10, 1, 11, б). Рядом с ним обнаружен комок красной краски. Грудь умершей была украшена шнурком с двумя длинными бронзовыми пронизями (длина около 4 см) из продольно свернутых пластинок, одна из них имеет гофрированную поверхность (рис. 11, 2, 5). Под черепом обнаружено серебряное кольцо, согнутое в 1,5 оборота, его диаметр 1 см. Диаметр прута круглый, концы острые (рис. 11, 3). На дне могилы перед костями грудной клетки погребенной расчищены бронзовые нож и шило. Листовидный клинок ножа находился в футляре, следы которого зафиксированы на его поверхности. Листовидный клинок ножа плавно переходит в узкий и длинный черенок, конец которого расклепан. Длина ножа 14,3 см (рис. 11, 1). Параллельно рукояти ножа лежало шило с четырехгранным сечением, которое было насажено на деревянную рукоять. Длина шила 5,5 см (рис. 11, 4).

Погребение 2 (-1,79 м) (рис. 12, 1, 2) расположено в юго-восточном секторе насыпи. Оно расположено над северо-восточным углом погребение 14. Форма ямы не прослежена. Судя по зубам, умерший был старше 35 лет. Сохранились кости ног скорченные на правом боку. По-видимому, умерший был ориентирован в северном направлении. Около костей голени отмечено пятно красной охры. За спиной погребенного обнаружена нижняя челюсть овцы.

Погребение 3 (-8,81 м) (рис. 13, 1, 14) обнаружено в центральной бровке в 1,7 м к северу от Цо. Катакомба Т-образной формы. Ее мощный материковый выкид расположен к югу от входной ямы. Подпрямоугольная входная яма длиной осью ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Стенки ямы прослежены на глубину 3,3 м. Северо-восточная стенка колодца короче юго-западной, под которой была вырыта камера. На северо-восточной стенке расположены три узкие ступеньки, ведущие на дно входной ямы, в котором находится лаз с покатой поверхностью, ограниченный с трех сторон ступенями. Размеры колодца по верху 2,1 x 1,8 м. Размер лаза – 2 x 1 м. Он вел в камеру и обрывался ступенькой высотой 0,33 м. Фасадная стенка колодца в которой находился вход в камеру, была наклонена внутрь колодца. Овальное входное отверстие в камеру имело деревянный заслон, от которого сохранились мелкие фрагменты древесины. Между колодцем и камерой расположен короткий дромос. Его дно обрывалось ступенькой, ведущей в камеру, которая в плане имела сегментовидную форму, перпендикулярно соединенная с колодцем. Камера имела полусферический свод. Ее размеры 2,5 x 2,4 м. На фасадной стенке колодца сохранились многочисленные почти вертикальные следы кольев, которым ее копали. Остальные три отвесные стенки имеют 2-3 ступеньки, покрытые вертикальными желобками от кольев. Тогда как горизонтальная поверхность каждой ступени ровная, без желобчатых следов от кольев. У входа в камеру зафиксировано скопление древесных углей.

В камере были захоронены мужчина старше 30 лет и двое детей 6–8 и 10–12 лет, лежавшие за спиной взрослого. Все похоронены в одинаковых позах: скорченно на правом боку, головой на ВЮВ, лицом ко входу. Руки протянуты к ногам. Череп взрослого находился в 0,5 м от скелета. На погребенных и под ними прослежен органический тлен (остатки кожаных изделий?) (рис. 13, 2). Около изголовья взрослого человека на боку лежал небольшой кожаный предмет, украшенный параллельными лентами красной краски. По-видимому, он был расшит лентами, пропитанными краской, которые украшали кожаные борта кибитки (?). Сохранившаяся высота кожаных фрагментов – около 19 см. В полосу из горизонтальных линий вклинивались две параллельные наклонные линии (рис. 13, 3).

Погребение 4 (-3,48 м) (рис. 15, 1) расположено в юго-восточном секторе, в 13 м от Цо. Вход в камеру был заложен несколькими обломками камней. В камере, форма которой не прослежена, найдены кости ребенка младше 7 лет, лежавшие на подстилке из органики.

Севернее скелета обнаружено пятно красной краски, а южнее – фрагмент плоскодонного сосуда (рис.15,2), у которого придонная часть тулова украшена тремя лентами прочерченного узора, толщиной в 2-4 линии. Тесто с примесью шамота. Диаметр дна – 8 см.

Погребение 5 (-4,36 м) расположено в северо-восточном секторе в 14,8 м от Цо. Яма конусовидной формы. Стенки прослежены на глубину 3 м. В верхней части заполнения обнаружено несколько мелких камней. В заполнении ямы отмечены древесные угли. Найден фрагмент стенки лепного сосуда.

Погребение 6 (-2,71 м) (рис. 16, 1, 2) расположено в юго-западном секторе в 13,7 м от Цо. Форма ямы не прослежена. На дне лежал скелет мужчины 35–45 лет. Умерший был похоронен вытянуто на спине, головой ориентирован га С. Руки вытянуты вдоль туловища. Колени сомкнуты. Под скелетом отмечены пятна подстилки. Около правого плеча стоял красноглиняный кружальный сосуд с яйцевидным туловом на кольцевом поддоне (рис. 16,4), верхняя часть тулова не сохранилась. Около левой воловины таза найдена бронзовая подвязная фибула позднелатенской схемы (рис. 16, 3).

Погребение 7 (- 3,3 м) (рис. 17, 1, 2) расположено в юго-западном секторе в 26 м Цо. Узкая прямоугольная яма, длинной осью ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. На дне расчищен скелет мужчины старше 35 лет. Он был похоронен в сильно скорченном виде на правом боку, головой ориентирован на ЮЮВ, ноги прижаты к животу. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, ее кисть на правом локте. В районе костей таза найдена створка речной раковины. В ногах стоял лепной плоскодонный приземистый горшок с раздутым туловом и резко отогнутым прямым горлом. Поверхность черно-серая, хорошо заглаженная, тесто с примесью шамота. Высота сосуда 10,3 см, диаметр устья 8,5 см, тулова 12 см, дна 7 см (рис. 17, 3). Рядом с ним найдены фрагменты пружины и иглы лучковой бронзовой фибулы и фрагмент железной оковки, который крепился к поверхности деревянного предмета при помощи железного гвоздика. Длина пластины более 7 см, ее ширина 1 см. Вероятно, это был деревянный футляр или пенал (?), окантованный по краю.

Погребение 8 (-1,72 м) расположено в центральной бровке в 4,5 м к югу от Цо. Форма могильной ямы не прослежена. Сохранились кости ног мужчины старше 30 лет. Умерший был похоронен вытянуто на спине, головой ориентирован на СВ. Стопы сомкнуты. В ногах находился лепной горшок с яйцевидным туловом, плоским дном и резко отогнутым горлом. Высота сосуда 19,8 см, диаметр устья 12 см, диаметр тулова 14 см, дна 8,5 см (рис. 17, 4).

Погребение 9 (- 4,72 м) (рис. 18, 1) расположено в центральной бровке в 1,7 м к югу от Цо, Катакомба. Округлый колодец прорезал материковый выкид погребения 1. В северной стенке на высоте 0,75 м от дна вырублена небольшая полка, на поверхности которой обнаружен овальное пятно из охры. Дно колодца слегка покатое к круглому входу в камеру, расположенную под западной стенкой колодца, и обрывается ступенью высотой 0,95 м. Вход в камеру был загорожен округлой каменной плитой. Овальная камера ориентирована длинной осью по линии С–Ю.

На ее дне лежали останки двух умерших: мужчины 35–45 лет и ребенка 3–4 лет. Ребенок находился за спиной взрослого. Оба похоронены в одинаковых позах: скорченно на правом боку, головой ориентированы на Ю, лицом ко входу. Руки протянуты к ногам. В ногах взрослого зафиксировано большое пятно красной краски, следы краски отмечены под черепами и у коленей. По дну прослежен белесый тлен. У изголовья взрослого стоял крупный плоскодонный сосуд. Высокое прямое горло плавно переходит в округлые плечики. У основания горла плечики окольцованы лентой елочки, нанесенной оттисками зубчатого штампа. Поверхность пятнистая: черно-серая с коричневыми пятнами, заглажена гребенкой. В тесте примесь шамота. Высота сосуда 31,5 см, диаметр устья 19 см, наибольший диаметр тулова 30 см, дна 12 см (рис. 18, 2).

Погребение 10 (-4,55 м) (рис. 19, 1) расположено в юго-восточном секторе в восточной бровке в 8,5 м от Цо. Катакомба Т-образной формы. Прямоугольный колодец со скругленными углами, длинной осью ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Его стенки расширялись ко дну, которое было слегка присыпано рыхлым материковым грунтом. На поверхности этой

подсыпки, у восточной стенки прослежено пятно горелого дерева с древесными угольками (деревянная жаровня?). Размеры колодца по верху 1,62 x 1,2 м, по дну 1,95 x 1,45 м. Между колодцем и камерой расположен перешеек шириной 0,2 м, в котором расположена ступенька высотой 0,1 м, сегментовидной формы, ведущая в камеру. Ее арочный вход перекрывали вертикальные деревянные плашки. На дне камеры на прямоугольной подстилке (1,6 x 0,8 м) из органики белесого цвета находились останки мужчины 30–35 лет, похороненного в скорченном виде на правом боку, головой ориентированного на ЮЮВ. Руки протянуты к ногам. Около коленей отмечено большое пятно красной краски. Череп лежал на большом пятне коричневого тлена. За черепом обнаружен кусок мела. У изголовья около подстилки стоял плоскодонный горшок с коротким горлом, плавно переходящим в округлые плечики (рис. 19, 2). Поверхность черно-серого цвета, имеет следы заглаживания гребенкой. Тесто с примесью шамота. Высота сосуда 23 см, диаметр устья 19,5 см, тулова 24 см, дна 12 см.

Погребение 11 (–2,95 м) расположено в северо-западном секторе в 6,8 м от Цо. Форма могильной ямы не прослежена. Найдено несколько обожженных костей ребенка, пятна золы, комочки обожженной глины. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 12 (–3,39 м) (рис. 20, 1, 2) расположено в юго-западном секторе в 11,2 м от Цо. Форма могильной ямы не прослежена. На дне могилы обнаружены только скорченные останки мужчины 35–40 лет, головой ориентированного на ЮЗ. Ноги прижаты к груди. Кисти рук находились у лица. Около коленей найден мелкий кусочек камень.

Погребение 13 (–3,24 м) расположено в северо-западном секторе в 12,8 м от Цо. Форма могильной ямы не прослежена. На дне могилы лежал скелет ребенка 10–12 лет. Судя по костям, умерший был похоронен вытянуто на спине, головой ориентирован на З. Правая рука была вытянута вдоль туловища. Кости второй руки, как и кости ног, не сохранились. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 14 (–4,7 м) (рис. 21, 1, 2) расположено в юго-западном секторе в 3,6 м от Цо. Над северо-восточным углом погребения 14, на глубине 1,79 м от Цо находилось погребение 2. Во время устройства погребения 14 был подрезан небольшой участок дневной поверхности на глубину до 0,4 м. В его центре была вырыта могильная яма. По-видимому, таким образом были устроены заплечики, на которые опиралось перекрытие. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, ориентированную длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Западная стенка слегка наклонена вовнутрь ямы. Стенки прослежены на глубину 1,25 м. В ее заполнении найдены остатки деревянного перекрытия, отдельные мелкие камни, следы золы и охры. Размеры ямы по дну 2,1 x 1,35 м. На южной стенке видны следы деятельности землеройного животного. В центральной части дна могилы имеется слабое углубление глубиной около 0,1 м, ориентированное длинной осью по линии В–З. Его размеры 1,0 x 1,4 м. В ее северо-восточной части на подстилке из органики со следами охры обнаружена большая берцовая кость скелета мужчины старше 30 лет, разрушенного землеройными животными. Судя по костям, погребенный был скорчен на правом боку, головой ориентирован в западном направлении. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 15 (–6,63 м) (рис. 22) расположено в юго-восточном секторе в 7,3 м от Цо. Катакомба Т-видной формы. Подтрапециевидный колодец с расширенной западной стенкой, наклоненной внутрь ямы, длиной осью был ориентирован по линии В–З. Вдоль трех стен, кроме западной, устроены заплечики. Два из них шириной 0,3–0,2 м расположены вдоль длинных стен на глубине 4,5–4,3 м от Цо.

Вдоль северной стенки ниже верхней ступени расположены еще две ступеньки шириной 0,1 м и 0,05 м и высотой 0,1 м и 0,4 м от дна входной ямы. Вдоль восточной стенки, противоположной входу, расположена ступень шириной 0,4 м и высотой 0,3 м от дна входной ямы. Поверхность стен колодца покрыта вертикальными желобками от кольев, а стена колодца над входом подтесана теслом. Тогда как поверхность ступенек была ровной, без следов, которым рыли могилу. Перед входом в камеру дно входной ямы имеет уклон ко входу, загороженному тремя каменными плитами, и обрывается ступенью высотой 0,5 м. Ширина входа 1,1 м. В колодце около стенки противоположной входу в камеру, на дне прослежено

пятно от чернозема, которым был засыпан вход в камеру. Широкая подпрямоугольная камера со скругленными углами была ориентирована длинной осью по линии С–Ю.

На дне на подстилке с пятнами охры лежал скелет мужчины (?) 30–35 лет. Умерший был похоронен в скорченном виде на правом боку, головой ориентирован на Ю. Череп с нижней челюстью был аккуратно сдвинут на 0,5 м от основания туловища. Он лежал на правом боку, лицевой стороной ко входу в камеру. Правая рука протянута к коленям, левая рука была полусогнута в локте, ее кисть лежала на бедре. Среди костей взрослого найдены отдельные фрагменты черепа ребенка. Пятна красной краски отмечены у изголовья, за спиной у таза, под коленями и около ступней. Среди пятен красной краски отмечены прожилки ярко-розового цвета. Комок красной краски зафиксирован между бедренных костей. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 16 (–4,6 м) (рис. 23, 1–3) расположено в юго-западном секторе в 16,7 м от Цо. Катакомба Т-видной формы. Короткий подпрямоугольный колодец длинной осью ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Его стенки сужались ко дну. Дно было покато к северо-восточной стенке и обрывалось косой ступенью высотой 0,1 м, ведущей в камеру, которая по дну имела подтрапециевидную форму. Ее размеры 1,35 x 1,05 x 2,3 м. Вход в камеру загораживали три крупных плитчатых обломка, расположенные в ряд. Вначале была положена прямоугольная плита (0,4 x 0,2 м), а по краям ее два плиточных камня. На прямоугольной подстилке из белесого тлена лежали два детских скелета 9–12 и 5–6 лет. Младший находился за спиной старшего. Умершие были похоронены скорченно на правом боку, головой ориентированы на СЗ. Руки протянуты к ногам. У обоих погребенных около костей стоп отмечены большие пятна красной краски. У изголовья старшего ребенка найден комок красной краски.

Между тазовыми костями погребенных зафиксированы остатки украшения, края которого перекрывали кисть старшего ребенка. Это ряд глоточных костей рыбы вырезуба (кутума), всего было собрано 365 костей. Ширина орнаментальной ленты – около 5 см. Возможно, костями рыбы был украшен и пояс старшего ребенка.

Вдоль правого локтя старшего ребенка лежало каменное полированное грушевидное навершие булавы, выполненное из черно-серого плотного камня, насаженное на деревянную рукоять. Его высота 5 см, диаметр 5,7 м (рис. 24, 5). Рядом с ним находилась плеть (жезл?), состоявшая из 17 колец, нарезанные из трубчатых костей овцы. Она имела рукоять, выполненную из обрезка трубчатой кости, украшенную двумя кольцевыми желобками (рис. 24, б).

В ногах старшего ребенка, ближе к входу в камеру лежала жаровня, изготовленная из стенки крупного толстостенного неорнаментированного реповидного сосуда (рис. 24, 7). Снаружи сосуд пятнистый: черного и коричневого цвета, его поверхность бугристая. Внутренняя поверхность расчесана гребенкой, в тесте примесь. На жаровне обнаружены древесные угольки.

В изголовье, около края подстилки в ряд стояли два орнаментированных горшка, у которых веревочные, прочерченные и тесемчатые линии были дополнительно покрашены красной краской. У обоих сосудов дно плоское. Большой сосуд стоял у изголовья старшего ребенка, меньший сосуд – у изголовья младшего ребенка. Более высокий горшок имеет высокое прямое горло, плавно переходившее в слабовыпуклые бока тулова. Сосуд сплошь покрыт орнаментом. Венчик опоясан неокрашенной лентой из вертикальных тонких оттисков штампа. Горло окольцовано семью горизонтальными линиями веревочки, из них две верхние не окрашены, остальные чередуются. Плечики опоясаны широкой лентой почти не окрашенного елочного узора, нанесенного тонким гребенчатым штампом, сделанном на край створки раковины. Нижняя половина тулова окольцована девятью прочерченными окрашенными линиями, которые чередуются с рядами тонких оттисков гребенчатого штампа. Эти ряды состоял из участков косых и вертикальных оттисков штампа, которые образуют своеобразный паркетный декор, который у дна состоит из горизонтальной окрашенной линии, которая снизу обрамлена лентой из вертикальных оттисков штампа. Неорнаментированный желобок у дна ограничен пояском из коротких оттисков штампа. Снаружи сосуд светло-серо-коричневого

цвета, изнутри черно-серого. Тесто с примесью шамота. Высота сосуда 15,5 см, диаметр устья 14 см, тулова – 17,5 см, дна – 9 см (рис. 24,3).

Второй горшок приземистый. Он имеет высокое прямое горло, плавно переходящее в округлые приподнятые плечики. Сосуд сплошь орнаментирован оттисками тесьмы, окрашенной в красный цвет. Край венчика опоясывает ряд косых оттисков штампа. Горло и плечики окольцовано пятью горизонталями. Три нижних линии симметрично разорваны в четырех местах. Разрывы соединяются полуовалами, вписанными один в другой. Из них самый нижний был самым крупным. Данный узор напоминает четыре шеврона, между которыми расположены горизонтали. От нижней горизонтали на тулово свисают четыре полотенца шириной в две-четыре вертикальные линии. Под каждым шевроном размещены 2–3 коротких вертикальных оттиска тесьмы. В одном месте в ритмичный узор с двух сторон вклиниваются два коротких оттиска тесьмы. Снаружи поверхность сосуда светло-коричневого цвета, изнутри черно-серая. Внешняя поверхность гладкая, внутренняя со следами гребенки. Тесто с примесью шамота. Высота сосуда – 11,5 см, диаметр устья – 11 см, тулова – 12,5 см (рис. 24, 4).

Погребение 17 (–3,89 м) (рис. 25, 1) расположено в юго-восточном секторе в 8,7 м от Цо. По-видимому, это была катакомба Т-видной формы. На дне колодца, который отделялся ступенькой от дна камеры, лежала кость животного (?). Подовальная камера (1,05 x 0,55 м) длинной осью ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Костяк ребенка, расположенный в южной части камеры, был разрушен землеройными животными. На дне камеры у входа на пятне краски лежал небольшой кусок охры. В северной части камеры обнаружен астрагал овцы. Около костей ребенка обнаружен сосуд с зауженным устьем и коротким прямым горлом, которое скругленным уступом переходило в плечики. К горлу и плечикам крепились петельчатые ушки с боковым отверстием для подвешивания. Судя по их расположению на противоположных стенках сосуда, она составляли две пары. На горле, ниже плечиков и у дна сосуд был опоясан тремя лентами, состоящих из 3–4 горизонтальных рядов лунок, нанесенных концом палочки. Одно ушко украшено осевой прочерченной линией. Плоское дно украшали три окружности из рядов оттисков конца палочки. В большую окружность, расположенную по краю дна, вписана меньшая окружность. В ее центр помещен круг с крестовидной фигурой, составленной из оттисков конца палочки. Поверхность пятнистая: светло-коричневая и черными пятнами. Тесто с примесью шамота. Высота сосуда 9,5–10 см, диаметр устья – 10,5 см, тулова – 12,5 см, дна – 6,5 см (рис. 25, 2). Около сосуда найден кремневый отщеп с ретушью.

Погребение 18 (– 3,96 м) расположено в северо-западном секторе, во второй западной бровке в 29,5 м от Цо. На северном склоне насыпи 8 располагался наброс камней в плане подквадратной формы, ориентированный сторонами по линии СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ. Его размеры 4 x 4 м. Высота кладки около 0,2 м (рис. 26, 1). Под каменным закладом, залегающим на глубине 3,4–3,8 м от Цо, состоящим из одного-двух слоев камней, находилось погребение 18. Глубина погребения 3,96 м от Цо. Около северо-западного края каменной наброски найдены невыразительные фрагменты стенок от сосуда с примесью шамота. На дне овальной ямы (?) найден череп, лежавший на левом виске, и фаланги руки мужчины старше 30 лет. По-видимому, умерший был похоронен на левом боку, головой на СВ. Одна кисть находилась у лица (рис. 26, 2).

За головой находились бронзовое четырехгранное шило длиной 2,4 см (рис. 26, 4), а также кремневый овальный отщеп с желтой патинизированной коркой. По-видимому, он был вторично использован. Его противоположные концы имеют свежие сколы. Рядом расчищен бронзовый нож с фрагментированным черенком (рис. 26, 3). Его овальный клинок с заточенными краями плавно переходил в широкий черенок, край которого слегка прокован, притуплены. Тонкий конец черенка фрагментирован.

Погребение 19 (–3,83 м) (рис. 27, 1, 2) расположено в северо-западном секторе во второй западной бровке в 24 м от Цо. Форма могильной ямы не прослежена. От скелета ребенка 6–7 лет сохранился череп, кости рук и таза. Умерший был похоронен на правом боку, головой ориентирован на СВ. Руки согнуты в локтях, кисти протянуты к лицу. В ногах погребенного находился светло-коричневый лощеный тонкостенный приземистый кубок с высоким вогнутым

горлом, которое плавно переходит в выпуклые плечики приплюснутого шаровидного тулова (рис. 27, 3). Небольшое дно сильно вогнуто. Плечики опоясаны широкой лентой прочерченного паркетного орнамента, который ограничен с двух сторон двумя прочерченными линиями. Паркетный узор состоит из рядов зеркально сомкнутых треугольников. Тесто тщательно отмученное, без примеси. Внутренняя поверхность черная. Высота сосуда 9,7 см, диаметр устья – 10,3 см, тулова – 12 см, дна – 2,7 см.

Погребение 20 (-2,97 м) (рис. 28) расположено в северо-восточном секторе, в восточной бровке в 13 м от Цо. Овальная яма, длинной осью ориентирована по линии СЗ–ЮВ. На дне могилы находился скелет взрослого человека. Умерший был положен на спину вытянуто, головой ориентирован на ЮВ. Левая рука вытянута вдоль туловища, кости правой руки не сохранились. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 21 (Сит. 1) (-2,97 м) (рис. 29) выявлена во второй западной бровке в 18,5 м к западу от Цо. В центральной части 2-западной бровки по поверхности насыпи 8 залегали камни заклада погребения 21. По-видимому, погребение 21 было совершено позже, чем погребение 18. Прослежен восточный борт каменной наброски толщиной 0,2 м. С восточной стороны каменная вымостка была ограничена рядом камней, поставленных на ребро с наклоном внутрь данной вымостки. Ее сторона ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Вероятно, эта вымостка тоже имела квадратные очертания. Длина стороны 7 x 7 м (рис. 29, 1–3).

Под камнями данной вымостки, ближе к восточной стенке обнаружено скопление зубьев от гребня, изготовленных из трубчатых костей животного. Один конец костей был приострен и заполирован, а второй конец, слегка расширенный и желобчатый, имеет две-три боковые насечки для обвязывания веревочкой и закрепления ее в ряду из 11 зубьев между двух пластин деревянной рукояти. Ниже слома с боков кость имеет 2-3 поперечные проточки, которые предназначались для закрепления костяного зуба в обойме рукояти наборного гребня. Наибольшая высота целого зуба около 7 см. Ширина гребня около 12 см (рис. 29, 4, 5). По-видимому, под каменной вымосткой находилось разрушенное погребение или поминальный комплекс, который сопровождался костяным гребнем.

Многослойный курган из Покровского могильника содержит несколько серий захоронений бронзового и железного веков. Формирование курганной насыпи относилось к началу раннего бронзового века. Небольшая насыпь с крутыми склонами была возведена над мужским погребением 14, материковый выкид из которого лежал на древнем горизонте.

По-видимому, вскоре в курган было впущено еще одно погребение (1) этой культуры, которое прорезало насыпь и выкид из погребения 1. Оба погребенных скорчены на боку, головой ориентированы на З. Для основного погребения 14 была сооружена площадка, которая была углублена в почву. В результате ее подготовки образовались широкие заплечики, с уровня которых была вырыта прямоугольная могильная яма. Ее перекрывали деревянные плахи.

В погребении 1 на дне широкой шахты получились широкие заплечики, с которых была выкопана прямоугольная яма, так же ориентирована, как яма погребения 14. Ее углы тщательно проработаны, в них должны были находиться опорные стойки. Перекрытие из нескольких слоев досок было перекрыто слоем тростника. Нижний слой досок составлял крестовину, у которой концы досок перекрывали углы ямы. Такая конструкция перекрытия имитирована стенки разобранного кузова деревянной повозки, у которых в углы ямы были восстановлены ее символические оси. Тогда как сами деревянные колеса отсутствовали в этом погребальном сооружении.

В погребении 1 черепок горшка не являлся жаровней, им был накрыт какой-то предмет из органики. Это фрагмент горшка с зауженным устьем, опоясанный лентой елочного узора, выполненного отступающей лопаточкой. Под венчиком он был украшен пояском глубоких вдавлений палочкой. Типичный сосуд, выполненный в репинском стиле. На груди умершего найдены две длинные пронизи, свернутые из бронзовых пластинок. А перед грудью оставлены бронзовые инструменты: узкий листовидный нож, его клинок был спрятан в футляр. И короткое четырехгранное бронзовое шило. По-видимому, его социальный ранг определяло миниатюрное серебряное колечко с заходящими концами, найденное под черепом.

Особый горизонт исследованных погребений представлен широкими ямами прямоугольной формы с хорошо проработанными углами. В этих могильных ямах находились останки умерших, похороненных скорченно на боку, ориентированные в западном направлении (Гей, 2000).

Захоронения этого типа широко известны на территории Нижнего Подонья. На них обратили внимание первые исследователи раннего бронзового века Нижнего Дона (Иноземцев, 1955; Кияшко, 1974). В.Я. Кияшко выделил погребения с западной ориентировкой в VII группу. Ее он связывал с миграцией северокавказского населения в донские степи. Это население, по мнению А.В. Кияшко, сыграло ключевую роль в процессе культурогенеза скотоводческих культур на рубеже ранней и средней бронзы на Дону (Кияшко, 1974).

В последнее время на эту группу скорченных погребений с западной ориентировкой, которые в курганах являлись основными, обратил внимание В.С. Яценко. Им выделено несколько десятков таких захоронений на левобережье Нижнего Дона (Яценко, 2015. С. 82–90).

С юго-восточной стороны курган окаймляла дуга Т-видных катакомб раннего типа – погребения 3, 10, 15, 16, 17. Их стратиграфическая последовательность между собой неясна. У них, узкий лаз, устроенный в дне колодца, покат к камере и обрывает перед ней ступень. Умершие были похоронены скорченно на правом боку, головой ориентированы в диапазоне В–Ю–З. Руки протянуты к ногам. Судя по антропологическим определениям, в двух погребениях находились мужчины, которые сопровождалась одним или двумя детьми. Возможно, погребенной являлась женщина, около которой находился и младенец. Или пара детей.

В погребении 16 старший ребенок сопровождался инсигниями власти: каменным навершием грушевидной булавы и плетью (жезлом?), в которой костяные пронизи выполняли роль рукояти. От нее отходили два жгута с нанизанными костяными кольцами, нарезанными из трубчатой кости овцы. В одном из этих погребений (погребение 3) череп взрослого человека, лежавшего ближе ко входу в камеру, оказался сдвинутым в сторону от туловища на 0,5 м. По-видимому, такое расположение черепа, в стороне от туловища, было не случайным. Череп специально сдвигали в сторону. Иногда на черепе сохранялась ткань от головного убора (?) с металлическими височными подвесками. Возможно, такие действия позволяли душе умершего покинуть тело во время ритуала отделения головы от туловища, спустя некоторое время после совершения захоронения.

М.В. Андреева, анализируя коллективные могилы восточноманычской катакомбной культуры, ввела понятие «детоводства» для объяснения коллективных могил взрослых (мужчин) с детьми в пределах кургана, которые формировали родовое кладбище. Основой социальных отношений являлась большесемейная община/линидж. Обряд посмертных жертвоприношений был связан с захороненными детьми (Андреева. 2014. С. 83, 84).

Анализ систем ориентировок различных возрастных групп позволяет предварительно заключить, что место в кургане, равно как и выбор ориентировки могильной конструкции и тела умершего, были связаны с поколенческим (возможно – и брачным, учитывая отсутствие совместных погребений в западном секторе курганов) статусом погребенного. Диагональные ориентировки в большей мере соотносятся с младшими возрастными группами – детьми и подростками, поэтому можно предполагать и связь подобных ориентировок с менее самостоятельным статусом индивидуумов внутри родового коллектива. Напротив, основные направления в большей степени связываются со старшинством, а, следовательно, с оптимальным социально-экономическим статусом.

Появление восточноманычских захоронений детей в кургане лимитировалось наличием «детоводителя» старшего (взрослые мужчины и женщины, редко – подростки) возраста, погребенного или вместе с ребенком в одном могильном сооружении, или отдельно, но в пределах того же кургана. Значительная детей раннего и, возможно, часть детей 1 возраста не попадала на родовое кладбище. Самостоятельное (без «детоводителя») вхождение в «общину умерших предков» оказывалось возможным только для подростка после зачисления его (вероятно, после соответствующих инициационных процедур) в число взрослых членов общины живых. Расширение потенциального состава погребального инвентаря за счет

включения специфических орудий труда по мере взросления индивидуума достаточно четко отражает процесс социализации (инкультурации) носителя восточноманычской обрядовой традиции.

Вне ряда Т-видных катакомб расположена более поздняя катакомба 9 с круглым колодцем и горшком бахмутского типа. Ее материковый выкид расположен над материковым выкидом одного из древнейших погребений – номер 1 в данном кургане.

Следующий этап курганного строительства связан с ранним периодом поздней бронзы. К этому времени относится появления в кургане двух каменных набросок на северо-западной окраине кургана. Обе наброски были устроены над неглубокими могилами, – погребение 18 и погребение 21. В одном из них, у изголовье скорченного скелета находился бронзовый нож с боковыми выемками в основании клинка, которые имели не заточенные края. Аналогичные ножи известны в раннесрубных комплексах.

Костяной гребень с наборными зубьями из "грифельных" костей находили не только в погребениях, но и на поселениях позднего бронзового века. Судя по количеству зубьев, ширина покровского экземпляра около 10 см.

К черноговорскому времени относится захоронение 19. Вероятно погребенный был вытянут на боку, обе кисти рук были протянуты к лицу. Заслуживает внимания лощеный кубок с сильно вогнутым дном. Такие кубки или черпаки известны не только в черноговорских памятниках, но и в кобанских древностях Северного Кавказа.

Древности железного века представлены тремя погребениями 6, 7, 8. В двух из них вытянутые костяки, ориентированные на С (погребение 6) и СВ (погребение 8). В одном из них найден лепной горшок, в другом – красноглиняный гончарный сосуд, который сопровождался бронзовой фибулой латенского типа, которая позволяет относить данный комплекс ко II – I вв. до н.э. Аналогичные древности связывают с инфильтрацией на Нижний Дон древностей прикубанского происхождения (Глебов, 1993. С. 22–24). Сильно скорченный скелет в погребении 7, вероятно, относится к позднесарматской серии.

По-видимому, каменная дуговидная ограда, зафиксированная в северной части кургана и отмеченная во всех трех бровках, стратиграфически более поздняя в кургане. Она была связана с деревянным изваянием (не сохранилось), установленным в яме (погребение 5), расположенным по линии ограды. Камни ограды протянулись на 10 м к югу от усеченно-конической ямы, в которой был закреплен столб изваяния.

Датировка двух безынвентарных погребений (погребение 13 и 22) неясна. Также, как и дата безынвентарного сильно скорченного захоронения 12.

Литература

- Андреева М.В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М: Таус, 2014. 272 с.
- Гей А.Н. Новотитаровская культура. М: Старый сад, 2000. 224 с.
- Глебов В.П. Раннесарматские захоронения с северной ориентацией погребенного на Нижнем Дону / В.П. Глебов. // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993. С. 22–24.
- Толочко И.В. Отчет о проведении археологических полевых работ в с. Покровское Неклиновского района Ростовской области на территории курганов № 14,15, 16 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник «Покровский»» в 2014 году // Архив ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

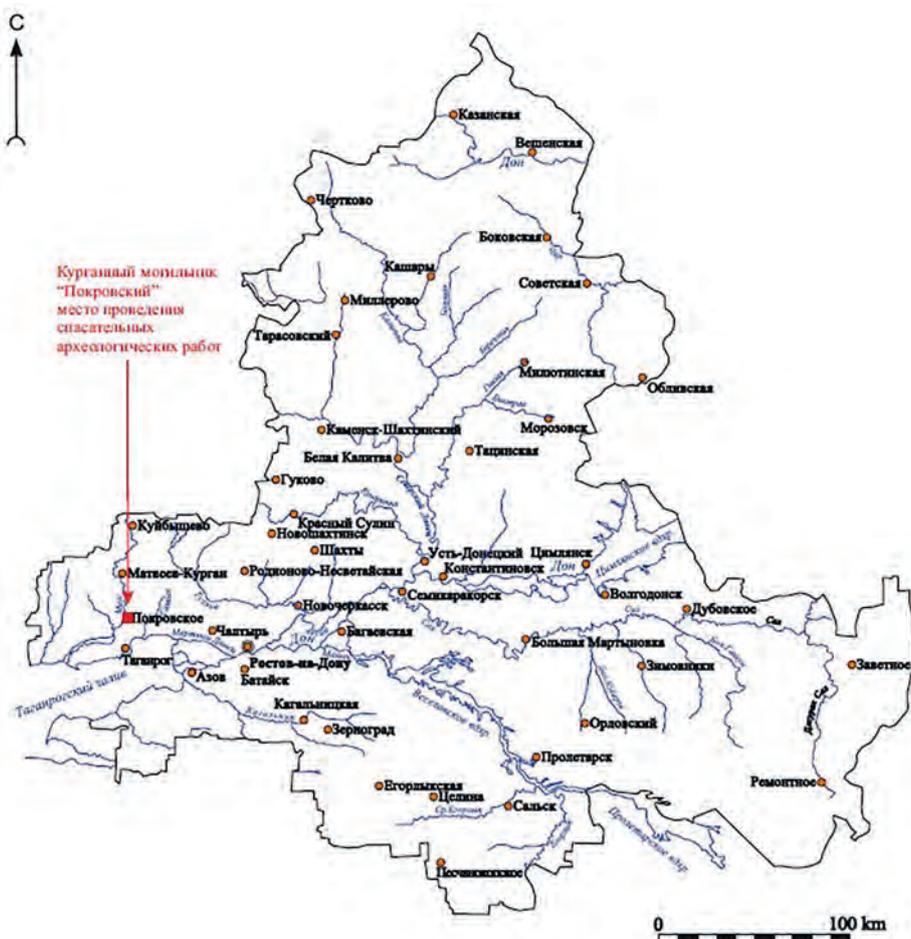

РИС. 1. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПОКРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

РИС. 2. ПЛАН ПОКРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА.

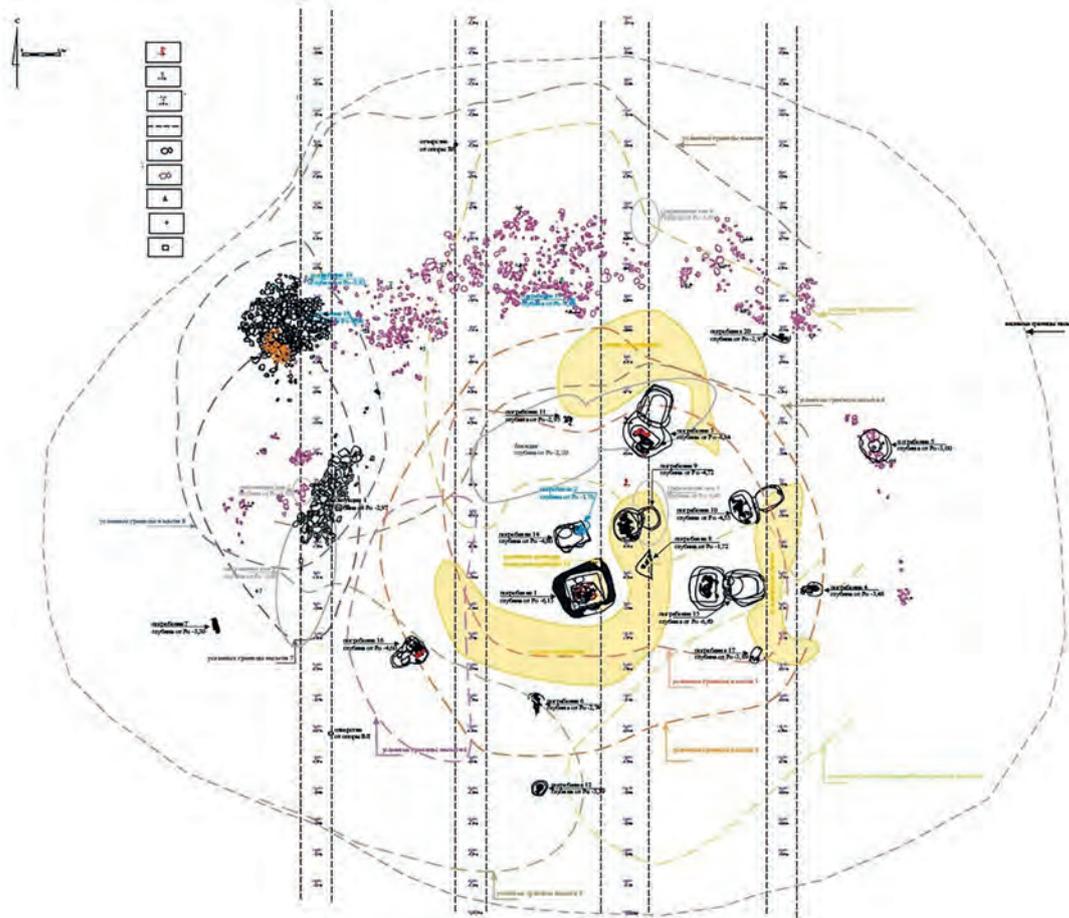

РИС. 3. ОБЩИЙ ПЛАН КУРГАНА 15-16.

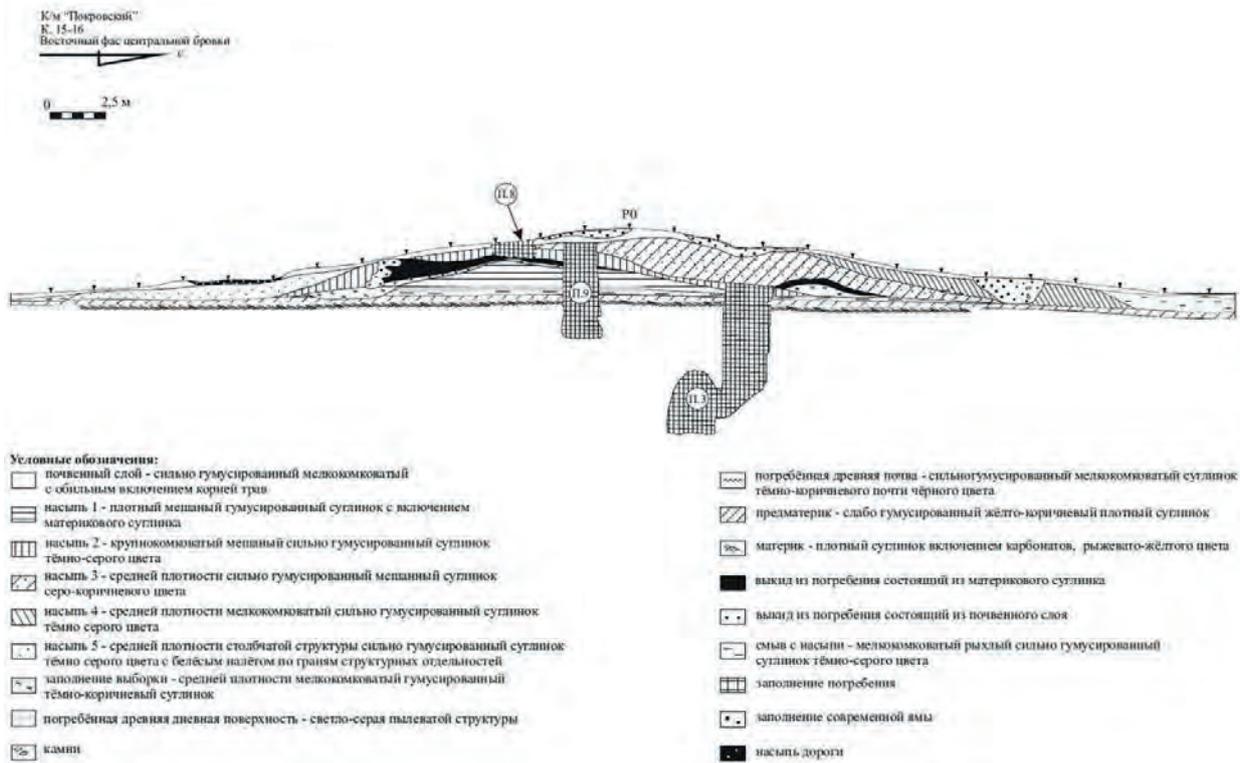
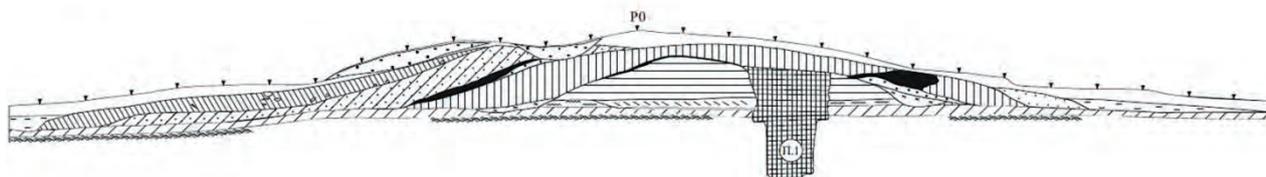

РИС. 4. ВОСТОЧНЫЙ ФАС ЦЕНТРАЛЬНОЙ БРОВКИ.

К/м "Покровский"
К. 15-16
Западный фас центральной бровки

0 2,5 м

Условные обозначения:

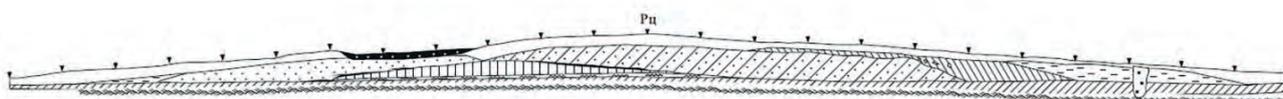
- почвенный слой - сильно гумусированный мелкокомковатый с обильным включением корней трав
- насыпь 1 - плотный мешаный гумусированный суглинок с включением материкового суглинка
- насыпь 2 - крупнокомковатый мешаный сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета
- насыпь 3 - средней плотности сильно гумусированный мешаный суглинок серо-коричневого цвета
- насыпь 4 - средней плотности мелкокомковатый сильно гумусированный суглинок темно серого цвета
- насыпь 5 - средней плотности столбчатой структуры сильно гумусированный суглинок темно серого цвета с белёсым налётом по граням структурных отделностей
- заполнение выборки - средней плотности мелкокомковатый гумусированный темно-коричневый суглинок
- натоп - слой гумуса на кровле материка
- камни

- погребённая древняя почва - сильногумусированный мелкокомковатый суглинок темно-коричневого почти чёрного цвета
- предматерик - слабо гумусированный желто-коричневый плотный суглинок
- материк - плотный суглинок включением карбонатов, рыжевато-жёлтого цвета
- выкид из погребения состоящий из материкового суглинка
- выкид из погребения состоящий из почвенного слоя
- срыв с насыпи - мелкокомковатый рыхлый сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета
- заполнение погребения
- заполнение современной ямы
- сформированная площадка - мешаный материковый и предматериковый суглинок

РИС. 5. ЗАПАДНЫЙ ФАС ЦЕНТРАЛЬНОЙ БРОВКИ.

К/м "Покровский"
К. 15-16
Восточный фас восточной бровки

0 2,5 м

Условные обозначения:

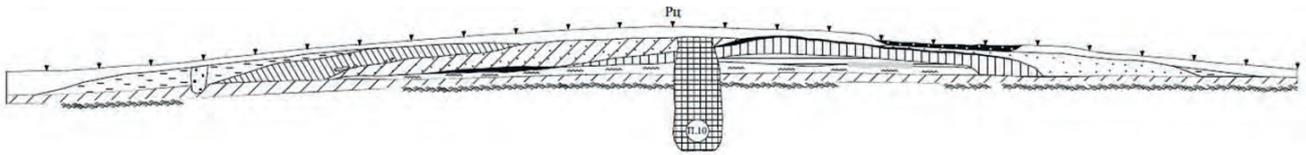
- почвенный слой - сильно гумусированный мелкокомковатый с обильным включением корней трав
- насыпь 2 - крупнокомковатый мешаный сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета
- насыпь 3 - средней плотности сильно гумусированный мешаный суглинок серо-коричневого цвета
- насыпь 4 - средней плотности мелкокомковатый сильно гумусированный суглинок темно серого цвета
- насыпь 5 - средней плотности столбчатой структуры сильно гумусированный суглинок темно серого цвета с белёсым налётом по граням структурных отделностей
- камни

- погребённая древняя почва - сильногумусированный мелкокомковатый суглинок темно-коричневого почти чёрного цвета
- предматерик - слабо гумусированный желто-коричневый плотный суглинок
- материк - плотный суглинок включением карбонатов, рыжевато-жёлтого цвета
- выкид из погребения состоящий из материкового суглинка
- срыв с насыпи - мелкокомковатый рыхлый сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета
- заполнение современной ямы
- насыпь дороги

РИС. 6. ВОСТОЧНЫЙ ФАС ВОСТОЧНОЙ БРОВКИ.

К/м "Покровский"
К. 15-16
Западный фас восточной бровки

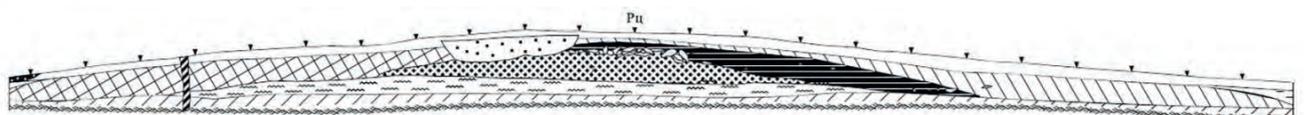
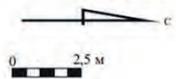

Условные обозначения:

почвенный слой - сильно гумусированный мелкокомковатый с обильным включением корней трав насыпь 1 - плотный мешанный гумусированный суглинок с включением материкового суглинка насыпь 2 - крупнокомковатый мешанный сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета погребённая дневная поверхность насыпь 3 - средней плотности сильно гумусированный мешанный суглинок серо-коричневого цвета насыпь 4 - средней плотности мелкокомковатый сильно гумусированный суглинок темно серого цвета насыпь 5 - средней плотности столбчатой структуры сильно гумусированный суглинок темно серого цвета с белёсым налётом по гралям структурных отдельностей камни	погребённая древняя почва - сильногумусированный мелкокомковатый суглинок темно-коричневого почти чёрного цвета предматерик - слабо гумусированный жёлто-коричневый плотный суглинок материк - плотный суглинок включением карбонатов, рыжеватого-жёлтого цвета выкид из погребения состоящий из материкового суглинка смыв с насыпи - мелкокомковатый рыхлый сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета заполнение погребения заполнение современной ямы насыпь дороги

РИС. 7. ЗАПАДНЫЙ ФАС ВОСТОЧНОЙ БРОВКИ.

К/м "Покровский"
К. 15-16
Восточный фас 2-й западной бровки

Условные обозначения:

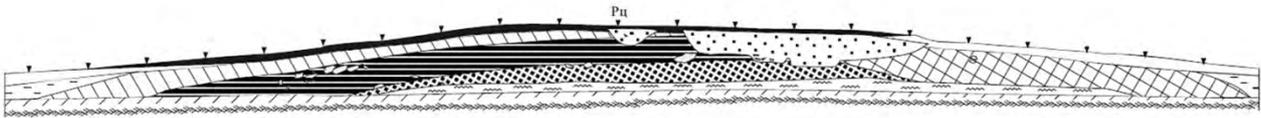
почвенный слой - сильно гумусированный мелкокомковатый с обильным включением корней трав насыпь 4 - средней плотности мелкокомковатый сильно гумусированный суглинок темно серого цвета насыпь 7 - мелкокомковатый средней плотности гумусированный суглинок серо-коричневого цвета насыпь 8 - комковатый средней плотности сильно гумусированный суглинок серого цвета насыпь 9 - средней плотности комковатый темно-коричневый сильно гумусированный суглинок камни отверстие под опору ВЛ	погребённая древняя почва - сильногумусированный мелкокомковатый суглинок темно-коричневого почти чёрного цвета предматерик - слабо гумусированный жёлто-коричневый плотный суглинок материк - плотный суглинок включением карбонатов, рыжеватого-жёлтого цвета выкид из погребения состоящий из материкового суглинка смыв с насыпи - мелкокомковатый рыхлый сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета заполнение современной ямы насыпь дороги

РИС. 8. ВОСТОЧНЫЙ ФАС 2-Й ЗАПАДНОЙ БРОВКИ.

К/м "Покровский"
К. 15-16
Западный фас 2-й западной бровки

0 2,5 м

Условные обозначения:

- почвенный слой - сильно гумусированный мелкокомковатый с обильным включением корней трав
- ▨ насыпь 7 - мелкокомковатый средней плотности гумусированный суглинок серо-коричневого цвета
- ▩ насыпь 8 - комковатый средней плотности сильно гумусированный суглинок серого цвета
- ▧ насыпь 4 - средней плотности мелкокомковатый сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета
- ▦ насыпь 9 - средней плотности комковатый темно-коричневый сильно гумусированный суглинок
- ⊞ камни

- ▤ погребенная древняя почва - сильногумусированный мелкокомковатый суглинок темно-коричневого почти черного цвета
- ▨ предматерик - слабо гумусированный желто-коричневый плотный суглинок
- ⊞ материк - плотный суглинок включением карбонатов, рыжеватого-желтого цвета
- ⊞ вывал из погребения состоящий из материкового суглинка
- ▨ смыв с насыпи - мелкокомковатый рыхлый сильно гумусированный суглинок темно-серого цвета
- ⊞ заполнение современной ямы
- ▩ насыпь дороги

РИС. 9. ЗАПАДНЫЙ ФАС 2-Й ЗАПАДНОЙ БРОВКИ.

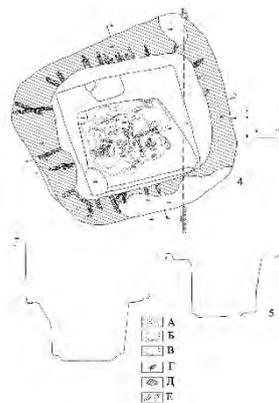

РИС. 10. ПОГРЕБЕНИЕ 1. 1, 2 – детали; 3 – фото, вид с В; 4, 5 – план и разрезы погребения (1 – нож, 2, 3 – иглы, 4 – шило, 5 – подвеска, 6 – фрагмент керамики; А – охра, Б – граница белого тлена, В – древесный тлен перекрытия, Г – тростник, Д – темно-бордовый тлен).

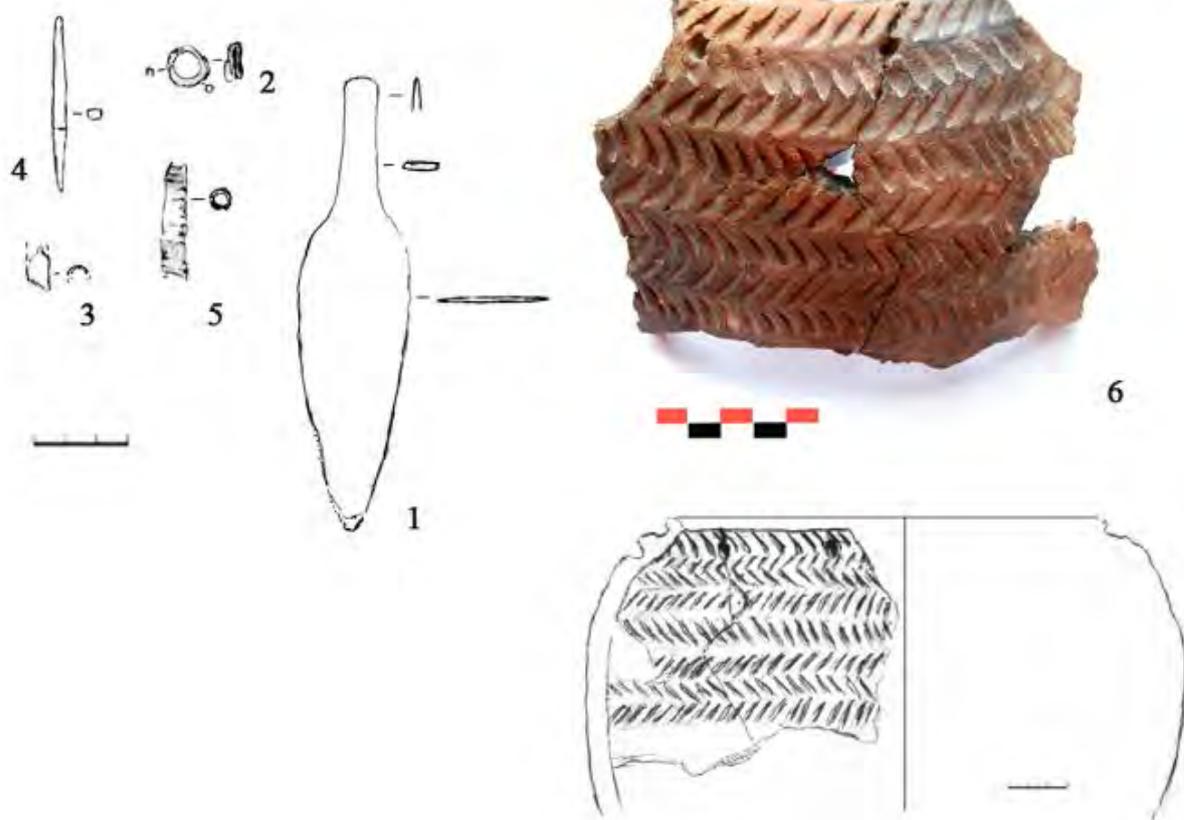

РИС. 11. ПОГРЕБЕНИЕ 1. 1 – нож; 2, 3 – пронизи; 4 – шило; 5 – подвеска; 6 – фрагмент керамики.

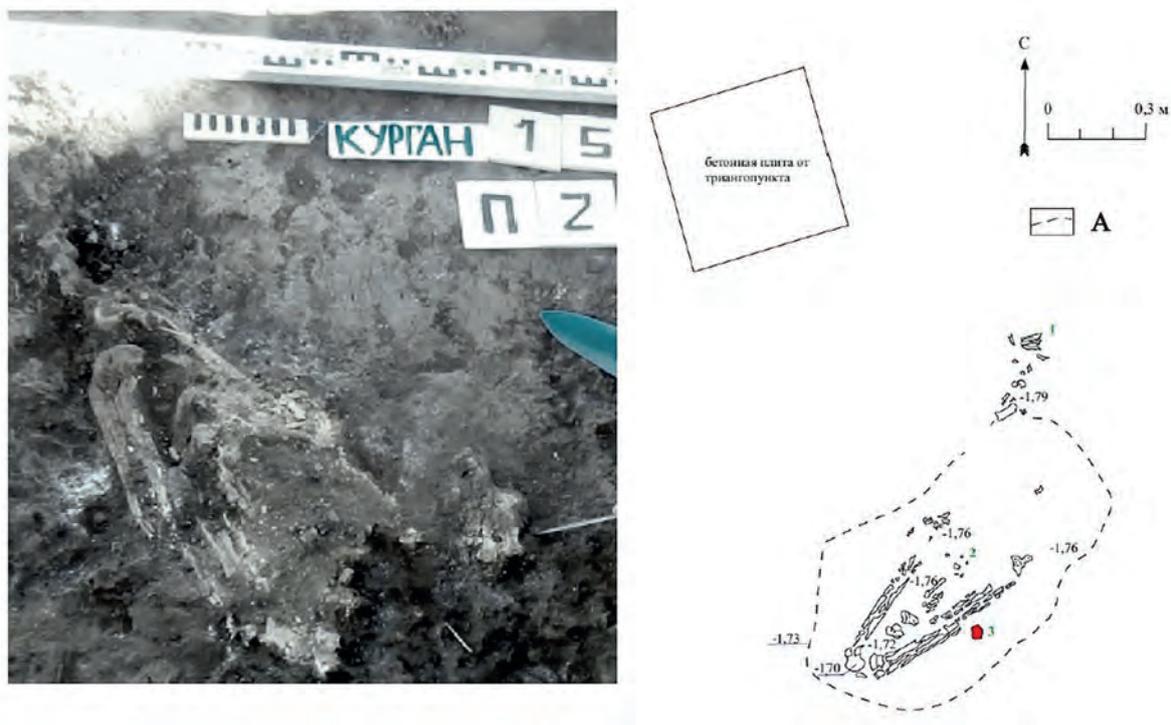

РИС. 12. ПОГРЕБЕНИЕ 2. 1 – фото погребения, вид с В; 2 – план погребения (1 – зуб животного, 2 – зубы человека, 3 – пятно охры; А – граница белесого тлена).

РИС. 13. ПОГРЕБЕНИЕ 3. 1 – фото погребения, вид с С; 2, 3 – фото деталей.

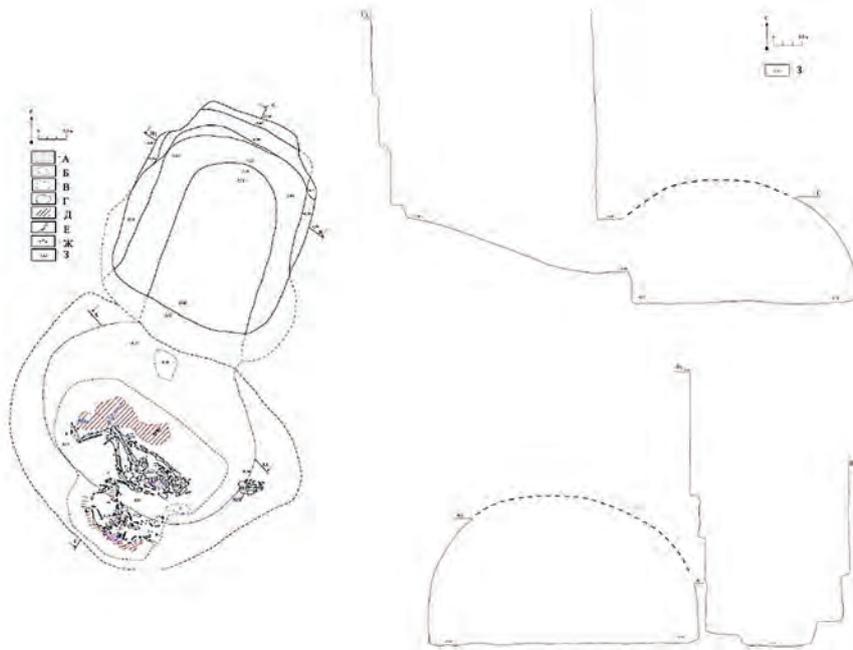

РИС. 14. ПОГРЕБЕНИЕ 3. План и разрезы погребения (1–4 – остатки кожи с охрой; А – кожаный тлен с охрой, Б – древесные угли, В – граница белого тлена, Г – прослеженная линия свода, Д – красный тлен, Ж – остатки травы).

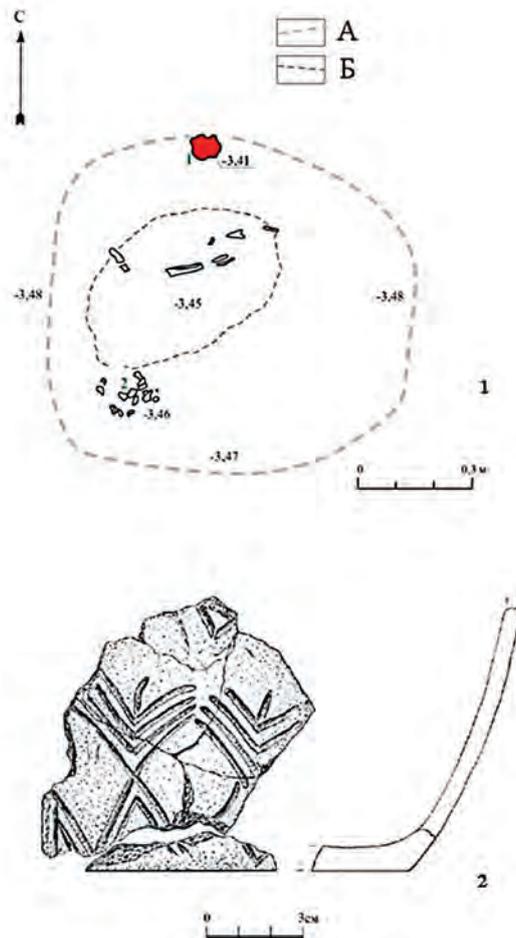
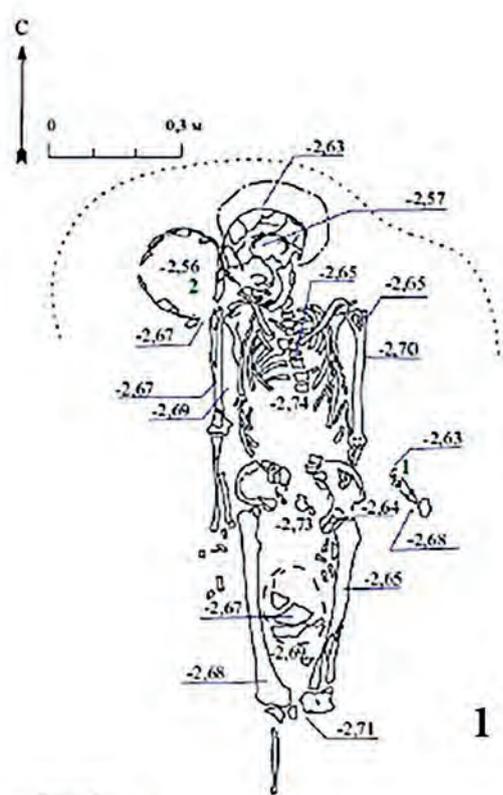
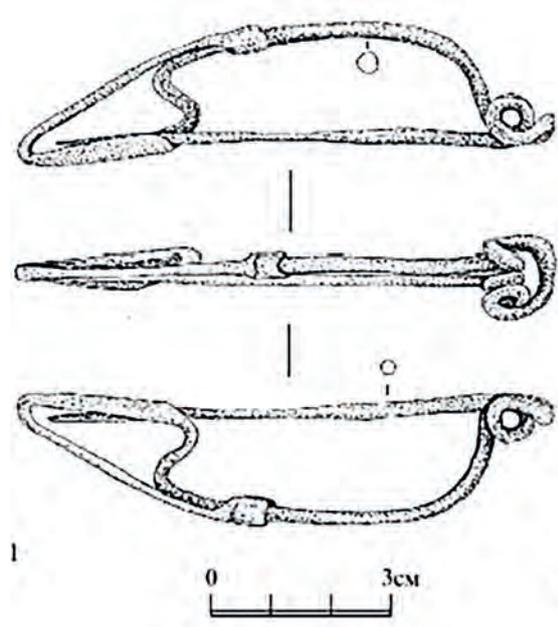

РИС. 15. ПОГРЕБЕНИЕ 4. 1 – план погребения (1 – охра; 2 – сосуд); 2 – сосуд, А – границы белесого тлена, Б – границы красно-коричневого тлена.

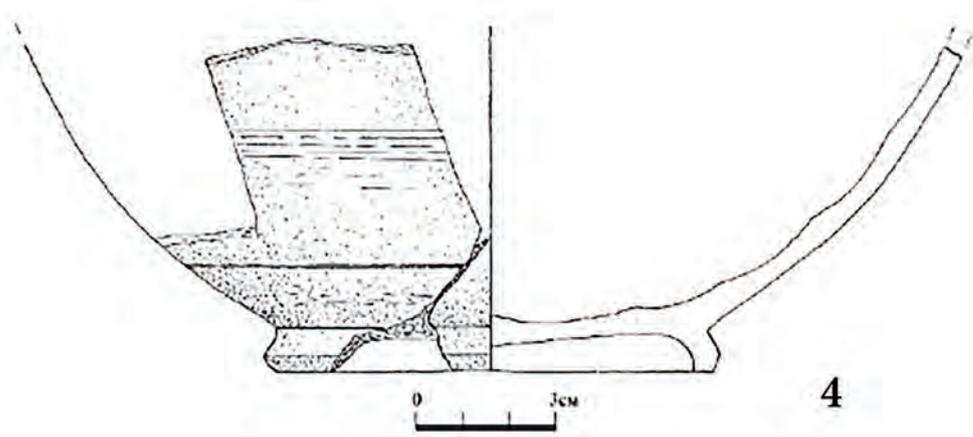

2

- 2.97 А
- Б
- В
- Г

3

4

РИС. 16. ПОГРЕБЕНИЕ 6. 1 – план погребения (1 – фибула, 2 – сосуд; А – рыжий тлен, Б – коричневый тлен, В – часть границ (?) ямы, Г – линия могильной ямы); 2 – фото погребения, вид с 3); 3 – фибула; 4 – фрагментированный сосуд.

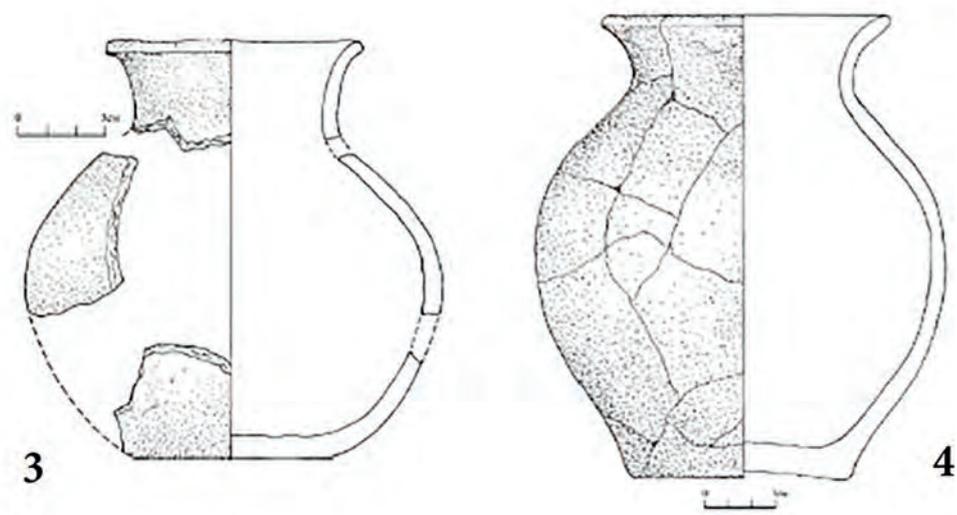
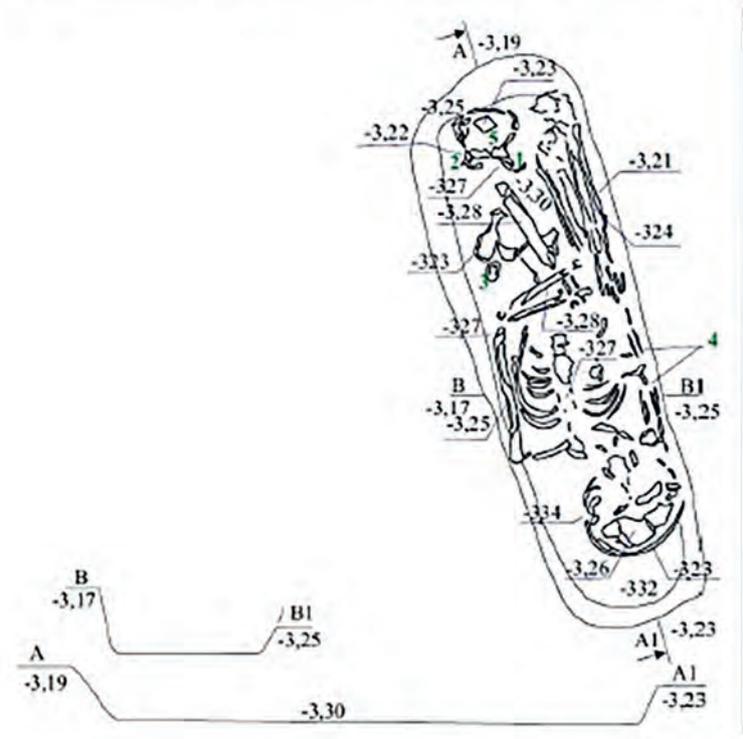

РИС. 17. ПОГРЕБЕНИЕ 7. 1 – фото погребения, вид с В; 2 – план погребения (1 – фрагмент оковки, 2 – дерево, 3 – раковина *Urio*, 4 – следы окислов бронзы, 5 – сосуд); 3 – сосуд из погребения 7; 4 – сосуд из погребения 8.

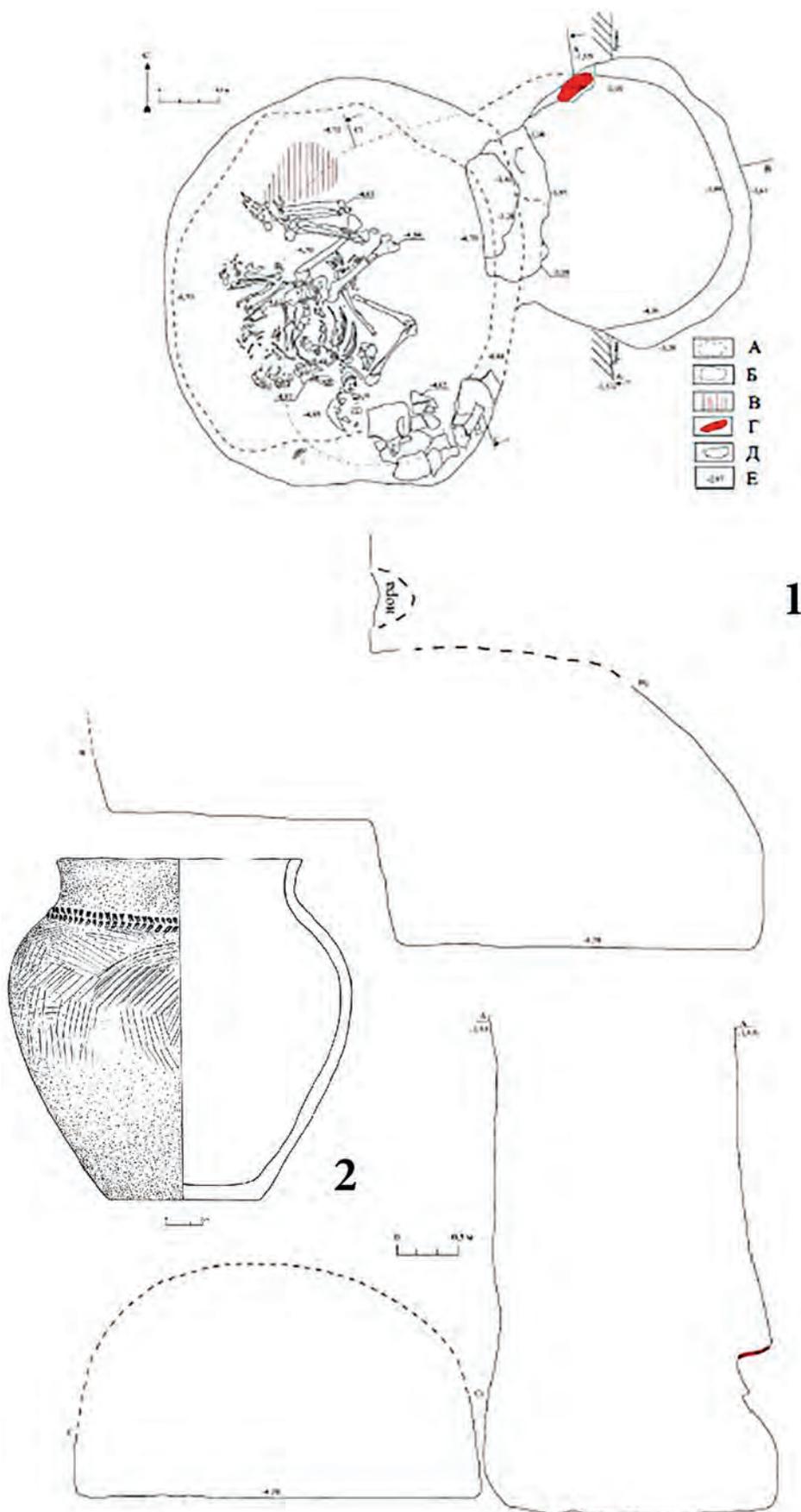

РИС. 18. ПОГРЕБЕНИЕ 9. 1 – план погребения (1 – дерево, 2 – сосуд; А – граница белого тлена, Б – прослеженная линия свода, В – красный тлен, Г – охра, Д – камень); 2 – сосуд.

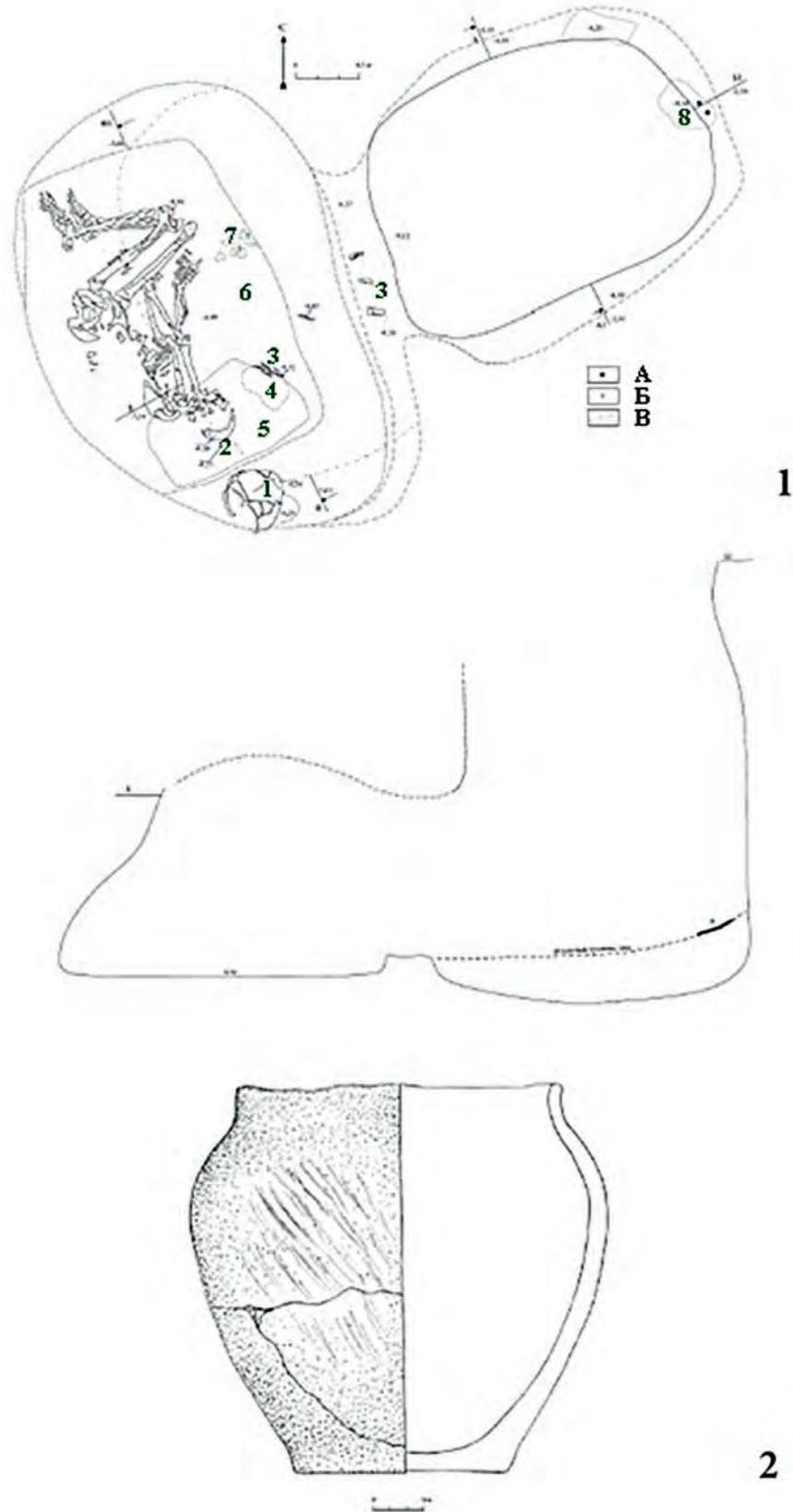
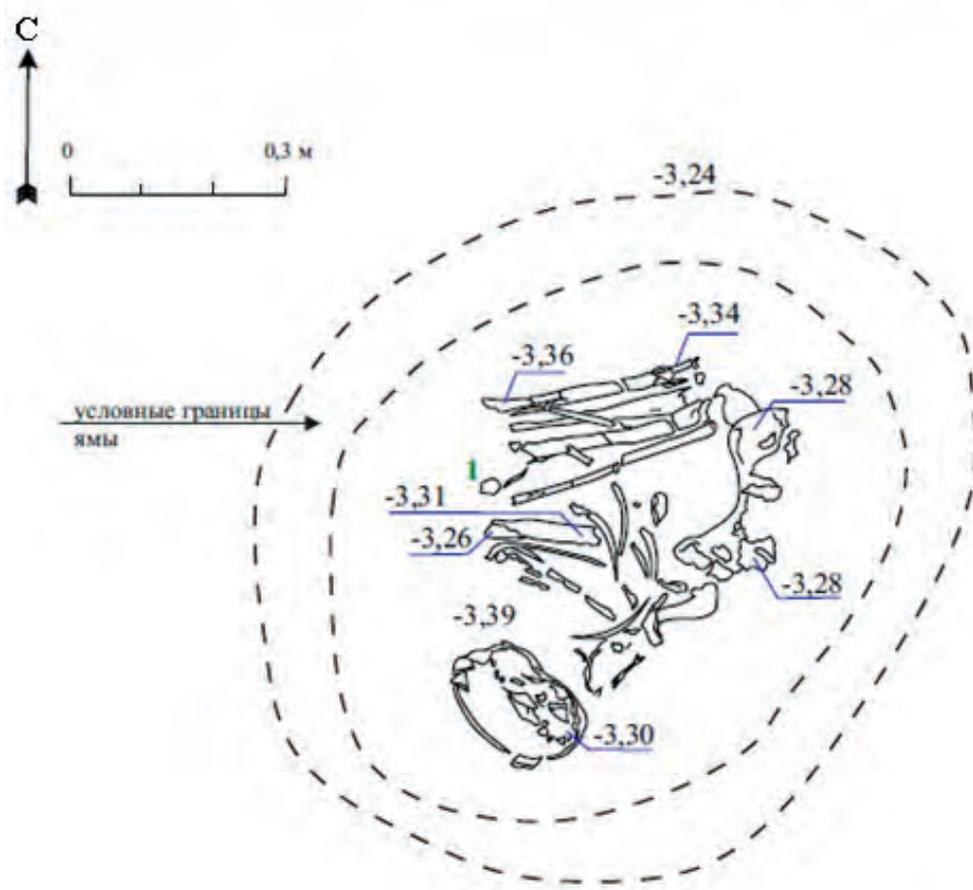

РИС. 19. ПОГРЕБЕНИЕ 10. 1 – план погребения (1 – сосуд, 2 – кусок мела, 3 – дерево, 4 – желтый тлен, 5 – коричневый тлен, 6 – белесый тлен, 7 – красный тлен, 8 – отпечаток горелого дерева; А – древесные угли на остатках деревянной жаровни, Б – горелая кость, В – прослеженный край свода); 2 – сосуд.

1

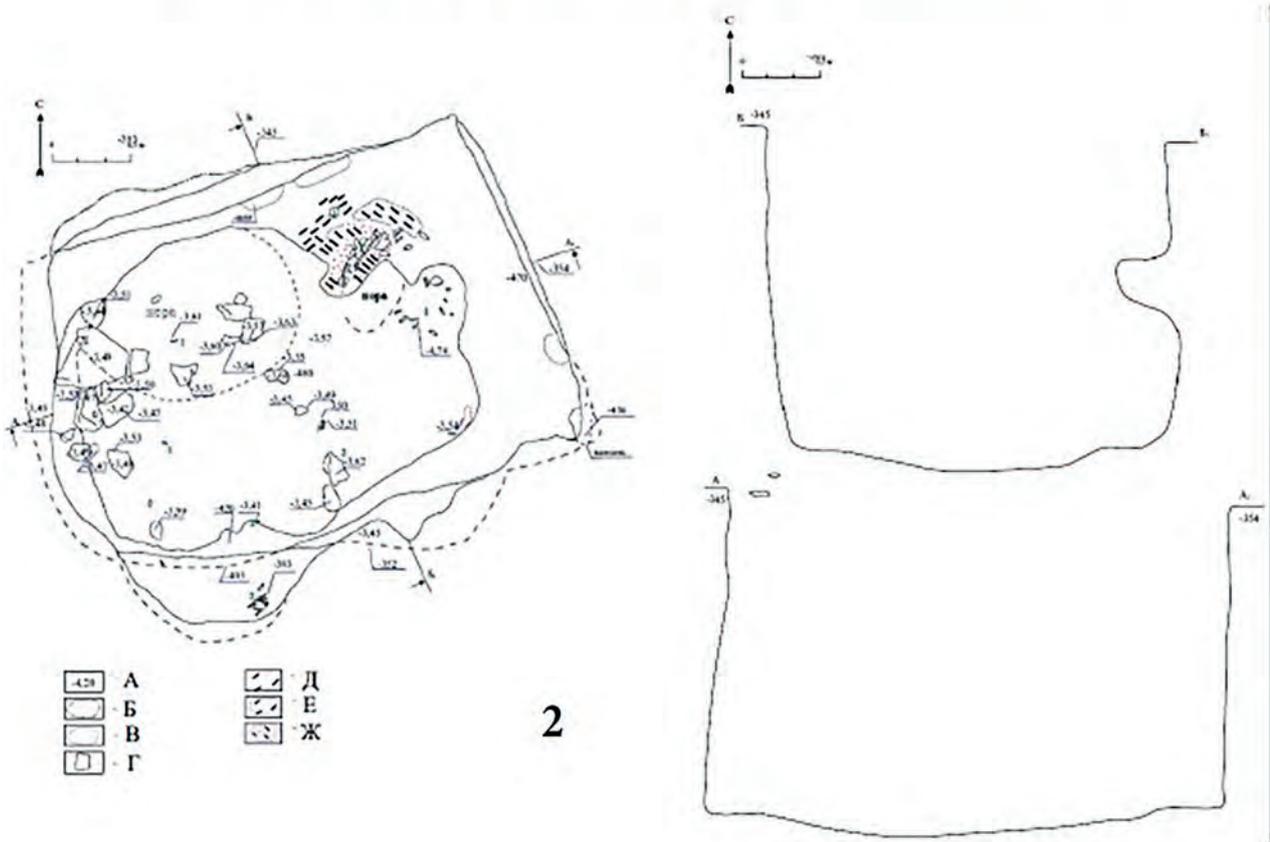

2

РИС. 20. ПОГРЕБЕНИЕ 12. 1 – фото погребения, вид с В; 2 – план погребения (1 – камень).

1

2

РИС. 21. ПОГРЕБЕНИЕ 14. 1 – фото погребения, вид с С; 2 – план погребения (А – золистые пятна, Б – охра, В – камень, Г – черный тлен со следами подстилки, Д – белый тлен со следами подстилки, Е – красный тлен со следами подстилки).

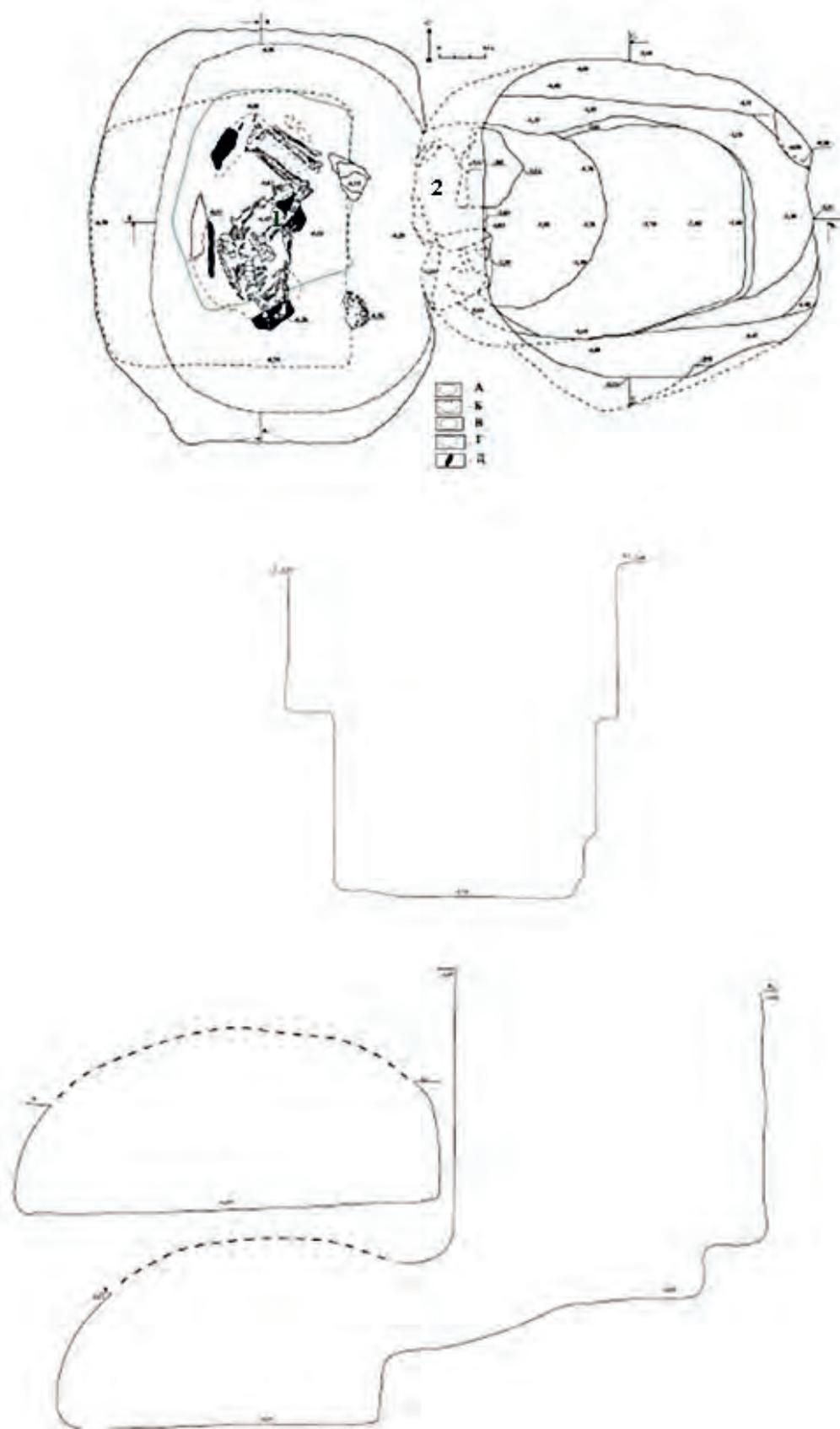

РИС. 22. ПОГРЕБЕНИЕ 15. План погребения (1 – комок буро-красного тлена, 2 – камень; А – прослеженная линия свода, Б – подстилка, В – глина отслоившегося свода, Г – красный тлен, Д – плотный темно-красный тлен).

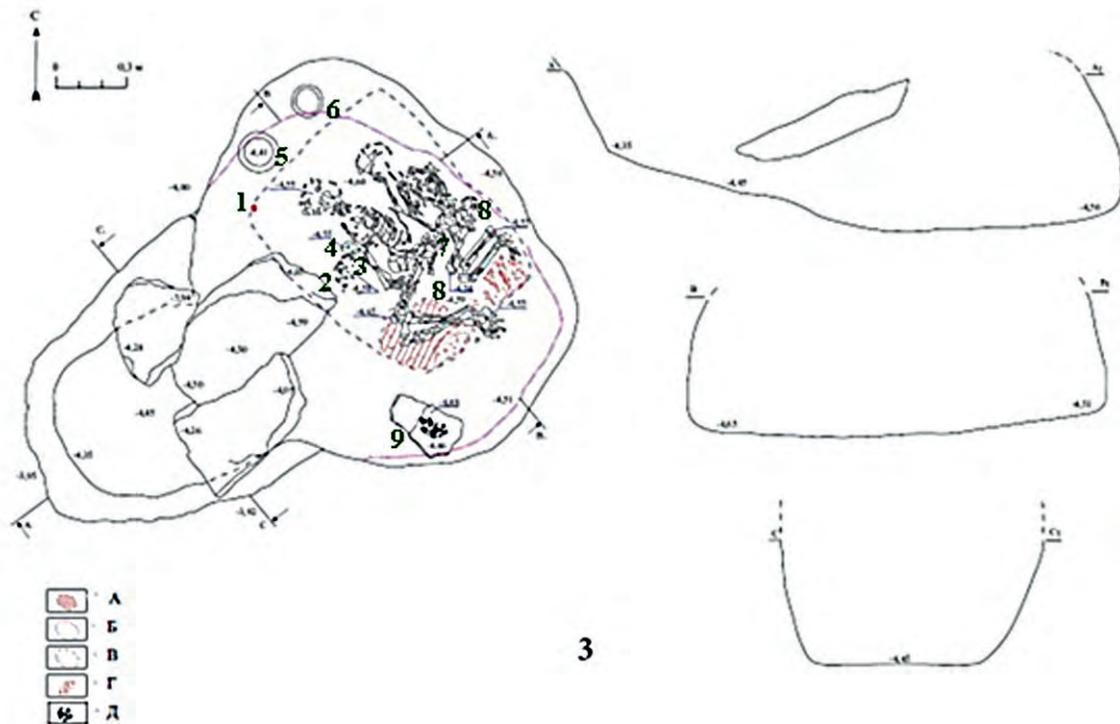

РИС. 23. ПОГРЕБЕНИЕ 16. 1, 2 – фото погребения, вид с ЮЗ; 3 – план погребения (1 – комочек охры, 2 – кольца, 3 – дерево, 4 – навершие булавы, 5, 6 – сосуды, 7, 8 – глоточные зубы рыбы, 9 – жаровня; А – густая посыпка охрой, Б – прослеженная линия свода, В – граница белого тлена, Г – пятно охры, Д – древесные угли).

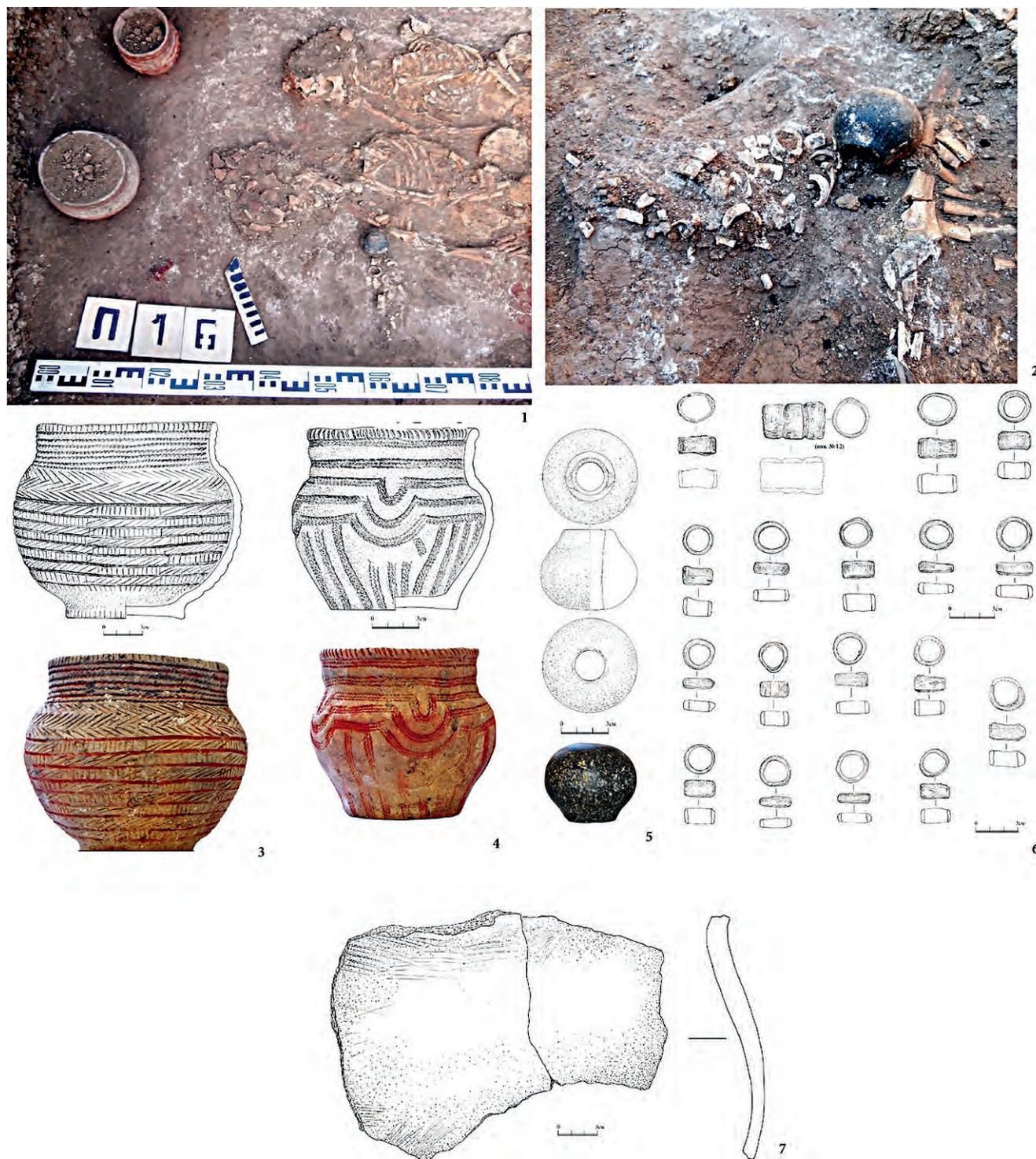

РИС. 24. ПОГРЕБЕНИЕ 16. 1, 2 – детали погребения; 3, 4 – керамика; 5 – навершие булавы; 6 – жезл; 7 – жаровня.

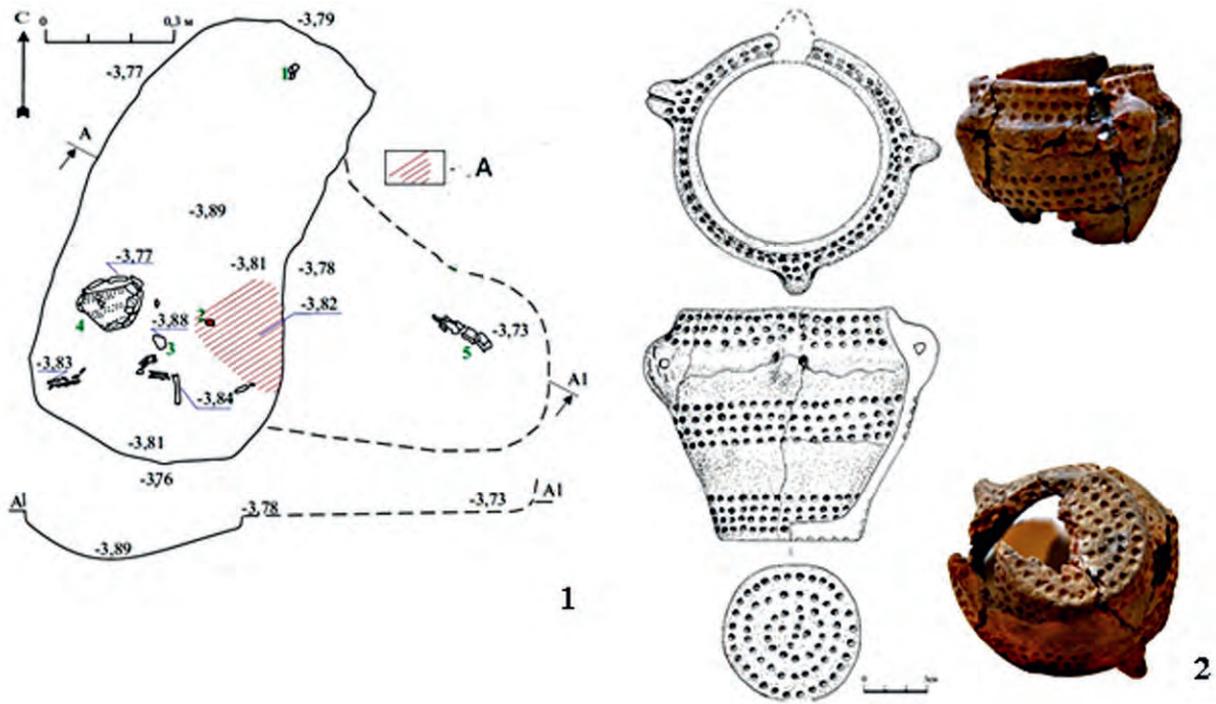

РИС. 25. ПОГРЕБЕНИЕ 17. 1 – план погребения (1 – астрагал, 2 – охра, 3 – кремьень, 4 – сосуд, 5 – кость животного; А – красный тлен); 2 – сосуд.

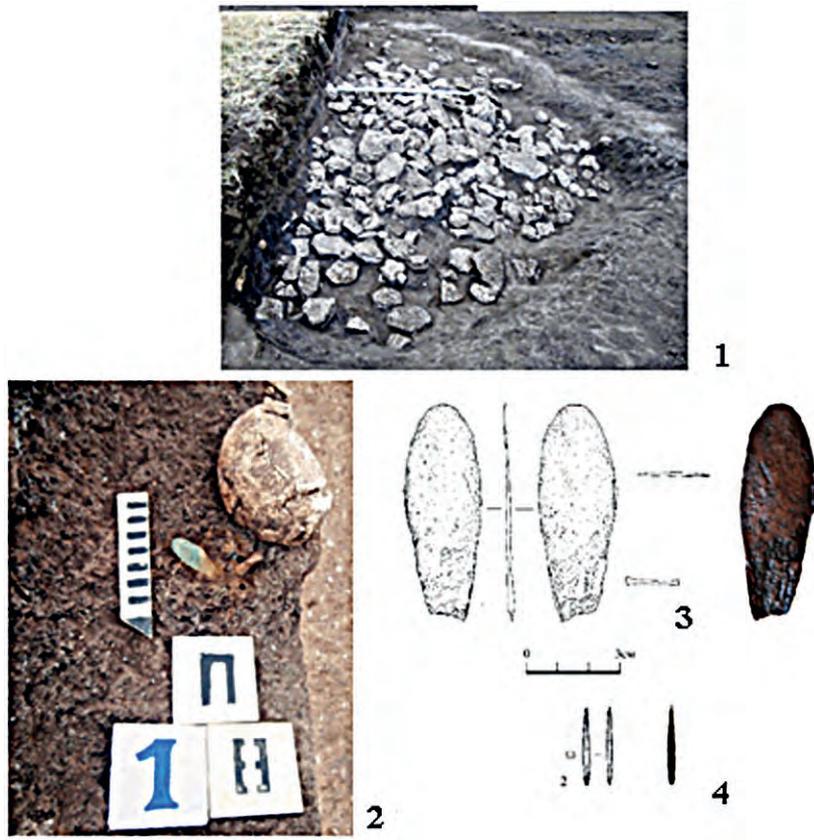

РИС. 26. ПОГРЕБЕНИЕ 18. 1 – каменный заклад, вид с С, 2 – фото погребения, вид с С; 3 – нож; 4 – шило.

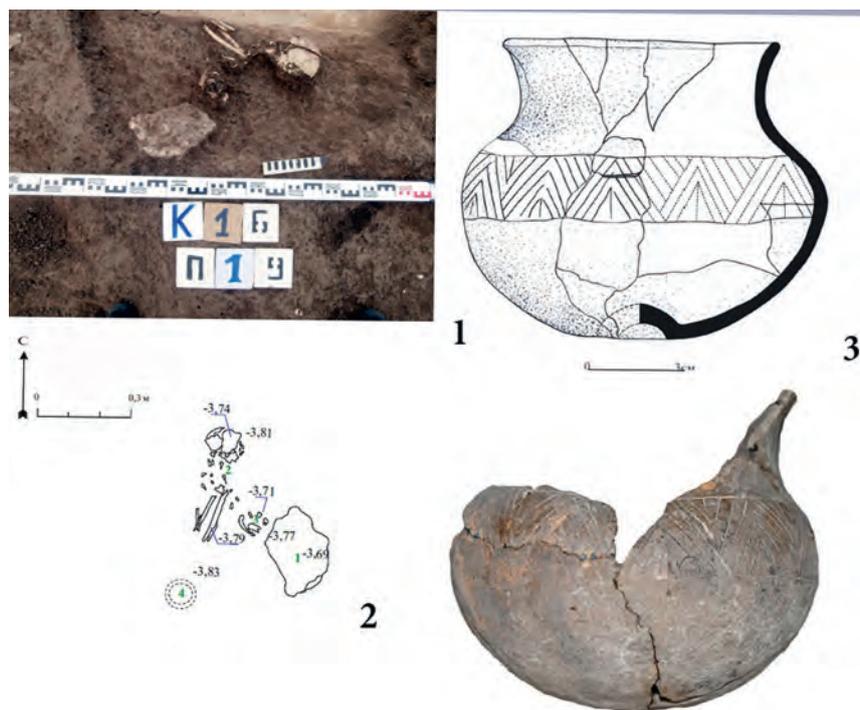

РИС. 27. ПОГРЕБЕНИЕ 19. 1 – фото погребения, вид с В; 2 – план погребения (1 – камень, 2 – кубок); 3 – кубок.

РИС. 28. ПОГРЕБЕНИЕ 20. 1 – фото погребения, вид с Ю; 2 – план погребения.

РИС. 29. ПОГРЕБЕНИЕ 21. 1, 2 – фрагменты заклада, вид с Ю; 3 – план заклада; 4 – зубья гребня; 5 – реконструкция гребня.

ДАННЫЕ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА ИЗ РАСКОПОК КУРГАНА 15 –16 МОГИЛЬНИКА ПОКРОВСКИЙ

© 2024 Дюжова К.В.

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: kristi_kras007@mail.ru

Материалом для исследования послужили тринадцать образцов, отобранных из погребений широкого хронологического диапазона курганного могильника «Покровский». Образцы наиболее древнего возраста относятся к раннему периоду бронзового века (конец III – начало II тысячелетия до н. э.). Следующий изученный временной период, относящийся к середине бронзового века (первая половина II тысячелетия до н. э.), характеризуется распространением катакомбной культуры. Здесь был исследован материал из двух погребений: 15 – пять образцов и 16 – три образца. Наиболее поздний в возрастном отношении материал принадлежит к периоду раннего железного века (начало I тысячелетия до н.э.) и включает образцы из двух погребений: 11 и 19.

Помимо обнаруженной в типичных для степных растительных сообществ количествах пыльцы основных таксонов, заметную роль в спектрах играет пыльца отдельных травянистых растений. Для погребения 1 это пыльца растений из семейства Rosaceae, до 55 %, для погребения 14 – из семейства Lamiaceae (20 %). Возможно, эти растения были специально использованы для погребальных обрядов.

Ключевые слова: спорово-пыльцевой анализ, ксерофитный (степной) тип растительности, степные и луговые сообщества, голоцен.

THE DATA OF POLLEN ANALYSIS FROM THE EXCAVATIONS OF BURIAL MOUND 15–16 OF THE POKROVSKY BURIAL GROUND

Dyuzhova K.V.

The research material consisted of thirteen samples taken from burials spanning a wide chronological range at the “Pokrovsky” burial ground. The oldest samples date back to the early Bronze Age (end of the 3rd – beginning of the 2nd millennium BC). The next period studied is related to the Middle Bronze Age (first half of the 2nd millennium BC), and it is characterized by the spread of Catacomb culture. The material from two burials was examined: burial 15 gave five samples and burial 16 gave three samples. The most recent material belongs to the Early Iron Age (beginning of the 1st millennium BC) and includes samples from two burials: 11 and 19.

In addition to the pollen of major taxa found in typical quantities for plant communities, the pollen of certain herbaceous plants plays a significant role in the spectra. For burial 1, this includes pollen from plants in the Rosaceae family (up to 55%), and for burial 14, from the Lamiaceae family (20 %). It is possible that these plants were specifically used in burial rites.

Keywords: pollen analysis, xerophytic (steppe) vegetation type, steppe and meadow communities, Holocene.

Материалом для исследования послужили тринадцать образцов, отобранных из разновозрастных погребений кургана в с. Покровское. Образцы наиболее древнего возраста относятся к раннему периоду бронзового века (конец III – начало II тысячелетия до н.э.), что соответствует ямной культуре. Спорово-пыльцевой анализ был проведен для двух погребений: 1 и 14. Из погребения 14 исследованы два образца.

Следующий изученный временной период, относящийся к середине бронзового века (первая половина II тысячелетия до н.э.) характеризуется распространением катакомбной культуры. Здесь были исследован материал из двух погребений: 15 – пять образцов и 16 – три образца.

Наиболее поздний в возрастном отношении материал принадлежит к периоду раннего железного века (начало I тысячелетия до н.э.) и включает образцы из двух погребений: 11 и 19.

Лабораторная обработка образцов для спорово-пыльцевого анализа проводилась по стандартной методике (Гричук, 1940), с применением тяжелой жидкости с удельным весом 2.2 г/см³ в модификации с использованием раствора йодистого кадмия. Методика основана на разделении анализируемого материала на компоненты с различным весом, при этом органические остатки, в том числе и пыльца, отделяются от наиболее тяжелого минерального компонента. Обработка данных и построение спорово-пыльцевых диаграмм проводились с помощью программы TILIA (Grimm, 1990). При подсчете процентного соотношения компонентов спорово-пыльцевых спектров за 100 % была принята сумма пыльцы деревьев и кустарников и пыльцы трав, процент других таксонов был рассчитан от этой суммы.

Все изученные образцы характеризуются низкой концентрацией и плохой сохранностью пыльцевых зерен. Спорово-пыльцевые спектры относятся к ксерофитному (степному) типу, где доля пыльцы трав достигает 95 %, среди которой преобладает пыльца растений семейства маревые (Chenopodiaceae, до 40 %) (рис. 1). В заметных количествах в спектрах встречается пыльца злаков (Poaceae, до 25 %), сложноцветных (Asteraceae, до 20 %) и полыней (*Artemisiaceae*, до 10 %). В небольшом количестве, но постоянно, присутствует пыльца растений, характерных для степных и луговых сообществ – представителей широко распространенных семейств: сельдерейных (Apiaceae), бобовых (Fabaceae), розоцветных (Rosaceae), яснотковых (Lamiaceae), капустных (Brassicaceae) и др.

Пыльца древесных растений характеризуется бедным таксономическим разнообразием и малым процентным количеством (до 10 %), и представлена главным образом сосной (*Pinus* sp.).

Изученные отложения периода ранней бронзы содержат достаточное для анализа количество материала, где тип ямного захоронения не препятствовал попаданию пыльцы. Погребения 1 и 14 характеризуются степными спорово-пыльцевыми спектрами с высоким содержанием маревых, злаков и полыней, что отражает состав растительного покрова около 5000 лет назад.

Погребения конца III – начала II тысячелетия до н.э. соответствуют атлантическому периоду голоцена (Хотинский, 1977), который характеризуется существованием на территории Приазовья периодов с наиболее заметной ксерофитизацией условий, где доля древесной растительности была невелика (Спиридонова, 1991; Дюжова, 2013).

Помимо обнаруженной в типичных для растительных сообществ количествах пыльцы основных таксонов, заметную роль в спектрах играет пыльца отдельных травянистых растений. Для погребения 1 это пыльца растений из семейства Rosaceae, до 55 %, для погребения 14 – из семейства Lamiaceae, до 20 %. Возможно, эти растения были специально использованы для погребальных обрядов (рис. 1).

Результаты спорово-пыльцевого анализа погребений среднего бронзового века выявили слабую концентрацию пыльцевых зерен в образцах. Видимо способ захоронения катакомбного типа препятствовал попаданию большого количества материала. Несмотря на это удалось получить некоторые результаты.

Наибольшая концентрация отмечается в образцах из Погребения 16. Спорово-пыльцевые спектры здесь степного типа с доминированием пыльцы маревых (до 30 %) и злаков (до 20 %).

В образцах обнаружено большое количество пыльцы трав, предположительно из семейства Rosaceae, что может указывать на использование растений в погребальных обрядах (рис. 1).

Период среднего бронзового века соответствует середине суббореального периода, когда в растительном покрове происходила смена условий от более увлажненных, благоприятных для интразональных лесных и кустарниковых сообществ к засушливым, с распространением разнотравно-злаковых и полынно-маревых степей (Спиридонова, 1991, Дюжова, 2013).

Погребение 15, также относящееся к среднему бронзовому веку, для которого были исследованы пять образцов, отличается практически полным отсутствием материала. Встречены лишь единичные пыльцевые зерна растений из семейства Chenopodiaceae.

Образец раннего железного века из Погребения 19 отличается наилучшей сохранностью и насыщенностью материала. В одновозрастном с ним Погребении 11 пыльцевых зерен не обнаружено.

Спорово-пыльцевые спектры погребения 19 отражают состав окружающего растительного покрова, который около 3000 лет назад в Северо-Восточном Приазовье представлял собой ксерофитный вариант бедноразнотравно-злаковых (ковыльно-типчаковых) степей и засоленных грунтов (Матишов и др., 2011). В спектрах преобладает пыльца семейства Chenopodiaceae (до 40 %) и Asteraceae (до 20 %).

Работа выполнена в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН № 122011900166-9.

Литература

- Гричук В.П. Методика обработки осадочных пород, бедных органическими остатками, для целей пыльцевого анализа // Проблемы физической географии, 1940. В.8. С. 53–58.
- Дюжова К.В. Палеогеографическая реконструкция Азовского бассейна в голоцене по данным палинологического анализа // Автореферат дис. ... кандидата географических наук: 25.00.28. Мурманск, 2013. 25 с.
- Матишов Г.Г., Новенко Е.Ю., Красноруцкая К.В. Динамика ландшафтов Приазовья в позднем голоцене // Вестник Южного научного центра РАН. 2011. Т. 7, № 3. С. 35–43.
- Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене (верхний палеолит – бронза). М.: Наука, 1991. 221 с.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 198с.
- Grimm E.C. TILIA and TILIA GRAPH.PC spreadsheet and graphics software for pollen data // INQUA, Working Group on Data-Handling Methods. Newsletter. 1990. №4. P. 5–7.

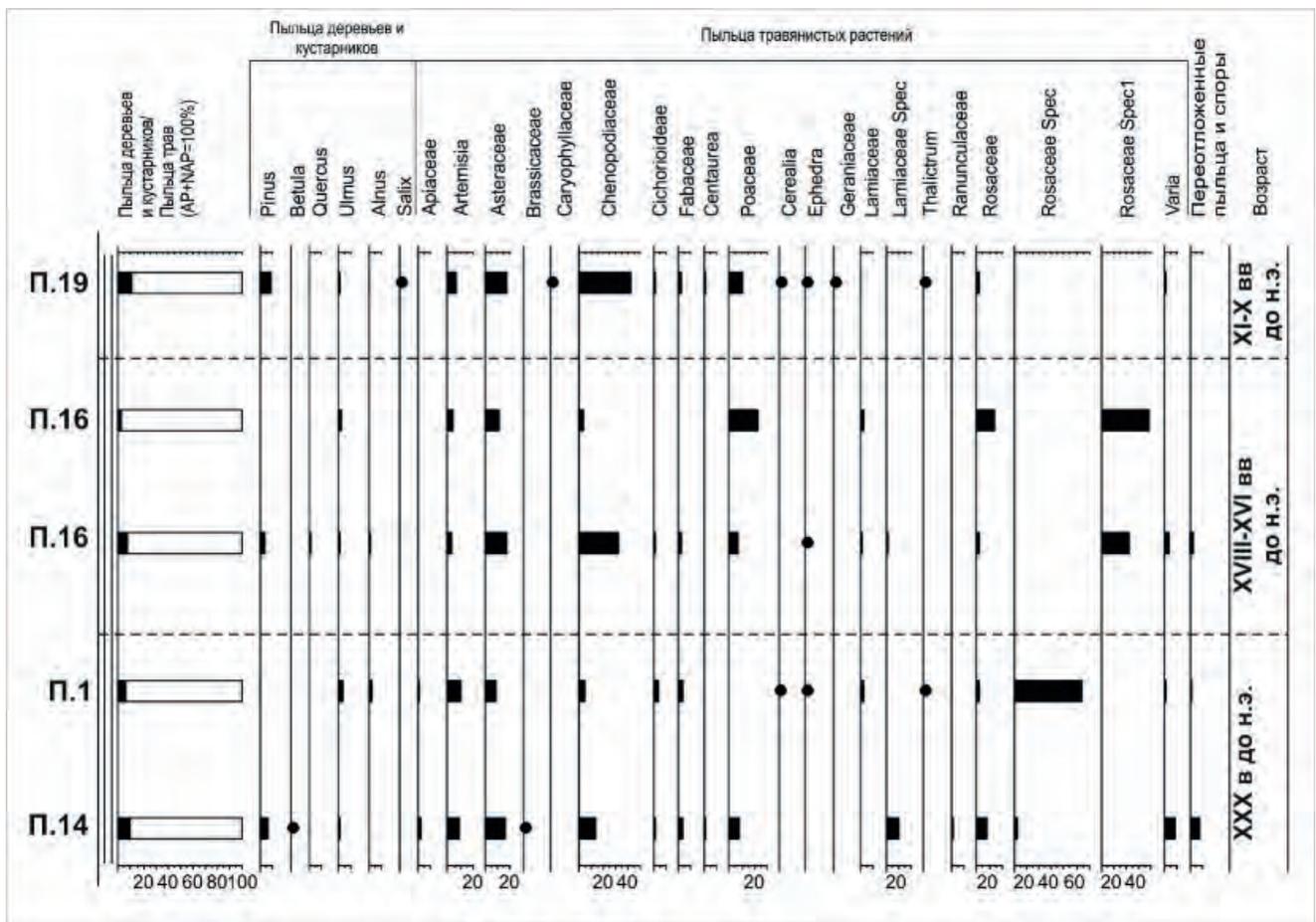

РИС. 1. РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА КУРГАНА В С.ПОКРОВСКОЕ (СПЕС – ПЫЛЬЦА РАСТЕНИЙ, КОЛИЧЕСТВО КОТОРОЙ НЕ ТИПИЧНО ДЛЯ СПЕКТРА)

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КОБЯКОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

© 2023 г. Гугуев В.К. ^{1*}, Ильюков Л.С. ^{2,3**}

¹Независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²ФГБУН «Федеральный исследовательский центр

Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН)

³ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»,

х. Недвиговка, Российская Федерация

*E-mail: guguev@mail.ru

** E-mail: iljukov@ssc-ras.ru

В 1986 г. в Кобяковском курганном могильнике, расположенном на территории г. Ростова-на-Дону, был исследован курган эпохи бронзы с впущенным в насыпь погребением XI–XIII вв. Инвентарь погребения: фрагменты ножен сабли, нагайки, ножа, золотой перстень и конское украшение в виде позолоченного начельника позволяет связать захоронение с представителем аланской элиты.

Ключевые слова: Кобяковский курганный могильник, кочевническое погребение, украшение оголовья коня, начельник, казан, золотой перстень, удила с фигурными псалями.

THE COMPLEX OF MEDIEVAL PERIOD FROM THE EXCAVATIONS OF THE KOPYAKOVSKY MOUND BURIAL

Guguev V.K., Ilyukov L.S.

In 1986 a Bronze Age burial mound with a burial of the XII–XIII centuries let into the embankment was investigated in the Kobyakovsky burial mound located on the territory of Rostov-on-Don. The burial inventory includes fragments of the scabbard of a saber, a whip, a knife, a gold ring and a gilded decoration of the horse's headband. That allows connecting the burial with the bearers of the Alan culture.

Keywords: Kobyakovsky burial mound, nomadic burial, decoration of the horse's headband, cauldron, golden ring, bits with figured cheek-pieces.

На высоком правом берегу Дона на восточной окраине г. Ростова-на-Дону, около Кобяковского городища расположен Кобяковский курганный могильник, частично исследованный в 70 – 80-е гг. прошлого века (рис. 1). В этой группе самым высоким был курган 15. Он был исследован в 1986 г. археологической экспедицией Ростовского университета (Казакова, 1986). Его высота 6,7 м, диаметр около 50 м. В нем было обнаружено 15 погребений.

В центре кургана расположены две могильные ямы, слегка углубленные в материк (погр. 14 и 15), которые оказались безынвентарными, костяки не сохранились. Вероятно, с ними был связан ров, углубленный в погребенную почву. Ров, слегка присыпанный первоначальной курганной насыпью, был прослежен под камнями кромлеха в южном фасе центральной бровки. Этот кромлех опоясывал древнейшую насыпь, под которой находились подквадратные могильные ямы (погр. 14 и 15), расположенные в 1,8 м друг от друга.

Севернее их на древнем горизонте отмечена линза материкового выкида. Стратиграфическое соотношение этих ям неясно. В погребении 14 дно было неровным, только в северной части оно имело слабый уступ, отмеченный в северном фасе бровки. По-видимому, эти погребения окружал ров, устроенный в погребенной почве, зафиксированный под камнями кромлеха в центральной бровке. Над древнейшими погребениями была возведена курганная насыпь высотой около 2 м. Ее диаметр по внешнему краю кромлеха составлял 28 м. Ширина кромлеха – около 3 м. В древнейшую насыпь в юго-восточном секторе было впущено погребение 3, совершенное в прямоугольной яме с заплечиками. Ниже заплечиков прямоугольная яма по углам имела ямки от столбиков. На дне лежал скелет взрослого человека, в положении на спине, с ногами, завалившимися вправо, руками, вытянутыми вдоль туловища. По дну отмечена посыпка охрой. У изголовья найдены два кремневых отщепа. Это типичное погребение раннего бронзового века. Дальнейшее сооружение насыпи кургана сопровождалось досыпками, связанными с катакомбами средней бронзы (рис. 2).

В центре кургана находилась большая могильная яма сарматского времени, разрушенная грабителями в древности. В ее заполнение было впущено средневековое погребение 13, которому посвящена данная публикация.

Погребение 13 обнаружено в центральной части кургана, в 0,5 м от нулевого репера на глубине –4,5 м (рис. 3). Поскольку могила была устроена в грабительской воронке, ее стенки слабо прослеживались. Могильная яма была перекрыта мощным настилом из расшитых бревен, уложенных поперек ямы. Поверх настила лежали обломки известняка. Небольшой каменный наброс чередовался с лоскутами коры от бревен. Грабительский лаз частично разрушил южную часть перекрытия. Размеры лаза 2,5 x 0,9 м. Автор раскопок отметил, что к моменту разграбления могилы перекрытие было непо потревоженным. Пробитая грабителями южная часть перекрытия рухнула вниз. Овальная могильная яма ориентирована длинной осью по линии В–З. Ее размеры в плане по верхнему краю составляли 2,9 x 1,4 м, расширяясь к дну до 3,7 x 2,7 м. Ко дну стенки были слегка подтесаны и подбиты под отрицательным углом. На дне могилы стоял гроб, сделанный из досок. Его размеры 1,7 x 0,6 м. По-видимому, в конструкции гроба использовались два железных кованых гвоздя костылевидной формы. Их длина 9,6 см и 13,3 см (рис. 4, 1, 2). По-видимому, при их помощи к торцам боковых досок крепился брус шириной около 4 см.

Проникнув в могилу, грабители полностью разрушили скелет взрослого человека. Груда человеческих костей была обнаружена в западной части полуразрушенного гроба.

Около юго-западного угла гроба стоял красноглиняный кувшин, а возле его южной стенки находился медный казан с железной цепью. На перекрытии могилы, около ее северо-восточного угла обнаружены два железных стремена, между ними лежал оригинальный предмет (рис. 6, 1), принятый автором раскопок за бунчук, который в дальнейшем был интерпретирован как начальник.

В стороне от этих находок, около северо-восточного угла бревенчатого настила обнаружен череп коня, лицевой частью ориентированный на З. Западнее его находились шейные позвонки, лопаточная, плечевая кости и ребра животного. Судя по ним, конь был уложен вдоль северного края бревенчатого настила. В отчете было отмечено, что в зубах коня находились двуколычатые железные удила (Казакова, 1986). Восточная часть костяка животного разрушена. Вторые двуколычатые железные удила были найдены на перекрытии могилы около начальника. Железные удила однотипные. Они состоят из двух звеньев с поводными кольцами. В одном случае стержень грызла склепан из двух лент, в их концы вставлены два поводных кольца диаметр 3 см (рис. 4, 3). В другом случае на концах грызла, квадратного в сечении, расположены два крупных кольца из продольно склепанных лент диаметром 7,5 см (рис. 4, 4).

На бревенчатом перекрытии по сторонам от начальника были обнаружены два железных стремена, одно лежало на боку, другое стояло на подножке. Стремена однотипные арочной формы с овальной подножкой и щелевидным отверстием для крепления к ремню. Арочная дуга имеет ступеньку, переходящую в пластину подножки. Высота стремян 12,2 см, размеры

подножки 10,4 x 6,7 см и 11,2 x 7,8 см. Стремя с более широкой подножкой имеет одну особенность. Сверху на подножку по ее продольной оси была прикреплена прямоугольная пластина из войлока (?) (5 x 1,6 см), которая подшивалась к поверхности стремени при помощи трех конических отверстий, через которые пропусклась веревочка, концы которой завязывались снизу подножки и утапливался в коническое отверстие (рис. 5,1). У второго стремени лицевая поверхность дуги была покрыта орнаментом в виде трех рядов точек, выполненных плакировкой. По бокам щелевидного отверстия расположены две косые ленты, шириной в три линии. Над щелью двумя линиями обозначен вытянутый косоугольник с букранием в центре. Все линии в районе щелевидного отверстия также плакированы (рис. 5,2). Судя по подкладке под стопу на подножке неорнаментированного стремени, хозяин коня прихрамывал. По-видимому, при посадке в седло он опирался на здоровую ногу, вставляя ее в орнаментированное стремя.

Между стременами лежал начельник, который был снят с головы коня. Его расстегнутые ремни имели прямоугольные окончания, на одном из них сохранилась бронзовая пластинка с заклепкой (рис. 10, 2).

На дне могилы около гроба стояли кувшин и казан, непо потревоженные грабителями. Красноглиняный кружальный кувшин находился у юго-восточного угла гроба. Его венчик поврежден в древности. Кувшин краснощеный с отогнутым наружу венчиком и высоким узким горлом, плавно переходящим в грушевидное тулово. Дно плоское. Длинная слабо профилированная ручка одним концом крепится к средней части горла, другим – к плечикам. Сверху верхний прилеп ручки имеет плоский выступ-упор. Горло и плечики в трех местах опоясано тремя узкими орнаментальными лентами, которые имеют по краям две пролощенные горизонталы, между которыми заключены косые вдавления зубчатого штампа (рис. 7, 1А). Снаружи дно не имеет лощения. Высота кувшина 33,5 см, диаметр горла 7,5 см. Диаметр дна 11 см (рис. 7, 1).

Около южной стенки гроба был поставлен бронзовый кованый казан с дужкой и железным крючком. Казан имеет приземистое тулово с отогнутым коротким прямым горлом. Его слабо выпуклые бока сделаны из двух пластин, к ним присоединена третья выпуклая пластина, являвшаяся дном казана. Все пластины соединены между собой бронзовыми заклепками. Плечики, под горлом опоясывает железный обруч, который крепился к поверхности казана при помощи железных заклепок. Лента обруча под венчиком имела лапки железной петли и соединялась с дуговидной дужкой для подвешивания. Высота казана 21 см, диаметр устья около 30 см. Высота железного обруча – 3 см (рис. 7, 2).

Поверх казана лежала железная цепь, состоявшая из трех звеньев с кольцевидными окончаниями. Самым коротким являлось верхнее звено, его окончание фрагментировано. Оно крестовидно соединено со средним звеном при помощи кольцевидного окончания. Среднее звено длиннее верхнего, но короче нижнего. Его кольцевидные окончания загнуты в противоположные стороны. Нижнее звено, самое длинное, выполнено из проволоки, сложенной пополам. Кольцевидным перегибом оно соединено со средним звеном. Нижнее звено имеет острые окончания, разогнутые в противоположные стороны. Длина цепи около 19 см (рис. 7, 3). Таким образом, у цепи, лежавшей на казане, было два острых крюка, загнутых в противоположные стороны.

На дне гроба среди костей человека был обнаружен золотой перстень¹ (рис. 8). Он состоит из кольца и овального щитка с гнездом, которое было запаяно двумя пластинками. На верхней пластине черточками изображена степная птица туртушка или саджа (*Syrhaptesparadoxus*)². Ее большая круглая голова с прямым клювом повернута на бок. Птица стоит на коротких ногах, приподняв крылья. Изображение помещено в рамку из четырех несомкнутых сдвоенных полуovalов. Птица в рамке изображена в геральдической позе. На тыльной пластине щитка изображен знак в виде прямоугольника с вогнутыми сторонами. В его

¹Предмет в настоящее время хранится в ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», РОМК КП 25418.

²Определение выполнено ведущим научным сотрудником ЮНЦ РАН, кандидатом биологических наук Савицким Р.М.

центре расположено кольцо, от которого протянулись восемь лучей. Стенки щитка украшены двумя парами стилизованных крыльев, обозначенных врезными линиями, разделенных двумя валиками, являвшимися продолжением самого кольца перстня. Центр перстня был пробит острым стержнем, оставившим круглое отверстие в нижней части туловища птицы на верхней пластине и круглое отверстие на обороте щитка, на нижней пластине. Удар был нанесен изнутри перстня. Об этом свидетельствует закраина на верхней пластине щитка.

Остальные находки, за исключением нескольких мелких предметов, поступили на хранение в фонды ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»³:

1. Бронзовая пуговица шаровидной формы с проволочной петелькой для крепления к одежде. Ее диаметр 0,5 см (рис. 10, 3).

2. Бронзовая квадратная пластинка с заклепкой, которая крепилась при помощи стерженька с миниатюрной шляпкой (рис. 10, 2).

3. Круглая серебряная бляшка с полусферическим центром, ее диаметр около 1 см (рис. 10, 4).

4. Две одинаковые миниатюрные бронзовые пряжки с квадратной рамкой (1 x 1 см) и подвижным язычком (рис. 7, 5, 6).

5. Фрагмент полуовальной костяной застежки от пут коня с щелевидным отверстием крестовидной формы. Длина предмета более 4 см (рис. 10, 1).

6. Железный наконечник стрелы с ромбовидным плоским пером, кольцевидным упором и черешковым насадом. Длина 6,4 см (рис. 10, 9).

7. Фрагмент железного круглого пластинчатого умбона. В центре выпуклой бляхи расположено круглое отверстие. По ее краям симметрично размещены четыре заклепки. Каждая из них состоит трех шляпок для крепления к крестовидно расположенным ремням на тыльной поверхности бляхи. Под шляпками заклепок располагалась шайба диаметром 0,5 см. Диаметр умбона около 9 см (рис. 9, 4). Вероятно, умбон крепилась к центру щита или к кожаной одежде на груди воина.

8. Фрагмент железной бутероли от ножен сабли. В нем находился обломок острия железного клинка сабли. Наконечник ножен – бутероль имеет прямоугольную форму. Она сделана из пластины, согнутой пополам и с боков склепанной. Она была надета на окончание кожаных ножен. Ее узкий конец сомкнут, но не склепан. Внутри бутероли, вдоль одной из ее длинных сторон, сохранился костяной клинышек для закрепления конца клинка сабли в ножнах. Длина бутероли – 5,3 см, ширина – 3,5 см (рис. 9, 3).

9. Железная пряжка имеет сегментовидную рамку и подвижный язычок, крепившийся к прямому основанию рамки. Размеры рамки: 3,5x3,0 см (рис. 10, 7).

10. Железная обойма (?) на широкий портупейный ремень. Прямоугольная пластина имеет длинную прорезь, края которой покрыты зубчиками. Через нее проходил широкий портупейный ремень, который зажимали зубчики обоймы. Ее размеры: 7,7 x 2,9 см (рис. 9, 2).

11. Железное навершие нагайки. Она имела короткую деревянную рукоять, прямоугольную в сечении, обтянутую кожей, и вставленную в прямоугольное отверстие железной скобы, ее конец фрагментирован. Размеры сечения рукояти 1,8 x 1,1 см. В торец рукояти был вбит железный тонкий стержень, конец которого был согнут в виде кольца, которое держало железное колечко диаметром 1,4 см с подвязанной с нему ниткой, отпечатавшейся в окислах основания нагайки. По-видимому, к железной скобе, закрепленной на конце деревянной рукояти, крепилась плеть (рис. 9, 1).

12. Железный нож с узким лезвием. Вдоль спинки имеет по одну сторону расположенное валикообразное утолщение. Длина ножа более 8 см, ширина 1,4 см (рис. 9, 5).

13. Фрагмент железной ленты обруча (?), которая крепилась тремя железными заклепками в поверхности какого-то предмета. На одном конце ленты, по ее оси, расположен короткий прямоугольный выступ. Противоположный конец ленты фрагментирован. На ней отпечатался такой же прямоугольный выступ, прикрепленный к ленте заклепкой. Длина ленты

³Коллекция имеет учётное обозначение АМЗТ КП 550.

более 12 см, ширина 1,5 см (рис. 10, 8).

По мнению автора раскопок, к данному погребению относились железные удила с фигурными псалиями, найденные на уровне перекрытия при зачистке бровки. Удила имеют пару фигурных псалий с двумя поводными кольцами. Грызла состоят из двух звеньев с крестовидным кольчатым соединением. Концы звеньев имеют восьмерковидные окончания. В большом кольце восьмерковидного окончания зажат стержень псалия, а в меньшем кольце этого окончания на краю грызла закреплено небольшое поводное кольцо. Псалии одинаковые. У них к прямому стержню с шишечками на концах торцом была приварена дуговидная пластина, имеющая в прямом основании арочное отверстие для соединения с удилами. Дуговидный край пластины покрыт зубчиками и снабжен прямоугольным выступом с стреловидным окончанием. В этом выступе расположено щелевидное прямоугольное отверстие для крепления ремня. Длина звена удил 9,7 см, длина псалия – 12 см. Диаметр поводного кольца – 2,9 см (рис. 11).

Найденный на перекрытии погребения начельник украшал голову коня и крепился к ней при помощи ремней. Начельник имеет усеченно-конический шестигранный бронзовый корпус с позолотой. Его высота 8 см. На вершине корпуса выступает кольцевидная петля, сделанная из согнутой пополам короткой железной проволоки. В ее кольцевидный сгиб было вставлено железное кольцо диаметром 3 см, в окислах которого прослежена нитка, привязанная к нему. Вероятно, на конце нитки находился амулет (?). Внутри шестигранного корпуса был стержень, состоявший из двух звеньев. Из них верхний был более коротким. Он шарнирно соединялся с нижним длинным звеном. Шарнирное соединение выполняла проволочка, которая крепилась к разрушенному основанию верхнего звена и кольцевидному перегибу нижнего звена, сделанного из узкой длинной пластинки в виде ножки. Концы нижнего звена, выступали из шестигранного корпуса на 7 см наружу и были обмотаны кожей. Обмотку стягивала ленточка шириной 0,5 см.

Ниже обмотки пластинчатые концы были разогнуты в противоположные стороны, на них сохранился древесный тлен от доски, в которую они были воткнуты снизу. Стык двух шарнирных звеньев, расположенный внутри позолоченного корпуса, имел проволочное соединение. Тонкая бронзовая проволочка проходила через центр двух тонких железных квадратных пластинок (рис. 6, 2). Из них меньшая лежала поверх большей пластинки и была украшенная рельефным криволинейным узором. Их стороны по-разному ориентированы. Возможно, они являлись символическим обозначением «шапочки», которая, по-видимому, находилась на кольцевидной головке нижнего звена. К грани большой пластинки примыкал треугольник, оконтуренный валиком. Грани большую пластинку тоже опоясывал невысокий валик. По-видимому, острый угол треугольника, расположенный на пластинке, указывает на ее лицевой край, который соответствовал «лицу» на «тряпочной символической голове». Внутри шестигранного футляра к одной из его стен прикипели остатки «прически» из конского волоса (рис. 6, 3). Макушка этой «головы с прической» была перетянута ремешком. По-видимому, позолоченный шестигранный миниатюрный шлем скрывал «тряпочную головку». По трем ее сторонам ниспадали волосы «прически». Эта символическая фигурка имела длинную тонкую ножку, которая была обмотана кожей и перевязана ремешком. Ее концы были закреплены на деревянной пластине, которая крепилась к голове коня (рис. 6, 5). Судя по инвентарю, погребение относится к XII–XIII вв. Оно было совершено в древней воронке, затянутой землей, расположенной на вершине высокого кургана в Кобяковском курганном могильнике. Умерший имел широтную ориентировку. Находки позволяют заключить, что это было престижное воинское захоронение кочевника. Около могилы находился конь, с которого сняли оригинальный начельник с позолоченным граненым шлемом. Вероятно, воин прихрамывал. Он вынужден был заменить дорогое стремя инкрустированное бронзой, на простое стремя с подложкой для удобства.

Арочные стремена с дужкой, которая в основании имеет ступеньки, соединяющую ее с подножкой, характерны для стремя XII–XIII вв. (Дубинец, 2012. Рис. 2). Найденные около могилы удила с фигурными псалиями более архаичны, чем набор удил из данного захоронения. Возможно, они являлись особым приношением во время погребального обряда.

Из погребения происходит застежка на ноги коня. Умерший был похоронен в рубахе, ворот которой застегивался пуговицей. Его положили в деревянный гроб и рядом поставили кувшин и котел, на который положили цепь с двумя острыми крюками, очевидно, предназначенную не для очага. На дно могилы был опущен досчатый гроб, около которого были оставлены казан с цепью и лощеный красноглиняный кувшин, по-видимому, крымского производства (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 215–219).

Наличие казана в кочевническом погребении подчеркивало его высокий социальный статус (Швецов, 1980). Около воина положили саблю, нагайку и нож. По-видимому, для подтягивания портупейного ремня предназначалась обойма с щелевидным отверстием. Найден железный наконечник стрелы. Умершему принадлежал золотой перстень, который подвергся ритуальному «убийству». Возможно, он находился не на кисти руки, а лежал отдельно, в сумочке, застегнутой пряжками, и украшенной бляшками (?). Одна из них с полусферической шляпкой, выполненная из серебра, была обнаружена в заполнении могилы. Назначение фрагмента железной ленты, крепившейся заклепками, неясно.

В XI–XIII вв. на Руси в состав защитного доспеха вошли сферо-конические золоченые шлемы. По мнению А.Н. Кирпичникова, сверкающие наголовья были более популярны у степняков, чем у русских (Кирпичников, 1971. С. 31).

Особое место среди металлических антропоморфных амулетов занимали начельники, которых крепили на голове коня. Наряду со стилизованными изображениями известны реалистичные женские и мужские сидячие фигурки с ритуальной чашей или кубком. Часто конские начельники очень стилизованы. Они имеют форму полусферы с султанчиком на макушке.

Конские украшения с султанчиком на голове животного были известны не только на Северном Кавказе, но и в Восточной Европе. По мнению ряда исследователей, они являлись атрибутом воинской верхушки аланского компонента салтово-маяцкой культуры на Украине (Афанасьев, 1973. С. 136). Аланские оголовья с начельниками, выполненные в стилизованном виде или в форме выразительных женской или мужской фигурки, относились к раннему этапу этих культовых украшений (Аксенов, 2005. Рис. 7). Не случайно металлический шлем имеющий колпак, в который вставлялась трубка с султанчиком, и начельник, который закреплялся на голове коня, перекликались между собой. Оригинальный начельник из Кобяковского курганного могильника относился к более поздним образцам, чем классические аланские изделия.

Литература

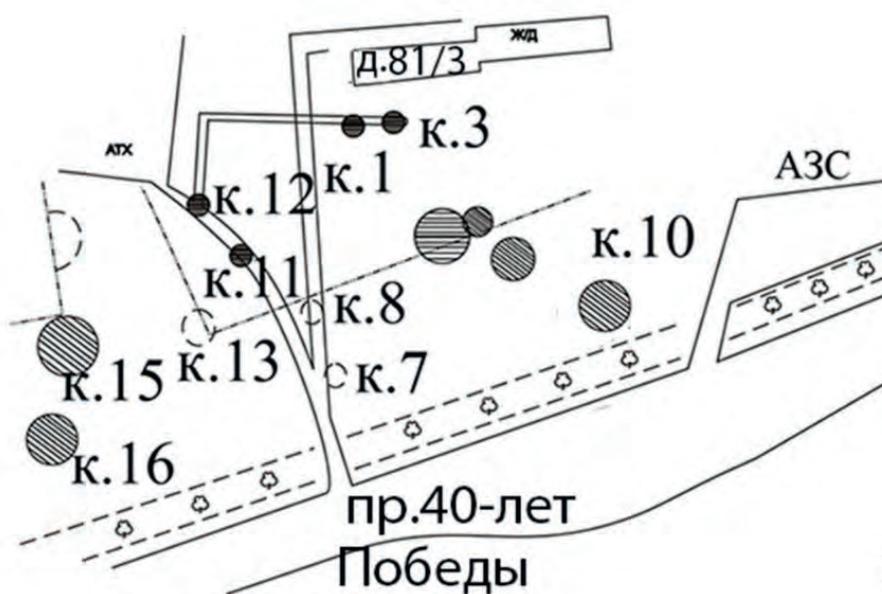
- Аксенов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начельниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы с эпоху средневековья. Т. 4. Донецк: Донецкий национальный университет, 2005. С. 245–259.
- Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // Российская археология. 1993. № 4. С. 131–144.
- Дубинец О.В. Методические проблемы исследования средневековых стремян // Степи Европы с эпоху средневековья. Т. 10. Донецк: Донецкий национальный университет, 2012. С. 37–51.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских кочевников развитого средневековья. Степи Европы с эпоху средневековья. Т.1. Донецк: Донецкий национальный университет, 2000. С. 209–225.
- Казакова Л.М. Отчет об исследовании Кобяковского курганного могильника по проспекту 40-летия Победы в Пролетарском районе г. Ростова-на-Дону в 1986 г. (зона строительства второго микрорайона) // Архив ИА РАН. Р-1 № 11426.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. САИ Е1–36. Вып.3. Доспех. Комплекс боевых средств IX – XIII. М., Наука. 1971. 92 с.
- Швецов М.Л. Котлы в погребениях средневековых кочевников // Советская археология. № 2. 1980. С. 192–202.

1

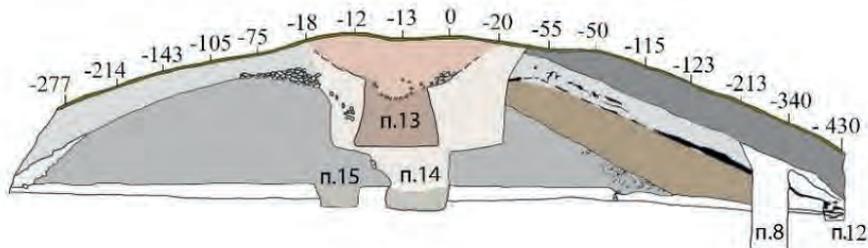
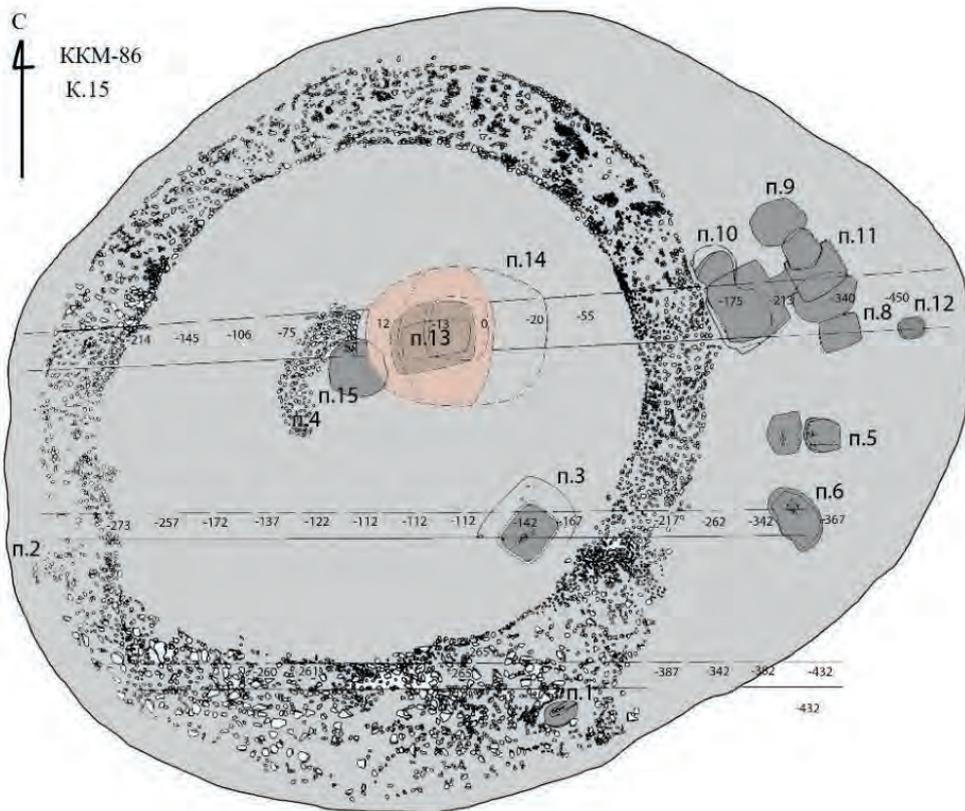
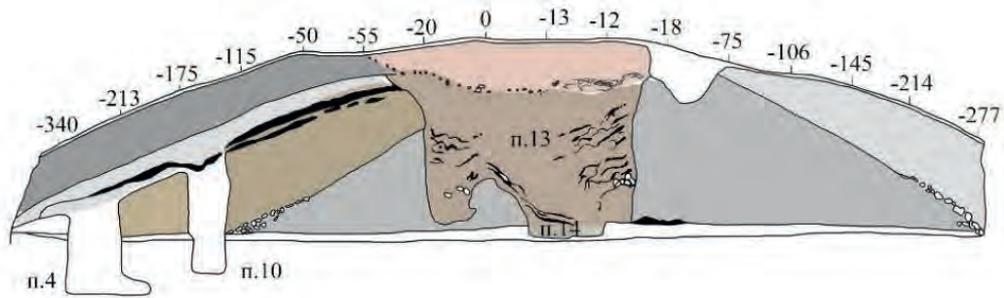
2

3

РИС. 1. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК.

1 – аэрофотоснимок могильника; 2 – общий вид кургана 15; 3 – план Кобяковского курганного могильника.

0 3м

— раскопный диаметр кургана

РИС. 2. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК.

1 – план кургана 15; 2 – центральная бровка северный фас; 3 – центральная бровка южный фас.

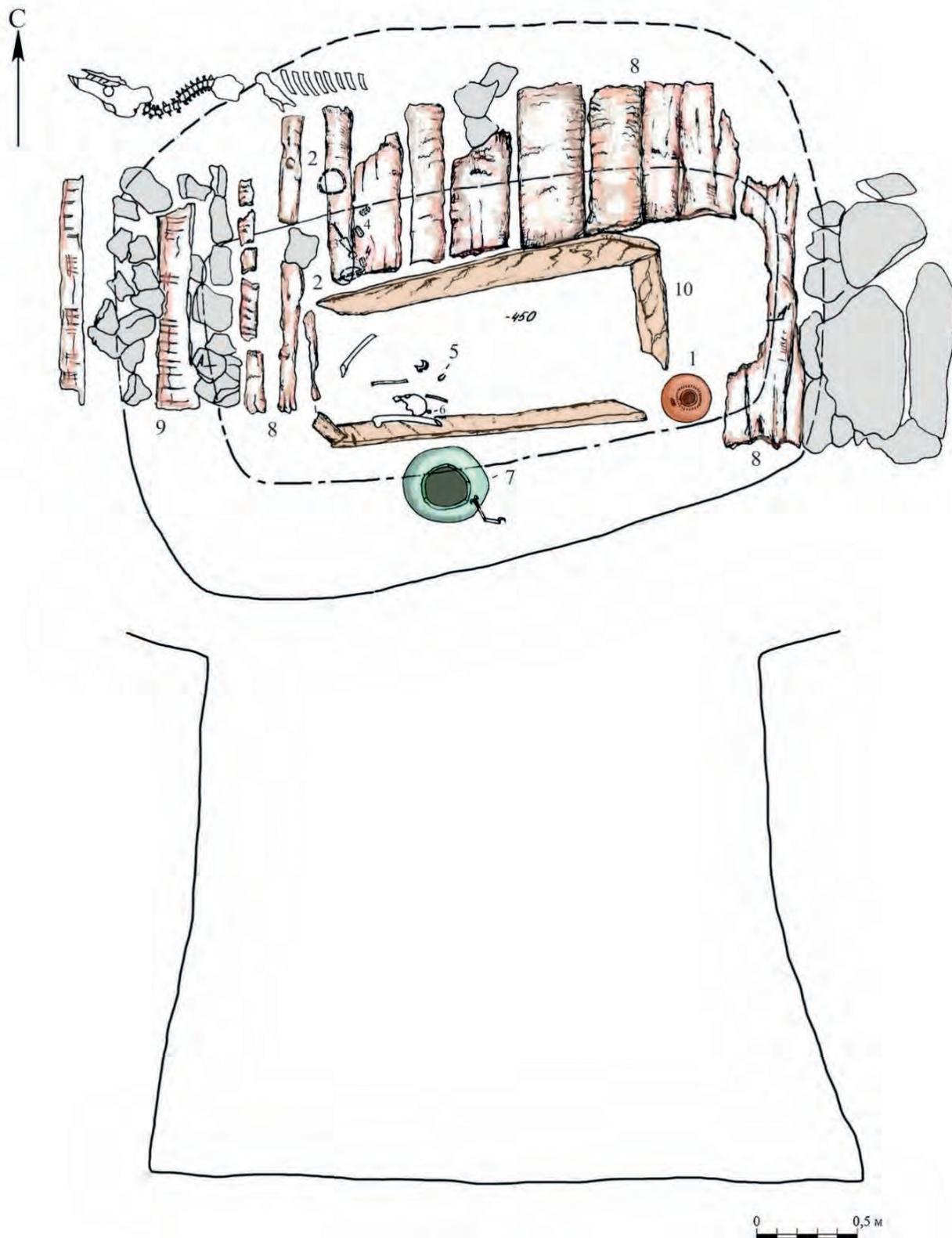

РИС. 3. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13.
 1 – кувшин, 2 – стремяна, 3 – начельник, 4 – ремни, 5 – обойма, 6 – перстень, 7 – казан, 8 – крюк, 9 – дерево, 10 – береста.

РИС. 4. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13.
Погребальный инвентарь: 1, 2 – гвозди; 3, 4 – удила.

РИС. 5. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13.
Стремена: 1 – стремяна с отверстиями в подножке; 2, 2А – орнаментированные стремяна.

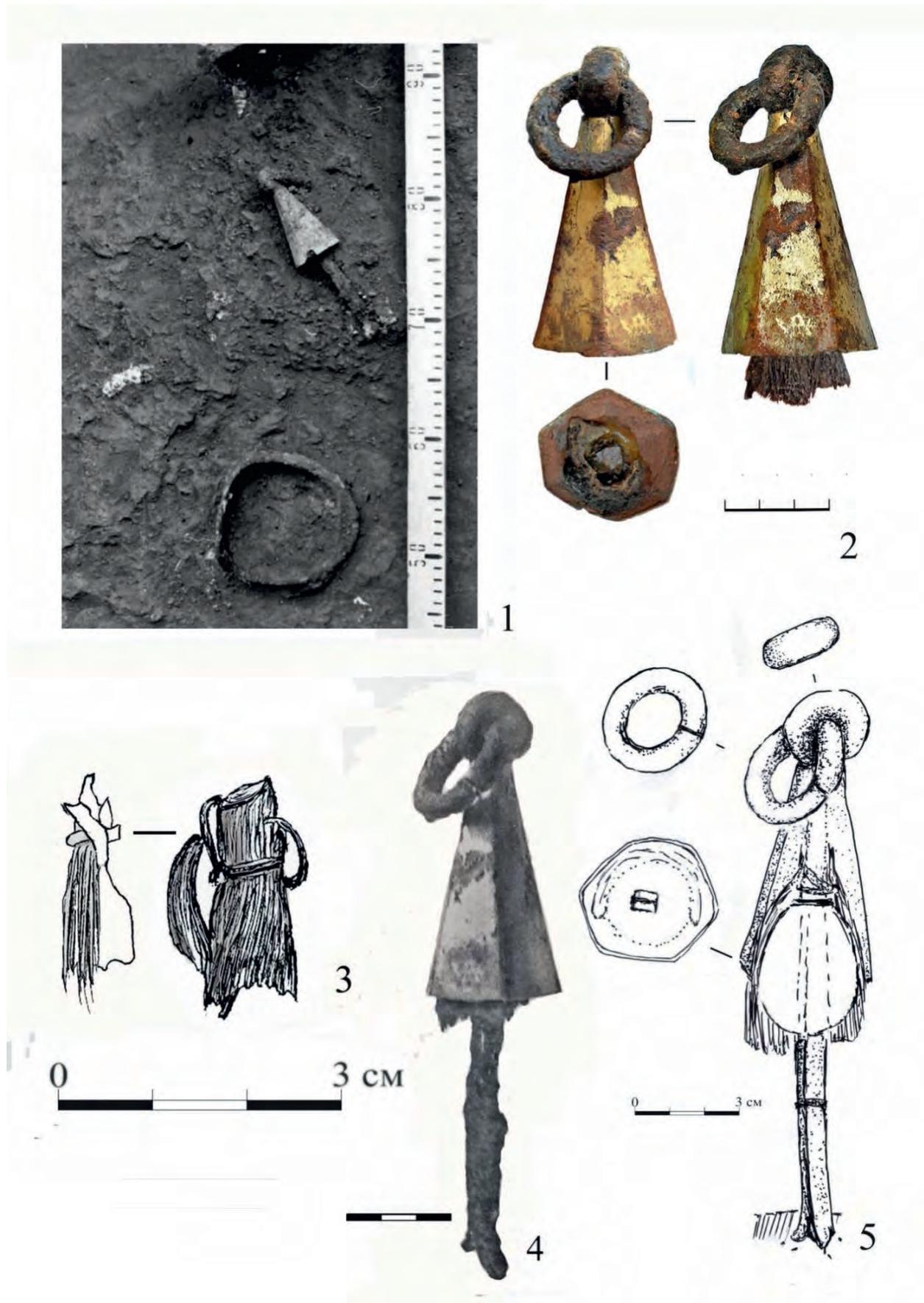

РИС. 6. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13.
 Конский начельник: 1 – полевая фотография; 2, 3 – начельник; 4 – фрагмент «прически» из конских волос; 5 – реконструкция начельника.

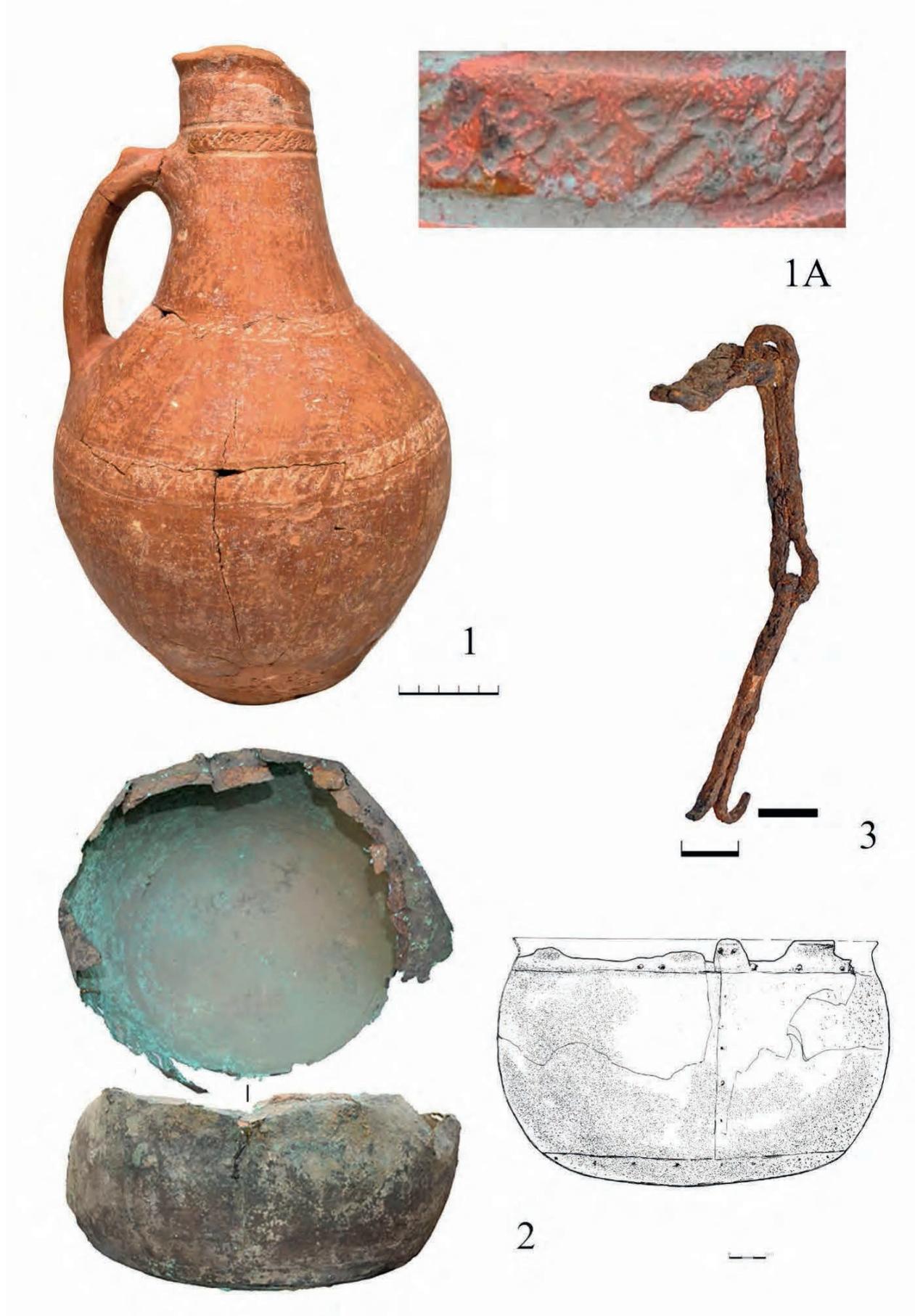

РИС. 7. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13.
Посуда: 1, 1А – кувшин; 2 – казан; 3 – цепь.

РИС. 8. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13. Перстень.

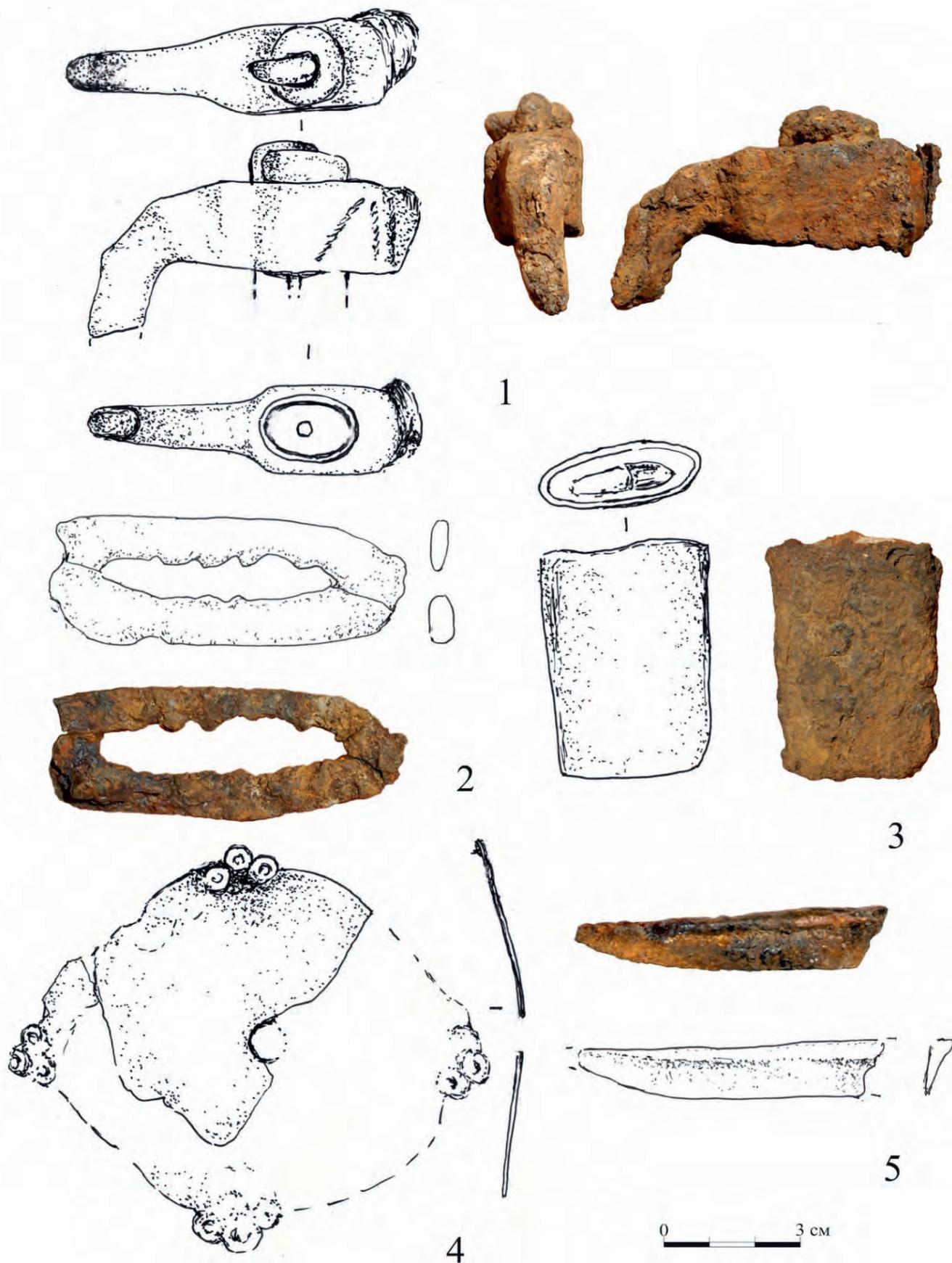

РИС. 9. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13. Погребальный инвентарь: 1 – нагайка; 2 – обойма; 3 – бутероль; 4 – умбон; 5 – нож.

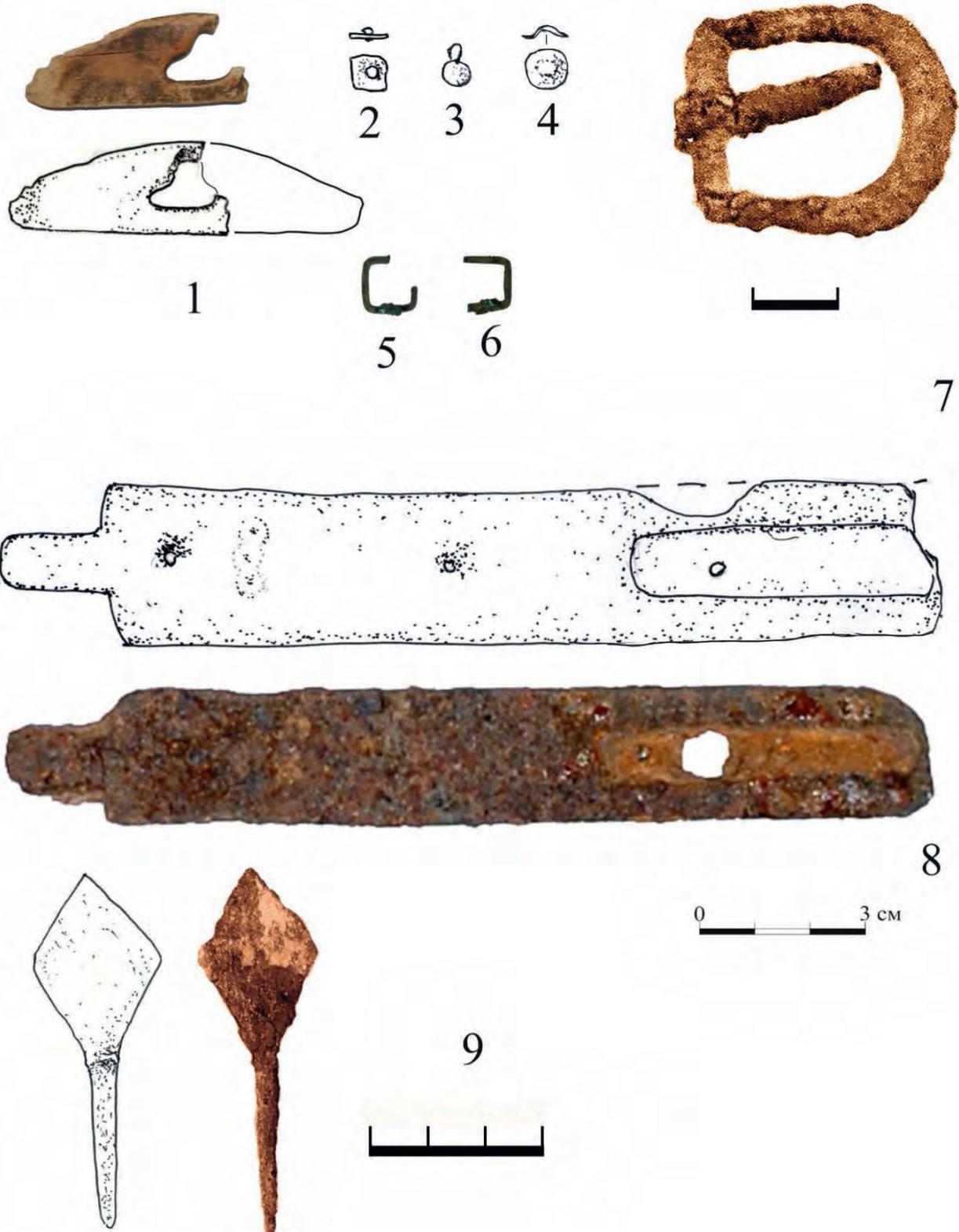

РИС. 10. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13.
 Погребальный инвентарь: 1 – путная пряжка; 2 – пластинка с заклепкой; 3 – пуговица, 4 –
 бляшка; 5–7 – пряжки; 8 – пластина обруча; 9 – наконечник стрелы.

РИС. 11. КОБЯКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК, КУРГАН 15, ПОГРЕБЕНИЕ 13.
Удила с фигурными псалями.

УНИКАЛЬНЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ РАСКОПОК ГОНЧАРНОГО ГОРНА XIV ВЕКА В ГОРОДЕ АЗОВЕ

© 2023 г. *Перевозчиков В.И.*

ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»,
х. Недвиговка, Российская Федерация
E-mail: *tanais.vadim@yandex.ru*

Предварительные данные по материалам, собранным при спасательных археологических раскопках гончарного горна по ул. Газеты Известия, 57 в г. Азове в 1988 г. публиковались ранее (в 1989 и 1990 гг.). Последующий анализ, в том числе с применением естественно-научных методов, показал выдающуюся (в сравнении с другими исследованными на сегодня гончарными комплексами золотоордынского Азака) информативность полученных материалов. Они являются чрезвычайно важными для изучения не только гончарного ремесла отдельно взятого золотоордынского города Азака, но и гончарного ремесла эпохи средневековья в целом. Автор считает своим долгом обнародовать их максимально полно, включая статистику собранной при раскопках керамики и иллюстративный материал.

Ключевые слова: *Азак, Азов, ангоб, ассортимент, визуальное изучение, венчик, водопоглощаемость, глазурь, глина, гончар, гончарное ремесло, гончарный круг, горло, горн, гравировка, декор, дно, естественно-научное исследование, золотоордынский Азак, карбонаты, керамика, керамист, керамический комплекс, кремний, межкамерная перегородка, носик, обжиг, обжигательная камера, орнаментация, оттиск в форме, песок, плотность и удельный объем, под, поддон, полива, полуфабрикат, примесь, продукция, продухи, раскопки, роспись ангобом, РСФА, ручка, свод, сграффито, сосуд, суглинок, технология, техника изготовления, топливо, топочная камера, тулово, устье топки, физическое моделирование, формовочная масса, формообразование, черепок, эксперимент, этнография.*

THE UNIQUE CERAMIC COMPLEX FROM THE EXCAVATIONS OF A 14TH-CENTURY POTTERY KILN IN THE CITY OF AZOV

Perevozchikov V.I.

The preliminary data on the materials collected during rescue archaeological excavations of a pottery kiln at 57 Gazety Izvestiya Street in the city of Azov in 1988 were published earlier (in 1989 and 1990). The subsequent analysis, including the use of natural science methods, demonstrated the outstanding (in comparison with other studied pottery complexes of the Golden Horde city of Azak) informational value of the materials obtained. They are extremely important for studying not only the pottery craft of the individual Golden Horde city of Azak but also the pottery craft of the Medieval period at large. The author sees it as his duty to publish these findings as comprehensively as possible, including statistics on the ceramics collected during the excavations and illustrative material.

Keywords: *Azak, Azov, engobe, assortment, visual study, rim, water absorption, glaze, clay, potter, pottery craft, potter's wheel, neck, kiln, engraving, decoration, bottom, natural science*

research, Azak of the Golden Horde period, carbonates, ceramics, ceramicist, ceramic complex, silicon, inter-chamber partition, spout, firing, firing chamber, ornamentation, mold imprint, sand, density and specific volume, tray, glazed pottery, semi-finished product, admixture, products, vents, excavations, engobe painting, XFA, handle, arch, graffito, vessel, loam, technology, manufacturing technique, fuel, combustion chamber, body, mouth of the furnace, physical modeling, molding mass, shaping, sherd, experiment, ethnography.

Новое обращение к гончарному горну по улице Газеты Известия (ныне ул. Васильева), 57 объясняется тем, что обе предыдущие публикации (Перевозчиков, 1989. С. 75–77; Перевозчиков, 1990. С. 152–155) были изданы в объеме тезисов, являясь предварительным, и к тому же очень кратким, анализом полученных при его раскопках материалов, без иллюстраций. Более глубокое изучение собранных при исследованиях гончарного горна по улице Газеты Известия, 57 артефактов, включая естественнонаучные исследования керамики, а также сравнение их с материалами раскопок других гончарных комплексов Азака XIV века, показали необычайную информативность археологического объекта, являющегося предметом данной публикации (Перевозчиков, 1988. С. 166–177. Рис. 196, 197–202, 204–257; Перевозчиков, 2003. С. 56–72; Перевозчиков, 2006А. С. 129–132, 230–254, 286–299, 304–307, 749–760, 773–780, 823–835, 894–921; Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 130–172; Перевозчиков, 2012. С. 190–228; Перевозчиков, 2017. С. 156–196).

15 апреля 1988 года в 8 часов 30 минут утра в сектор археологии отдела фондов Азовского краеведческого музея (далее АКМ) зашел местный краевед, рабочий объединения «Донпресмаш» Петр Николаевич Яглов. Он сообщил, что по Газеты «Известия» жильцы дома № 57 между проезжей частью улицы и забором приусадебного участка прорыли траншею под водопровод, в отвалах земли из которой фиксируется большое количество битой «татарской» посуды. По прибытии на место стало ясно, что шурф под распределительный колодец траншеи «сел» непосредственно над обжигательную камеру гончарного горна (рис. 1,1,3). Основную часть ее заполнения строители выбросили в отвал (рис. 1,2,4). Кроме того, еще ранее, но на меньшей глубине, здесь же по оси ССЗ–ЮЮВ был проложен какой-то кабель в асбестоцементной трубе (рис. 1,3,5, 2,2,6). Строители разрушили верхнюю часть стенок южной половины обжигательной камеры. В восточной части ее пода зафиксирован, подквадратный в плане пролом, в который, как отчасти и в продухи межкамерной перегородки (очевидно, частично еще в древности, а частично, по-видимому, и при нивелировке дна траншеи), в топку горна провалилась значительная часть заполнения обжигательной камеры (рис. 2,1,3,6). Об этом свидетельствует анализ собранных материалов: не редко склеивающиеся между собой фрагменты одних и тех же керамических изделий найдены в заполнении обеих камер. Это наглядно видно по полевым шифрам на отреставрированных предметах (см. подрисуночные надписи в конце работы). Наиболее крупные части разбитых (скорее всего в ходе землеройных работ) керамических сосудов были растащены местной детворой из соседних частных домов. Мы собрали всю керамику из отвалов траншеи (путем переборки грунта) и насколько это нам удалось у местных жителей, очистили обжигательную камеру от насыпавшейся в нее из отвалов посторонней земли и мусора, исследовали оставшееся не тронутым землеройными работами заполнение обжигательной и топочной камер, произвели фотофиксацию, зачертили и описали остатки горна и его заполнение¹.

Устье топочной камеры располагалось в ее северной части и в плане непосредственно примыкало к железному забору двора жилого дома №57 (рис. 1,1,2). Хозяева во дворе своего

¹Работы на объекте производились 15 и 19 апреля (16, 17 и 18 апреля шел дождь). В первый день удалось просмотреть все отвалы земли, выбрать из них керамику и зачистить обжигательную камеру печи. В работах вместе с автором статьи принимали участие младший научный сотрудник сектора полевых исследований АКМ И.В. Бабешко и младший научный сотрудник отдела фондов АКМ И.В. Гудименко. Во второй день была полностью расчищена топочная камера, описан, сфотографирован и зачерчен горн (рис. 2). В раскопках на объекте в этот день принимали участие, кроме автора и И.В. Гудименко, также члены кружка «Юный археолог» Ростовского Дворца пионеров В. Багаевский и В. Кузьмин.

дома проводить раскопки не разрешили. Поэтому предтопочное устройство гончарного комплекса исследовать не удалось. Печь имела типичную для гончарных горнов Азака двухъярусную конструкцию (т.е. состояла из двух камер: верхняя – обжигательная, нижняя – топочная; обе круглой в плане формы) с вертикальным движением горячих газов через отверстия-продухи в межкамерной перегородке (рис. 2).

Устье топочной камеры по выше указанной причине исследовалось из топки (а не снаружи из предтопочной ямы, как это обычно бывает) при выборке ее заполнения (рис. 2,4). Оно имело форму равнобедренной трапеции (высота – 70 см, ширина основания – 50 см, свода – 20 см, длина до «круга» дна топочной камеры – 50 см). Его фасад по бокам был выложен горизонтально лежащими (в 6–7 рядов) прямоугольными кирпичами боковыми сторонами вдоль устья (рис. 2,5) При этом использовались не полностью целые кирпичи (рис. 6,11). Кирпичная кладка была уложена на специальный глиняный раствор, которым были обмазаны и внутренние стенки устья топки. Боковые стенки последней постепенно, но не везде равномерно, плавно расширялись в нижней части на 30 см, в верхней на 36 см; при этом дно на 24 см, а свод на 4 см понижались.

Топочная камера – одноканальная, целиком впущена в материк, в высоту достигала 95 см. Ее стенки и свод были обмазаны специальными огнеупорным глиняным составом. На стенках сохранились следы их подравнивания специальным инструментом. Дно, стенки и свод топки обгорели и ошлаковались. Стенки – неровные, с трещинами, светло-серого цвета, прокалены на 20–25 см. Все это свидетельствует о достаточно длительной эксплуатации горна. Горизонтальный свод топки имел грубую, неровную поверхность бледно-салатного цвета. Его диаметр – 190 см. К дну стенки топочной камеры немного неравномерно (в целом на 10 см) расширялись. Диаметр дна достигал 200 см. Топочная камера почти наполовину была заполнена слежавшейся белесой (при высыхании приобретала стальной цвет), по-видимому, тростниковой, золой с частыми включениями фрагментов керамики, редкими включениями древесных угольков, шлака, кусков обожженной глины и единичными включениями костей животных. На дне топки зафиксирован сплошной горелый слой (толщиной до 5 см), состоящий из слежавшейся сажи и угольков (в основном тростниковых). Ближе к устью заполнение топочной камеры несколько отличается от основного ее заполнения – встречается значительно большее количество древесных угольков. Верхняя часть заполнения топки – провалившееся в продухи и в описанный выше провал в межкамерной перегородке содержимое обжигательной камеры, представляющее собой смесь серого рыхлого золистого гумуса с большим количеством фрагментов керамики.

При сжигании топлива горячий воздух поступал в обжигательную камеру через 7 продухов, сделанных в ее поде (рис. 2,1–3,6, 3,5). 6 продухов были расположены через равные расстояния по периметру, а один в центре. Вверху продухи имели подквадратную (квадраты со скругленными углами) форму – 10x10 см. Но примерно в средней своей части они плавно начинали расширяться, в нижней части (со стороны топки) превращаясь в окружность диаметром около 30 см.

Под обжигательной камеры был ровным, горизонтальным. Зафиксирован на глубине 195 см от современной поверхности. Его диаметр на 30 см меньше диаметра свода топочной камеры, достигал 160 см. Максимальная толщина межкамерной перегородки – 38 см; в разрезе имела слоистую структуру (до 5 слоев различных оттенков красного и коричневого цвета), характеризующую технологию его создания – наращивание в несколько приемов. Под (дно) и стенки обжигательной камеры были обмазаны, по-видимому, специальным огнеупорным составом и хорошо заглажены. В результате длительного воздействия высоких температур они приобрели бледно-салатный оттенок. В юго-восточной части межкамерной перегородки имелся подпрямоугольной формы пролом 30x32 см, образовавший единое целое с одним из продухов (рис. 2,1,6). Пролом, очевидно, образовался еще в древности и именно, в основном, через него (наряду с продухами) содержимое обжигательной камеры попало в топочную.

Нижняя, примерно 1/2, часть обжигательной камеры была также, как и топочная, впущена в материк и имела правильную цилиндрическую форму (рис. 2,3,5). Верхняя ее часть

фиксирувалась уже в слое серого гумуса, наращивалась от уровня материка при помощи глиняных жгутов разного диаметра. С высоты примерно 80 см от межкамерной перегородки стенки обжигательной камеры начинали плавно сужаться, постепенно образуя полусферический свод обжигательной камеры. Они сохранились на высоту до 120 см, прокалены на толщину 15–20 см. Массивные (толщиной 10–15 см) фрагменты устья обжигательной камеры были обнаружены в ее заполнении (рис. 3,3,4)². Эти находки позволили реконструировать диаметр устья обжигательной камеры, он составлял примерно 50 см. Круглое устье располагалось, очевидно, в центре свода и выполняло прежде всего функцию загрузочно-разгрузочного отверстия, а во время обжига регулируемого гончаром вытяжного отверстия – дымохода. Реконструируемая высота обжигательной камеры – около 150 см.

Кроме того, в заполнении горна были найдены также фрагменты массивных плоских толстых (до 10–15 см) плит из обожженной формовочной массы с большим содержанием песка в керамическом тесте; у некоторых фрагментов один край был скруглен (рис. 3,1,2). По-видимому, именно этими плитами, имеющими форму диска, в процессе обжига керамики регулировалась тяга, а в конце обжига закрывалось устье обжигательной камеры.

Таким образом, конструкция гончарного горна по ул. Газеты Извести полностью соответствует конструкции горнов первой (постсалтовской) азакской группы гончаров, у которых загрузочно-разгрузочное отверстие располагалось посередине свода обжигательной камеры, выполняя одновременно функцию дымохода (Галкин, 1975. С. 252–259; Гудименко, Масловский, Перевозчиков, 2001. С. 197–221; Перевозчиков, 1990А. С. 117–135; Перевозчиков, 2001. С. 98, 99; Перевозчиков, 2006А. С. 312–331; Перевозчиков, 2006Б. С. 19; Юдин, 2019. С. 221–223; Юдин, Кравченко, 2022. С. 147–154). Этим он, как и горны первой группы, отличается от горнов второй группы гончаров Азака, в которых для тяги и выхода дыма делалось специальное устройство, отдельное от загрузочно-разгрузочного отверстия; в центре свода отверстия не было, а отверстие для загрузки «сырой» и готовой продукции делалось сбоку в уровень с подом обжигательной камеры примерно под прямым углом к устью топки (Чалый, 1983. Рис. 219–223; Перевозчиков, 1993. С. 161. Рис. 1; Перевозчиков, 2006Б. С. 19; Перевозчиков, 2006А. С. 322–324. Рис.5, 6, 8,1-3, 9,5,6).

Верхняя часть свода обжигательной камеры рухнула, судя по месту находки фрагментов ее устья, еще в древности, вероятно, раздавив при этом обжигавшиеся в горне сосуды, фрагменты которых сплошным толстым слоем покрывали дно (под) обжигательной камеры. После этого, судя по всему, горн ремонтировать не стали, используя далее в качестве мусорной ямы, большей частью для керамического брака той же гончарной мастерской, которой он принадлежал. В целом, заполнение обжигательной камеры представляло собой смесь серого золистого гумуса с кусками обожженной «глины», многочисленными включениями фрагментов в основном неполивной керамики обожженных полуфабрикатов под поливную керамику, производственной (технологической) керамики, керамического брака, единичных костей животных и других артефактов. К сожалению, ни одной монеты при доследованиях найдено не было. Поэтому датировать комплекс можно только по собранному керамическому материалу в целом – второй половиной XIV века.

Подавляющая часть керамических изделий, в том числе и из-за того, что комплекс неоднократно подвергался поздним разрушениям, дошла до нас лишь во фрагментах. Удалось склеить лишь несколько археологически целых форм. Полная статистика полученного при доследовании гончарного горна керамического материала приведена в таблице 1 в конце статьи. Всего было собрано 9361 образец керамических изделий. После реставрации (склейки фрагментов между собой) их стало 8671 разной степени сохранности, включая археологически целые формы (рис. 4–27). В подавляющем большинстве это фрагменты неполивной керамики, полуфабрикатов под поливную и собственно поливной керамики.

²Фрагменты устья обжигательной камеры были найдены в нижней части ее заполнения, на поде и отчасти в топке, куда они попали, очевидно, через отверстие в межкамерной перегородке. Несмотря на то, что горн по ул. Газеты Известия, 57 далеко не первый в ряду исследованных азакских горнов, фрагменты устья обжигательной камеры обнаружены в заполнении гончарной печи впервые.

По результатам камеральной обработки стало ясно, что в составе собранного в заполнении горна археологического материала продукция гончарной мастерской составляет округленно 71,9(73,9)%³ или 6236(6922) образцов керамических изделий (как профильных, так и непрофильных). Из них на все керамические изделия без поливы приходится 99,4(98,2)%. Подавляющая часть – это собственно неполивная керамика – 95,3(94,0)%⁴. При этом целые изделия и профильные фрагменты в общем массиве последней составляют 31,5(37,4)%, а фрагменты стенок (в основном тулова), соответственно, 68,5(62,6)%. От общей суммы археологически целых изделий и профильных фрагментов неполивной продукции гончарной мастерской сосудов закрытой формы – 88,3(86)%, открытой формы – 3,7(5,7)%, изделий специального назначения – 8(8,3)%.

Среди сосудов закрытой формы от общей суммы целых изделий и профильных фрагментов неполивной керамики на кувшины приходится 17,7 (16,5)% – почти все без слива – 97(97,5)%, из них: с полосчатым лощением – 19(24)%; на афтобы (кувшины с носиком – для омовений) – 36,9(35,1)%, из них: с полосчатым лощением – 40(42)%; на неопределимые кувшинообразные сосуды (кувшины, афтобы и т.п.) – 19,7(22,8)%, из них: с полосчатым лощением – 22,3(31,2)%; на горшки с одной ручкой – 4,3(3,5)%; на «толстостенные» сосуды неопределимой формы – 0,9(0,9)%, из них: с полосчатым лощением – 25(19)%; на маломерные амфоры – 8,8(7,1)%. Среди фрагментов сосудов специального назначения: на туваки приходится 2,3(2)%, на копилки – 2,1(2,4)%, на светильники – 0,1(0,1)%, на трубы-кубуры – 0,3(0,2)%, на средства производства (производственная керамика) – подкладные диски – 0,05(0,1), калпы (матрицы-штампы с врезным орнаментом-контррельефом) – 0,4(1)%, сари (подставки под стопу поливных чаш) – 0,2(0,2)%, сепай (разделители поливных чаш в стопах) – 2,4(1,7)%. Среди сосудов открытой формы без ангоба и поливы (от всей неполивной керамики): на фрагменты пиалообразных чаш средних размеров на кольцевом поддоне приходится 0,05(0,05)%, маленьких пиалообразных чаш на кольцевом поддоне – 0,7(1,1)%, мисок (чаш с вертикальным бортиком) средних размеров на кольцевом поддоне – 1,9(3,6)%, мелких тарелок (чаш с диагонально отогнутым наружу плоским бортиком) на кольцевом поддоне – 0,05(0,04)%; глубоких чаш с плоским дном – 0,05(0,1)%, больших тазообразных чаш – 0,4(0,3)%, других неопределимых сосудов открытой формы – 0,5(0,5)%.

Второй, выделенный условно (для удобства систематизации собранного керамического материала), блок керамики, являющейся продукцией гончарной мастерской – полуфабрикаты под поливную керамику – керамика с белым ангобом без поливы, прошедшая первый (подготовительный – «утильный») обжиг, составляет 4,1(4,2)% от всей продукции гончарной мастерской из заполнения горна. В этом блоке фрагментов и археологически целых сосудов закрытой формы – 54,7(49)%, сосудов специального назначения, представленных лишь одной категорией – туваками, – 5,5(4,8)%, сосудов открытой формы – 39,8(46,3)%. Первые представлены в основном кувшинами классической формы – 39(34)% от всех сосудов-полуфабрикатов, молочниками – 0,4(0,7)%, кувшинами с двумя ручками на тулове (по данным этнографии – «хумчи») – 0,8(1,4)%, кувшинообразными сосудами со штампованным сферическим туловом, украшенным подангобным рельефным орнаментом – 2(1,7)%, т.е. от всех собранных фрагментов и археологически целых форм полуфабрикатов под поливную керамику на кувшинообразные сосуды (без афтоб) приходится 42,1(37,8)%, на афтобы – 5,1(4,8)%, на горшки с ручкой – 7,5(6,5)%. Сосуды-полуфабрикаты открытой формы представлены фрагментами и единицами археологически целых форм: пиалообразных чаш (пиалы) – средних размеров – 2,8(2,4)% (из них: с орнаментом сграффито – 57,1(57,1)%) и малых – 0,8(0,7)%, чаш с вертикальным бортиком (миски) – 27,2(32,7)% (из них: с орнаментом «сграффито» – 17,4(25,0)%, с росписью белым ангобом – 2,9(17,7)%), чаш с диагонально

³Здесь и далее: первая цифра – процент или количество артефактов после проведенных реставрационных работ, а в скобках – процент или количество артефактов до реставрации, т.е. то, что было собрано при исследовании гончарного горна в полевых условиях.

⁴В ее составе возможно наличие полуфабрикатов под неангобированную поливную керамику в части сосудов открытой формы (аргументацию см. ниже).

отогнутым наружу плоским бортиком (тарелки) – глубоких без декора – 2(2,4)%, мелких (неглубоких) с орнаментом «сграффито» – 0,4(0,3)%, сосудов неопределимой формы – 6,7(7,8)% (из них: с орнаментом «сграффито» – 70,6(78,3)%).

Третий блок керамики – собственно поливная керамика. На нее приходится 0,6(1,8)% от всей обобранной продукции гончарной мастерской из заполнения горна. Фрагментов сосудов закрытой формы в этом блоке – 35,9(57,2)%, сосудов специального назначения (туваки) – 2,6(4,3)%, сосудов открытой формы 64(42,7)%. Первые – это, в основном, кувшинообразные сосуды – 23,1(12,8)% от всей поливной керамики, с самым разнообразным декорированием поверхностей: с подангобным рифлением и зеленой поливой на внешней стороне сосуда, с салатной поливой по белому ангобу внутри и с росписью зелеными вертикальными полосами и бесцветной поливой по белому ангобу снаружи, с темно-зеленой поливой по белому ангобу внутри и светло-салатной по белому ангобу снаружи, с поангобной гравировкой («сграффито») под зеленой поливой снаружи и такой же поливой непосредственно по черепку внутри, с салатной поливой по белому ангобу снаружи и непосредственно по черепку внутри. Поливные сосуды закрытой формы представлены также фрагментами горшков с одной ручкой (12,8(44,4)%) – с рифлением на внешней стороне и зеленой или желто-зеленой (оливковой) поливой непосредственно по черепку на внутренней. У туваков традиционно зеленая полива нанесена по белому ангобу на внутренней (функциональной) стороне сосуда. Сосуды открытой формы: фрагменты пиалообразных чаш средних размеров – 23,1(19,7)% – с поливой по белому ангобу – зеленой (с орнаментом «сграффито»), салатной, светло-желтой, темно-зеленой на внутренней стороне и зеленовато-желтой на внешней (с орнаментом «сграффито»), светло-салатной внутри и светло-зеленой снаружи («сграффито»), бесцветной внутри и светло-салатной снаружи («сграффито»); фрагменты маленьких пиалообразных чаш с бесцветной поливой по белому ангобу – 2,6(4,3)%; фрагменты чаш с вертикальным бортиком (миски) – 25,6(12)% – с поливой по белому ангобу – зеленой (с орнаментом «сграффито» и без декора), бесцветной (с подцветкой зеленым), светло-салатной внутри и бледно-зеленой снаружи, желтой внутри и салатной снаружи; мелкие тарелки с темно-зеленой поливой по белому ангобу – 2,6(3,4)%; фрагменты точно неопределимых форм сосудов открытой формы – 10,3(3,4)% – с зеленой (с орнаментом «сграффито») и с бесцветной поливой внутри и зеленой снаружи («сграффито») – по белому ангобу, с зеленой поливой непосредственно по черепку (без декора).

От общей статистики перейдем к описанию морфологии, размеров, технике изготовления и декорирования керамической продукции мастерской, собранной на объекте. Вначале остановимся на самой многочисленной – **неполивной керамике**.

Кувшины классической формы – с широким слегка зауженным в средней части горлом, подовальной в сечении ручкой, подъяцевидным туловом и плоским дном – представлены 332(402) профильными фрагментами (включая археологически целые формы) (рис. 7,1-3, 8,5-7). Иногда имеет расположенный напротив ручки сравнительно слабовыраженный слив, на котором в отдельных случаях сохранились отпечатки, оттягивавших и сжимающих его с боков, пальцев. Ручка почти у всех образцов верхним прилепом крепится к венчику. В последнем случае она немного приподнимается над ним, сгибаясь в верхней четверти, нижним прилепом крепится к нижней части плечей тулова. В сравнении с ручками афтоб (см. ниже) ручки кувшинов имеют в сечении несколько другие пропорции – соотношение между их толщиной и шириной меньше, поэтому они выглядят более «толстыми» и менее широкими. По 1 образцу, который удалось собрать до археологически целой формы, определены его размеры: высота общая – 25,1 (до венчика) – 26 (с ручкой над венчиком) см, диаметр тулова макс. – 17,3 см. Диаметр дна (по 3 образцам) – 10,2 см, 10,3 см, 11,4 см. Высота горла (по 5 обр.): – 6,5 см, 7,2 см (2 экз.), 8,0 см, 9,5 см (средняя – 7,7 см). Диаметр венчика (по 5 обр.): – 8 см, 9 см (3 экз.), 10,2 см (средний – 9 см). Диаметр горла (по 4 обр.) – 7,5 см, 8,0 см, 8,3 см, 9,0 см (средний – 8,2 см). Длина ручек по хорде (по 3 обр. – 15 см, 16,5 см, 17 см (средняя – 16,2 см), ширина ручек – 2,4–3,3 см, толщина ручек – 1,6–1,9 см. Углубления от пальцевых вдавлений в основаниях ручек – 1,4x2,5 см, глубина вдавлений – 0,2 см. Толщина стенок – от 0,4 до 1,1 см

На внутренней поверхности тулова (а у некоторых экземпляров и на внешней стороне)

кувшинов хорошо заметно, что они полностью вытягивались на круге, а значит, изготавливались на самых высших этапах функций гончарного круга – 6–7⁵ (рис. 7,1–3,3а, 8,8). Венчик снаружи всегда оформлен полуовальным в сечении валиком. Верхняя часть горла кувшинов, под венчиком, обычно украшалась тремя прямыми горизонтальными врезными линиями. На месте перехода горла в тулово – либо небрежный островерхий валик, либо 2–3 прямые врезные линии. Две такие же линии наносились на нижнюю часть плечей тулова. Место максимального диаметра тулова, как и у афтоб, зачастую выделено неглубоким «мягким» горизонтальным желобком. Весь врезной линейный орнамент нанесен на кувшины на вращающемся круге. Врезные линии на кувшины наносились орудием с плоским узким рабочим концом, очевидно, в виде шпательевидной лопаточки (шириной 0,15–0,25 см). При этом больше вдавливался край «лопаточки» со стороны дна сосуда. Поэтому сечение врезной линии получалось в форме практически прямоугольного треугольника так, что нижняя ее «стенка» была почти отвесной, а верхняя по косой переходила в поверхность черепка. Когда края «лопаточки» были скругленными, тогда «дно» врезной линии получалось округлым. Иногда, нижний прилеп ручки кувшинов оформлен характерным, несколько оттянутым вниз, пальцевым вдавлением.

Происходящий из заполнения обжигательной камеры полный профиль горла со сливом и прилепом ручки к его верхней трети (рис. 7,1), принадлежал, очевидно, кувшину значительно больших размеров, чем вышеописанные (для которых был характерен верхний прилеп ручки к венчику). Его венчик снаружи выполнен в виде уплощенного, утолщающегося к низу (треугольного в сечении) валика. Поверхность горла как изнутри, так и снаружи покрыта хорошо заметными горизонтальными чередующимися валиками и желобками разных размеров – следами вытягивания формовочной массы на круге. Ручка – подовальная в поперечном сечении. По характеру черепка этот кувшин был произведен в той же мастерской, что и вышеописанные и, не смотря на более значительные размеры, по всей видимости, также полностью вытянут на круге.

Как выше уже отмечалось, неполивных *афтоб* в этой мастерской, по собранному в заполнении горна материалу, производилось, по-видимому, больше, чем кувшинов (рис. 7, 9, 10). Они представлены в собранной коллекции 691(855) профильным фрагментом (включая археологически целые формы). Поражает разнообразие их горл, как в части размеров, форм и пропорций, так и оформления. При этом по общему характеру черепка (составу формовочной массы, технике конструирования, оформления и технологии обжига) видно, что они изготовлены в одной и той же мастерской и, возможно, одним и тем же мастером. Среди них: длинные и относительно короткие – а) воронкообразные (рис. 7,8,9,11,13,18,21–23, 9,1–3, 10,1,4), б) почти цилиндрические (рис. 7,4,6,7,12,14–17,19, 9,5,7, 10,5–10), в) вверху воронкообразные, в средней части «раздутые» либо в форме шара, либо в форме эллипса (рис. 7,20, 10,2,3). У всех афтоб горло плавно переходит в тулово. Верхняя часть тулова близка по форме к полушарию (иногда к усеченному конусу с выпуклыми стенками), плавно скругляется в нижнюю усеченно-коническую со слегка выпуклыми стенками часть, относительно резко переходящую в плоское дно. Ручка всегда крепится верхним прилепом к средней или чуть выше средней части горла, а нижним к нижней трети плечей. Делалось это уже после украшения горла и нанесения лощения (когда это имело место). Поперечное сечение ручек, в целом, уплощенно-овальное (рис. 7,4–23). Их толщина, ширина и профилировка несколько различались. Дугообразный изгиб ручки у разных образцов не одинаков. У части афтоб она изогнута в верхней трети почти под прямым углом, у других в виде плавной дуги. Диагонально крепившиеся к средней части плечей усеченно-конические (очень редко – усеченно-конические в верхней части и цилиндрические в нижней) носики отличают сравнительно большие размеры. Верхний край всегда плоско обрезан. Отверстие под носик в плечах тулова протыкалось еще в сыром черепке сразу после вытягивания сосуда на круге, о чем свидетельствует продавленная внутри сосуда формовочная масса (рис. 7,11,12,21,22,24).

⁵Это означает, что вращение круга использовалось для конструирования, профилирования и оформления сосудов (Бобринский, 1978. С. 27).

Обмерено 48 сохранившихся профильных частей афтоб разной степени сохранности. При этом в нашем распоряжении был только один археологически целый экземпляр. Его объем составлял – 3–3,12 л⁶, высота – 28,5 см. По высоте горла можно выделить 5 размерных видов: 1-й – 7 экз. – от 4,8 см до 5,6 см (средняя высота – 5,2 см), 2-й – 6 экз. – 5,8–6,3 см (6 см), 3-й – 13 экз. – 6,5–7,25 см (6,9 см), 4-й – 5 экз. – 7,6–8 см (7,8 см), 5-й – 2 экз. – 8,5 и 8,6 см. По диаметру венчика также 5 видов: 1-й – 5 экз. – 5,6–5,8 см (средний диаметр – 5,7 см), 2-й – 13 экз. – 5,9–6,1 см (из них по 6 см – 10 экз.; средний – 6 см), 3-й – 14 экз. – 6,2–6,4 см (из них по 6,4 см – 7 экз.; средний – 6,3 см), 4-й – 14 экз. – 6,5–6,75 см (из них 10 экз. по 6,5 см; средний – 6,6 см), 5-й – 2 экз. – 6,9 и 7 см. Разница между средними значениями видов составляет 0,3 см. То же число видов и по минимальному диаметру горла – 1-й – 3 экз. – 3,55–3,8 см (средний – 3,7 см), 2-й – 19 экз. – 3,95–4,2 см (4,1 см), 3-й – 20 экз. – 4,3–4,6 см (4,4 см), 4-й – 2 экз. – 4,8 и 5 см (4,9 см), 5-й – 1 экз. – 6,35 см. Максимальный диаметр тулова возможно было измерить только у 6 образцов, имеющих все признаки афтоб; они укладываются в 2 вида: 1-й – 5 экз. – 18–18,4 см (средний – 18,3 см), 2-й – 2 экз. – 19,2 и 19,5 см (19,35 см). Были измерены лекалом также еще 20 крупных фрагментов средних частей тулова с вертикальным полосчатым лощением непосредственно по черепку, принадлежащих кувшинообразным сосудам (скорее всего афтобам). Они также распадаются на 5 видов: 1-й – 4 экз. – 16,5–16,6 см (средний – 16,5 см), 2-й – 4 экз. – 17 см, 3-й – 6 экз. – 18–18,5 см (18,3 см), 4-й – 7 экз. – 19–19,5 см (19,1 см), 5-й – 1 экз. – 20 см. Диаметр дна по 4-м репрезентативным образцам – 10,2 см, 11,1 см, 11,4 см, 11,8 см – это 3 вида: 1-й – 10,2 см, 2-й – 2 экз. – 11,25 см, 3-й – 11,8 см. Длина носика до тулова (по 6 образцам) – 2 вида: 1-й – 2 экз. – 5,5 (верх)–6,8 (низ) см, 2-й – 3 экз. – 6,5–8,2 см. Диаметр верха носика (по 6 образцам) – от 1,3 до 1,6 см, основания – от 3 до 4,3 см. Диаметр отверстия верха носика – 0,6 и 0,8 см. Длина ручек – 12,5 см (1 экз.), 13 см (6 экз.), 13,5 см (8 экз.), 14 см (4 экз.), 14,5 см (2 экз.), 15 см (6 экз.) (средняя – 13,8 см). По 42 образцам: ширина ручек – 2,9–3,5 см, толщина ручек – 1,5–1,95 см. Толщина стенок – от 0,3 до 0,8 см (в среднем, это несколько тоньше, чем у кувшинов)⁷. Углубления от пальцевых вдавлений в основаниях ручек – 1,4x2,5 см, глубина вдавлений – 0,2 см. Таким образом, по тем морфологическим частям, которые представлены десятками экземпляров, по размерам выделяется 5 видов афтоб различного объема.

Афтобы, особенно их горла, декорировались намного разнообразнее кувшинов, с использованием значительно большего спектра технических приемов. Их венчик почти всегда выражен: с внешней стороны оформлен валиком полуовального или подтреугольного сечения. Для украшения горл использовались следующие декоративные элементы: горизонтальные обтекаемые (полуовальные в поперечном сечении) валики (от 2 до 11), резко выделяющиеся высокие валики подтреугольного сечения (по 2, исключая однотипный с ними валик венчика), по 1–2 валика с ритмически повторяющимися вертикально или диагонально размещенными овальными вдавлениями, горизонтальные прямые (опоясывали верхнюю часть горла в виде спирали) и волнистые врезные линии глубиной 0,04–0,12 см, прочерченные на вращающемся круге по сырой глине, пояс овальных вогнуто-выпуклых вдавлений. Самая узкая (нижняя) часть горла традиционно (для афтоб) не украшалась. Почти у всех сосудов в верхней части плечей (в районе перехода горла в тулово) имеется горизонтальный валик. Если поверхность тулова покрыта вертикальным полосчатым лощением, то обычно, именно, этот валик является его верхней границей.

У большинства афтоб место максимального диаметра тулова опоясывает чаще один широкий «мягкий» (края скруглены) желобок, реже два узких. Лицевая сторона ручки либо просто гладкая и выпуклая, либо оформлена примерно посередине, или продольным слабовыраженным обтекаемым валиком, или неглубоким «мягким» желобком. Тыльная часть

⁶Объемы сосудов измерялись с помощью твердых сыпучих материалов (семена пшеницы, ячменя, проса, подсолнуха). Щели при измерениях в склеенных сосудах заделывались пластилином.

⁷Общее наблюдение: от горла к средней части плечей стенки слегка утолщаются на 0,05–0,25 см, а к месту максимального диаметра тулова вновь становятся тоньше, и даже в большей степени, чем в основании горла; к дну они вновь утолщаются.

ручки обычно плоская. В единичных случаях нижний прилеп ручки оформлен оттянутым вниз овальным вдавлением. Если на внешнюю поверхность тулова наносилось полосчатое лощение, то и лицевая сторона ручки и носик (не всегда) также лощились, чего нет на горле. Интересна находка носика, декорированного, в отличие от других, пятью поперечными врезными линиями: двумя – вверху и тремя – у основания (рис. 7,26, 10,11).

Горизонтальные «мягкие» валики, полностью покрывающие высокое воронкообразное горло части афтоб (рис. 7,8,21–23, 9,1,3), образовывались, возможно, при помощи пальца на быстро вращающемся круге. При легком надавливании формировались желобки, а из выдавливаемой при этом формовочной массы обтекаемые валики, которые опоясывали горло в виде спирали от венчика до его нижней части в 10-11 рядов. Примерно по такой же технологии оформлялось горло (меньшей высоты, чем вышеописанное) афтоб с подтреугольным в сечении венчиком и двумя ярко выраженными островерхими валиками, замкнутыми в кольцо (рис. 7,11,13, 9,6, 10,1,4). Расстояние между венчиком и валиками на горле таких афтоб достигало 1,4–1,8 см. Верхняя сторона валиков более крутая, чем нижняя. Расстояние между ними на разных экземплярах колебалось от 0,9 до 2,2 см. Но всегда промежуток между венчиком и верхним валиком был меньше, чем между обоими валиками. Верхний прилеп ручки располагается непосредственно под первым валиком, иногда слегка перекрывая его.

Прямые врезные линии (или горизонтальное рифление) на невысоких, близких по форме к цилиндру, верхних частях горл других афтоб наносились в 4–6 оборотов (в основном 5)⁸ также на вращающемся круге, очевидно, при помощи инструментов (резцов–?) с узким лопаточковидным рабочим концом, незначительно различающимся по ширине (от 0,25 до 0,45 см, преобладает – 0,3 см) и форме (прямоугольный в плане или со скругленными углами⁹). При нанесении врезных линий на поверхность горла мастер держал инструмент, в основном, ровно, но с некоторым наклоном, противоположным вращению круга (рис. 7,4,6, 10,5,10). Иногда нижний край резца он вдавливал сильнее и тогда нижний скат желобка врезной линии становился более крутым, чем верхний, плавно переходящий в межлинейное пространство. Даже на одном отдельно взятом сосуде глубина и ширина линии, как и высота вышеописанных валиков, была различной. Глубина зависела от силы нажатия на инструмент, а ширина как от размеров резца, так от угла его наклона. При этом врезные линии не всегда получались аккуратными и ровными (возможно, из-за плохой отцентровки гончарного круга). Особенно не симметрично выглядит волнистая линия (рис. 7,15-17, 10,6-8). Иногда прямые врезные линии сглаживались так, что выглядели почти как описанные выше валики на высоких воронкообразных горлах.

Диагональные (с наклоном влево) вдавления-насечки на горизонтальных уплощенных валиках делались, по-видимому, путем вдавливания в еще сырую формовочную массу боковой стороны круглого в сечении стержня (рис. 7,16, 10,6–8). Крупные глубокие овальные вдавления на одном из горл афтоб выполнены пальцем (скорее всего большим), от которого в каждом из углублений остались отпечатки (рис. 7,18, 10,7). Сверху и снизу этот пояс обрамляют ряды частых маленьких достаточно глубоких овальных вдавлений, нанесенных диагонально влево по горизонтальным валикам.

В заполнении горна было собрано также 368(555) целых и фрагментов доньев с придонными частями тулова, которые могли принадлежать как кувшинам классической формы, так и афтобам. В статистической таблице 1 в конце работы они учтены как «кувшинообразные сосуды». На их общую сумму с целыми и профильными фрагментами классических кувшинов и афтоб приходится 74,4(74,6)% всей неполивной продукции гончарной мастерской из заполнения горна.

Примерно у 1/5 части кувшинов и 2/5 афтоб внешняя сторона тулова декорирована

⁸Мастер, судя по подавляющему большинству образцов, стремился нанести рифление именно в 5 оборотов врезной линии. Это подтверждается еще и тем, что, вне зависимости от высоты «цилиндрической» верхней части горла, рифление состоит из 5 оборотов врезной линии; различия есть лишь в частоте.

⁹Судя по плавно вогнутому желобку врезной линии, конец резца, которым она была выполнена, был скруглен, хотя, возможно, и не в значительной степени.

полосчатым лощением (рис. 7,7,20-25, 9, 11,4,5). Как было установлено при модельном эксперименте, оно наносилось после врезного орнамента по предварительно смоченной поверхности уже высушенного сосуда или, возможно, по поверхности не полностью высушенного сосуда, что менее вероятно (Перевозчиков В.И., 2012. С. 199–200. Рис. 8,9, 9,2–5). По-видимому, очень часто при смачивании внешней стороны сосуда вода стекала к дну сосуда и он почти всегда, но у разных сосудов в разной степени, прилипал к поверхности, на которой стоял. Чтобы отделить сосуд от последней применялся нож. При этом след от нитки, получавшийся после среза сосуда с круга после стадии формообразования (рис. 13,18), либо становился не четким, либо сохранялся лишь на отдельных участках дна (рис. 11,6). На придонной части тулова отдельных экземпляров также хорошо заметны следы вертикального обрезания излишней формовочной массы гончарным ножом, что делалось, и это хорошо прослеживается по характеру поверхности, до лощения стенок, возможно прямо на круге в конце процедуры формообразования. Особенно наглядно это видно на придонных частях амфор (рис. 12,8).

Третьи по численности профильных фрагментов в ассортименте собранной в заполнении горна неполивной продукции гончарной мастерской – *горшки* – представлены 81(86) профильным фрагментом. Менее трети среди них – это горшки без ручек (рис. 8,2,3,8,9), остальные с ручками (рис. 8,1,2,3.1-7,10). Первые поливой, по-видимому, не покрывались. Вторые, судя по найденным здесь же в горне горшкам такой же формы, но с поливой на внутренней стороне, нанесенной непосредственно по черепку, возможно, являются полуфабрикатами, прошедшими первый (без поливы) обжиг. Горшки без ручек отличается меньшее соотношение размеров диаметра венчика и максимального диаметра тулова и в подавляющем большинстве случаев почти полное отсутствие шейки (горла). Их венчик – массивный, изнутри – плоский. Горловина (шейка), когда она есть, – очень низкая. Полный профиль такого горшка собрать не удалось и можно лишь предполагать, что его тулово имело шарообразную или подъяйцевидную форму.

Горшки с ручками по своим пропорциям несколько отличны от описанных выше. У большинства шейка длиннее (хотя и в разной степени), чем у горшков без ручек, всегда заметно отогнута наружу (разница в диаметрах венчика и основания шейки определяет угол ее наклона) и к верхнему краю (венчику) утолщается. Венчик практически не выражен, обтекаемый, сливается с шейкой; в редких случаях снаружи выделен слабо выраженным валиком. Иногда при профилировании (с использованием специального инструмента) на вращающемся круге на нижней части шейки у гончара получался маленький тонкий островерхий горизонтальный валик. Шейка плавно переходит в крутые длинные почти прямые (или слегка выпуклые) плечи. Стенки от шейки к средней части тулова у большинства горшков становятся заметно тоньше. Ручки отличается значительно большее соотношение между шириной и толщиной, чем у кувшинов и афтоб. Поэтому они выглядят уплощенными (более широкими и тонкими). По аналогии с археологически целым экземпляром поливного горшка из заполнения горна тулово неполивного также могло иметь довольно пропорциональную форму: плечи по высоте примерно равны придонной части в целом подъяйцевидного тулова, которое резко переходит в плоское, срезанное с круга ниткой, дно (рис. 25,1).

Размеры горшков снимались с 15 образцов. Высота горловины (шейки) – от 1,3 до 2,3 см (1,3 см – 1 экз., 1,5 см – 3 экз., 1,6 см, 1,7 см, 1,75 см – по 1 экз., 1,8 см – 3 экз., 1,9 см – 2 экз., 2 см – 2 экз., 2,3 см – 1 экз.); средняя – 1,8 см. Диаметр венчика – от 10 до 15 см (10 см – 2 экз., 11 см, 12 см, 12,4 см – по 1 экз., 13 см – 5 экз., 13,5 см – 1 экз., 14 см – 2 экз., 14,3 см – 1 экз., 15 см – 1 экз.); средний – 12,7 см. Диаметр горловины мин. (в основании) – от 9,5 до 13 см (9,5 см – 3 экз., 10,2 см – 1 экз., 11 см – 3 экз., 11,5 см – 2 экз., 12 см – 1 экз., 12,5 см – 2 экз., 13 см – 2 экз.); средний – 10,9 см. Диаметр тулова макс.: по фрагментам с привязкой к горлу и ручке – 15,5 см, 16 см, 16,5 см, 17 см, 17,5 см, средний – 16,5 см; по 8-ми крупным фрагментам тулова – 14,5 см (2 экз.), 15 см (3 экз.), 15,5 см (1 экз.), 18 см (1 экз.), 19 см (1 экз.), средний – 15,8 см. Длина ручки по хорде порядка 13 см, ширина – 3,4–3,5 см, толщина – 1,2–1,4 см. Толщина венчика – от 0,4 до 0,8 см (из них 0,7 см – 7 экз.), толщина стенки основания горловины–шейки

– 0,6–1,1 см. Толщина стенок тулова – 0,4–0,65 см. Достоверно виды по величине (общим размерам и объему) по имеющимся материалам выделить трудно. Безусловно, они есть, но 2 или 3, не ясно. Далеко не все размеры горшков между собой соотносятся, что свидетельствует об определенной вариативности в пропорциях их морфологических частей и иллюстрирует факт невозможности при ручном вытягивании сосуда на круге изготавливать полностью одинаковые по размерам изделия.

Верхняя часть тулова большей части экземпляров горшков оформлена горизонтальным рифлением (рис. 8,1–4)¹⁰. Оно начиналось либо прямо от шейки, либо после не декорированной полосы под шейкой. В большинстве случаев рифление представляет собой многократно спиралевидно опоясывающие тулово горшка врезные линии. Последние наносились по еще сырой поверхности, по-видимому, инструментом (резцом), рабочий конец которого чаще всего представлял собой узкую лопаточку (иногда с довольно острым краем). В отличие от кувшинов больше вдавливался верхний край лопаточки. В результате, верхняя «стенка» врезной линии обычно получалась почти отвесной, а нижняя, будучи сильно скошена вниз, плавно переходила в межлинейный промежуток. Степень наклона резца и форма рабочей части последнего, судя по характеру рифления, на разных сосудах была различной. Различалась также и форма его рабочего конца. Поэтому поперечное сечение линий было или подтреугольным, или округлым. Значительно реже плечи горшков украшали неглубокие врезные полосы (шириной около 0,6 см), нанесенные частой мелкой 4-6-зубой «гребенкой» через примерно равные промежутки не декорированной поверхности. Рифление на разных сосудах отличается четкостью, глубиной, толщиной и частотой врезных линий. На отдельных экземплярах рифление можно назвать сплошным. В редких случаях поверхность горшков уже после нанесения рифления подвергалась заглаживанию и тогда резкость и четкость врезных линий отчасти «смазывалась», а промежутки между ними начинали выглядеть как слабовыпуклые обтекаемые валики, чередующиеся с «мягкими» желобками.

Другая группа сосудов не ясной формы, названные в статистической таблице «толстостенными» сосудах закрытой формы представлена 16(21) фрагментами дна с придонной частью тулова (Перевозчиков, 2017. С. 172, 191. Рис. 4,6). По проведенным замерам максимальный диаметр их тулова был примерно 33 см, толщина стенок – от 0,82 до 1,3 см. По имеющимся в нашем распоряжении фрагментам нижних частей этих сосудов мы ничего не можем сказать о характере их декорирования.

Особо следует остановиться на маломерных *амфорах* (рис.12,2-9, 13,1-11,13,14). Наряду с продукцией азакских гончаров первой группы в заполнении горна собрано 165(173) профильных фрагментов амфор с черепком схожим по структуре и составу с другой бракованной (некондиционной) продукцией мастерской (см. табл. 2). Замер лекалом крупных фрагментов их тулова показал, что они имели разный объем. По этому показателю выделяется 3 вида амфор: с максимальным диаметром тулова 24–25 см, 27–30,5 см и 36 см. На фотографиях достаточно выразительно видна технология изготовления амфор: следы вытягивания сосудов на круге, как на внешней (рис. 12,2,6), так и на внутренней (рис. 12,3,8) стороне стенок, место соединения изготовленного отдельно горла с верхней частью тулова (рис. 12,7), обрезание ножом лишней формовочной массы с придонной части тулова для придания первоначально плоскому дну скругленной формы (рис. 12,8, 13,10,11,14). Вначале амфора делалась плоскодонной (по технологии изготовления кувшинов), при этом нижняя часть специально оставлялась массивной (толстостенной); затем придонную часть тулова и дно обстругивали гончарным ножом, делая ее круглодонной (рис. 12,9). Но не всегда для этого хватало толщины стенок и дна; в таких случаях середина дна так и оставалась плоской (рис. 12,8). Такая технология производства амфор свидетельствует о подражательстве внешнему виду импортных образцов.

Столовая неполивная посуда открытой формы представлена традиционными, в частности для поливной керамики второй азакской группы, формами изделий – чашами с

¹⁰Есть единичные экземпляры и с гладкими стенками (рис. 8,1,3,3.6).

полусферическим туловом (пиалами), чашами с вертикальным бортиком (мисками) и чашами с диагонально отогнутым наружу бортиком (тарелками)¹¹. Первые – *пиалы* – двух подтипов: средние – представлены лишь одним образцом дна с придонной частью тулова (рис. 14,7) и малые – 13(27) профильных фрагментов (рис. 13,24, 14,4,8,9). Для них характерны: невыраженный, сливающийся с полусферическим туловом, венчик и аккуратный почти цилиндрический кольцевой поддон. Маленькие пиалы имеют объем (по 3-м образцам) – 0,18 л, 0,19 л, 0,195 л, высоту (по 4-м обр.) – 5,3 см, 5,4 см, 5,2 см – 2 экз. (средняя – 5,3 см), диаметр венчика – 10,2 см, 10,3 см, 10,6 см, 10,5 см (средний – 10,4 см), «диаметр» поддона – 3,7(верх)–4(основание) см, 4,35–4,4 см, 3,95–4,1 см, 4,1–4,3 см (средний – 4–4,2 см), высота поддона – 1,1 см, 0,9 см, 1,05 см, 1,1 см (средняя – 1 см), глубина чаши – 3,3 см, 3,6 см, 3,45 см, 3,5 см – соответственно (средняя – 3,5 см). Можно констатировать, что по отдельным позициям размеры морфологических частей между собой согласуются, но далеко не всегда. Зато всегда наблюдается прямая зависимость между объемом и диаметром венчика (чем больше диаметр, тем больше объем).

Фрагментов *мисок* собрано примерно в 3–4 раза больше – 36(87) профильных фрагментов. Визуально по величине и форме они очень похожи (рис. 13,30–39,42,43, 14,2,3,5,6). Для них характерен обтекаемый слегка отогнутый наружу венчик, иногда профилированный снаружи валиком, практически вертикальный бортик, усеченно-коническое тулово, и заметно расширяющийся к основанию кольцевой поддон. Обмеры трех археологически целых экземпляров дали следующие результаты: объем – 0,75 л, 0,95 л, 1,0 л (средний – 0,9 л), высота – 8,2 см, 8,6 см, 8,2 см (средняя – 8,3 см), диаметр венчика – 17 см, 18 см, 19,5 см (средний – 18,2 см), высота бортика – 2,3 см, 3 см, 2,9 см (средняя – 2,7 см), диаметр тулова макс. – 16,6 см, 17 см, 19 см (средний – 17,5 см), «диаметр» поддона – 6–6,5 см (верх-низ), 6,2–6,6 см, 6,65–7,15 см (средний – 6,3–6,7 см), высота поддона – 1,5 см, 1,4 см, 1,3 см (средний – 1,4 см), глубина чаши – 5,1 см, 6 см, 5,6 см (средняя – 5,6 см). По приведенным размерам хорошо заметна прямая связь объема с диаметром венчика и максимальным диаметром тулова и даже с диаметром поддона. Исходя из приведенных цифр, можно предположить, что мастерская производила два вида мисок, различающихся в основном величиной (с разницей в объеме не более 0,25 л).

Тарелки представлены всего одним фрагментом бортика с частью венчика и тулова (рис. 13,44). Венчик и место перехода бортика в тулово выделены подтреугольными в сечении валиками.

10(13) фрагментов дна на кольцевом поддоне с придонной частью тулова сосудов открытой формы отнести к той или иной из вышеназванных форм достоверно не представляется возможным.

В коллекции имеется также фрагмент маленькой, довольно грубо сработанной, толстостенной чашечки типа современной *солонки*, с плоским венчиком, почти вертикальным бортиком, скругляющимся в придонную часть не сохранившегося дна (рис. 11,1.2). Ее высота – ок. 2,6 см, диаметр венчика – ок. 7 см, толщина венчика – 0,85–1 см, толщина стенки придонной части тулова – 1,3 см.

Очень большие *тазообразные чаши* хозяйственного назначения были выделены по фрагментам венчиков с частями тулова (рис. 13,23,26,45–49). По дошедшим до нас 8(8) фрагментам точно восстановить форму их тулова невозможно. Но диаметры их венчика, определенные при помощи лекала, были значительными: ок. 29 см, 37 см (2 экз.). О внушительных размерах говорит и толщина их стенок – 0,8–1,4 см. По рисункам видно, что не только по диаметру, но и по наклону стенок, и по форме венчика они отличаются. У одного экземпляра венчик снаружи был выполнен в виде ярко выраженного полуовального в сечении валика, у другого этот валик подтреугольный, у третьего вообще пара маленьких валиков. Дно у этих изделий, очевидно, было плоским.

¹¹Возможно, мы имеем дело с полуфабрикатами, прошедшими первый обжиг, но без белой ангобной подгрунтовки. Судя по материалам из бытовых комплексов золотоордынского Азака, такая керамика открытой формы с поливой, нанесенной на «голый» черепок, гончарами второй группы достоверно производилась.

Другие сосуды хозяйственного назначения – *большие глубокие чаши* – представлены всего двумя фрагментами венчика с частью бортика и тулова (реконструкцию верхней части см. на рис. 13,25). Дно, очевидно, было плоским.

Поверхности почти всех сосудов открытой формы тщательно заглаживались и поэтому в основной своей массе не имеют следов техники их изготовления. Но без сомнения, по целому ряду косвенных признаков, они соответствовали высшим этапам РФК. Следы кругового вращения заметны на тулове некоторых образцов мисок (рис. 14,5).

Керамика специального назначения представлена как предметами домашнего обихода («туваки», копилки, светильники), так и изделиями хозяйственно–производственного назначения («кубуры», «кальпы», «сари», «сепай»).

Собрано 43(49) профильных фрагмента неполивных *туваков*. Они диагностировались не только по верхним частям, но и по дну с придонной частью тулова (рис. 13,19-22, 14,1). Ни одного целого собрать не удалось. Бортик туваков – средней (для этого типа сосудов) ширины, плоский, диагонально скошенный внутрь, сравнительно плавно переходит в короткие крутые покатые плечи. Внешний край (венчик) бортика плоский, у отдельных экземпляров остались не заглаженными горизонтальные бороздки, получающиеся при обработке поверхности сосуда гончарным ножом на вращающемся круге. На его нижнем крае заметно выступающий, а иногда и выразительно «нависающий», чаще треугольный, реже полуовальный в сечении маленький валик. Но на значительной части экземпляров край венчика выглядит обтекаемым. Нижняя тыльная сторона бортика после завершения этапа профилирования сосуда специальному заглаживанию, в отличие от лицевой верхней стороны, видимо, не подвергалась. Точную высоту туваков установить не удалось. По обмерам 11 образцов (в т.ч. с помощью лекала): диаметр бортика (по краю венчика) – от 14 до 16 см (14 см – 1 экз., 14,5 см – 1, 15 см – 5, 15,5 см – 2, 16 см – 2; преобладает – 15,0-15,5 см – 7 экз.), ширина бортика – от 3,1 до 3,6 см, толщина венчика (края бортика) – от 0,7 до 1,05 см, толщина бортика – от 0,6 до 0,85 см, диаметр тулова непосредственно под бортиком (по 4 образцам) – от 10 до 11 см, максимальный диаметр тулова (по единичному фрагменту) – ок. 11,0 см, диаметр дна (2 обр.) – 6,1 и 6,5 см. Как показали замеры стенок: бортик к краю (венчику) утолщается в среднем до 0,6–0,8 см, стенки же тулова от бортика к средней части становятся тоньше от 0,7–0,8 см до 0,4–0,5 см, а затем к придонной части снова начинают утолщаться до 1,1 см. Фиксируется достаточно четкая взаимозависимость: увеличение общих размеров (объема) тувака соответствует пропорциональному изменению размеров всех его морфологических частей.

Несколько большим количеством профильных фрагментов представлены *копилки* – 40(59). Целиком ни одну копилку собрать не удалось. Но по сохранившимся частям форма этого специфического сосуда реконструируется полностью (рис. 11,1.3-5,2,3). Она достаточно консервативна у всех групп азакской керамики: верхняя часть тулова с прорезью для опускания монет почти сферическая, плавно скругляющаяся в нижнюю (придонную) – усеченно-коническую. Стенки копилки к дну обычно заметно утолщаются. Дно – маленького диаметра, различной толщины, плоское, снаружи посередине иногда имеет круглое углубление¹². В высоту копилки достигали, по-видимому, 6,5–8 см, диаметр тулова макс. (по 8 образцам) – 8,5–9 см, диаметр дна – 3,3–4,3 см (3,3–3,8 см – 9 экз.; 4–4,3 см – 8 экз.), толщина стенок – от 0,3 см (вверху) и до 1,2 см (в придонной части тулова). На внутренней стороне стенок (особенно нижней части сосуда) имеются хорошо выраженные следы вытягивания на круге. На внешней стороне следы вытягивания на круге фиксируются лишь у части экземпляров. У других стенки, очевидно, заглажены на круге сразу после формообразования, что хорошо заметно по фактуре поверхности черепка. На внутренней стороне придонной части тулова у отдельных экземпляров фиксируются группы располагающихся по кругу трещинок, получившихся, возможно, еще на стадии профилирования, из-за массивности верхней части тулова (при малом диаметре дна), работающей на оседание формовочной массы и излом, когда рука мастера оказывала определенное давление на верхнюю часть сосуда при замыкании сферы вверху и сглаживании

¹²Именно благодаря своему маленькому дну копилки достоверно вычлняются в общей массе керамического материала при статистических подсчетах.

на вращающемся круге¹³ (рис. 11,2,3). На внешней стороне подавляющего большинства дна копилек фиксируется характерный след от среза сосуда с круга nitкой.

Светильники представлены всего 2(3) профильными фрагментами (рис. 11,1,1). Реконструируемые размеры: высота – ок. 5,5 см, слив-литок – 2,5x2,5 см, толщина стенок – от 0,3 см (венчик) до 0,75 см (придонная часть тулова).

Образцов **труб-кубуров** найдено в заполнения гончарного горна также очень мало – всего 5(5) профильных фрагментов (рис. 12,1, 13,27-29). Все, кроме одного, найдены в топке. Черепок четырех из них из-за пребывания в восстановительной среде имеет серый цвет. Диаметры их тулова (основного тела) очень близки – от 10 до 12 см. Диаметр муфты (шейки) от «венчика» (по одному образцу – 9 см) к основанию постепенно увеличивается примерно на 1 см. Диаметр нижней части муфты по 5 образцам – ок. 10 см – 1 экз., ок. 11 см – 3 экз., ок. 11,5 см – 1 экз., ок. 12 см – 1 экз.). Таким образом, диаметр основания муфты равнялся диаметру тулова. А диаметр устья втульчатой части трубы (по 1 обр.) достигал ок. 13,5 см, т.е. был значительно больше диаметра ее тулова (на имеющемся образце на 2,5 см), что логично вытекает из технологии соединения кубуров между собой. Улавливается также зависимость между диаметром и шириной стыковочного валика – упора муфты (диаметр упора по 3 обр. – ок. 13,5 см – 2 экз., ок. 15 см – 1 экз.; ширина (высота) упора – 1,15 см, 1,4 см, 1,5 см; толщина упора – 0,75–1 см – 1 экз., 0,9–1,3 см – 2 экз.) и диаметрами тулова и муфты трубы: чем больше последний, тем больше первый. Но эта зависимость не прямо пропорциональная. У одних образцов она проявляется больше, у других меньше. Длина муфты у разных образцов различная (от 3,7 до 4,2 см). Общую длину кубуров по сохранившимся фрагментам установить не удалось. Толщина стенок в целом – от 0,63 до 1,7 см. Стенки тулова к устью втульчатой части трубы утолщаются (почти на 1 см). Несколько утолщаются и стенки муфты к ее «венчику» (на 0,06–0,25 см), а иногда и к упору (на 0,26 см), но чаще стенки шейки все же к упору постепенно становятся тоньше.

Венчик муфты (шейки) у кубуров не выражен. Другое дело стыковочный валик-упор («воротничок») – сильно выступает над поверхностью трубы, полуовальный в поперечном сечении, его вершина выпуклая. Стыковочная сторона «воротничка» у одного экземпляра плоская, перпендикулярная муфте, резко переходит в последнюю. У двух других экземпляров она слегка скошена к муфте под тупым углом, переход – скруглен. Сторона упора, прилегающая к тулову, практически перпендикулярна последнему (переход – плавный). Фактура внутренней стороны изделий свидетельствует о том, что все собранные в горне образцы полностью вытягивались на гончарном круге. Внешняя сторона труб затиралась так, что следов вытягивания на последнем почти не оставалось.

В рассматриваемом комплексе впервые по-настоящему убедительно представлены **кальпы** – керамические матрицы для изготовления сосудов в технике пластического формования ручным оттиском в форме¹⁴ – 7(25) фрагментов (рис. 22–24). Первые известные нам находки фрагментов таких изделий в г. Азове происходят из спасательных археологических работ старшего научного сотрудника Азовского краеведческого музея Н.М. Фомичева в котловане под дом быта «Юбилейный» по ул. Чехова в 1975 году (Перевозчиков В.И., 1993.С. 216–217.Рис. 12,9,9А). Эти изделия ученым, занимающимся археологией Средней Азии, были известны уже давно (Лунина С.Б., 1962.С. 285–298). Найденные, например, при раскопках Мерва датируются XII в. Есть их находки и на основной территории Золотой Орды (Хованская О.С., 1954.С. 353; Полевой Л.Л., 1969.С. 130.Табл. XXVI,6).

В нашем распоряжении оказалось два археологически целых кальпы, восемь представлены фрагментами разной величины. По форме тулова они разделяются на два вида: пиалообразные – с полусферическим туловом (рис. 22,2,3,5, 23,1,3, 24,1) и мискообразные – с вертикальным бортиком, плавно скругляющимся в тулово, имевшее форму либо сегмента шара,

¹³В силу специфической (полностью закрытой) формы этого сосуда после формообразования мастер уже ничего исправить не мог. При использовании копилки по ее прямому назначению этот недостаток практически не имел никакого значения.

¹⁴Эта техника широко применялась до недавнего времени для изготовления изразцов (Лукич, 1979. С. 148–149).

либо перевернутого усеченного конуса с широким основанием и слегка выпуклыми стенками (рис. 22,1, 23,2,2а). Тело калыпа перед нанесением на него врезного орнамента вытягивалось на круге, о чем свидетельствуют характерные следы как на его внешней, так и на внутренней сторонах. Круг использовался также при нанесении врезных окружностей разной глубины и толщины для деления орнаментального поля на пояса. Верхний край венчика почти у всех экземпляров плоский. Как и поливные чаши, калыпы имеют поддоны. Последние дошли до нас в двух экземплярах. Один хорошо заглажен, поверхность его основания почти обтекаемая (рис. 22,5, 24,1). Внешняя сторона второго профилирована двумя маленькими горизонтальными валиками, основание совершенно плоское с острыми краями (следы небрежной обрезки ножом, без последующего заглаживания); на нижней стороне дна (внутри поддона) спиралевидный валик – след круговой техники (рис. 22,3, 23,1).

Были проведены обмеры имеющихся в нашем распоряжении частей калыпов. Вместимость одного из пиалообразных составил 1,1 л (рис. 24,1). Это значит, что объем тулова сосуда закрытой формы, который можно было изготовить с применением данного калыпа из двух частей-половинок, за вычетом толщины стенок, мог быть примерно 2 л. Высота двух археологически целых калыпов – 9,8 см и 11,5 см. Глубина чаши 7,1 см и 9 см соответственно. Высота бортика мискообразного калыпа – ок. 2,4 см. Диаметр венчика у 5 образцов – 18,7 см, 19 см, 20 см, 22(2 экз.) см (3 из них определялись с помощью лекал). Ширина верхнего края (толщина) венчика – 0,9 см, 0,95 см, 1,2 см, 1,1 см, 1 см соответственно. Толщина стенок у разных экземпляров колеблется в пределах от 0,7 до 1,8 см. Таким образом, стандартными (по величине) эти калыпы не являются, что, впрочем, и невозможно при использовании гончарного круга. Люфт между крайними значениями достаточно большой. Исходя из представленной здесь метрики, вполне правомерно будет предположить существование двух основных размерных видов, по крайней мере, пиалообразных калыпов.

Калыпы использовались для изготовления полусфер тулова поливных кувшинов с узким горлом и подангобным подглазурным штампованным рельефным орнаментом, известных, как по импортным образцам (Белинский, Масловский, 1998. Рис. 16,4,5; Ларенок, 2000. Рис. 1,8–10), так и по находкам местной продукции подобного рода из культурного слоя Азака XIV в. (Белинский, Масловский, 1998. Рис. 10,15; Перевозчиков, 2006А. Рис. 207,4). Среди местной керамики известен также образец (совершенно целое тулово на высоком рюмковидном поддоне, без ручки и горла) со штампованным рельефным орнаментом без ангоба и поливы (Перевозчиков, 2006А. Рис. 193,16). Для оттиска в калыпах половин (полусфер) тулова консистенция формовочной массы должна была быть примерно такая же, как и при скульптурной лепке сосудов (т.е. значительно гуще, чем для вытягивания сосудов на гончарном круге, схожая по вязкости и пластичности с современным скульптурным пластилином) (Перевозчиков, 2012. С. 197–198)¹⁵.

Вторые, низкие, мискообразные калыпы, судя по их профилю, вероятно, применялись для изготовления частей тулова небольших керамических фляг – своеобразных подражаний импортным сероглиняным флягам со штампованным рельефным орнаментом (Перевозчиков, 1996. С. 71. Рис. 5,13,14; Ларенок, 2000. С. 51. Рис. 1,12,13). По хранящимся в фондах Азовского музея-заповедника археологическим материалам из бытовых комплексов Азака аналогичные фляги местного производства пока не известны. Как, впрочем, не известны пока в бытовых комплексах и местные сосуды со сферическим туловом со штампованным рельефным орнаментом, полностью повторяющих в позитиве композицию и орнаментальные мотивы, имеющиеся в негативе на калыпах из горна по ул. Г. Известия, 57 (кроме тех фрагментов кувшинов-полуфабрикатов с белым ангобом без поливы, которые происходят из заполнения

¹⁵В этой связи нельзя согласиться с утверждением И.В. Волкова, что «... заготовку первоначально вытягивали на круге ...». В той же статье, характеризуя маджарскую штампованную керамику, он констатирует, противореча самому себе: «... на внутренней стороне основной емкости не найдется следов вытягивания, а будут лишь вмятины от надавливания рукой.» (Волков, 2016. С.179, 182). Кроме того, среди артефактов из Азака, есть образцы такой керамики, у которых стенки полусфер тулова в разных частях, но на одном уровне, имеют разную толщину, что при вытягивании на круге невозможно.

этого же горна; будут описаны ниже).

Изготовление калыпа для мастера-керамиста не было самоцелью. Это изделие в его работе играло роль орудия труда, при помощи которого он не только изготовлял форму тулова будущего сосуда, но и одновременно декорировал его внешнюю поверхность. Врезной декор на внутренней стороне калыпов имел функциональное назначение. Контррельеф (врезной орнамент) на внутренней стороне калыпов, как полусферических (пиалообразных), так и в форме чаш с вертикальным бортиком, набирался, в основном, при помощи маленьких хорошо проработанных штампов с довольно мелкими деталями (рис. 22,2,3,5, 23,1,2,2а, 24). По сведениям Е.М. Пещеревой, в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. подобные штампы изготовляли из маленьких несъедобных «тыквочек-ковок», и даже из репы и моркови (Пещерева, 1959. С. 226), т.е. из органических материалов. Может поэтому ни одного такого штампа (пусть бракованного или изношенного) в заполнении горна найдено не было.

Из-за того, что поверхность рельефного штампа была, по-видимому, горизонтальной, его вдавления на вогнутых поверхностях полусферических форм иногда получались не равномерной глубины (один край изображения часто вдавлен излишне глубоко, другой вообще почти не отпечатался). Не всегда мастеру удавалось также строго соблюсти правильное расположение орнаментального мотива в композициях. На штампах в позитиве были вырезаны следующие зооморфные, растительные и геометрические мотивы: 2 вида птиц, розетка, солярный знак, 6-ти конечная звезда («Давида») с точкой посередине и 5-ти угольник, сплошь заполненный рельефными точками.

Изображение одной из птиц встречается на дошедших до нас калыпах чаще других и представляет собой довольно реалистично выполненное изображение сидящей птички с большим хвостом в форме фигурного трилистника (рис. 22,5, 23,2,2а, 24,1). Во всех случаях птица размещена правым боком к зрителю (на изделии в рельефе будет наоборот – левым боком). Кроме хвоста у нее четко проработаны: круглая голова с глазом и клювом, шея выделена «воротничком», крылья сложены на спине, на короткой лапке выделено два пальца. Это многократно повторяющееся изображение размещено изнутри на тулове обоих типов калыпов по окружности в 1–2 ряда. В одних случаях этот орнаментальный мотив единственный, в других он сочетается с птичками другого вида или с розетками. Ориентация птичек различна: ногами к дну – спиной к венчику калыпа, грудью к дну – хвостом к венчику, грудью к венчику – хвостом к дну. Пиалообразный калып, сплошь покрытый только такими птичками, служил, судя по их ориентации, формой для нижней полусферы тулова будущего сосуда.

Птица второго вида (рис. 22,2), обращенная на калыпе к зрителю другим, левым, боком, выглядит несколько более схематично (при первом взгляде напоминает стилизованное изображение дракончика). Клюв сливается с продолговатой головой, на затылке которой маленький вертикальный завиток, имитирующий, очевидно, хохолок. Глаза никак не выделены. Несколькими линиями подчеркнуты сложенные на спине крылья. Птица стоит на двух коротких неодинаковых лапках с двумя пальцами. Хвост большой, в виде длинного фигурного отростка, напоминающего волнообразно изогнутый растительный побег с двумя стилизованными листьями. Описанное изображение встречается только на одном образце и размещено оно лишь в первом верхнем ряду головой к дну, а хвостом к венчику калыпа. Второй ряд составляет вышеописанный вид птичек, размещенных спиной к дну. Один из фрагментов тулова сосуда-полуфабриката (с ангобом, но еще без поливы) оттиснут, по-видимому, именно в этом калыпе (рис. 21,4).

Вторая группа наборных орнаментальных композиций представлена поясами розеток (рис. 22,3, 23,1,2,2а). Наиболее крупная – рельефное четырехлепестковое соцветие с лучеобразными отростками. В центре соцветия – маленькая окружность. Лепестки – это четыре, размещенные по периметру, не касающиеся друг друга С-образные полумесяцы-полукольца, ориентированные дугой от центра. Радиально размещенные между лепестками и не касающиеся их, 4 лучика имеют форму каплевидных фигур острым концом наружу. Данная розетка встречается на двух калыпах: в одном случае в сочетании с вышеописанным первым видом

птичек, в другом – с широким поясом диагонально-ромбической сетки и узким поясом многократно повторяющегося солярного знака, символизирующего солнцеворот. Последний представляет собой два совмещенных крест-накрест «S»-образных элемента, образующих фигуру, в общем виде напоминающую свастику с дугообразными концами. В пространство между последними вписано по одному маленькому кружочку или овалу, логично дополняющими композицию.

Другой мотив – широкий верхний пояс в виде диагонально-ромбической сетки – представлен двумя образцами (рис. 22,3,4, 23,1). Сетка прочерчена вручную по сырой глине, о чем свидетельствует фактура врезной линии, а также хорошо заметное наложение линий друг на друга (линии с наклоном вправо пересекают линии с наклоном влево, т. е. сначала наносились последние, затем первые). Это хорошо видно по ориентации мельчайших бороздок формовочной массы и прерыванию бороздок врезных линий с левым наклоном бороздками линий с правым наклоном. Врезная линия – глубокая, «толстая», часто разной длины; выполнена предметом с тупым выпуклым обтекаемым рабочим концом через не всегда одинаковые промежутки и нередко слегка дугообразно (из-за вогнутой поверхности калыпа); в итоге образуемая ею диагонально-ромбическая сетка выглядит асимметричной (с ячейками разного размера и формы).

Использование техники гравировки тонкой линией по сырой глине для нанесения контррельефа на внутреннюю поверхность другого образца (с радиальным секторным орнаментом) вообще не вызывает никаких сомнений (рис. 23,3). По краям сравнительно тонкой врезной, визуально воспринимаемой как ломаная, линии имеются «наросты» выдавленной при ее прочерчивании формовочной массы. Линия – глубокая, часто не очень ровная, наносилась по сырой глине тонким относительно острым предметом, составлена из рядов V-образных острых углов, обращенных вершиной вниз. При этом последние в большинстве случаев концами своих лучей не смыкаются. Поэтому скорее можно говорить об эффекте ломаной линии и то в «позитиве», который, не смотря на общую грубость врезной линии «негатива», на опытном образце получился достаточно выразительным.

На другом образце, дошедшем до нас в виде фрагмента тулова, сохранились части двух орнаментальных поясов с эпиграфическим орнаментом (рис. 22,1). Верхний пояс – широкий, нижний – узкий. Стилизованные арабские буквы выполнены толстой линией, гладкая поверхность которой свидетельствует о том, что буквы не прочерчены, а выдавлены. Фон поясов сплошь заполнен врезными точками, которые в позитиве (в рельефе) очень эффектно оттеняют основной рельефный эпиграфический орнамент. Общее впечатление от описанного образца: края линии букв недостаточно четкие, различной «толщины» и глубины, точки выглядят довольно небрежно и «обтекаемо». Вероятнее всего, что данный образец является частью калыпа, изготовленного в технике оттиска с «оригинала».

По данным этнографии, орнамент на калыпах резали или наносили сами гончары (Пещерева, 1959. С. 205), являясь, таким образом, авторами орнаментальных схем и композиций. Для наглядности в рамках модельного эксперимента почти со всех калыпов были сняты глиняные оттиски (Перевозчиков, 2012. С. 197–198. Рис. 7,9–12). Эксперимент показал, что керамическая матрица-штамп (калып) активно вбирает в себя воду, а слегка подсохшая и давшая усадку, формовочная масса, не приликая, очень хорошо отделяется от поверхности калыпа, не меняя при этом своей формы и получившейся рельефной орнаментации. Как видно по иллюстрациям, рельефный орнамент на экспериментальных оттисках получился достаточно четким и выразительным (рис. 22,1, 23, 24).

Пожалуй, впервые в Азове, в рассматриваемом гончарном комплексе были найдены образцы нижних подставок под стопу поливных чаш (при их обжиге в горне), так называемых *сары* (Пещерева, 1959. С. 200–201)¹⁶. Части двух из них происходят из заполнения обжигательной камеры, третьей – из обжигательной и из топочной камер, четвертой – из топочной. Сары по форме напоминают «классический», перевернутый вверх дном, глиняный

¹⁶Известны подобные изделия также в материалах раскопок гончарных комплексов на античных памятниках Украины (Лейпунская, 1986. С. 174. Рис. 1–3).

цветочный горшок, но без дна (рис. 6,1–10). Таким образом, это изделие имеет форму усеченного конуса с широким устойчивым основанием. Отношение высоты к диаметру основания практически у всех примерно 2:3. Весь цикл формообразования изделия проходил на гончарном круге, о чем свидетельствуют, имеющиеся на поверхности, характерные следы движения формовочной массы, техника заглаживания поверхности и ярко выраженные характерные бороздки от среза с круга ниткой на верхней (по рабочему использованию) части сари. Следовательно, при вытягивании на круге последняя стояла узкой частью вниз. Местами на поверхности черепка имеются зафиксированные обжигом отпечатки пальцев мастера (появились на изделии, когда оно снималось с круга). В нормальном функциональном положении стенки сари у самого основания начинают резко утолщаться, образуя с лицевой стороны валикообразный выступ, придающий сари дополнительную устойчивость. Размеры: высота (по 3-м образцам) – 6,9 см, 8 см, 9,8 см, диаметр верха (по 3-м обр.) – 6,9 см, 6 см, 9,4 см соответственно, диаметр основания (по 4-м) – 11 см, 12 см, 14,2 см, 11 см, толщина стенки основания – 1,3 см, 1 см, 1,8 см, 1 см, толщина стенок мин. – 0,75 см, 0,65 см, 0,85 см, 0,6 см. Для сравнения: сари из Гыдждувана (Средняя Азия) имели высоту от 6 до 10 см, диаметр верха от 5 до 8 см, диаметр основания до 10 см (Пещерева Е.М., 1959. С. 201).

По этнографическим данным, сари устанавливалась на поде или полках обжигательной камеры. Сверху на кусочках влажной глины укреплялась выступами вверх разделительная трехпалая подставка – «сепая», следы от которой хорошо прослеживаются на наших образцах (рис. 6,5–7). В статье Г.А. Федорова-Давыдова и Н.М. Булатова помещена фотография сари с прилипшей к ее верхней части трехпалой сепай выступами-«шипами» вверх, найденная на Селитренном городище (Федоров–Давыдов, Булатов, 1989. Рис. 35,2). Затем на сепай вверх дном укладывалась поливная чаша. На поддон последней устанавливалась следующая сепая, а на нее вновь чаша и т.д., пока стопа не достигнет оптимальной для конкретной обжигательной камеры высоты. В зависимости от видов посуды, по данным Е.М. Пещеревой, использовались сари разной величины. Так, для блюд и тарелок более крупные¹⁷ (прежде всего в диаметре), чем для обжига пиал. Как видно из приведенной выше метрики, найденные в горне сари по величине заметно отличаются. Самая большая происходит из топки (рис. 6,4–7). Ее высота, диаметр основания и «рабочей поверхности» (т.е. верха) даже превосходят размеры самых больших сари из Гыдждувана (Пещерева, 1959. С. 201). По иллюстрациям хорошо видно, что найденные в азербайджанском горне сари применялись по своему прямому назначению. На них имеются следы натеков белого ангоба и зеленой поливы, а также места откола сепай. Интересно, что у «сари» из Селитренного городища в боковых стенках, примерно посередине, имелись отверстия. По-видимому, именно по этой причине авторы раскопок сделали вывод о том, что эти приспособления ставились «... на продухи пода обжигательной камеры и служили для направления в нужную сторону потока горячего воздуха» (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 231).

Имеющие широкое распространение в средние века в центрах производства поливной керамики трехпалые разделители поливных чаш при обжиге, так называемые *сепай*, были найдены в достаточно большом количестве как в обжигательной камере, так и в топке горна по улице Газеты Известия, 57 (рис. 4,3–7, 5,1–5). Из обжигательной камеры происходят 4 целых сепай и 19(21) фрагментов, из топочной – 3 целых и 16 фрагментов, а склеившиеся во время реставрации фрагменты одной обнаружены в обеих камерах. На концах большинства экземпляров – натек поливы и следы белого ангоба, у отдельных экземпляров полива покрывает всю верхнюю поверхность сепай (рис. 4,3,4, 5,1); на основании нескольких – следы отколов от поддонов нижестоящих поливных чаш (рис. 4,6,7). Сепай по технологии являются обязательными приспособлениями при обжиге поливных чаш. Почти все, собранные в заполнении горна, – бывшие в употреблении неоднократно. Выступы («шипы») у некоторых сепай полностью утрачены (при откалывании от поливных чаш после обжига), т.е. подставка-разделитель уже не могла выполнять свою функцию при обжиге и была выброшена в мусорную

¹⁷Это должно было коррелироваться и на сепай.

яму, роль которой и выполнял какой-то период наш гончарный горн.

подавляющая часть сепай традиционной формы – с брусковидными «лучами» и подконусовидными или подпирамидальными выступами-шипами на концах, на противоположной основанию изделия стороне. Сепай имеют подполуовальные или подполуокруглые в поперечном сечении лучи, в большинстве случаев округлое углубление в центре (очевидно, от пальцевого вдавления) и плоское основание. Особый интерес представляет впервые найденная в Азове острореберная сепая (рис. 4,4,5, 5,3). Она представлена одной целой формой из топки и тремя фрагментами трех других, происходящих, как из топки, так и из обжигательной камеры. У нее вместо выступов-шипов от середины к концам лучей проходит сплошное ребро, что делает поперечное сечение «луча» сепай треугольным. На основании целого образца этой формы сепай хорошо видны отпечатки грубой ткани, на которую, очевидно, изделие выложили для сушки сразу после изготовления (рис. 4,5, 5,3). На основании другой сепай (традиционной формы) по уже обожженному черепку процарапана диагонально-ромбическая сетка неправильной формы (рис. 5,4). Среди других выделяются два экземпляра (найжены в топке), полностью покрытые белым ангобом (рис. 4,4). Натекшая на сепай с обжигаемых чаш полива имеет зеленый (преобладает), светло-зеленый (салатный) и в трех случаях желто-коричневый (оливковый) цвет (рис. 4,3,4).

Сепай отличаются друг от друга своими размерами. Последние снимались с 43 образцов: общие параметры по концам лучей – от 7,1x7,1x7,1 см до 10,7x10,8x10,1 см, расстояние между вершинами выступов на концах – от 6x6x6 до 7,4x7,4x7,4 см, длина лучей от центра сепай – от 2,1 до 6,8 см (преобладает – 4,0–4,5 см), ширина лучей – от 1,65 до 2,1 см (преобладает – 1,8–2,0 см), высота без выступов-шипов макс. – 1,55–2,1 см (преобладает – 1,8–2,0), высота с выступами – 1,8–2,7 см (средняя – 2,2 см)¹⁸. Такое разнообразие размеров и асимметричность большинства сепай (ширина, высота и длина лучей одной и той же сепай нередко различается на 0,1–0,7 см), как и фактура их поверхности, свидетельствуют о том, что они изготовлялись в технике свободной ручной лепки (т.е. не оттискивались в специальной форме, которая позволила бы сделать их стандартными).

В обжигательной камере среди прочего керамического материала найдено 3 склеившихся при реставрации фрагмента *подкладного диска* (рис. 4,1,2). На его обеих сторонах – ярко выраженные следы от нитки, с помощью которой производилась нарезка таких дисков из цилиндрического бруска глиняного теста. Его диаметр – ок. 10 см, толщина 0,4–0,7 см. Последние данные демонстрируют ощутимые допуски при ручном способе нарезки таких дисков. Такие керамические изделия, по данным этнографии, могли использоваться в качестве подставки под сосуд в процессе его изготовления, в т.ч. при работе на круге (Пещерева, 1959. С. 142; Вактурская, 1959. С. 265, 272–273; Рахимов, 1961. С. 41, 46). Она крепилась (примазывалась) к гончарному кругу при помощи сырой глины или формовочной массы, а после окончания работы снималась вместе с сосудом, чтобы не брать его непосредственно руками во избежание деформации и нарушения фактуры поверхности (нередко орнаментированной).

Из заполнения горна происходят также фрагменты, выше уже упоминавшегося, массивного диска из обожженной песчанистой формовочной массы (рис. 3,1) и достаточно прочных толстых глиняных плит (рис. 3,2). В первом случае, это, возможно, части дисковидной крышки устья обжигательной камеры, упавшей на дно последней при обрушении ее свода, что явилось причиной прекращения эксплуатации горна.

Кроме того, из заполнения горна происходят несколько небрежно слепленных кусочков обожженной глины с отпечатками пальцев (рис. 5,8–11). Возможно, мы имеем дело с экспериментальными образцами формовочной массы (пробниками), которые обжигались вместе с серийной гончарной продукцией. Но скорее всего это один из элементов печного припаса – специально сделанные на скорую руку подклады и разделители, использовавшиеся гончарами наряду с керамическими черепками (широко распространенная практика) при

¹⁸Определить преобладающие размеры общей высоты сепай из-за утраты при эксплуатации их «шипов» у численно преобладающих б/у не представляется возможным.

размещении гончарных изделий в горне перед обжигом.

Полуфабрикаты под поливную керамику с белой ангобной подгрунтовкой рассмотрим в совокупности с собранной в заполнении горна бракованной собственно **поливной керамикой**. Среди сосудов закрытой формы наиболее представительно выглядят **кувшинообразные сосуды** (без учета афтоб) – 107(111) фрагментов полуфабрикатов и 9(15) образцов с поливой рис. 15,2–9, 25,6–9). Ни одного археологически целого сосуда из них собрать не удалось. В подавляющем большинстве – это фрагменты тулова. Сохранились лишь отдельные фрагменты их профильных частей: венчиков, горл, ручек, доньев на кольцевом поддоне, по которым можно достаточно уверенно определить, какую форму сосуда они представляют. Наряду с классическими кувшинами (99(100) фрагментов полуфабрикатов) можно также выделить кувшин–молочник (1(2) фрагмент полуфабриката), «хумчу» – кувшин с двумя ручками на тулове (2(4) фрагмента полуфабриката), кувшинообразные сосуды со штампованным туловом (5(5) фрагментов полуфабрикатов) и несколько точно неопределимых фрагментов поливной продукции.

Молочник от классических кувшинов отличает воронкообразное горло с ярко выраженным большим сливом (рис. 15,3), узкое относительно высокое тулово и плоское дно. «Хумча» выделяется тем, что имеет достаточно высокое (относительно тулова) подцилиндрическое горло с массивным, плоским сверху и выступающим в виде валика с фасадной стороны, ярко выраженным венчиком; оба прилепа двух ее вертикальных диаметрально расположенных ручек крепятся к плечам и средней части подъяцевидного тулова на кольцевом поддоне (рис. 15,2,4; 25,6–8).

Особый интерес представляют **кувшинообразные сосуды со штампованным туловом** (рис. 21). До нас дошло только 4, но достаточно информативных, фрагмента тулова сосудов-полуфабрикатов со штампованным рельефным орнаментом под белым ангобным покрытием на внешней стороне. Три из них происходят из топки, один из обжигательной камеры. Приблизительный максимальный диаметр тулова этих образцов составлял: у трех – ок. 18 см, у одного – порядка 20 см. Толщина стенок – от 0,45 до 0,75 см. Высота рельефа декора – 0,03–0,21 см.

Находки крупных фрагментов сосудов со штампованным туловом подчеркивают особую ценность описанных выше образцов калыпов, т.к. первые напрямую связаны со вторыми, являясь древними оттисками последних. Здесь мы остановимся на описании орнаментации трех наиболее крупных фрагментов. Первый – фрагмент верхней части тулова кувшинообразного сосуда, опоясанного тремя горизонтальными рядами повторяющегося мотива четырехлепестковой розетки (рис. 21,2). Они образуют 2 пояса: верхний – узкий (1 ряд розеток) и нижний – широкий (на фрагменте сохранилось 2 ряда розеток). Розетки полностью идентичны описанным выше на калыпах, только в позитиве. Второй фрагмент (также верхней части тулова) украшают два пояса (рис. 21,3,6): верхний узкий – с мотивом все той же, но плохо отпечатавшейся на поверхности сосуда, розетки и нижний широкий, заполненный также уже характеризовавшимся выше мотивом диагонально–ромбической сетки (как и на калыпе асимметричной, с неодинаковыми ячейками). Третий, самый крупный, фрагмент с местом нижнего прилепа ручки, свидетельствующего о том, что это часть верхней полусферы тулова (рис. 21,4,7) – украшен не очень хорошо отпечатавшимся изображением птицы второго вида, ориентированной головой точно так же, как и на описанном выше фрагменте калыпа (рис. 22,2). Но композиционно размещена она не в виде горизонтальных поясов, как на выше описанных, а в секторах в виде расходящихся от горла к средней части тулова вертикальных рядов, разделенных радиально расходящимися от горла кувшина толстыми рельефными линиями. По аналогии с импортными образцами такие сосуды со штампованным рельефным орнаментом в соответствии с технологией их изготовления всегда имели кольцевой поддон. Среди собранных в горне находок одно такое дно на кольцевом поддоне предположительно можно отнести к этому типу сосудов (рис. 21,5). Характер ангоба, покрывающего описанные образцы сосудов со штампованным орнаментом, различен. У первого и третьего образцов он бежевый, образующий с черепком как бы единое целое. У второго – белый, имеет меловую структуру (белится на

палец), частично утрачен (в основном, при отмывании от загрязнений водой перед стадией шифровки керамического материала).

Самый маленький из образцов представляет особый интерес (рис. 21,1), т.к. проливает свет на технику сборки тулова из двух полусфер. С внутренней стороны он имеет широкий выступ-утолщение, обеспечивающий стыковочную площадку достаточной ширины для соединения полусфер в шарообразное тулово. Обе половины-полусферы соединялись стык в стык в месте максимального их диаметра. С внешней стороны стыковочный шов затирался. По этой причине посередине сосуда образовывался довольно широкий неорнаментированный горизонтальный пояс. Для того, чтобы эта операция происходила не в ущерб орнаментальной композиции, у всех калыпов непосредственно под их венчиком оставлена специальная узкая неорнаментированная полоса (рис. 22,3,5, 23, 24,1). У импортных образцов керамики этого же типа, в отличие от азакских, с внутренней стороны половины тулова скреплялись наложенной на стыковочный шов специальной грубо выполненной толстой глиняной лентой-жгутом; при этом никогда не делалось даже попытки сгладить последнюю с поверхностью стенок тулова¹⁹. По той технологии сборки, которой следовали гончары с ул. Г. Известия, 57 необходимости в наложении жгута на стык полусфер с внутренней стороны тулова сосуда не было. Этот признак, наряду с характером керамического черепка, можно считать отличительной особенностью сосудов Азака со штампованным рельефным орнаментом (Перевозчиков, 2006А. Рис. 207,4). Кроме того, внутренние поверхности сосудов со штампованным орнаментом из описываемого гончарного комплекса до соединения полусфер подвергались дополнительной обработке – затирались куском ткани или кожи, о чем свидетельствуют характерные разнонаправленные следы этой техники на внутренней поверхности черепка (рис. 21,6,7). И все же на отдельных участках внутренней стороны стенок тулова сохранились следы пальцевых вдавлений формовочной массы в стенки калыпа.

Горловины и поддоны сосудов со штампованным орнаментом вытягивались на круге (рис. 21,5), ручки формовались и вертикально примазывались нижним прилепом к средней части плечей тулова (рис. 21,4), а верхним к горлу. Таким образом сосуд собирался из 5 отдельных, предварительно изготовленных, частей. На рисунке 22.2 представлена примерная частичная реконструкция кувшинообразного сосуда со штампованным рельефным орнаментом, выполненная по имеющимся в нашем распоряжении фрагментам и аналогиям.

Единичность находок такого рода местных сосудов в бытовых комплексах объясняется, по-видимому, узкой сферой их применения или очень коротким периодом производства в золотоордынском Азаке, а, возможно, и трудоемкостью производства, что не могло не сказываться на цене такого товара, доступного лишь единицам.

Афтобы представлены 13(14) профильными фрагментами полуфабрикатов²⁰ (рис. 15,1) (Перевозчиков, 2007. С. 132). Формой, судя по общему виду и размерам морфологических деталей, они мало чем могли отличаться от описанных выше неполивных сосудов этого же типа. Сечение одной из ручек афтоб с белым ангобом составляет 1,7х2,9 см, длина ручки по хорде – 13,5 см, толщина стенки горла – ок. 0,4 см.

Среди сосудов закрытой формы в особую группу выделяются одноручные **горшки**: 19(19) фрагментов с белым ангобом на внутренней стороне (рис. 15,10,12) и 5(52) фрагментов собственно поливных без ангоба²¹ (рис. 25,1-4). Лучше всего сохранились поливные горшки (у одного, например, утрачена только ручка). Их морфология очень похожа на ту, что описана выше в составе неполивной керамики: слегка отогнутая наружу, короткая, широкая, с утолщенными в верхней части стенками шейка (горло), широкая уплощенно-овальная в

¹⁹Скорее всего, это сделать было технически очень сложно (через узкое отверстие в верхней части полусферы), либо считалось ненужным, т.к. внутренняя поверхность сосуда потребителю при покупке и пользовании была не видна, а значит общее эстетическое впечатление об изделии не портило. Как мы видим, азакские гончары решали эту проблему значительно проще.

²⁰Фрагменты тулова афтоб, в основном, учтены в статистике фрагментов тулова кувшинообразных сосудов.

²¹Статистика фрагментов горшков-полуфабрикатов без ангоба, прошедших первый утильный обжиг, учтена, по-видимому, в неполивной керамике из-за главного критерия ее выделения (отсутствие белого ангоба и поливы).

сечении ручка с прилепом к венчику, подъяйцевидное тулово. Размеры по четырем не плохо сохранившимся поливным образцам: высота общая – ?, ?, 17,2 см, ? см, высота горла – 2,3 см, 1,6 см, 1,6 см, 1,4 см, диаметр венчика – 11,5 см, 11 см, 12,4 см, 12,5 см, диаметр горла мин. – ок. 9,7 см, 11,5 см, 11,6 см, 12 см, диаметр тулова макс. – ок. 15 см, ?, 15,8 см, ок. 17 см, диаметр дна – ?, ?, 9 см, 11 см, сечение ручки – 1,4х3,3 см, ?, 1,2х3,4 см, ? см, толщина стенок – 0,4–0,8 см. Закономерности: общая высота сосуда незначительно больше максимального диаметра его тулова, горло к венчику всегда воронкообразно расширяется, максимальный диаметр венчика не намного меньше максимального диаметра тулова, толщина ручки в 2–3 раза меньше ее ширины, диаметр дна заметно меньше диаметра венчика.

Таким образом, общая сумма фрагментов полуфабрикатов под поливные и поливных сосудов закрытой формы составляет 153(211) или 52(50,7)% от общей суммы полуфабрикатов под поливную керамику и собственно поливной керамики, которая составляет 293(411) фрагмента.

Следует отметить присутствие в поливной (с учетом полуфабрикатов с белым ангобом на внутренней стороне) продукции мастерской таких сосудов специального назначения, как *туваки* – 15(19) фрагментов или 5,1(4,6)% (рис. 25,5). Их форма и зеленая полива традиционны.

Достаточно выразительно среди поливных изделий мастерской представлена столовая посуда открытой формы. *Пиалообразные чаши* изготавливались двух основных форматов: средние (рис. 17,8–11, 18,2,6,8, 19,3,7,10,11, 20,5,7, 26,5,7) и маленькие (рис. 16,6, 26,1). Средние – это 7(7) фрагментов полуфабрикатов с белым ангобом и 9(23) фрагментов поливных образцов. Маленькие – 2(2) фрагмента полуфабрикатов с белым ангобом и 1(5) фрагмент с поливой. Обе категории имеют однотипную морфологию: невыраженный сливающийся с полусферическим туловом венчик, плавно утолщающиеся к дну стенки, усеченно-конический кольцевой поддон, в большинстве случаев плавно переходящий в тулово (снаружи) и дно (изнутри). Обмеры того, что дошло до нас в виде фрагментов, дали следующие результаты. По среднеразмерным пиалообразным чашам: диаметр венчика (по 6 образцам) – 18,5 см, 19 см (3 экз.), 19,5 см, 20 см; толщина стенок в разных частях сосудов – от 0,38 до 1 см, диаметр поддона мин. (вверху) – в диапазоне от 6 до 7,2 см, макс.(внизу) – от 6,6 до 7,4 см, высота поддона – 1,2–1,8 см, глубина поддона (снаружи) – 1,4–1,6 см. Маленькие (по 2-м образцам): высота общая – 5,2 см, диаметр венчика – 11 см, 11,4 см, диаметр поддона мин.–макс. – 3,8–4,2 см, высота поддона – 1 см, глубина поддона – 1,2 см, глубина чаши – 3,8 см.

Маленькие пиалы никак не декорированы. Имеющийся в коллекции один поливной образец покрыт бесцветной глазурью и только на внутренней стороне (на внешнюю сторону, по-видимому, полива у этого типа пиал не наносилась). В составе пиал средних размеров примерно 57% полуфабрикатов и 55% образцов с поливой орнаментированы в технике поангобной гравировки («сграффито») «толстой» и «тонкой» линией (рис. 17,8–11, 18,2,6,8, 19,3,5,7,9–11, 20,5,7, 26,5,7). Основные мотивы: горизонтальные линии в виде концентрических окружностей, опоясывающих верхнюю часть сосуда, как изнутри (от самого венчика), так и снаружи (после небольшого отступа от венчика); дно выделено центральным медальоном, обрамленным 2–3 концентрическими окружностями, внутри него геометризированный растительный орнамент в виде растительных побегов из закрученных в спирали тонких линий, стилизованных бутонов как на концах побегов, так и в центре медальонов, свободное от основного изображения пространство заполняют относительно параллельные линии-штрихи разной длины и наклона; от центральных медальонов по всему их периметру радиально вверх расходятся ритмически повторяющиеся лучи – «побеги» со спиралевидными завитками в основании; на внутреннем поле чаши одной из пиал тонкой линией было выгравировано изображение какой-то птицы (на сохранившемся фрагменте до нас дошло лишь довольно схематическое изображение ее ног с двумя стилизованными в виде буквы «З» пальцами-когтями) и довольно реалистично выполненное изображение ветки граната, размещенное под ногами птицы; внешнюю сторону пиал обычно украшает арочный орнамент, берущий свое начало от опоясывающей придонную часть тулова горизонтальной линии и упирающийся вверху в другую горизонтальную линию – нижнюю из трех, опоясывающих верхнюю часть

сосуда, в свободное пространство между «сводами арок» вписаны углы (лучами вверх), иногда с С-видными завитками посередине; место перехода тулова в поддон (снаружи) обычно оформлено 2–3 горизонтальными врезными линиями. Пиалы с поангобной гравировкой покрыты либо поливой зеленого или оливкового цвета в обеих сторон, либо зеленой или зеленовато-желтой поливой снаружи и темно-зеленой, бесцветной или светло-салатной на внутренней стороне. На образцах без орнаментации использовались также зеленая, салатная и светло-желтая поливы. Во всех случаях на внешней стороне «средних» пиал полива, как и декор, нанесена до самого поддона, а белый ангоб до самого основания поддона и даже внутри него, что всегда считалось не характерным для поливной керамики Азака, которую производила вторая группа гончаров, и имело место только на импортных образцах.

Чашы с вертикальным бортиком (или *миски*) представлены 69 (96) фрагментами полуфабрикатов с белым ангобом и 10(14) фрагментами поливных образцов. Они также изготавливались двух основных размеров. Условно будем называть их большими (рис. 17,1,3, 18,1, 19,1,2,6, 20,6) и средними (рис. 16,1–5, 17,4–7, 18,7, 19,4,5, 20,1–4, 26,4). По количеству первых заметно меньше, чем вторых. От пиал миски отличает наличие бортика, который либо вертикальный, либо слегка отогнутый наружу или, наоборот, слегка вогнутый внутрь. Венчик – или невыраженный (сливающийся с бортиком), или сравнительно плавно отогнутый наружу. Стенки от венчика к дну равномерно утолщаются. Кольцевые поддоны – разной высоты и диаметра, зачастую к основанию также становятся массивнее. У двух археологически целых среднеразмерных мисок удалось измерить объем; он оказался примерно одинаковым – 0,95–1 л. Их общая высота – 8,2 см, 8,25 см. Диаметр венчика (по 8 образцам): 19,2 см, 19,3 см, 19,5 см, 21 см, 22 см (3 экз.), ок. 29 см. Высота бортика (по 5-ти): 2,6 см, 2,7 см (2 экз.), 2,9 см, 3,7 см. Диаметр тулова максимальный (по 6) – 17,5 см, 18 см, 18,4 см, 19,5 см, 29 см, 29,5 см. Глубину чаши удалось измерить лишь у 2 образцов – 5,4 см, 5,6 см. Толщина стенок – 0,25–1,4 см. Диаметр поддона минимальный – 5,4 см, 6 см, 6,2 см, 8 см, максимальный – 6 см, 6,8 см (2 экз.), 9 см. Высота поддона – 1 см, 1,1 см, 1,4 см, 1,8 см, 2,2 см. Глубина поддона – 1,2 см, 1,4 см, 1,6 см, 2,6 см, 3 см. По всем параметрам четко выделяется два основных формата. Но и внутри них нет полного размерного единства. Наиболее представительный – средний формат мисок – распадается, как минимум, на два размерных вида.

В отличие от пиал в декорировании мисок применялась не только техника «сграффито» (рис. 17,1,3–7, 18,1, 19,1,2,4,6, 20,6), но и роспись белым ангобом непосредственно по черепку (рис. 20,1–4) и подглазурная подцветка аморфными зелеными пятнами, иногда сочетание первого с последним. Всего декорированных образцов собрано: 20,3(42,7)% полуфабрикатов и 60(56)% образцов с поливой. На керамику с подангобной гравировкой среди полуфабрикатов приходится 17,4(25) %, среди изделий с поливой – 40(35)%. Роспись белым ангобом зафиксирована только на полуфабрикатах – 3,4(20)% всех образцов. В составе поливной керамики представлена также подглазурная подцветка зеленым – 20(21)% и «сграффито» в сочетании с подглазурной подцветкой зеленым – 20(14)%. В орнаментации бортиков и верхних частей тулова мисок использовалась исключительно все та же гравировка толстой и тонкой горизонтальной врезной линией, неоднократно опоясывающей сосуд как на внутренней стороне, так и на внешней. Верхняя часть тулова изнутри нередко оформлялась широким поясом растительно-геометрического орнамента, выполненного тонкой линией (рис.18,1, 19,1,2,4,6). Обрамляют такой пояс по краям по 2–3 концентрических окружности. На дне, кроме того, мог размещаться центральный медальон с каким-то стилизованным растительным орнаментом (рис. 19,1, 20,6). В отличие от пиал на внешней стороне мисок декорировался в лучшем случае бортик (рис. 17,4–7), а то и вообще все ограничивалось лишь нанесением белого ангоба (рис. 19,6, 26,4). Роспись белым ангобом в собранном материале имеется лишь на небольших мисках; выполнена довольно небрежно, в виде расходящихся от полностью закрашенного ангобом дна «лучей» (на археологически целом образце их 12), нанесенных ассиметрично и имеющих разную ширину; к бортику и на самом бортике к его венчику они расширяются, а переходя на внешнюю сторону бортика наоборот начинают резко сужаться в нижней части заостряясь (рис. 20,1–4).

Полива на имеющихся в нашем распоряжении образцах мисок: без орнамента – зеленая, с орнаментом в технике «сграффито» – зеленая или светло-салатная внутри и бледно-зеленая снаружи, при использовании подглазурной подцветки аморфными зелеными пятнами – бесцветная или желтая внутри и салатная снаружи.

Собранные в заполнении горна фрагменты *чаш с диагонально отогнутым наружу бортиком (тарелки)* отличаются друг от друга в основном глубиной – глубокие и мелкие – все сравнительно небольшого диаметра. Всего в нашем распоряжении среди полуфабрикатов с белым ангобом 5(7) фрагментов первых и 1(1) фрагмент вторых (рис. 16,7), с поливой – 1(4) фрагмент вторых (рис. 26,2). У мелких тарелок бортик находился почти на одной прямой с туловом, будучи выделен по краям двумя валиками, один из которых оформлял верхний край венчика, другой место перехода в тулово. По одному более-менее крупному образцу: диаметр венчика тарелок составлял около 18 см, ширина бортика – ок. 2 см, толщина стенок всех образцов – от 0,55 до 1,2 см. Покрывались тарелки, судя по сохранившимся фрагментам, салатной и зеленой поливой.

В коллекции имеется еще один крупный фрагмент сосуда-полуфабриката с белым ангобом, выделяющийся среди других сосудов открытой формы неглубоким, в форме сегмента большого шара, туловом, которое, по-видимому, сразу, по аналогии с подобными импортными образцами, переходило в отогнутый наружу венчик (рис. 17,2, 19,8). Оно атрибутировано как *блюдо*. Замер лекалом показал, что максимальный диаметр тулова этого сосуда был ок. 27 см. Верхнюю часть внешней его стороны украшал широкий ряд ритмически повторяющихся вертикальных ланцетовидных подангобных углублений, которым на внутренней стороне соответствовали небольшие выпуклости. Кроме того, блюдо было декорировано в технике «сграффито» толстой и относительно тонкой горизонтальными линиями, опоясывающими сосуд в верхней части тулова, как изнутри, так и снаружи, как бы обрамляя ряд вышеописанных вертикальных ланцетовидных углублений.

На объекте также было собрано 16(22) фрагментов полуфабрикатов с белым ангобом и 4(4) фрагмента с поливой – стенок и донец мисок и пиал, статистически достоверно разделить которые не представляется возможным. Среди них: без декора – 6(6) образцов, с орнаментом в технике «сграффито» – 13(19) образцов. Полива – зеленая, либо бесцветная внутри и зеленая снаружи.

Таким образом, общая сумма фрагментов столовых поливных (с учетом полуфабрикатов) сосудов открытой формы, составила 126(186) или 42,9(44,7)% от общей суммы образцов полуфабрикатов под поливную керамику и собственно поливной керамики, что заметно меньше, чем фрагментов сосудов закрытой формы. Это вполне закономерно, т.к. сосуды закрытой формы чаще разбиваются на большее количество фрагментов, чем сосуды открытой формы.

Из 294(416) фрагментов полуфабрикатов и поливного брака орнаментированных 54(98) фрагмента или 18,4(23,6)%. Среди последних на сосуды закрытой формы приходится лишь 18,5(13,3)%. Для сравнения, в сумме неорнаментированных образцов полуфабрикатов и имеющих поливу (240(318) фрагментов) образцы сосудов закрытой формы составляют 59,6(62,3)%, образцы сосудов открытой формы – 34,2(31,1)% (остальные 6,25(6,0)% приходятся на туваки). Орнаментированных среди сосудов закрытой формы – 6,5(6,2)%, среди сосудов открытой формы – 34,9(45,7)%. Основную часть орнаментированной керамики составляют образцы, декорированные в технике «сграффито» (гравировка по еще «сырому» черепку, но уже покрытому белым ангобом) – 72,2(71,4)%; от общего количества фрагментов полуфабрикатов и собственно поливной керамики они составляют 13,3(16,8)%; из них: на пиалообразные чаши приходится 20,5(22,9)%, на чаши с вертикальным бортиком (миски) – 41(40)%, на неопределимые чаши (пиалы или миски) – 33,3(27,1)%, на тарелки – 2,6(1,4)%, на блюда – 2,6(1,4)%, на кувшинообразные сосуды – 2,6(2,9)%. Вторая техника – свободное формование ручным оттиском в форме-кальпе (штампованный рельефный орнамент) – 9,3(5,1)% от всех орнаментированных образцов; присутствует только на образцах кувшинообразных сосудов-полуфабрикатов со сферическим туловом. Третья техника – роспись

белым ангобом непосредственно по черепку – 3,7(17,3)% от всех орнаментированных образцов; встречена только на чашах–полуфабрикатах с вертикальным бортиком. На кувшинообразных же сосудах применялась также подангобная гравировка (рифление) по сырому черепку (наносилась на вращающемся круге) – 5,5(5,1)%. Монохромная роспись зеленым выступает в трех видах – как роспись ритмически повторяющимися вертикальными зелеными полосами на кувшинообразном сосуде – 1,9(1)% и как подцветка аморфными зелеными пятнами – 4,5(7,4)%, в т.ч. в сочетании со «сграффито» – 3,7(2)%.

Из вышеизложенного следует, что производимая в гончарной мастерской по ул. Газеты Известия, 57 продукция представлена 18 наименованиями неполивных изделий и 11 наименованиями поливных. Неполивные представлены единицами археологически целых, но в подавляющей части фрагментами: афтоб - более трети всего ассортимента (объемом до 3,1 л), в меньшей мере (примерно пятая часть) кувшинов (объемом порядка 2,5–2,8 л). Фрагменты ручек и доньев точно неопределимых кувшинообразных сосудов (кувшины или афтобы) составляют пятую часть всей неполивной керамики. Таким образом, на профильные образцы кувшинов и афтоб вместе приходится 74,4(74,6)% всех профильных фрагментов неполивных изделий, т.е. 3/4. Примерно одиннадцатая часть профильных фрагментов неполивных изделий – амфорная керамика. И лишь 1/25 часть (около 4%) – это горшки с одной ручкой. Примерно по 2% приходится на профильные фрагменты чаш–мисок с вертикальным бортиком (объемом 0,95–1 л), туваков, копилков и сепай. Примерно по 1% – на фрагменты неопределимых толстостенных сосудов закрытой формы и малых пиалообразных чаш (объемом ок. 0,19 л). И лишь десятые доли процента приходятся на фрагменты тазообразных и больших глубоких чаш с плоским дном, светильников, труб-кубуров и таких редких изделий, относящиеся к категории производственной керамики, как калыпы (матрицы–штампы) и подставки-сари. Есть и единичные находки (сотые доли процента), представленные фрагментами мелкой тарелки, пиалообразной чаши средних размеров, подкладным диском.

Среди полуфабрикатов под поливную керамику, как выше уже отмечалось, чуть больше половины составляют фрагменты сосудов закрытой формы. Подавляющая их часть (более 70%) фрагменты кувшинов, 1/10 часть афтобы (в 7,5 раза меньше, чем кувшинов), столько же – горшков. Единицами насчитываются фрагменты тулова кувшинов со штампованным рельефным орнаментом, кувшинообразных сосудов с двумя ручками на тулове («хумча»–?), кувшинов-молочников. На туваки приходится 1/20 часть всех полуфабрикатов. Среди фрагментов полуфабрикатов под поливную керамику сосуды открытой формы составляют примерно 2/5. Это, в основном, фрагменты чаш с вертикальным бортиком (миски) объемом около 1 л. В 10 раз меньше фрагментов пиалообразных чаш средних размеров. В 13 раз меньше фрагментов глубоких тарелок. И совсем мало (до 1%) фрагментов малых пиалообразных чаш и мелких тарелок.

Собственно поливная керамика из заполнения горна, атрибутированная (по черепку) как продукция гончарной мастерской, на 1/3 состояла из сосудов закрытой формы и на 2/3 – открытой; фрагменты туваков – около 3%. На фрагменты кувшинообразных сосудов (кувшины, «хумчи», афтобы) приходится примерно четверть всей поливной керамики, на фрагменты горшков с ручкой – восьмая часть. Среди сосудов открытой формы самая многочисленная группа, как и среди полуфабрикатов, чаши с вертикальным бортиком (миски), которые составляют четверть фрагментов всей поливной керамики. Несколько меньше фрагментов среднеразмерных пиалообразных чаш. И лишь примерно по 3% от всей поливной керамики приходится на фрагменты малых пиалообразных чаш и мелких тарелок.

Таким образом, также, как и во второй группе азакской керамики здесь не изготавливались большие столовые (от 3,2 до 8 л.), тарные одно- (объемом от 15 до 20 л) и двуручные (объемом от 21 до 30 л) кувшины и корчаги (от 8 до 50 л), которые производили гончары первой (постсалтовской) группы. Исключение составляют амфоры, фрагменты которых были найдены в составе керамических браков. Кроме того, выявлено несколько типов изделий, которые среди продукции первой и второй групп пока не известны. Речь идет о керамике производственного назначения: сари и подкладной диск.

Как показал рентгеноспектральный флуоресцентный анализ (РСФА), поливная керамика, собранная при исследовании горна по ул. Газеты Известия, 57, как и поливная керамика общепризнанной второй азацкой группы, покрывалась свинцовой поливой (Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 147–148. Рис. 12–14, 19,7–9). В пересчете на химические элементы содержание свинца в глазури на поливных образцах из горна в среднем составляет 75,9 %, содержание кремния – 16 %, кальция – 4,5 %, железа (краситель) – от 0,9 до 2,3 %, меди (краситель) – от 0,3 до 3,6 %. Но по этим показателям она очень заметно отличается по своему химическому составу от глазури на керамике второй азацкой группы (Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 147–148. Рис. 12–14, 19,7–9). Во-первых, по данным РСФА, свинцовая полива на керамике, рассматриваемой гончарной мастерской, состоит из значительно меньшего перечня элементов таблицы Менделеева, чем та, которую применяли гончары второй азацкой группы (в последней в небольших количествах присутствует также алюминий, сера, калий), что свидетельствует об использовании либо более простого рецепта, либо более чистого сырья. Во-вторых, основного компонента глазури – оксида свинца – здесь заметно больше примерно на 9 % (во второй группе его в среднем 66,9%); при этом в ней также больше кальция (во второй группе его в среднем 3,4%).

Второй по важности компонент глазурной шихты – оксид кремния – может входить в состав жильного кварца, кварцевых песков, песчаников, осадочных кварцитов, кремня. Трактат 1301 года называет его «сахарным камнем», «твердым», «из которого выходит много горящих искр» (Сайко, 1982. С. 92). В качестве вещества, вводящего в состав глазури кремнезем, употребляли не только чистый кварц, но и различные варианты кварцсодержащих пород, в т.ч. кварцевые пески. В горне по ул. Газеты Известия, 57 было найдено 2 относительно крупных обломка жильного кварца (рис. 16,8). Согласно данным РСФА основная составляющая их химического состава – кремнезем (97,3%, без учета кислорода), есть также ничтожный процент алюминия, хрома и железа (Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 137. Рис. 2–4). Не смотря на эти находки, тот же РСФА позволяет с наибольшей степенью вероятности предполагать, что для глазури, в основном, использовался все же речной донской песок, состоящий более чем на 90 % из кремния. О выходах жильного кварца в окрестностях Азова ничего не известно. В связи с этим, неизбежно возникает вопрос: зачем при наличии высококачественного песка нужно привозить другое кремнийсодержащее сырье издалека?

Тот или иной цвет получали введением в состав бесцветной глазури определенных долей оксидов и солей металлов: салатный и зеленый цвет – окись меди, от желтого до коричневого цвета – окись железа. Проведенный РСФА глазури на изделиях из рассматриваемого керамического комплекса эти давно известные науке факты еще раз подтвердил (Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 147–148. Рис. 12-14).

По хранящейся в фондах Азовского музея-заповедника поливной керамике XIV века можно выделить три основных способа покрытия керамических сосудов поливой: 1-й – непосредственно по черепку (без ангобной подгрунтовки), 2-й – по белому ангобу и 3-й – по белому ангобу снаружи и непосредственно по черепку изнутри (имеет место только на сосудах закрытой формы). В характеризуемом комплексе сосуды с поливой непосредственно по черепку, причем, в основном только на внутренней поверхности, представлены горшками. Полива на одних нанесена изнутри строго до венчика, у других, кроме того, покрывает половину шейки снаружи, с натеком на верхнюю половину тулова (рис. 25,1–4). Сосуды открытой формы с поливой непосредственно по черепку представлены всего одним фрагментом. Но вполне вероятно, что практически вся собранная в горне неполиванная керамика открытой формы на кольцевом поддоне является полуфабрикатами под посуду, на которую полива наносилась непосредственно по черепку без предварительной ангобной подгрунтовки перед вторым обжигом (рис. 13,30–44, 14)²². Такая керамика второй керамической группы

²²По материалам из бытовых комплексов Азака неполиванная керамика открытой формы на кольцевом поддоне без оформления поверхности красным ангобом практически не известна. Такие сосуды без поливы со своей специфической морфологией и практически всегда без поддона небольшими партиями производили гончары первой (постсалтовской) группы.

хорошо известна в бытовых комплексах золотоордынского Азака. Второй способ нанесения поливы (по белому ангобу) разделяется на три варианта: 1) с поливой по белому ангобу только снаружи (представлен кувшинообразными сосудами); 2) с поливой по белому ангобу только изнутри (представлен туваками, маленькими пиалообразными чашами, мелкими тарелками); 3) с поливой по белому ангобу как изнутри, так и снаружи (представлен кувшинообразными сосудами, пиалообразными чашами, чашами с вертикальным бортиком).

Судя по натекам поливы на подавляющей части бывших в употреблении сепай и фрагментам бракованной поливной керамики из заполнения горна, применялась в основном зеленая, изредка темно-зеленая, полива. При этом она не была однотонной, не редко с темно-зелеными сгустками не растворившегося полностью в общей массе красителя. Только ею (без комбинации с другой поливой) покрыто 32,5(53,3)% из всех собранных с горне образцов поливной продукции гончарной мастерской: кувшинообразных сосудов (рис. 25,6,9), горшков (рис. 25,1-4), туваков (рис. 25,5), пиалообразных чаш (рис. 26,6), мисок (рис. 26,4) и мелких тарелок (рис. 26,2). Капли и потеки зеленой поливы зафиксированы даже на явно неполивной керамике (рис. 11,7) и на чашах-полуфабрикатах с белой ангобной подгрунтовкой (рис. 16,1,2), фрагменты которых использовались либо в качестве технологической (для подкладки на под обжигательной камеры или для разделения обжигавшихся поливных сосудов), либо, что менее вероятно, обжигалась в горне одновременно с керамикой покрытой поливой, проходящей второй завершающий обжиг. Значительно менее популярными были: салатная и желто-салатная полива – 12,5(9,00% – на кувшинообразных сосудах (рис. 25,7,9) и чашах (рис. 26,3,6), бесцветная – 7,5(6,6)% – на маленьких пиалообразных чашах (рис. 26,1) и мисках, светло-желтая (2,5(1,6)% – на пиалообразных чашах, желто-зеленая или оливковая 2,5(0,8)% – на горшках (рис. 25,1,3,4). Достаточно широко использовался прием нанесения полив разного цвета изнутри и снаружи – реже на кувшинообразных сосудах (рис. 25,8,9), чаще на пиалообразных чашах среднего размера и чашах с вертикальным бортиком (рис. 26,7); имеют место самые разные комбинации: темно-зеленая на внутренней стороне – светло-салатная или зеленовато-желтая снаружи, салатная или светло-салатная внутри – бесцветная или светло-зеленая снаружи, бесцветная внутри – зеленая (светло-зеленая) снаружи. На двухцветные комбинации в целом приходится 22,5(9,8)% всех поливных образцов.

Согласно РСФА, в составе керамики, являющейся продукцией гончарной мастерской по ул. Газеты Известия, 57, кальция в среднем в 3–5 раз больше, а основного элемента керамики – кремния – на 9,5–12,1% меньше, чем в составе керамики первой и второй общепризнанных азакских керамических групп; при этом железа лишь чуть меньше, чем во второй керамической группе Азака (Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 139–144, рис. 5–9, 18,4–7, 19,5,7–9). Даже при визуальном изучении черепка хорошо видно, что в нем меньше песка, а заметные глазу карбонатные включения фиксируются примерно у половины образцов, в остальных карбонаты, согласно РСФА, присутствуют в значительном количестве, но не вооруженным глазом не видны. На ощупь поверхность черепка сосудов без поливы шероховатая. Цвет изделий – различных оттенков светло-коричневого цвета, иногда с выраженным светло-розовым оттенком (см таблицу 2). Излом черепка далеко не всегда однотонный, но всегда светлых теплых тонов розоватого, светло-коричневого и серого цвета, иногда со слоями и прослойками светло-серого или розовато-бежевого цвета. Таким образом, сильно осветляет черепок керамики третьей группы, визуалью почти никак себя не проявляющая, равномерно распределенная в черепке значительная мелкодисперсная примесь соединений кальция (18,8–23,3%), которая является одним из важнейших маркирующих признаков группы. Серые слои и прослойки – это ничто иное, как не полностью выгоревшая органическая составляющая формовочной массы. При 500–700° органика обугливается, распадаясь, во-первых, на летучие продукты перегонки и, во-вторых, на углистый остаток. Последний выгорает с трудом, т.к. необходимый для этого кислород воздуха не имеет непосредственного доступа к внутренней части обжигаемого изделия (Зальманг, 1959. С. 134). Многочисленные поры в черепке керамики, которые начинают появляться уже при температуре 300–400°, объясняются, таким образом, отчасти как испарением воды на первом этапе обжига, так и выгоранием органических примесей и

разложением равномерно «растворенных» в черепке карбонатов на оксид кальция и улетучившийся углекислый газ (последнее происходит при достаточно высоких температурах). Микропористость и меньшее содержание песка полностью объясняют еще одну отличительную особенность собранной в горне керамики – сравнительную физическую легкость ее черепка.

По итогам проведенных экспериментальных исследований (Перевозчиков, 2003. С. 57, 64–67; Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 139–140, 143–144; Перевозчиков, 2012. С. 194–209, 212–218, 222–228; Перевозчиков, 2017. С. 161–163, 172–174, 185, 188, 191, 192) состав формовочной массы, из которой изготовлялась продукция описываемого керамического комплекса гипотетически реконструируется следующим образом. Первый и основной компонент – «желтый» материковый суглинок²³ – 45–60%. Второй – сравнительно небольшая примесь одной (судя по всему «темной» «красно-бурой»²⁴) или нескольких местных глин – 15–25%. Если и добавлялся просеянный речной песок, то, по-видимому, в количестве не более 15%. В целом зерна песка в рассматриваемой здесь керамике выглядят несколько мельче, чем в черепке общепризнанной второй группы. Этот факт также в пользу гипотезы, что песок в черепке керамики из горна происходит больше из «желтого» материкового суглинка, в котором его при физическом исследовании (растворение в воде и разделение взвеси на фракции) оказалось до 50% объема (Перевозчиков, 2006А. С. 100. Рис. 23). Органическая примесь в виде специально подготовленного к введению в формовочную массу навоза животных или растительного сырья могла вводиться, судя по полученным экспериментальным данным, в объеме не более 15–20%. О наличии такой примеси может свидетельствовать фиксирующаяся в изломе черепка ряда образцов серой, а иногда и темно-серой, прослойки (следы невыгоревшего полностью в ходе обжига углистого остатка органики). Таким образом, зерна песка и зафиксированные в черепке единичные конкреции минералов серого и черного цвета попали в черепок, в основном, из «желтого» материкового суглинка, визуальными фиксируемыми блестками слюды и карбонатные включения из него же и из глин. А поры²⁵, как и фиксирующиеся в отдельных образцах серая прослойка и черные рыхлые включения, – по-видимому, все же следствие искусственного введения в формовочную массу органической примеси. Случайностью или данью гончарной традиции выглядят изредка фиксируемые в черепке единичных образцов редкие включения очень мелких частиц шамота.

Естественно-научные исследования стенок самого горна позволяют гипотетически реконструировать состав формовочной массы, из которой он изготовлялся: 1) смесь местных глин – 40–50%; 2) песок – 30–40%; 3) органика – 30–40% (Перевозчиков, 2003. С. 59, 65; Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 133, 149–151. Рис. 14–16; Перевозчиков, 2017. С. 163, 167, 173–174, 186. Рис. 5,5).

Из выше изложенного следует, что гончары «мастерской по ул. Г. Известия, 57» из-за специфических особенностей местного глинистого сырья, не позволяющего использовать его для изготовления керамики в чистом виде, освоили сложную технологию смешивания в

²³Подстилает город Азов. Исследовались 2 образца этого суглинка, давшие практически одинаковые результаты с максимальными расхождениями по основным элементам в 2,3%, что вполне допустимо и полностью подтверждает репрезентативность проведенного РСФА. В пересчете на химические элементы основным в «желтом» материковом суглинке является кальций (среднее значение – 33,6%), второй – кремний (28,1), третий – железо (25,7), четвертый – калий (5%), пятый – алюминий (3,2%), шестой – титан (2,9%), седьмой – цирконий (0,85%), восьмой – стронций (0,3%) (Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 136–137. Рис. 17,3). Именно кальций, как отмечалось выше, доминирует в составе черепка, рассматриваемого в данной статье, керамического комплекса, что главным образом и отличает его от керамики двух известных относительно хорошо изученных азовских групп.

²⁴В ее составе по результатам РСФА: 44,6 % кремния и лишь 18,5% железа и 16,9% кальция, 7,7% алюминия и 6,7 % калия, остальное в незначительных количествах. (Перевозчиков, Лопаткин, 2007. С. 136–137. Рис. 17,1). Т.е. химический состав «темной» «красно-бурой» глины принципиально отличается от химического состава «желтого» материкового суглинка.

²⁵Наличие мельчайших пор хорошо иллюстрируется результатами проведенных экспериментов на водопоглощаемость (абсолютный средний процент водопоглощаемости рассматриваемой группы керамики – 16,2%; для сравнения: в общеизвестных азовских керамических группах – первой 12,4%, второй – 12,3%), на плотность и удельный объем (Перевозчиков, 2006А. С. 473–784, 535–560; Перевозчиков, 2017. С. 159–163, 184–185).

нужных (для получения кондиционной керамики) пропорциях глин и суглинков, удаляя при этом вредные естественные примеси и добавляя необходимые искусственные. Метод смешивания различных глин и получения смешанных глиняных смесей был широко распространен, например, в Средней Азии (Сайко, 1982. С. 85). А.А. Бобринский в свое время высказал мнение, что применение смеси разных глин – признак гончаров–переселенцев, которые ранее пользовались одной глиной, но на новом месте стали комбинировать разные, чтобы добиться таких свойств формовочной массы, с которой они привыкли работать у себя на родине (Бобринский, 1978. С. 70). Не смотря на получение путем смешивания местных глин формовочных масс, похожих по свойствам на те, которыми гончары-переселенцы пользовались на родине, мастера могли еще долго традиционно добавлять в формовочные массы привычные для них искусственные примеси, причем часто лишь в чисто символическом объеме, никак не влияющем на свойства получаемой на выходе керамики. Период привыкания к новому сырью А.А. Бобринский определяет относительно коротким отрезком времени – несколькими годами. В своем, ставшем уже классикой, труде «Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения» он утверждал: «Навыки отбора сырья способны быстро меняться при смешении населения» (там же, с. 77). При этом в Азаке имело место сосуществование трех (по имеющимся на сегодня данным) разных рецептов составления формовочной массы – выделенные уже давно первые две группы, и публикуемый в настоящей статье керамический комплекс, маркирующий третью группу. Это явление по А.А. Бобринскому также объяснимо: наличие на одном и том же памятнике местной керамики с разными составами формовочной массы свидетельствует об обособленном существовании ее носителей (там же, с. 93). Но не смотря на существенные отличия в составах формовочных масс всех трех групп местной керамики Азака, отдельные, хотя и очень слабые, признаки взаимодействия керамических школ все же улавливаются. Если первая группа – это глина (возможно смесь разных глин) + органика + мелкие включения шамота и «сухой» глиняной крошки, то вторая группа – это при значительном содержании песка наличие в единичных образцах включений шамота и серая прослойка в изломе, свидетельствующая о добавке (пусть и незначительной) какой-то органической примеси. Формовочная масса третьей группы выглядит отчасти как симбиоз рецептов первых двух групп: глинистая составляющая + песок + органика.

Анализ собранного материала показал, что ремесленники гончарной мастерской по ул. Газеты Известия, 57 изготавливали свою продукцию практически по той же технологии, что и гончары общепризнанной исследователями второй группы. По А.А. Бобринскому, это этапы развития функций гончарного круга – РФК-6–7, когда круг используется в роли инструмента для полного вытягивания сосуда из комка глины, для заглаживания, профилирования и конструирования полого тела (Бобринский, 1978. С. 191). На образцах керамических изделий из заполнения горна фиксируется характерный след от нитки, с помощью которой они отделялись от «быстрого» (ножного) гончарного круга после этапа формообразования и нанесения линейного врезного орнамента (рис. 4,1,2, 6,6,10, 11,6, 13,18, 15,10). Не редко, как на внутренней (рис. 7,1–3а,8,11,12,14,21–25, 11,2,3,7,8, 12,3,8, 13,12,15–18, 14,5), так и на внешней (рис. 7,1,24, 11,4,5, 12,2,6, 13,15,17,18) поверхности стенок неполивных сосудов можно увидеть хорошо выраженные следы вытягивания на гончарном круге в виде чередующихся горизонтальных «мягких» валиков и неглубоких желобков. Это выразительно демонстрирует тот факт, что поверхность сосудов выравниванию и заглаживанию, специально, вне вращающегося гончарного круга, не подвергалась.

Несмотря на то, что техника формообразования сосудов была фактически такой же, как и у второй керамической группы, у изделий из заполнения горна по ул. Газеты Известия, 57 зафиксированы хорошо заметные отличия и особенности в обработке и декорировании их поверхностей. Среди профильных фрагментов неполивной керамики 19(24)% фрагментов кувшинов, 40(42)% фрагментов афтоб и 22,3(31,2)% фрагментов точно не атрибутируемых кувшинообразных сосудов имеют, как и керамика первой (постсалтовской) азакской группы, полосчатое лощение (рис. 7,7,21–25, 11,4,5, 13,12,16), которого никогда нет на керамике второй группы. На рассматриваемых здесь изделиях оно всегда нанесено на «голый» (не

ангобированный) черепок. Создается впечатление, что это полосчатое лощение, в отличие от того, что мы знаем на продукции первой керамической группы Азака, имело скорее символический (дань моде или традиции), нежели какой-то утилитарный или декоративный характер, будучи слабо выраженным, а зачастую и еле заметным. Хорошо его можно разглядеть лишь при специальном освещении и под определенным углом зрения. Чаше полосчатое лощение вертикальное, реже – диагональное, выполнено довольно небрежно: полосы не ровные, местами прерываются, начинаются и заканчиваются на разной высоте, имеют различную толщину, фиксируются только на выпирающих (ротационных) валиках, образовавшихся при вытягивании сосудов на круге. Как следует из вышеприведенных данных, наносилось оно лишь на два типа сосудов и далеко не всегда (у кувшинов – на один из 4–5, у афтоб – на один из 2–3). В целом, на неполивную керамику с полосчатым лощением, имеющую прямое отношение к гончарной мастерской, приходится: по профильным фрагментам сосудов – примерно 24,5(27,5)%, по фрагментам стенок тулова – 25%, т.е. примерно четверть всей неполивной керамики.

Следует остановиться еще на ряде особенностей керамики из гончарного комплекса по ул. Газеты Известия, 57. Кроме отмеченных уже выше различий по составу формовочной массы, ассортименту и технике формообразования, к ним также относятся: факт нанесения поливы у двуручных кувшинов (хумчи – ?) не только на внешнюю сторону (как в группе 2), но и на внутреннюю (как у импортных образцов); практически на всех пиалообразных чашах (кроме маленьких – «детских») ангоб, гравировка и полива нанесены снаружи до самого поддона, что абсолютно не характерно для сосудов того же типа из второй группы, но имеет место на происходящих из бытовых комплексов целых импортных образцах. По диапазону технических приемов декорирования и качеству их исполнения между обеими группами (второй и являющейся предметом данной работы – третьей) также прослеживаются заметные отличия. Линия гравировки на большинстве изделий группы 3 тоньше и аккуратнее, чем на поливных сосудах группы 2. Выскабливание фона (техника «резерва» или «шамплеве») мастера третьей группы не применяли. В то же время они освоили технику формования ручным оттиском в форме-кальпе с контррельефом. При этом между двумя группами хорошо прослеживается непохожесть орнаментальных мотивов и схем, принципов их размещения на поверхности изделий. Причем это касается как керамики с подангобным штампованным орнаментом, так и декорированной в технике «сграффито».

Диагностировать температуру и продолжительность обжига собранной в заполнении горна керамики третьей группы по цвету черепка (что легче было сделать, например, в отношении керамики из низкокарбонатного ожелезненного глинистого сырья, широко использовавшегося в формовочных массах первой и второй азакских групп) из-за очень большой примеси оксида кальция, чрезвычайно трудно. Но едва ли они сильно отличались от тех, при которых обжигалась керамика второй азакской группы. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать лишь одно – температура не могла превышать 900°C, потому что при 950°, когда имеет место большое содержание CaO, происходит образование волластонита ($\text{CaO} + \text{SiO}_2 = \text{CaSiO}_4$), который сильно изменяет физические свойства керамического черепка. Волластонит как бы армирует черепок, делая его необычно прочным, что выражается в резком падении водопоглощаемости (до 5%), но это чревато образованием трещин в изделии. Наоборот, при соответствующем исследовании у третьей керамической группы была зафиксирована, как выше уже отмечалось, более высокая водопоглощаемость, чем в двух других группах местной азакской керамики. По-видимому, как раз для минимизации отрицательного воздействия возможных изменений химической структуры карбонатов при высоких температурах на керамический черепок, в формовочную массу керамики третьей группы вводился песок (большей частью в составе «желтого» лессовидного материкового суглинка и отчасти, возможно, в виде донского речного песка). По наличию в изломах некоторых образцов серых прослоек и слоев (изнутри) и отсутствию в цвете обожженного черепка выраженных красных оттенков (в то время как соединения железа в нем по данным РСФА почти столько же, как в черепке второй группы), можно предположить, что обычная

температура обжига изделий без поливы была порядка 700–800°, а выдержка при этой температуре – 2–3 часа (Перевозчиков В.И., 2006А. С. 256–357). Да и конструкция горна, исследованного по ул. Газеты Известия, 57, не была рассчитана на высокотемпературный обжиг. Возможно, именно поэтому в глазури керамики третьей группы содержалось в среднем заметно большее количество свинца, нежели в глазури на керамике второй группы (Перевозчиков, 2007. С. 147–149. Рис. 12–14)²⁶.

Немалая часть найденных в заполнении горна фрагментов неполивных сосудов имеют на поверхности черепка светло-бежевый налет, который с первого неопытного взгляда может быть интерпретирован как ангобное покрытие (рис. 8,5–7,9,2–4, 10,5,8,14,2,3). Но как показал модельный эксперимент (Перевозчиков, 2012. С. 206. Рис. 9,9, 11,24) и тщательное обследование поверхности черепка этих образцов, данный феномен получается во время обжига, а, именно, при незапланированном обильном доступе холодного воздуха к раскаленным докрасна сосудам. Такое могло произойти либо при нарушениях в регулировании отверстия дымохода, либо, что наиболее вероятно, при неожиданном обрушении свода обжигательной камеры в процессе обжига. Последнее неминуемо должно было привести также к растрескиванию и раскалыванию (при падении свода) обжигавшихся в горне изделий. На склеенных крупных частях сосудов хорошо видно, что налет имеет место не сплошь на всей поверхности сосуда, а в виде больших аморфных пятен, плавно переходящих в естественный розовый и коричневый цвет черепка, не подвергшегося в этой части массивированному притоку кислорода холодного воздуха.

В заполнении горна было также собрано 2435(2439) фрагментов керамических изделий, не являющихся продукцией гончарной мастерской, что от общего числа собранных в заполнении горна керамических образцов составляет округленно 28,1(26,1)% (см. таблицу 1, рис. 27). Подавляющая часть (2430(2434) фрагментов) – это неполиваная керамика первой (постсалтовской) группы гончаров Азака. И лишь 5 фрагментов – импорты. Интересно, что в заполнении горна не найдена керамики второй азакской группы гончаров, что свидетельствует, по-видимому, о том, что гончарам данной мастерской в быту она была попросту не нужна, т.к. собственный ассортимент полностью обеспечивал то, что могли предложить гончары второй группы. Кроме того, по целому ряду косвенных признаков (конструкция гончарного горна, изготовление амфор, наличие на керамике полосчатого лощения и др.) они, вероятно, были выходцами из «корпорации» гончаров первой группы.

Продукция гончаров первой группы представлена в комплексе фрагментами кувшинов разной величины (165 единиц или 89,7% всех профильных фрагментов неполивной керамики) и лишь 3 профильными фрагментами афтоб с красным ангобом (1,6%). Кувшины по оформлению внешней поверхности трех видов: без ангоба и лощения (32,7%), с красным ангобом (15,8%), с красным и коричневым вертикальным полосчатым лощением (51,5%). 9,7(10)% профильных фрагментов приходится на амфорную керамику с черной прослойкой в изломе и «красной» поверхностью черепка. Среди стенок тулова (2244 фрагмента) соотношение примерно такое же: кувшинообразные сосуды – 86,7%, амфоры – 9,4%. Из общей массы выделяются: фрагмент тулова чашеобразного сосуда со сплошным красновато-коричневым лощением (рис. 27,4) и фрагмент тулова очень большого сосуда, внешняя сторона которого оформлена высоким подпрямоугольным горизонтальным валиком и полосой волнистого орнамента, выполненного гребенкой (рис. 27,1).

Импорты представлены глазурованной керамикой открытой формы (рис. 27,5–9). Это фрагмент тулова испанской люстровой чаши, донца и фрагменты бортиков мисок с подангобной гравировкой под зеленой и желтой прозрачной поливой.

Таким образом, по результатам проведенного исследования керамического комплекса, собранного при спасательных раскопках гончарного горна по улице Газеты Известия, 57, была выделена новая – третья группа керамики Азака. Ее существование в Азаке доказывается как самим фактом нахождения гончарного горна большим керамическим комплексом в его

²⁶Известно: чем больше оксида свинца, тем ниже температура плавления глазури.

заполнении, так и результатами естественно-научных экспериментов, материалы которых были опубликованы автором данной работы в 2003, 2007, 2012, 2017 гг. Гончарная мастерская, которой принадлежал горн, располагалась на окраине древнего города, к западу от исследованных археологами гончарных комплексов общепризнанных первой и второй групп (Перевозчиков, 2001. С. 104–105). Ее продукция в бытовых комплексах Азака до настоящего времени специально не вычленялась. В связи с тем, что существование данной группы в своих публикациях и обобщениях археологи никогда ранее не учитывали, ее керамика, скорее всего, определялась как импортная. Кто же создатели керамики третьей группы? Такие же, как и мастера второй, – переселенцы – носители только им присущих навыков труда, создавшие на новом месте из того, что было под рукой, новый, отличный от других групп, рецепт формовочной массы, похожей по своим свойствам на ту, с которой они работали у себя на родине, и украшавшие сосуды в той технике и с использованием тех же орнаментальных мотивов и схем, которые переняли от своих предков? Или может быть это небольшая группа гончаров-экспериментаторов, которые взяли понемногу у каждой из первых двух групп (в части подготовки формовочной массы из местного сырья, конструирования сосудов и обработки поверхности) и, подражая привозным образцам (особенно это заметно по поливной посуде), создали совершенно новую группу керамики, которая, по каким-то причинам, так и не составила на азакском рынке серьезной конкуренции продукции второй группы, с которой почти полностью совпадала по ассортименту производимых изделий? Возможно, когда-нибудь, исследователи керамики золотоордынского Азака смогут найти ответы на эти и множество других вопросов.

Литература

- Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // ИАИАИАНД. 1995–1997. Азов, 1998. Вып. 15. С. 179–251.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). М.: Наука, 1991. 215 с.: ил. 85.
- Вактурская Н.Н., Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 259–342.
- Волков И.В. Керамика золотоордынского города Маджара // Археология Евразийских степей (Материалы первого Маджарского археологического форума). Казань, 2016. Вып. 23. С. 139–222.
- Галкин Л.Л. Золотоордынские керамические мастерские г. Азака (Азова) // АО. 1971. М.: Наука, 1972. С. 168–169.
- Галкин Л.Л. Керамические горны золотоордынского города Азака // СА. 1975. №1. С. 252–259.
- Гудименко И.В., Масловский А.Н., Перевозчиков В.И. Гончарный комплекс по ул. Измайлова // ИАИАИАНД. 1999–2000. Азов, 2001. Вып. 17. С. 197–221.
- Зальманг Г. Физико-химические основы керамики. М.: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1959. 391 с.
- Ларенок В.А. 150 копилочек и парадный «сервиз» из хозяйственной ямы // ДА. 2000. № 2. С. 48–59.
- Лейпунская Н.А. Керамическое производство и керамика // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2: Скифо-сарматская и античная археология. С. 455–487.
- Лукич Г.Е. Конструирование художественных изделий из керамики (теоретические основы формообразования). М.: Высшая школа, 1979. 183 с.
- Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // ТЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Турк. ССР, 1962. Т. XI. С. 217–417.
- Перевозчиков В.И. Отчет о раскопках 1 Азовского археологического отряда в 1987 году. Азов // Архив АКМ, КВФ-11011/1, 2. 1988. С. 166–177. Рис. 196, 197–202, 204–257.

- Перевозчиков В.И. Гончарная печь в траншее по улице Газеты Известия // Археология и краеведение – вузу и школе (Третья региональная научно-практическая конференция). Грозный, 1989. С. 75–77.
- Перевозчиков В.И. Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской // ИАИАНД. 1989. Азов, 1990А. Вып. 9. С. 117–135.
- Перевозчиков В.И. Новая находка гончарной печи XIV в. в Азове // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. ТД областной научно-практической конференции. Луганск, 1990Б. С. 152–155.
- Перевозчиков В.И. Гончарный комплекс XIV века в котловане под дом быта «Юбилейный» // ИАИАНД. 1991. Азов, 1993. Вып. 11. С. 160–224.
- Перевозчиков В.И. Классификация археологического материала золотоордынского времени по материалам раскопок и сборов 1960-х–1990-х гг. Азов, 1996. 93 с.: ил. 25.
- Перевозчиков В.И. История археологического изучения гончарного ремесла Азака–Таны (Предварительные данные по топографии и хронологии) // ДА. 2001. № 1–2. С. 95–108.
- Перевозчиков В.И. Информативные возможности исследования керамики на водопоглощаемость (на материалах золотоордынского Азака, других археологических центров и экспериментальных образцах) // МИА СК. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 56–72.
- Перевозчиков В.И. Гончарное ремесло Азака. XIV в. (опыт комплексного исследования технологии): дисс. к. истор. наук / Ростов. гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 2006А. 1007 с. // Архив археологии АМЗ, КВФ – 13687/1–3; Архив АМЗТ, НВФ–435/131–133, СЛ–2189–2191. 1006 с.
- Перевозчиков В.И. Гончарное ремесло Азака. XIV в. (Опыт комплексного исследования технологии): Автореф. дисс. ... канд. Ист. Наук. Воронеж, 2006Б. 24 с.
- Перевозчиков В.И. К вопросу о модельном эксперименте в археологии (опыт использования физического моделирования для реконструкции отдельных этапов гончарного ремесла золотоордынского Азака) // Вестник Танаиса, 2012. Вып. 3. С. 190–228.
- Перевозчиков В.И. Опыт исследования плотности и удельного объема керамики при изучении технологии гончарного ремесла золотоордынского Азака // Вестник Танаиса. 2017. Вып. 4. С. 156–196.
- Перевозчиков В.И., Лопаткин Е.Н. Опыт применения рентгеноспектрального флюоресцентного анализа для реконструкции технологии производства, интерпретации и систематизации изделий из глины (по материалам раскопок золотоордынского Азака) // Вестник Танаиса, 2007. Вып. 2. С. 130–172.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ. М., 1959. Новая серия. Вып. XLII. 396 с.
- Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. Кишинев: АН Молд. ССР, 1969. 210 с.
- Рахимов М.К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН Уз. ССР, 1961. 244 с. с ил.
- Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 212 с.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамические мастерские Селитренного городища // Сокровища сарматских вождов и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С. 133–248.
- Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // МИА, 1954. № 42. С. 340–368.
- Чалый В.В. Отчет об археологических раскопках в городе Азове в 1982 г. Азов, 1983. // Архив АКМ, КВФ-10190/74, 75.
- Юдин Н.И. Гончарный горн из раскопок 2015 года в Азове // Донские древности, 2019. Вып. 12: «Азак и мир вокруг него». Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. С. 221–224.
- Юдин Н.И., Кравченко С.А. К характеристике гончарного ремесла Азака начала XIV века (по материалам раскопок мастерской по пер. Социалистическому 53, в г. Азове в 2015 году) // Археология евразийских степей, 2022. №4. С. 147–154.

Таблица 1

Керамика из заполнения гончарного горна XIV в. по ул. Газеты Известия, 57. Раскопки 1988 г.

№ п/п	Наименование изделия	Характер поверхности черепка	Наименование морфологических частей	обжигательная камера		топочная камера		Всего									
				до фр-тов	после фр-тов	до фр-тов	после фр-тов	до фр-тов	после фр-тов								
				кол.	%	кол.	%	кол.	%								
1. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА																	
1.1.	Кувшины без слива	Без ангоба и лощения	фр-ты венчика с частью горла, верхней частью тулова и ручкой или ее частью	23	14%	18	12%	12	21%	12	21%	35	16%	30	14%		
			фр-ты венчика с частью горла и верхней частью тулова	102	63%	99	64%	20	35%	20	36%	122	56%	119	57%		
			фр-ты горла с верхней частью тулова и частью ручки	27	17%	27	18%	9	16%	8	14%	36	16%	35	17%		
			фр-ты ручек	10	6%	10	6%	16	28%	16	29%	26	12%	26	12%		
			Итого, % (здесь и ниже - от общего количества целых и профильных фрагментов данной формы изделия)			162	56%	154	69%	57	55%	56	57%	219	56%	210	65%
			целый			21	37%	1	3%		0%		0%	21	31%	1	3%
			фр-ты венчика с частью горла, верхней частью тулова и ручкой или ее фр.			1	2%	1	3%	4	40%	4	40%	5	7%	5	13%
			фр-ты венчика с частью горла и верхней частью тулова			24	42%	17	57%	2	20%	2	20%	26	39%	19	48%
			фр-ты горла с верхней частью тулова и нижней частью ручки			7	12%	7	23%	4	40%	4	40%	11	16%	11	28%
			фр-ты ручек			4	7%	4	13%		0%		0%	4	6%	4	10%
	Итого, %:			57	20%	30	13%	10	10%	10	10%	67	17%	40	12%		
	С вертикальным полосчатым лощением			18	90%	18	90%	27	79%	23	77%	45	83%	41	82%		
	фр-ты ручек			2	10%	2	10%	7	21%	7	23%	9	17%	9	18%		

	(в.п.п.)	Итого, %	20	7%	20	9%	34	33%	30	30%	54	14%	50	16%
	С бежевым налетом и вертикальным полосчатым лощением	фр-ты венчика с частью горла и верхней ч. тулова	35	95%	5	71%		0%		0%	35	88%	5	50%
		фр-ты горла с верхней частью тулова и нижней частью ручки	2	5%	2	29%	2	67%	2	67%	4	10%	4	40%
		фр-ты ручек					1	33%	1	33%	1	3%	1	10%
		Итого, %	37	13%	7	3%	3	3%		3	3%	40	10%	10
	С серым черепком без ангоба и лощения	фр-ты венчика с частью горла, верхней ч. тулова и ручкой с прилепом к горлу	11	92%	11	92%					11	92%	11	92%
		фр-ты венчика с частью горла и верхней ч. тулова	1	8%	1	8%					1	8%	1	8%
		Итого, %	12	4%	12	5%					12	3%	12	4%
		Всего, %	288	96,6%	223	95,7%	104	100%	99	100%	392	97,5%	322	97,0%
1.1a	Кувшины со сливом	Без ангоба и лощения	10	3,4%	10	4,3%					10	2,5%	10	3,0%
	Всего кувшинов, % (здесь и ниже по каждому изделию - от общей суммы целых изделий и профильных фрагментов неполивной продукции гончарной мастерской из заполнения горна)	фр-ты венчика с частью горла со сливом	298	19,4%	233	20,5%	104	11,6%	99	13,5%	402	16,5%	332	17,7%
		фр-ты венчика с частью горла и верхней ч. тулова	142	63%	140	76%	139	70%	125	79%	281	67%	265	77%
		фр-ты венчика с частью горла, верхней частью тулова и с верхней частью ручки с прилепом к горлу	43	19%	20	11%	51	26%	25	16%	94	22%	45	13%
		фр-ты венчика с частью горла и плечей тулова с нижней ч. ручки	3	1%	3	2%	1	1%	1	1%	4	1%	4	1%
1.2.	Афтобы (кувшинно-водолей с носиком)	фр-ты венчика с частью горла, плечей тулова, носиком и ручкой или их фрагментами	17	8%	2	1%					17	4%	2	1%
		фр-ты горла с верхней частью тулова с носиком или его частью	19	8%	19	10%	7	4%	7	4%	26	6%	26	8%
		Итого, %	224	46%	184	49%	198	54%	158	51%	422	49%	342	49%
		фр-ты венчика с частью горла и верхней частью тулова	34	74%	34	79%	23	74%	22	73%	57	74%	56	77%
	С бежевым налетом	фр-ты венчика с частью горла, верхней частью	7	15%	4	9%	6	19%	6	20%	13	17%	10	14%

	тулова и верхней частью ручки с прилепом к горлу	5	11%		5	12%	2	6%	2	7%	7	9%	7	10%
	фр-ты горла с верхней частью тулова с носиком или его частью	46	9%	43	31	11%	30	9%	77	10%	73	9%	73	11%
	Итого, %	80	54%	80	64	68%	62	54%	144	58%	142	54%	142	63%
	фр-ты венчика с частью горла и верхней частью тулова	35	24%	12	26	10%	17	22%	61	16%	29	23%	29	13%
	фр-ты венчика с частью горла, частью тулова и верхней частью ручки с прилепом к горлу	1	1%	1	3	1%	3	3%	4	3%	4	2%	4	2%
	фр-ты венчика с частью горла и верха тулова с нижней ч. ручки	8	5%	1		1%		0%	8	0%	1	3%	1	0%
	фр-ты венчика с частью горла и тулова, носиком и ручкой (или их фрагментами)	24	16%	24	25	20%	25	21%	49	23%	49	18%	49	22%
	фр-ты горла с верхней частью тулова с носиком или его частью	148	30%	118	118	31%	107	32%	266	34%	225	31%	225	33%
	Итого, %	16	22%	2	3	6%	3	18%	19	18%	5	21%	5	10%
	фр-ты венчика с частью горла и верхней ч. тулова	9	12%	4	3	12%	3	18%	12	18%	7	13%	7	14%
	фр-ты венчика с частью горла, верхней частью тулова и верхней частью ручки с прилепом к горлу	28	38%	27	11	79%	11	65%	39	65%	38	43%	38	75%
	фр-ты горла с верхней частью улова с носиком или его частью	20	27%	1		3%		0%	20	0%	1	22%	1	2%
	дно с частью тулова, носиком и нижней частью ручки	73	15%	34	17	9%	17	5%	90	5%	51	11%	51	7%
	Итого, %	491	31,9%	379	364	33,3%	312	40,6%	855	42,6%	691	35,1%	691	36,9%
	Всего, %	32	15%	32		20%			32		32	11%	32	14%
	фр-ты придонной части тулова	186	85%	125	75	80%	64	100%	261	100%	189	89%	189	86%
	фр-ты дна с придонной частью тулова	218	61,8%	157	75	65,7%	64	37,1%	293	49,6%	221	52,8%	221	60,1%
	Итого, %	2	11%	2		11%			2		2	2%	2	3%
	фр-ты придонной части тулова													
	Кувшинообразные сосуды (точная форма не определяется)													
	С вертикальным полосчатым лощением													
	С бежевым налетом и вертикальным полосчатым лощением													
	Без ангоба и лощения													
	С бежевым													

	налетом	фр-ты dna с придонной частью тулова	17	89%	16	89%	70	100%	47	100%	87	98%	63	97%
		Итого, %	19	5,4%	18	7,5%	70	34,7%	47	36,4%	89	16,0%	65	17,7%
	С вертикальным полосчатым лощением	фр-ты придонной части тулова	15	15%	15	26%					15	10%	15	21%
		фр-ты dna с придонной частью тулова	85	85%	42	74%	46	100%	13	100%	131	90%	55	79%
		Итого, %	100	28,3%	57	23,8%	46	22,8%	13	10,1%	146	26,3%	70	19,0%
	С бежевым налетом и в.п.л.	фр-ты придонной части тулова	1	6%	1	14%					1	4%	1	8%
		фр-ты dna с придонной частью тулова	15	94%	6	86%	11	100%	5	100%	26	96%	11	92%
		Итого, %	16	4,5%	7	2,9%	11	5,4%	5	3,9%	27	4,9%	12	3,3%
		Всего, %	353	23%	239	21%	202	22,5%	129	17,6%	555	22,8%	368	19,7%
		Всего кувшинообразных сосудов (кувшинов, афтоб), %	1144	74,4%	853	74,9%	670	74,7%	540	73,7%	1814	74,6%	1393	74,4%
1.3.	Горшки с одной ручкой	фр-ты венчика с частью горловины (шейки) и верхней частью тулова	62	91,2%	60	93,8%	8	80,0%	8	88,9%	70	89,7%	68	93,2%
		фр-ты венчика с частью горловины(шейки), тулова и верх частью или Целой ручкой	6	8,8%	4	6,3%	2	20,0%	1	11,1%	8	10,3%	5	6,8%
		Итого, %	68	90,7%	64	90,1%	10	90,9%	9	90,0%	78	90,7%	73	90,1%
		фр-ты венчика с частью горловины (шейки) и верхней частью тулова	7	9,3%	7	9,9%	1	9,1%	1	10,0%	8	9,3%	8	9,9%
		Всего, %	75	4,9%	71	6,2%	11	1,2%	10	1,4%	86	3,5%	81	4,3%
1.4.	"Толстостенные" сосуды закрытой формы (форма сосудовво имеющимся фрагментам не определяется)	фр-ты dna с придонной частью тулова	10	66,7%	5	50,0%					10	66,7%	5	50,0%
		фр-ты придонной части тулова	5	33,3%	5	50,0%					5	33,3%	5	50,0%
		Итого:	15	71,4%	10	62,5%					15	71,4%	10	62,5%
		фр-ты dna с придонной частью тулова	2	9,5%	2	12,5%					2	9,5%	2	12,5%
		фр-ты dna с придонной частью тулова	4	19,0%	4	25,0%					4	19,0%	4	25,0%
		Всего, %	21	1,4%	16	1,4%					21	0,9%	16	0,9%
1.5.	Амфоры	фр-ты венчика с частью горла и верхней частью ручки и тулова	1	2,0%	1	2,0%	9	8,7%	9	9,3%	10	6,5%	10	6,8%
		фр-ты горла с частью тулова	11	21,6%	11	22,0%	6	5,8%	6	6,2%	17	11,0%	17	11,6%
		ручки или их фр-ты с частями горла и тулова	23	45,1%	22	44,0%	51	49,0%	45	46,4%	74	47,7%	67	45,6%
		нижние части ручек с частями тулова	12	23,5%	12	24,0%	16	15,4%	15	15,5%	28	18,1%	27	18,4%
		Всего, %												

	донца с придонными частями тулова или их фр-ты	4	7,8%	4	8,0%	22	21,2%	22	22,7%	26	16,8%	26	17,7%
	Итого, %	51	91,1%	50	90,1%	104	88,9%	97	88,2%	155	89,6%	147	89,1%
	фр-ты венчика с частью горла и верхней частью ручек и тулова	1	20,0%	1	20,0%	2	15,4%	2	15,4%	3	16,7%	3	16,7%
	фр-ты горла с частью тулова	1	20,0%	1	20,0%	1	7,7%	1	7,7%	2	11,1%	2	11,1%
	ручки или их фр-ты с частями горла и тулова	3	60,0%	3	60,0%	4	30,8%	4	30,8%	7	38,9%	7	38,9%
	нижние части ручек с частями тулова					3	23,1%	3	23,1%	3	16,7%	3	16,7%
	донца с придонными частями тулова или их фр.					3	23,1%	3	23,1%	3	16,7%	3	16,7%
	Итого, %	5	8,9%	5	9,3%	13	11,6%	13	11,8%	18	10,4%	18	10,9%
	Всего, %	56	3,6%	55	4,8%	117	11,7%	110	16,7%	173	7,1%	165	8,8%
	ВСЕГО ЦЕЛЫХ И ПРОФИЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ НЕПОЛИВНЫХ СОСУДОВ ЗАКРЫТОЙ ФОРМЫ, % от общей суммы целых изделий и профильных фрагментов неполовной продукции гончарной мастерской из заполнения горна:												
1.6.	Чаши тазообразные	6	0,4%	6	0,5%	2	0,2%	2	0,3%	8	0,3%	8	0,4%
1.7.	Чаши глубокие большие					2	0,2%	1	0,1%	2	0,1%	1	0,05%
1.8.	Чаши пиалообразные средние	1	0,06%	1	0,09%					1	0,05%	1	0,05%
1.8а	Чаши пиалообразные малые	3	12,0%	3	27,3%	2	100%	2	100%	5	18,5%	5	38,5%
		19	76,0%	6	54,5%					19	70,4%	6	46,2%
		3	12,0%	2	18,2%					3	11,1%	2	15,4%
		25	1,6%	11	1,0%	2	0,2%	2	0,3%	27	1,1%	13	0,7%
1.9.	Чаши с вертикальным бортиком средние	28	71,8%	3	21,4%					28	63,6%	3	15,8%
		11	28,2%	11	78,6%	5	100%	5	100%	16	36,4%	16	84,2%

		(миски)													
		Итого, %	39	48,8%	14	46,7%	5	71,4%	5	83,3%	44	50,6%	19	52,8%	
1.10.	Со случайными натеками зел. поливы	фр-ты венчика с частью бортика и верхней частью тулова					2	28,6%		1	16,7%	2	2,3%	1	2,8%
	С бежевым налетом	полный профиль	17	42,5%	1	6,7%					17	42,5%	1	6,7%	
		фр-ты венчика с частью бортика и верхней частью тулова	23	57,5%	14	93,3%					23	57,5%	14	93,3%	
		Итого, %		40	50,0%	15	50,0%					40	46,0%	15	41,7%
1.11.	С бежевым налетом и случ. натеками зеленой поливы	фр-ты венчика с частью бортика и верхней частью тулова	1	1,3%	1	3,3%					1	1,1%	1	2,8%	
	Тарелки мелкие	Всего, %	80	5,2%	30	2,6%	7	0,8%	6	0,8%	87	3,6%	36	1,9%	
		Без ангоба и лощения	фр-ты венчика с частью бортика и тулова	1	0,06%	1	0,09%					1	0,04%	1	0,05%
	Сосуды открытой формы (форма сосудов достоверно не определяется)	С бежевым налетом	фр-ты дна на кольцевом поддоне с придонной ч. тулова	2	22,2%	2	40%	1	20,0%	1	20,0%	3	23%	3	27,3%
Без ангоба и лощения		фр-ты дна на кольцевом поддоне с придонной ч. тулова	6	66,7%	3	60%	4	80,0%	4	80,0%	10	77%	7	63,6%	
		Всего, %	8	0,5%	5	0,4%	5	0,6%	5	0,7%	13	0,5%	10	0,5%	
	ВСЕГО ПРОФИЛЬНЫХ ФР-ТОВ НЕПОЛИВНЫХ СОСУДОВ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ, % от общей суммы целых изделий и профильных фрагментов неполивной продукции гончарной мастерской из заполнения горна		121	7,9%	54	4,7%	18	2,0%	16	2,2%	139	5,7%	70	3,7%	
1.11.	Без ангоба и лощения	фр-ты венчика с частью бортика и верхней частью тулова	28	77,8%	25	83,3%	12	100,0%	12	100,0%	40	83,3%	37	88,1%	
		фр-ты дна с придонной частью тулова	8	22,2%	5	16,7%					8	16,7%	5	11,9%	
	Туваки	Итого, %	36	97,3%	30	96,8%	12	100%	12	100%	48	98,0%	42	97,7%	
		фр-ты венчика с частью бортика и верхней частью тулова	1	2,7%	1	3,2%					1	2,0%	1	2,3%	
1.12.	Без ангоба и лощения	Всего, %	37	2,4%	31	2,7%	12	1,3%	12	1,6%	49	2,0%	43	2,3%	
		фр-ты дна с частью тулова	29	80,6%	23	92,0%	10	43,5%	10	66,7%	39	66,1%	33	82,5%	
	Копилки	фр-ты дна с частью тулова	7	19,4%	2	8,0%	13	56,5%	5	33,3%	20	33,9%	7	17,5%	
		Всего, %	36	2,3%	25	2,2%	23	2,6%	15	2,0%	59	2,4%	40	2,1%	
1.13.	С бежевым налетом	фр-ты венчика с частью бортика, тулова и дна	3	0,2%	2	0,2%					3	0,1%	2	0,1%	
		Итого, %													

	Без ангоба, с натеками зеленой, и желто-корич. поливы	фрагменты	Всего, %													
			1	3,8%	1	4,2%	4	2,3%	21	2,9%	1	2,2%	1	2,3%		
1	ВСЕГО ЦЕЛЫХ И ПРОФИЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ НЕПОЛИВНЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, % от общей суммы целых изделий и профильных фрагментов неполивной продукции гончарной мастерской из заполнения горна:															
	ВСЕГО ЦЕЛЫХ И ПРОФИЛЬНЫХ ФР-ТОВ НЕПОЛИВНЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ, % от неполивной керамики, включая непрофильные фрагменты стенок сосудов, являющейся продукцией гончарной мастерской, из заполнения горна:															
	1112	7,1%	1112	7,1%	1112	7,1%	385	100%	385	100%	453	23,3%	1112	57%	1112	57%
	453	29%	453	29%	453	29%							453	23,3%	453	23,3%
2	Итого, % (здесь и далее - от общего числа непрофильных фр-тов неполивных сосудов)															
	1565	49,3%	1565	49,3%	1565	49,3%	385	42,8%	385	42,8%	1950	47,9%	1950	47,9%	1950	47,9%
	536	72,8%	536	72,8%	536	72,8%	402	100%	402	100%	938	82,4%	938	82,4%	938	82,4%
	200	27,2%	200	27,2%	200	27,2%					200	17,6%	200	17,6%	200	17,6%
3	Итого, %															
	736	23,2%	736	23,2%	736	23,2%	402	44,7%	402	44,7%	1138	27,9%	1138	27,9%	1138	27,9%
4	Без ангоба и лощения фр-ты тулова с гориз. рифлением															
	183	5,8%	183	5,8%	183	5,8%	48	5,3%	48	5,3%	231	5,7%	231	5,7%	231	5,7%
5	Без ангоба и лощения фр-ты тулова с гориз. рифлением															
	40	100%	40	100%	40	100%	15	75%	15	75%	55	91,7%	55	91,7%	55	91,7%
6	С бежевым налетом фр-ты тулова с гориз. рифлением															
	40	1,3%	40	1,3%	40	1,3%	20	2,2%	20	2,2%	60	1,5%	60	1,5%	60	1,5%
7	Без ангоба и лощения фр-ты тулова															
	1	0,03%	1	0,03%	1	0,03%	2	0,2%	2	0,2%	3	0,07%	3	0,07%	3	0,07%
8	Без ангоба и лощения фр-ты тулова															
	2	0,06%	2	0,06%	2	0,06%					2	0,05%	2	0,05%	2	0,05%
9	Без ангоба и лощения фр-ты тулова															
	13	92,9%	13	92,9%	13	92,9%					13	92,9%	13	92,9%	13	92,9%
10	С бежевым налетом фр-т тулова															
	1	7,1%	1	7,1%	1	7,1%					1	7,1%	1	7,1%	1	7,1%
11	Итого, %															
	14	0,4%	14	0,4%	14	0,4%					14	0,3%	14	0,3%	14	0,3%

8	Стенки копилок	Без ангоба и лощения	фр-ты тулова	64	2,0%	64	3,0%	40	7,8%	40	7,8%	104	3,9%	104	3,9%	
9	Стенки труб-кубуров	Без ангоба и лощения	фр-ты тулова	13	0,4%	11	0,3%	2	0,2%	2	0,2%	15	0,4%	13	0,3%	
10	Стенки неопределимых «сероглиняных» сосудов з. ф.	Без ангоба и лощения	фр-ты тулова	4	0,1%	4	0,1%					4	0,1%	4	0,1%	
11	Стенки неопределимых «красноглиняных» сосудов з. ф.	Без ангоба и лощения	фр-ты тулова	121	24,9%	121	24,9%					121	24,9%	121	24,9%	
		С вертикальным полосчатым лощением	фр-ты тулова	365	75,1%	365	75,1%					365	75,1%	365	75,1%	
		Итого, %		486	15,3%	486	15,3%					486	11,9%	486	11,9%	
12	Стенки «красноглиняных» толстостенных сосудов з. ф.	Без ангоба и лощения	фр-ты тулова	66	2,1%	65	2,0%					66	1,6%	65	1,6%	
	ВСЕГО НЕПРОФИЛЬНЫХ ФР-ТОВ (СТЕНОК) НЕПОЛИВНЫХ СОСУДОВ, % от неполивной керамики, являющейся продукцией гончарной мастерской, из заполнения горна:			3174	67,4%	3171	73,6%	899	50,1%	899	55,1%	4073	62,6%	4071	68,5%	
	ВСЕГО ЦЕЛЫХ, ПРОФИЛЬНЫХ И НЕПРОФИЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ НЕПОЛИВНЫХ ИЗДЕЛИЙ, % от всей продукции гончарной мастерской из заполнения горна:			4711	93,4%	4310	95,2%	1795	95,7%	1632	95,5%	6506	94,0%	5942	95,3%	
2. ПОЛУФАБРИКАТЫ ПОД ПОЛИВНУЮ КЕРАМИКУ (с белым ангобом, без поливы)																
2.1.	Кувшины	Без декора	фр-ты венчика с частью горла и верхней частью тулова					3	10%	3	10%	3	3%	3	3%	
			фр-ты ручек	2	2,9%	2	3%	2	7%	2	7%	4	4%	4	4%	
			фр-ты тулова с нижней частью ручки	2	2,9%	2	3%	3	10%	3	10%	5	5%	5	5%	
			фр-ты дна с придонной частью тулова					1	3%	1	3%	1	1%	1	1%	
			фр-т тулова	66	94,3%	65	94,2%	21	70,0%	21	70,0%	87	87,0%	86	86,9%	
			Итого, % (здесь и ниже по каждой форме - от суммы фр-тов всех полуфабрикатов):			70	31%	69	36,9%	30	44,1%	30	44,8%	100	34%	99
2.2.	Кувшины-	Без декора	фр-ты венчика с частью горла и	2	0,9%	1	0,5%					2	0,7%	1	0,4%	

3. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА, НЕ ЯВЛЯЮЩАЯСЯ ПРОДУКЦИЕЙ ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ (первая (постсалтовская) группа азакской керамики)

3.1.	Кувшинообразные сосуды (РФК-3-5) с шамотом	Без ангоба и лощения	фр-ты венчика с ч. горла и верхней ч. тулова						14	25,5%	14	25,9%	14	25,5%	14	25,9%	14	25,9%			
			фр-ты венчика с ч. горла и верхней ч. тулова с ручкой или ее верхней ч.					4	7,3%	4	7,4%	4	7,4%	4	7,3%	4	7,4%	4	7,4%		
			фр-ты горла с частью тулова и нижней частью ручки					6	10,9%	6	11,1%	6	11,1%	6	10,9%	6	11,1%	6	11,1%		
			ручки и их фр-ты					18	32,7%	17	31,5%	18	32,7%	17	32,7%	17	31,5%	17	31,5%		
			донца с придонными ч. тулова или их фр- ты					13	23,6%	13	24,1%	13	23,6%	13	23,6%	13	23,6%	13	24,1%		
			Итого, %					55	43,7%	54	43,9%	55	43,9%	55	43,9%	54	43,7%	54	43,9%		
			фр-ты венчика с частью горла и верхней ч. тулова	1	10,0%	1	10,0%				5	29,4%	5	31,3%	6	22,2%	6	22,2%	6	23,1%	
			фр-ты горла с частью тулова и нижней частью ручки	2	20,0%	2	20,0%				4	23,5%	3	18,8%	6	22,2%	6	22,2%	5	19,2%	
			ручки и их фр-ты						0,0%		3	17,6%	3	18,8%	3	11,1%	3	11,1%	3	11,5%	
			донца с придонными ч. тулова или их фр.	7	70,0%	7	70,0%				5	29,4%	5	31,3%	12	44,4%	12	44,4%	12	46,2%	
			Итого, %	10	23,8%	10	23,8%				17	13,5%	16	13,0%	27	16,1%	27	16,1%	26	15,8%	
			3.2.	Афтобы	С красным и коричневым вертикальным полосчатым лощением	фр-ты венчика частью горла и верхней частью тулова						31	96,9%	31	96,9%	24	45,3%	56	65,1%	55	64,7%
						фр-ты венчика с ч. горла и верхней ч. тулова с ручкой или ее верхней частью	1	3,1%	1	3,1%			8	14,8%	8	15,1%	9	10,5%	9	10,5%	9
фр-ты горла с частью тулова и нижней частью ручки											6	11,1%	6	11,3%	6	7,0%	6	7,0%	6	7,1%	
ручки и их фр-ты										2	3,7%	2	3,8%	2	2,3%	2	2,3%	2	2,4%		
донца с придонными ч. тулова или их фр- ты										13	24,1%	13	24,5%	13	15,1%	13	15,1%	13	15,3%		
Итого, %	32	76,2%				32	76,2%			54	42,9%	53	43,1%	86	51,2%	85	51,2%	85	51,5%		
Всего, %	42	93,3%				42	93,3%			126	88,1%	123	88,5%	168	89,4%	165	89,4%	165	89,7%		
фр-т венчика с частью горла	1	33,3%				1	33,3%							1	33,3%	1	33,3%	1	33,3%		

		фр-т ручки с частью тулова	1	33,3%	1	33,3%					1	33,3%	1	33,3%	
		фр-т дна с придонной частью тулова	1	33,3%	1	33,3%					1	33,3%	1	33,3%	
		Всего, %	3	6,4%	3	6,4%					3	1,6%	3	1,6%	
3.3.	Амфоры (с «черной» прослойкой в черепке)	фр-ты венчика с частью горла и верхней частью ручек и тулова					1	5,9%	1	6,3%	1	5,3%	1	5,6%	
		фр-ты горла с частью тулова	1	50,0%	1	50,0%					1	5,3%	1	5,6%	
		ручки или их фр-ты с частями горла и тулова					9	52,9%	8	50,0%	9	47,4%	8	44,4%	
		нижние ч. ручек с частью тулова	1	50,0%	1	50,0%	2	11,8%	2	12,5%	3	15,8%	3	16,7%	
		донца с придонными ч. тулова и их фр-ты					5	29,4%	5	31,3%	5	26,3%	5	27,8%	
		Итого, %	2	4,2%	2	4,2%	17	11,9%	16	11,5%	19	10%	18	9,7%	
		ВСЕГО ПРОФИЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ, % от суммы всех фрагментов неполивной керамики, включая фрагменты стенок сосудов неопределимой формы, не являющейся продукцией гончарной мастерской, из заполнения горна:	47	7,8%	47	7,8%	143	7,8%	139	7,6%	190	7,8%	186	7,7%	
3.4.		Сосуд открытой формы (чаша)	Со сплошным красновато-коричневым лощением	1	0,2%	1	0,2%					1	0,04%	1	0,04%
1			Фрагменты стенок кувшинообразных сосудов	Без ангоба и лощения	225	57,4%	225	57,4%	811	88,9%	811	88,9%	1036	79,4%	
				С в. п. л.	163	29,4%	163	29,4%	747	44,3%	747	44,3%	910	40,6%	
	Итого, %			388	69,8%	388	69,8%	1558	92,3	1558	92,3	1946	86,7%		
2	Фрагменты стенок амфор		Без ангоба и лощения	81	20,7%	81	20,7%	101	77,7%	101	77,7%	182	86,3%		
		С красным ангобом					11	8,5%	11	8,5%	11	5,2%			
		С белым ангобом					18	13,8%	18	13,8%	18	8,5%			
3	Фрагменты стенок неопределимых сосудов закрытой формы	Итого, %	81	14,6%	81	14,6%	130	7,7%	130	7,7%	211	9,4%			
		Без ангоба и лощения	86	15,4%	86	15,4%					86	3,86%			
	ВСЕГО НЕПРОФИЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ (СТЕНОК) НЕПОЛИВНЫХ СОСУДОВ, % от суммы всех фрагментов	556	92,2%	556	92,2%	1688	92,2%	1688	92,4%	2244	92,2%	2244	92,3%		

		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		
		снаружи																		
4.4a	Чаши пиалоподобные малые	По белому ангобу изнутри	бесцветная	без орнаментации	фр-т венчика с частью бортика и тулова	23	23,1%	1	4,8%	1	29%	9	19,7%	1	4,3%	1	2,6%	23	23,1%	
4.5.	Чаши с вертикальным бортиком (миски)	По белому ангобу	зеленая	без орнаментации	фр-т венчика с частью бортика и тулова	2	25%	1	17%	2	33%	1	25%	2	29%	2	20%	4	20%	
"сграффито"				фр-т венчика с частью бортика и тулова	2	33%	2	33%	1	25%	1	14%	1	10%	2	14%	1	10%	2	20%
с подцветкой зеленым				фр-т венчика с частью бортика и тулова	3	38%	2	33%	0	0%	2	33%	3	21%	2	21%	2	20%	3	20%
По белому ангобу		темно-зеленая (черная)	"сграффито"	фр-т венчика с частью бортика и тулова	1	13%	1	17%	1	17%	1	17%	1	7%	1	10%	1	10%	1	10%
			"сграффито" и подцветка зеленым	фр-т венчика с частью бортика и тулова	1	13%	1	17%	1	17%	1	17%	1	14%	2	14%	2	20%	2	20%
			без орнаментации	фр-т венчика с частью бортика и тулова	1	100%	1	100%	1	100%	1	100%	1	50%	1	50%	1	50%	1	50%
				Итого, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		
4.6.	Тарелки мелкие	По белому ангобу изнутри	темно-зеленая	без орнаментации	фр-т венчика с частью бортика и тулова	4	3,8%	1	3,3%	1	3,3%	1	3,4%	1	2,6%	1	2,6%	4	3,4%	
Сосуды открытой формы (форма сосудов достоверно не определяется)	По белому ангобу	зеленая	"сграффито"	дно с придонной частью тулова	1	50%	1	50%	1	50%	1	25%	1	25%	1	25%	1	25%	1	25%
			бесцветная изнутри и зеленая снаружи	дно с придонной частью тулова	1	50%	1	50%	1	50%	1	25%	1	25%	1	25%	1	25%	1	25%
			зеленая	фр-ты дна	1	1,9%	2	6,7%	2	15,4%	2	22,2%	4	3,4%	4	10,3%	4	10,3%	4	10,3%
				Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		Всего, %		

ВСЕГО ФР-ТОВ СОСУДОВ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ, % от поливной продукции гончарной мастерской из заполнения горна:	42	40,4%	19	63,3%	8	61,5%	6	66,7%	50	42,7%	25	64%
	ВСЕГО ФРАГМЕНТОВ ПОЛИВНЫХ СОСУДОВ, % от всей продукции гончарной мастерской из заполнения горна:	109	2,2%	31	0,7%	13	0,7%	9	0,5%	122	1,8%	40

ВСЕГО ОБРАЗЦОВ (ЦЕЛЫХ И ФР-ТОВ) КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ ИЗ ЗАПОЛНЕНИЯ ГОРНА, % от всей керамики из заполнения горна	5046	89,23 %	4528	88,22 %	1876	50,57 %	1708	48,27 %	6922	73,95 %	6236	71,94 %
---	------	---------	------	---------	------	---------	------	---------	------	---------	------	---------

5. ИМПОРТНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Сосуды открытой формы	По белому ангобу	зеленая прозрачная	без орнаментации и "сграффито"	дно с придонной частью тулова фр-т венчика с частью бортика миски(?)	1	25%	1	25%	1	100%	2	40%	2	40%
		желтая прозрачная	"сграффито"	фр-т венчика с частью бортика миски(?)	1		1		1		1	20%	1	20%
	Непосредственно по черепку	белая опаковая	надглазурной росписью синим и коричневый (испанский "люстр")	фр-т нижней части тулова пиалы (?) малой	1	25%	1	25%	1	100%	1	20%	1	20%
		ВСЕГО фрагментов поливных сосудов, % от всей керамики, не являющейся продукцией гончарной мастерской, из заполнения горна:	4	0,07%	4	0,08%	1	0,03%	1	0,03%	5	0,05%	5	0,06%

ВСЕГО ФРАГМЕНТОВ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПРОДУКЦИЕЙ ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ, ИЗ ЗАПОЛНЕНИЯ ГОРНА, % от всей керамики из заполнения горна	607	10,77 %	607	11,78 %	1832	49,43 %	1828	51,73 %	2439	26,05 %	2435	28,06 %
---	-----	---------	-----	---------	------	---------	------	---------	------	---------	------	---------

ОБЩАЯ СУММА ЦЕЛЫХ И ФРАГМЕНТОВ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЗАПОЛНЕНИЯ ГОРНА:	5653	5135	3708	3536	9361	8671
--	------	------	------	------	------	------

ТАБЛИЦА 2

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕРЕПКА ВЫБОРОЧНЫХ ОБРАЗЦОВ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ
ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ XIV В. ИЗ ЗАПОЛНЕНИЯ ГОРНА ПО УЛ. ГАЗЕТЫ ИЗВЕСТИЯ, 57. РАСКОПКИ 1988 г.**

№ п/п	Наименование и краткое описание, техника изготовления	Полевые шифры, учет. обозначения, шифры артефактов по др. исследованиям	Общая характеристика излома черепка	Примеси						
				шамот	зерна песка	блестки слоды	карбонаты	охристые рыхлые включения	серые, черные и коричневые рыхлые вкл.	другие примеси
1	2	3	5	6	7	8	9	10	11	12
6.1	Фр-т нижней части горла с верхней частью тулова афтобы без ангоба и лощения; поверхность черепка – бледно- светло-коричневая. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КВФ- 11514/444. В.м.-44(53а). П-33.	сравнительно пористый, светло- коричневый с розоватым оттенком	-	относительн о частые мельчайшие непрозрачн ые серые и белые окаганные	относительн о частые мельчайшие	частые мельчайшие светло- бежевые	-	-	-
6.2	Фр-т тулова афтобы с вертикальным полосчатым лощением и бежевым налетом; поверхность черепка – снаружи светло-бежевая (почти белая), изнутри оранжево-светло- коричневая с розоватым оттенком. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. В.м.-43(14). П-34.	сравнительно пористый, розово- оранжево-светло- коричневый	-	относительн о частые мельчайшие непрозрачн ые белые и серые окаганные	относительн о частые мельчайшие	единичные мелкие и очень редкие точечные и мельчайшие серовато- белые	-	-	очень редкие крупные конкреци и темно- серого минерала
6.3	Фр-т тулова горшка с редким неглубоким рифлением; поверхность черепка – светло- коричневая (снаружи) и серовато-светло-коричневая с розоватым оттенком (изнутри). Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. В.м.-45(15). П-35.	сравнительно пористый, светло- коричневый со слабо заметным розоватым оттенком	-	частые мельчайшие окаганные прозрачные бесцветные и матовые белые и серые	относительн о частые мельчайшие	единичные точечные белые	-	-	-
6.4	Фр-т тулова копилки без ангоба и лощения; поверхность черепка – светло-коричневая с очень слабым розоватым оттенком. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. В.м.-46(16). П-36.	сравнительно пористый, светло- коричневый с розоватым оттенком	-	относительн о частые мельчайшие окаганные непрозрачн ые серые	относительн о частые мельчайшие	единичные точечные и мельчайшие белые	-	очень редкие точечные черные	-

6.5	Фр-т тулова амфоры с рифлением; поверхность черепка – розово-светло- коричневая снаружи и светло- коричневая с розоватым оттенком изнутри. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. В.м.-48. П-37(2).	сравнительно пористый, трехслойный – розово- оранжево-светло- коричневый снаружи, светло- коричневый посередине и серо- темно-бежевый изнутри	-	относительн о частые мельчайшие прозрачные бесцветные и непрозрачн ые серые окатанные	относительн о частые мельчайшие	-	-	редкие точечные серые	единичны е мелкие конкреци и черного минерала
6.6	Фр-т тулова амфоры с рифлением; поверхность черепка – розовато-светло- коричневая снаружи и светло- коричневая изнутри. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. В.м.-49 П-38(3).	сравнительно пористый, оранжево- розово- коричневый снаружи и темно- бежевый изнутри	-	относительн о частые мельчайшие полупрозра чные белые и серые окатанные	относительн о частые мельчайшие	-	-	-	-
6.7	Фр-т тулова амфоры с рифлением; поверхность черепка – розовато-светло- коричневый снаружи и светло- коричневый изнутри. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КП-11514/984. В.м.-47(4е). П-39(4).	сравнительно пористый, тонкий розово-светло- коричневый снаружи и толстый темно-бежевый изнутри	-	относительн о частые мельчайшие окатанные	относительн о частые мельчайшие	-	-	очень редкие точечные темно- серые и черные	-
6.8	Фр-т горла афтобы – полуфабриката с белым ангобом на обеих сторонах; поверхность черепка – местами розово-, местами серо-светло- бежевая (ангоб). Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., топка. АКМ КВФ- 11514/2085. РСФА-А-29А. В.м.-50(55а). П-40.	сравнительно пористый, розовато-светло- коричневый	-	сравнительн о редкие мельчайшие матовые окатанные	сравнительн о редкие мельчайшие	единичные точечные и редкие мельчайшие светло- бежевые	-	-	-
6.9	Фр-т ручки кувшина- полуфабриката с белым ангобом (белился на палец); поверхность черепка – светло- бежевая с розоватым оттенком (ангоб). Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КВФ- 11514/1019. В.м.-51(10в). П-41.	сравнительно пористый, по краям розовато- бледно- коричневый, далее толстый серовато- бежевый с пепельно-серой прослойкой	-	сравнительн о редкие мельчайшие окатанные	сравнительн о редкие мельчайшие	-	-	сравнительн о редкие точечные и мельчайшие черные	-

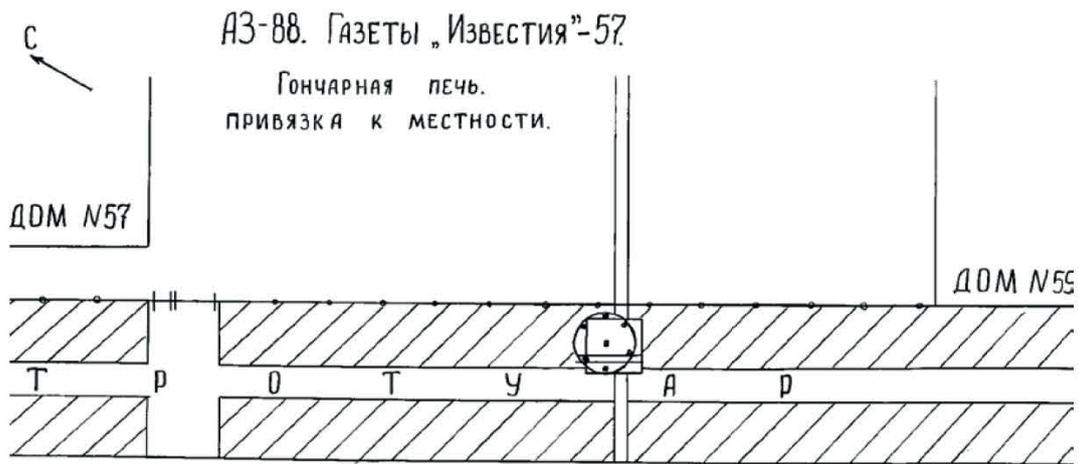
6.10	Фр-т дна с придонной частью тулова чаши-полуфабриката с белым ангобом на внутренней стороне; поверхность черепка – светло-коричневая. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КВФ-11514/1200 В.м.-53(12в). П-42.	сравнительно пористый, неоднотонный – розовато-светло-коричневый, переходящий через светлый коричневый в утолщающуюся к дну темно-серую прослойку	-	сравнительно о редкие мельчайшие окатанные прозрачные бесцветные и непрозрачные серые	относительно о частые мельчайшие	единичным и точечные серовато-белые	-	-	-
6.11	Фр-т тулова колыба с врезным штампованным геометрическим орнаментом; поверхность черепка – серо-бледно-коричневая с розоватым оттенком. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. АКМ КП-25313/245. В.м.-58. П-43(1).	коричневый с оранжеватым оттенком,	-	относительно о частые мельчайшие прозрачные бесцветные и непрозрачные серые окатанные	частые мельчайшие	-	-	-	-
6.12	Фр-т венчика с частью тулова «колыба» с врезным гравированным геометрическим орнаментом. Поверхность черепка – светло-коричневая с розоватым оттенком. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КП-25313/126. РСФА-А-27. В.м.-59(57а). П-44.	сравнительно пористый, светлый коричневый с розоватым оттенком	-	сравнительно о редкие мельчайшие и точечные прозрачные бесцветные и непрозрачные белые окатанные	относительно о частые мельчайшие	единичные мельчайшие бежевые	-	-	-
6.13	Фр-т нижней части «сария»; поверхность черепка – снаружи серо-бежевая, на внутренней стороне розово-светло-коричневая. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КП-25313/123. РСФА-А-26. В.м.-60(54а). П-45.	сравнительно пористый, неоднотонный – розово-коричневый с прослойкой розовато-светло-коричневого цвета	сравнительно о редкие вкл., мелкодробленый, бледно-розового цвета	редкими точечными и относительно о частыми мельчайшими окатанными	редкие мельчайшие	-	-	-	-

6.14	Сепая (с отбитыми «шипками») с натеками зеленой поливы; поверхность черепка – темно-бежевая с розоватым оттенком. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. л., обж. кам. АКМ КП-25313/135. РСФА-А-25. В.м.- 61(58а). П-46.	сравнительно пористый, розово-коричневый	-	относительн о частые мельчайшие прозрачные бесцветные окатанные	редкие мельчайшие	-	-	-
6.15	Фр-т тулова тонкостенного кругального горшка с рифлением снаружи и зеленой прозрачной поливой непосредственно по черепку изнутри; поверхность черепка – серая. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. л., обж. кам. АКМ КП-25313/214. РСФА-М-29. В.м. - 55(246). П-47.	сравнительно пористый, светлого серый с коричневатым оттенком и местами с розовато-бежевой прослойкой и отпечатками растительности (иногда с хорошо выраженной фактурой листьев)	-	сравнительн о редкие мельчайшие прозрачные бесцветные окатанные	относительн о частые мельчайшие	-	-	очень редкие точечные черные.
6.16	Фр-т дна чаши с поангобной гравировкой («граффито») с бесцветной поливой на внутренней стороне и поливой на внешней; поверхность черепка – серо-бежевая. Круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. л., топка. АКМ КП-25313/277. РСФА-М-27. В.м.- 56(59а). П-48.	сравнительно пористый, не однотонный – от бежевого (поддон) до светлого-серого (тулова)	-	сравнительн о редкие мельчайшие окатанные	относительн о частые мельчайшие	-	-	-

ПРИМЕЧАНИЕ.

Условные обозначения. В.м. – код артефакта при исследовании керамики на водопоглощаемость - открытую пористость. П – код артефакта при исследовании керамики на плотность и удельный объем. РСФА – код артефакта при исследовании химического состава керамики посредством рентгеноспектрального флуоресцентного анализа (см. Перевозчиков В.И., 2006А, с. 538-539; Перевозчиков В.И., 2017, с. 172-174; Перевозчиков В.И., 2007, с. 132-133)

Основные понятия. Единичные включения – 1-3 на весь излом черепка, редкие – в среднем 1-3 включения на 1 см излома, частые – более 3-х на 1 см излома. Мельчайшие включения – фиксирующиеся лишь при 2-3-х кратном увеличении, точечные – до 0,5 мм, мелкие – от 0,5 до 2 мм, крупные – более 2 мм. Мелкодробленый шмот представляет мельчайшими (видимыми только в лупу), точечными (до 0,5 мм) и мелкими (до 2 мм) фракциями. Относительно – значит не абсолютно, не безусловно; употребление этого наречия отражает отсутствие полной уверенности при описании конкретного факта или явления. Сравнительно – в сравнении с другим фактом того же порядка, либо с признаком того же рода; также отражает отсутствие полной уверенности.

УЛ. ГАЗЕТЫ „ИЗВЕСТИЯ”

ПРОЕЗЖАЯ ЧАСТЬ.

1

2

3

4

5

РИС. 1. ИССЛЕДОВАНИЯ ГОНЧАРНОГО ГОРНА ПО УЛ. ГАЗЕТЫ ИЗВЕСТИЯ, 57. Иллюстрации из научного отчета (Перевозчиков В.И. Отчет о раскопках 1 Азовского археологического отряда в 1987 году. Азов // Архив АКМ, КВФ-11011/2. Рис. 196, 192, 194, 193, 195): 1 – план-привязка к местности; 2 – общий вид на участок с Ю; 3– вид на остатки горна, разрушенного шурфом под распределительный колодец, вид с Ю-3; 4 – выборка керамики из отвала строительной траншеи и шурфа под распределительный колодец, вид с Ю; 5 – доследования обжигательной камеры горна, рабочий момент, вид с Ю.

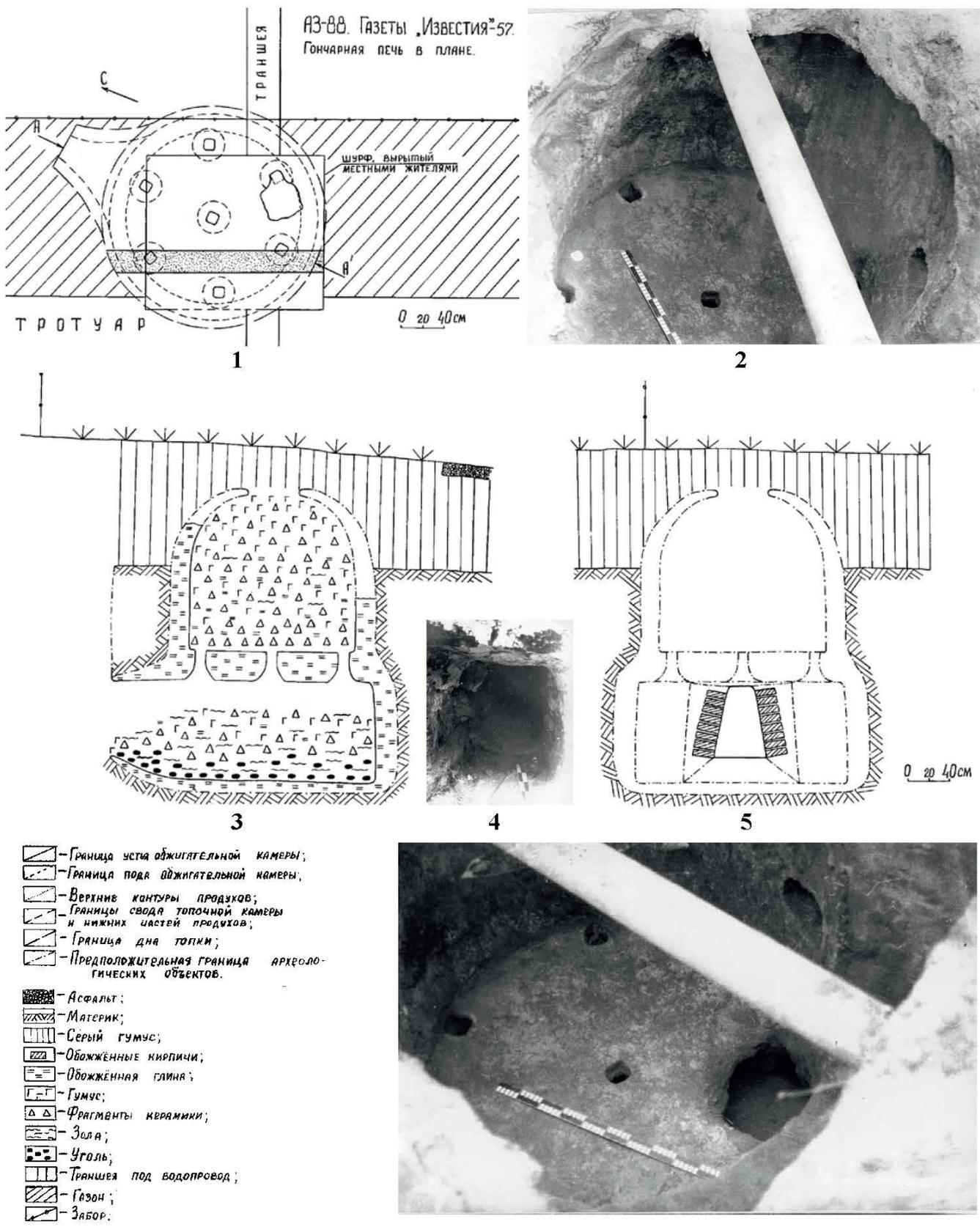

РИС. 2. ГОНЧАРНЫЙ ГОРН ПО УЛ. ГАЗЕТЫ ИЗВЕСТИЯ, 57. Иллюстрации из научного отчета (Перевозчиков В.И. Отчет о раскопках 1 Азовского археологического отряда в 1987 году. Азов//Архив АКМ, КВФ–11011/2 (Архив АКМ, КВФ–11011/2. Рис. 197, 198, 200–202, 207). 1 – общий план; 2 – обжигательная камера после зачистки, вид с Ю; 3 – разрез горна по оси А–А' (С–Ю); 4 – устье топочной камеры изнутри, из топки, вид с Ю; 5 – реконструкция вида на горн с С; 6 – вид на расчищенную обжигательную камеру с ЮЗ.

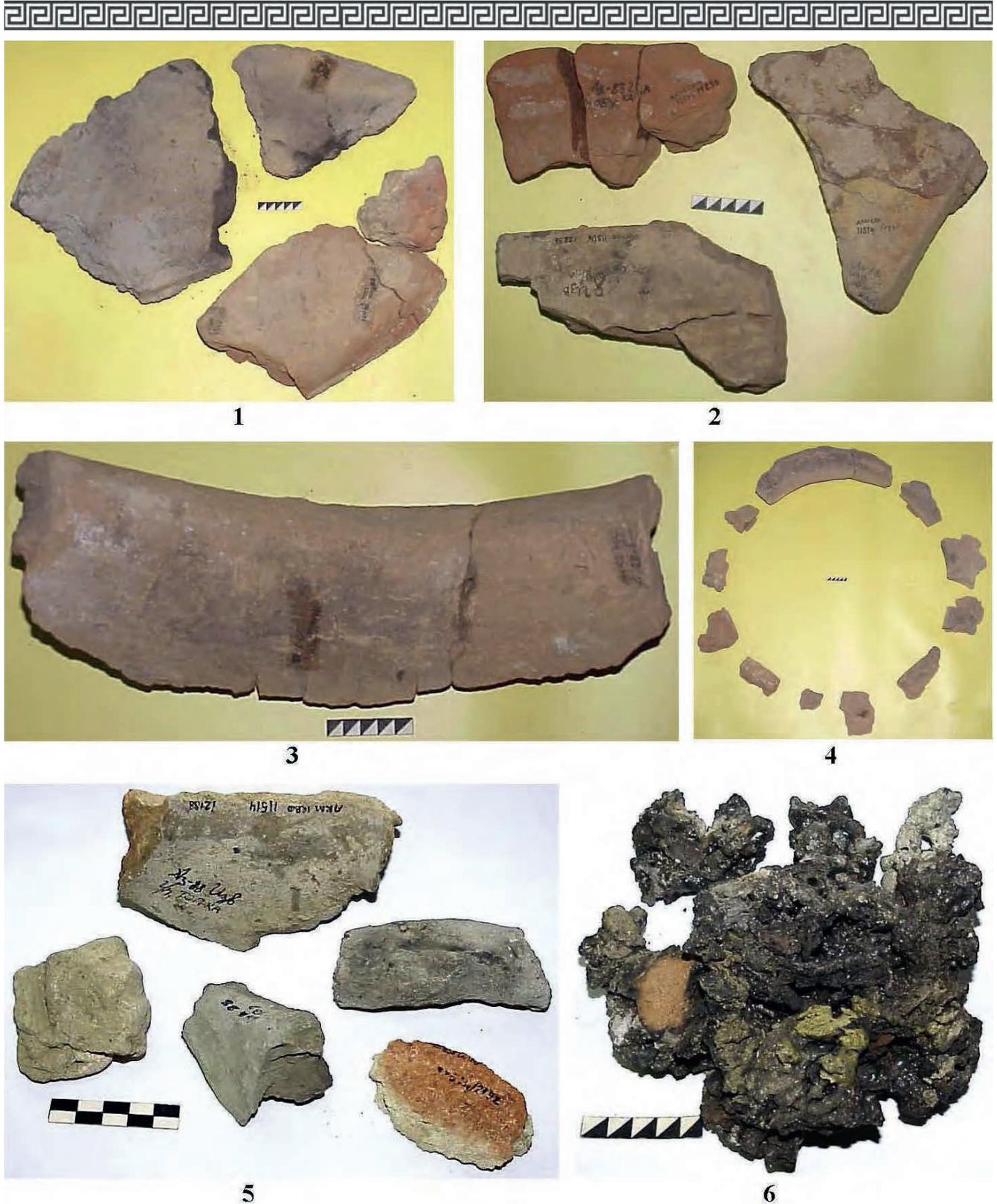

РИС. 3. НАХОДКИ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИЮ ГОРНОВОГО ОБЖИГА.

1 – фрагменты крышки (?) устья обжигательной камеры в виде диска из обожженной формовочной массы с большим содержанием песка, топка, АКМ КП–25313/279,280; *2* – фрагменты толстых плит из обожженной глины, обжигательная камера, АКМ КВФ–11514/1237–1239; *3* – самый крупный фрагмент устья обжигательной камеры, на поде, АКМ КП–25313/282; *4* – реконструкция диаметра устья обжигательной камеры с использованием его фрагментов, АКМ КП–25313/282; *5* – фрагменты ошлакованных продуктов пода обжигательной камеры, топка, АКМ КВФ–11514/2187–2189, 2192, 2193; *6* – шлак из топочной камеры.

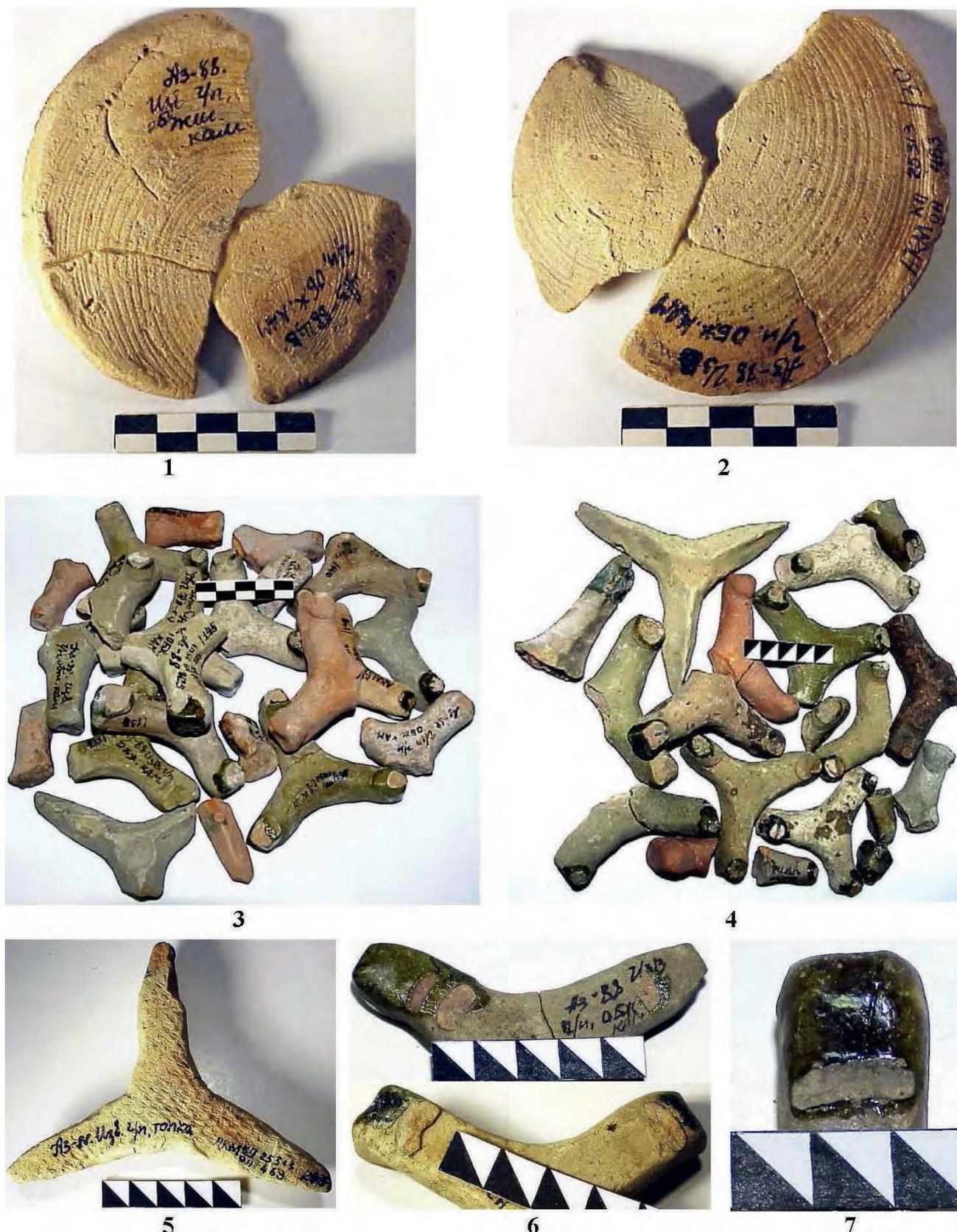

РИС. 4. КЕРАМИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ. ДИСК И СЕПАИ.

1, 2 – подкладной диск (?) (фото с двух сторон), обж. кам., АКМ КП–25313/30; 3 – сепай – разделители для обжига поливной посуды открытой формы, с натеками зеленой и желто–коричневой поливы и без, обж. кам., АКМ КП–25313/132–155; 4 – сепай с натеками зеленой поливы и без, топка, АКМ КП–25313/245–264; 5 – остросеребряная сепая с отпечатками какого-то материала на ее основании, топка, АКМ КП–25313/247; 6,7 – следы отколов поддонов поливных чаш (после обжига) на основаниях сепай, обж. кам., АКМ КП–25313/135, 133, 139.

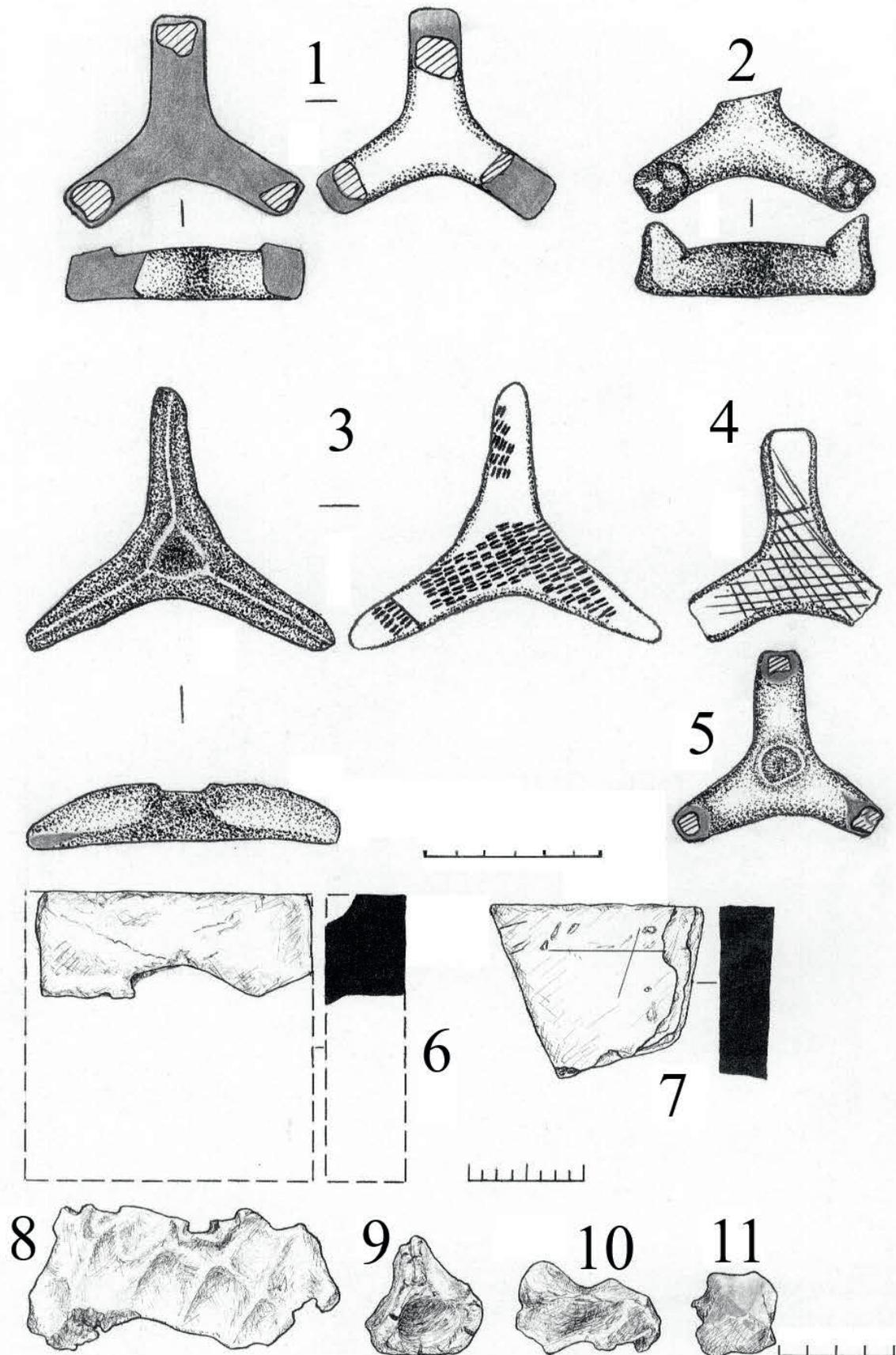

РИС. 5. КЕРАМИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ. Сепай: 1 – обж. кам., АКМ КП–25313/132; 2–5 – топка, АКМ КП–25313/255,247,248. Кирпичи: 6, 7 – топка, АКМ КВФ–11514/2200,2201. Обожженные кусочки формовочной массы с отпечатками пальцев («пробники»): 8–10 – обж. кам., АКМ КВФ–11514/1228–1230; 11 – топка, АКМ КВФ–11514/2186.

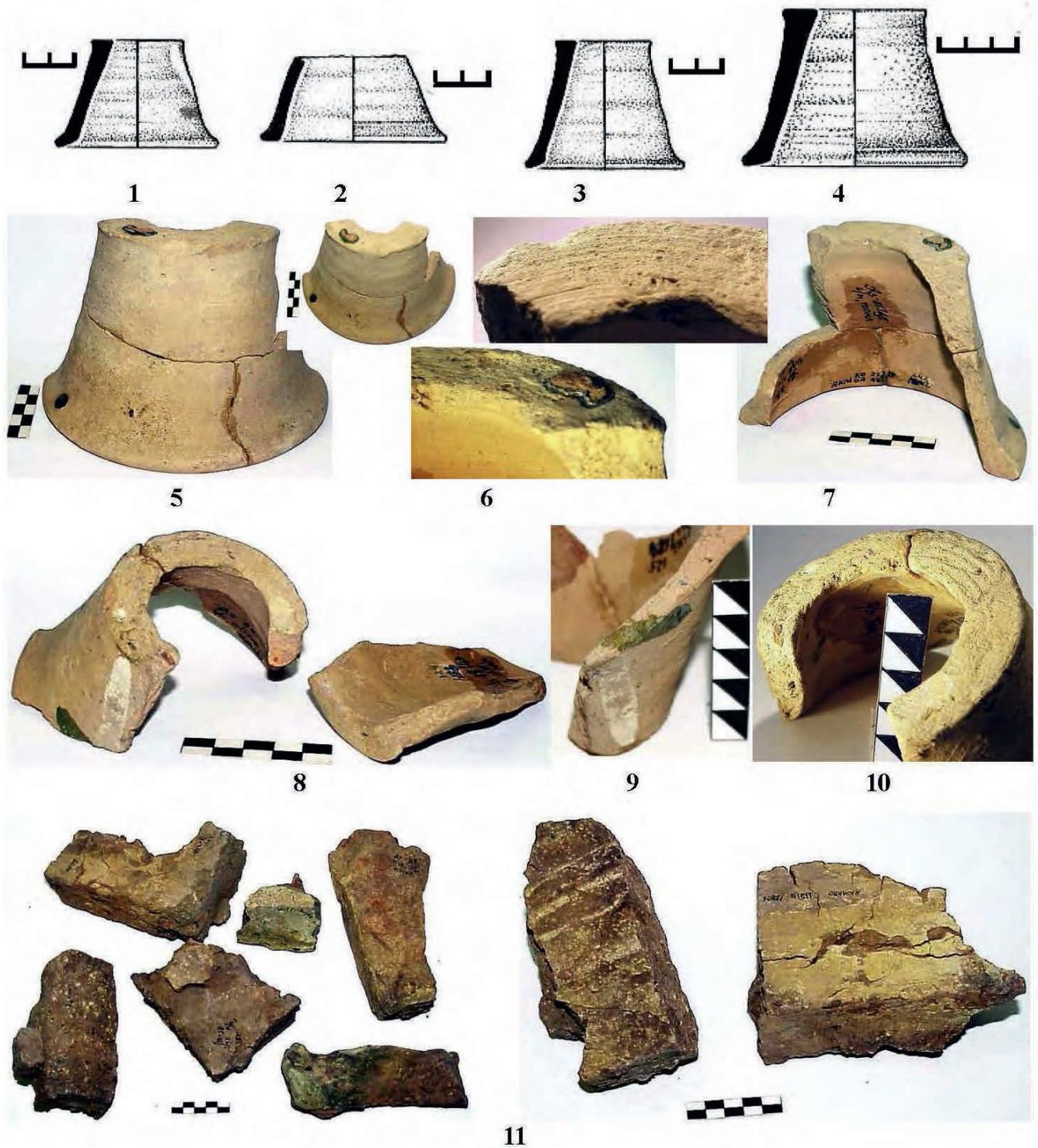

РИС. 6. КЕРАМИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ (в рисунках и фотографиях). Сари и кирпичи: 1, 3 – реконструкции сари – нижних подставок под стопы поливных чаш, разделенных сепаями, обж. кам., АКМ КП–25313/124, 125; 2 – реконструкция нижней части сари, обж. кам., АКМ КП–25313/123; 4 – реконструкция большой сари, топка, АКМ КП–25313/242; 5–7 – полный профиль сари со следами среза с круга ниткой и натеком поливы (от стоявшего на ней в процессе обжига разделителя – сепай–?), топка, АКМ КП–25313/242; 8–10 – фрагменты сари с натекми белой ангобной подгрунтовки и поливы (в т.ч. на изломе черепка), обж. кам., АКМ КП–25313/124, 125; 11 – фрагменты сильно обожженных (местами оплавившихся) кирпичей от устья топки, АКМ КП–25313/2199–2204.

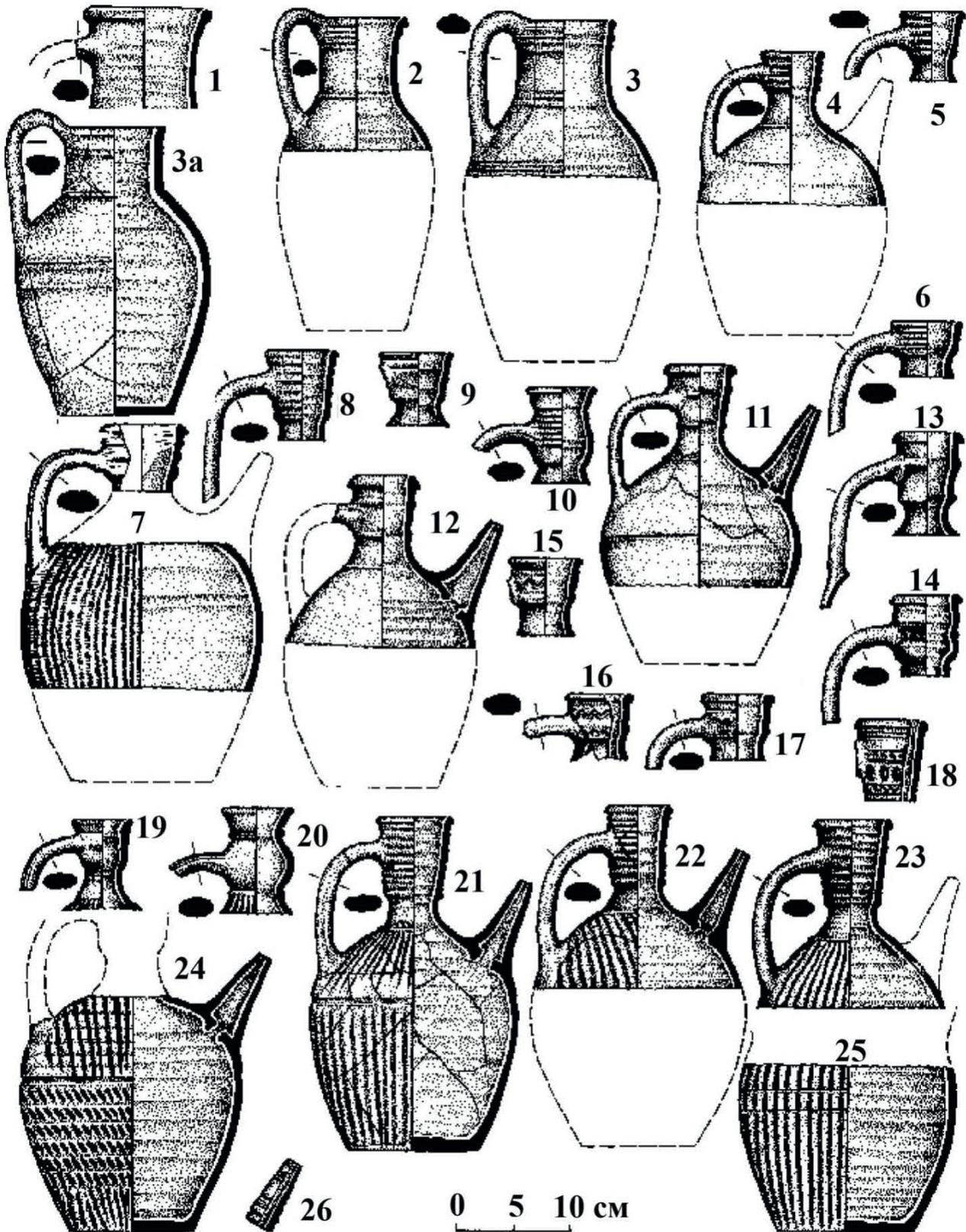

РИС. 7. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА. ФРАГМЕНТЫ И РЕКОНСТРУКЦИИ (ПО СОХРАНИВШИМСЯ ЧАСТЯМ) КУВШИНОВ И АФТОБ (ВОДОЛЕЕВ) С ПОЛОСЧАТЫМ ЛОЩЕНИЕМ И БЕЗ. Кувшины: 1 – со сливом, обж. кам., АКМ КП–25313/5; 2 – со сливом, на поде обж. кам., АКМ КП–25313/4; 3, 3а – без слива, топка, на поде обж. кам., АКМ КП–25313/2,3. Афтобы: 4, 8–10, 12–15, 26 – обж. кам., АКМ КП–25313/62, 26, 27, 22, 54, 18, 24, 20, 57; 11, 12 – на поде обж. кам., АКМ КП–25313/53, 54, 52; 5–7, 16–21, 25 – топка, АКМ КП–25313/225, 226, 63, 229, 23, 228, 227, 65, 66, 236; 22 – на поде, АКМ КП–25313/56; 23, 24 – на поде, топка, АКМ КП–25313/55, 66.

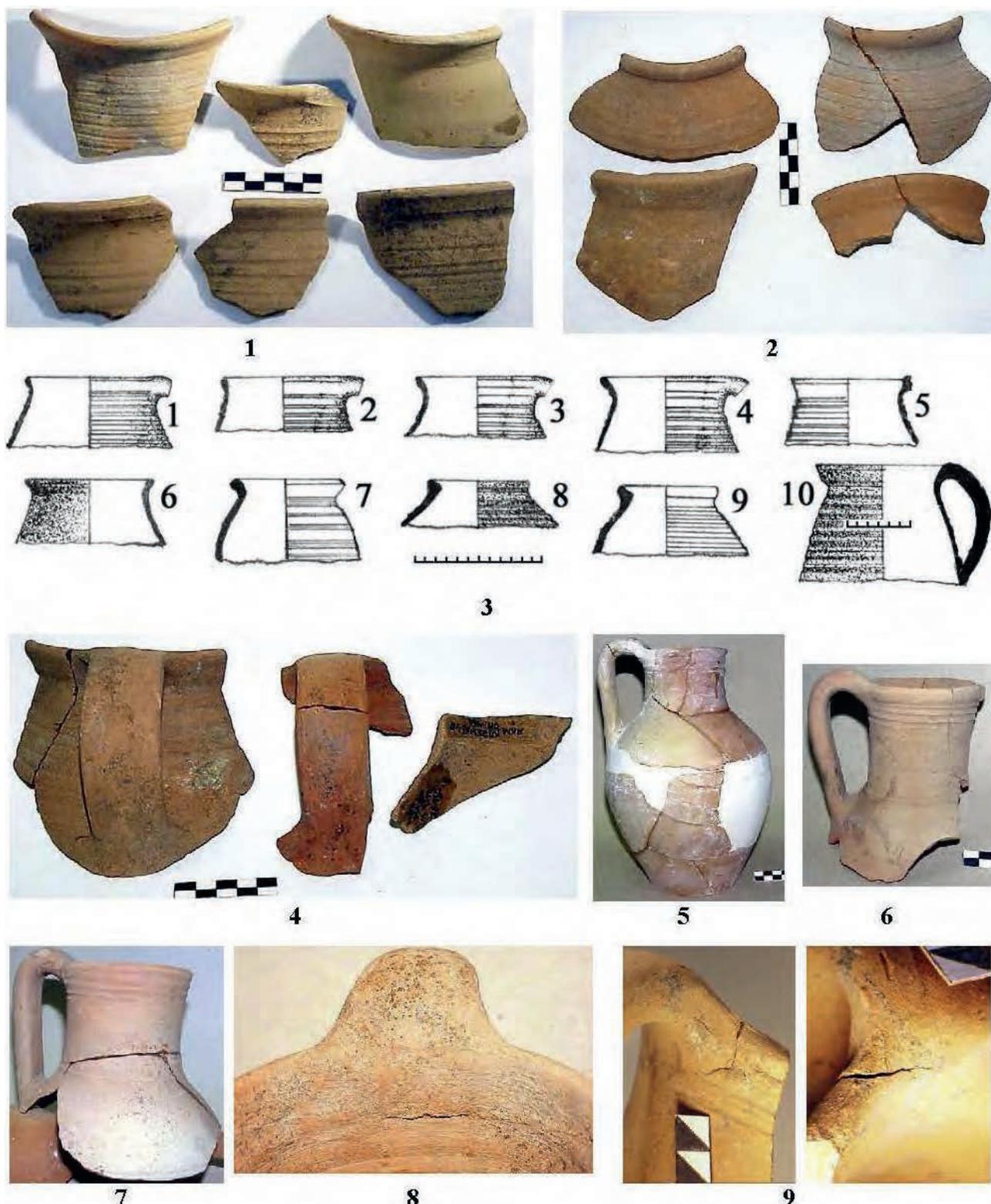

РИС. 8. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА. ФРАГМЕНТЫ И РЕКОНСТРУКЦИИ (ПО СОХРАНИВШИМСЯ ЧАСТЯМ) ГОРШКОВ И КУВШИНОВ (в рисунках и фотографиях). 1, 2 – фр-ты горшков, обж. кам., АКМ КП–25313/48, 39, 38, 42, 41, 44, 31–34; 3 – рисунки-реконструкции верхних частей горшков (1, 3–10 – обж. кам., АКМ КП–25313/32, 41, 42, 46, 49, 34, 39, 31, 52; 2 – топка, АКМ КП–25313/33); 4 – фр-ты горшков с ручками, обж. кам., АКМ КП–25313/52, 51, 48; 5 – бракованный кувшин без слива с белыми пятнами, на поде, АКМ КП–25313/3; 6 – верх бракованного кувшина с небольшим сливом, на поде, топка, АКМ КП–25313/4; 7, 8 – верх бракованного кувшина без слива с трещиной в нижней части верхнего прилепа ручки к венчику, топка, АКМ КП–25313/2; 9 – трещина по границе верхнего прилепа ручки к венчику бракованного кувшина, на поде обж. кам., АКМ КП–25313/3.

РИС. 9. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА. АФТОБЫ И ИХ ПРОФИЛЬНЫЕ ФРАГМЕНТЫ.

1 – верхние части – слева: с полосчатым лощением по красному (?) ангобу, на поде, АКМ КП–25313/56, справа: с полосчатым лощением по черепку, на поде обж. кам. и в топке, АКМ КП–25313/55; 2, 3 – до и после реставрации, с участками светло-бежевого налета (псевдоангоб – технологический брак), с вертикальным полосчатым лощением (тонкой линией на плечах и толстой на нижней части тулова), обж. кам., топка, АКМ КП–25313/64, 65; 4 – с белым налетом-псевдоангобом (технологический брак), с косым слабовыраженным полосчатым лощением, на поде, топка, обж. кам., АКМ КП–25313/66; 5 – верхние части сосудов с вертикальным полосчатым лощением, топка, АКМ КП–25313/217–222; 6 – верхние части сосудов с вертикальным полосчатым лощением – слева: обж. кам., АКМ КП–25313/54, справа: на поде и в топке, АКМ КП–25313/53; 7 – верхние части сосудов с вертикальным полосчатым лощением по красному ангобу(?), обж. кам., АКМ КП–25313/28, 29.

РИС. 10. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА. ФРАГМЕНТЫ ОБРАЗЦОВ ВЕРХНИХ ЧАСТЕЙ АФТОБ (с различными вариантами профиля, размеров и оформления горла). 1, 2, 4, 6, 9 – обж. кам., АКМ КП-25313/7–16, 19–25, 27; 3, 7, 8, 10 – топка, АКМ КП-25313/223–229; 5 – с грязно-белым и бежевым налетом (технологический брак), обж. кам., АКМ КП-25313/63, 65, 59, 58, 60; 11 – орнаментированный носик, черепок серый, обж. кам., АКМ КП-25313/84.

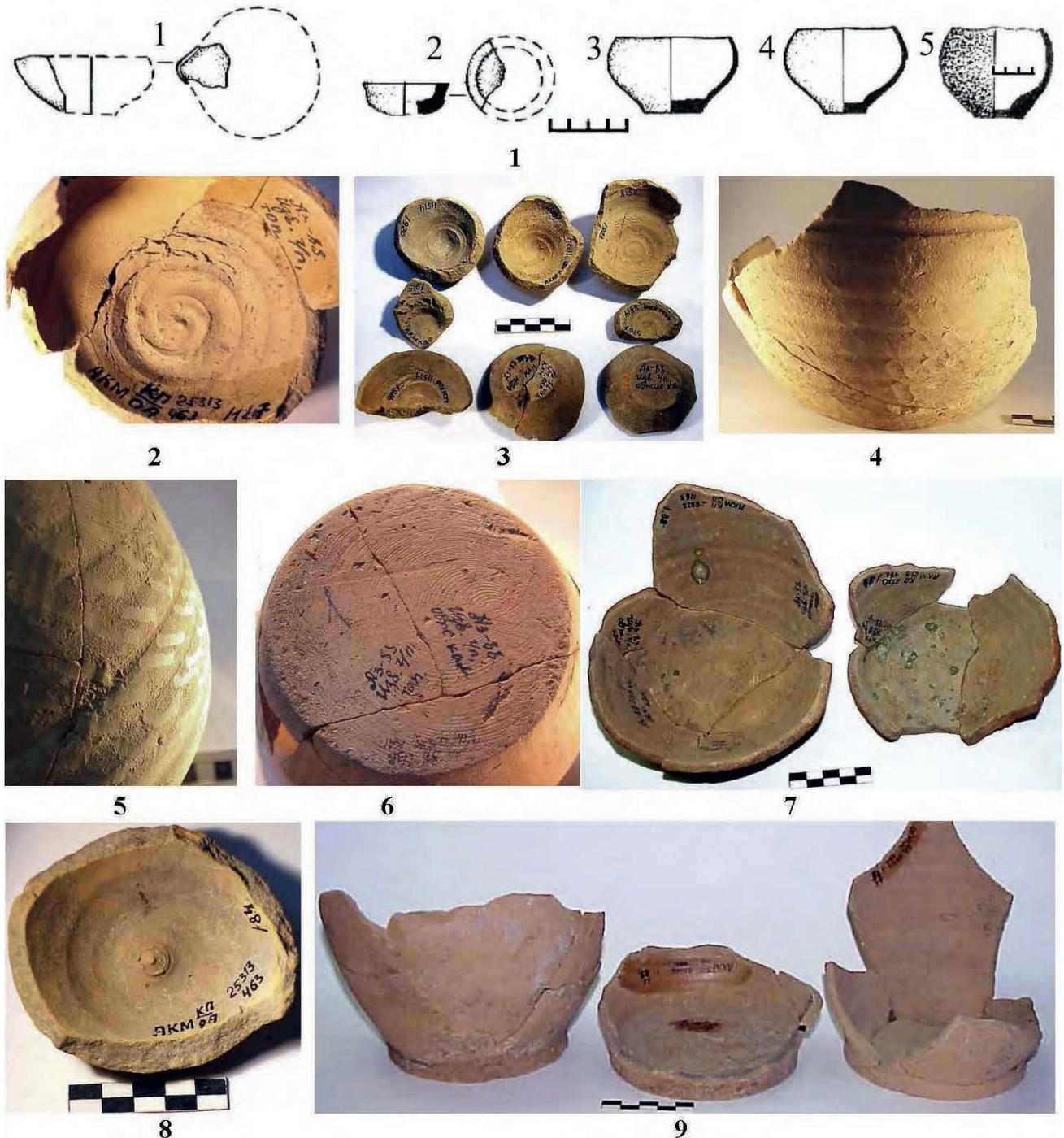

РИС. 11. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА. НИЖНИЕ ЧАСТИ СВЕТИЛЬНИКОВ, КОПИЛОК, КУВШИНООБРАЗНЫХ СОСУДОВ (в рисунках и фотографиях). 1 – слева направо реконструкции: светильник, обж. кам., АКМ КП–25313/120; миниатюрная чашечка, обж. кам., АКМ КП–25313/119; копилки, обж. кам., АКМ КП–25313/118, 116, топка, АКМ КП–25313/240; 2, 3 – нижние части бракованных копилок со следами вытягивания на гончарном круге, обж. кам., КП–25313/117, АКМ КВФ–11514/914–916, 920–923, 819; 4, 5 – тулова афтобводолев(?) со следами вытягивания на круге и полосчатым лощением (на внешней поверхности тулова), на поде, обж. кам., топка, АКМ КП–25313/66, 71; 6 – дно кувшинообразного сосуда со следами среза с гончарного круга ниткой, а после лощения тулова – ножом, обж. кам., топка, АКМ КП–25313/64; 7 – нижние части тулова кувшинообразных сосудов с каплями зеленой поливы, обж. кам., АКМ КП–25313/89, 94; 8 – дно сосуда закрытой формы со следами вытягивания на круге из одного куска ф.м., обж. кам., АКМ КП–25313/84; 9 – нижние части кружальных кувшинообразных сосудов с цилиндрической придонной частью тулова, обж. кам., топка, АКМ КП–25313/82, 74.

РИС. 12. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА. ФРАГМЕНТЫ ТРУБ-КУБУРОВ И АМФОР.

1 – фрагменты кружальных труб-кубуров (три обгорели в восстановительной среде и приобрели серый цвет), топка, АКМ КВФ–11514/2078–2081; 2, 3 – фрагмент плечей амфоры со следами ротации (кругового вращения), обж. кам.; 4–7 – фрагмент верхней части крупной амфоры со следами технологии изготовления (кругового вращения, мест прилепа горла и ручек), топка, АКМ КП–25313/231, 232; 8 – дно амфоры со следами кругового вращения изнутри и следами обреза ножом для придания дну округлой формы снаружи, обж. кам., АКМ КВФ–11514/997; 9 – дно круглодонной амфоры снаружи и изнутри, поверхность и излом – однотонные светло-коричневые, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1002.

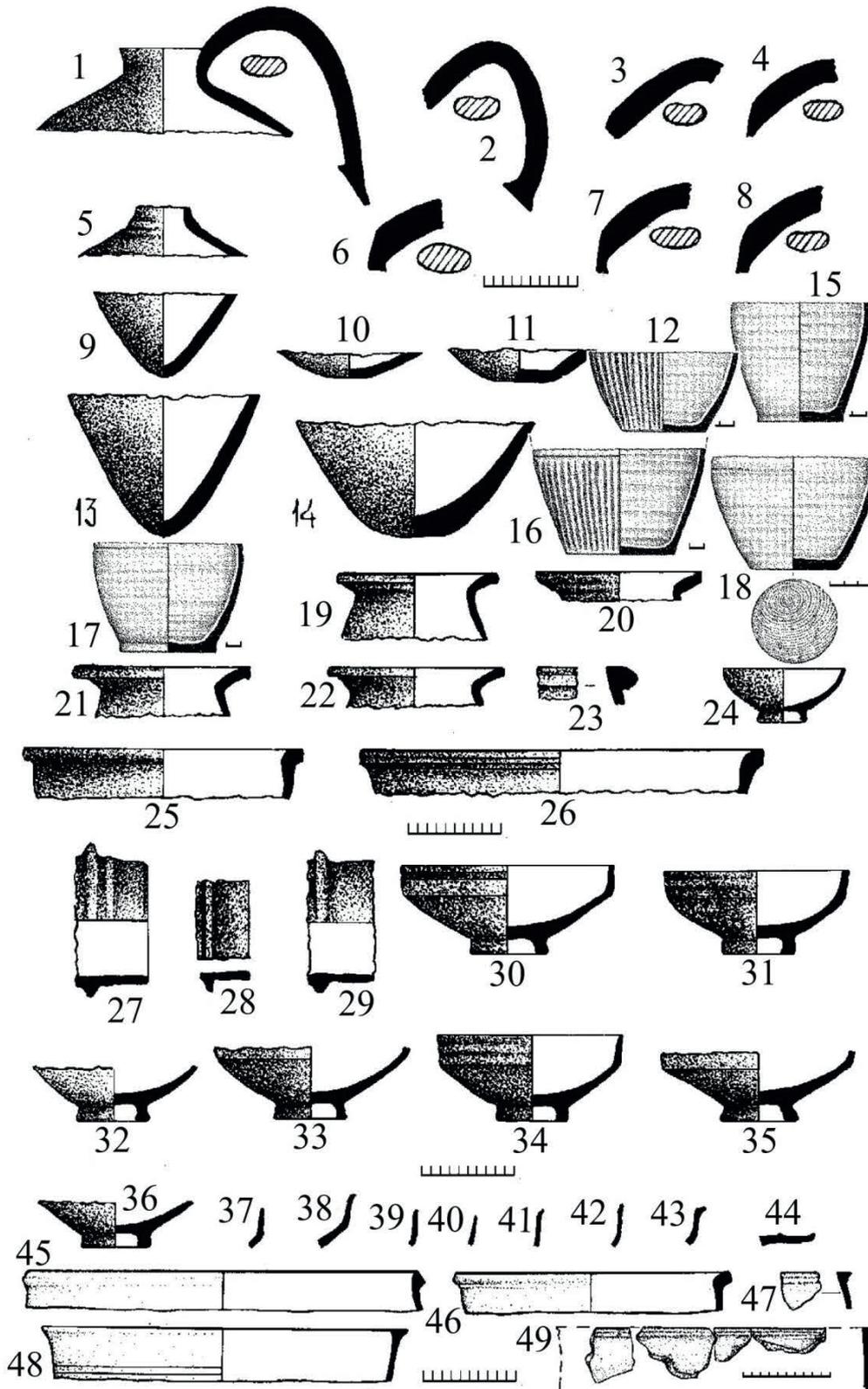

РИС. 13. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА. Реконструкции сосудов и их профильных частей по сохранившимся фрагментам. Амфоры: 1–7, 9, 13, 14 – топка; 8, 10, 11 – обж. кам. Кувшинообразные сосуды с полосчатым лощением и без: 12, 17, 18 – обж. кам., АКМ КП–25313/91, 72; 15, 16 – топка, КП–25313/237, 234. Туваки: 19 – обж. кам., КП–25313/109; 20–22 – топка, АКМ КП–25313/108, 107, 110. Чаши и тазы: 23 – топка; 25, 26, 45–47 – обж. кам., КП–25313/95, 96; 48 – из 1-й группы местной керамики, КП–25313/97; 49 – обж. кам., топка. Пиала: 24 – обж. кам., КП–25313/184. Миски: 30–34, 36 – обж. кам.; 35 – топка. Разрезы фрагментов верхних частей мисок, пиалообразных чаш и тарелки: 37, 38 – обж. кам.; 39–44 – топка. Трубы-кубуры: 27–29 – топка, АКМ КВФ–11514/2078–2081.

РИС. 14. НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ БЕЗ АНГОБА И ПОЛИВЫ (в процессе и после реставрации). Туваки, миски и пиалы: 1 – фр-ты туваков, топка, обж. кам., АКМ КП–25313/108–113; 2 – фр-ты миски с растрескавшимся при обжиге туловом, обж. кам., топка, АКМ КП–25313/164; 3 – миски, обж. кам., КП–25313/168, 164; 4 – пиалы, обж. кам., АКМ КП–25313/184,186; 5 – миска до и после догипсовки, обж. кам., КП–25313/187; 6 – миска, черепок – розовато-светло-коричневый, обж. кам., топка, АКМ КП–25313/188; 7 – дно пиалообразной чаши, прошедшей, по-видимому, первый утильный обжиг (с серой прослойкой в придонной части), топка, АКМ КП–25313/183; 8 – пиала с деформированным поддоном, обж. кам., АКМ КП–25313/188; 9 – пиала, обж. кам., АКМ КП–25313/182.

РИС. 15. ФРАГМЕНТЫ СОСУДОВ-ПОЛУФАБРИКАТОВ ЗАКРЫТОЙ ФОРМЫ С БЕЛЫМ АНГОБОМ БЕЗ ПОЛИВЫ (после первого обжига). С ангобом на внешней стороне: 1 – фр-ты горл с верхними частями тулова афтоб, АКМ КВФ–11514/1018, 1017, 1015, 1016; 2 – ручка двуручного кувшина(?) и дно сосуда з.ф. на кольцевом поддоне, топка, АКМ КП–25313/270, 269; 3 – фр-ты горла молочника, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1011, 1012, 0114; 4 – фр-ты венчиков с частью горла двуручных кувшинов(?), топка, АКМ КП–11514/2113, 2114; 5 – фр-ты горла кувшинов, топка, АКМ КВФ–11514/2089–2091; 6 – фр-ты ручек кувшинов, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1021, 1020; 7 – фр-ты тулов кувшинообразных сосудов, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1077–1084; 8 – то же, топка, АКМ КВФ–11514/2089–2108; 9 – ручка кувшина, обж. кам., АКМ КП–25313/178. **С ангобом на внутренней стороне:** 10 – фр-ты горшка(?), обж. кам., АКМ КВФ–11514/1086, 1102; 11 – дно с придонной частью тулова сосуда з.ф., на поде обж. кам., АКМ КВФ–11514/1112. 12 – фр-ты шейки с частью тулова горшка с остатками еще не расплавившейся глазури, топка, АКМ КП–11514/2131, 2132.

РИС. 16. ФРАГМЕНТЫ СОСУДОВ-ПОЛУФАБРИКАТОВ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ С БЕЛЫМ АНГОБОМ БЕЗ ПОЛИВЫ (после первого обжига). КОНКРЕЦИИ КВАРЦА (сырье для поливы-?). 1 – фр-ты бортиков мисок с натеками зеленой поливы, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1207, 1210; 2 – то же, топка, АКМ КВФ–11514/2145, 2144; 3 – фр-ты бортиков мисок, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1171, 1168, 1169; 4 – фр-т бортика миски с отогнутым наружу венчиком, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1176; 5 – фр-ты миски с почти полностью утраченным ангобом, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1174, 1175, 1173, 1172; 6 – фр-ты маленькой пиалобразной чаши, топка, АКМ КП–11514/2136, 1317; 7 – фр-ты бортика с частью тулова мелкой (не глубокой) тарелки с остатками ангоба и не расплавившейся при обжиге глазури (большей частью утрачена), обж. кам., АКМ КВФ–11514/1213, 1214; 8 – конкреции кварца (?), топка, АКМ КВФ–11514/2217, 2218.

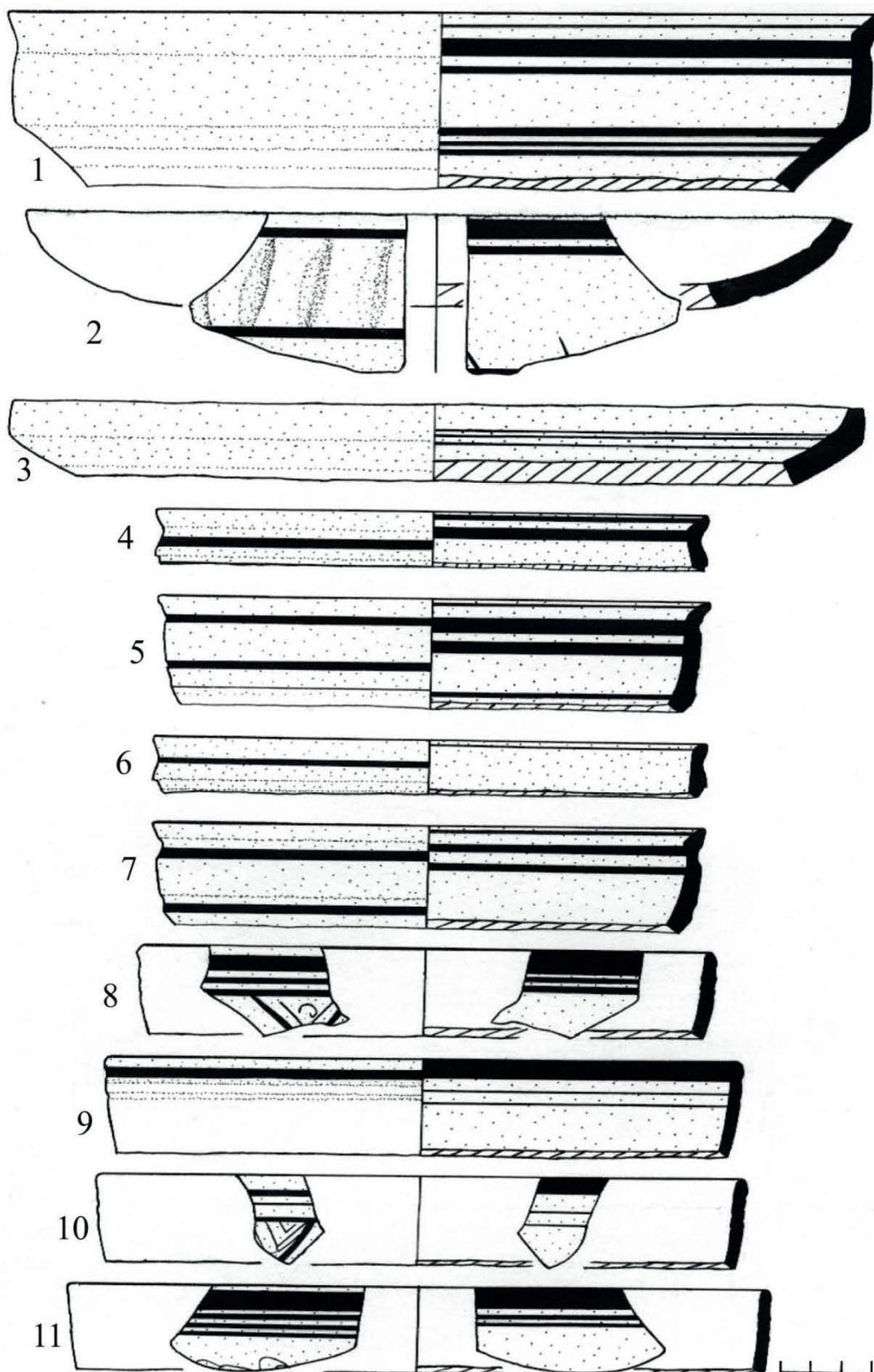

РИС. 17. РЕКОНСТРУКЦИИ (по фрагментам) ВЕРХНИХ ЧАСТЕЙ СОСУДОВ-ПОЛУФАБРИКАТОВ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ С ГРАВИРОВКОЙ ПО БЕЛОМУ АНГОБУ («СГРАФИТО»), БЕЗ ПОЛИВЫ. Миски: 1 – обж. кам., топка, АКМ КП–25313/156–158; 3, 5, 6 – обж. кам., АКМ КП–25313/159–160, 106, 105; 4, 7 – топка, АКМ КП–25313/104, 107. Блюдо: 2 – обж. кам., АКМ КП–25313/161. Пиалообразные чаши: 8–11 – топка, АКМ КП–25313/103, 100, 107, 101.

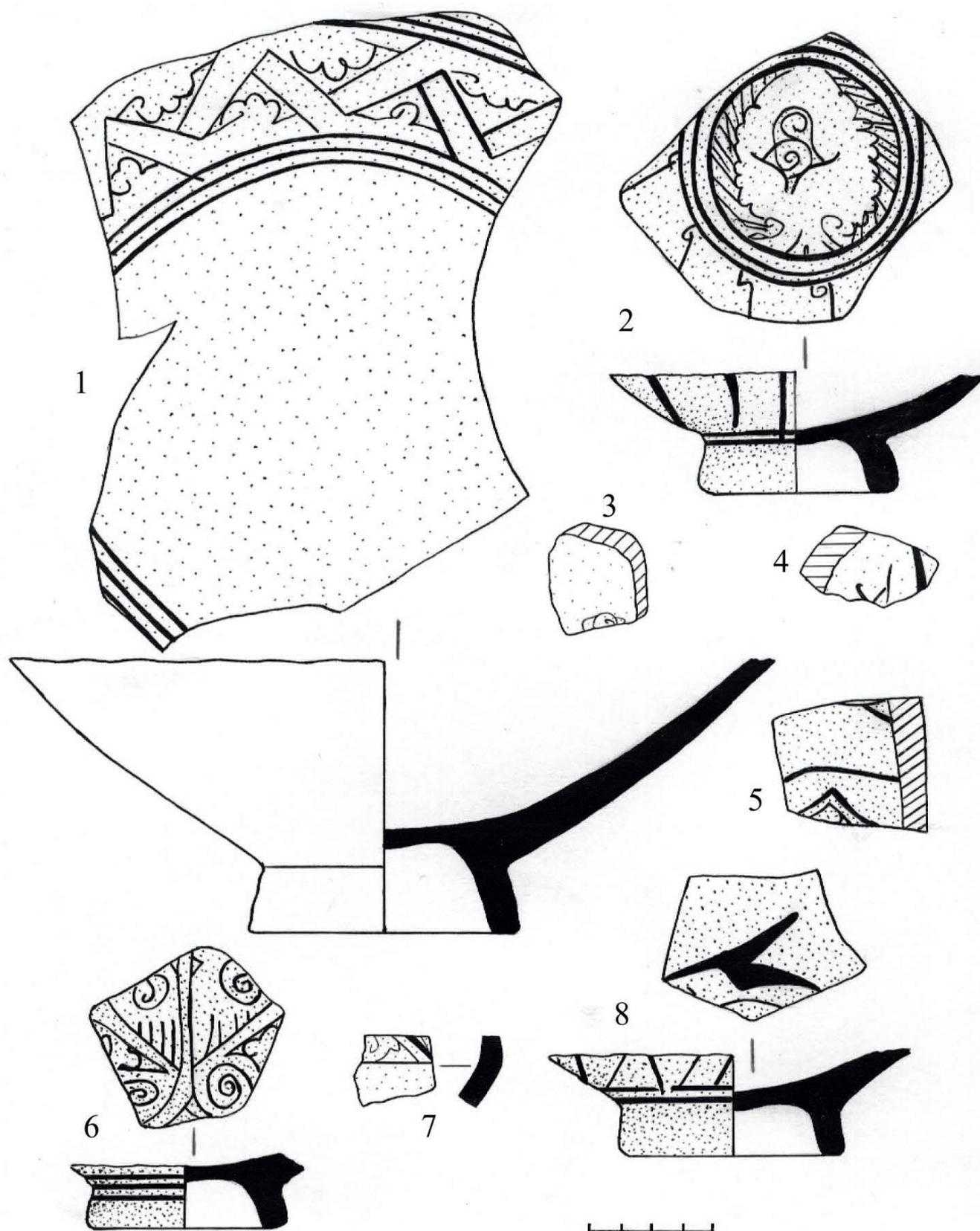

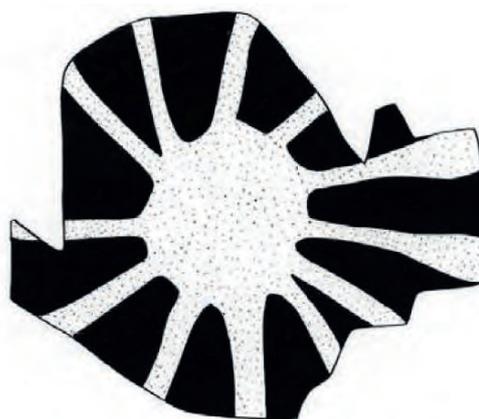
РИС. 18. ФРАГМЕНТЫ СОСУДОВ-ПОЛУФАБРИКАТОВ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ С ГРАВИРОВКОЙ ПО БЕЛОМУ АНГОбУ («СГРАФФИТО»), БЕЗ ПОЛИВЫ. 1 – дно с частью тулова большой миски, на поде и в заполнении обж. кам., АКМ КП-25313/167; 2, 6, 8 – с гравировкой по белому ангобу на внутренней и внешней (до самого поддона) сторонах сосуда, топка, АКМ КП-25313/266–268; 3, 4, 7 – обж. кам., б/н; 5 – топка, АКМ КП-25313/169.

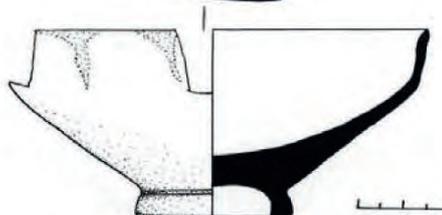
РИС. 19. ФРАГМЕНТЫ СОСУДОВ-ПОЛУФАБРИКАТОВ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ «СГРАФФИТО» (фото) И НИЖНИХ ЧАСТЕЙ ПОЛИВНЫХ ЧАШ (рисунки). Полуфабрикаты: 1 – фр-т дна миски(?) с поангобной гравировкой, на поде обж. кам., топка, АКМ КП-25313/173; 2 – фр-ты тулова миски(?) с поангобной гравировкой, обж. кам., АКМ КП-25313/167; 3 – фр-ты тулова пиал, в т.ч. с изображением птицы и ветки граната, топка, АКМ КП-25313/171, 170; 4 – фр-ты тулова с нижней частью бортика миски, обж. кам., АКМ КП-25313/159, 160; 5 – фр-ты чаш, обж. кам., топка, АКМ КП-25313/168, 169; 6 – фр-ты бортика с верхней частью тулова миски, обж. кам., топка, АКМ КП-25313/156–158; 7 – внешняя сторона фрагмента тулова пиалы(?) с гравировкой толстой линией, топка, АКМ КП-25313/171; 8 – фр-т тулова блюда(?), обж. кам., АКМ КП-25313/161; 9 – донца чаш, топка, АКМ КП-25313/266–268. Поливная керамика: 10 – с бесцветной (светло-салатной) поливой на внутренней стороне и зеленой на внешней, на поде, АКМ КП-25313/205; 11 – с бесцветной поливой на внутренней стороне и светло-салатной на внешней, топка, АКМ КП-25313/277.

1

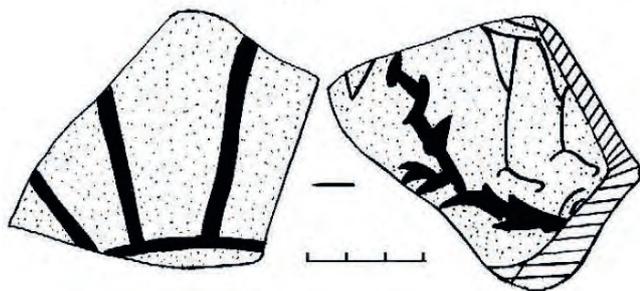
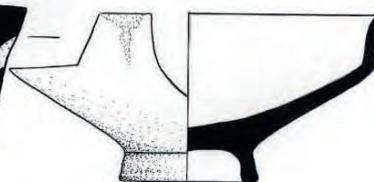
2

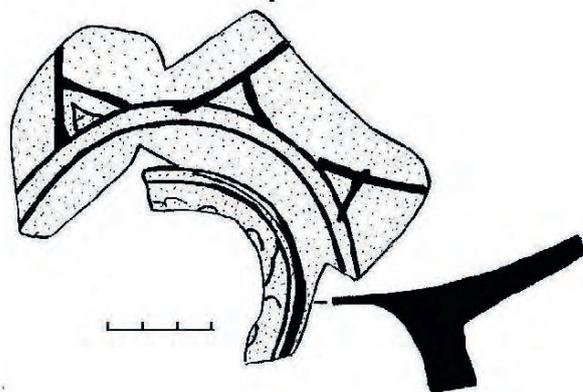
3

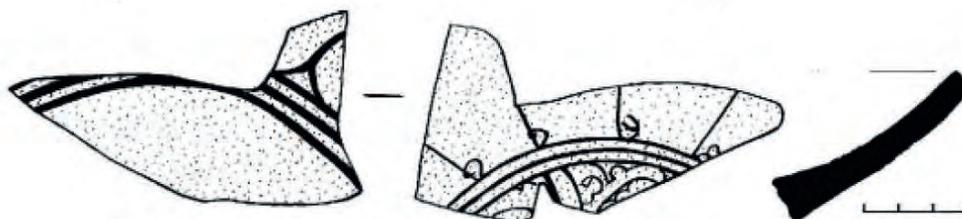
4

5

6

7

РИС. 20. ФРАГМЕНТЫ СОСУДОВ-ПОЛУФАБРИКАТОВ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ, БЕЗ ПОЛИВЫ (в рисунках и фотографиях). 1-3 – миска с росписью белым ангобом непосредственно по черепку, обж. кам., АКМ КП-25313/165; 4 – то же, АКМ КП-25313/166; 5-6 – фр-ты чаш с поангобной гравировкой на внутренней и внешней сторонах, топка, АКМ КП-25313/171, 173; 7 – то же, обж. кам., АКМ КП-25313/169.

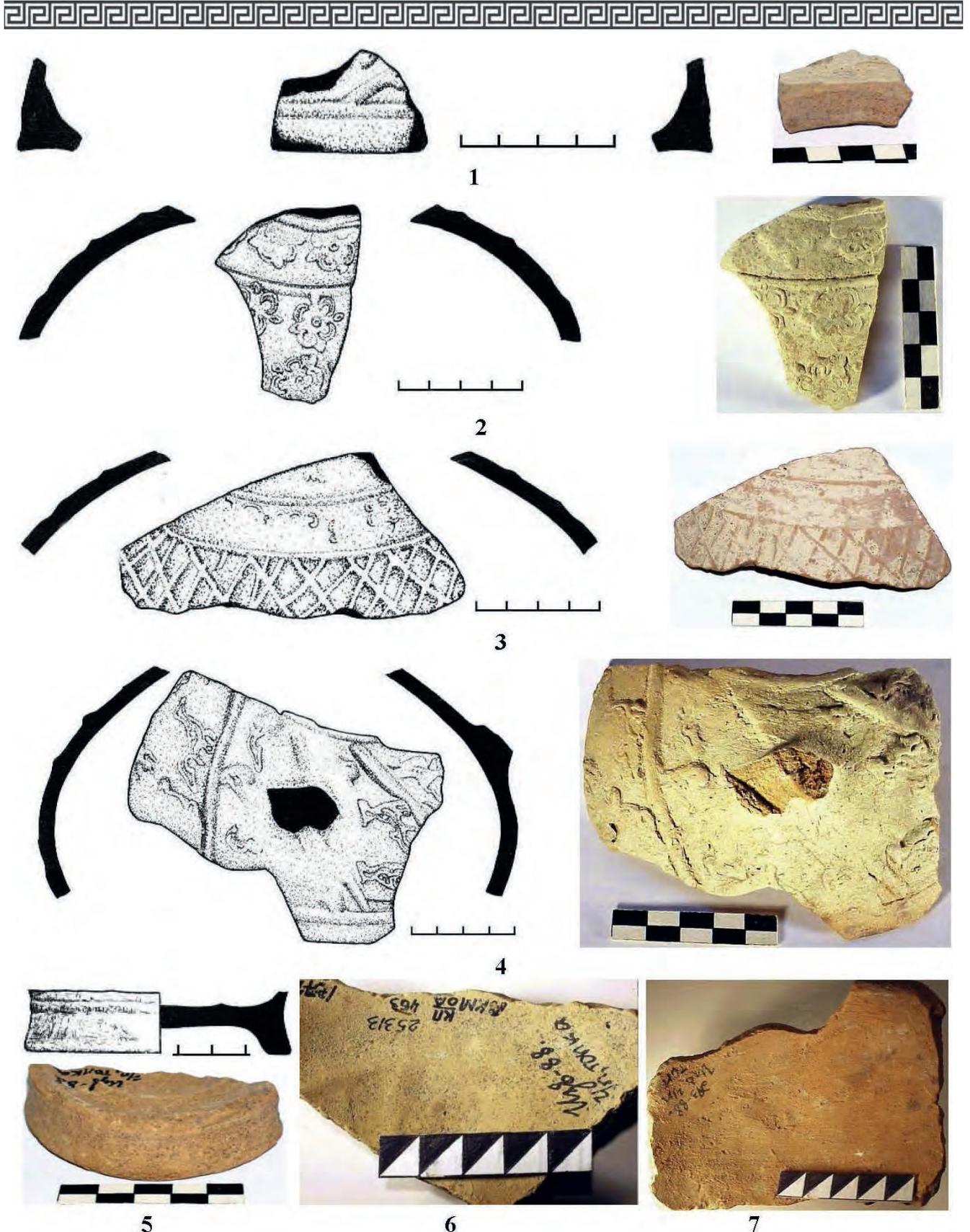

РИС. 21. ФРАГМЕНТЫ КУВШИНОВ-ПОЛУФАБРИКАТОВ ПОД ПОЛИВНУЮ КЕРАМИКУ СО ШТАМПОВАННЫМ РЕЛЬЕФНЫМ ОРНАМЕНТОМ И БЕЛЫМ АНГОБОМ НА ВНЕШНЕЙ СТОРОНЕ ТУЛОВА (в рисунках и фотографиях). Внешняя (лицевая) сторона: 1, 3, 4 – топка, АКМ КП–253132/270, 272, 271; 2 – обж. кам., АКМ КП 25313/179. 5 – фр-т дна на кольцевом поддоне, топка, АКМ КП–25313/273. Внутренняя поверхность тулова со следами вдавливания формовочной массы в форму-кальп: 6, 7 – топка, АКМ КП–25313/272, 271.

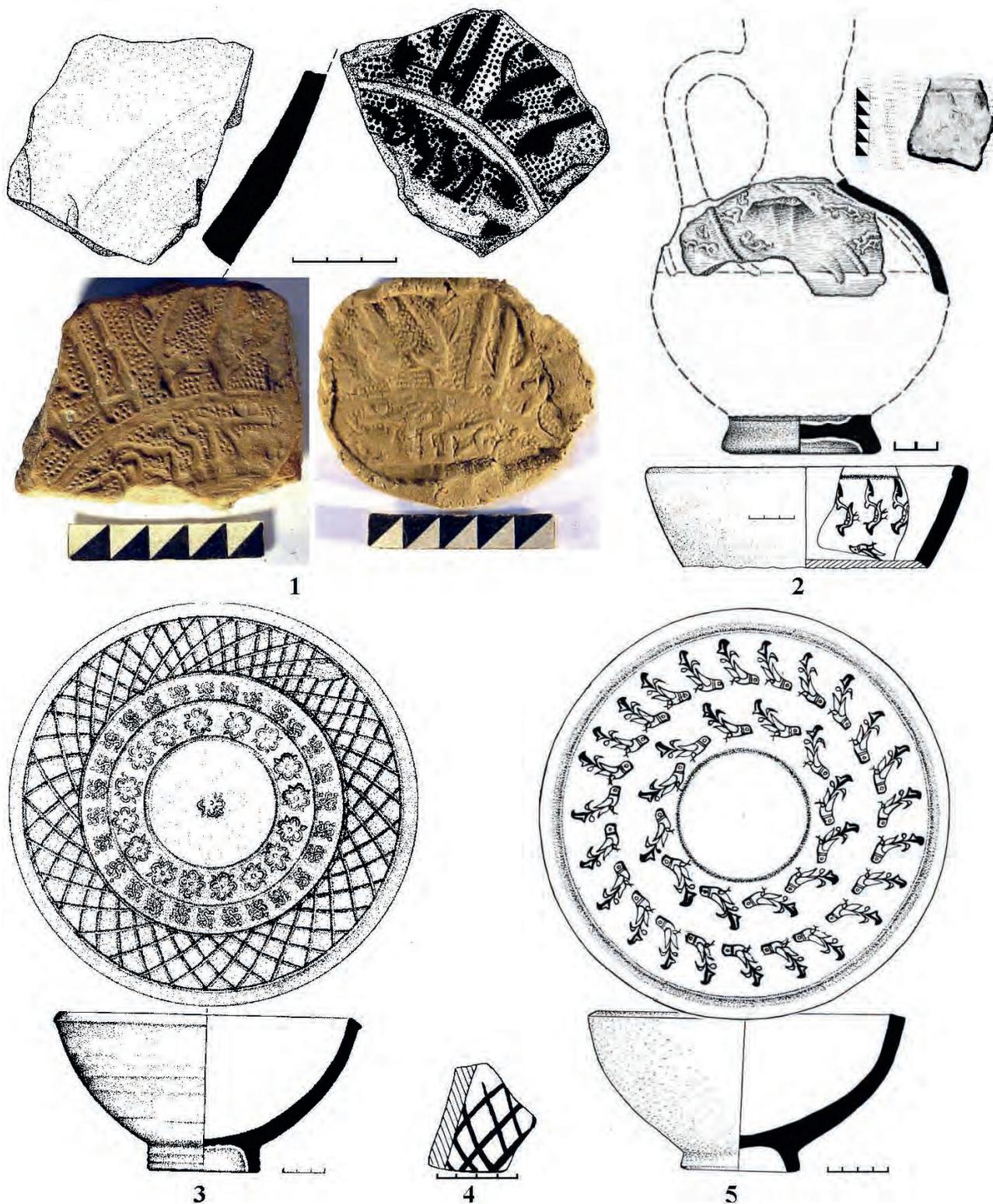

РИС. 22. МАТРИЦЫ-ШТАМПЫ – КАЛЫПЫ. ФРАГМЕНТЫ И ПОЛНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ, ФРАГМЕНТАРНЫЙ ОТТИСК. 1 – фр-т стенки калыпа и оттиск с него, обж. кам., АКМ КП–25313/129; 2 – фр-т пиалообразного калыпа с изображениями двух видов птиц (обж. кам., АКМ КП–25313/128) и реконструкция кувшина с подангобным штампованным рельефным зооморфным орнаментом – по имеющимся аналогиям и сохранившимся фр-там (см. рис. 22,4,5, топка, АКМ КП–25313/271, 273); 3 – полная реконструкция калыпа с геометрическим и стилизованным растительным орнаментом (см. рис. 21,1), топка, АКМ КП–25313/244; 4 – фр-т пиалообразного калыпа, обж. кам., АКМ КП–25313/126; 5 – полная реконструкция калыпа с птичками(см. рис. 22,1), топка, АКМ КП–25313/243.

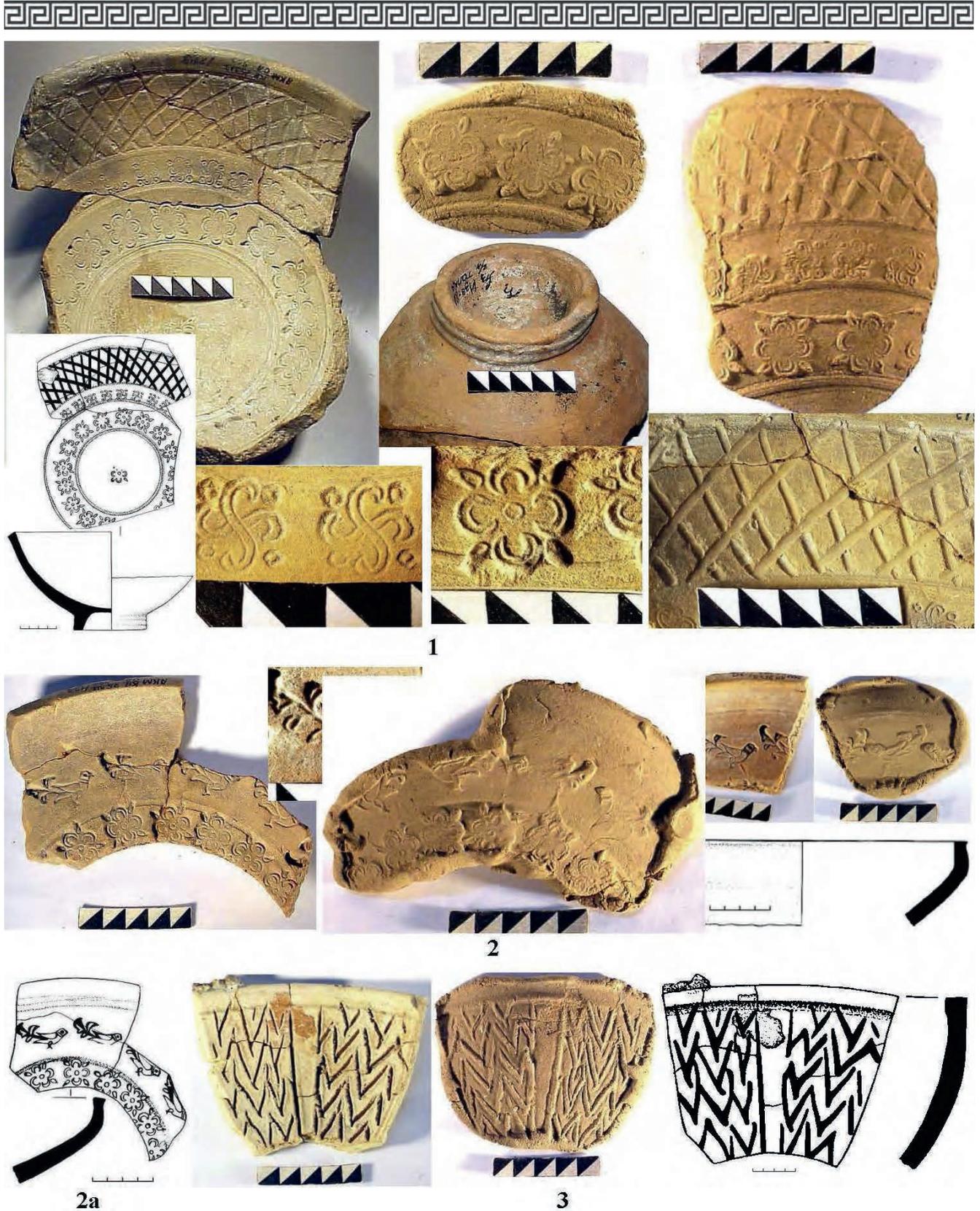
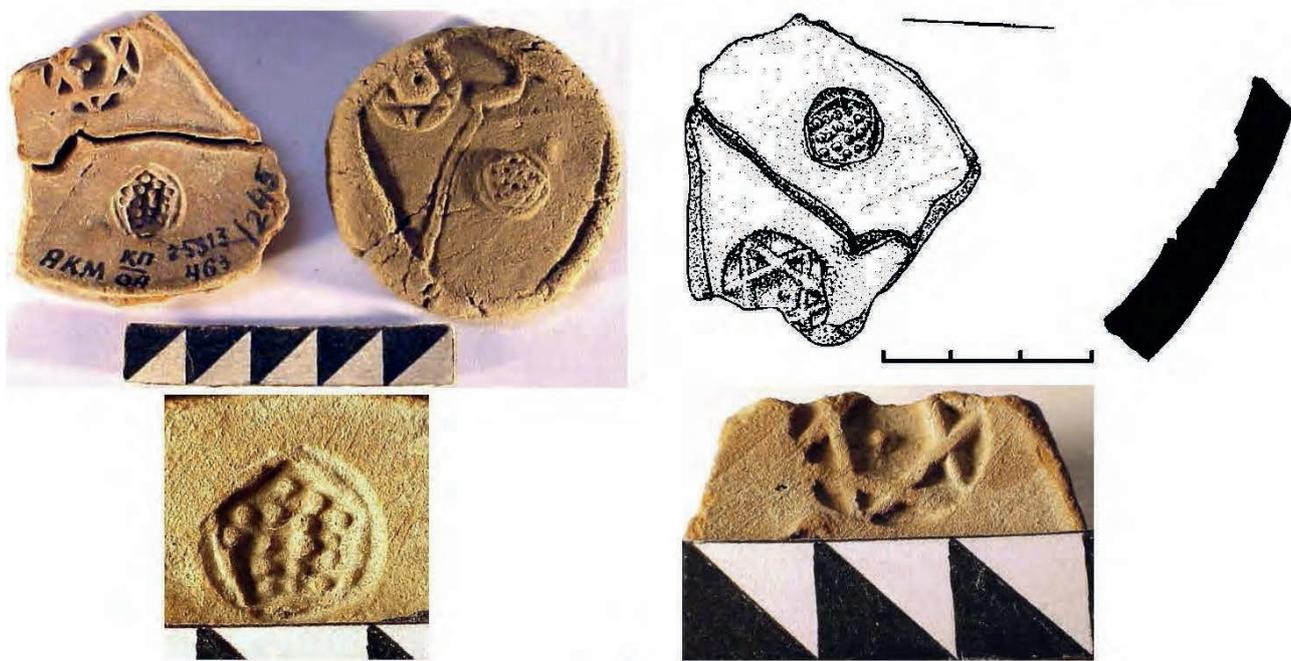

РИС. 23. СОХРАНИВШИЕСЯ ЧАСТИ КАЛЫПОВ. УВЕЛИЧЕННЫЕ МОТИВЫ ИХ ОРНАМЕНТАЦИИ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ФРАГМЕНТАРНЫЕ ОТТИСКИ ИЗ НИХ. 1 – калып, фрагментарные оттиски с его внутренней поверхности, повторяющиеся штампованные врезные элементы орнаментальных поясов в 2–3-х кратном увеличении, топка, АКМ КП–25313/244; 2, 2а – фрагменты калыпа и оттиски с них, увеличенное изображение врезного штампованного изображения птички, топка, АКМ КП–25613/131, 130; 3 – фрагмент пиалообразного калыпа и оттиск с него, на поде обжигательной камеры, АКМ КП–25313/126.

1

2

РИС. 24. ПИАЛООБРАЗНЫЙ КАЛЫП (МАТРИЦА-ШТАМП) И ФРАГМЕНТ КАЛЫПА. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ОТТИСКИ ИЗ НИХ. 1 – калып с двумя поясами врезных изображений птиц и натеками зеленой поливы, фрагментарные оттиски с него, топка, АКМ КП-25313/243; 2 – фрагмент калыпа со штампованными врезными изображениями звезд – 6-конечной – «Давида» и 5-конечной с рельефными точками, фотографии и графический рисунок, топка, АКМ КП-25313/245.

РИС. 25. СОХРАНИВШИЕСЯ ЧАСТИ ПОЛИВНЫХ ГОРШКОВ, ТУВАКА И «ХУМЧИ» (в рисунках-реконструкциях и фотографиях). Горшки с прозрачной поливой разных оттенков зеленого цвета, нанесенной непосредственно по черепку: 1, 2 – обж. кам., топка, АКМ КП-25313/121, 209; 3, 4 – с поливой на изломах, обж. кам., АКМ КП-25313/210. Фр-ты тувака с зеленой поливой по белому ангобу на внутренней стороне: 5 – обж. кам., АКМ КП-25313/215. Фр-ты сосудов з.ф. с поливой по белому ангобу на внешней стороне и непосредственно по черепку на внутренней стороне: 6 – фр-т горла с частями венчика и тулова двуручного(?) сосуда («хумчи») с зеленой поливой, топка, АКМ КП-25313/212; 7 – фр-ты тулова кувшинообразного сосуда с неоднотонной бледно-салатной поливой, обж. кам., топка, АКМ КВФ-11514/1220; 8 – фр-т плечей тулова двуручного(?) сосуда («хумчи»-?) с зеленой поливой на внутренней стороне и ее же потеками под бесцветной поливой на внешней, обж. кам., АКМ КП-25313/216; 9 – фр-ты тулова сосуда з.ф. с темно-зеленой поливой на внутренней стороне и неоднотонной салатно-зеленой на внешней, обж. кам., АКМ КВФ-11514/1219.

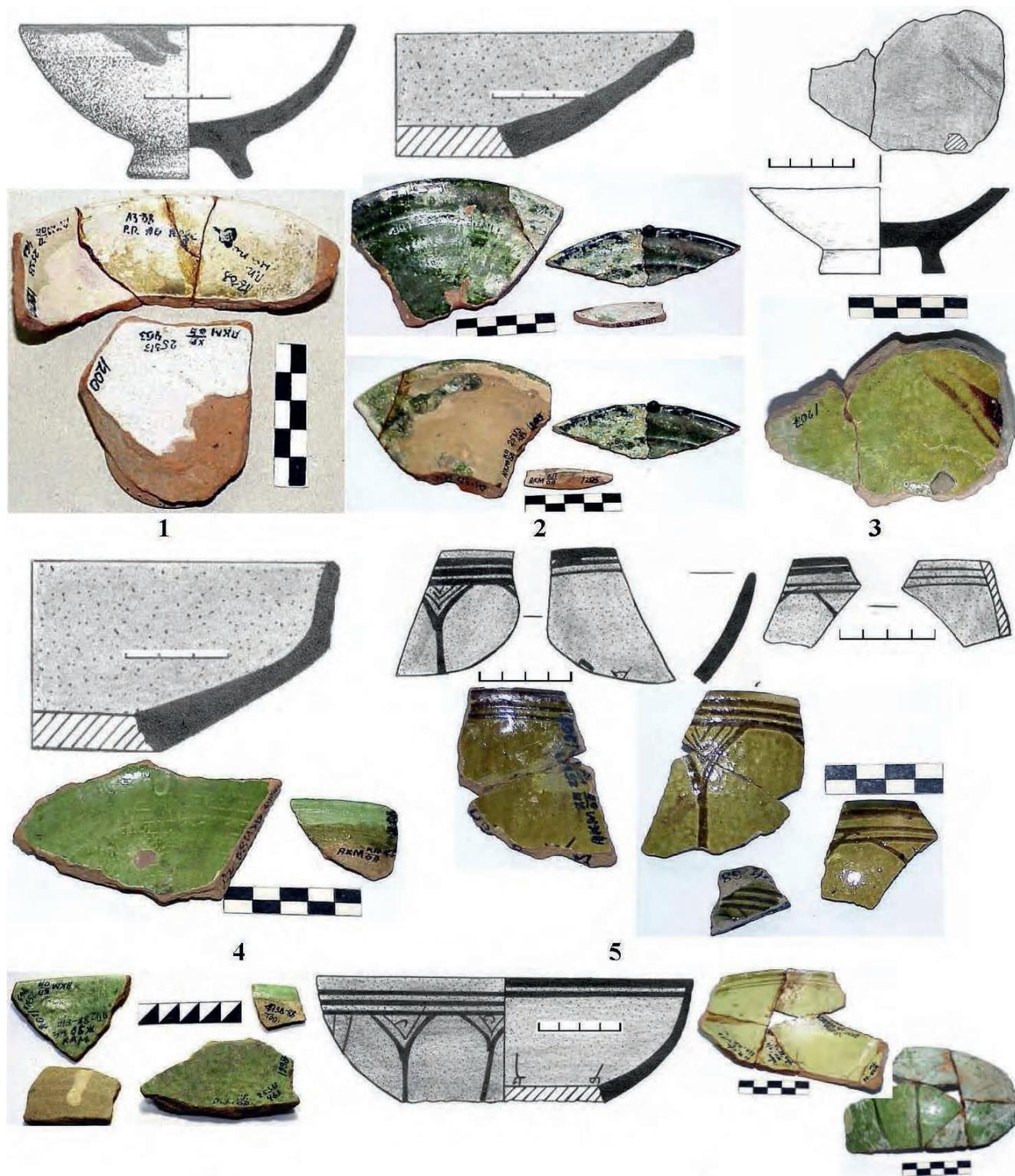

РИС. 26. ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ (в рисунках-реконструкциях и фотографиях). 1 – пиала малая с бесцветной поливой по белому ангобу; на поде, топка, АКМ КП–25313/200; 2 – тарелка мелкая с зеленой поливой по белому ангобу, обж. кам., АКМ КП–25313/205; 3 – нижняя часть чаши с салатной поливой по белому ангобу; обж. кам., топка, АКМ КП–25313/207; 4 – фр-ты миски со светло-зеленой поливой по белому ангобу, обж. кам., АКМ КП–25313/203; 5 – фр-ты пиалообразной чаши с поангобной гравировкой под желто-салатной поливой; обж. кам., топка, АКМ КП–25313/201; 6 – фр-ты пиалообразной чаши с неоднотонной зеленой поливой по белому ангобу, обж. кам., АКМ КП–25313/198; 7 – фр-т тулова с частью венчика пиалообразной чаши с поангобной гравировкой под бесцветной поливой на внутренней стороне и под зеленой (до поддона) на внешней, на поде, топка, АКМ КП–25313/202.

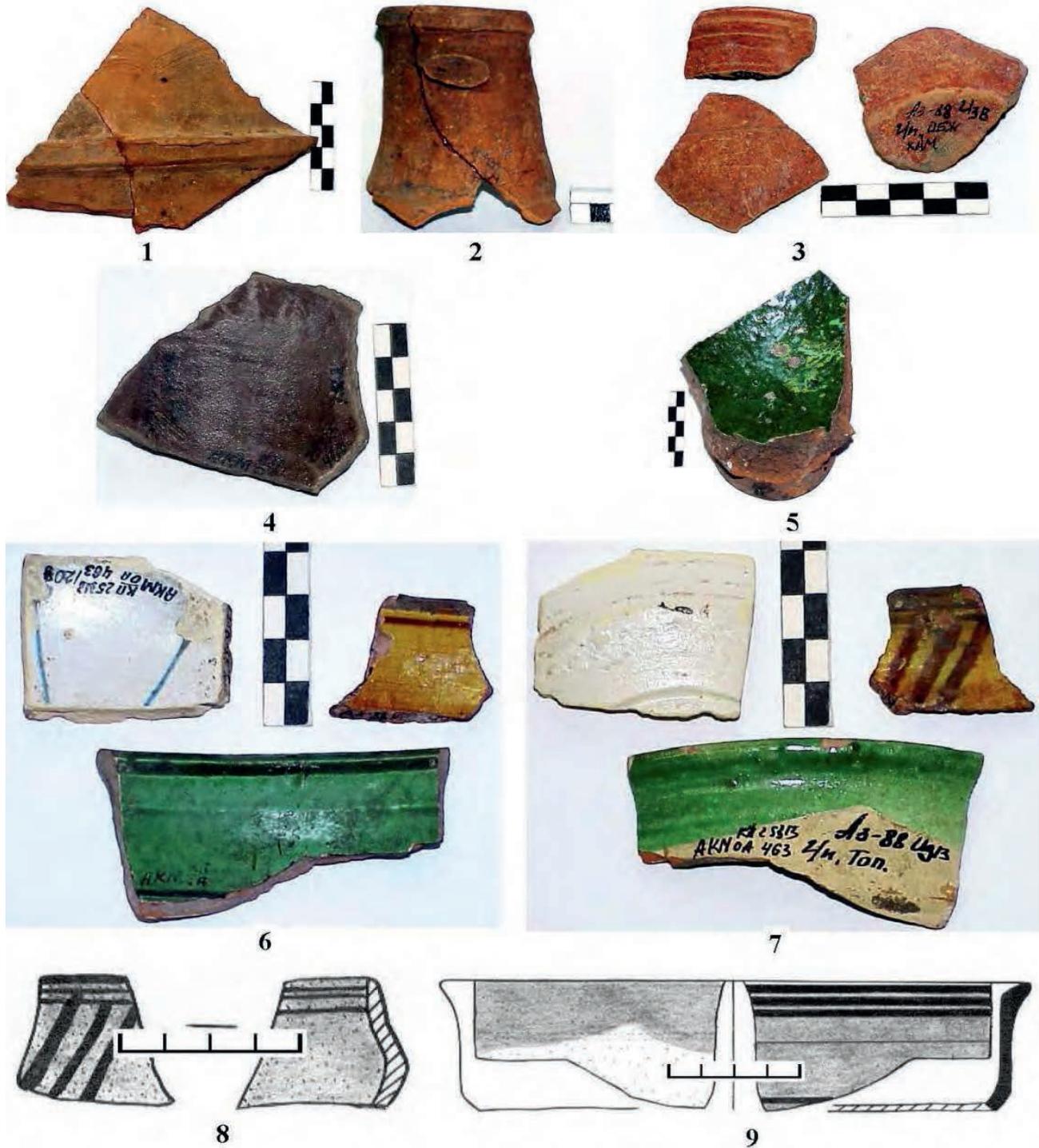

РИС. 27. КЕРАМИКА ИЗ ЗАПОЛНЕНИЯ ГОНЧАРНОГО ГОРНА, НЕ ЯВЛЯЮЩАЯСЯ ПРОДУКЦИЕЙ ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ (МЕСТНАЯ КЕРАМИКА ПЕРВОЙ ГРУППЫ И ИМПОРТЫ). 1 – фр-т большого сосуда с врезным волнистым гребенчатым орнаментом и горизонтальным прямоугольным валиком, топка, обж. кам., АКМ КП–25313/121; 2 – фр-т горла кувшина без ангоба и лощения, обж. кам., АКМ КП–25313/28,29; 3 – фр-ты горла, тулова и дна с придонной частью тулова афтобы с красным ангобом на внешней стороне, обж. кам., АКМ КП–25313/6; 4 – фр-т тулова чаши со сплошным красновато-коричневым лощением, топка, АКМ КП–25313/122; 5 – дно чаши с зеленой поливой, топка, АКМ КП–25313/275; 6–7 – фр-ты тулова люстровой чаши (топка, АКМ КП–25313/208) и бортиков мисок с гравировкой под желтой (обж. кам., АКМ КВФ–11514/1121) и зеленой (топка, АКМ КП–25313/274) поливой; 8 – рисунок фр-та бортика миски с желтой поливой, обж. кам., АКМ КВФ–11514/1121; 9 – рисунок-реконструкция бортика миски с зеленой поливой, топка, АКМ КП–25313/274.

ИСТОРИЯ ОХРАНЫ И ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ДОНА

ДОНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В 1930-Х – 1950-Х ГОДАХ (ПАМЯТИ С.М. МАРКОВА)

© 2024 г. Бойко А.А.^{1*}, Толочко И.В.^{2,3**}

¹Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Новочеркасский музей истории донского казачества»,
г. Новочеркасск, Российская Федерация

²ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской
академии наук» (ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области «Археологический
музей-заповедник «Танаис», х. Недвиговка, Российская Федерация

*E-mail: alabama7008@yandex.ru,

** E-mail: i-r-69@mail.ru

Созданию первого в РСФСР археологического музея-заповедника «Танаис» в августе 1961 г. предшествовала череда событий 1930-х – 1950-х гг., происходивших на Дону. Фактическое закрытие массовых краеведческих организаций не означало прекращения ни краеведческих, ни собственно археологических работ. Параллельно с административно-территориальными реформами шло преобразование и самой системы организации работ в сфере археологии. Послевоенные изменения коснулись не только кадрового состава донских археологов, но и самого принципа организации археологической деятельности. Показательно, что в 1950 г. был обнародован перечень выявленных памятников археологии, значительно превышающий список охраняемых объектов в 1939 г.

Ключевые слова: донская археология, краеведение, охрана памятников археологии.

DON ARCHAEOLOGY IN THE 1930s–1950s (IN MEMORY OF S.M. MARKOV)

Bojko A.L., Tolochko I.V.

The creation of the first archaeological museum-reserve in the RSFSR, "Tanais" in August 1961 was preceded by a series of events from the 1930s to the 1950s occurring in the Don region. The actual closure of mass local history organizations did not mean the cessation of either local studies or archaeological work. Alongside administrative and territorial reforms, the organization of archaeological work itself was also transformed. Post-war changes affected not only the personnel composition of the Don region archaeologists but also the very principle of organizing archaeological activities. It is noteworthy that the list of identified archaeological sites that was published in 1950 significantly exceeding the list of protected sites from 1939.

Keywords: Don region archaeology, local studies, protection of archaeological sites.

Основой практически любого исследования в рамках археологической проблематики является конкретный памятник (или памятники, ОКН или ОАН во всем их бесконечном многообразии). Выявленный, описанный, исследованный, охраняемый (хранимый)... И если выявление нового поселения или могильника процесс во многом творческий, то мероприятия по учету в большей степени являются канцелярской процедурой, исполнение которой требует не только точности и аккуратности, но и известного историко-археологического кругозора, знания современной научной (а в некоторых случаях и научно-популярной литературы).

Сегодня это стартовый уровень школьника старших классов или студента-первокурсника, вооруженного доступом в различные информационно-поисковые системы и др. Достаточно взглянуть на обилие различных краеведных сайтов или книжные полки магазинов, специализирующиеся на исторической проблематике. Тем важнее для нас понимание тех путей познания, которыми шли донские археологи, историки и краеведы в начале XX в. Есть огромная человеческая притягательность в образе подвижников археологии и краеведения, деятельность которых зиждилась «как теперь принято говорить, на общественных началах, стимулировалась и поддерживалась энтузиазмом, любовью и преданностью делу познания историко-культурного прошлого родного края» (Лунин, 1949. С.159).

Уже много написано о развитии краеведческих работ в первой трети XX в. Но репрессии начала 30-х гг. XX в. точно очертили ту грань, за которой «бесклассовому» краеведению не было места. И это был вопрос лишь частично лежавший в идеологической плоскости. Сама структура краеведческих обществ 20–30-х гг. XX в. мало соответствовала новому строю жизни в СССР, сформировавшемуся в ходе индустриализации, «великого перелома» и «культурной революции». Изменения административно-территориального деления краев и областей, огромные площади исследуемых территорий, возросшая мобильность кадров в условиях реформ самих учреждений науки, культуры и образования – это далеко не полный перечень тех условий, которые определяли специфику научно-исследовательской работы в середине 30-х гг. XX в.

Формально, огромное количество краеведных ячеек (к 1927 году по сведениям Центрального Бюро Краеведения по Северо-Кавказскому краю с Дагестаном числилось 88 краеведческих учреждений, по данным же Северо-Кавказского бюро краеведения эти цифры были занижены: в крае 93 краеведческих организаций, не считая Дагестана, а с Дагестаном – 104) (Ямпольский, 1928; Штавакер, 2011) вполне могли справиться с работой по учету памятников. Однако начало 1930-х гг. стало временем своего рода «провала» в повседневной работе, поскольку на местах оказалось очень мало подготовленных кадров, которые могли осуществлять даже простые действия по заполнению типовых документов. А те, кто их должен был как таковые составлять и давать рекомендации по сбору информации, вынуждены были решать совершенно иные задачи, давая объяснения и показания следствию по сфабрикованным делам.

С другой стороны, подготовка новой генерации сотрудников резко затормозилась после 1922 г. – закрытия Донского Археологического института и перевода классического историко-филологического факультета Донского университета в ФОН – факультет общественных наук, среди которых не было места ни классической, ни первобытной истории, не говоря об археологии или вспомогательных исторических дисциплинах.

Это привело к тому, что на протяжении почти двух десятилетий, вплоть до открытия исторического факультета в Ростовском педагогическом институте, вообще не велась подготовка специалистов по профилю «История».

Тем не менее, Ростовский педагогический институт становится важным региональным центром развития археологии, где на базе археологического кружка сформировалась полноценная археологическая экспедиция под руководством М.А. Миллера, проводившая работы на Нижне-Гниловском городище и его некрополе в 1938 – 1939 гг. (Борский, 1940. Л. 7–8; Миллер, 1938; Миллер, 1940; Миллер, 1940 а). В 1939 г. в серии «Школьная библиотека» выходит монография М.А. Миллера «Танаис», посвященная истории и археологии нижнедонской боспорской колонии. Свидетельством объема и качества проводимых работ стало

издание в 1940 г. научного сборника «Памятники древности на Дону», бывшего практически первым в истории донской археологии профильным научным изданием. Вводную статью к сборнику написал сам В.А. Городцов, с которым Б.В. Лунин установил еще в 1928 г. теплые личные отношения.

Другим событием, качественно характеризовавшим коллектив донских археологов, стало то обстоятельство, что М.А. Миллер 15.06.1940 г. в стенах ИИМК защитил диссертацию по археологии по теме «Из истории Нижнего Дона (доскифский период)» и получил звание доцента.

Классическое университетское образование было восстановлено лишь в сентябре 1941 г. открытием историко-филологического факультета, когда до первой оккупации Ростова-на-Дону («кровавая неделя» 22–28.11.1941 г.) оставалось всего два месяца. И хотя занятия в РГУ были восстановлены в полном объеме уже в январе 1942 г., события последующего лета привели к длительной эвакуации в Среднюю Азию (г. Ош, современная Кыргызская Республика). Первый выпуск студентов историко-филологического факультета состоялся только в сентябре 1944 г. При этом надо учитывать, что до весны 1949 г. в числе преподавателей не было специалистов с опытом работы в области археологии, а сама эта дисциплина появилась в учебном плане РГУ лишь на 1949/1950 учебный год.

Послевоенные изменения коснулись не только кадрового состава донских археологов, но и самого принципа организации археологической деятельности. РОБОИПРИКА (Ростовское областное бюро охраны и изучения памятников революции, искусства, культуры и археологии) было фактически ликвидировано, а функции координации археологической деятельности перешли к отделу культурно-просветительской работы Ростовского облисполкома (Бойко, Толочко, 2021. С. 17).

Это объясняет ту глубину проблем, которые проявились при первой послевоенной паспортизации памятников Ростовской области. В 1948 г. вышло Постановление Совета Министров СССР № 3898 (14.10.1948 г.), которое предписывало произвести «учёт всех выявленных до настоящего времени памятников, подлежащих внесению в государственные списки памятников культуры». Руководящим практическим наставлением для участников этой работы было опубликованное в мае 1949 г. Постановление Совета Министров РСФСР № 373 «Об утверждении инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников».

Краткий перечень предшествующих мероприятий (с начала XX в.) показывает характер исходной информации (вернее, ее практически полное отсутствие):

1. В 1901 г. была произведена сверка «Сведений о количестве известных древних памятников, зданий и сооружений и исторических памятников» по всей необъятной Российской империи. По территории Области войска Донского такие сведения вообще не были предоставлены (Разгон, 1957).

2. В августе 1934 г. был разработан первый список памятников археологии Дона, принятых на государственную охрану советской властью: «Предварительный список основных памятников революции, искусства и культуры Азово-Черноморского Края», включавший:

1. Памятники культуры.

Течение реки Дона.

1) Кобяковское городище расположено на правом берегу Дона у устья Кобяковского оврага (ст. Аксайская).

2) Гниловское городище расположено на правой стороне р. Мёртвый Донец (ст. Гниловская).

3) Недвиговское городище расположено на возвышенном берегу р. Мёртвый Донец, по линии ж.д. Ростов–Таганрог (сл. Недвиговка).

4) Елисаветовское городище расположено на северо-востоке от одноимённой станицы, за Казачьим ериком.

5) Курганы «Пять братьев» вблизи ст. Елисаветовской, недалеко от хут. Колузаева по берегу Дона.

6) Городища Цимлянские расположены по течению среднего Дона (ст. Цимлянская) (ГАРО. Ф.Р.-1485. Оп. 1. Д. 660. Л. 367).

3. В 1939 г. предшествующий список был актуализирован, поскольку территории теперь относились к новому субъекту РСФСР – возникшей в 1937 г. Ростовской области. В итоге был утвержден единый список № 1 историко-революционных и историко-культурных памятников Ростовской области, подлежащих государственной охране, принятый Президиумом Ростоблисполкома 16.06.1939 г.

Этот список включал не только памятники археологии из списка 1934 г., но и многочисленные исторические памятники Азова, Старочеркаска и Таганрога. Из девятнадцати позиций списка лишь одна прямо относилась к памятникам археологии, причем суммарно, без детализации и даже указания их приблизительного количества: «Древние курганы, могильники, стоянки, городища, валы, развалины надземных старинных сооружений (крепости и пр.), каменные статуи («бабы») и др.». Они вошли в т.н. «Единый список историко-культурных памятников Ростовской области подлежащих обязательной государственной охране (по состоянию на 1 мая 1939 года)» (ГАРО. Ф.Р.-3737. Оп. 2. Д. 128. Л. 106–107).

События Великой Отечественной войны стали важным поворотным пунктом в деле охраны исторического наследия. С одной стороны, были «реабилитированы» многие исторические события «дооктябрьского» прошлого и великие русские полководцы и государственные деятели, с другой стороны – чудовищные по своему размаху разрушения национального достояния требовали скрупулезного учета.

Первоначально эти задачи по учету решала «Комиссия по учету и охране памятников» при Всесоюзном комитете по делам искусств СНК СССР (апрель 1942 г.), а с освобождением оккупированных территорий – «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)» (02.11.1942 г.). Послевоенное восстановление народного хозяйства, в том числе и согласно Постановлению СНК СССР за № 2722 «О неотложных мерах по восстановлению 15 городов РСФСР» (01.02.1945 г.), требовало продолжения работы по учету памятников истории и культуры уже в условиях мирного строительства, что значительно увеличивало их объем.

Деятельность по сбору сведений и описанию памятников Ростовской области курировал С.М. Марков (1901–1964 гг.), фронтовик, прошедший войну от начала и до конца в инженерно-сапёрных войсках, бывший в 1946–1955 гг. старшим инспектором по охране исторических и археологических памятников отдела культурно-просветительской работы Облисполкома. Семену Марковичу удалось получить историческое образование в РГПИ уже взрослым человеком (окончил в 1940 г. заочное отделение) (Казакова 2012. С. 305).

Позднее, в ходе работы в качестве представителя Облисполкома, С.М. Марков тесно общался с З.А. Витковым, доцентом РГУ, принимая непосредственное участие в его археологических раскопках 1950–1952 гг. Сохранилась и его переписка с Б.В. Луниным, известным донским краеведом, в то время – преподавателем военно-учебных заведений Среднеазиатского военного округа. Круг общения с историками расширялся и за счет специалистов-археологов, в первую очередь с Д.Б. Шеловым.

Знакомство Дмитрия Борисовича с древностями Дона произошло летом–осенью 1949 г. во время обследования и паспортизации древностей Азовского района Ростовской области.

В 1989 г., когда велись работы Приморской археологической экспедиции Азовского краеведческого музея (Гуркин, Бойко, 1989), в районе с. Займо-Обрыв были опрошены местные жители, помнившие «ученого в толстых очках», который производил топографическую съемку курганных могильников близ села. Более того, объект его исследований получил у местных жителей название «Малеванные курганы», что подтверждали непосредственные участники тех работ, бывшие в конце 40-х гг. XX в., мальчишками 12–14 лет, носившими тяжелые деревянные рейки. В итоговый список памятников, поставленных на охрану в 1950 г. они не попали, но

были отражены в «Паспортах», хранившихся в архиве Управления культуры Ростоблисполкома (ныне утрачены).

Все учтенные в начале 1950 г. памятники были разбиты на 2 категории:

1. Исторические и археологические памятники Ростовской области всесоюзного значения (исторические – 48, археологические – 13 объектов);
2. Исторические и археологические памятники Ростовской области республиканского и местного значения (исторические – 1063, археологические – 350).

В отличие в предшествующих списках памятников, реестр 1950 г. содержал не только указание на месторасположение объекта в определенных административных границах, но и его краткое описание и, по возможности, атрибуцию. Вероятно, это может объяснить дисбаланс в количестве выявленных/учтенных и поставленных на охрану памятников:

<i>Тип/категория</i>	<i>Исторические</i>	<i>Археологические</i>
Поставлены на охрану по 1 категории	48	13
Поставлены на охрану по 2 категории	1063	350
Всего выявлено	1390	2218

Зачастую именно атрибуция памятников, вызывала у современников и последующих исследователей определенные возражения и недоверие к древним спискам памятников. Еще А.Л. Крылов в эпохальной работе «О старине Донской области» так характеризовал известное городище у х. Недвиговка:

4) «Нижне-Рыково» – имеет вид кургана; находится в 27 верстах от станицы, в хуторе Недвиговском, внизу горы, под хутором; в окружности имеет 300 саженей, в высоту 12 саженей; в 1868 г. при проложении полотна Ростовско-Азовской железной дороги городище разрезано пополам до подошвы; при этом находили кирпич и черепки корчаг.

6) «Верхнее-Рыково» – лежит в 27 верстах от станицы, над хутором Недвиговским; имеет форму квадрата, каждая сторона которого имеет по 120 саженей в длину; городище окружено валом, высотой в 2½ аршина и рвами глубиной и шириной по 3 аршина. При исследовании в 50-х годах, найден погреб в земле с выходом, выложенным камнем, а в нем найдены разной величины корчага, чашечки и куски мраморных досок с греческими надписями и изображениями воинов, бронзовое паникадило, кости и черепки, а впоследствии с нижней стороны гробницы, был открыт ход к р. Донцу, выложенный аршинным камнем и имевший в высоту и ширину по 1½ аршина. Верхне- и Нижне-Рыковы городища устроены греками; здесь был греческий город Танаис» (Крылов, 1889).

□ □ □

Летом 1950 г. по инициативе Ростовского областного Отдела культпросветработы (и лично инспектора Маркова М.С.) на средства Ростовского областного музея краеведения была организована небольшая археологическая экспедиция для разведки городищ античного времени в дельте Дона и в районе Таганрога. В задачи экспедиции входил осмотр городищ скифо-сарматской эпохи на Нижнем Дону, фиксация их современного состояния, составление их описаний, фотографические и топографические работы на городищах, сбор подъемного материала, принятие мер к предотвращению дальнейшего разрушения памятников (Бунин, Базилевич, 2019).

Главное внимание было уделено обследованию самого крупного – Недвиговского – городища. В составе экспедиции работал 50-летний Семён Маркович Марков. Прежде всего, было предпринято снятие плана городища в его современном состоянии. Он был составлен при помощи инструментальной горизонтальной съёмки топографом А.Д. Рябухиным.

Начиная с 1955 г. раскопки Танаиса проводились Нижне-Донской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Ростовского областного музея. В результате семи сезонов раскопок 1955 – 1961 гг. часть вскрытых остатков сооружений была

сохранена, проведена их консервация и на их базе по решению Совета Министров РСФСР создан историко-археологический музей-заповедник «Танаис», филиал Ростовского областного музея краеведения (Шелов, 1974).

К 1961 г. музей Танаиса значительно пополнился археологическими коллекциями. Это давало возможность в первой танаисской экспозиции показать, что город возник не на пустом месте, а в течение тысячелетий в его окрестностях и на самом городище жили представители разных племён и народов (Археологический музей-заповедник «Танаис». Экспозиционная опись. Л. 28–51). Правда, экспозиционное оборудование (обычные двустворчатые книжные шкафы с застеклённой верхней частью и самые простые горизонтальные витрины) оставляло желать лучшего. Очень хорошо смотрелся предложенный С.Н. Братченко верхний пояс тематических крупных фотографий (фризы).

Воплощениям многих замыслов, осуществлённых позднее, мы обязаны именно этим первым годам жизни заповедника: реконструкции, парковая зона, лапидарий (место показа крупных предметов из камня, главным образом, культового назначения, которыми так богат танаисский некрополь). Вторую часть экспозиции составили открытые за шесть полевых сезонов крепостные стены и башни, городские усадьбы с внутренними дворами и глубокими подвалами под почти не сохранившимися наземными помещениями.

К этому времени определились хронологические рамки существования различных городских районов. Появилась логическая основа показа главной составляющей Танаиса – экспозиции под открытым небом. Её, насколько это было возможно, также подготовили к осмотру. Приближалось время открытия. Первых посетителей музей «Танаис» принял 1 августа 1961 г.

Литература

- Археологический музей-заповедник «Танаис». Экспозиционная опись // ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения». Архив С.М. Маркова. Ф. 2. Оп. 7. Д. 4. Л. 28–51.
- Бойко А.Л., Толочко И.В. «Перевернулась земля, подобно гончарному кругу»: Донская археология в 1933 – 1950 годах // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы международной научной конференции 6–8 апреля 2021 г. М., 2021. Институт археологии РАН. С. 15–18.
- Борский М. Отчёт о работе бюро за 1940 г. (о разведке Миллера М.А. на тер. Недвиговского городища и в окрестностях ст. Нижне-Гниловской, о раскопке Иноземцевым Г.А. кургана у ст. Верхне-Гниловской и исследовании Вязигиным С.А. памятников г. Азова) / Ростовское областное бюро охраны и изучения памятников революции, искусства, культуры и археологии / Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. Рукописный архив // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1940. Ед. хр. 167.
- Бунин Д.С., Базилевич Л.О. Разведки Д.Б. Шелова в 1950 г. на Нижнем Дону // Вестник Танаиса. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2019. С. 46–65.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 660.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 128.
- Гуркин С.В., Бойко А.Л. Работы Приморской археологической экспедиции в 1989 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов. 1990. С. 10–15.
- Казакова Л.М. Сергей Маркович Марков (20.08.1901–15.07.1964). К 110-летию со дня рождения // Вестник Танаиса. Выпуск 3. Х. Недвиговка: АМЗ «Танаис», 2012. С. 305–306.
- Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций: справ. 2-е изд / ЦБК. Л., 1927. 205 с.
- Крылов Л.А. О старине Донской области // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). Том VI. Одесса, 1889. С. 26–73.
- Лунин Б.В. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938 и 1939 гг. (Общий обзор) // Памятники древности на Дону. Материалы к описанию и изучению археологических памятников Подонья–Приазовья. Ростов-на-Дону: Роствездиздат, 1940. С. 7–24.

Лунин Б.В. Очерки истории Подонья–Приазовья. От древнейших времён до XVIII столетия / 2 т. Ростов-на-Дону: Ростиздат. 1949–1951. Типография им. Калинина, 1949. 184 с.

Миллер М.А. Краткий отчёт о раскопках 24–30 апреля 1938 г. на Гниловском городище у ст. Нижне-Гниловской близ г. Ростова на Дону / Ростовское областное бюро охраны и изучения памятников революции, искусства, культуры и археологии / Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. Рукописный архив // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1938. Ед. хр. 232.

Миллер М.А. Нижне-Гниловское городище близ г. Ростова на Дону. Отчёт о раскопках в 1938–1939 г. /Ростовский педагогический институт / Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. Рукописный архив // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1939. Ед. хр. 204.

Миллер М.А. Рисунки и фотографии к отчёту о раскопках на Н. Гниловском городище в 1939 г. /Ростовский педагогический институт/ Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. Рукописный архив // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1939. Ед. хр. 205.

Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России. М., 1957. 128 с.

Шелов Д.Б. Опыт организации археологического музея-заповедника «Танаис» // Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры АН СССР. М., 1974. Вып. 7. С. 321–328.

Штавдакер Л.А. Краеведческие учреждения и организации на Дону и в Приазовье (1920–1930-е годы) // Донской временник. Год 2012-й/ Донская государственная публичная библиотека. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 20. С. 185–189. URL: http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m4/3/art.aspx?art_id=1143.

Ямпольский М.Л. Обзор новейшей литературы по краеведению // Краеведение на Сев. Кавказе. 1928. № 1–2. С. 179.

РИС. 1. МАРКОВ С.М. В 1946 Г.

РИС. 2. МАРКОВ С.М. В КОНЦЕ 1950-Х ГГ.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ КОСТЮМ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ВЕРБОВЫЙ ЛОГ VIII. ПОВТОРНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ И ПЕРЕАТТРИБУЦИЯ

© 2022 г. *Шашунова С.М.*

*ВООО «Волго-Донское археологическое общество», Волгоград, Российская Федерация
E-mail: sm_2711@mail.ru*

В статье представлены результаты переаттрибуции и повторной реставрации комплекса золотоордынского текстиля XIII–XIV вв. из курганного могильника Вербовый Лог VIII. В результате исследований часть предметов изменила свой внешний вид и назначение, были внесены коррективы в определение этнокультурной принадлежности костюма. Все предметы костюма максимально близки к моде монгольской империи и изготовлены без влияния тюркских традиций. Главным отличием от ранее известных комплексов костюма является использование безузорного шёлка полотняного переплетения у некоторых предметов верхней одежды. Возможно, это попытка подражания имперской моде в условиях нехватки узорных тканей.

Ключевые слова: *Золотая Орда, кочевники, костюм, археологический текстиль, халат, шёлк, бокка.*

THE GOLDEN HORDE COSTUME FROM THE VERBOVY LOG VIII BURIAL MOUND. RE-CONSERVATION AND RE-AUTHENTICATION

Shashunova S.M.

The article presents the results of the re-authentication and re-conservation of the Golden Horde textile complex found in the burial mound Verbovy Log VIII and dated to the 13th–14th centuries. As a result of the research done, appearance and purpose of some items were changed. Some adjustments were made to the determination of the ethnocultural affiliation of the costume. All pieces of costume complex are closely aligned with the fashion of the Mongol Empire and were made without the influence of Turkic traditions. Its main distinguishing feature from previously known costume complexes is the use of patternless silk with a plain weave in some outerwear items. This may represent an attempt to imitate imperial fashion amid a shortage of patterned fabrics.

Keywords: *Golden Horde, nomads, Golden Horde costume, archaeological textiles, Golden Horde robe, silk, boktag.*

Одним из самых известных в России комплектов женского и отдельных предметов мужского костюма золотоордынского периода являются фрагменты одежды из курганов у хутора Вербовый Лог Ростовской области. Погребальные комплексы были обнаружены археологической экспедицией Цимлянского отряда Ростовского госуниверситета под руководством С.А. Науменко в 1990 году в Дубовском районе Ростовской области.

Этот археологический материал вызвал интерес российских исследователей, в том числе, ведущих специалистов в области исследования текстиля.

В 2006 году вышла коллективная монография М.В. Власкина, А.И. Гармашова, З.В. Доде, С.А. Науменко «Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала» (Власкин и др., 2006). Ряд предметов в 2013 году был рассмотрен Н.В. Хрипуновым в статье «Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг.» (Хрипунов, 2013). Также к анализу материала из этих погребений в 2015 году обращалась О.В. Орфинская в своей статье «Проблемы реконструкции одежды на основе результатов исследования археологического текстиля» (Орфинская, 2015).

На данный момент костюмный комплекс из курганного могильника Вербовый Лог хранится в фондах археологического музея-заповедника «Танаис». В 2019 году руководством музея было принято решение о начале работ по реставрации текстиля из этих захоронений. Первый этап был проведен в 2020 году, когда были отреставрированы фрагменты рубахи-куртки и фрагменты отделки сапог. Работы осуществлялись реставрационной мастерской ООО «Феномен». В последующем на реставрацию были переданы остальные предметы комплекса, а также фрагменты текстиля из мужского захоронения. В мае 2021 г. начались реставрационные работы под руководством реставратора высшей категории Н.П. Сеницыной¹.

Текстиль находился в пересушенном состоянии, некоторые фрагменты были пропитаны клеевым составом, нити основы и утка деформированы, направление нитей значительно смещено. Предыдущими исследователями была проведена работа по систематизации ткани по видам и типам изделия, что облегчило дальнейшие исследования.

В первоочередные задачи входила необходимость оценки состояния, составление плана реставрационных работ, возможности уточнения кроя наиболее полно сохранившихся изделий, переатрибуция в случае появления новых данных.

После проведенной первичной фотофиксации фрагменты текстиля были помещены в увлажняющую камеру. Далее была проведена водная очистка, последняя промывка проводилась дистиллированной водой с добавлением раствора ПЭГ 400. После водной очистки все фрагменты были расправлены, учитывая направления нитей основы и утка. По завершении полного высыхания фрагментов были уточнены размеры, зафиксированы следы швов. На основании этих данных были построены выкройки. Фрагменты были сдублированы на тонированный китайский газ, напыленный клеем А-45К, и перекрыты шелковым швейцарским газом. Дублировочный материал был дополнительно прошит как по внешнему краю фрагментов, так и по внутреннему краю утрат, не затрагивая археологической ткани. Согласно построенным выкройкам предметов были выкроены и сшиты основы из шелковой ткани соответствующих цветов. Каждый фрагмент последовательно переносился на его место на реконструируемой форме и укреплялся тонированной шелковой нитью. Все предметы были подготовлены для дальнейшего хранения и экспонирования.

Результаты реставрации позволили пересмотреть предыдущие версии реконструкции кроя ряда предметов.

В погребении 1 кургана 1 могильника Вербовый Лог VIII был обнаружен скелет женщины 25–30 лет с ярко выраженными монголоидными чертами. Также сохранился комплекс одежды, который включал: куртку, штаны и три халата. «В изголовье покойной находилась сложенная в несколько раз превосходно сохранившаяся куртка, причем череп погребенной, покоившийся на этом свертке, сверху был перекрыт полою куртки... Покойная была накрыта сверху комплектом одежды...» (Науменко, 1990. С. 23–24) (рис. 1, Л).

При последующем изучении текстильного комплекса список предметов был откорректирован и стал включать чулки, шальвары, рубаху-куртку, халат с обшлагами, шубу и манишку (Доде, 2006).

¹Команда реставраторов: А.А. Лифанова, Т.А. Овчинникова, А.В. Свинцова, А. Ю. Утегина, Ю.В. Федотова, К. С. Чайковская, С.М. Шашунова.

Чулки с оборкой → Чулки на подкладке.

Чулки с оборкой и шальвары, объединенные в предыдущих исследованиях в группу поясных изделий (Доде, 2006. С. 81), в результате переатрибуции претерпели изменения в крае, была уточнена технология изготовления и вид ткани, используемой для пошива. Удалось установить, что они являются чулками² на подкладке и декоративной отделкой сапог.

Текстиль этой группы представлял собой крупные разрозненные фрагменты плотной качественной ткани полотняного переплетения – тафты с пришитыми к ней фрагментами ткани с «мережкой»³, и отдельные крупные участки ткани с «мережкой», ранее включенные в реконструкцию кроя шальвар (Доде, 2006. С. 81).

Проведя первичный осмотр фрагментов текстиля, удалось подтвердить мнение О.В. Орфинской, что это не ткань с «мережкой», а ткань с утраченными нитями (Орфинская, 2015. С. 26).

При дальнейшей работе установлено, что были утрачены не нити утка, а нити основы. Обнаружено несколько фрагментов с сохранившимися нитями основы тёмно-синего цвета непосредственно на участках с «мережкой» (далее – ткань в «полоску»). В процессе работы была воссоздана цветовая схема ткани (рис. 2,IV).

Также на фрагментах, отнесенных к чулкам, удалось установить, что швом, соединяющим ткань в «полоску» и ткань полотняного переплетения, является шов «вперед иголку», который в большинстве случаев служит не для сшивания деталей, а для пришивания подкладки к основной ткани.

Необработанные припуски швов на деталях, выполненных из тафты, также свидетельствуют о том, что изделие было двухслойное, с лицевой стороны была ткань в «полоску», с изнаночной стороны чулки были посажены на подкладку из тафты.

Первая версия реконструкции кроя чулок, опубликованная исследователями (Доде, 2006 С. 93) (рис. 2,I, 3,II), базировалась на прямоугольной основе, незначительно расширенной в верхней части парными клиньями. Позднее Н.В. Хрипунов предложил версию, основанную на трапециевидном крае (Хрипунов, 2013. С. 253). Уже на начальном этапе работ стало очевидно, что эта версия подтверждается фактическим материалом.

Форма трапеции достигалась путем подшивания треугольных клиньев, отрезанных от нижней части прямоугольной основы.

Подобное технологическое решение формирования трапециевидной основы чулка наблюдается в более ранний период в VIII – XI вв. в погребениях в скальных могильниках Мощевой и Подорванной Балках (Доде, 2006. С. 17; Иерусалимская, 2012. С. 210; Орфинская, 2001, С. 63).

После проведения водной очистки и устранения деформации, учитывая ткацкий брак в виде утолщенной уточной нити, фрагменты из тафты были выложены, согласно предполагаемой схеме кроя (рис. 2,II,III). Это позволило определить ориентировочную ширину ткацкого куска и, предположительно, размеры чулок по всем линиям кроя. Минимальная ширина ткацкого куска шёлковой ткани полотняного переплетения составляет 58,5 см. Длина чулка 77 см, ширина чулка по верхнему краю, минимум, 73 см, ширина чулка в нижней части – 43–44 см.

В верхней части клиньев подкладки чулок сохранилась дополнительная группа проколов от иглы, которые можно соотнести с местом пришивания лент или петли, которая служила для крепления чулок к несохранившимся нижним штанам или к отдельному поясу. Вдоль переднего шва чулка на изнаночной стороне подкладочной ткани был проложен потайной шов, который изначально соединял несохранившуюся ткань основы и подкладку из тафты, препятствуя сдвигу и провисанию.

²Более точным в данном случае, на наш взгляд, представляется термин "ноговицы". Ноговицы – предмет одежды, закрывающий ногу от щиколотки до колена (в некоторых случаях выше), и оставляющий открытой ступню. Несмотря на это, в статье используется термин "чулок", поскольку он является наиболее распространенным и общеупотребительным в литературе.

³Наименование тканей приводится по статье З.В. Доде (Доде, 2006).

Фрагмент ткани в «полоску», отнесенный ранее к шальварам (Доде, 2006. С. 82), также является деталью чулок (рис. 2,IIa,б). На этом самом крупном фрагменте сохранились кромки, после промывки и устранения деформации стало возможным установить ширину ткацкого куска – 45 см.

Нижняя часть чулка из ткани в «полоску» была сшита из небольших деталей разного размера (рис. 2,IIб). Вероятно, это было связано с тем, что эта часть чулка была скрыта сапогами. В тоже время центральная часть изготовлена из большого отреза ткани с минимальным подкромом в виде клина. Сверху чулок «доставлялся» полосой ткани.

Направление нитей основы на подкладке проходило вдоль чулка, а направление нитей основы ткани в «полоску» проходило параллельно верхнему краю чулка (рис. 2,II,IIa).

Ближайшим аналогом описываемых чулок являются чулки из хлопка с вышивкой шёлком, представленные на лондонских торгах 21359 аукциона Bonhams. Чулки датируются XIV–XV вв., происхождение – предположительно, Центральная (Средняя?) Азия (Хрипунов, 2013. Табл. 2).

В процессе реставрации фрагменты ткани были сдублированы на китайский шелковый газ и перекрыты швейцарским газом (рис. 3,I). Художниками Е.А. Корж и А. С. Аксеновой были выполнены рисунки реконструкции внешнего вида чулок (рис. 3,III)⁴.

Шальвары → Отделка сапог.

Отнесенные автором первоначальных исследований (Доде, 2006. С. 82) к шальварам (рис. 4,I) фрагменты, декорированные плотными рядами обметочных стежков, перекрывающих основу из тонкой узкой кожаной полосы, являются, как и было отмечено в статье О.В. Орфинской (Орфинская, 2015. С. 18), и Н.В. Хрипунова (Хрипунов, 2013. С. 254), отделкой сапог (рис. 5,III). Аналогичный декор верхней части сапог часто встречается как на территории Российской Федерации, в Астраханской и Волгоградской области, Республике Калмыкия (Лантратова, 2002. С. 47; Доде, 2014. С. 55; Шашунова, 2019. С. 225), так и на территории других государств, в древности входивших в пределы Монгольской империи (Stylefrom..., 2004. С. 60, 62). Примеры ношения данного предмета часто встречаются на изобразительных источниках, наиболее известной является картина Лю Гуаньдао «Охота Хубилай хана», датируемая концом XIII в.

Несмотря на то, что отделки сапог из других захоронений различаются по форме подреза нижнего фигурного края, технологии и объему декора, в целом, они обладают обобщающими признаками: сформированный объем в районе коленной чашечки, декор параллельными рядами, смещенный к нижнему наиболее видимому краю, использование узорных тканей.

Наиболее близкими к декору сапог из Вербового Лога по форме и типу отделки является декор сапог из погребения 1 кургана 8 могильника Гува-2. Совпадает как форма фигурного выреза нижнего края отделки сапог, так и тип декора (Доде, 2014. С. 55).

Вышивка выполнена толстыми шёлковыми нитями I-крутки поверх узкой кожаной полосы прямыми обметочными стежками со сложным краем в виде косички (техника Tailor's Buttonhole Stitch) (рис. 5,II).

Автор предыдущих исследований сделал выводы о придании формы шальвар за счет легкой сборки по нижнему краю (Доде, 2006. С. 83). Фактически эта приспособленность возникла за счет усыхания кожаной основы вышивки.

Отделка сапог выкраивалась из двух основных частей и двух несимметричных клиньев, формирующих объем в районе коленной чашечки (рис. 4,II,III).

Подкладка отделки сапог не сохранилась, но открытые срезы припусков на изнаночной стороне подтверждают ее наличие.

Рубаха-куртка → Халат тэрлэг.

Одним из предметов, который также претерпел значительные изменения, является так

⁴Все рисунки реконструкции внешнего вида предметов в статье выполнены художниками Е.А. Корж и А.С. Аксеновой. Автор выражает искреннюю благодарность за сотрудничество.

называемая рубаха-куртка.

К вопросу спорного размещения имеющихся фрагментов на предлагаемой схеме обращалась в своей статье О.В. Орфинская, отметившая несоответствие расположения фрагментов левой стороны рубахи-куртки относительно правой (Орфинская, 2015).

Первоначально реконструкция кроя этого изделия базировалась на утверждении, что это короткая рубаха-куртка, но дальнейшие исследования в условиях реставрационной мастерской выявили фрагмент, позволяющий с высокой долей вероятности атрибутировать изделие не как рубаху-куртку, а как халат с крупными складками по линии талии (рис. 6,II). Аналогичный крой на халатах из погребения 93 могильника Маячный Бугор (Орфинская, 2011, С. 24), из коллекции фонда Марджани (Ласикова, 2013. С.178), и халате из частной коллекции в Корее (Хрипунов, 2013. Табл. 3).

Фрагмент 1⁵ – наиболее крупный сохранившийся фрагмент правой верхней части плечевого изделия с разрезом откидного рукава (рис. 6,II). По внутреннему краю детали пришита узорная ткань отделки горловины. Фрагмент 2 сшит с фрагментом 1 по частично сохранившемуся боковому шву, переходящему в шов подмышки. В районе подмышки сохранилась завязка из тонкой ткани полотняного переплетения (рис. 7,II).

Сохранившиеся кромки ткани на фрагменте 1 позволили установить ширину ткацкого куска, которая составляет 45 см. Шов вдоль кромки с внутренней стороны фрагмента 1 является вертикальным центром симметрии изделия, относительно которого было начато построение выкройки с учетом имеющейся ширины ткацкого куска.

На расстоянии 32 см от вертикальной оси изделия был сделан разрез откидного рукава. По краю разреза рукава подвернут припуск, вдоль которого сохранились следы шва для пришивания подкладки. Шов, фиксирующий подкладку от сдвига и провисания, был проложен на расстоянии 1,2 см от края подгибки.

Местоположение фрагмента 5, наравне с фрагментом рукава и правой полы, не вызывает спорных трактовок – это фрагмент левой полы с подшитым к ней прямоугольным запахом. На внешнем крае запаха сохранилась завязка, парная к завязке в районе подмышки на фрагменте 2.

Шов сшивания левой полы и прямоугольного запаха является условной линией вертикальной симметрии изделия и позволяет однозначно разместить этот фрагмент на схеме относительно фрагментов 1, 2.

Декор горловины халата выполнен из двух деталей ткани в «горошины», сшитых по горизонтали с небольшим сдвигом, аналогичная ткань декора находится вдоль правой полы (фрагмент 1) (рис. 7,IV).

Сохранилась нижняя часть рукава халата (фрагмент 4) с наборной манжетой из трех полос ткани. Рукав выкроен поперек ткацкого куска, манжета пришита к кромке ткани, поэтому мы можем установить длину рукава, равную ширине ткацкого куска, и определить расстояние от середины спины до конца рукава (включая манжету), которое составляет 98,5 см. Рукав значительно превышал длину руки, лишней объем рукава лежал присборенным чуть выше кисти (рис. 7,I).

Исследование швов рукава показало, что рукав был перешит, предположительно, после достаточно долгого ношения, о чем свидетельствует изношенность ткани рукава на небольшом расстоянии вдоль шва. Также о перешиве рукава свидетельствует и небольшой треугольный клин, компенсирующий разницу ширины манжеты и нижней части рукава. В первоначальном виде рукав был сшит с заложенными под манжету складками. Вполне возможен вариант вторичного использования наборной манжеты, ранее пришитой к халату с другим типом рукава.

Установить были ли на рукавах и на спинке халата пуговицы и петли или длинные петли для закрепления откинутых рукавов не представляется возможным ввиду неудовлетворительной сохранности халата.

Определяющим для реконструкции кроя халата оказался фрагмент 9 (рис. 7,III). С одной

⁵Нумерация фрагментов приводится по статье З.В. Доде (Доде, 2006. С. 95).

стороны сохранились следы заложенных ранее регулярных складок. Дополнительным подтверждением того, что этот фрагмент был заложен в складку, является швейная ошибка в виде увеличенной длины стежка, которая фиксируется по обе стороны от сгиба складки. Вероятней всего на участке, вырезанном предыдущими исследователями для проведения анализов на красители, также была складка. Обнаружены характерные заломы ткани с расстоянием между ними равным аналогичным заломам на сохранившейся складке. Этот фрагмент относится к отрезной юбке халата. Местоположение на схеме условно, этот фрагмент может относиться как к части юбки со стороны спины, так и к левой поле юбки.

Основываясь на выше перечисленных данных, можно утверждать, что это изделие обладает всеми признаками халата типа тэрлэг (прямоугольная или трапециевидная пола внешнего запаха, рукав со складкой под манжету, вертикальная горловина, отрезная юбка с крупными складками). Условное название «тэрлэг» для такого типа халатов было предложено М.В. Гореликом (Горелик, 2010. С. 211).

Фрагмент 10, сшитый по вертикальному шву, с левой внешней стороны сохранил отверстия от шва, проходящие как вертикально, так и вдоль нижней части всего фрагмента. Швы стыкуются под прямым углом. Вероятней всего этот фрагмент является нижней частью спинки отрезного халата.

С одной из сторон фрагмента 3 сохранилась кромка ткацкого куска. Вдоль этой кромки сформирован подгиб припуска, на расстоянии 0,2 см от этого подгиба сохранились следы от проколов иглой от утраченного шва, характерного для подшивания подкладки вдоль края изделия. На расстоянии 9,5 см от сгиба припуска сохранился шов, который служит для дополнительного фиксирования подкладочной ткани от сдвига и провисания. Вероятным местом расположения данного фрагмента являются внешние края юбки халатана запашных полах или в районе разреза на левом бедре.

Сохранившийся на фрагменте 6 криволинейный шов подмышки позволил разместить его на схеме кроя с левой стороны спинки.

Фрагмент 8 сшит вдоль края двух ткацких кусков. Расположение его на схеме вариативно. Возможно размещение как на левом рукаве, и шов проходит вдоль пришивания рукава к основе, так и на юбке, где стыкуются два полотна.

На фрагменте 6.1 и 11 с одной стороны сохранилась кромка, вдоль нее проходят проколы от шва. Данные фрагменты могут быть размещены вдоль любого шва, соединяющего полотна ткани. Расположение на схеме условно.

Оставшиеся фрагменты ткани не несут конструктивного значения, они были размещены на схеме согласно направлению нитей основы. В случае сохранившихся швов и кромок учитывалось их направление, согласно имеющимся швам на схеме.

Главным отличием этого халата от других халатов тэрлэг являются прорезы для продевания рук, а также рукав без складки у наборной манжеты.

Сейчас невозможно установить, были ли сделаны разрезы откидных рукавов одновременно с пошивом халата, или халат подвергался последующей переделке. Вполне вероятно, что эти изменения проводились вместе с этапом изменения типичного рукава со складкой под манжету на обычный зауживающийся рукав и пришиванию наборной манжеты из трех полос ткани.

Наиболее сложным вопросом в реконструкции кроя в представленном изделии остается вопрос формы воротника. Ввиду того, что исследования предыдущего автора проводились на основании нерасчищенных фрагментов текстиля, им была принята упрощенная версия схемы воротника (Доде, 2006. С. 95). Очистка, промывка текстиля и устранение смещения нитей основы и утка позволили уточнить расположение сохранившихся фрагментов воротника. Вероятней всего, он состоял из нескольких деталей как на правой, так и на левой поле. Несомненно, полоса воротника проходила вдоль выреза горловины на спине, образуя там воротник-стойку, плавно спускаясь плоским воротником в район грудной клетки (рис. 8).

Данный тип составного воротника, ранее не встречался, но знакомство с другими халатами аналогичного типа показывает значительное разнообразие оформления горловины.

Использование шёлка полотняного переплетения вместо узорного позволяет с осторожностью предположить, что этот халат является подражанием имперской моде.

Халат → Большой халат.

О.В. Орфинская в своей статье, посвященной анализу предметов из Вербового Лога (Орфинская, 2015. С. 18), обратилась к реконструкции кроя халата. Была предложена версия о том, что это был иной тип халата. Опубликованный крой учел все конструктивные и технологические моменты. Незначительные изменения, внесенные после проведенной очистки и устранения деформации фрагментов, не повлияли на выбранную схему реконструкции кроя.

После поступления предметов на реставрацию при осмотре фрагментов было подтверждено, что основная узорная ткань декорирована не золотой набойкой, а является шёлковой тканью, вытканной в технике лансе, со следами плоского золотного утка, с практически утраченной органической подложкой.

Определение вида ткани проводилось по статье О.В. Орфинской «Терминологический аппарат для описания узорных шёлковых тканей Средневековья в музейных коллекциях: иллюстрированное методическое пособие для сотрудников музеев и специалистов по музейному и археологическому текстилю» (Орфинская, 2019).

Также при первом ознакомлении с фрагментами халата на внешней стороне детали рукава халата был отмечен характерный выступ для пришивания манжеты. Это позволяет подтвердить версию О.В. Орфинской (Орфинская, 2015), что это был халат не с широкими рукавами с отворотами, а, так называемый в российской научной практике, «большой» халат. Этот термин, который позволяет отделить этот тип халата от повседневных, был предложен Н.В. Хрипуновым (Хрипунов, 2012. С. 374).

Фрагменты больших халатов достаточно часто встречаются на территории Улуса Джучи. В Волгоградской области нам известны находки такого типа халатов в погребениях из могильников Демочкин, Жутово, Царев (Шашунова, 2019), в Саратовской области – дошедший до нас по описаниям археологов халат из мавзолея 1 в Увеке (Кубанкин, 2006. С. 193). Вероятно, к такому типу халатов принадлежал комплект отделки воротника и манжет из погребения 51 могильника Маячный Бугор (Лантратова, 2002. С. 35).

Все предметы, относящиеся к большим халатам, характеризует значительная ширина в районе грудной клетки, широкие рукава, превышающие длину руки. Рукава чаще всего имеют окорокообразную форму. В чрезвычайно редких случаях при очень большой ширине ткацкого куска, ширина в районе грудной клетки достигает 120 см, как на халате из Музея исламского искусства в Дохе (Focuson 50, 2010. С. 63).

Подобные халаты декорировались воротником и манжетами, выполненными из полос узорного шёлка, в редких случаях – тесьмы. К сожалению, ни один из халатов с территории Юга России не сохранился достаточно полно, чтобы судить о его длине, но многочисленные находки аналогичных халатов с территории Монгольской империи свидетельствуют о том, что длина значительно превышала естественную.

Чжао Хун описывает: «[У женщин] еще бывает халат с большими рукавами, как китайская шуба на птичьем пуху, широкий и длинный, волочит [полами] по земле. Когда [женщина] идет, то две рабыни поддерживают [шлейф]» (Мэн-да бэй-лу, 1975).

Обладая такими общими чертами как чрезмерная ширина и длина, тип кроя таких халатов различается и зависит от ширины ткани. Первый тип кроя используется при меньшей ширине ткацкого куска (56–57 см), полотна стыкуются вдоль вертикальной оси симметрии, как на халатах из могильников Демочкин, Царев и Жутово (Шашунова, 2019). При использовании более широкой ткани тип кроя иной – центральное полотно доставляется по бокам до нужной ширины треугольными или подтрапециевидными клиньями, расширяющими халат до нужной ширины, как в районе груди, так и в районе подола (Focuson 50, 2010. С. 62).

При разборе сохранившегося материала в первую очередь был выделен фрагмент 1⁶ с

⁶Нумерация фрагментов приводится по статье О.В. Орфинской (Орфинская, 2015. С. 24).

характерным косым срезом и отверстиями от утраченных сшивных ниток по верхнему краю, угол среза соответствует месту пришивания воротника на левой поле халата. По этому фрагменту удалось определить ширину ткацкого куска, которая составляет 80 см (рис. 9,II).

Еще одним фрагментом значительных размеров является фрагмент 2. Его размеры по вертикали не позволили соотнести его с передней полой изделия, потому что совмещение фрагмента 1 и фрагмента 2 на выкройке передней полы суммарно привело к размерам, значительно превышающим размер аналогичных халатов. Это дало возможность атрибутировать фрагмент 2 как фрагмент спинки халата (размещение на схеме халата условно).

После промывки и устранения деформации фрагменты 3 и 4 были атрибутированы как фрагменты основной части рукава. Они были расположены на макете симметрично на правом и левом рукаве (рис. 10,И). Уже после завершения процесса реставрации у нас появилась возможность ознакомиться с материалами археологического отчета и альбомом фотографий к нему (Науменко, 1990). В отчете указано, что наиболее полно сохранился левый рукав: на фотографии он изображен практически целым, это позволило сделать выводы, что фрагменты 3 и 4 являются фрагментами левого рукава. Детали рукава были сшиты по горизонтальному шву для соблюдения направления орнамента в готовом изделии. Вдоль этого шва сохранился участок потайного шва, который фиксировал подкладку от сдвига и провисания. До конечной длины рукав доставлялся при помощи фрагмента 5. Эта деталь сшита из двух симметричных половин. На внешней стороне в районе центральной части детали сохранился выступ, к которому пришивалась манжета.

Среди фрагментов отделки халата, сшитых из 3 полос ткани, был определен фрагмент 10.2, который можно атрибутировать как манжету. Детали 3, 4, 5, 10.2 при размещении на схеме края стыкуются по линиям швов и местам утрат и составляют единое целое рукава большого халата.

Фрагмент 8, сшитый из двух типов ткани, основной в «лимоны» и ткани с «ромбами», после промывки и расправления согласно нитям основы и утка, нашел свое место в нижней части внутренней передней полы, которая практически целиком перекрывается верхней полкой. При его исследовании были обнаружены следы шва, фиксирующего подкладку от сдвига и провисания, что только подтвердило уверенность в определении места, и позволило достаточно точно разместить этот фрагмент на схеме. Расстояние от этого шва до края изделия было уточнено по фрагменту ткани полотняного переплетения, предположительно атрибутированному как подкладка этого халата. Подкладка пришивалась тремя швами. Вдоль края халата, на небольшом расстоянии от сгиба припуска проходил шов «вперед иголку», соединяющий подкладку и основную ткань халата. Параллельно на расстоянии 0,8 и 6,5 см от края были проложены два параллельных потайных шва, фиксирующих подкладку от сдвига и провисания. Этот шов, чередуя, захватывал по несколько нитей на подкладке и основной ткани.

В шов между узорной тканью в «лимоны» и тканью с «ромбами» был вшит небольшой узкий фрагмент ткани полотняного переплетения – предположительно, фрагмент ленты или петли, за которую служанки придерживали халат, помогая его обладательнице в процессе передвижения (рис. 10,IV).

Основным швом для изготовления халата, как и для большинства других вещей, является шов «назад иголку» (рис. 10,IIa,б).

Использование дополнительной ткани при нехватке основной ткани встречается в двух вариантах размещения. Первый вариант – это большой халат из частной коллекции в Китае (Gold Silk Bue, С. 58), где детали рукавов, подола и передней полы дополнялись до нужных размеров тканью аналогичной по качеству, но в другой цветовой гамме, что давало дополнительный декоративный эффект. У второго варианта, как на больших халатах из коллекции фонда Марджани, из-за нехватки основной ткани халат наращивался менее качественной тканью в малозаметных местах (пришивной запах правой полы). В большом халате из Вербового Лога использовался как раз второй вариант, когда из ткани худшего качества была набрана правая внутренняя пола.

Группа фрагментов разнообразных форм и размеров, выкроенных из ткани с «ромбами»,

вероятнее всего, являлась как раз внутренней правой полый. При анализе отверстий от проколов иглой удалось вычлнить ряд фрагментов с следами шва не на сгибе, а с отступом на 0,2 см от края, что характерно для шва, фиксирующего подкладку к основе. Это позволило сгруппировать данные фрагменты вдоль условного края внутренней полы. Остальные фрагменты не обладают подобными маркерами, позволяющими определить местоположение на схеме, расположение их на схеме гипотетично.

При реконструкции края внутренней полы были использованы данные края аналогичных деталей халатов из коллекции фонда Марджани⁷.

Вдоль левого края фрагмента 7 сохранились отверстия от вертикального шва, правый край вырезан изогнуто, плавно расширяясь к низу, вдоль бокового среза также обнаружены проколы от утраченной сшивной нити. Форма детали и швы позволяют соотнести этот фрагмент с деталями, расширяющими основное полотно халата в районе груди. Фрагмент 7 мог располагаться как в районе левой передней «подмышки», так и быть пришитым к центральному полотну спинки с правой стороны.

Местоположение фрагмента 9 с отверстиями от вертикального шва на первоначальной схеме (Доде, 2006. С. 99) определяется предположительно, как фрагмент, расположенный в верхней части левого рукава. Как было указано выше, основная часть левого рукава состоит из деталей 3 и 4, фрагмент 9 не может являться составной частью рукава. Его итоговое местоположение на схеме края было выбрано условно.

Воротник в настоящее время представлен набором шелковых полос различной ширины, практически все швы утрачены⁸.

Фрагмент 10.1 – полоса шириной 6,5 см (без припусков) из ткани с «околами» является началом наборного воротника, пришитого к левой верхней доле. Внешний угол воротника сформирован за счет заложной складки, воротник до своей полной ширины доставлен двумя более узкими полосами. Ширина узких полос – 2 см (без припусков). Общая ширина составляет 10,5 см (без припусков).

Фрагмент 10.2, также набранный из одной широкой и двух узких полос, был прошит практически посередине. Сопоставление размеров детали, утрат и сшивного шва позволяют атрибутировать этот фрагмент как манжету левого рукава.

Фрагмент 10.4, сшитый из полосы узорной ткани и широкой полосы репсового переплетения, общая ширина детали 10 см (без припусков), вероятнее всего, дополнял воротник до полной длины на внутренней доле. Но нельзя исключить, что этот фрагмент мог относиться к несохранившемуся на данный момент изделию с двухчастным воротником и манжетами.

Среди фрагментов текстиля, поступивших на реставрацию, находились две прямоугольные детали из ткани, вытканной в технике «ложный ажур», размер 20,5*6 см, 12*6 см. Детали были сложены вдоль длинной стороны и прошиты по трем внешним сторонам. На более полно сохранившейся детали на расстоянии 6,5 см от края зафиксировано место сгиба и следы от шва пришивания вдоль него. Нам известны примеры использования подобных деталей в убранстве больших халатов из коллекции фонда Марджани (Ласикова, 2013. С. 176), из музея Исламского искусства в Дохе (Focuson 50, 2010. С. 62), но длина детали из Вербового Лога несколько короче. Действительно ли эти детали были пришиты к большому халату или относились к иному, не сохранившемуся ныне изделию, однозначно установить невозможно.

Версия о том, что завязкой большого халата являлась деталь с лопастью (Доде, 2006. С. 88) кажется маловероятной. Для аналогичных халатов на территории Монгольской империи характерным являются простые прямоугольные ленты различной длины.

Фрагмент 6 на данный момент утрачен. Судя по указанным на первоначальной схеме швам, он являлся внешней частью правого рукава с сохранившейся пришитой манжетой.

З.В. Доде предполагает, что «длина переда изделия соответствовала его полуторной ширине, а спинка была длиннее переда на 18 см» (Доде, 2006. С. 89). Многочисленные находки подобных халатов с территории Монгольской империи свидетельствуют о том, что длина

⁷С глубокой благодарностью Г.В. Ласиковой за предоставленную информацию.

⁸Нумерация фрагментов воротника: С.М. Шашунова.

передней и задней частей халата одинаковая (Ласикова, 2013 С. 174, 184; Focuson 50, 2010. С. 62; Gold Silk Blue, С. 58, 60).

В результате проведенных реставрационных работ был получен типичный большой халат трапециевидного силуэта с широкими рукавами с узкой манжетой. Ширина халата от края манжеты до края 210 см, ориентировочная длина халата – около 160 см (рис. 10, IV, 11).

Вероятней всего, этот халат был изготовлен не в крупных текстильных центрах, а местными мастерами. Об этом косвенно свидетельствует недостаточное количество основной узорной ткани, мелкие фрагменты ткани худшего качества для пошива внутренней полы, использование сшивных нитей разного качества на однотипных технологических этапах, некачественно выполненная сборка манжеты.

Данный халат принадлежит к распространенному типу верхней плечевой одежды женщин, принадлежащих к элите общества. Несмотря на то, что халат из Вербового Лога сшит из двух разных типов ткани, изделие представляет собой один из самых роскошных примеров костюма Золотой Орды.

Шуба → Халат с откидными рукавами.

Фрагменты «шубы» поступили в реставрацию в крайне плохом состоянии с многочисленными разрывами и утратами, они были пропитаны клеем ПВА (Доде, 2006. С. 203). Это привело к тому, что часть деталей была хрупкой, фрагменты ломались при прикосновении.

Несмотря на то, что состав клея был известен, применяемые реставраторами известные методы очистки не привели к желаемому результату. Они лишь позволили устранить наиболее серьезные деформации, по мере возможности детали были выровнены согласно направлению нитей основы и утка.

В результате проведенных манипуляций некоторые фрагменты не только поменяли свой вид, но также значительно изменилось их местоположение на предполагаемой схеме кроя.

При первичном осмотре и фотофиксации поступившего в реставрацию материала на фрагменте 1⁹ был отмечен короткий вертикальный разрез с подгибкой, следы сохранившихся равномерных проколов по припуску подгибки и следы от проколов иглы на расстоянии 3,8 см от разреза. Подобная подгибка и проколы от иглы характерны для прорези откидного рукава, и позволили определить эту часть как фрагмент левого рукава и левой плечевой части. На первоначальной схеме фрагмент 1 размещен изнаночной стороной наверх, что допустило неправильные трактовки в реконструкции кроя (Доде, 2006. С. 102).

Верхняя часть фрагмента 1 (отмечена на первоначальной схеме как фрагмент 1.1), согласно направлению нитей основы, оказалась расположена перпендикулярно нитям основы остальной части фрагмента. При очистке было определено, что это разные детали, оказавшиеся склеенными случайно. При промывке они разделились без утрат. На фрагменте 1.1 были найдены следы швов, характерные для места пришивания внутренней завязки. При дальнейшем размещении на схеме кроя было установлено, что следы пришивания завязки находятся на том же уровне, что и парная завязка на атрибутированной позднее внутренней поле фрагмента 6. Также фрагмент 1.1 содержит следы ремонта детали. Разрыв глубиной 15 см поперек нитей основы был повторно зашит, шов в настоящее время утрачен.

О.В. Орфинская обратила внимание на то, что расположение разреза откидного рукава на фрагменте 4 искажено относительно его естественного положения (Орфинская, 2015. С. 20).

После устранения деформации фрагмент 4, который является фрагментом правого плеча, верхней части правой полы и спинки с центральным швом, был смещен в сторону груди. Разрез откидного рукава переместился на правую переднюю сторону грудной клетки. Неглубокая горловина, вырезанная в верхней части спинки, и пришитый к ней воротник с прошитой внутренней складкой также сдвинулись к горизонтальной оси симметрии изделия, проходящей вдоль плечевого сгиба. Практически от уровня этой линии начинается разрез откидного рукава (рис. 12, II).

⁹Нумерация фрагментов приводится по статье З.В. Доде (Доде, 2006. С. 102).

Вертикальной осью симметрии такого типа изделий является шов сшивания полы и запашной детали, который проходит вдоль центра туловища. Далее свое продолжение он имеет на центральном шве спинки. Центральный шов на спинке халата формирует характерную для таких халатов приталенность. На фрагменте 4 этот шов сохранился от уровня 7 шейного позвонка до нижней части грудного отдела позвоночника. Там же на фрагментах спинки отмечены криволинейные швы на внешней стороне полы, это позволяет трактовать это изделие не как широкую зимнюю шубу, близкую по ширине к большим халатам, а как запашной халат прилегающего силуэта.

На центральном шве спины не обнаружено следов пришивания пуговицы или длинной петли для закрепления рукавов в откинутом положении.

Рукава выкроены вдоль ткацкого куска. Длину рукава установить не представляется возможным из-за отсутствия нижней части рукавов.

Короткие горизонтальные швы как на правом, так и на левом рукаве служили для пришивания небольших клиньев, расширяющих рукав в основании.

В археологическом отчете указано, что рукава длинные, в нижней части шириной 24 см (Науменко, 1990). Неизвестно, реальная ли это ширина манжеты, или она была определена, исходя из ширины одной из прямоугольных деталей фрагмента 9.

Фрагмент 6 после устранения деформации представляет правую полу запашного халата. По вертикальному шву пришита полоса, набранная из небольших кусков шёлка, расширяющая внутреннюю полу для формирования более глубокого запаха. На уровне талии на этой полосе сохранились следы пришивания завязки, которая являлась парной к завязке, пришитой на фрагменте 1.1. Угол линии скоса на верхней части этой пришитой полосы продолжает угол скоса линии горловины на фрагменте правого плеча (фрагмент 4). Ввиду того, что этот фрагмент сохранился наиболее полно, удалось установить ширину ткацкого куска равную 47,5 см.

На левой стороне фрагмента 6 на уровне бедра есть выступ, из которого формировались боковые складки. Фрагмент 6 в нижней части расширялся клином, выкроенным перпендикулярно нитям основы основной детали. Симметрично с ним пришит фрагмент 7, который является аналогичным клином, расширяющим подол со стороны спинки.

После водной очистки фрагмента 8 была устранена деформация, нити основы и утка были выровнены. Вдоль края были обнаружены места пришивания завязок. Стало возможным определить эту деталь как переднюю верхнюю полу запашного халата с правым запахом. Уже на этом этапе стало очевидно, что мы имеем изделие, принципиально отличающееся от предлагаемых ранее схем кроя, но имеющее аналоги в других памятниках.

Следы трех завязок шириной не менее 2 см (длина шва пришивания завязки 1,7 см) сохранились вдоль внешнего края детали, расстояние между завязками 10 см. Вдоль этого края сохранился потайной шов «вперед иголку», при помощи которого была пришита подкладка. Дополнительный потайной шов фиксации подкладки от сдвига и провисания проходит на расстоянии 3,5 см от края на участке от воротника до талии, далее расстояние между швом и краем изделия увеличивается до 4 см и остается неизменным (рис. 13, II).

Аналогичные проколы от потайного шва, фиксирующего подкладку от сдвига и провисания, отмечены на расстоянии 4 см от края частично сохранившейся нижней части детали. Это позволило предположить длину детали, и после размещения всех деталей на схеме кроя установить полную длину изделия, ориентировочно составляющую 115 см.

Воротник, пришитый к верхней части фрагмента 8, представляет собой полосу ткани шириной 8 см (без припусков) с прошитой внутренней складкой глубиной 0,4 см. Складка заложена на расстоянии 3,6 см от внутреннего края, и придает ребро жесткости воротнику. К середине спины воротник незначительно уменьшается в ширине. Воротник выкроен поперек нитей основы, в начале воротника сохранилась кромка. Аналогичный тип воротника с прошитой внутренней складкой встречается повсеместно, как на женских халатах из погребения 51 могильника Маячный Бугор (Лантратова, 2002. С. 26), так и на мужских халатах из могильника Дмитриевка (Шашунова, 2019. С. 230), могильника Маячный Бугор (Сидорова,

2011. С. 262). Также фрагменты воротника сохранились на детали 4.

Вертикальный шов вдоль левого края фрагмента 8 проходит параллельно по нитям основы. Опираясь на известные ранее халаты аналогичного типа, этот шов может быть расположен вдоль вертикальной оси симметрии изделия и являться швом, сшивающим деталь запаха и левой полы.

После очистки и устранения деформации значительно изменилась форма фрагмента 5 и его местоположение на схеме кроя. Фрагмент имеет выступ такой же формы, как и выступ на уровне бедер на фрагменте 6. Внешний угол наклона и направление нитей основы пришитого клина также соответствует клину на фрагменте 6. Фрагмент 5 не может являться деталью горловины шубы, а соответствует правому боковому шву. Как и на других халатах такого типа, правый боковой шов был зашит, в отличие от левого, в котором сохранялся разрез, перекрытый пришивной внутренней запашной деталью.

На сгибе припуска бокового шва на 1 см выше уровня формирования боковых складок сделана навесная петля из толстых синих ниток, к этой петле зафиксирована завязка (первоначальный способ крепления установить не удалось, завязка перекрыта дублировочным газом во время предыдущих реставрационных работ) (рис. 13,III). Эта лента не являлась парной к завязкам на верхней левой поле, потому что сохранившиеся на верхней левой поле (фрагмент 8). Следы пришивания завязок показывают ширину оригинальных деталей (не менее 2 см). Вероятно, завязка, закрепленная в навесной петле, служила для подвязывания каких-то вариантов кошелька или сумочки. Места пришивания завязок парных к завязкам на передней полы не обнаружены ввиду неудовлетворительного состояния ткани вдоль правого бокового шва и частичной утраты швов.

На этом этапе исследования уже не осталось сомнений в типе изделия. Его крой аналогичен халатам из погребения 1 курган 1 у хутора Тормосин (Шашунова, 2019. С. 227), из коллекции Росси и Росси (Stylefrom..., 2004. С. 39). Халат представляет из себя запашное изделие прилегающего силуэта с правым запахом с откидными рукавами (рис. 13,I,IV).

Детали, уточняющие крой левого края подола со стороны спинки, не сохранились, но предположительно, что она была выкроена аналогично перечисленным выше халатам.

Фрагмент 2 небольшого размера, не имеет четких маркеров, позволяющих однозначно определить его местоположение. Следы шва вдоль одного из краев фрагментов проходят вдоль ткацкой кромки. Длина этого шва совпадает с длиной шва в районе подола детали 8.

Фрагмент 3 в настоящее время утрачен.

Наибольшее затруднение с расположением вызвали два фрагмента прямоугольной и трапециевидной формы. Размеры прямоугольной части было возможным соотнести с указанной ранее манжетой шириной 24 см. Но, в основном, на халатах такого типа манжета сформирована за счет прошитой складки и фактически является имитацией манжеты. В виду того, что рукав выкроен вдоль нитей основы, длина рукава не ограничена шириной ткацкого куска. Поэтому вероятность того, что фрагмент 9.2 – пришивная манжета, мала. Ширина основания трапециевидной детали равна ширине прямоугольной; предположительно, они были сшиты вместе. Общая форма получившейся детали была близка к подтрапециевидной форме запашной детали в левом боковом шве, которая закрывает бедро во время посадки на лошади. Деталь, выполняющая такие функции, есть у многих халатов (Шашунова, 2019. С. 225, 232).

Для уточнения расположения деталей халата была подготовлена полноразмерная схема кроя. Недостающие части были начерчены, согласно аналогам, пропорционально размерам нашего халата. Фрагменты 9.1 и фрагменты 9.2 идеально совпали с разработанной схемой.

Согласно внесенным коррективам был получен халат, соответствующий имперской моде и имеющий аналоги не только на территории России, но и на других территориях, попадающих под влияние Монгольской Империи.

Отсутствие контрастной отделки, аналогичной широко распространенной на других типах женских халатов, может являться особенностью именно этого типа неотрезных запашных халатов. Однако эта деталь позволяет с осторожностью предположить, что, возможно, этот халат входил в комплекс одежды погребенной в добрачный период. Несмотря на то, что эта

версия не имеет под собой достаточных оснований, сохранившиеся описания современников не позволяют ее исключить.

Например, у Вильгельма Рубрука замечено: «платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением того, что оно несколько длиннее» (Рубрук, 1957. С. 100).

Версия о том, что подкладка представляла многослойный утеплитель из меха и шёлка, дополнительно дублированный с внутренней стороны спинки «сохранившимся комком «ваты», состоящим из спутанных шёлковых нитей, с остатками кожи и шерсти животного и фрагментами шёлковой ткани полотняного переплетения» (Доде, 2006. С. 112), кажется малообоснованной. Потому что швы пришивания подкладки вдоль бортов и швы, фиксирующие подкладку от сдвига и провисания, не имеют достаточной длины стежка, которая могла бы удерживать массивную многослойную подкладку. Их длина более характерна для пришивания однослойной подкладки.

Таким образом, данное изделие является халатом с правым запахом с откидными рукавами, длиной чуть ниже середины голени, на тонкой подкладке. На правом боку халат завязывался на три пары завязок (рис. 14).

Несомненно, нельзя исключить многочисленные следы меха животного на изнаночной стороне, но в настоящее время вопрос наличия меховой подкладки халата остается открытым.

Спутанные шёлковые нити, которые сохранили правильную структуру переплетения (возможно, они являлись вышивкой с утраченной ныне основой и пришивной нитью), вероятно, относились к изделию на меховой подкладке, следы которой мы видим на изнаночной стороне халата с откидными рукавами (рис. 13, V).

Манишка→Шапочка бокки.

Также, как и у «шубы», серьезные изменения кроя коснулись и предмета в предыдущей публикации называемого «манишка» (Доде, 2006. С. 113) (рис. 15, I).

На момент поступления в реставрацию фрагменты этого изделия представляли два крупных фрагмента узорной ткани с подшитой практически по всей поверхности подкладкой.

Наиболее крупный фрагмент 1 – это деталь, обработанная подкладкой вдоль верхнего края (направление верх–низ выбрано согласно расположению лежащих джейранов на орнаменте ткани) (рис. 15, II, 16, I). Практически перпендикулярно этому шву проходили четыре шва. Первый находился с правой стороны, являлся условным началом детали. Деталь, с которой он стыковался на настоящее время, утрачена. Три оставшихся шва находились ближе к левому краю фрагмента. Один из швов соотносится с аналогичным швом на подкладочной ткани. Детали по обе стороны этого шва выкроены симметрично, что позволяет предположить, что он является одним из центральных швов некоего изделия.

На нижней правой стороне детали сохранился участок шва длиной около 7 см с подогнутым припуском шириной 0,5 см и характерным потайным швом, фиксирующим подкладку от провисания на расстоянии 1,2 см от сгиба припуска. Аналогичный шов проходил вдоль верхнего внешнего края детали.

Все эти швы характерны для шёлковой шапочки бокки. Но форма фрагмента 2 (рис. 15, II, 16, I) разительно отличалась от известных ранее шапочек бокк с крыловидной передней лопастью. Это деталь с косым срезом вдоль правого края и практически перпендикулярным к этому срезу нижним краем. Также вдоль условного нижнего края сохранился небольшой участок изогнутого шва, который, возможно, являлся точкой перехода между передней и задней лопастью. Подкладка сохранилась практически по всей поверхности этого фрагмента, вдоль краев отмечен швом «вперед иголку», на расстоянии 3 см от края пришта потайным швом аналогичным шву на детали 1.

Была выдвинута гипотеза, что оба фрагмента принадлежат к шёлковой шапочке бокки. Некоторые общие признаки связывают шапочку из Вербового Лога с шапочкой бокки из погребения 1 кургана 7 могильника Тингутинский I (Доде, 2018. С. 340), но в нашем случае более полно сохранились фрагменты налобной части и шов «хохолка», участка, обхватывающего основание берестяной основы.

При реконструкции кроя была учтена необходимость формирования налобной части, аналогичной другим шёлковым шапочкам (рис. 11).

Позднее автору статьи удалось принять участие в работе над шёлковой шапочкой бокки из погребения 104 могильника Маячный Бугор–I из коллекции Астраханского музея-заповедника (Корж, Шашунова, 2021. С. 22). У данной шапочки налобная часть сохранилась полностью, что подтвердило версию кроя из Вербового Лога (рис. 16,II).

Этот тип шапочек относится к шапочкам с подквадратной передней лопастью (Корж, Шашунова, 2021. С. 22). Их отличительными признаками является зашитый задний шов, невысокий «хохол», отсутствие резкого перехода между передней и задней лопастью (рис. 15,II). Пока остается открытым вопрос – какому типу берестяной основы соответствует подобные шапочки, и с чем связаны значительные отличия от более распространенных с крыловидной передней лопастью.

Отделка воротника → Фрагмент шапочки бокки.

Небольшой фрагмент ткани с облачным орнаментом, в первоначальной публикации ему присвоен номер К.т.13 (Доде, 2006. С. 149), после исследований стало возможным атрибутировать как фрагмент задней лопасти шапочки бокки. Фрагмент подтреугольной формы с ровным косым срезом по вероятному заднему шву, с отверстиями от прокола иглой по сгибу припуска с правой стороны (рис. 17,I). Вдоль скругленного среза по нижней стороне проложен шов «вперед иголку» на расстоянии 0,2 см от края. Этот шов характерен для пришивания подкладки к основной ткани. На одном из участков с изнаночной стороны сохранился небольшой фрагмент подкладки, пришитый этим швом (рис. 17,II). Шапочка, вероятно, была такого же типа, как и первая, более полно сохранившаяся (рис. 17,III).

На данный момент не определено местоположение двух завязок (Доде, 2006. С. 179, 180), с прямоугольной пришивной лопастью и широкой сшивной. Ширина этих завязок не соответствует следам от шва пришивания завязок на шубе. Возможно, эти детали относятся к ныне не сохранившимся предметам одежды, в которые была одета погребенная, или они были положены к ней в могилу.

В результате реставрационных работ была проведена повторная переатрибуция предметов женского костюма из погребения 1 кургана 1 у хутора Вербовый Лог. Был уточнен крой и внешний вид изделий, было доказано, что все предметы комплекса были сшиты согласно имперской моде, без тюркского влияния на костюм.

Комплекс костюма из женского погребения 1 кургана 1 по оценке предыдущих исследователей (Доде, 2006) состоял из следующих предметов:

1. Чулки с оборкой.
2. Шальвары.
3. Рубаха-куртка.
4. Халат с широкими рукавами.
5. Длинная шуба с широкими рукавами.
6. Манишка.

В результате реставрационных работ предметы поменяли как свою форму, так в некоторых случаях и назначение.

1. Шёлковые чулки с подкладкой.
2. Отделка сапог.
3. Халат типа «тэрлэг» с откидными рукавами.
4. Большой халат.
5. Неотрезной по талии халат с откидными рукавами.
6. Шёлковая шапочка бокки.

Все плечевые изделия обладают правым запахом.

Халат тэрлэг и халат с откидными рукавами сшиты из безузорной ткани полотняного переплетения, что выделяет их из известных ранее предметов верхней плечевой одежды.

Исключением в этом комплексе является большой халат. Он не только сшит из узорной ткани, исключительной является также ширина ткацкого куска основной ткани, около 80 см, и соответственно использование кроя с центральным полотном, направленного на то, чтобы показать качество ткани в наиболее выигрышном свете.

Шапочка бокки с подквадратной передней лопастью также была сшита из узорной ткани высокого качества. Несохранившийся каркас бокки оставляет открытым вопрос о типе берестяной основы.

Юбка «белдемчи» → Мужской халат.

Также на реставрацию поступили фрагменты шёлка из погребения 1 кургана 5 из курганного могильника Вербовый Лог VIII. Погребенный – мужчина 18–20 лет с ярко выраженными монголоидными чертами (Науменко, 1990. С. 51).

Согласно плану захоронения и описанию в археологическом отчете, фрагменты шёлка были обнаружены в районе шеи, левого локтя и поперек костей ног (Науменко, 1990. С. 52) (рис. 1, II).

Первоначально в археологическом отчете эти фрагменты были атрибутированы как штаны, сшитые из двух видов ткани, тонкой шёлковой и широких полос более плотной ткани. «Поясок штанов присборен, по краю пояса проходила тесьма из грубых нитей... Одной из широких полос плотной материи шириной 13 см оторочен нижний край штанины. Вторая такая же полоса, по всей видимости, охватывала по окружности штанину в районе колен. Вертикальная (более узкая – 11 см) полоса проходила от пояса до колена, далее была заключена между горизонтальными поясами (у колена и внизу). Длина штанов на настоящий момент не установлена» (Науменко, 1990. С. 58).

В последующей публикации было выдвинуто предположение, что это фрагменты юбки «белдемчи», сшитой из полос узорной ткани и плотной монокромной тафты с декорированным шнурами поясом (Доде, 2006. С. 122) (рис. 18, I).

Н.В. Хрипунов в публикации «Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг.» высказал предположение, что данный предмет является фрагментами халата, а не юбки (Хрипунов, 2013. С. 261).

Ширина узорных полос, из которых сшит предмет, не превышает 16 см (фрагмент рукава), что может свидетельствовать о повторном использовании ткани или ее недостаточном количестве. Также в пользу этих версий говорит сшитые вместе фрагменты из узорной и однотонной ткани с заложенными сверху мелкими складками.

Фрагмент 1¹⁰, предположительно, был горизонтальной полосой в районе колен или нижнего края изделия. Его ширина составляет около 13 см, с одной из сторон припуск для пошива незначительный, заглажен на изнаночную сторону, с другой стороны двойная подгибка. Неравномерная ширина подгибки, проколы от иглы по внутреннему сгибу позволяют предположить, что двойная подгибка случайна и образовалась во время первичной реставрации, после пропитывания клеевым раствором ПВА сразу после раскопок. Проведенные реставрационные мероприятия не позволили ее расправить из-за неудовлетворительного состояния ткани.

Фрагмент 3, сшитый из узорной ткани и однотонной ткани полотняного переплетения – тафты, в верхней части заложен мелкими складками глубиной около 0,3 см, высота складок 3 см (рис. 19, V). По нижнему краю складок проложены две параллельные строчки шва «назад иголку» на расстоянии 0,5 см друг от друга. Эти швы использовались для фиксирования складок. На участке, сшитом из узорной ткани, частично утрачена нить, закрепляющая складки, складки разглажены, но они визуально определяются. Это единственный фрагмент, который

¹⁰Нумерация фрагментов приводится по статье З.В. Доде (Доде, 2006. С. 106).

подходит под описание вертикальной более узкой полосы (Науменко, 1990. С. 58), судя по всему он находился на левом бедре. Пришитая полоса тафты восполняла недостаток узорной ткани в менее заметном месте.

Фрагмент 5, также сшитый с тканью полотняного переплетения, на данный момент утрачен, как и ряд небольших фрагментов узорной ткани.

Установить, где ранее находились остальные фрагменты из тафты, не представляется возможным ввиду того, что они не описаны в археологическом отчете, не указаны на плане погребения, не обладают маркерами, позволяющими определить их точное местоположение. Опираясь на другие известные нам халаты, скомбинированные из тканей различного качества, возможно предположить, что внутренняя пола халата была сшита из более простой ткани.

Фрагмент 6 трапецевидной формы, на расстоянии 6 см вдоль края заложена складка глубиной 0,4 см, она прошита швом «назад иголку» (рис. 19, I). Этот шов возможно соотнести с швом ложной манжеты, которая встречается на рукавах халатов. В ближайших регионах такая ложная манжета сохранилась на халатах из погребения 1 курган 1 у хутора Тормосин, из парного погребения 5 курган 7 могильника у хутора Вертячий (Шашунова, 2019. С. 225, 228). Аналогичный технологический прием встречается и у других мужских халатов с территории Монгольской империи (Stylefrom..., 2004. С. 39, 45).

Фрагмент 4 по верхнему краю имеет проколы от шва вдоль косога среза, на нем отсутствует заглаженность припуска. Совокупность этих признаков более характерна для шва пришивания воротника и соответствует внутренней поле в районе центрального шва. Этот фрагмент возможно соотнести с фрагментом, отмеченным на плане захоронения в районе шеи (рис. 1, II).

Фрагмент 2, предположительно, является фрагментом спинки халата в районе левого бокового шва.

Несколько фрагментов со шнурами соотносятся с отделкой линии талии изделия (рис. 19, II, IV). Подобный элемент встречается на мужских халатах. На халате из Вербового лога каждый шнур скручен из 3 нитей I крутки, общее направление крутки шнуров – S, совпадает в каждом ряду, что отличает его от ранее известных экземпляров, где шнуры S и Z крутки пришиты попарно.

Сохранившиеся шнуры пришиты к полосе узорной ткани, вырезанной вдоль нитей основы, по верхнему краю зафиксирован сгиб припуска. Отверстия от проколов иглой проходят по сгибу, что более характерно для шва сшивания деталей, а не пришивания подкладки пояса, если бы этот предмет был юбкой. На участке, который возможно соотнести с боковым швом, в верхней части сохранился подшитый фрагмент ткани полотняного переплетения (рис. 19, III). Несохранившаяся верхняя часть пояса, скрытая под шнурами, предположительно, была выполнена из ткани полотняного переплетения.

Вероятно, процесс пошива участка со шнурами можно реконструировать следующим образом. Верхняя часть халата над областью со шнурами была сшита из узких полос узорной ткани. К соответствующим деталям переда и спинки была подшита ткань полотняного переплетения. В нижней части надставлена узкими полосами узорной ткани – 4,5 см (включая припуски). На спинку и небольшую часть переда пошли участки ткани с красными нитями основы, на переднюю часть была пришита полоса с синими нитями основы. Далее был прошит боковой шов. Шнуры были нашиты вдоль пояса, нижний ряд шнуров проходил на расстоянии 2 см от шва, соединяющего верхнюю часть халата и юбку.

Установить на какой высоте размещались шнуры не представляется возможным, но, опираясь на аналогичные изделия из других коллекций, можно предположить, что ширина пояса со шнурами могла достигать 24,5 см (Stylefrom..., 2004. С. 49).

Возможно, что изготовление шнуров с одинаковым направлением крутки свидетельствует о недостаточном мастерстве средневекового мастера, незнании специфики изготовления такого типа халатов и лишь о подражании имперской моде.

Фрагменты внутренней полы, подола халата, рукава и отделки пояса свидетельствуют о том, что они принадлежат к плечевой одежде – запашному халату. Наличие фрагментов с

шнурами позволяет атрибутировать данный халат как халат «bianxianpaо», церемониальный «халат с плетеными нитями» (Stylefrom..., 2004, С. 49) (рис. 19, VI, 20).

Проведенная реставрация и повторные исследования предметов костюма из женского и мужского захоронений позволили внести корректировки в предложенные ранее схемы кроя, установить реальный внешний вид предметов и их назначение. Несмотря на следование моде Монгольской империи, эти костюмы обладают своей спецификой (использование безузорных тканей, отступление от известных технологических схем изготовления), которая может базироваться как на отсутствии доступа к узорным тканям и информации, так и на недостатке необходимых навыков. Возможно предположить, что часть предметов изготавливалась (чулки, большой халат, мужской халат) или перешивалась (тэрлэг) местными мастерами. При пошиве мужского халата, кроме нехватки тканей, установлено несоблюдение технологии декорирования шнурами поясной части, что также косвенно может свидетельствовать о местном производстве. Отделка сапог, халат с откидными рукавами, шёлковая шапочка бокки изготовлены с соблюдением всех технологических процессов, отмеченных у ранее известных предметов, и, вероятнее всего, были изготовлены в профильных мастерских.

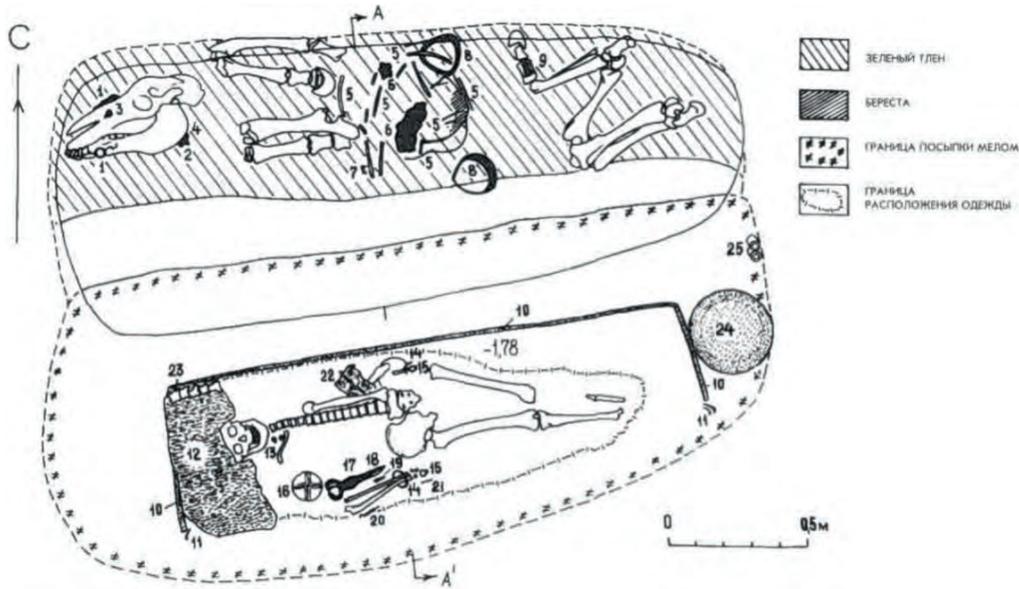
Археологический текстиль золотоордынского периода попадает к исследователям чаще всего в виде разрозненных фрагментов. Возможность реконструировать полные формы одежды встречается чрезвычайно редко. Сохранившиеся предметы из могильника Вербовый Лог VIII предоставили нам уникальную возможность узнать костюм целиком, от чулок до головного убора, от простых до роскошных церемониальных халатов. Изучение этого материала в контексте этнокультурной принадлежности и погребального обряда позволяет определить взаимодействие населения Улуса Джучи и остальной территории Монгольской империи.

Литература

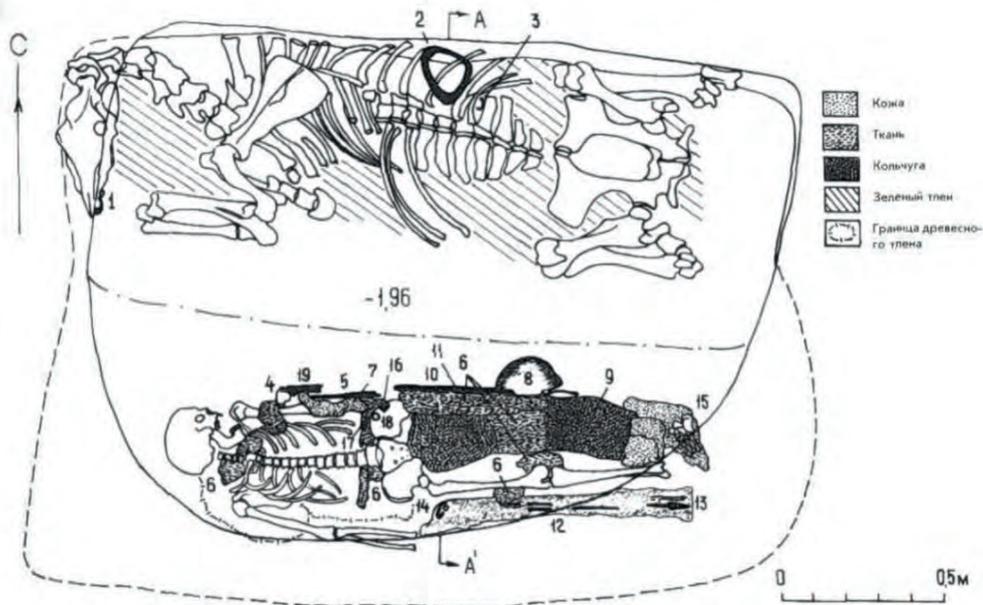
- Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253 (пер. А.И. Малеина) // Путешествия в восточные страны. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 87–194.
- Власкин М.В., Гармашов А.И., Науменко С.А. Погребальные комплексы золотоордынского времени в курганном могильнике Вербовый Лог VIII // Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребение знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: «Памятники исторической мысли», 2006. С. 10–76.
- Горелик М.В. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11. Армавир, 2010. С. 207–231.
- Доде З.В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребение знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: «Памятники исторической мысли», 2006. С. 77–183.
- Доде З.В. Предметы женского костюма из золотоордынского захоронения могильника Тингутинский I. Консервация и предварительные выводы // Tyragetia, s.n., vol. XII [XXVII], № 1, 2018. С. 331–346.
- Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 136 с.
- Доде З.В. Ткани с христианской символикой в костюме золотоордынской элиты // Российская археология. 2014. № 1. С. 54–66.
- Иерусалимская А.А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. 384 с.
- Корж Е.А., Шашунова С.М. Шёлковые шапочки бокк из коллекций Волгоградского областного краеведческого музея и Астраханского музея-заповедника // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 20–27.

- Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов. 2006. С. 190–213.
- Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного Исторического Музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М.: ГИМ, 2002. 238 с.
- Ласикова Г.В. (сост.) Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего. М.: Издательский дом Марджани, 2013. 432 с.
- Мэн-да бэй-лу. Полное описание монголо-татар (пер. Н.Ц. Мункуева). М.: Наука, 1975. 288 с.
- Науменко С.А. Отчет о работе Цимлянского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства Цимлянской оросительной системы в совхозе "Дубовский" в Дубовском районе Ростовской области в 1990 году // Архив ИА РАН, Р-1. №14963. 1990. 72 л. альбом 195 л.
- Орфинская О.В. Проблемы реконструкции одежды на основе результатов исследования археологического текстиля // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 17–30.
- Орфинская О.В. Терминологический аппарат для описания узорных шелковых тканей Средневековья в музейных коллекциях: иллюстрированное методическое пособие для сотрудников музеев и специалистов по музейному и археологическому текстилю. Институт Наследия. М. 2019. 122 с.
- Орфинская О.В. Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: Технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии. Дисс... канд. ист. наук. М. 2001. 477 с.
- Сидорова Т.В. Мужской золотоордынский костюм по материалам текстильного комплекса из могильника Маячный Бугор // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова, 2–6 октября 2011. Астрахань. 2011. С. 260–266.
- Хрипунов Н.В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Выпуск 5. 2012. С. 363–393.
- Хрипунов Н.В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Выпуск 6. 2013. С. 233–272.
- Шашунова С.М. Золотоордынский текстиль в коллекции Волгоградского областного краеведческого музея // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция. / Под ред. И.И. Елкиной, М. Вагнер, П.Е. Тарасова. Оппенхайм-на-Рейне, 2019. С. 223–239.
- Шашунова С.М. Золотоордынские женские большие халаты XIII–XIV вв. в коллекции Волгоградского областного краеведческого музея // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Кн. 1. 2019. С. 193–195.
- Focus on 50: Unseen treasures from museum of Islamic Art in Qatar. Bloomsbury Qatar Foundation Publishing, 2010. 128 p.
- Style from the Steppes. Silk Costumes and Textiles from the Liao and Yuan Periods. 10th to 13th Century / Ed. by Donald Dinwiddie. London, 2004. 71 p.
- Gold / Silk / Blue and White Porcelain. Fascinating Arts of Marco Polo Era. Edited by Zhao Feng and Jin Lin. Hangzhou, 2005. 111 p.

I

II

РИС. 1. ПЛАН ПОГРЕБЕНИЯ. I – курган 1 погребение 1. 1 – удила, 2 – железная пряжка, 3 – железная пластина, 4 – якоревидный предмет, 5 – костяные накладки, 6 – железные пластины, 7 – железный штырек с кольцом, 8 – стремена, 9 – трапециевидная пластина с острием на конце, 10 – стенки гроба, 11 – железные гвозди, 12 – свернутая одежда, 13 – золотые пуговицы, 14 – браслеты, 15 – перстни, 16 – зеркало, 17 – ножницы, 18 – железный предмет, 19 – вилочка, 20 – стержень с кольцом, 21 – серебряный стержень, 22 – кожаная сумочка, 23 – позвонки овцы, 24 – железная чаша, 25 – костяные трубки (Власкин, Гармашов, Науменко, 2006. С. 14); II – курган 5 погребение 1. 1 – удила, 2 – стремя, 3 – пряжка, 4 – деревянный гребень, 5 – нож в деревянных ножнах, 6 – ткань. 7 – кожаный предмет, 8 – бронзовая плочка, 9 – кольчуга, 10 – деревянный лук, 11 – пучок прутьев, 12 – колчан, 13 – стрелы, 14 – кресало и кремь, 15 – кожа, 16 – пряжка, 17 – бляшка, 18 – дерево (Власкин, Гармашов, Науменко, 2006. С. 57).

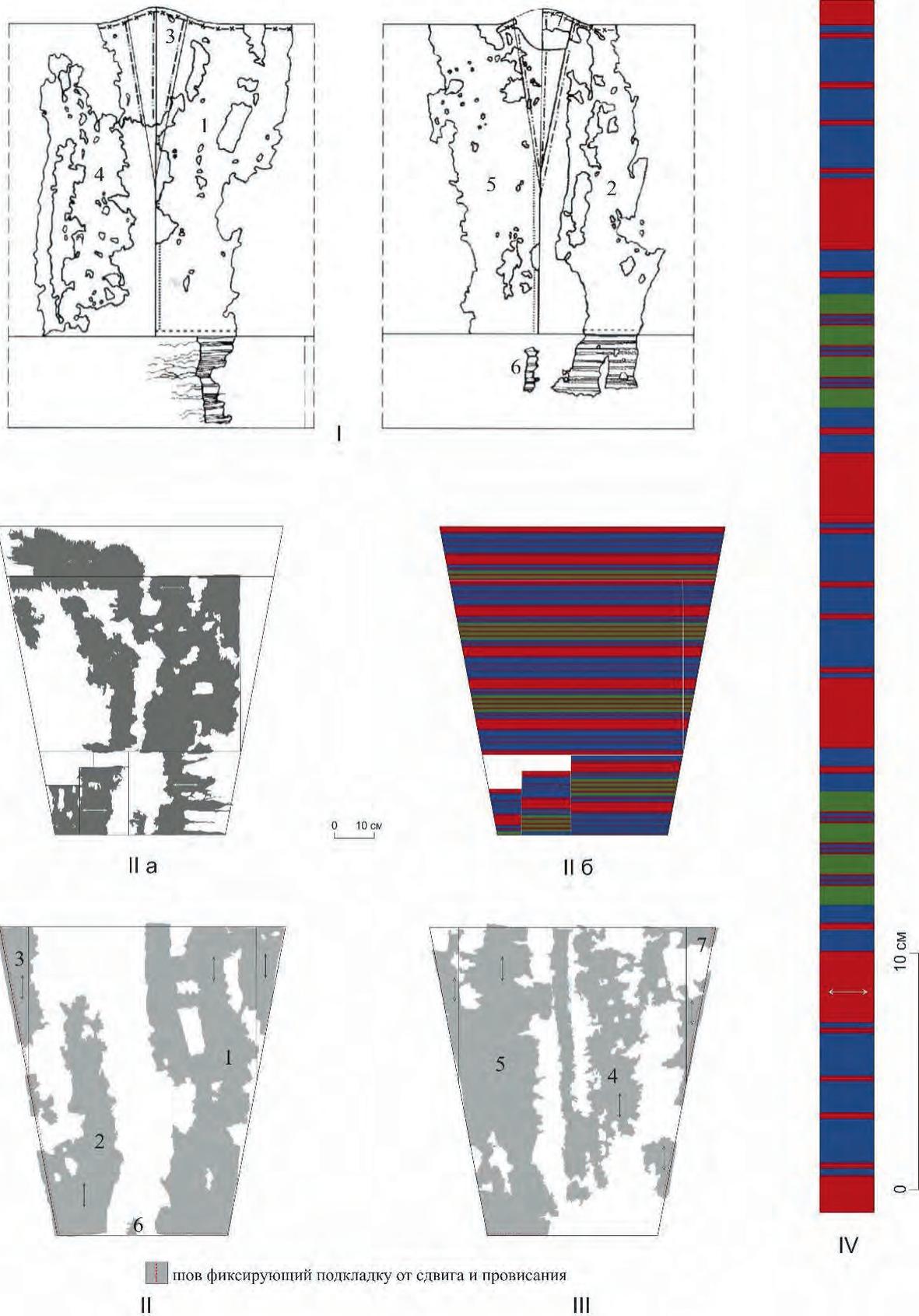
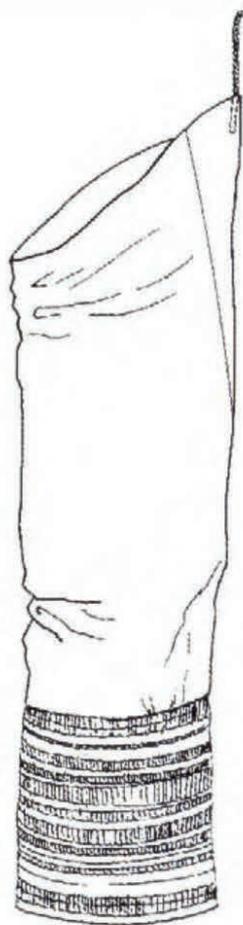

РИС. 2. ЧУЛКИ. *I* – реконструкция края (Доде, 2006. С. 93), *II* – чулок 1: реконструкция края подкладки из тафты, *IIa* – чулок 1: реконструкция края лицевой стороны из ткани в «полоску», *IIб* – чулок 1: реконструкция цветовой схемы; *III* – чулок 2: реконструкция края подкладки из тафты, *IV* – цветовая схема узора (рис. С.М. Шашуновой).

I

II

III

КЕА АКСЕНОВА
2022 2022

РИС. 3. ЧУЛКИ. I – чулки после реставрации, II – реконструкция внешнего вида чулка (Доде, 2006. С. 93), III – реконструкция внешнего вида чулок (художники Е.А. Корж, А.С. Аксенова).

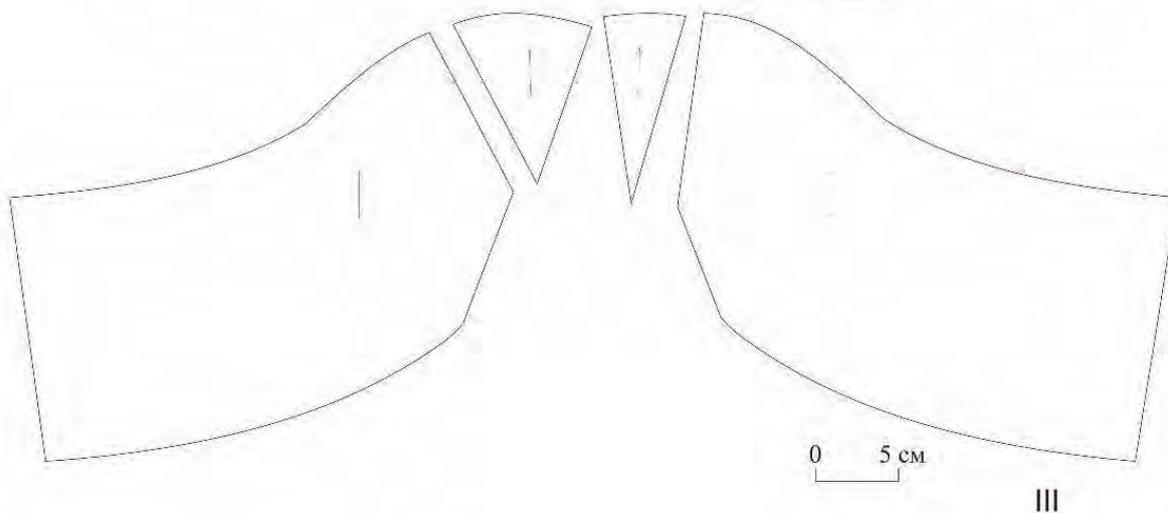
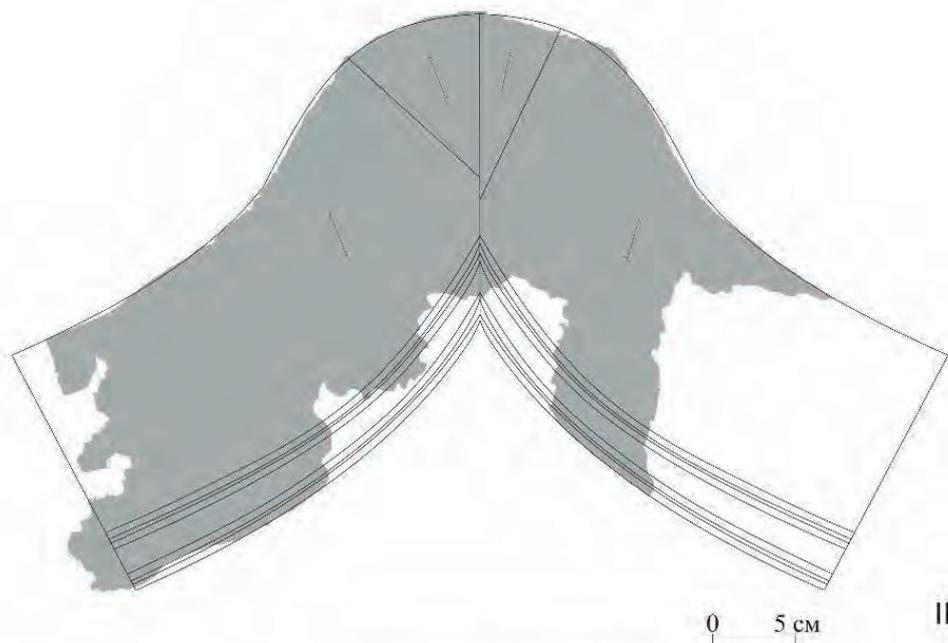
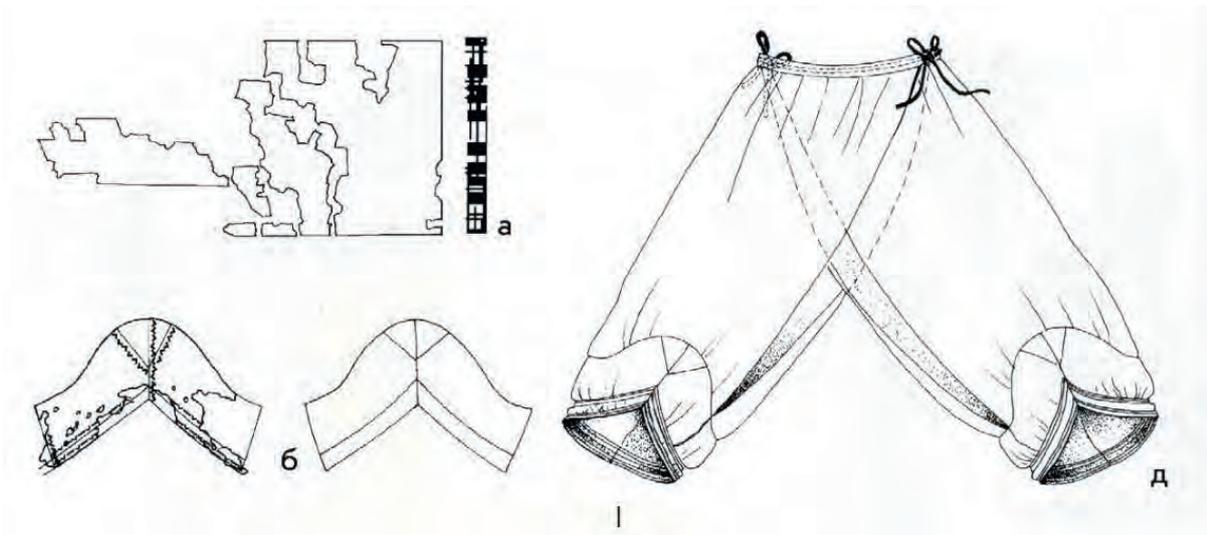

РИС. 4. ОТДЕЛКА САПОГ. *I* – реконструкция кроя шальвар (Доде, 2006. С. 94); *II* – реконструкция кроя отделки сапог (рис. С.М. Шашунова); *III* – схема кроя отделки сапог.

РИС. 5. ОТДЕЛКА САПОГ. *Ia, Ib* – отделка сапог после реставрации, *II* – макрофото декоративного шва отделки сапог (до реставрации), *III* – реконструкция внешнего вида отделки сапог (художники Е.А. Корж, А.С. Аксенова).

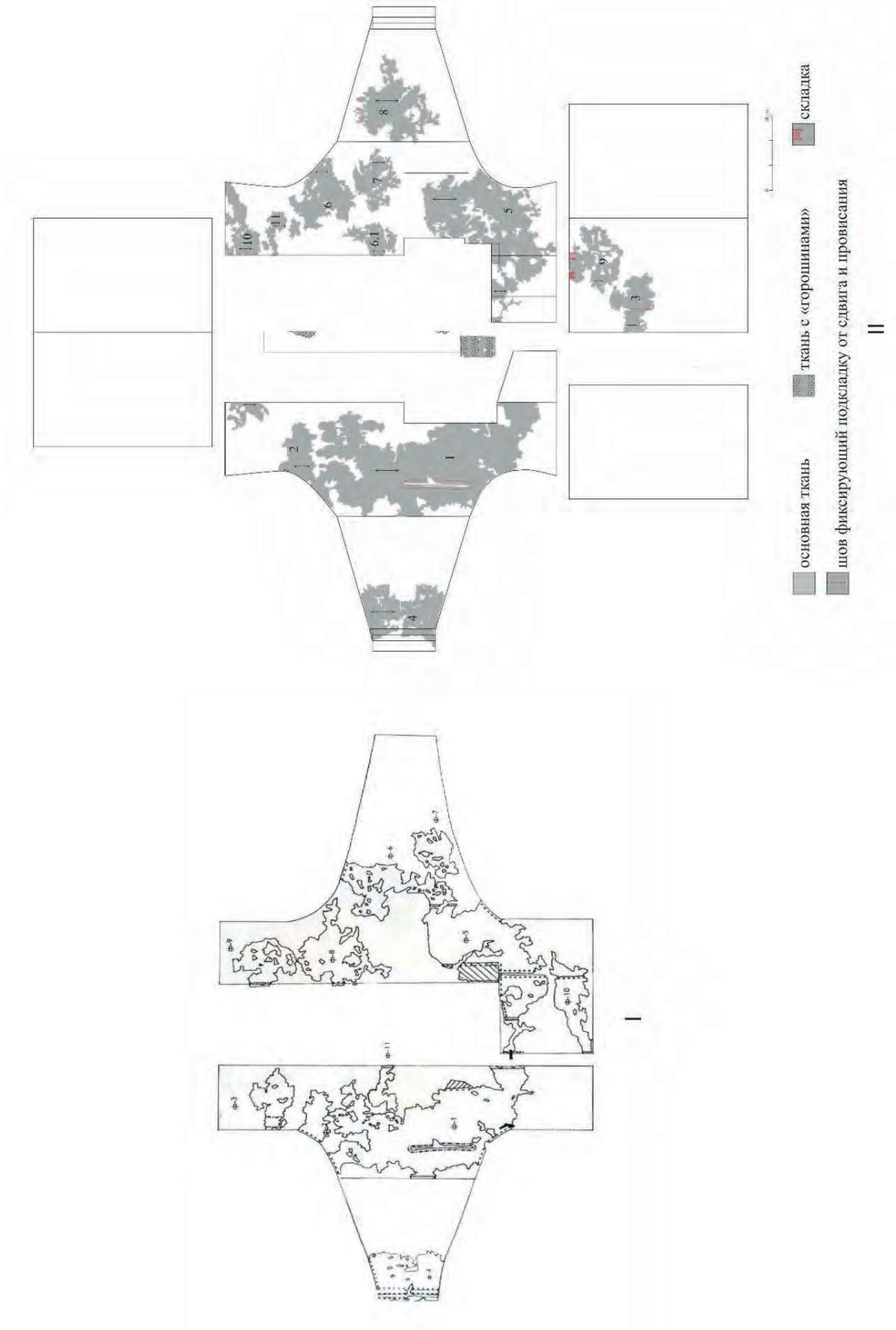

РИС. 6. ХАЛАТ ТЭРЛЭГ. I – реконструкция кроя "нательной рубахи" (Доде, 2006. С. 95), II – реконструкция кроя халата тэрлэг (рис. С.М. Шашуновой).

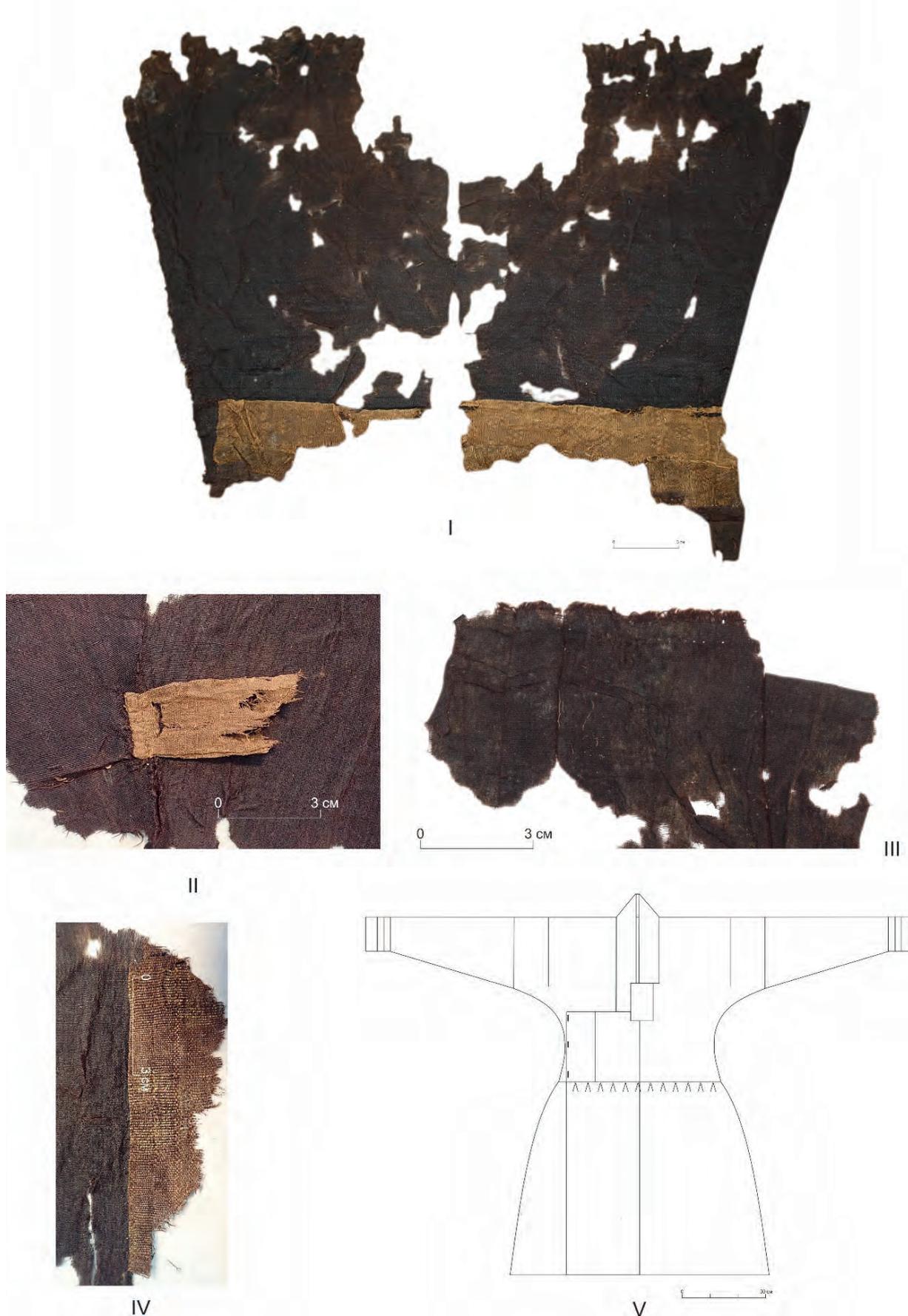

РИС. 7. ХАЛАТ ТЭРЛЭГ. *I* – фрагмент правого рукава с наборной манжетой (в процессе реставрации), *II* – фрагмент завязки в правом боковом шве, *III* – фрагмент юбки халата со следами складок, *IV* – фрагмент воротника халата, *V* – реконструкция формы халата.

АКСЕНОВА
2024

КЕА
2022

РИС. 8. РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕГО ВИДА ХАЛАТА ТЭРЛЭГ (художники Е.А. Корж, А.С. Аксенова).

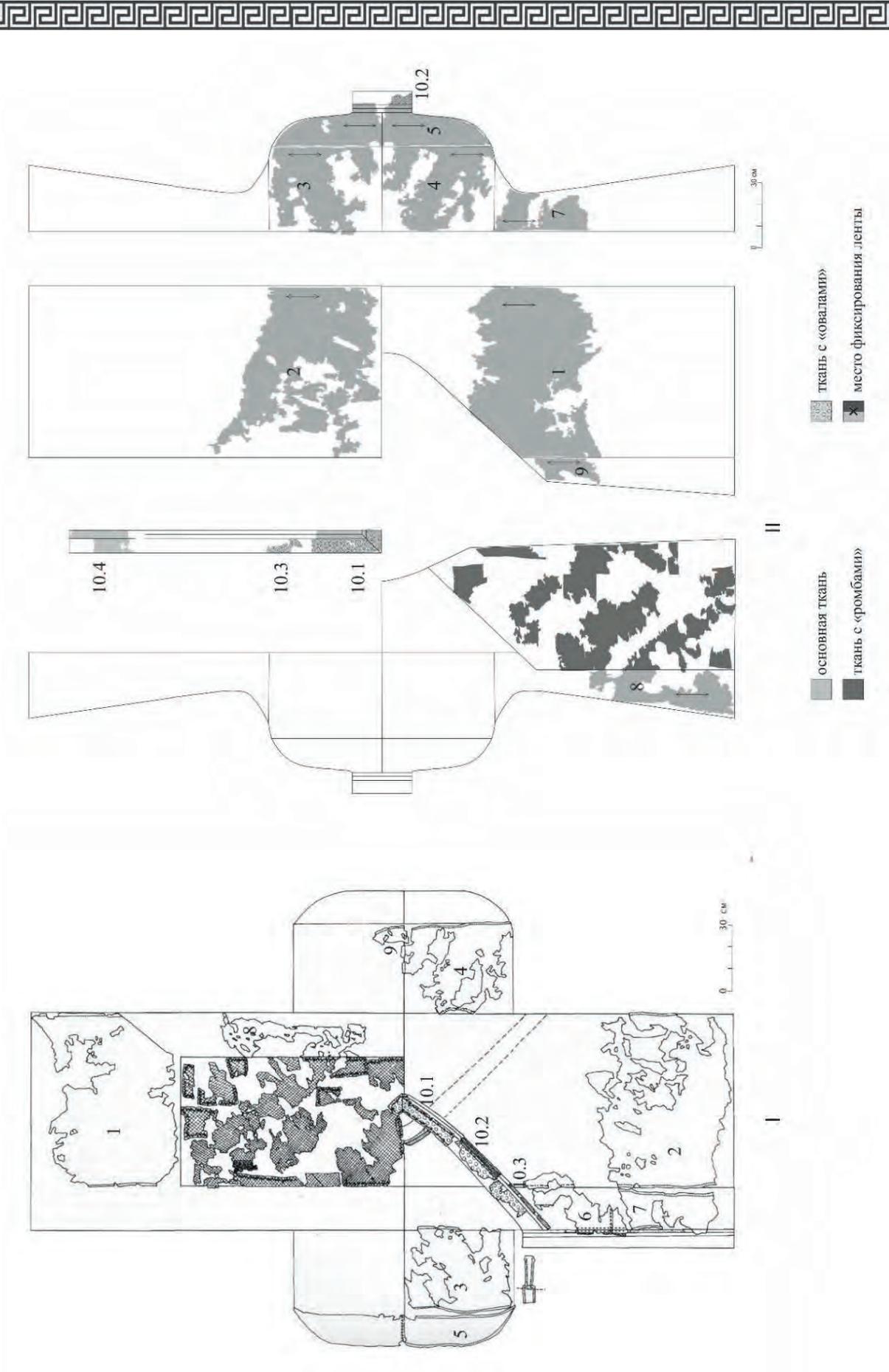

РИС. 9. БОЛЬШОЙ ХАЛАТ. *I* – реконструкция кроя халата (Доде, 2006. С. 99), *II* – реконструкция кроя большого халата (рис. С.М. Шашуновой).

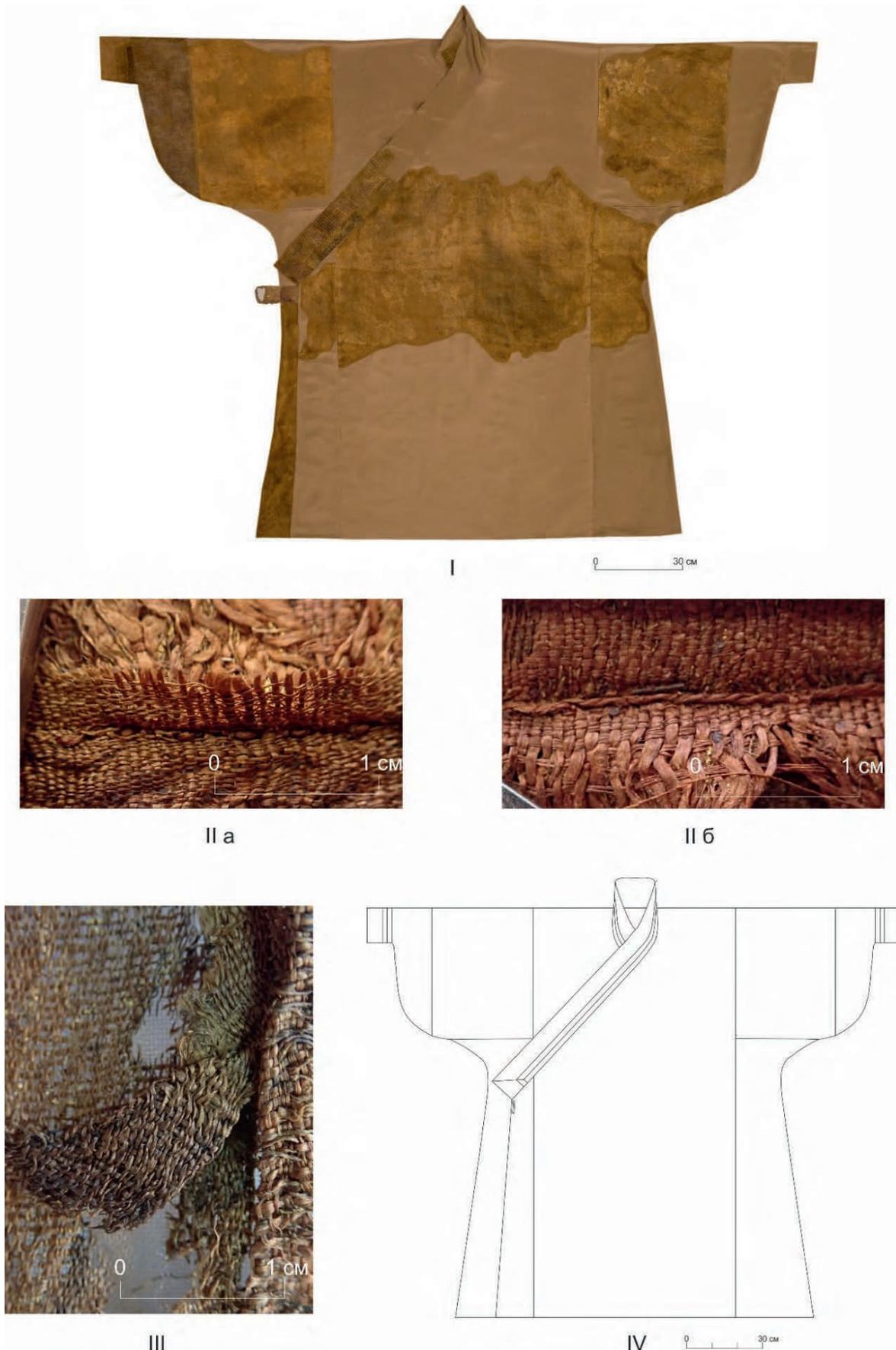

РИС. 10. БОЛЬШОЙ ХАЛАТ. *I* – халат после реставрации, *IIa* – шов "назад иголку" (лицевая сторона), *IIб* – шов "назад иголку" (изнаночная сторона), *III* – фрагмент ленты, вшитой в шов между основной тканью и тканью с «ромбами», *IV* – реконструкция формы халата.

KEA
2022

Аксенова
2022

РИС. 11. РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕГО ВИДА БОЛЬШОГО ХАЛАТА (художники Е.А. Корж, А.С. Аксенова).

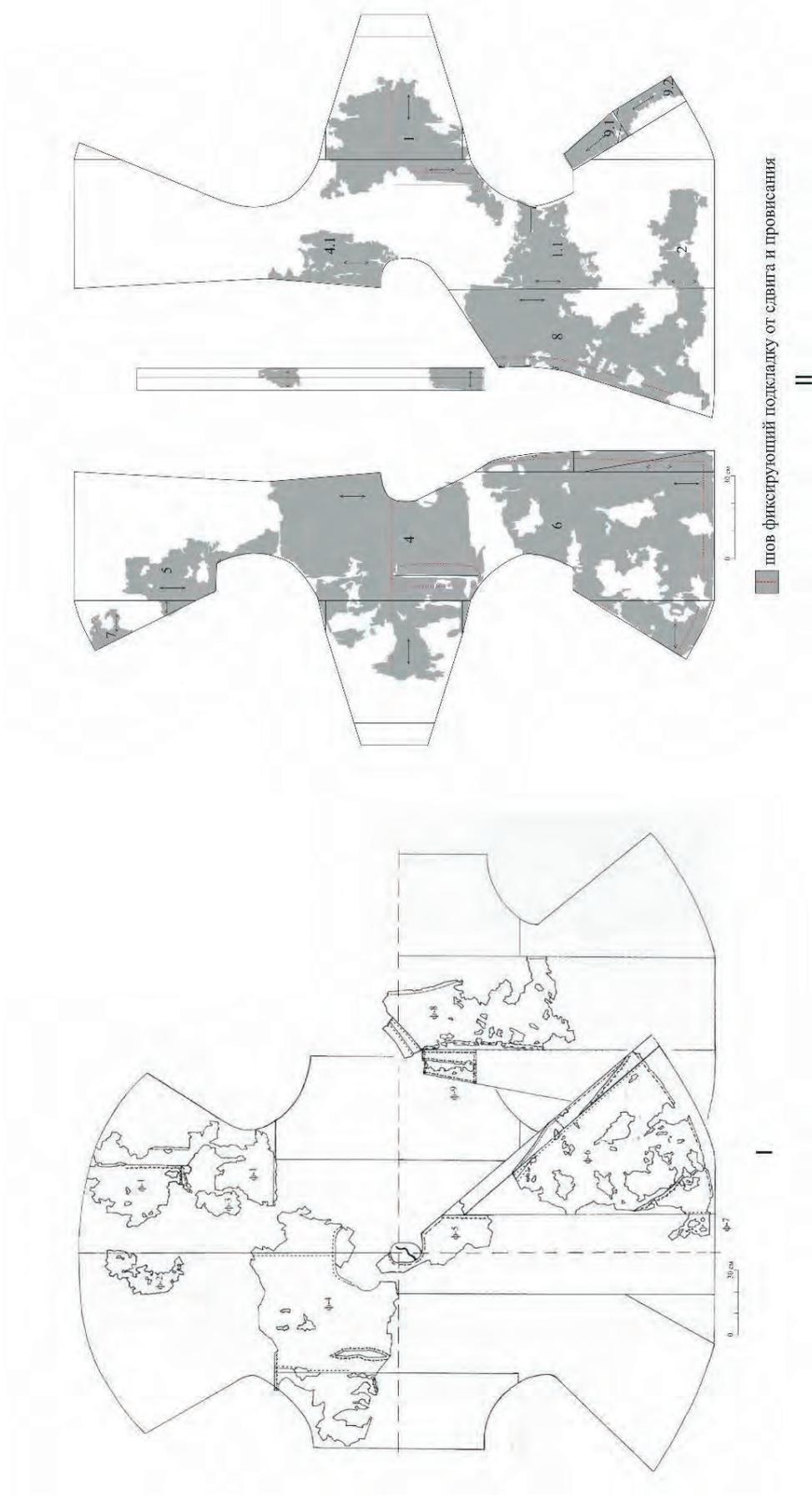

РИС. 12. ХАЛАТ С ОТКИДНЫМИ РУКАВАМИ. I – реконструкция края "шубы" (Доде, 2006. С. 102), **II** – реконструкция края халата (рис. С.М. Шашуновой).

РИС. 13. ХАЛАТ С ОТКИДНЫМИ РУКАВАМИ. *I* – халат после реставрации, *II* – швы, фиксирующие подкладку, *III* – навесная петля для закрепления ленты кошелька, *IV* – реконструкция формы халата с откидными рукавами, *V* – нити вышивки с утраченной нитью прикрепа.

РИС. 14. РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕГО ВИДА ХАЛАТА С ОТКИДНЫМИ РУКАВАМИ (художники Е.А. Корж, А.С. Аксенова).

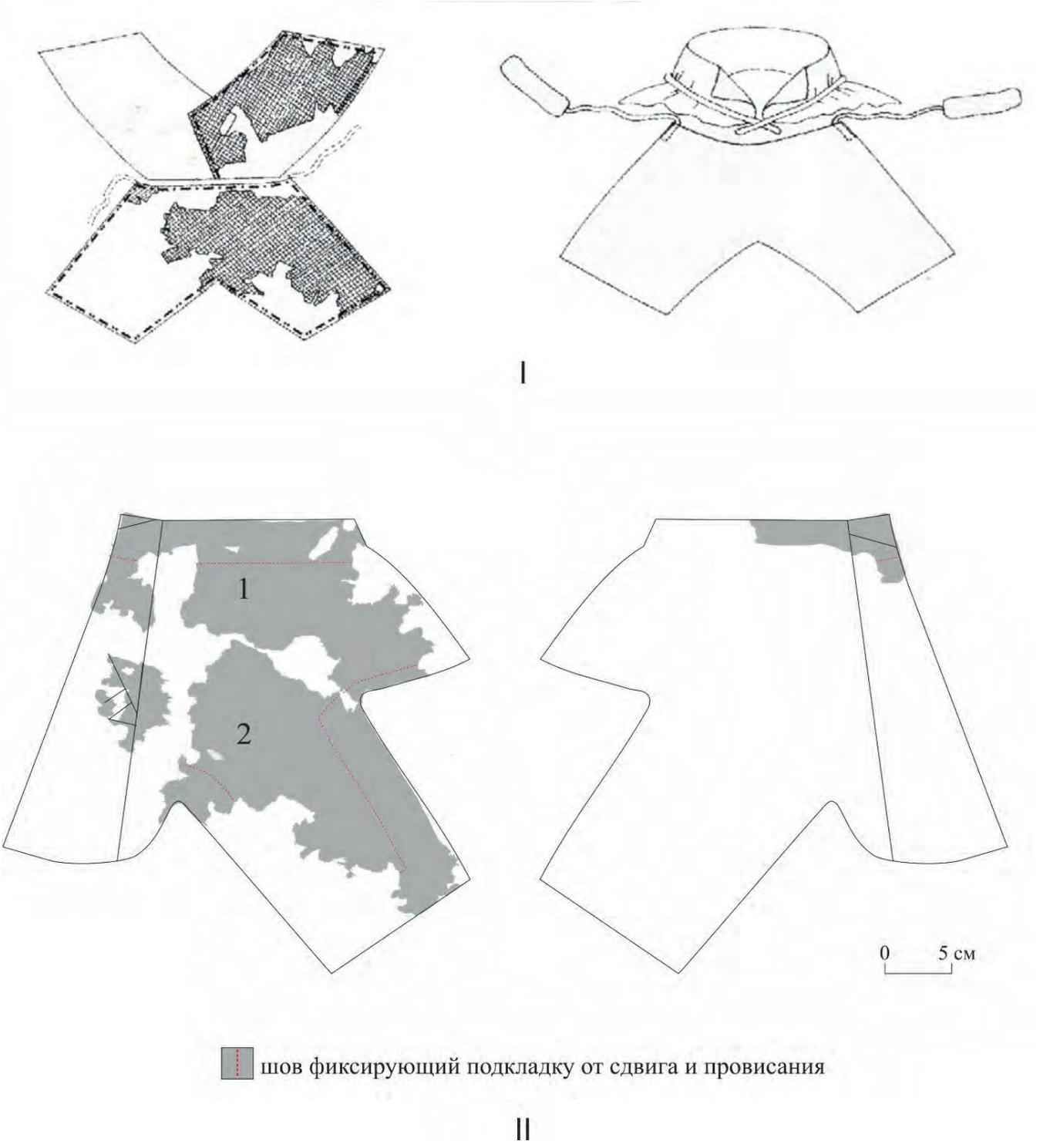

РИС. 15. ШАПОЧКА БОККИ. I – реконструкция края "манишки" (Доде, 2006. С. 104), II – реконструкция края шапочки бокки (рис. С.М. Шашуновой).

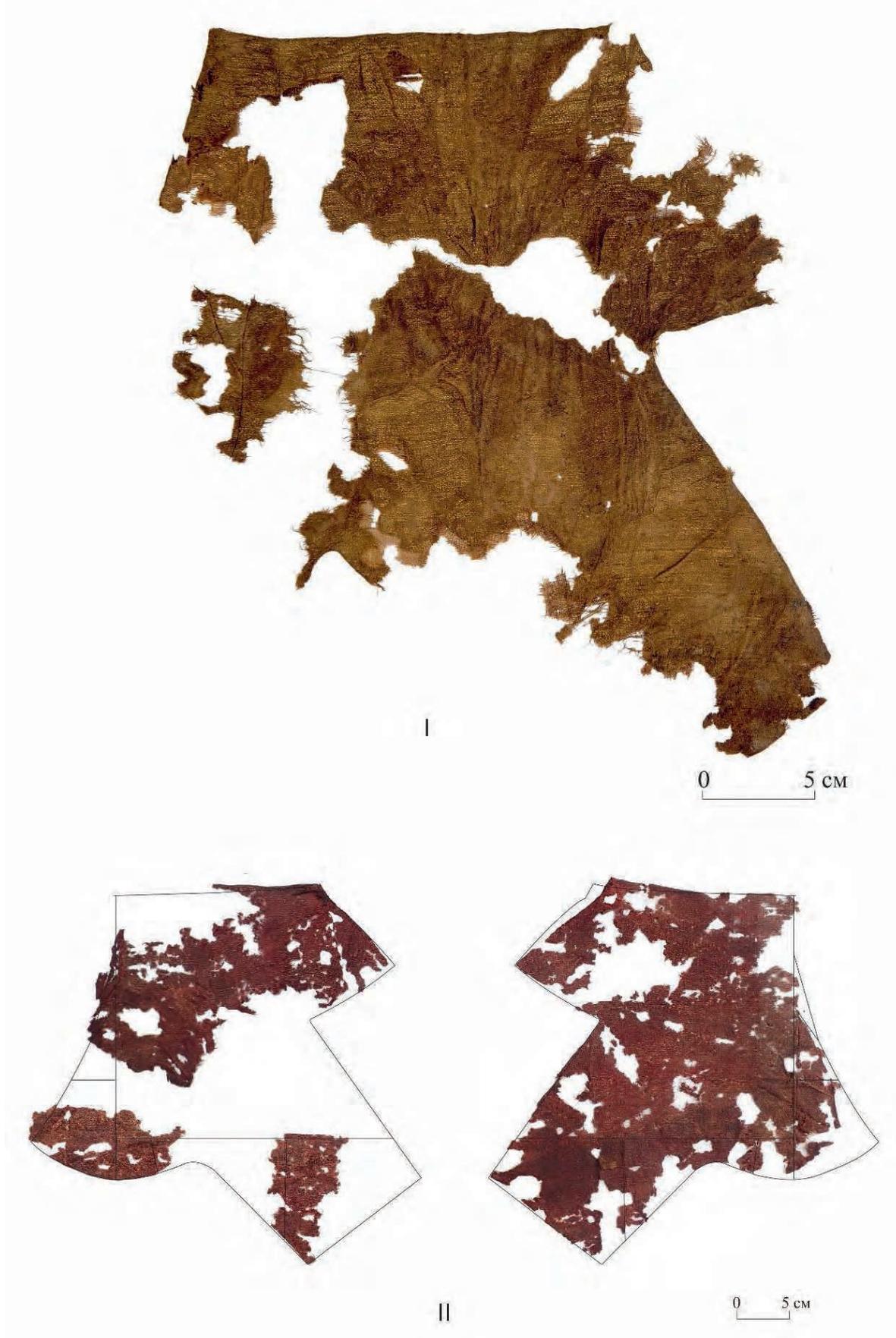
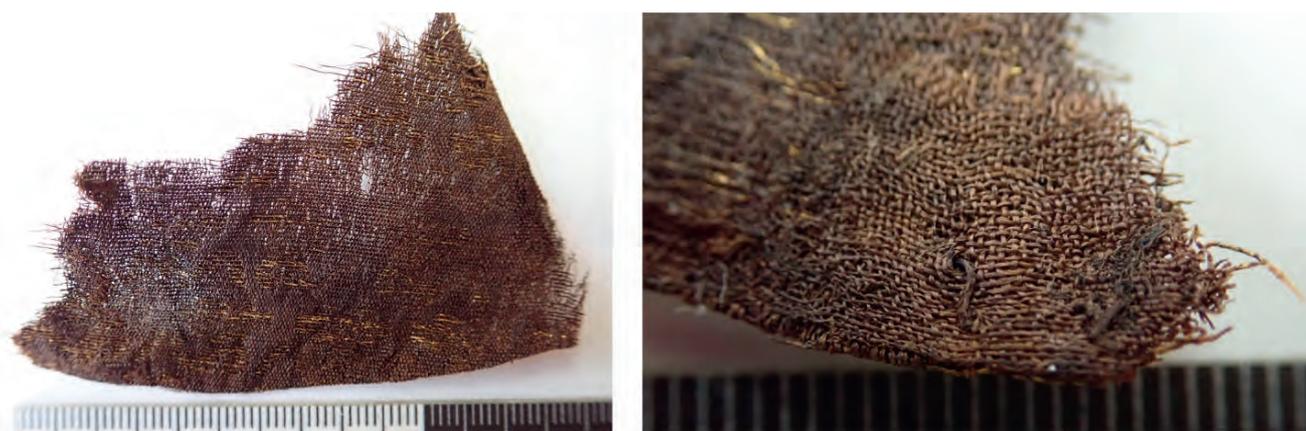
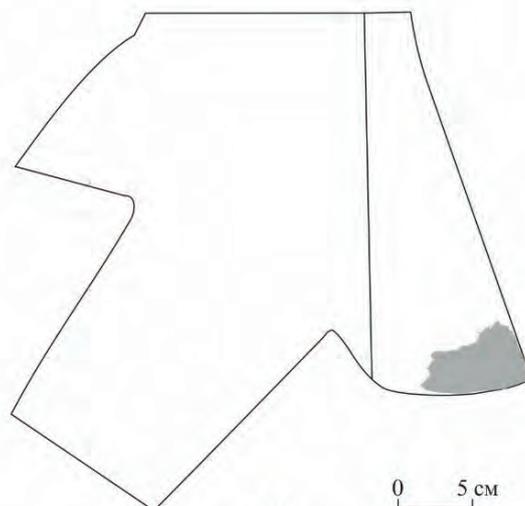

РИС. 16. ШЛЯПКА БОККИ. *I* – фрагменты правой стороны шляпки бокки после устранения деформации, *II* – шляпка бокки из погребения 104 могильник Маячный бугор (Астраханский музей-заповедник, НВ 13246.59).

I

II

III

РИС. 17. ФРАГМЕНТ ШАПОЧКИ БОККИ. *I* – фрагмент задней лопасти шапочки бокки (лицевая сторона), *II* – фрагмент задней лопасти шапочки бокки с сохранившейся подкладкой (изнаночная сторона), *III* – вероятное расположение фрагмента на схеме шапочки бокки (рис. С.М. Шашуновой).

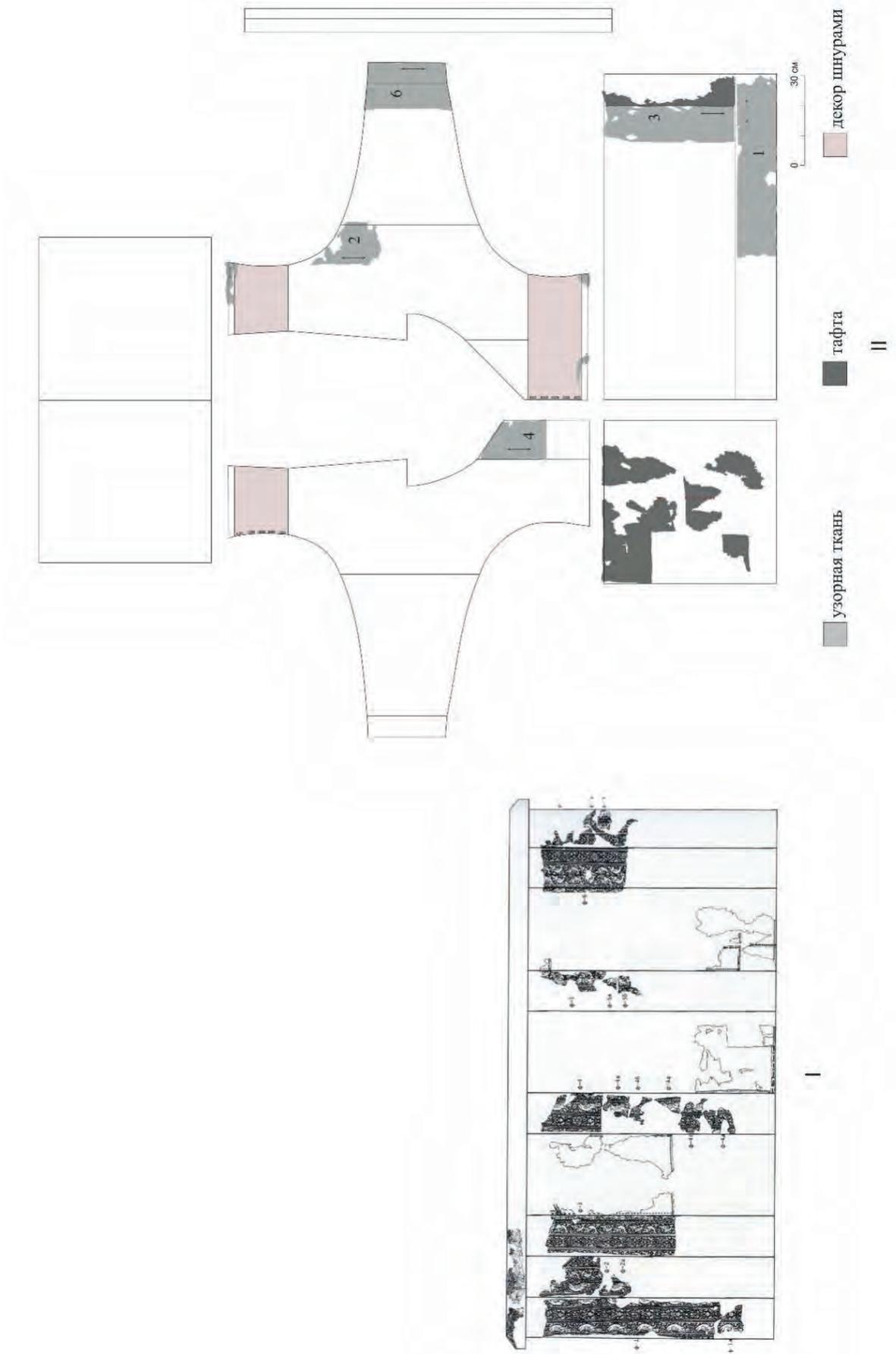

РИС. 18. МУЖСКОЙ ХАЛАТ. I – реконструкция схемы кроя "юбки" (Доде, 2006. С. 106); II – реконструкция схемы кроя халата (рис. С.М. Шашуновой).

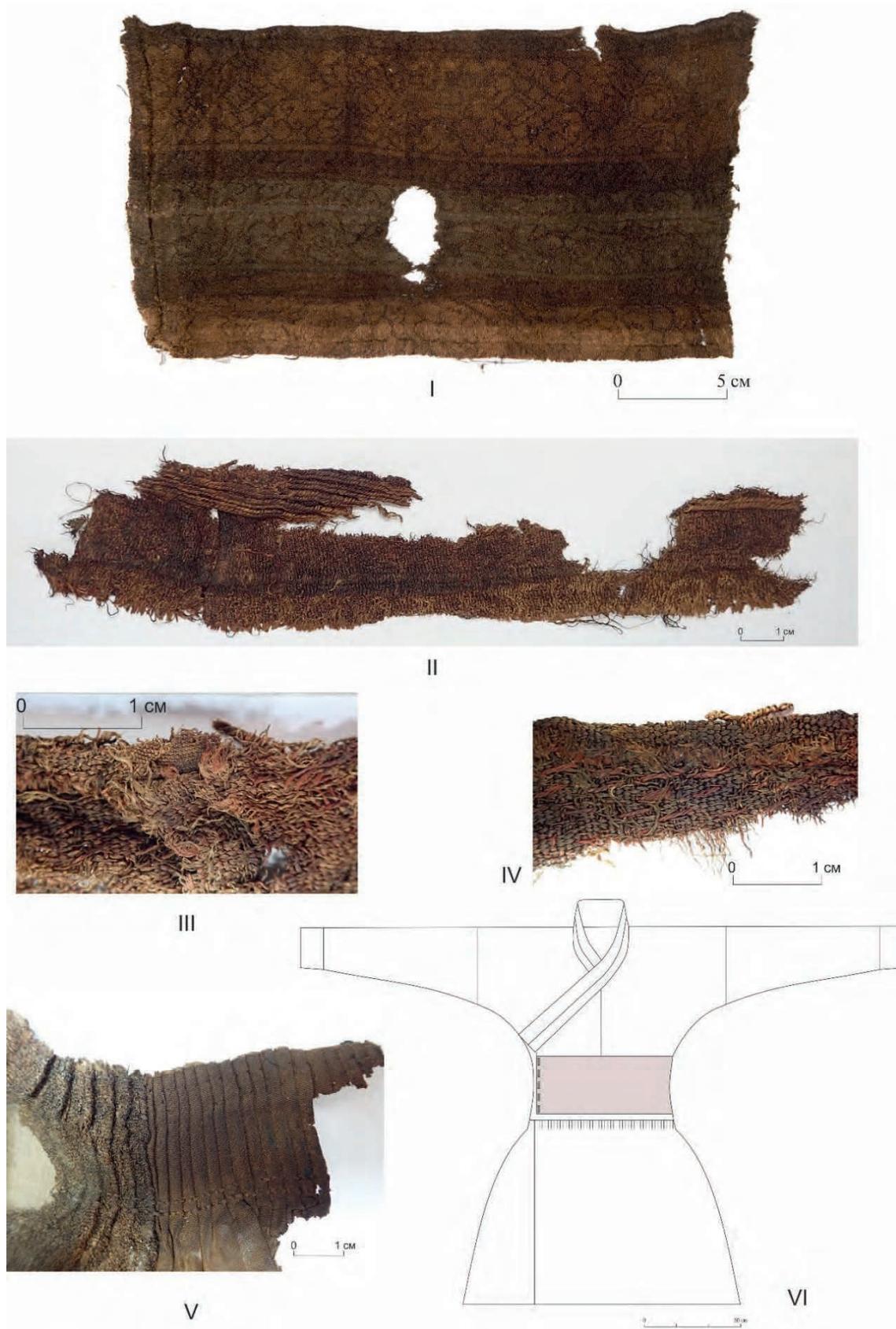

РИС. 19. МУЖСКОЙ ХАЛАТ. *I* – фрагмент рукава с прошитым швом ложной манжеты (до реставрации); *II* – фрагмент пояса со шнурами (район левого бокового шва); *III* – фрагмент поясной части халата сшитой из узорной ткани и тафты; *IV* – участок пояса со швами, фиксирующими шнуры (изнаночная сторона); *V* – фрагмент верхней части подола со складками, сшитый из узорной ткани и тафты; *VI* – реконструкция формы мужского халата.

РИС. 20. РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕГО ВИДА МУЖСКОГО ХАЛАТА (художники Е.А. Корж, А.С. Аксенова).

ХРУСТАЛЬНЫЕ ГРАНЕНЫЕ БУСЫ В ПРИКАМЬЕ

© 2022 г. Красноперов А.А.

Удмуртский институт истории, языка, литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН), Ижевск, Российская Федерация
E-mail: khaa@udm.ru

Среди редко встречающихся типов бус в Прикамье известны хрустальные граненые. Хрустальные бусы известны в Причерноморье, но других форм. Граненые экземпляры редки. Всего несколько случаев известно в комплексах нижнего Подонья. Эти могилы, а также с находками хрустальных граненых бус на других территориях, и связанные с ними единым контекстом, объединяются во «всаднический горизонт» позднесарматского времени по С.И. Безуглову второй половины II – первой половины III вв. н.э., уже: последняя четверть II – первая треть III в. н.э. Другой значительный ареал концентрации находок находится в Прикамье. Там, где это возможно, погребения датируются первой половиной III в. н.э. – тем периодом, когда в Прикамье широко проникают элементы «всаднического горизонта».

Ключевые слова: Прикамье, Подонье, позднесарматское время, мазунинская культура, бусы, хрустальные бусы, хронология.

CRYSTAL FACETED BEADS IN THE KAMA REGION

Krasnopeorov A.A.

Among rare types of beads in the Kama River Region, crystal faceted ones are known. Crystal beads are known in the Black Sea Region, but in other forms. Faceted specimens are rare. Only a few cases are known in the complexes of the lower Don River Region. These graves, as well as with finds of faceted crystal beads in other territories, and associated with them in a single context, are combined into the “riders (horsmen) horizon” of the late Sarmatian time according to Sergey I. Bezuglov, dated 2nd half of the 2nd–1st half of the 3rd centuries AD. Another significant area of concentration of finds is located in the Kama River Region. Where possible, the burials are dated to the 1st half of the 3rd century AD, the period when elements of the “riders horizon” widely penetrate into the Kama River Region.

Keywords: *the Kama River Region, the Don River Region, Late Sarmatian time, Mazunino archeological culture, beads, crystal faceted beads, chronology.*

Среди находок бус не массовых типов, которые могут иметь значение как хронологический маркер, выделяются хрустальные бусы, представленные двумя формами: шаровидной и граненой, каждая в двух размерных группах: крупные (рис. 1А:б) и средние. Предметом интереса этой публикации являются граненые.

Находки

Хрустальных бусин в целом немного: по одному экземпляру далеко не на каждом памятнике. Шаровидные (зонные; шаровидные, усеченные дважды) найдены на Заборьинском (Голдина Е.В., Бернц, 2015. Рис. 1: XIГ2. С. 55), Ижевском (Останина, 1984. С. 34),

Мазунинском (Останина, 1997. Табл. 34: М50), Покровском (Останина, 1992. Табл. Б), Тарасовском (рис. 3, 9, 10, 18, 19, 20; 4В, 6, 41, 42, 43), Усть-Сарапульском (МИКНСП, 1538/7) могильниках¹. Гранёные еще реже: Ижевск, п. 5 (рис. 1Б), Мазунино, п. 50² (рис. 2В), Тарасово, пп. 19 (рис. 2Б), 307 (рис. 3), 308 (рис. 1А), 806 (рис. 2А), 1040 (рис. 4Б), 1745 (рис. 4В). Сложен вопрос с Тарасово, п. 758 (рис. 4А). По публикации хрустальной бусины нет, но в коллекции, вместе с находками из этого комплекса лежит гранёная бусина без шифра. При этом находки из Тарасово, п. 1040 обнаружить не удалось³. Очевидно, что больше всего находок с Тарасовского могильника. Но объяснить это только количеством изученных погребений не получается. Так хрустальных бусин вообще нет на Боярском (Голдина, Черных, 2015), Дубровском (Голдина, Черных, 2017), Нивском (Останина, 1978), Тураевском (Голдина, 2010) могильниках, исследованных полностью или в значительных объемах.

Происхождение

Очевидно, что в Прикамье хрустальных бус не делали⁴. Из соседних синхронных культур⁵ хрустальные бусы зафиксированы в гляденовской (Быкова, Казанцева, 2012. С. 95, 97–98; Мингалев, Мингалева, Перескоков, 2019. С. 208, 211. Рис. 3, 1, 7, 42), в том числе единственный гранёный экземпляр (типологически отличается) (Мингалев, Мингалева, Перескоков, 2019. Рис. 3, 3), и кара-абызской (Овсянников и др. 2007. Рис. 31, 1, 33, 6, 8, 35, 19), существенно отличаются, гранёных нет. Бусы из этого материала довольно редки в коллекциях, несмотря на распространенность самого материала (Иштванович, Кульчар, Стоянова, 2020. С. 25), поэтому вариант их поступления не из одного источника можно исключить. Они явно связаны общим местом производства, и, как следствие, хронологией. В основных сводках по сарматскому времени их нет.

Е.М. Алексеева тип гранёных бус не выделяет (Алексеева, 1982. Табл. 35). Не отмечали такие в могильниках Крыма и А.А. Стоянова на момент подготовки диссертации (Стоянова, 2006д. С. 314) и позже, и А.А. Труфанов (Труфанов, 2005–2009. С. 237–255). Нет их в новой сводке Е.С. Дзнеладзе (2016д. С. 64–65). В первом обобщении сарматских бус Поволжья (Скрипкин, 1990. Рис. 30, 62–67, 31, 1–3) гранёных хрустальных также нет.

Опорные комплексы⁶ происходят из нижнего течения Дона: Высочино V, к. 18/п. 1 (Беспалый, 2000; Беспалый, Лукьяшко, 2008. С. 82–87. Табл. LXXXI–LXXXV) (рис. 5–7Б), Ново-Александровка I, к. 20/п. 1 (Bespaliĵ, 1986. Рl. 61–63; Беспалый, 1990. С. 217, 219. Рис. 3, 4, 1–5; Беспалый, Лукьяшко, 2018. С. 69, 71–74. Рис. 39–41) (рис. 8А), Танаис, п. 34/1990 (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 130–133. Табл. 47, 574–603, 48, 604–608, 611–614) (рис. 10Б). Первые два чрезвычайно схожи между собой по обряду и составу находок: римские бронзовые тазы, колокольчики-ботала, ножницы, пряслица, каплевидные нашивные бляшки, бусы (каменные 14-гранные, из коралла), сильнопрофилированные фибулы, скобы деревянных сосудов. Соответствия между Танаисом и Высочино в фибулах, ключах, орнаменте зеркал с центральной петлей, ножницах. Дальше на восток неполный комплекс из Блюменфельд, к. А-5 (Гущина, Мошкова, 1999. С. 43. Рис. 1, 1–7) (рис. 7А), и большой комплекс в Покровка-10, к. 24/п. 1⁷ (Малашев, Яблонский, 2008. С. 12–13. Рис. 18–20, 157–159) (рис. 9–10А), где также

¹Р.Р. Русланова указывает экземпляр из Бирск, п. 364 (Русланова, 2018. С. 142. Рис. 31: V.1В1а), но хронологически этот комплекс выходит за рассматриваемые рамки.

²В двух публикациях рисунки заметно расходятся.

³Работа с коллекцией в 2004 – 2006 гг. – после публикации памятника, при подготовке диссертации.

⁴Формулировка не так смешна, как кажется. Так Р.Д. Голдина неоднократно и с полной серьёзностью утверждает, что в Прикамье производилась свинцово-оловянистая бронза (например: Голдина, 2018. С. 156). Для этого сплава нужны три компонента, медь, свинец и олово. Если в первом недостатка нет, то ближайшие руды третьего – в паре тысяч километров от Прикамья. Однако это не смущает автора, редакторов, рецензентов, «из числа ведущих специалистов в данной области».

⁵Бусы азелинской и кара-абызской культур уже более 70 лет остаются неизученными.

⁶Сводка очевидно не полна. Я оперирую опубликованными, или каким-либо иным способом доступными мне сведениями. Но сомневаюсь, что невыявленные находки радикально изменят ситуацию. За оперативную информацию об очень многих региональных южных изданиях и помощь я благодарен И.В. Толочко.

⁷При публикации материалом бус указан «кварцит» (Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 158).

найлены пряслица, ботала, сильнопрофилированные фибулы, скобки деревянных сосудов⁸.

Литой котел (Высочино) включен в группу с аналогичными из Нагавская, к. 11, Большекараганский, к. 8, Лебедевка VI, к. 24 (Демиденко, 2008. С. 20–21, № 88 лит).

Кастрюля/ковш из Высочино V, к. 18/п. 1 на основании мелких деталей является подражанием типу E-140, позднейшей, и самой запаздывающей формы (Безуглов, 1997. С. 135–136; 2017–Танаис. С. 94–95; Трейстер, 2020б. С. 31.4: № 3, 32). У таза из Новоалександровка I, к. 20/п. 1 не сохранились типопределяющие признаки – ручки; идентификация возможна только в пределах всей группы E-99-106 (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009. С. 82; Трейстер, 2020в. С. 19.2: № 9). Миска (Высочино) может относиться к типу E-93.

Фибулы группы Амброз-11/Кропотов-10 из Высочино (Кропотов, 2010. С. 245 – № 552), Ново-Александровки⁹, Покровки (Кропотов, 2010. С. 247 – № 625–626), Танаиса (Кропотов, 2010. С. 239 – № 227) датируются в интервале второй половины II – первой половины III вв. н.э. (Кропотов, 2010. С. 231). Брошь формы Кропотов-16/62 (Кропотов, 2010. С. 312) хронологически соответствует (Трейстер, 2016. С. 346, 348, 350. Рис. 1, 1).

Стеклянный сосуд из Ново-Александровки (и, может быть, Высочино) можно сопоставить с группой, по крымским материалам отнесенной С.Б. Шабановым ко II в. н.э. – первой половине III в. н.э. (Шабанов, 2021. С. 262. Рис. 1, 15). С.И. Безуглов предполагает тождественность этой находки и сосудов из Танаиса, к. 10/п. 20¹1975 и Мариинская/Большевик, к. 3/п. 1 (Безуглов, Нидзельницкая, 2020. С. 251. Рис. 18, 2); в эту же серию можно включить сосуды из Ростов/Дон–Вятская, к. 6/п. 8 (Volkov, Guguev, 1986. Pl. 53, 1, 2; Трейстер, 2020. С. 165, 166. Рис. 4, 6). Общепринятая датировка: вторая половина II – первая половина III вв. н.э. (Jatsenko, 2005. Abb. 2, 34; Яценко, 2007. С. 179. Табл. II, 34). Стеклянные арибалы типа Айсингс-61 (Танаис) наибольшее распространение получают в конце I – начале III вв. н.э. (Гавритухин, Малашев, 2018. С. 110).

Колокольчики/ботала из Высочино, Ново-Александровки и Покровки однотипны (Трейстер, 2020а. С. 172), второй колокольчик из Ново-Александровки переделан из какого-то сосуда, определение которого затруднено.

Длинные оселки (Высочино) в позднесарматской культуре являются показательным атрибутом выделенного С.И. Безугловым «всаднического горизонта» (Безуглов, 2017. С. 103; Кривошеев, Лукпанова, 2015. С. 104; Кривошеев, Малашев, 2019. С. 149).

Пряжки с прямоугольными рамками, но обычно бронзовыми, с выделенными углами (см.: Красноперов, 2015. Рис. 8), подграненного, или совсем плоского сечения, характерны, наряду с пряжками с неподвижным щитком, для памятников этого времени. Пряжка из Блюменфельда относится к группе Малашев-П26 за счет загнутого края может быть отнесена к хронологической группе 2а – середины – второй половины III в. н.э. (Малашев, 2000. С. 209), но отсутствие уступа на язычке (Малашев, 2014. С. 136, 139) указывает на первую половину III в. н.э.

Зеркала с центральной петлей Хазанов-Х и орнаментом в виде квадрата недавно проанализированы И.О. Гавритухиным и В.Ю. Малашевым (2018). Находка из Танаиса отнесена ко второй половине II – первой половине III вв. н.э. (Гавритухин, Малашев, 2018. С. 109–110. Рис. 87, 4, 89, 17–20). Китайские зеркала (Покровка) типа qingbai в сарматских памятниках известны практически только в погребениях Южного Приуралья и Зауралья (Трейстер, 2018. С. 172. Рис. 9, 2; Равич, Трейстер, 2021. С. 411–412. Рис. 6, 2). Совместно с зеркалами регулярно встречаются ножницы (Валовый, Ново-Александровка, Танаис), которые исчезают из погребального обряда после середины III в. н.э. (Кривошеев, 2016. С. 127, 128).

Металлические детали шкатулок и ключи (Высочино, Ново-Александровка, Танаис) лучше изучены в памятниках Крыма, где встречаются со второй половины I в. н.э., но более характерны для конца II – первой половины III вв. н.э. (Труфанов, 2005–2009. С. 256, 268; 85).

⁸Далее длинные переписывания одних и тех же текстов заменены ссылками на каталоги и специальные работы, в которых можно найти все обоснования и подробные обзоры литературы.

⁹В.В. Кропотов отнес ее к группе «гибридных» (Кропотов, 2010. С. 256 – № 5). Выделение отдельной «формы 7» не убедительно, экземпляры соответствуют его же серии III сильнопрофилированных.

Деревянные сосуды с металлическими оковками иногда имели зооморфные ручки, где животное изображено в ошейнике (Ново-Александровка), встречены в том же круге памятников (Валовый I, к. 25/п. 1, Гремячая, к. 1/п. 2, Олонешты, к. IV/п. 1) (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009. С. 80; Кривошеев, 2020).

Интересны серьги из Ново-Александровки. Похоже выглядят из Нейзац, м. 275 (Храпунов, 2011. Рис. 48, 5, 6) (рис. 8Б, 3, 4), Суворово, ск. 51/п. 2 (Зайцев, Мордвинцева, 2003. Рис. 3) (рис. 8Б, 6, 7), Красная Заря, ск. 22/п. 2 (Неневоля, Волошинов, 2001. Рис. 4, 6) (рис. 8Б, 1, 2), Совхоз-10, м. 78 (Стржелецкий и др., 2003–2004. Табл. 12, 14) (рис. 8Б, 5), но датируются от второй четверти до конца IV в. н.э. Отличия подчеркнул И.Н. Храпунов: расположение гнезд, способ крепления (петля, крючок) (Храпунов, 2011. С. 44–45; Khrapunov, Stoyanova, 2018. S. 279–280). Мелкие полихромные подвески (Высочино) существенного уточнения не дают (Красноперов, 2021).

Из прочих соответствий можно указать на вазы из Валовый, к. 18/п. 1 (рис. 7Б, 6) и Кобяковский, п. 73/2000, сосуды с крышкой из Валовый, к. 18/п. 1 (рис. 7Б, 3) и Кобяковский, к. 10.

Весь набор показателен для группы «всаднических» комплексов раннего этапа позднесарматской культуры (см. работы С.И. Безуглова), в рамках которой Е.П. Мыськов и И.В. Сергацков предложили выделять и женские погребения (Мыськов, Сергацков, 1994. С. 187; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009. С. 116), и синхронных им (Танаис). Группа очень монолитна по составу находок, более дробное хронологическое членение затруднительно, и под силу лишь немногим (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009. С. 113): Покровка, к. 24 – вторая половина – конец II в. н.э. (Малашев, Яблонский, 2008. С. 60).

Датировки прикамских памятников

Наборы находок типичны для раннего, «бронзового» (Красноперов, 2007), периода мазунинской культуры: поясные наборы с фасетированными деталями, ножны группы «И» (Красноперов, 2018), бляхи из раковин (Бернц, 2018), височные подвески не с железным стержнем, местные бабочковидные фибулы ранних форм. В наборе бус можно отметить наличие 14-гранных (рис. 3, 22, 4В, 4, 5, 47, 51, 52), шахматных/ковровых Алексева–434; 437, 439; 444, 445 (рис. 2А, 1), ресничковых Алексева–480–482, 490, 496 (Красноперов, 2020) (рис. 1А, 8, 4В, 56).

Для датировки интерес представляют фибулы: Тарасово, п. 19 (рис. 2В, 2) – с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и коленчато изогнутой спинкой – Амброз-13/Кропотов-8-II. С классической шириной спинки не встречаются позже сер. III в. (Кропотов, 2010. С. 104; Малашев, Яблонский, 2008. С. 62; Малашев, 2014. С. 130, 133), экземпляры с круглой плоской (Ижевск, п. 5, Мазунино, п. 50) спинкой (рис. 1Б, 10, 2В, 5, 8) распространяются, может быть, во второй половине столетия (ср. о 3-й разновидности: Малашев, Яблонский, 2008. С. 62). Небольшие с круглой выпуклой (Тарасово, п. 307) спинкой (рис. 3, 1), вероятно, середины III в. н.э. В Тарасово п. 307 найдена фибула с шарниром из двух стоек и эмалью (вернее, стеклянной вставкой) (рис. 3, 3). Прямых аналогий она не имеет, но по общим особенностям щитка может относиться ко «второму пику использования» по В.В. Кропотову, заключительной части II – первой половине III в. н.э. (Кропотов, 2010. С. 315).

По типу накладок (рис. 4А, 3) из группы выделяется Тарасово, п. 758, относительно которого есть сомнения в составе комплекса.

Группа погребений может быть датирована первой половиной – серединой III в. н.э., сомнительно, что с существенным заходом во вторую половину III в. н.э. Эта дата, в основном, опирающаяся на фибулы, не противоречит датировкам сарматских комплексов с хрустальными гранеными бусами, относящимися к «всадническому горизонту» по С.И. Безуглову, второй половине II – первой половине III вв. н.э. Однако в контексты второй половины II в. н.э. в прикамских материалах такие бусы не попадают.

Литература

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 110 с.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.: «Палеограф», 2001. 274 с.
- Безуглов С.И. Военное позднесарматское погребение близ Азова // ИАИАНД в 1994 г. Вып. 14 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 133–142.
- Безуглов С.И. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Перевозчиков. Хутор Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.: АМЗ «Танаис», 2017. С. 84–127.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: «Медиа-Полис», 2009. 128 с.
- Безуглов С.И., Нидзельницкая Л.Ю. Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону // КСЭ. VI. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2020. С. 215–259.
- Бернц В.А. Использование блях-раковин населением Удмуртского Прикамья в III – V вв. н.э. (по материалам могильников) // АЕС. №1: Эпоха Великого переселения народов. Материалы Всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первая половина – середина I тыс. н.э.». 2018. С. 108–129.
- Беспалый Е.И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д.: Гефест, 2000. С. 156–168.
- Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. № 1. 1990. С. 213–223.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Высочино / Материалы и исследования по археологии Юга России. I. Ростов-на-Дону, 2008. 224 с.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Новоалександровка / Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2018. 224 + [16] с.
- Быкова Н.В., Казанцева О.А. Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I–V вв. в бассейне р. Камы // Вестник Пермского ун-та. Сер. «История». Вып. 1(18). 2012. С. 93–104.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Гл. 7. Зеркало с центральной петлей и орнаментальной композицией с мотивом квадрата в центре // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / РСМ. Вып. 18 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 105–114, 387–390.
- Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках Мазунинского могильника в 1955 г. / Генинг В. Ф., Денисов В. П. Отчет об археологических исследованиях УАЭ в 1955 г. // НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 147 // Архив НМУР. № 4 // Архив ПНИАЛ УрГУ. Ф.П. Д.220/1955 // Архив ИА РАН. Р-1. № 1105. 1955о.
- Генинг В.Ф. Ижевский могильник // ВАУ. Вып. 7 / Памятники мазунинской культуры / Отв.ред. А.Ф. Медведев. Ижевск; Свердловск, 1967. С. 123–140.
- Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник // ВАУ. Вып. 7 / Памятники мазунинской культуры / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск; Свердловск, 1967. С. 85–115.
- Голдина Е.В. Характеристика бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИ КВАЭ. Т. 17. Ижевск: изд-во «Удмурдский университет», 2010. С. 462–474.
- Голдина Е.В., Бернц В.А. Бусы Заборьинского могильника IV в. н.э. в Среднем Прикамье: использование и классификация // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Т. 25. Вып. 4. 2015. С. 47–57.
- Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Известия Самарского научного центра Российской академии

нау. 2015. С. 567–575.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Дубровского могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // ПА. № 1(19). 2017. С. 238–256.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 2, иллюстрации. Ижевск: Удмуртия, 2003. 724 с.

Голдина Р.Д. Застежки с крючком Тарасовского могильника // ПА. № 1(23). 2018. С. 150–177.

Гущина И.И., Мошкова М.Г. Раскопки Б.Н. Гракова в Заволжье у с. Блюменфельд и Кано в 1925 г. // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А.И. Мелюкова и др. М.: ИА РАН. 1999. С. 42–59.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М: URSS. 2008. 328 с.

Дзюладзе Е.С. Бусы и подвески сарматов Северного Причерноморья / Дисс. ... канд. ист. наук. К. 2016. 281 с.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь: б/и, 2003. С. 57–77.

Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. Бусы в costume населения сарматского времени Крыма и Альфельда // КСЭ. VI / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Салта ЛТД, 2020. С. 10–43.

Краснопёров А.А. К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: сб. статей. Чтения памяти К.В. Сальникова. Материал международной конф. Уфа: Китап, 2007. С. 265–275.

Краснопёров А.А. Дата и связи погребения 727 Тарасовского могильника в Прикамье // Stratumplus. №4: Время перемен: «На рубеже эр». 2015. С. 207–234.

Краснопёров А.А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму // КСЭ. IV. Сб. научных статей / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А.А. 2018. С. 116–126.

Краснопёров А.А. Бусы типов «Алексеева 480–482, 490, 496» в Прикамье // Международная научная конференция памяти Ю.Л. Щаповой. Москва, Россия, 28–30 мая 2020 г. Тезисы докладов. М.: изд-во МГУ, 2020. С. 33–34.

Краснопёров А.А. Погребение 106 Тураевского грунтового могильника и датирующие возможности мелких полихромных предметов // УАВ. Т. 21. № 2. 2021. С. 358–376.

Кривошеев М.В. Ножницы в погребальном обряде сарматов // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: изд-во ОГПУ. 2016. С. 122–131.

Кривошеев М.В. Зооморфные изображения на деревянных сосудах позднесарматского времени // УАВ. Вып. 20. 2020. С. 71–77.

Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. № 5(35). 2015. С. 98–111.

Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. Проблема культурной атрибуции памятников кочевого населения позднесарматского времени Северного Причерноморья // КСЭ. V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма “Салта” ЛТД», 2019. С. 147–153.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. К.: ИД «Адеф-Украина», 2010. 384 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д.: Гефест, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН,

- 12–15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев / УАВ. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. 2008. М.: Восточная литература. 364 с.
- Мингалев В.В., Мингалева М.К., Перескоков М.Л. Бусы Мокинского могильника III – V/VI вв. н.э. в Пермском Прикамье // ПА. № 3(29). 2019. С. 202–221.
- Мыськов Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. № 2. 1994. С. 179–190.
- Неневоля И.И., Волошинов А.А. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма / Труды ГИМ. Вып. 118 / Отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлёв. М, 2001. С. 141–146.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
- Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 1978. С. 92–117.
- Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия/ Сост. и научный редактор Т.И. Останина. Ижевск, 1984. С. 26–92.
- Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. 94 с.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
- Равич И.Г., Трейстер М.Ю. Китайские зеркала из погребений кочевников Восточной Европы вторая половина I тыс. до н.э. – первых веков н.э.: типология, хронология, распределение и технология их изготовления // МАИАСК. № 13. 2021. С. 404–452.
- Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII вв. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1990. 300 с.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первая половина I тыс. н.э. (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4. 2003–2004. Между певкинами и фенами. С. 27–277.
- Стоянова А.А. Бусы и подвески населения Крыма III в. до н.э. – IV в. н.э. / Дисс. канд. ист. наук: 07.00.04. Симферополь. 2006д./ Архив ИА НАНУ. Ф. 12. № 850.
- Трейстер М.Ю. Провинциально-римские шарнирные броши с эмалью и мозаичным стеклом в позднесарматских погребениях Урала и Западного Казахстана // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвящённый 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: б.и, 2016. С. 345–354.
- Трейстер М.Ю. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. – первых вв. н.э. // Stratum plus. № 4: Terra Barbarica и «неримская элита». 2018. С. 153–200.
- Трейстер М.Ю. Импортные бронзовые колокольчики в погребениях кочевников Азиатской Сарматии I в. до н.э. – III в. н.э. // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. XXI / Отв. ред. А.В. Зайков. Севастополь: ООО Издательство «Буки Веди», 2020а-хсб. С. 168–196.
- Трейстер М.Ю. Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии // ПИФК. № 2(68). 2020б. С. 5–60.
- Трейстер М.Ю. Римские бронзовые тазы Eggers 99–106 в Восточной Европе // ПИФК. № 3(69). 2020в. С. 5–48.
- Трейстер М.Ю. 2020г-ксэб. Позднеэллинистические и римские стеклянные сосуды в погребениях кочевников Азиатской Сарматии // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. VI / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Салта ЛТД. С. 154–188.
- Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum

plus. № 4. 2009. Полевой дневник: Римское время. С. 117–328.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–113.

Шабанов С.Б. Стеклянные сосуды I – первой половины III вв. н.э. из варварских памятников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. VII / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма “Салта” ЛТД», 2021. С. 260–275.

Яценко Е.Г. Стеклянные сосуды римского и позднеантичного времени из Танаиса (по материалам из раскопа XIX, исследования 1993–2000 гг.) // Вестник Танаиса. Вып. 2 / Отв. ред. В.И. Перевозчиков. Хутор Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.: АМЗ «Танаис», 2007. С. 173–210.

Bespaly E.I. App.3 Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84 // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin / BAR. Int. Ser. 278. 1986. P. 75–78, Pl. 61–63.

Jatsenko E.G. Glasgefäße der Römerzeitung Spätantikeaus Tanais fundeaus Grabungs areal XIX der Kampagnen 1993–2000 // Eurasia Antiqua. Zeitschriftfür Archäologie Eurasiens. B. 11. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 2005. S. 277–312.

Khrapunov I., Stoyanova A. Gold jewellery from the necropolis of Neyzats // „Vadrózsábóltündérsípotcsináltam”. Tanulmányok Istvánovits Eszter 60. születésnapjára = „To make a fairy’s whistle from a briar rose”. Studies presented to EszterIstvánovits on her sixtieth birthday. Nyíregyháza. 2018. S. 275–295.

Volkov I.V., GuguevYu. K. App. II. A Late Sarmatian burial in Roston-an-Don // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin / BAR. Int. Ser. 278. 1986. P. 73–75, Pl. 49–59.

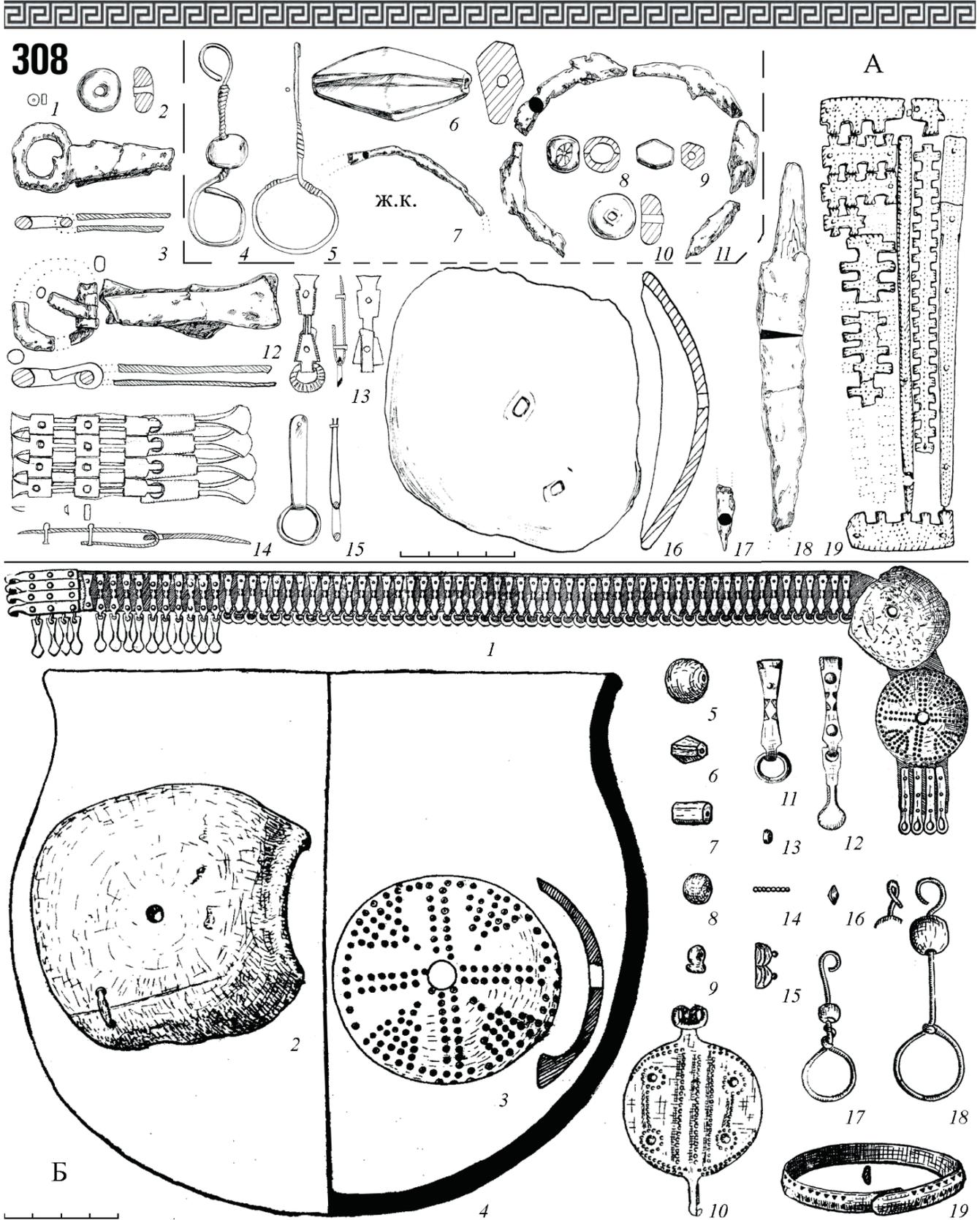

РИС. 1. А – Тарасово, п. 308 (Голдина, 2003. Табл. 137, 138; 13, 14: с оригиналов); Б – Ижевск, п. 5 (Генинг, 1967. Рис. 2. Табл. I, 1–8, 12, 18–20, II, 6, 14, 15, III, 8, 14, IV, 7).

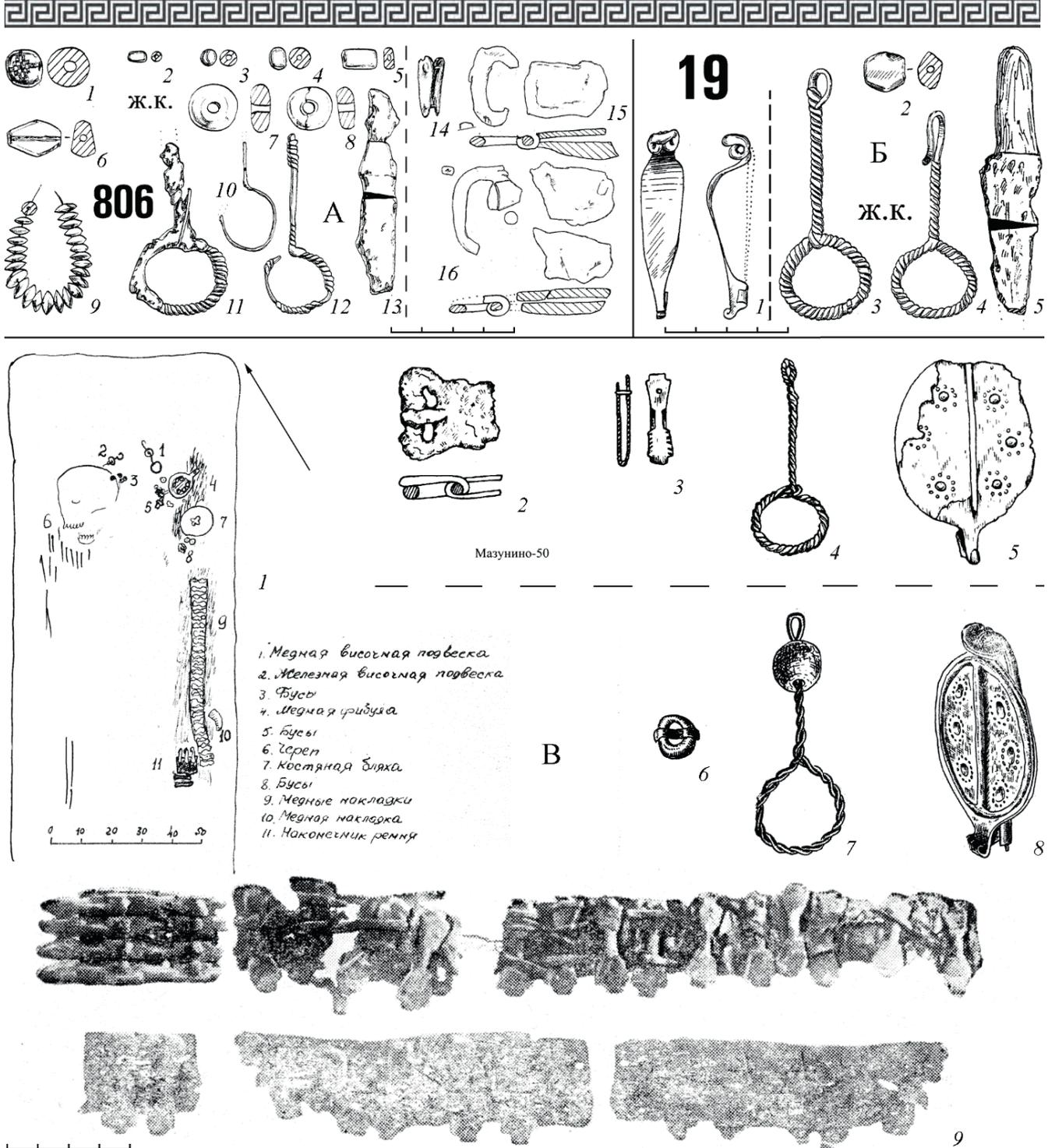

РИС. 2. *А* – Тарасово, п. 806 (Голдина, 2003. Табл. 352; 15, 16: с оригиналов); *Б* – Тарасово, п. 19 (Голдина Р.Д., 2003. Табл. 8/19); Мазунино, п. 50 (Генинг, 1955о. Л. 195; 6–9: Генинг, Мырсина, 1967. Рис. 3. Табл. II, 2, III, 19, IV, 12; 2–5; Останина, 1997. Рис. 28, 21–24).

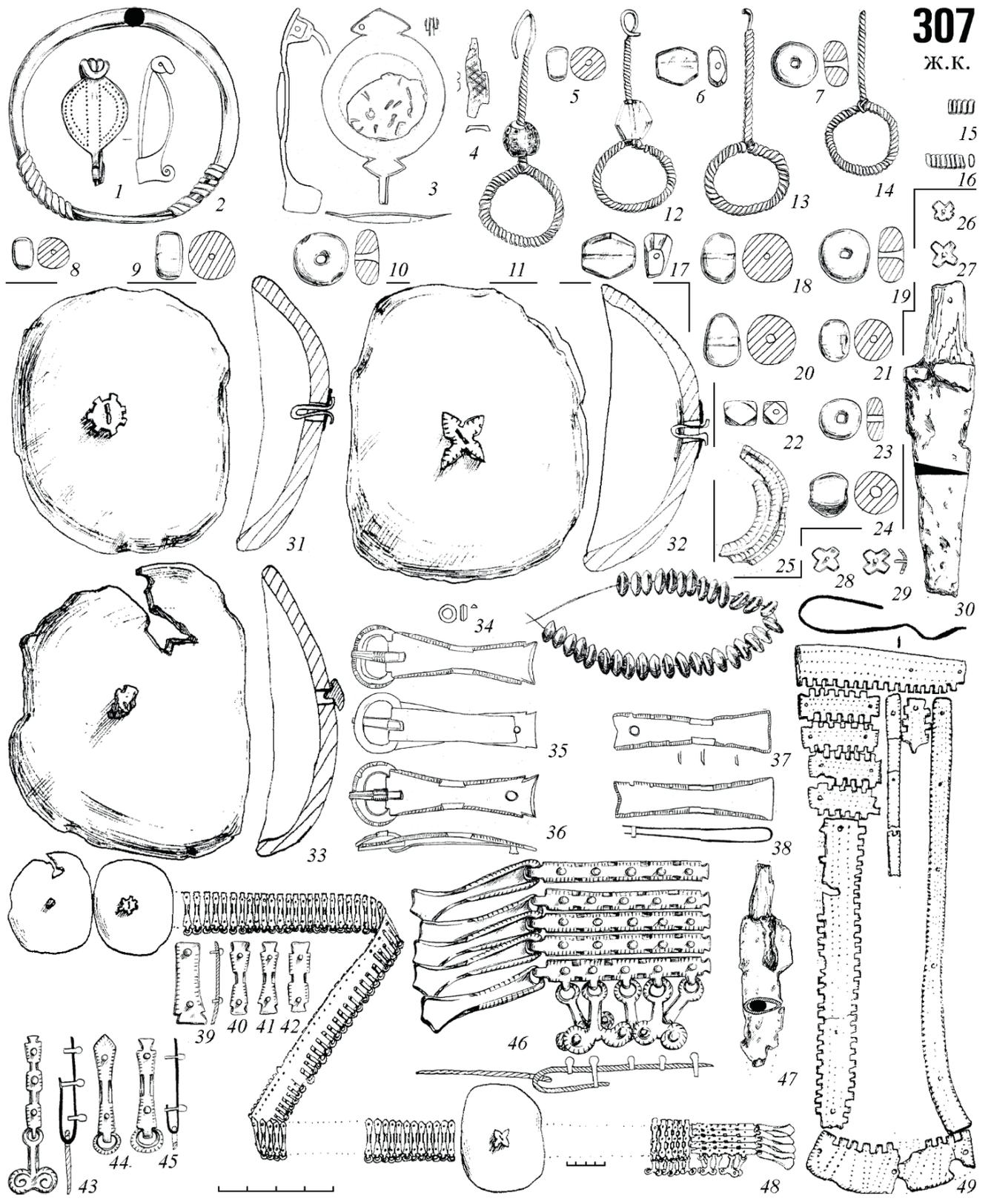

РИС. 3. Тарасово, п. 307 (Голдина Р.Д., 2003. Табл. 134–136; 3, 4, 34–38: с оригиналов).

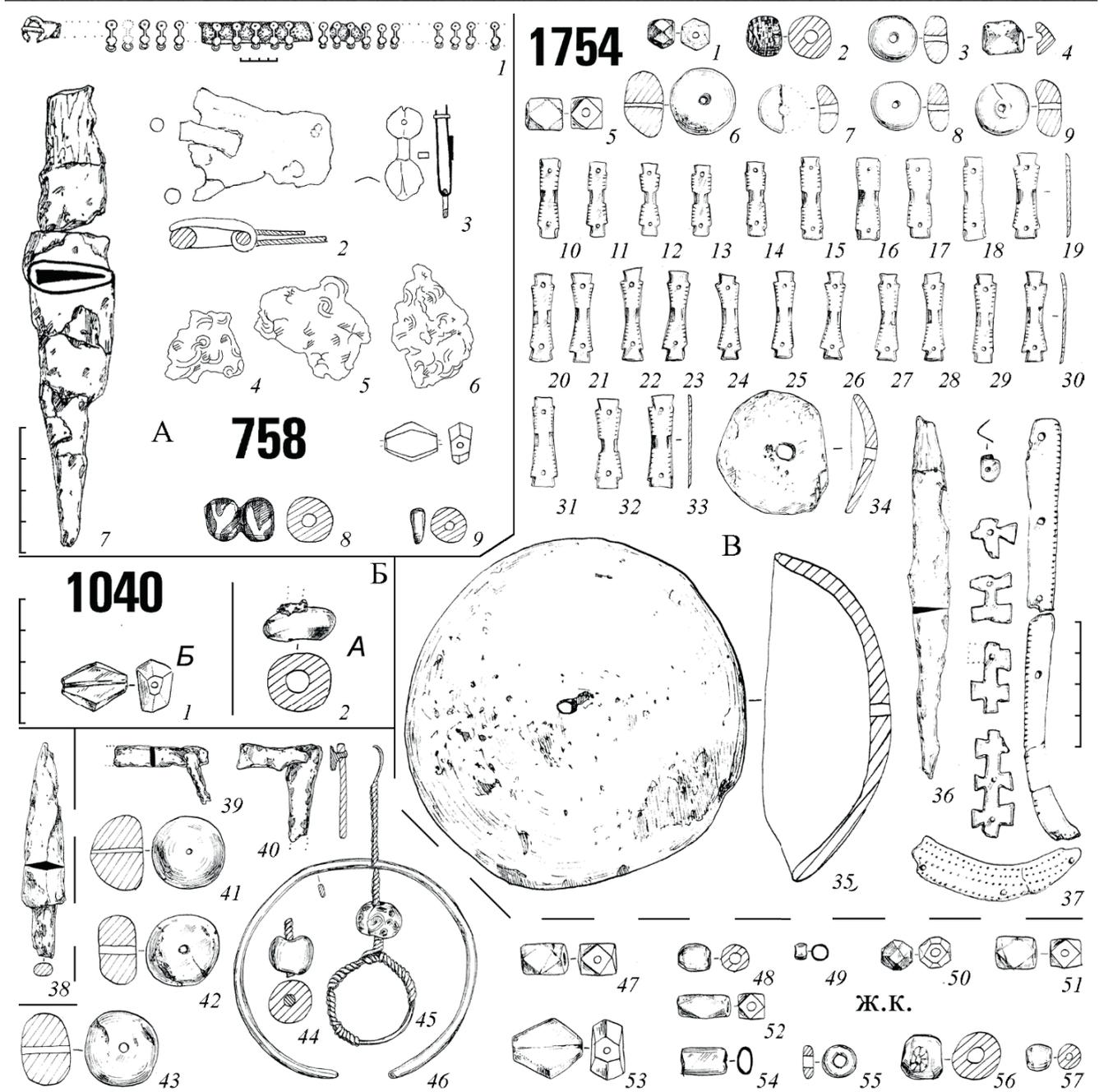

РИС. 4. *А* – Тарасово, п. 758 (Голдина, 2003. Табл. 326/758; 2–6: с оригиналов); *Б* – Тарасово, п.1040 (Голдина, 2003. Табл. 430/1040); *В* – Тарасово, п. 1754 (Голдина, 2003. Табл. 648/1754–649).

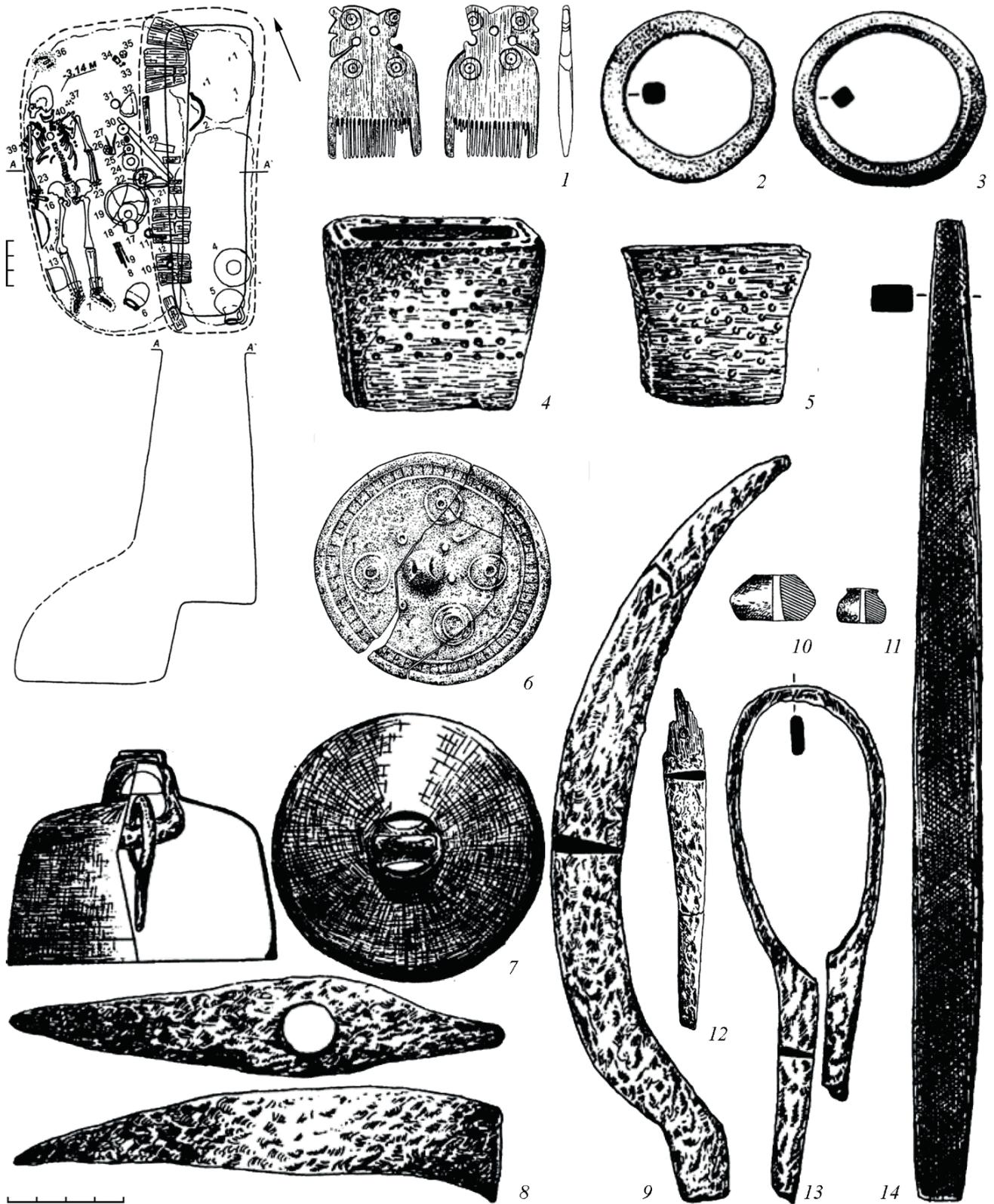

РИС. 5. Высочино V, к. 18/п. 1 (Беспалый, 2000).

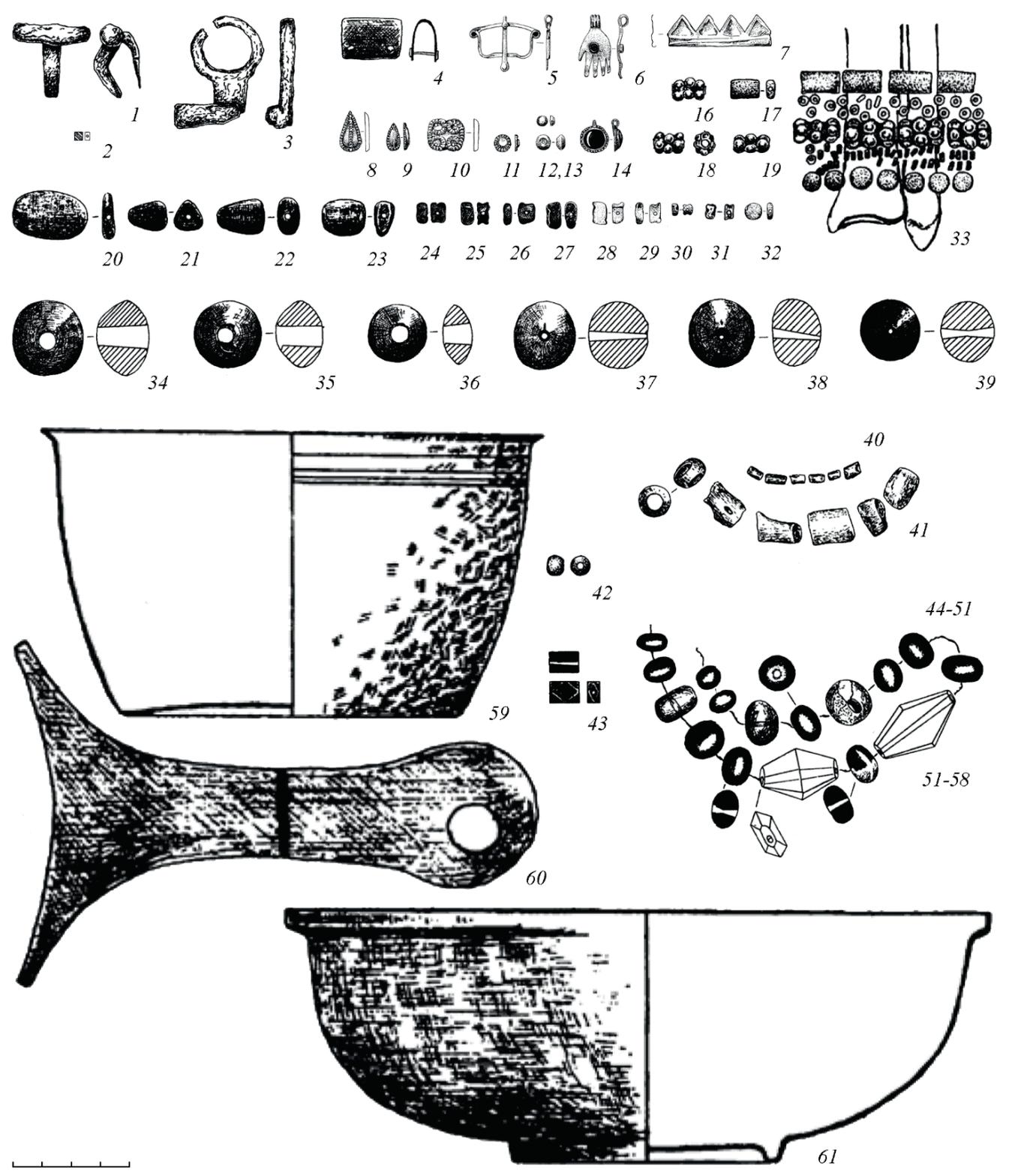

РИС. 6. Высочино V, к. 18/п. 1 (продолжение).

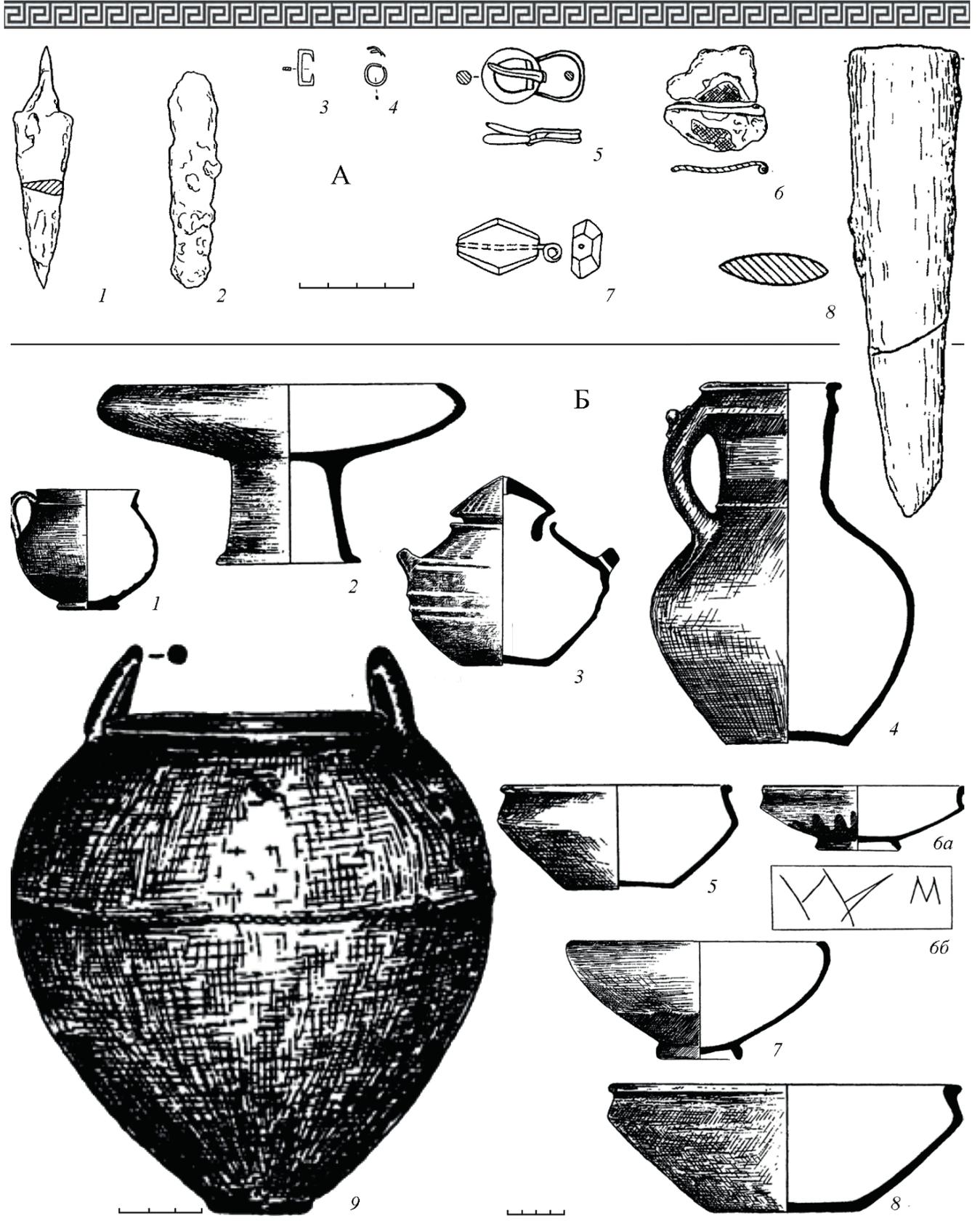

РИС. 7. А – Blumenфельд, к. А-5 (Гущина, Мошкова, 1999. Рис. 1, 1–7); Б – Высочино V, к. 18/п. 1 (окончание).

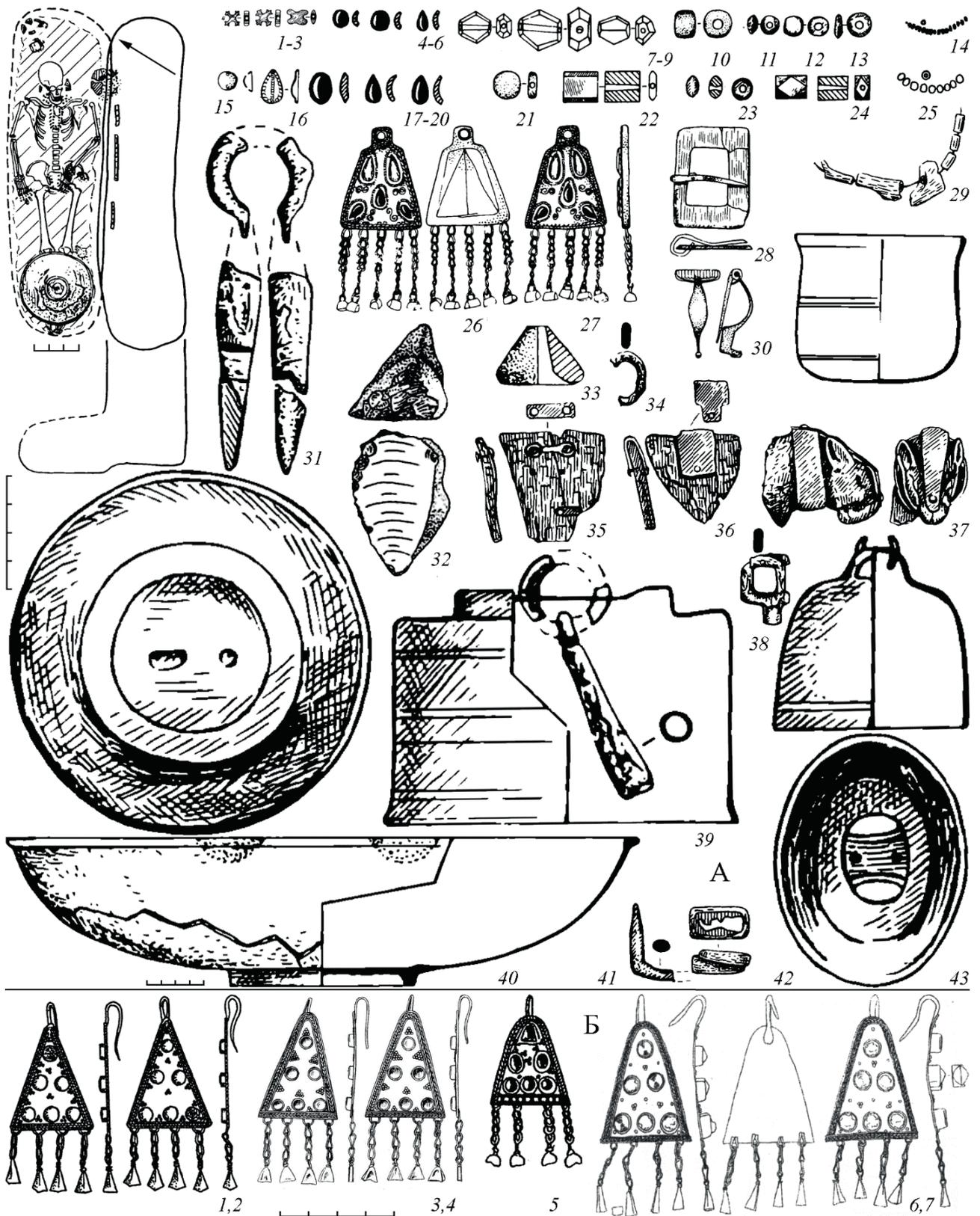

РИС. 8. А – Ново-Александровка, к. 20/п. 1 (Беспальный, 1990. Рис. 3, 4, 1–5, 32: Беспальный, Лукьяшко, 2018. Рис. 41, 14); Б – серьги стилистической группы с треугольной основой: 1, 2 – Красная Заря, ск. 22/п. 2 (Неневоля, Волошинов, 2001. Рис. 4, 6); 3, 4 – Нейзац, м. 275 (Храпунов, 2011. Рис. 48, 5, 6); 5 – Совхоз-10, м. 78 (Стржелецкий и др., 2003–2004. Табл. 12, 14); 6, 7 – Суворово, ск. 51/п. 2 (Зайцев, Мордвинцева, 2003. Рис. 3).

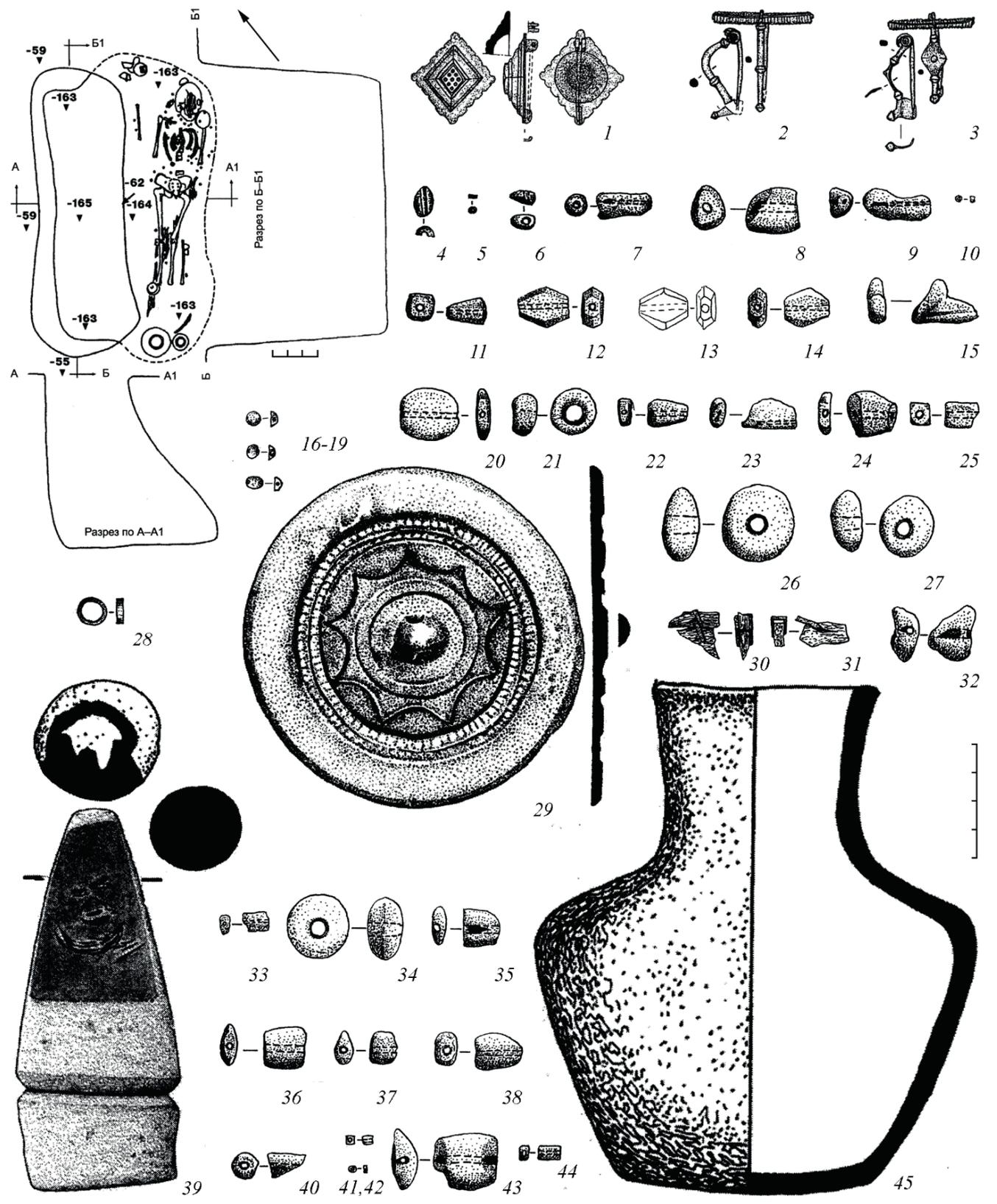

РИС. 9. Покровка-10, к. 24/п. 1 (Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 19, 157–159).

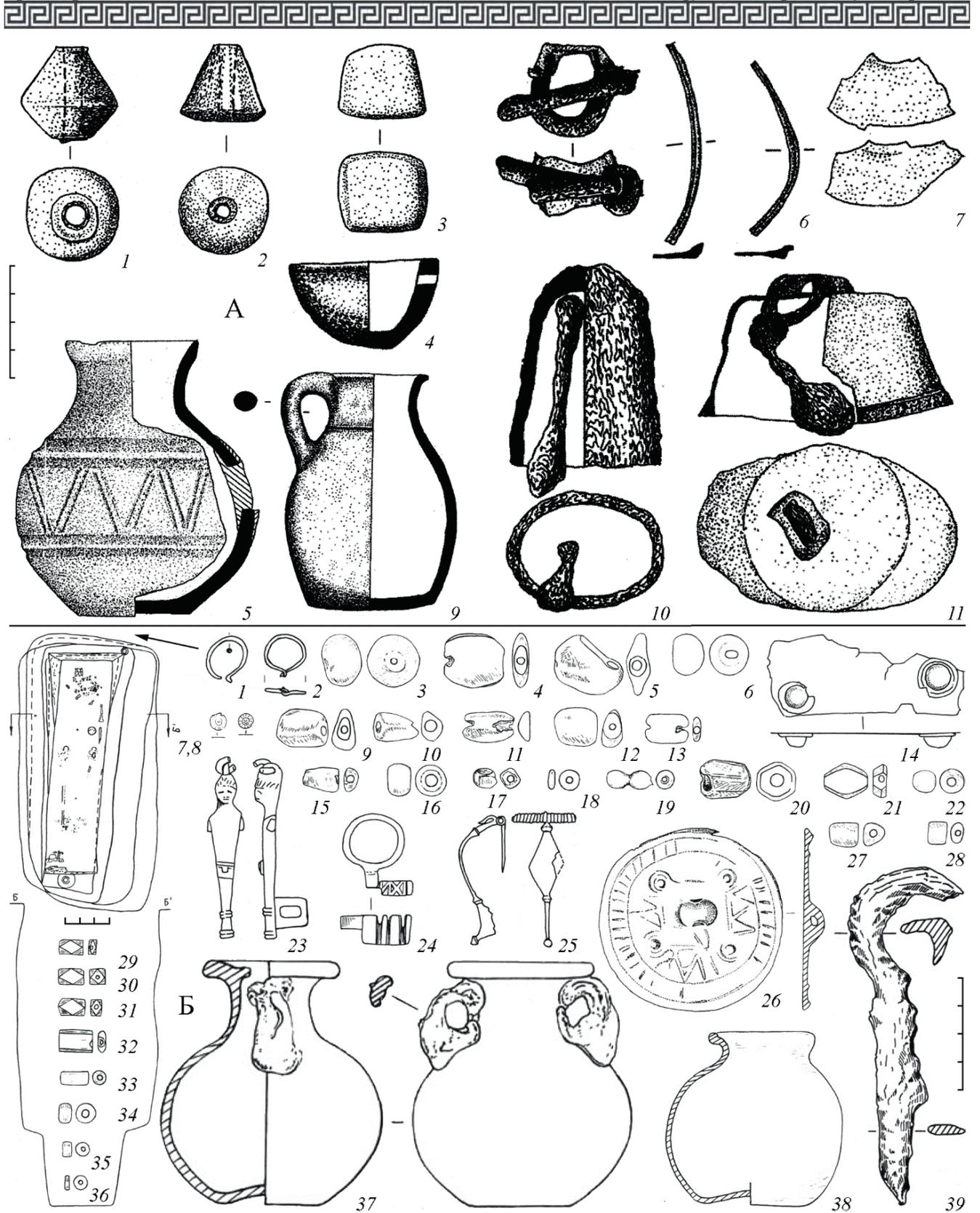

РИС. 10. А – Покровка-10, к. 24/п. 1 (продолжение); Б – Танаис, п. 34/1990 (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. Табл. 47, 574–603, 48, 604–608, 611–614).

ВСПОМНИМ О НИХ

ОТЕЦ (памяти В.Ф. Чеснока)

Чеснок Полина Валерьевна

Всю свою жизнь я регулярно встречаю упоминания в СМИ о папе. Там звучит то «легендарный», то «невероятный», и, прожив с ним почти 28 лет, я с ними соглашаюсь. Он страшно не любил все высокопарные слова в свой адрес и всегда называл себя простым человеком, но талант это не прятало. Каждого удивляло в нем что-то свое, например, энергичность и умение собирать талантливых людей, заразные идеи или умение создавать и созидать, то что большинству не пришло бы в голову.

Меня удивляло умение писать книги, с учетом того, что я очень редко заставляла его за этим занятием. Он всегда вставал в пять утра, всю жизнь даже при болезни. Брал ведро с саженцами, лопату, очки, телефон, блокнот и мчался в известном направлении. Иногда брал меня с собой. Уже в музее он находил свободное место и неистово втыкал новые деревья - вот секрет, почему Танаис такой зеленый сейчас. И потом весь день он ходил так быстро, что мне приходилось бежать за ним вприпрыжку. Он по дороге успевал сделать множество дел, дать сотрудникам задания, и, если были свободные руки, придумать им работу. Если потеряешь его из виду, то найти потом практически невозможно, потому что в том месте где его видели, его уже нет.

Книги же он писал в неизвестное мне время, может они сами к нему приходили и сами писались. Потому что такому обаятельному человеку невозможно было отказать. Я спрашивала – Па, как написать целую книгу? И он мне отвечал – Чадо чесночное, да просто садиться и писать.

Поняла я это выражение очень нескоро, но все-таки. Действительно – чтобы что-то сделать, нужно это делать. Начинать не сначала, а с маленького кусочка, с одной строчки. Отец говорил пиши дневник каждый день, твердил “ни дня без строчки”. И это правда работает, стоит только начать записывать идеи. Он держал у кровати листочек и ручку, чтобы можно было проснуться и сразу записать мысль, из любой мысли может получиться книга или статья. Поэтому не ленитесь – все нужно приписать бумаге.

Сейчас приехав в музей-заповедник Танаис сложно представить, что когда-то это было два небольших домика и голое поле. Сейчас там роща с деревьями, цветет сирень, множество сотрудников, несколько самих музеев, башня поэтов, городище, мост. И даже камушки в дорожке положены отцом.

Я задалась вопросом такой продуктивности несколько лет назад, когда за рабочий день не успевала помыть чашку в раковине. У меня родились такие выводы, с помощью воспоминаний его друзей и коллег.

Невероятное любопытство к жизни. Ему так было интересно буквально все – сажать деревья, говорить с людьми, делать каменные дорожки. Будучи зам директором и в преклонном возрасте, он придумывал себе занятия по хозяйству, мешал раствор и ремонтировал макет города своими руками. Делал это с великим удовольствием, трепетом к маленьким и большим делам, вниманием и уважением к деталям.

Говорил, что хочет задержать момент и повнимательнее его рассмотреть. Сейчас перебираю его дневники и там он пишет про все – про бабушек на рынке, про разговоры с детьми, про гостей нагрянувших в дом среди ночи, чтоб попить чай с Чесноком. И это любопытство чувствуется во всех его записях, в течении всей жизни.

Его коллега сказала мне – такие как Валерий Федорович рождаются раз в 500 лет, с ней я тоже согласна.

Педагогика занимала большую часть его работы, он пытался сделать музей интересным, историю захватывающей и познавательной. Отойти от стандартных экспозиций под стеклом и прийти к наглядности и толчку для фантазии.

Этих принципов придерживался и в воспитании своих детей. На экскурсиях срывал веточку и использовал ее, как волшебную палочку. Заряжал веточку в катапульту и предлагал детям выстрелить, указывал на надписи, высеченные в камне, предлагал перемолоть ее в ручной зернотерке. На амфорах вместе с экскурсантами искали надписи о ее происхождении, трогали стенки чтоб почувствовать остатки масла, прикладывали ухо к горлышку, чтобы услышать, о чем она расскажет. На городище, все той же веточкой вырисовывал в воздухе очертания оборонительных башен и стен.

Он ярко понимал необходимость истории для детей, потому что без прошлого нет будущего.

Такая наглядность делала свое дело. В взрослом возрасте при знакомстве, когда я говорила, что из Танаиса, часто получала в ответ рассказы о том какая у них была интересная экскурсия в пятом классе там. Под описание экскурсовода всегда попадал отец. Такое погружение почти невозможно было забыть, навсегда запомнилось, чем амфора отличалась от пифоса, а чем освещали помещения.

Так и дома со мной – он оставлял возможность пофантазировать, как бы подталкивая ее. Каждый вечер, предлагал рассказать мне сказку на любую тему, которую я придумаю: то про лампочку, то про собаку. Постепенно мы начинали оценивать на сколько ту или иную тему можно раскрыть, потом он предлагал мне, в процессе рассказа менять сюжет, когда захочется. Говорил, что мечтать, как зарядку, нужно каждый день.

Сейчас я чувствую эти плоды его воспитания и уроков фантазии. Где-то год назад сказал – «Смерть мне отчаянно интересна. Хочу посмотреть на себя, встать из гроба и сказать – «Все друзья, концерт окончен! Перерыв на обед!» и смеется. Так и ушел он в пять утра, в первый рабочий день после выходных, в своем кабинете в Танаисе. В окружении книг и своих архивов. И сейчас с коллегами и друзьями можем вспомнить только истории, которые заставляют нас улыбаться. И в последний мой разговор с ним он тоже улыбался.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКМ – Азовский краеведческий музей
 АМЗТ – Археологический музей-заповедник «Танаис»
 АН – Академия наук
 АО – Археологические открытия. М.
 ВООО – Волгоградская областная общественная организация
 ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ГБУК РО – Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
 ГИМ – Государственный Исторический музей
 ДА – Донская археология. Ростов н/Д
 ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
 ИА – Институт археологии
 ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
 КП – книга поступлений
 КСЭ – Крым в сарматскую эпоху. Симферополь
 Л. – Ленинград
 М. – Москва
 МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Нес-Циона
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
 МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д
 МИ КВАЭ - Материалы исследований Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск
 НАНУ – Национальная академия наук Украины
 НМУР – Национальный музей Удмуртской Республики
 НОА УИИЯЛ – научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы
 ОАК – Отчет археологической комиссии. Спб.
 ОАН – объект археологического наследия
 ОКН – объект культурного наследия
 ООО – общество с ограниченной ответственностью
 ПА – Поволжская археология. Казань
 ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск-Новосибирск
 ПНИАЛ УрГУ – проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория Уральского государственного университета
 ПФНИ – программа фундаментальных научных исследований
 РА – Российская археология. М.
 РАН – Российская Академия наук
 РГПИ – Ростовский государственный педагогический университет
 РГУ – Ростовский государственный университет
 РОМК – Ростовский областной музей краеведения
 РРО – Ростовское областное отделение
 РСМ – Раннеславянский мир. М. – Вологда
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СМИ - средства массовой информации
 СНК – Совет народных комиссаров
 Спб. – Санкт-Петербург
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР. М.
 ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
 УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
 УНЦ – Уфимский научный центр
 ФГАОУ ВО – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
 ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 ЮНЕСКО (англ. UNESCO, United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) - Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
 ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук
 ЮФУ – Южный Федеральный университет
 BAR – British Archaeological Reports. Oxford

Научное издание

ВЕСТНИК ТАНАИСА

ВЫПУСК 6

2024

Главный редактор – В.И. Перевозчиков
Заместитель главного редактора – И.В. Толочко
Технический редактор – Н.В. Заболотских
Перевод на английский – Н.А. Кикичева

За достоверность публикуемых данных и соблюдение авторских прав
ответственность несут авторы статей

Сдано в набор 14.10.2024 г. Подписано к печати 5.11.2024 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40. Тираж 500 экз.
Заказ № 550.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.
<http://altair-rostov.ru/>

Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Археологический музей-заповедник «Танаис»
346813, Ростовская область,
Мясниковский р-н, х. Недвиговка
Телефон (86349)2-04-08, 8(951)827-92-38
e-mail: museum_tanais@mail.ru